РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА,

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 7—8.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ 1905 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ" въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1905.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ (16-й годъ изданія).

Книги 7 и 8, іюль и августъ 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕИ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 7—8.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ 1905 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 годъ).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ“ въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1905.

Дозволено цензурою. Спб. 15 Іюля 1905 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О мѣрахъ, вызванныхъ перерывомъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

(Изъ „Правительственнаго Вѣстника", 1905 г., № 89).

По разсмотрѣніи Высочайше учрежденнымъ совѣщаніемъ министровъ и предсѣдателей департаментовъ Государственнаго Совѣта вопроса о мѣрахъ, вызываемыхъ перерывомъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, совѣщаніе полагало: въ виду послѣдовавшаго съ начала настоящаго года во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи прекращенія учебныхъ занятій и за невозможностью уже, по отзывамъ совѣтовъ сихъ заведеній, до конца текущаго полугодія возстановить правильное теченіе въ нихъ учебной жизни, испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе нижеслѣдующихъ мѣръ:

1) Не производя въ текущемъ учебномъ году въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, прекратившихъ занятія, переходныхъ экзаменовъ, оставить всѣхъ студентовъ на слѣдующій годъ на тѣхъ курсахъ, въ которыхъ они нынѣ числятся.

2) Состоящія при означенныхъ (п. 1) учебныхъ заведеніяхъ вспомогательныя для студентовъ учрежденія, какъ-то: общежитія, столовыя и т. п., на время прекращенія учебныхъ занятій закрыть.

3) Освободить учащихся въ заведеніяхъ, упомянутыхъ въ п. 1 сего заключенія, отъ взноса учебной платы за текущее учебное полугодіе а также поступившіе взносы возвратить или зачесть за предстоящее полугодіе.

4) Постановить, что тѣ пріостановившія ученіе высшія учебныя заведенія, въ коихъ не послѣдуетъ, съ наступленія осенняго полугодія, возстановленія занятій или по возобновленіи ихъ произойдетъ вновь сходное съ нынѣ имѣвшимъ мѣсто нарушеніе правильнаго ихъ теченія, подлежатъ немедленному закрытію распоряженіемъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ, въ коихъ заведенія эти сосредоточены, съ увольненіемъ профессорскаго персонала отъ занимаемыхъ онымъ въ учебныхъ заведеніяхъ должностей.

5) Предоставить главнымъ начальникамъ вѣдомствъ, въ коихъ сосредоточены высшія учебныя заведенія: а) приступить безотлагательно

къ выработкѣ условій, при которыхъ потерянное для ученія нынѣшнее весеннее полугодіе отразилось бы наименьшею затратою излишняго времени въ прохожденіи студентами дальнѣйшихъ курсовъ; б) составить предположеніе о мѣрахъ, могущихъ обезпечить доступъ въ высшія учебныя заведенія оканчивающимъ въ текущемъ году курсъ среднихъ учебныхъ заведеній молодымъ людямъ, кои пожелали бы, обычнымъ порядкомъ, поступить въ высшія заведенія, и в) войти въ соображеніе вопроса о допущеніи къ выпускнымъ экзаменамъ находящихся на послѣднихъ курсахъ студентовъ тамъ, гдѣ это, по ходу учебнаго дѣла, окажется возможнымъ, и о способахъ устройства сихъ экзаменовъ, а также другихъ, связанныхъ съ предположеніемъ этимъ, мѣрахъ.

Означенныя заключенія совѣщанія удостоились 16 апрѣля 1905 г. Высочайшаго утвержденія. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1905 г., № 5).

Объ измѣненіи статьи 4 правилъ о льготахъ по образованію для молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, объ измѣненіи статьи 4 правилъ о льготахъ по образованію для молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта (подписалъ) графъ **Сольскій**.

31-го января 1905 г.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

Выписано изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, государственной экономіи и промышленности, наукъ и торговли 29 ноября 1904 года и общаго собранія 10 января 1905 года.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, государственной экономіи и промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ измѣненіи статьи 4 правилъ о льготахъ по образованію для молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе подлежащихъ правилъ статьи 4 приложенія къ статьѣ 64 (прим. 2) устава о воинской повинности (свод. зак., т. IV, изд. 1897 г.) постановить:

„Молодымъ людямъ, учащимся въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ или окончившимъ въ нихъ курсъ не вслѣдствіе обязательнаго для ихъ отцовъ пребыванія за-границею, означенныя въ статьяхъ 1 и

2 сего приложенія отсрочки и льготы предоставляются, при соблюденіи указанныхъ въ сихъ статьяхъ, по принадлежности, условій, министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 5).

Объ опредѣленіи въ низшія ремесленныя учебныя школы врачей съ правами государственной службы. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 27 марта 1905 г., за № 2208).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 19-й день текущаго марта, Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить начальствамъ учебныхъ округовъ, въ видѣ временной мѣры, впредь до общаго преобразованія промышленныхъ училищъ, право опредѣлять въ низшія ремесленныя школы Имперіи врачей безъ жалованья, но съ правами государственной службы, присвоенными медицинскимъ чиновникамъ, и съ выдачею симъ врачамъ, гдѣ окажется возможнымъ, постояннаго или временнаго вознагражденія изъ спеціальныхъ средствъ тѣхъ школъ, при коихъ эти врачи будутъ состоять. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1905 г. № 5).

Объ измѣненіи правилъ о замѣщеніи должности законоучителя въ учительскихъ семинаріяхъ. (Предлож. отъ 29 марта—20 апрѣля 1905 г., за № 6857).

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Промышленности, Наукъ и Торговли и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія объ измѣненіи правилъ о замѣщеніи должности законоучителя въ учительскихъ семинаріяхъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: „законоучитель учительской семинаріи избирается директоромъ оной, по предварительному соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ изъ духовныхъ лицъ, получившихъ образованіе въ духовной академіи за отсутствіемъ же соотвѣтственныхъ кандидатовъ—изъ лицъ, окончившихъ курсъ духовной семинаріи по первому разряду.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта въ 14-й день сего марта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1905 г. № 5).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О ношеніи партикулярнаго платья воспитанниками среднихъ учебныхъ заведеній въ вакаціонное время заграницей. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 23 марта 1905 г., за № 6321).

Циркулярнымъ распоряженіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 12 сентября 1897 г., за № 24185, учебно-окружнымъ началь-

ствамъ было предложено озаботиться принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, отправляющіеся въ вакаціонное время за-границу, во время пребыванія тамъ носили исключительно партикулярное платье, какъ это установлено, напримѣръ, для пребыванія за границею военныхъ.

Означенное распоряженіе было вызвано нерѣдкими случаями появленія воспитанниковъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, во время пребыванія ихъ за границей, въ костюмахъ, представляющихъ сочетаніе форменнаго платья съ партикулярнымъ.

Нынѣ въ виду непрекращающихся случаевъ ношенія учениками за-границей несоотвѣтствующихъ костюмовъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія считаетъ нужнымъ подтвердить требованія вышеупомянутаго циркуляра. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1905 г. № 5).

Относительно производства въ августѣ испытаній лицъ домашняго образованія, кои не выдержали или не окончили ихъ въ маѣ. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 13 марта 1905 г., за № 7856).

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ слѣдующіе вопросы: 1) Могутъ ли лица домашняго образованія, не выдержавшія или не окончившія въ маѣ мѣсяцѣ установленныхъ для нихъ (циркуляромъ отъ 29 января 1897 г., за № 2517) испытаній, подвергаться въ августѣ того же года экзаменамъ изъ курса не тѣхъ же классовъ или слѣдующаго, а низшихъ, и 2) слѣдуетъ ли принимать мѣры, и какія именно, противъ обхода тѣми же посторонними лицами правила о недопущеніи повторенія лицами, экзаменовавшимися въ маѣ, означенныхъ повѣрочныхъ испытаній (изъ курса тѣхъ же классовъ) въ августѣ того же года.

По разсмотрѣніи сихъ вопросовъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія нашло, 1) что такъ какъ повѣрочныя испытанія должны производиться во всемъ согласно съ правилами, установленными для испытаній пріемныхъ (п. 2 циркуляра 29 января 1897 г., за № 2517), то испытательной коммиссіи, при производствѣ означенныхъ испытаній, надлежитъ, въ случаѣ неудовлетворительнаго результата испытанія, примѣнительно къ § 16 прав. объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, утвержденныхъ 12 марта 1891 г. опредѣлять, какому изъ низшихъ курсовъ соотвѣтствуютъ обнаруженныя даннымъ лицомъ познанія; при такихъ условіяхъ отпадаетъ и самый вопросъ о новомъ испытаніи въ августѣ для лицъ, не выдержавшихъ повѣрочнаго испытанія весною, и 2) что запрещеніе лицамъ, державшимъ повѣрочныя испытанія изъ курса извѣстныхъ классовъ въ маѣ, повторять таковыя испытанія въ августѣ того же года должно ограничить, примѣнительно къ § 7 правилъ 12 марта 1891 г., тѣмъ учебнымъ заведеніемъ, при которомъ данное лицо держало экзамены въ маѣ.

При этомъ считаю необходимымъ объяснить, что въ случаѣ признанія, на одномъ изъ послѣдующихъ испытаній, познаній экзаменующагося ниже тѣхъ, кои были обнаружены этимъ лицомъ на произведенномъ ранѣе испытаніи и значатся въ выданномъ ему свидѣтельствѣ,

послѣднее не замѣняется новымъ свидѣтельствомъ, а сохраняетъ силу и на будущее время.

Объ изложенномъ увѣдомляю Ваше Превосходительство для надлежащихъ распоряженій по ввѣренному Вамъ учебному округу. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1905 г. № 5).

Относительно предѣльнаго возраста для поступающихъ въ учительскіе институты и семинаріи. (Предлож. Мин. Нар Просв. отъ 7/15 апрѣля 1905 г., за № 7435).

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ вошелъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ увеличеніи установленнаго дѣйствующими распоряженіями предѣльнаго возраста для поступающихъ въ учительскіе институты и семинаріи.

Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Военное, съ которыми были сдѣланы сношенія по сему предмету, изъявили согласіе на принятіе въ учительскіе институты, семинаріи и школы, по усмотрѣнію подлежащихъ учебныхъ начальствъ, молодыхъ людей, кои достигли уже призывного возраста, но лишь не позднѣе 15-го августа года призыва.

Объ изложенномъ увѣдомляю Ваше Превосходительство для руководства по ввѣренному Вамъ учебному округу (ib).

ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ОТЪ 10 ІЮЛЯ 1892 Г., ЗА № 12376.

По случаю развившейся въ предѣлахъ Имперіи холерной эпидеміи могущей, на пути дальнѣйшаго своего распространенія, появиться и въ губерніяхъ, входящихъ въ районъ ввѣреннаго Вашему Сіятельству учебнаго округа, мною было предложено особому совѣщанію изъ компетентныхъ въ семъ дѣлѣ лицъ, обсудить тѣ предохранительныя мѣры, которыя слѣдуетъ немедленно принять противъ занесенія и распространенія эпидеміи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По всестороннемъ обсужденіи этого вопроса, совѣщаніе постановило предложить къ повсемѣстному руководству мѣры, изложенныя въ нижеслѣдующихъ пунктахъ:

1. Немедленно произвести тщательный осмотръ санитарнаго состоянія всѣхъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, поручивъ таковой осмотръ особой коммиссіи, состоящей изъ начальника даннаго учебнаго заведенія, врача и третьяго лица по выбору начальника заведенія.

2. Коммиссіи при осмотрѣ заведенія надлежитъ обратить вниманіе на ретирады, водосточныя трубы, помойныя ямы, баки для воды и помѣщенія для низшаго служебнаго персонала.

3. О результатахъ осмотра и сдѣланныхъ распоряженіяхъ составляется журналъ, по которому тотчасъ самой коммиссіей все приводится въ исполненіе и затѣмъ сообщается немедленно Попечителю учебнаго округа.

4. Съ началомъ занятій, врачи учебныхъ заведеній, особенно въ неблагонадежныхъ по холерѣ мѣстностяхъ, посѣщаютъ заведенія ежедневно, осматриваютъ кухни, гдѣ таковыя имѣются, спальни, помѣщенія для служителей, ретирады, провѣряютъ расписаніе блюдъ и тщательно слѣдятъ за здоровьемъ не только воспитанниковъ, но и всѣхъ служащихъ при заведеніи.

5. Начальнику учебнаго заведенія надлежитъ съ особою бдительностью слѣдить за свѣжестью и доброкачественностью провизіи и, въ неблагополучныхъ или сомнительныхъ по холерѣ мѣстностяхъ, непремѣнно принимать мѣры къ тому, чтобы воспитанники были обезпечены достаточнымъ количествомъ прокипяченной и охлажденной воды для питья; сырой же воды для питья въ означенныхъ мѣстностяхъ отнюдь не допускать.

6. Бѣлье воспитанниковъ до стирки надлежитъ кипятить въ продолженіе не менѣе часа. Равнымъ образомъ и для мытья посуды слѣдуетъ употреблять кипящую воду.

7. Въ мѣстностяхъ, пораженныхъ холерою, всѣмъ воспитанникамъ, живущимъ въ учебныхъ заведеніяхъ (интернатахъ), раздаются фланелевые набрюшники, для ношенія таковыхъ днемъ.

8. Въ мѣстахъ неблагополучныхъ и сомнительныхъ слѣдуетъ отпечатать общепонятное, обязательное наставленіе о мѣрахъ личнаго предохраненія отъ заболѣванія холерою и раздать его безплатно всѣмъ воспитанникамъ.

9. Въ случаѣ заболѣванія холерою воспитанника, живущаго въ заведеніи, если лазаретъ недостаточно изолированъ отъ жилыхъ и классныхъ помѣщеній, больного слѣдуетъ немедленно доставить въ домъ родителей или лицъ, ихъ замѣняющихъ, а за неимѣніемъ таковыхъ лицъ или несогласіемъ ихъ принять больного у себя, препроводить таковаго въ городскую лѣчебницу и произвести тщательную дезинфекцію помѣщеній, въ которыхъ находился заболѣвшій.

10. При всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обязательно, а въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ по возможности, намѣчается особая комната для первоначальнаго пособія и изоляціи внезапно заболѣвающихъ и для удостовѣренія свойства заболѣванія.

11. При всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ заводится небольшая аптечка по указаніямъ врача, съ письменнымъ наставленіемъ, когда какъ и какія средства принимать въ случаяхъ внезапнаго заболѣванія.

12. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ нѣтъ фельдшера, одинъ изъ служителей заведенія обучается врачемъ способамъ дезинфекціи, и на его обязанность возлагается производить таковую во всѣхъ нужныхъ случаяхъ подъ наблюденіемъ врача.

13. Для производства дезинфекціи слѣдуетъ принять къ руководству правила, выработанныя Медицинскимъ Совѣтомъ, опубликованныя въ № 117 „Правительственнаго Вѣстника" за 1892 г.

Означенныя правила должны быть отпечатаны въ управленіи учебнымъ округомъ и разосланы во всѣ учебныя заведенія.

14. Согласно вышеприведеннымъ правиламъ надлежитъ заблаго-

временно запастись дезинфекціонными средствами и необходимою посудою, по указанію врача.

Признавая, съ своей стороны, немедленное и повсемѣстное примѣненіе вышеизложенныхъ мѣръ безусловно необходимыхъ, въ видахъ огражденія учащихся отъ угрожающей опасности, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, сдѣлать зависящія распоряженія о безотлагательномъ введеніи изъясненныхъ мѣръ въ дѣйствіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго Вамъ учебнаго округа.

Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что въ случаѣ появленія и сильнаго развитія холерной эпидеміи въ гор. Москвѣ, необходимо отвести одну изъ имѣющихся въ распоряженіи Императорскаго Московскаго университета госпитальныхъ клиникъ подъ временное помѣщеніе для заболѣвающихъ холерою воспитанниковъ-интерновъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1905 г. № 5).

Относительно перемѣны учебниковъ. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 18 марта 1905 г., за № 5764).

Въ циркулярномъ предложеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія начальствамъ учебныхъ округовъ отъ 30 іюня 1891 г., за № 11723, Министерство, указывая на рядъ мѣръ, принимавшихся съ 1866 г. къ устраненію неудобствъ частой перемѣны учебниковъ, подтвердило къ точному и строгому соблюденію правила о томъ, чтобы никакой учебникъ не былъ замѣняемъ новымъ прежде истеченія двухъ лѣтъ и чтобы перемѣна учебниковъ производилась педагогическимъ совѣтомъ, а не отдѣльными преподавателями, и не иначе, какъ до наступленія лѣтнихъ каникулъ.

Несмотря на это, по имѣющимся въ Министерствѣ свѣдѣніямъ, вышеизложенное распоряженіе не всегда въ точности исполняется учебными заведеніями: нерѣдко перечень учебныхъ руководствъ и пособій, которыя вмѣняется учащимся немедленно пріобрѣсти на предстоящій учебный годъ, объявляется лишь послѣ начала ученія, при чемъ иногда въ книжныхъ магазинахъ не находится на-лицо требуемаго количества руководствъ, а нѣкоторыя изъ нихъ оказываются совершенно распроданными.

Принимая во вниманіе, что несвоевременное сообщеніе учащимся тѣхъ учебныхъ руководствъ и пособій, какія они должны пріобрѣсти на предстоящій учебный годъ, ставитъ въ затруднительное положеніе и учащихся и преподавателей, отражаясь даже на правильномъ ходѣ учебныхъ занятій, прошу Ваше Превосходительство вновь подтвердить гг. начальникамъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго Вамъ округа, чтобы передъ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ въ помѣщеніи учебныхъ заведеній вывѣшивались списки учебныхъ руководствъ и пособій, которыя должны быть пріобрѣтены учащимися на предстоящій учебный годъ. (ib).

Къ вопросу объ обязанностяхъ дежурящихъ ежедневно по классу воспитанниковъ и воспитанницъ. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 2 марта 1905 г., за № 4481).

По существующему въ нѣкоторыхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ порядку, къ обязанностямъ дежурящихъ ежедневно по классу воспитанниковъ и воспитанницъ относится, между прочимъ, заботиться о чистотѣ воздуха въ классныхъ комнатахъ, для чего эти дежурные, въ промежутки между уроками и особенно во время такъ называемой „большой перемѣны“, должны открывать окна и форточки и затѣмъ становиться на все это время у открытыхъ дверей классовъ, чтобы воспрепятствовать допуску туда другихъ учениковъ.

Такія обязанности являются нерѣдко вредными для здоровья дежурныхъ, особенно въ холодное зимнее и сырое весеннее время, такъ какъ служатъ причиной простудныхъ заболѣваній.

Въ цѣляхъ устраненія этихъ нежелательныхъ явленій, прошу Ваше Превосходительство преподать начальствамъ подлежащихъ учебныхъ заведеній нижеслѣдующія правила къ руководству и исполненію:

1) Обязанность открывать въ классахъ окна и форточки надлежитъ возлагать повсемѣстно на училищныхъ сторожей, которые какъ передъ началомъ учебныхъ занятій, такъ равно и въ промежутки между уроками должны, обходя классы, открывать (послѣ каждаго урока) и закрывать (передъ каждымъ урокомъ) форточки.

2) Вмѣнить школьнымъ сторожамъ въ обязанность, по открытіи въ классахъ оконъ и форточекъ, запирать классныя помѣщенія на ключъ на все время, пока таковыя вентилируются. (ib.)

По вопросу о производствѣ выпускныхъ и окончательныхъ испытаній учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ. (Отъ 21-го апрѣля 1905 г. за № 6130).

Въ практикѣ выпускныхъ и окончательныхъ испытаній учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ, а равно и постороннихъ лицъ, нерѣдко встрѣчаются случаи, не предусмотрѣнные правилами, но тѣмъ не менѣе, требующіе внимательнаго и бережнаго отношенія со стороны экзаменующихъ коммиссій, таковы: внезапное заболѣваніе, острое переутомленіе, тяжелое стеченіе домашнихъ обстоятельствъ, иногда—чрезмѣрное душевное волненіе и растерянность въ непривычной обстановкѣ. Въ такихъ случаяхъ экзаменаціонныя коммиссіи, строго придерживаясь дѣйствующихъ правилъ объ испытаніяхъ, нерѣдко бываютъ поставлены въ тяжелое положеніе, особенно, когда неудачный исходъ того или другого экзамена явно не согласуется со всѣмъ ходомъ испытаній или съ годовой успѣшностью ученика.

При наличіи особенно уважительныхъ причинъ педагогическіе совѣты обращаются къ высшему начальству съ ходатайствами о льготахъ, чаще всего о разрѣшеніи повторныхъ или дополнительныхъ экзаменовъ послѣ каникулъ. Между тѣмъ, во многихъ случаяхъ, когда причиной пропуска экзамена или неудачнаго его исхода является за-

болѣваніе, или переутомленіе, или состояніе остраго нервнаго разстройства, возможно было бы и не откладывать экзамена до осени, чтобы не лишать экзаменующагося, безъ крайней необходимости, лѣтняго отдыха. Считаю необходимымъ выяснить, что случаи, подобные вышеприведеннымъ, не только даютъ экзаменаціоннымъ коммиссіямъ и педагогическимъ совѣтамъ право, но налагаютъ на нихъ нравственную обязанность дать экзаменующемуся возможность оправиться, отдохнуть, собраться съ силами, чтобы онъ могъ спокойно и съ полнымъ самообладаніемъ выказать всѣ свои познанія: необходимо имѣть въ виду, что, согласно правиламъ, окончательное испытаніе не есть испытаніе въ памяти, а въ способности къ мышленію, и что слѣдуетъ требовать знанія лишь существенно важнаго въ каждомъ предметѣ, а не отдѣльныхъ подробностей; не должно останавливать экзаменаціонныя коммиссіи и то обстоятельство, что, быть можетъ, тому или другому лицу изъ числа экзаменующихся придется назначить отдѣльно письменный или устный экзаменъ; въ исключительныхъ случаяхъ такая мѣра можетъ оказаться совершенно необходимой.

Окончательная оцѣнка познаній экзаменующихся и по буквальному смыслу правилъ, и по существу дѣла принадлежитъ педагогическимъ совѣтамъ, которые, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ всесторонняго обсужденія учебно-воспитательныхъ вопросовъ, должны принимать во вниманіе, примѣнительно къ каждому отдѣльному лицу, всѣ условія и обстоятельства дѣла. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 5).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Билибинъ, Н.* Учебникъ алгебры. Изданіе 4-е, изд. И. И. Билибина. С.-Пб. 1905. Стр. VI+502. Цѣна 2 р.“

— „*Елпатьевскій, К.* Учебникъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 9-е изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. VI+486. Цѣна 1 р. 40 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „*Словцовъ, И.* Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. 4-е изданіе. М. 1905. Стр. IV+87. Цѣна 60 коп.“ (для VI класса реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы цѣна книги была понижена до 50 коп.).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для средихъ учебныхъ заведеній:

— „*Липскій, Н.* Психологическія основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ до-школьный періодъ. Нѣжинъ. 1905. Стр. III+191+IV. Цѣна 80 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „Пластическія картины птицъ, изготовляемыя въ мастерской Л. Н. Гельгаръ, Москва.“

— „*Stein, Eugenie.* A. First English Reader. Part II. St.-Pbg. 1905. Стр. VII+271. Цѣна безъ перепл. 1 р.“

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній [1]):

* „*Бѣлицъ-Гейманъ, С. А.* Береженаго Богъ бережетъ. Что такое холера и какъ отъ нея уберечься. (Таблица). М. 1905. Цѣна 5 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

* „*Гриммъ*, бр. Сказки, пересказанныя дядею Павломъ. 2-е изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1905. Стр. 405. Цѣна въ папкѣ 2 р.“ (для млад, шаго возраста).

* „*Джеромъ К. Джеромъ.* 1) За чашкой чая. Переводъ съ англ. *Н. d'Андре.* Изданіе М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 95. Цѣна 40 коп.— 2) Пестрые эскизы. (Sketscher in Lavender blue and green). Переводъ съ англ. *Н. д'А.* подъ ред. *В. Львовича.* Изд. 2-е М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 319. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Диккенсъ, Чарльзъ.* Жизнь и приключенія Николая Никкльби. Переводъ *М. А. Шишмаревой.* С.-Пб. 1904. Стр. 1030+IV. Цѣна 1 р. 20 к.“

* „*Игнатьевъ, Н.* Колумбово яйцо. Физика въ опытахъ. Сборникъ научныхъ развлеченій. Изд. ред. журн. „Всходы“. С.-Пб. 1904. стр. 198. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

* „*Калабуховъ, Н. Г.* и *Н. І. Яблонскій.* Страна тепла и солнца. Сочи, Туапсе, Гагры и Сухумъ. Въ климатическомъ, климато-лечебномъ и охотничьемъ отношеніяхъ. Изданіе журнала „Охотничій вѣстникъ“. М. 1904. Стр. 212. Цѣна 1 р.“

* „*Макарова, Софія.* Повѣсти изъ русскаго быта. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. 57+42+55+40+63+48. Цѣна 1 р., въ коленк. перепл. 1 р. 75 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ).

— „*Маракуевъ, Н. Н.* Элементарная алгебра. Томъ I. Теорія. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1903. Стр. VI+956. Цѣна 6 р.—Томъ II. Задачи. М. 1903. Стр. VII+855. Цѣна 6 р.“

— „*Мусиновичъ, Александръ.* Методика преподаванія новыхъ иностранныхъ языковъ. Изданіе Н. Кимеля. Рига. 1903. Стр. IV+58. Цѣна 60 коп.“ (для VIII классовъ женскихъ гимназій).

* „*Рихарцъ, Ф.* Новѣйшіе успѣхи въ области электричества. Переводъ *А. Л. Шутинскаго,* подъ ред. *Б. П. Вейнберга.* Изданіе Вл. Распопова. Одесса. 1905. Стр. 3+127. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Саратъ Чандра Дасъ.* Путешествіе въ Тибетъ. Переводъ съ англ., подъ ред. *Вл. Котвича.* Изданіе А. Ильина. С.-Пб. 1904. Стр. XLIV+356. Цѣна 4 р.“ (для старшаго возраста).

---

[1]) Книги, отмѣченныя знакомъ *, допущены также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

* „*Скоттъ, Вальтеръ.* Айвенго. Полный переводъ: Изданіе 3-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1905. Стр. XXIV+480. Цѣна 1 р. 50 коп.“

* „*Скоттъ, Вальтеръ.* Кенильвортъ. Полный переводъ. Изданіе 2-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. XVI+480. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

* „Современная Россія въ портретахъ и біографіяхъ выдающихся дѣятелей. С.-Пб 1903. Стр. 196. Цѣна не обозначена“ (для старшаго возраста).

* „*Яблонскій, Е. I.* По тайгѣ. Очерки и разсказы. Изданіе журн. „Охотничій вѣстникъ“. М. 1904. Томъ I. Стр. 320. Цѣна 1 р. 25 коп.— Томъ II. Стр. 368. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

— *Преображенскій, А.* Краткая русская грамматика. Часть I. Этимологія. Изданіе 16-ое, В. Думнова. М. 1904. Стр. VI+116. Цѣна 60 коп.“ (съ тѣмъ, что если при слѣдующемъ изданіи авторомъ не будутъ приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета, а равно не будетъ понижена цѣна книги, то послѣдняя **будетъ изъята** изъ употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ).

— „*Шмейль, Отто.* Человѣкъ, животныя и растенія. Начальное природовѣдѣніе. Переводъ съ нѣм. *С. Порѣцкаго.* Вып. 2-й. Растенія. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества). М. 1905. Стр. 215. Цѣна 90 коп., въ папкѣ 1 р. 10 коп.“ (для реальныхъ училищъ а также для городскихъ по Положенію 31-го мая 1872 г. училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи былъ расширенъ отдѣлъ анатоміи и физіологіи растеній).

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Гауфъ, Вильгельмъ.* Дѣтскія сказки. Переводъ съ нѣм. *М. И. Ступинской.* Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 125. Цѣна въ папкѣ 60 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Брошюру: „О сохраненіи тѣлеснаго здоровья и о куреніи табаку. Вятка. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги.

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Агаѳодоръ*, епископъ. Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Изд. 28-е. Ставрополь-Кавк. 1905. Стр. 128. Цѣна 20 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Темномѣровъ, Аполлоній.* О вѣрѣ и жизни христіанской. Изд. 3-е. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 5 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена, согласно замѣчаніямъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ).

б) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній [1]).

— „*Андерсенъ, Г.* Дюймовочка. Сказка. Изд. М. В. Клюкина. (Бибілотека сказокъ). М. 1905. Стр. 30. Цѣна 5 коп."

— „*Викеласъ.* Отецъ Наркиссосъ. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина (Добрыя души). М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Бичеръ-Стоу.* Хижина дяди Тома. Романъ въ 2 частяхъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 439. Цѣна 40 коп."

— „*Гриммъ*, бр. Дѣдушкины сказки. Переводъ подъ ред. А. А *Терешкевича.* Изд. 2-е. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 91. Цѣна 35 коп."

— „*Данилинъ*, И. Наслоенія. Разсказъ. Изд. Вятскаго т-ва. № 1. Вятка. 1903. Стр. 47. Цѣна 6 коп."

— „*Джемиссонъ.* „Безродный мальчикъ". Переводъ съ англ. *А. Н Рождественской.* Изд. ред. журн. „Свѣтлячокъ", „Путеводный огонекъ" „Дѣло и потѣха". М. 1905. Стр. 246. Цѣна 60 коп."

— „*Киплингъ, Р.* Въ джунгляхъ. (Человѣкъ-волкъ). Разсказы изъ „Книги дебрей". Переводъ съ англ. *А Рѣпиной* подъ ред. *М. Васильева.* Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Кн. I. Стр. 104. Цѣна 25 коп.—Кн. II. Стр. 104. Цѣна 25 коп.—Кн. III. Стр. 74. Цѣна 20 коп."

— „*Лебедкина, М. М.* и *Н. В. Пуцило.* Первая травка. Сборникъ для дѣтей младшаго возраста. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 173. Цѣна 80 коп."

— „*Лемерсьс, Морисъ.* Третій. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 15. Цѣна 4 коп."

— „*Любичъ-Кошуровъ, І.* А. Маленькій лѣнтяй. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 23. Цѣна 5 коп."

— „*Любичъ-Кошуровъ, І. А.* Примѣрная мать. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 30. Цѣна 10 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Живая вода. Разсказы. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе" (Библіотека для семьи и школы). М. 1905. Стр. 165. Цѣна 50 коп."

---

[1]) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Поръцкій, С. А.* Дары моря. Откуда добываютъ жемчугъ, кораллы, перламутръ и губки. (Общедост. библіотечка Горбунова-Посадова Вып. 4-й). М. 1905. Стр. 34. Цѣна 8 коп."

— „*Св. Андрей Критскій.* Великій канонъ. Переведенный на русскій языкъ М. И. *Богословскимъ.* Изд. 2-е. А. С. Панафидиной. М. 1904. Стр. 63. Цѣна 20 коп."

— „Семья и школа. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей. Редакторъ-издатель *Вл. Львовъ.* Москва. Подписная цѣна въ годъ 2 руб. 50 коп. съ доставкой и пересылкой" (по предварительной подпискѣ).

— „*Смирнова, А. А.* На пути къ добру. Повѣсти и разсказы. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія"). М. 1902. Стр. 212. Цѣна 75 коп."

— „*Соболевъ, В.* Завоеваніе Сибири. Историческій очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. (Историческая библіотека). М. 1905. Стр. 63. Цѣна 15 коп.

— „*Стороженко, О.* Не въ добрый часъ. Разсказъ. Переводъ съ малоросс. *Н. Перелыгина.* Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Тургеневъ, Н. А.* I. Какъ въ деревнѣ Шихановѣ устроилась артель. II. Какъ крестьяне основали общество потребителей. Разсказы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 32."

— „Успенскій Трифоновъ монастырь въ гор. Вяткѣ. Изд. Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря. Вятка. 1905. Стр. 35. Цѣна 12 коп."

— „*Черскій. Л.* Первый партизанъ. Разсказъ изъ 1812 года. Изд. М. В. Клюкина. (Историческая библіотека). М. 1905. Стр. 24. Цѣна 6 коп."

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки [1]):

— „*Алексѣевъ, В. П.* Русская исторія въ разсказахъ для школъ и народа. М. 1905. Кн. VII. Татарское владычество. Сергій преподобный Димитрій Донской. Стр. 47. Цѣна 10 коп.—Кн. VIII. Москва. Первые Московскіе князья. Стр. 36. Цѣна 8 коп."

— „*Веселовская, Н. Б.* Курды. (Природа и люди Россіи. Общедост. книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго*). Изд. С. Курнинъ и К°. М. Стр. 49. Цѣна 10 коп.

— „*Волковъ, Н.* Краткія свѣдѣнія объ Императорскомъ Человѣколюбивомъ обществѣ. Владикавказъ. 1905. Стр. 12. Цѣна 7 коп."

— „*Гебгардтъ.* „Послѣдняя ночь Іуды". Разсказъ Изд. Вятскаго т-ва. № 27. 1904. Стр. 16. Цѣна 2 коп."

— „*Ельманова, Е.* Мой цвѣтникъ. (Общедост. библіотека Горбунова-Посадова. Вып. 2-й). М. 1905. Стр. 67. Цѣна 15 коп."

— „*Ельманова, Е.* Наши комнатныя растенія. (Общедост. библіотечка Гобунова-Посадова. Вып. 1-й). М. 1905. Стр. 40. Цѣна 10 коп."

— „ *Граудинъ, Ф.* Устраненіе дальноземелья и черезполосицы,

---

[1]) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

какъ испытанное средство къ основательному и быстрому улучшенію крестьянскаго хозяйства. Изд. К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека. Отдѣлъ полеводства и луговодства). М. 1904. Стр. 48. Цѣна 8 коп."

— „*Жеребцова, М. Ф.* Роковая рюмка водки. Разсказъ о гибельномъ вліяніи пьянства. М. М. Бабенко. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Засодимскій, П.* Въ метель и вьюгу. Святочный разсказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 39. Цѣна 15 коп."

— „*Золя, Э.* Штурмъ мельницы. Перев. съ франц. *В. М.* Изд. Л. А. Мукосѣева. №-2й. Нижній-Новгородъ. 1904. Стр. 44. Цѣна 10 коп."

— „*Ильинъ, Алексѣй.* Іезуиты и ихъ вліяніе на исторію человѣчества (Истор. Коммиссія учебн. отд. общ. распростр. техн. знаній). Изд. И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 78. Цѣна 30 коп."

— „*Каменоградскій, П. И.* Комнатная выгонка ландышей и луковичныхъ растеній. Изд. 2-е, испр. и доп., П. П. Сойкина. (Сельско-хозяйственная библіотека). С.-Пб. 1903 Стр. 58. Цѣна 50 коп."

— „*Кичуновъ, Н. И.* Цвѣтики и партеры. Устройство ковровыхъ клумбъ, рабатокъ, арабесокъ, цвѣточныхъ и лиственныхъ группъ. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 170. Цѣна 1 руб. 75 коп.

— *Клейнъ, Карлъ.* Подъ громомъ пушекъ. Разсказы и воспоминанія, изъ франко-прусской войны 1870 г. Переводъ съ нѣм. *С. А. Порѣцкаго.* (Библіотека для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*) М. 1902. Стр. 150+II. Цѣна 80 коп."

— „*Костычевъ, П.* О борьбѣ съ засухами посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ снѣга. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Кн. 51-я). Изд. 3-е М. 1905. Стр. 80. Цѣна 25 коп."

— „*Лангстротъ, Л. Л.* Пчела и улей. Пересм., доп. и перевед. на франц. языкъ Ш. *Даданъ.* Переводъ подъ ред. *Г. П. Кондратьева.* 3-е изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1902. Стр. XXVIII+488. Цѣна 2 руб. 50 коп."

— „Очеркъ дѣятельности Тверского губернскаго земства по содѣйствію развитію экономическаго благосостоянія населенія. 1866—1903 г. М. 1904. Стр. 97. Цѣна 50 коп."

— „*Пирожкова.* О кормленіи дѣтей. (Общедоступная бесѣда для народа). Изд. т-ва И. Д. Сытина. № 3. М. 1904. Стр. 32."

— „*Пирожкова.* О новорожденномъ ребенкѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Общедост. бесѣда для народа). № 2. М. 1905. Стр. 31. Цѣна 1 $^1/_2$ коп."

— „*Погорѣловъ, А.* Одинокій скиталецъ. (Изъ записной книжки). Изд. Вятскаго т-ва. № 10. 1903. Стр. 16. Цѣна 2 коп."

— „Портреты, изд. ред. жур. „Дѣтское чтеніе": В. Г. Бѣлинскаго, А. С. Грибоѣдова, Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова, А. Н. Плещеева, М. П. Погодина, И. З. Сурикова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Т. Г. Шевченко. Ѳ. П. Гааза, Іоанна Гуттенберга, Фридриха Фребеля, П. И. Чайковскаго."

— „*Пушкинъ, А. С.* Сочиненія. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Изд. 4-е, подъ ред. *П. В. Смирновскаго.* А. С. Панафидиной. М. 1904. Столбцовъ XII+XLVIII+1210+180. Цѣна 1 руб. 50 коп."

— „*Сниткинъ, М. П.* Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Изд. 2-е, испр. и доп., Н. Д. Тяпкина. С.-Пб. 1892. Стр. 392+IV+4. Цѣна 2 руб."

— „Солдатская библіотека. Изд. В. А. Березовскаго. 15 й комплектъ №№ 285—300. С.-Пб. 1903—1904. Цѣна книжки отъ 3 до 15 коп.“

— „*Фибихъ, Клара.* Ради хлѣба насущнаго. Романъ. Переводъ съ нѣм. *В. Кошевичъ.* Изд. „Посредника“. CXX. М. 1905. Стр. 447. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Хатунскій. С.* Деревенскій случай. Разсказъ. Изд. С. Курнинъ и К°. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 2 коп.“

— „*Хатунскій, С.* Лихоимство. Разсказъ. Изд. С. Курнинъ и К°. М 1904. Стр. 31. Цѣна 2 коп.“

— „*Хатунскій, С.* Пьяная совѣсть. Разсказъ. Изд. С. Курнинъ и К°. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 2 коп.

— „*Цезаревскій. П. В.* Одинъ изъ великихъ смолянъ Михаилъ Ивановичъ Глинка. 1804—1905. Изд. Смоленскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Смоленскъ. 1905. Стр. 31.“

— „*Цесельскій, Т.* Пчеловодство или доходное пасѣчное хозяйство. Ч. II. Пасѣка и уходъ за нею. Перевелъ съ польскаго *С. Й. Скржинскій.* Изд. С. К. Красноперова. Вятка. 1903. Стр. V+346. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Штейнбергъ, П. Н.* Справочная садовая книга. Пособіе для любителей садоводства, огородничества и комнатной культуры растеній. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 324+VII. Цѣна 1 руб. 25 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Темномѣровъ, Аполлоній.* Молитвы, священная исторія и богослуженіе православной церкви. Изд. 3-е. С.-Пб. 1904. Стр. 160. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ).

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— „Книгу: *Лебедкина, М. М.* и *Н. В. Пуцило.* Пчелка. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 262. Цѣна 1 руб. 25 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу профессора *Оста:* „Учебникъ химической технологіи. Съ 4-го нѣмецкаго изданія. Переводъ подъ редакціей проф. *Тимофѣева.*

Москва. 1903 г.", — одобрить какъ для основныхъ, такъ и для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

— Книгу *Б. Угримова*, подъ заглавіемъ: „Техника сильныхъ токовъ Часть I. Постоянный токъ. Москва. 1904 г.", — допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ тѣ изъ техническихъ училищъ, въ курсъ коихъ входитъ преподаваніе электротехники.

— Книги, подъ заглавіемъ: „Промышленность и техника. Вып. I—V. Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. Проф. *М. Гари*, *Г. Гехта*, *Э. Крамера* и *Лассаръ-Кона*. Полный переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія, подъ ред. *В. В. Эвальда* и *А. А. Байкова*", — допустить въ основныя и ученическія библіотеки техническихъ училищъ.

— Книгу *Е. Чижова*: „Стекло. Разсказы про старое и новое время. Москва. 1904 г. Цѣна 25 коп.", — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *Меркера*, въ обработкѣ *К. Шиллинга*, подъ заглавіемъ: „Руководство по винокуренію. Съ 230 рис. и 4 табл. Изд. *Н. Киммеля*. Рига. 1904 г. Цѣна 10 р.", — допустить въ библіотеки техническихъ училищъ, но подъ условіемъ пониженія весьма высокой цѣны ея.

— Книгу *М. А. Орлова*: „Какъ добывается крахмалъ. Съ 8 рис. С.-Пб. Цѣна 15 к.",—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ промышленныхъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру *А. Фаулера*: „Какъ сдѣлать телескопъ и какъ имъ пользоваться. Перев. со 2-го англ. изд. *С. Займовскаго*. С.-Пб. 1904 г. Цѣна 60 к.", — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ промышленныхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ проходится физика.

— Книги: 1) *А. Ф. Папенгутъ*: „Деревянные дома-дачи. Изд. второе С.-Пб. 1904 г."; 2) *А. Ф. Папенгутъ*. „Отхожія мѣста, выгребныя ямы, земляные и водяные клозеты. С.-Пб. 1904 г."; 3) *А. Ф. Папенгутъ:* „Кровельные матеріалы. С.-Пб. 1905 г."; 4) *Е. Віоле-ле-Дюкъ*. „Объ украшеніи зданій. Перев. съ французскаго изданія подъ редакціей *Н. Н. Спиридонова*. Изданіе второе. С.-Пб. 1904 г."; 5) *А. Лейвандъ*. „Какъ самому строить небольшіе дома. М. 1905 г."; 6) *П. А. Федоровъ*. „Каменная кладка. С.-Пб. 1904 г."; 7) *П. А. Федоровъ*. „Устройство дачныхъ ледниковъ. С.-Пб. 1904 г." и 8) *П. А. Федоровъ*. „Асфальтовыя работы. С.-Пб. 1905 г.", — допустить въ библіотеки: первыя пять книгъ — техническихъ училищъ и послѣднія три—ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру технолога *П. А. Федорова*: „Шорно-сѣдельное ремесло. Съ 21 рис. С.-Пб. 1904 г.", — допустить въ библіотеки тѣхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній и ремесленныхъ отдѣленій при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается шорное ремесло.

— Книгу *М. А. Дернова*: „Пчеловодныя принадлежности. С.-Пб. 1904 г.", — одобрить для библіотекъ тѣхъ промышленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ коихъ преподается сельское хозяйство.

— Книгу *И. Я. Чулкова*: „Полный наглядный курсъ двойной бухгалтеріи. Руководство для самостоятельнаго (заочнаго) изученія бух-

галтеріи. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.",—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для тѣхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается бухгалтерія и счетоводство, но при условіи, чтобы 1) было совершенно изъято предисловіе изъ книги, и 2) была перепечатана обложка, съ исключеніемъ слова „заочнаго",

— Брошюру инженера *Л. Лейхмана*: „Окраска кожи. Москва. Цѣна 5 к."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для кожевенныхъ школъ и допустить въ библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и ремесленныхъ отдѣленій при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюры *М. И. Бѣлавенца*: 1) „Нажимный способъ формированія сырца для строительнаго кирпича. Съ 53 рис. 1904 г. Цѣна 20 к.", 2) „Чикмарный способъ формированія сырца для строительнаго кирпича. Съ 45 рис. 1904 г. Цѣна 20 к.", 3) „Подпятный способъ формированія сырца для строительнаго кирпича. Съ 56 рис. 1904 г. Цѣна 20 коп.", 4) „Ручной способъ формированія сырца для строительнаго кирпича Съ 78 рис.", 5) „Три способа сушки сырца безъ большихъ затратъ. Съ 62 рис. 1904 г. Цѣна 30 к." и 6) „Кирпичедѣлательныя машины „Геркулесъ" и „Эврика" и ихъ дѣйствіе въ сравненіи съ ручной выдѣлкой сырца кирпича. Съ 25 рис. 1904 г. Цѣна 50 к.", — допустить въ библіотеки школъ ремесленныхъ учениковъ и низшихъ ремесленныхъ школъ.

— Книгу доктора *К. Эльбса*: „Руководство къ электротехническому приготовленію химическихъ препаратовъ. Съ 8 рис. Подъ редакціей проф. *В. А. Гемиліана*, переводъ съ нѣмецкаго *М. И. Кузнецова*. Изд. *К. Казначеева*. М. 1904 г. Цѣна 1 р. 20 к.", — допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ и низшихъ химикотехническихъ училищъ.

— Книгу проф. *Я. Я. Никитинскаго*: „Денатуированный спиртъ и его примѣненія. Съ политипажами въ текстѣ. Москва. 1905 г. Цѣна 2 р." — допустить въ основныя библіотеки техническихъ училищъ, но лишь подъ условіемъ значительнаго пониженія цѣны ея, примѣрно до 75 к. за экземпляръ.

— Сочиненіе *Г. Шульгина*, подъ заглавіемъ: „Записки по плоской тригонометріи. Курсъ старшаго общаго класса морского кадетскаго корпуса. Изд. 3-е (литографированное). С.-Пб. 1902 г.", — допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, въ основныя библіотеки среднихъ техническихъ училищъ.

— Книгу *Н. Радошнова*: „Огородъ. Руководство къ правильному его устройству и доходному веденію. Часть І. Общее огородничество. 2-е изданіе. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 30 к.", — допустить въ сельскохозяйственно-техническія учебныя заведенія, а равно въ библіотеки тѣхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, при коихъ существуютъ сельскохозяйственныя отдѣленія.

— Журналъ, издаваемый *Н. Г. Волковымъ*, „Электротехникъ", за 1903 г.", — допустить въ ученическія и основныя библіотеки среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, а равно въ основныя библіотеки ремесленныхъ училищъ.

РАСПОРЯЖЕНІЕ Г. МИНИСТРА.

Г. министромъ народнаго просвѣщенія книга *А. А. Радонежскаго*, подъ заглавіемъ: „Родина. Сборникъ для классного чтенія (курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ). Въ трехъ частяхъ. Изданіе восемнадцатое, исправленное и дополненное. Съ 114 рисунками. С.-Пб. 1903. Стр. 320. Цѣна 75 к." въ отмѣну опредѣленія ученаго комитета отъ 5-го іюня 1903 года о сей книгѣ, рекомендована отъ имени министерства народнаго просвѣщенія, въ означенномъ изданіи, къ употребленію въ качествѣ пособія для приготовительнаго и первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ и народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы авторомъ при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета по сему изданію.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ приступило къ печатанію вообще перваго и полнаго собранія сочиненій, съ приложеніемъ біографическаго очерка, — извѣстнаго сотрудника Императрицы Екатерины II-ой, публициста, журналиста и этнографа XVIII-го столѣтія М. Д. Чулкова. Приготовленіе къ печати сочиненій Чулкова и библіографическихъ и объяснительныхъ къ нимъ примѣчаній поручено П. К. Симони.

Посему отдѣленіе обращается къ потомкамъ и ближайшимъ родственникамъ покойнаго писателя Чулкова, а также ко всѣмъ лицамъ, владѣющимъ какими-либо свѣдѣніями, документами и всякаго рода бумагами, а также экземплярами [1]) старинныхъ изданій разныхъ статей и сочиненій Чулкова,—съ покорнѣйшею просьбою не отказать внести свои вклады въ настоящее академическое изданіе сочиненій Чулкова сообщеніемъ имѣющихся у нихъ свѣдѣній о жизни Чулкова или матеріаловъ для изданія его сочиненій, кои до сихъ поръ еще ни разу не были собраны въ одно цѣлое, да и сохранились вообще въ рѣдкихъ единичныхъ, и то, большею частью, разрозненныхъ экземплярахъ и вообще мало извѣстны даже изслѣдователямъ исторіи русской литературы.

Указанія, письма и пакеты отдѣленіе русскаго языка и словесности проситъ адресовать на его имя или же на имя завѣдующаго самымъ изданіемъ,—П. К. Симони (проживающаго въ С.-Пб., на В. О., на 7-ой линіи въ домѣ Академіи Наукъ 2—1, кв. 16).

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Объ условіяхъ конкурса на соисканіе премій Императора Петра Великаго въ 1907 году.

На соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ 1907 году, съ разрѣшенія г. министра, назначены слѣдующія темы:

---

[1]) Хотя бы неполныхъ или дефектныхъ.

I. **По разряду гимназій:** *руководство по психологіи для VII класса мужскихъ гимназій.*

Программа психологіи (курсъ VII-го класса).

1. Предметъ психологіи. Отличіе душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ. Задачи психологіи.

2. Самонаблюденіе и его трудности. Наблюденіе надъ душевной жизнью другихъ и его слабыя стороны. Экспериментъ, какъ вспомогательный способъ изученія душевныхъ явленій.

3. Связь душевныхъ явленій съ тѣлесными. Нервная система, какъ органъ душевной жизни.

4. Ясное сознаніе и его узость. Вниманіе, его виды и условія. Разсѣянность и ея виды.

5. Дѣленіе душевныхъ явленій на три класса.

6. Ощущеніе. Физическія и физіологическія условія ощущеній. Дѣленіе ощущеній. Ощущенія органическія и моторныя. Ощущенія отдѣльныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Психофизическіе опыты Вебера.

7. Воспроизведеніе и его виды. Воспріятіе и узнаваніе. Иллюзія. Воспріятія внѣшнія и внутреннія. Представленія. Отличіе представленій отъ воспріятій. Образованіе ассоціацій, сохраненіе и воспроизведеніе представленій. Воспоминаніе въ отличіе отъ воспроизведенія.

8. Воображеніе, его матеріалъ, пріемы и виды. Пассивное воображеніе. Творческое воображеніе и его значеніе въ искусствѣ, наукѣ и жизни.

9. Мышленіе и его отличіе отъ воспріятія и воображенія Основныя формы мышленія. Понятіе и его отличіе отъ представленія. Образованіе понятій; слово и его значеніе. Сужденіе и увѣренность. Умозаключеніе.

10. Чувствованія и ихъ свойства. Классификація чувствованій. Общая характеристика такъ называемыхъ физическихъ чувствованій, ихъ отличіе отъ ощущеній. Чувствованія, вызываемыя представленіями, Формальныя и предметныя чувствованія. Эгоистическія и симпатическія чувствованія. Чувствованія эстетическія, интеллектуальныя нравственныя и религіозныя. Аффекты и ихъ виды. Настроеніе.

11. Прирожденныя стремленія и главнѣйшіе виды ихъ. Желанія склонности и страсти. Воля. Волевой процессъ. Свобода воли и ея отношеніе къ разуму. Нравственный характеръ. Виды произвольныхъ дѣйствій. Дѣятельность воли въ области мышленія. Происхожденіе произвольныхъ движеній. Отношеніе воли къ чувствованіямъ. Привычка и ея значеніе въ духовной жизни.

12. Единство душевной жизни. Личность. Самопознаніе.

Объяснительная записка къ программѣ психологіи.

Преподаваніе философской пропедевтики (т. е. психологіи и логики) въ гимназіяхъ будетъ въ значительной степени способствовать общему развитію учениковъ: учениковъ, которые ограничатся среднимъ образованіемъ или поступятъ въ высшія техническія заведенія,

философская пропедевтика въ извѣстной мѣрѣ ознакомитъ и заинтересуетъ новой для нихъ областью знанія, играющей въ исторіи культуры такую выдающуюся роль, что незнаніе ея не можетъ быть оправдано; тѣмъ же, которые поступятъ въ университетъ, изученіе философской пропедевтики дастъ возможность болѣе плодотворнаго занятія наукою, такъ какъ ознакомитъ ихъ съ научными методами и съ фактами психической жизни.

Въ частности, отъ преподаванія психологіи слѣдуетъ ожидать значительнаго расширенія кругозора учениковъ. Учебные предметы, преподаваемые въ гимназіяхъ, знакомятъ учениковъ съ объективнымъ міромъ или же съ продуктами человѣческаго творчества (какъ напримѣръ, предметы историческіе и филологическіе), но о субъектѣ и его дѣятельности въ этихъ предметахъ не говорится. Такимъ образомъ въ психологіи ученики впервые ознакомятся съ тѣмъ дѣятелемъ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ историческихъ явленій. Это вызоветъ въ ученикахъ болѣе вдумчивое отношеніе къ окружающимъ ихъ явленіямъ и къ самимъ себѣ и положитъ основу для созданія въ будущемъ болѣе глубокаго и правильнаго міросозерцанія, чѣмъ то, которое составляетъ въ настоящее время столь обычное явленіе. Значеніе психологіи для пониманія историческихъ явленій всегда сознавалось болѣе или менѣе ясно; но дѣлать психологію предметомъ преподаванія было невозможно вслѣдствіе неразработанности этой науки; главнымъ образомъ второй половинѣ XIX вѣка мы обязаны тѣмъ, что теперь въ психологіи имѣется достаточное количество твердо установленныхъ и объясненныхъ фактовъ, такъ что собираніе ихъ можетъ стать учебнымъ предметомъ, открывающимъ ученикамъ доступъ къ пониманію ихъ собственнаго субъективнаго міра.

Въ теоретическомъ отношеніи непосредственной цѣлью преподаванія психологіи должно быть достиженіе яснаго пониманія учениками своеобразнаго характера главнѣйшихъ душевныхъ явленій, связи ихъ въ цѣломъ душевной жизни и особенностей въ методахъ ознакомленія съ фактами душевной жизни; въ практическомъ отношеніи выработка въ ученикахъ навыка вглядываться въ душевныя явленія и давать себѣ отчетъ въ ихъ составѣ и вліяніи другъ на друга, а также выработка привычки къ сознательному чтенію.

Для достиженія этихъ цѣлей преподавателю рекомендуется имѣть въ виду слѣдующія указанія:

1) Въ программѣ предполагается лишь изложеніе психологіи какъ науки, основанной на данныхъ опыта; относительно же ихъ метафизическаго истолкованія преподаватель можетъ, если найдетъ необходимымъ, коснуться главнѣйшихъ философскихъ направленій въ рѣшеніи вопросовъ о душѣ. Если онъ, въ виду близкой связи психологіи съ этикой и эстетикой, найдетъ удобнымъ и желательнымъ разъяснить попутно нѣкоторые вопросы, относящіеся къ этикѣ и эстетикѣ, то программа предоставляетъ ему эту возможность; но въ виду выше указанныхъ задачъ, преподаватель при этихъ отступленіяхъ долженъ озаботиться, чтобы ученики ясно понимали разницу въ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ душевныя явленія разсматриваются въ психологіи, этикѣ и эстетикѣ.

2) Изъ положеній, относящихся къ опыту, слѣдуетъ внимательно

разсматривать лишь твердо установленныя, о гипотезахъ же только упоминать, не разбирая ихъ детально.

3) Весь курсъ психологіи долженъ изучаться вполнѣ нагляднымъ образомъ, такъ, чтобы преподаватель всегда отправлялся отъ данныхъ внутренняго опыта учащихся и постоянно подтверждалъ ими всѣ свои положенія, иллюстрируя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько это позволяетъ время, примѣрами, заимствованными изъ изящной литературы. Если же преподавателю придется ссылаться на факты, устанавливаемые экспериментальнымъ путемъ, то слѣдуетъ при этомъ описать, какъ именно ставятся и производятся эксперименты, а если позволитъ время и средства, то и демонстрировать ихъ.

4) Весь учебный матеріалъ намѣченъ въ программѣ лишь самыми общими штрихами, дабы не стѣснять преподавателя указаніемъ всѣхъ частностей и предоставить ему право, для достиженія вышеуказанныхъ цѣлей преподаванія, углубляться въ анализъ и описаніе отдѣльныхъ фактовъ душевной жизни либо съ большей, либо съ меньшей подробностью, глядя по составу класса и количеству учебныхъ часовъ. Такимъ образомъ программа указываетъ лишь minimum того матеріала который при нѣкоторомъ навыкѣ къ преподаванію психологіи можетъ быть пройденъ въ одинъ годъ при двухъ урокахъ въ недѣлю. Если же почему-либо и этотъ minimum окажется неосуществимымъ,—что особенно легко можетъ случиться въ первое время при отсутствіи учебника,—то для достиженія цѣли преподаванія полезнѣе сполна пропустить нѣкоторыя главы, чѣмъ равномѣрно сжимать изложеніе всѣхъ еще не пройденныхъ частей; ибо польза изученія психологіи зависитъ отъ той умственной работы, которая производится при наглядномъ описаніи и анализѣ фактовъ душевной жизни; а чрезмѣрно краткое изложеніе, страдая отсутствіемъ наглядности, не можетъ имѣть значенія для развитія учениковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателю не слѣдуетъ упускать изъ виду, что вслѣдствіе тѣсной связи душевныхъ явленій между собою при разсмотрѣніи каждаго изъ нихъ приходится касаться и другихъ, такъ что изложеніе психологіи можно вести въ различномъ порядкѣ. Поэтому преподаватель не обязанъ строго держаться порядка, указаннаго въ программѣ, но можетъ дѣлать отступленія, путемъ которыхъ онъ, по его собственному убѣжденію, легче достигнетъ назначенныхъ ему цѣлей преподаванія.

Въ цѣляхъ болѣе сознательнаго усвоенія пройденнаго, преподавателю слѣдуетъ поощрять учениковъ къ чтенію рекомендуемыхъ имъ книгъ, при чемъ, однако, преподаватель долженъ сообразоваться съ тѣмъ, чтобы это чтеніе не отвлекало учениковъ отъ другихъ обязательныхъ занятій.

II. **По разряду реальныхъ училищъ:** *учебная книга по русскому языку для IV класса реальныхъ училищъ (теоретическія свѣдѣнія и хрестоматія).*

Программа курса русскаго языка IV-го класса реальныхъ училищъ.

Элементарныя свѣдѣнія о составѣ и формѣ литературныхъ произведеній.

1. Основныя понятія теоріи сочиненія. Предметъ сочиненія. Тема и заглавіе. Идея. Содержаніе, планъ и изложеніе.

2. Понятіе о литературномъ стилѣ, какъ внѣшней сторонѣ словес-

ныхъ произведеній. Общія свойства стиля и особенности стиля въ зависимости отъ предмета и характера сочиненія, а также личности и цѣлей автора.

3. Главнѣйшие тропы и фигуры.

4 Строеніе рѣчи. Рѣчь устная и книжная, періодическая и отрывистая.

5. Формы изложенія: монологическая, діалогическая и эпистолярная.

6. Различіе между прозой и поэзіей на параллельныхъ примѣрахъ.

7. Понятіе о повѣствованіи, описаніи и разсужденіи (съ указаніемъ на ораторскую рѣчь), какъ типахъ и элементахъ сочиненія.

8. Дѣленіе русской стихотворной строки. Стопа, риѳма и строфа.

9. Эмпирическое понятіе объ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ.

10. Практическое ознакомленіе съ нѣкоторыми видами стихотвореній и произведеній художественной прозы (басня, элегія, баллада, новелла, романъ, сказка).

Объяснительная записка.

Пріуроченіе элементарныхъ свѣдѣній по теоріи словесности къ курсу IV класса, гдѣ имъ посвящается два часа въ недѣлю, обусловлено слѣдующими соображеніями:

1. Затруднительно приступать съ учениками къ историческому обзору, а тѣмъ болѣе детальному разсмотрѣнію литературныхъ произведеній въ V классѣ, если ученики предварительно не были нѣсколько ознакомлены съ элементами ученія о сочиненіи и слогѣ и не имѣли хотя бы эмпирическаго понятія о поэзіи и ея свойствахъ.

2. Для сознательнаго отношенія къ работѣ надъ сочиненіемъ необходимо также понимать хотя бы основы искусства ихъ составленія, къ каковымъ мы причисляемъ прежде всего требованіе отъ сочиненія содержательности, отъ изложенія раздѣльности и нѣкоторой систематичности, отъ слога правильности и ясности. Чтобы требованіе это не казалось ученикамъ апріорнымъ и насильственнымъ, учитель долженъ обосновать его на разборѣ образцовыхъ сочиненій и выводѣ изъ нихъ нѣкоторыхъ доступныхъ ученикамъ теоретическихъ положеній.

3. За первые три года класснаго обученія въ средней школѣ изъ прочитанныхъ и объясненныхъ въ классѣ литературныхъ произведеній и выученныхъ стихотвореній у учениковъ, перешедшихъ въ IV классъ, накопляется довольно значительный литературный матеріалъ (разсказы Тургенева, отрывки изъ сочиненій Пушкина, С. Аксакова, Гончарова, стихотворенія Пушкина, басни Крылова и т. д.), который и долженъ быть использованъ для выясненія элементарныхъ теоретическихъ понятій о литературѣ и въ частности объ изобразительныхъ свойствахъ русскаго языка и русскомъ стихѣ. То, что и теперь дѣлается мимоходомъ всѣми учителями русскаго языка въ младшихъ классахъ при чтеніи съ учениками хрестоматіи, по новой программѣ IV класса сводится и нѣсколько систематизируется: курсъ, такимъ образомъ, мало измѣняетъ существующій порядокъ преподаванія, такъ какъ онъ непосредственно вытекаетъ изъ объяснительнаго чтенія, пересказа и декламаціи литературныхъ образцовъ, которыми занимаются

ученики въ трехъ младшихъ классахъ и продолжаютъ заниматься въ четвертомъ.

Въ проектированной программѣ намѣчены только тѣ пункты, вокругъ которыхъ всего естественнѣе, повидимому, группировать имѣющійся въ распоряженіи учениковъ литературный матеріалъ. Никакому преподавателю, конечно, не придетъ въ голову забивать въ этихъ видахъ головы дѣтей теоретическими положеніями, которыя еще не могутъ быть усвоены учениками даже эмпирически. Съ другой стороны, если термины: поэзія, проза, лирика, баллада, повѣсть и т. п. и не могутъ быть выяснены ученикамъ IV класса ни психологически, ни историко-генетически, то это нисколько не мѣшаетъ учителю закрѣпить при ихъ помощи тѣ группы ученическихъ представленій, которыя могутъ быть имъ выдѣлены изъ накопленнаго въ ученическомъ обиходѣ литературнаго матеріала.

Иногда высказывается опасеніе, что слишкомъ раннее приложеніе теоретическихъ требованій и схемъ къ изложенію мыслей грозитъ дать въ ученическомъ сознаніи перевѣсъ элементу формальному надъ реальнымъ: дѣти будутъ пріучаться смотрѣть болѣе на свойства изложенія, чѣмъ на дѣльность самыхъ мыслей, а это отразится на ихъ сочиненіяхъ и впослѣдствіи.

Такое опасеніе можетъ разсѣяться не тѣмъ или инымъ построеніемъ учебной программы, а лишь улучшеніемъ метода преподаванія. Отъ сознательности работы преподавателя и его искусства зависитъ оживлять и умѣрять формальный моментъ преподаванія.

Но ученическое сочиненіе на первыхъ порахъ не можетъ, конечно, не быть формальнымъ (переложеніе, составленіе или выдѣленіе плана, заполненіе схемъ плана на основаніи даннаго литературнаго произведенія). Едва ли только надо особенно бояться нѣкотораго формализма русскаго сочиненія учениковъ въ его первой стадіи, да и позже: слѣдуетъ помнить, что ученическія сочиненія служатъ вовсе не къ тому, чтобы готовить писателей, а лишь къ тому, чтобы научить правильному изложенію мыслей на письмѣ, т. е. въ формѣ законченной. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, войди сочиненіе нормальнымъ элементомъ въ составъ каждаго учебнаго курса, на урокахъ русскаго языка учителямъ можно бы было и нѣсколько расширить рамки сочиненія, но при теперешней постановкѣ дѣла, когда русскій языкъ, какъ учебный предметъ, обслуживаетъ другіе, вниманіе преподавателя должно останавливаться, особенно на первыхъ порахъ, главнымъ образомъ, на формальномъ моментѣ сочиненія. Не надо забывать и того, что съ введеніемъ натуральнаго метода въ обученіе французскому и нѣмецкому языку въ младшихъ классахъ, какому же предмету, какъ не тому же русскому языку, пополнять являющіеся въ результатѣ измѣненія курса недочеты въ формальномъ развитіи учениковъ?

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію преміи, не позже 1-го ноября и могутъ быть какъ печатныя, такъ и рукописныя. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрят-

но и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ засѣданіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 11-го апрѣля 1905 года слушали (ст. 1): докладъ особой комиссіи *о расширеніи курса русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ* министерства народнаго просвѣщенія.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Г. Э. Зенгеръ издалъ 4-го ноября 1903 года циркуляръ по округамъ о предполагаемомъ расширеніи курса русской словесности въ VIII классѣ гимназіи и VII дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ. Сущность этого циркуляра заключалась въ слѣдующемъ.

Потребность расширить кругъ произведеній русской изящной словесности, достаточное знакомство съ которыми долженъ выносить изъ средней школы молодой человѣкъ, пріобрѣтающій право на высшее образованіе, ощущалась уже составителями учебныхъ плановъ 1890 года; но съ особою настойчивостью и въ болѣе опредѣленныхъ формахъ мысль о расширеніи круга художественныхъ произведеній, изучаемыхъ въ средней школѣ, проводилась въ послѣдніе годы въ двухъ Высочайше учрежденныхъ коммиссіяхъ при нынѣ покойныхъ министрахъ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповѣ и П. С. Ванновскомъ; изъ состава послѣдней изъ этихъ двухъ коммиссій была выдѣлена подкоммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ нынѣ тоже покойнаго проф. А. И. Кирпичникова; эта подкомиссія проектировала включить въ программу средней школы нѣкоторыя произведенія Тургенева, Гончарова, графа Льва Толстого, Достоевскаго и Островскаго.

Г. министръ, полагая вполнѣ своевременнымъ дать вопросу практическую постановку, предложилъ ученому комитету обсудить, не представляется ли возможнымъ ввести уже въ наступившемъ учебномъ году (1903/4) въ курсъ 8-хъ классовъ гимназіи и отчасти 7-хъ дополнительныхъ реальнаго училища чтеніе нѣкоторыхъ писателей второй половины XIX вѣка, какъ намѣченныхъ подкоммиссіею А. И. Кирпичникова, такъ и другихъ, напр., Тютчева, А. Майкова, графа А. К. Толстого.

При обсужденіи дѣла въ ученомъ комитетѣ высказаны были, между прочимъ соображенія о полезности изученія въ средней школѣ избранныхъ произведеній русской литературы второй половины XIX вѣка. Кромѣ образовательнаго своего значенія, произведенія эти, входя въ обиходъ средней школы, могли бы быть полезны и въ отношеніи воспитательномъ: курсъ новѣйшей русской литературы могъ бы быть связанъ съ вопросомъ объ обновленіи темъ и такимъ образомъ помочь преподавателямъ въ исполненіи той ихъ сложной воспитательной задачи, которая въ наше время представляетъ все большія затрудненія, но, съ другой стороны, вызываетъ и особыя надежды.

Согласно мнѣнію, заслушанному въ ученомъ комитетѣ, слѣдуетъ однако разграничивать тѣ произведенія новѣйшей художественной литературы, которыя должны войти въ программу класснаго преподаванія, и тѣ, которыя могутъ быть лишь предлагаемы для внѣклассного чтенія: гимназистъ старшаго класса можетъ читать и „Войну и Миръ", и „Мертвый домъ", но не слѣдуетъ дѣлать предметомъ класснаго разбора творенія неумолимо-строгихъ и мучительно-зоркихъ судей нашей совѣсти. Примѣрный списокъ произведеній указаннаго періода представлялся автору внесеннаго въ ученый комитетъ мнѣнія въ слѣдующемъ видѣ:

I. И. С. Тургеневъ.

1. Записки охотника.
2. Дневникъ лишняго человѣка. Муму. Постоялый дворъ.
3. Рудинъ.
4. Дворянское гнѣздо.
5. Наканунѣ.
6. Рѣчь о Пушкинѣ.
7. Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

II. И. А. Гончаровъ.

1. Обыкновенная исторія.
2. Обломовъ.
3. Милліонъ терзаній.
4. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

III. А. Н. Островскій.

1. Гроза.
2. Бѣдность не порокъ.

IV. А. Н. Майковъ.

1. Лирическія пьесы, характеризующія взглядъ поэта на творчество, красоту и искусство.
2. Нѣкоторыя изъ балладъ и пьесъ, приближающихся къ нимъ по характеру.
3. Дурочка Дуня.
4. Три смерти.
5. Два міра.

V. Гр. А. К. Толстой.

1. Избранныя лирическія пьесы („Меня во мракѣ и пыли", „Въ странѣ лучей" и въ этомъ родѣ).
2. Іоаннъ Дамаскинъ.
3. Баллады.
4. Былины (Илья, Алеша, Садко, Чужое горе).

VI. Ѳ. И. Тютчевъ.

Пьесы, характеризующія его, какъ представителя возвышеннаго лирическаго настроенія.

VII. А. А. Фетъ (Шеншинъ).

1. Пьесы, характеризующія взгляды поэта на языкъ и поэзію.

2. Пьесы для характеристики новой, свободно-музыкальной формы монологовъ.

Этотъ списокъ приведенъ былъ въ указанномъ мнѣніи не въ видахъ перенесенія его цѣликомъ въ кругъ новыхъ программныхъ требованій, а лишь съ тою цѣлью, чтобы точнѣе опредѣлить характеръ проектируемаго курса. Въ связи съ намѣченнымъ спискомъ проектировалось и 30 темъ для сочиненій литературнаго характера. Пріурочить названныя въ спискѣ произведенія авторъ мнѣнія полагалъ бы къ отдѣльнымъ статьямъ курса теоріи словесности, съ необходимымъ, однако, при этомъ ограниченіемъ, въ виду болѣе сложнаго характера новѣйшихъ литературныхъ произведеній.

Желательно бы было также ознакомленіе учениковъ съ избранными страницами русскихъ критиковъ (Бѣлинскаго, Ап. Григорьева, Добролюбова, Страхова и др.).

Ученый комитетъ, всесторонне обсудивъ вопросъ, поставленный г. министромъ, въ связи съ вышеизложенными соображеніями одного изъ своихъ членовъ, остановился прежде всего на томъ обстоятельствѣ, что намѣченныя занятія по русской словесности ставятся въ отношеніе съ письменными работами и классными бесѣдами, о необходимости которыхъ говорилось въ циркулярѣ отъ 28-го іюня 1903 г. за № 19744, а вслѣдствіе этого, казалось бы, подлежатъ, наравнѣ съ этими послѣдними, ближайшему обсужденію въ педагогическихъ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ попечительскихъ совѣтахъ учебныхъ округовъ. Далѣе ученый комитетъ полагалъ, что такой капитальный вопросъ, какъ введеніе въ курсъ словесности въ VIII классѣ гимназій преподаванія новѣйшей русской литературы, не можетъ быть разрѣшенъ надлежащимъ образомъ безъ пересмотра и соотвѣтствующихъ измѣненій въ курсѣ словесности всѣхъ классовъ гимназіи. Ученому комитету казалось бы нежелательнымъ, чтобы вновь проектируемымъ курсомъ вытѣснялись изъ программы VIII класса тѣ свѣдѣнія по всеобщей словесности, которыя рекомендуются учебнымъ планомъ 1890 года. Вообще же, въ виду первостепенной важности поставленнаго на очередь вопроса, ученый комитетъ желалъ бы всесторонняго его разсмотрѣнія и самаго осторожнаго его разрѣшенія. Въ такой постановкѣ, т. е. въ связи съ уже указаннымъ выше воспитательнымъ значеніемъ, которое можетъ получить въ рукахъ учителя новѣйшая русская литература, вопросъ о ея введеніи въ средне-учебный курсъ долженъ быть поставленъ на видное мѣсто при выработкѣ программъ для преобразуемой средней школы.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія т. сов. Зенгеръ передалъ означенный вопросъ, въ связи съ соображеніями и заключеніемъ по оному ученаго комитета, на разсмотрѣніе педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ по округамъ и учебнымъ управленіямъ, рекомендуя гг. попечителямъ при обсужденіи проектируемыхъ измѣненій въ курсы не считать нынѣ дѣйствующаго учебнаго плана препятствіемъ, стѣсняющимъ свободу сужденій. Къ сему г. министръ присовокуплялъ, что означенный циркуляръ сообщался въ дополненіе и развитіе цир-

кулярнаго предложенія отъ 28-го іюня 1903 г. за № 19744, и что министерство не встрѣчало бы препятствій къ осуществленію хотя нѣкоторыхъ относящихся сюда начинаній уже во второмъ полугодіи 1903/4 учебнаго года.

Во исполненіе этого министерскаго предложенія въ департаментъ поступили отзывы отъ учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, Кіевскаго, Рижскаго, Одесскаго, Виленскаго, Оренбургскаго, Кавказскаго и Западно-Сибирскаго; а также Туркестанскаго генералъ-губернатора, главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, окружного инспектора училищъ Приамурскаго края и директора Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ.

Отзывы эти, по мѣрѣ поступленія ихъ въ департаментъ, препровождались въ ученый комитетъ, изъ состава коего для составленія по онымъ доклада выдѣлена была коммиссія, въ которую вошли В. В. Сиповскій, И. А. Шляпкинъ и И. Ѳ. Анненскій и предсѣдателемъ которой распоряженіемъ г. предсѣдателя ученаго комитета (отъ 28-го октября 1904 г. за № 2897) назначенъ былъ И. Ѳ. Анненскій.

Г. предсѣдатель ученаго комитета, помимо разсмотрѣнія отзывовъ окружныхъ начальствъ по вышеуказанному вопросу, предложилъ коммиссіи заняться составленіемъ проекта программы и объяснительной записки по курсу русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Исполняя возложенное на нее порученіе, комиссія имѣетъ честь представить ученому комитету нижеслѣдующее.

I. По содержанію отзывовъ.

Разсмотрѣвъ и всесторонне обсудивъ отзывы, доставленные изъ департамента народнаго просвѣщенія, коммиссія прежде всего постаралась выяснить себѣ, какимъ образомъ ей всего цѣлесообразнѣе воспользоваться предоставленнымъ въ распоряженіе ея матеріаломъ для той непосредственной и чисто практической задачи, которая была поставлена ей г. предсѣдателемъ ученаго комитета. Коммиссія старалась, чтобы въ работѣ ея не было оставлено безъ вниманія ни одного детально-мотивированнаго мнѣнія о постановкѣ курса словесности, хотя бы оно являлось и единичнымъ; съ другой стороны, требованіе, настойчиво повторяемое цѣлымъ рядомъ коллегій, если даже оно въ отдѣльныхъ случаяхъ не обосновывается изложеніемъ доводовъ, говорящихъ въ его пользу, коммиссія ставила себѣ за правило выдвигать на видное мѣсто не только въ теоретической, но и въ практической части своей работы, иногда независимо отъ личныхъ мнѣній членовъ самой коммиссіи.

Министерство въ циркулярѣ своемъ по дѣлу о расширеніи курса русской словесности не расчленило вопроса, поставляемаго имъ на обсужденіе педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ; вслѣдствіе этого коммиссіи было очень трудно разобраться въ переданномъ на разсмотрѣніе ея матеріалѣ, тѣмъ болѣе, что, если нѣкоторые попечительскіе совѣты, какъ, напр., Московскій, представили матеріалъ, распредѣленный по отдѣльнымъ вопросамъ, то большинство округовъ

доставило лишь сводъ отдѣльныхъ мнѣній педагогическихъ совѣтовъ по гимназіямъ и реальнымъ училищамъ.

Въ количественномъ отношеніи отзывы также весьма различны: напр., Виленскій округъ представилъ всю работу педагогическихъ совѣтовъ, Кіевскій же далъ лишь краткое изъ нея извлеченіе. Кавказскій попечитель приложилъ къ отзыву своему цѣлую книгу; С.-Петербургскій округъ еще не закончилъ своей работы и представилъ только сводъ мнѣній, но, по словамъ г. управляющаго округомъ, группа петербургскихъ учителей русской словесности вырабатываетъ въ настоящее время программу курса русской словесности въ средней школѣ съ объяснительною къ нему запискою.

Представленный матеріалъ разсматривался коммиссіею по слѣдующимъ рубрикамъ.

1. Мнѣнія о цѣлесообразности и своевременности внесенія въ программу среднихъ учебныхъ заведеній произведеній художественной литературы второй половины XIX вѣка.

2. Какими именами и произведеніями желательно пополнить примѣрный списокъ произведеній, заслушанный въ ученомъ комитетѣ?

3. Проектируемыя исключенія изъ списка, внесеннаго въ циркуляръ.

4. Проектируемое пріуроченіе вновь вносимыхъ въ курсъ произведеній.

5. Проектируемыя сокращенія въ примѣрной программѣ, нынѣ дѣйствующей.

6. Проекты измѣненій въ учебныхъ планахъ по предмету русской словесности.

7. Вопросъ объ ученическихъ сочиненіяхъ въ связи съ расширеніемъ курса русской словесности.

8. Вопросъ о произведеніяхъ западно-европейской литературы въ русскихъ переводахъ, какъ элементѣ курса русской словесности.

I.

Мнѣнія о цѣлесообразности и своевременности внесенія въ программу среднихъ учебныхъ заведеній произведеній художественной литературы второй половины XIX вѣка.

Въ этомъ пунктѣ въ отзывахъ нѣтъ разногласія, по крайней мѣрѣ принципіально. Почти вездѣ проектированная министерствомъ мѣра привѣтствуется, при чемъ, конечно, большинство дававшихъ отзывъ коллегій находитъ, что этотъ вопросъ долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ общимъ пересмотромъ программы по русской словесности. Напр., ни одинъ изъ педагогическихъ совѣтовъ гимназій Московскаго округа на вопросъ: возможно ли предполагаемое расширеніе курса при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ существуетъ гимназія въ настоящее время? не далъ отвѣта утвердительнаго.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа, признавая съ своей стороны желательнымъ проектированное расширеніе курса, полагаетъ, однако, что „простое прибавленіе изученія писателей новаго періода безъ разсмотрѣнія всего курса предмета и безъ установленія исторически научно-послѣдовательной связи между его отдѣлами, создастъ

изъ курса лишь механически связанный сборъ свѣдѣній наименѣе пригодный для средняго учебнаго заведенія, какъ учебно-воспитательный матеріалъ". Онъ желаетъ, чтобы, помимо обезпеченія необходимыми руководствами или по меньшей мѣрѣ изданіями и пособіями, новый курсъ строился по извѣстному плану и тщательно регламентировался при прохожденіи его въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Еще опредѣленнѣе высказалъ ограничительную точку зрѣнія бывшій преподаватель одного изъ реальныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа: „препятствіемъ для расширенія курса литературы служитъ неподготовленность преподавателей русской словесности къ предстоящей задачѣ и отсутствіе какихъ-нибудь твердо установленныхъ научнымъ изслѣдованіемъ, общихъ положеній почему все дѣло можетъ свестись къ внѣдренію въ головы учащихся различныхъ узкихъ и случайныхъ точекъ зрѣнія". О неподготовленности преподавателей русской словесности къ предстоящей имъ задачѣ высказался также одинъ изъ преподавателей Юрьевскаго реальнаго училища.

Въ связи съ принципіальнымъ вопросомъ о курсѣ новѣйшей русской литературы надо поставить высказанное попечительскимъ совѣтомъ Одесскаго учебнаго округа „пожеланіе о полезности объявленія конкурса на составленіе учебныхъ руководствъ по исторіи новой русской словесности, хрестоматій и другихъ изданій" того же характера.

На недостатокъ пособій указывается также въ отзывѣ С.-Петербургскаго округа.

II.

Какими именами и произведеніями желательно пополнить примѣрный списокъ, заслушанный въ ученомъ комитетѣ?

Здѣсь прежде всего надо отмѣтить, что въ значительномъ большинствѣ отзывовъ указывается на желательность внесенія въ списокъ двухъ именъ: гр. Л. Н. Толстого и Достоевскаго.

Съ особой страстностью относится къ этому вопросу проф. Истринъ (Одесскій округъ) и педагогическій совѣтъ Ѳеодосійской гимназіи (Одесскій округъ). Вотъ слова проф. Истрина: „Что касается первой цѣли, то министерскій проектъ программы въ этомъ отношеніи (т. е. относительно знакомства съ литературой) совершенно неудовлетворителенъ (?!), и слѣдуетъ вполнѣ согласиться съ тѣми гимназическими отзывами, которые указываютъ на неудовлетворительность предложенныхъ образцовъ (??!). Какъ можно исключать такихъ (?), какъ Левъ Толстой, Достоевскій или даже (?) Писемскій и замѣнять ихъ (?) Фетомъ, Тютчевымъ, изъ какого-то опасенія знакомства учениковъ съ „твореніями неумолимо-строгихъ и мучительно-зоркихъ судей"? (г. Истринъ цитируетъ неправильно: въ циркулярѣ стоитъ „судей нашей совѣсти"). Министерскій проектъ какъ-то позабылъ въ этомъ случаѣ Гоголя (?). Да и неминуемо, у каждаго ученика возникаетъ вопросъ: почему не читаютъ и не разбираютъ Льва Толстого и Достоевскаго, и что на это отвѣтить учитель? Ну, Левъ Толстой отлученъ отъ церкви, а Достоевскій? Вѣдь, онъ самый вѣрующій писатель. Кромѣ того, при настоящихъ условіяхъ жизни школа является не единствен-

нымъ мѣстомъ образованія юношества. Въ настоящее время на развитіе юношества сильно дѣйствуетъ само общество, въ лицѣ (?) журналовъ, газетъ и т. п.. и школа поэтому должна принимать характеръ охранительнаго учрежденія. Но эту роль она выполнитъ не тогда, когда она будетъ молча исключать (?) того или другого первокласснаго писателя, а тогда, когда поверхностному внѣ-школьному увлеченію Чеховымъ, Горькимъ и т. п. будетъ противопоставлять нашихъ первоклассныхъ писателей, не боясь того или другого (?)".

На той же приблизительной точкѣ зрѣнія стоитъ и педагогическій совѣтъ Ѳеодосійской гимназіи: „что скажетъ ученикъ?" Мы хорошо понимаемъ, что здѣсь имѣется въ виду не справка съ мнѣніемъ учениковъ, при необходимости дѣлать каковыя едва-ли бы могла существовать не только программа, но даже и самая школа. Вмѣсто „скажетъ" надо читать: „подумаетъ". Но рѣчь не о словахъ и не о страстности тона, которая легко объяснима, рѣчь даже не о неточности въ цитатахъ или переиначеніи мнѣнія, изложеннаго въ циркулярѣ,—рѣчь о томъ лишь, чтобы не давать школѣ того слишкомъ труднаго для нея матеріала, гдѣ учитель рискуетъ очутиться не на высотѣ своего положенія. Намъ неизвѣстно, чтобы университетскіе преподаватели подготовляли почву для того дѣла, которое теперь одинъ изъ нихъ горячо рекомендуетъ гимназіямъ,—вотъ отчего въ вопросѣ о средней школѣ практическимъ ея дѣятелямъ, казалось, на первый разъ осторожнѣе ограничиться введеніемъ въ курсъ лишь такихъ произведеній, которыя, не отвлекая вниманія исключительно въ сферу моральныхъ и часто при этомъ безнадежныхъ вопросовъ, дали бы учителю возможность освѣтить произведеніе со стороны литературной и чисто художественной.

Впрочемъ, это соображеніе приводится лишь въ видахъ возстановленія истинной причины невключенія въ примѣрную программу именъ Достоевскаго и Льва Толстого.

Большая часть отзывовъ заключаетъ въ себѣ желаніе видѣть въ примѣрномъ спискѣ нѣкоторыя произведенія Льва Толстого и Достоевскаго.

Такъ, въ отзывахъ Одесскаго округа указывается только на внесеніе именъ Л. Толстого и Достоевскаго; въ С.-Петербургскомъ округѣ проектируютъ введеніе слѣдующихъ произведеній Л. Толстого: „Дѣтство и Отрочество", „Севастопольскіе разсказы", „Война и Миръ".

Въ Московскомъ округѣ — Л. Толстого — тѣ же произведенія Достоевскаго—„Бѣдные люди", „Записки изъ Мертваго дома", „Униженные и оскорбленные".

Въ Рижскомъ округѣ высказываются за Л. Толстого („Дѣтство и Отрочество" и „Война и Миръ") и Достоевскаго („Бѣдные люди", „Рѣчь о Пушкинѣ").

Въ Казанскомъ округѣ—Достоевскаго: „Бѣдные люди", „Записки изъ Мертваго дома", „Преступленіе и наказаніе", Л. Толстого: „Севастопольскіе разсказы". „Война и Миръ".

Въ Харьковскомъ округѣ—Л. Толстого: „Дѣтство и Отрочество", „Казаки", „Севастопольскіе разсказы", „Семейное счастье", „Война и Миръ".

Въ Виленскомъ округѣ — Л. Толстого: „Дѣтство, Отрочество и

Юность", „Севастопольскіе разсказы"; Достоевскаго—„Бѣдные люди", „Двойникъ", „Рѣчь о Пушкинѣ".

Въ Кіевскомъ округѣ—Л. Толстого: „Дѣтство и Отрочество", „Севастопольскіе разсказы", „Война и Миръ", „Казаки"; Достоевскаго: „Мертвый домъ", „Преступленіе и наказаніе".

Въ Оренбургскомъ округѣ—Л. Толстого: „Дѣтство и Отрочество", „Война и Миръ"; Достоевскаго—„Бѣдные люди".

Въ Западно-Сибирскомъ округѣ: Л. Толстого—„Война и Миръ"; Достоевскаго—„Записки изъ Мертваго дома".

Въ отзывѣ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири—Л. Толстого—„Дѣтство и Отрочество", „Севастопольскіе разсказы", „Война и Миръ" и Достоевскаго—общій очеркъ литературной дѣятельности.

Въ отзывѣ туркестанскаго генералъ-губернатора: Льва Толстого и Достоевскаго нѣкоторыя произведенія.

Въ отзывѣ окружного инспектора училищъ Приамурскаго края—то же.

Въ отзывѣ Императорскаго С.-Петербургскаго филологическаго института: Льва Толстого: „Война и Миръ", „Дѣтство, отрочество и юность", „Казаки"; Достоевскаго: „Бѣдные люди", „Двойникъ", „Записки изъ Мертваго дома".

Съ мнѣніемъ конференціи не согласился директоръ этого учебнаго заведенія. Такимъ образомъ почти во всѣхъ отзывахъ встрѣчаемъ имена Льва Толстого и Достоевскаго и названія почти однихъ и тѣхъ же произведеній этихъ писателей. Не всегда только отзывы даютъ возможность опредѣлить, всѣ ли учебныя заведеніяд аннаго округа или управленія придерживались этой точки зрѣнія: иногда объ этомъ говорили только нѣкоторые педагогическіе совѣты напр., въ Московскомъ округѣ); иногда, повидимому, всѣ. Въ отзывѣ Петербургскаго округа отмѣчается „пробѣлъ" въ министерскмъ проектѣ—терминъ для даннаго случая не вполнѣ точный.

Въ Харьковскомъ округѣ проектъ внесенія произведеній Л. Толстого въ программу вошелъ въ постановленіе попечительскаго совѣта между тѣмъ какъ въ Казанскомъ—ректоръ университета уклонился даже отъ подачи голоса при обсужденіи мнѣнія члена попечительскаго совѣта Д. А. Корсакова о внесеніи въ примѣрный списокъ нѣкоторыхъ произведеній автора „Войны и Миръ", такъ какъ онъ полагалъ, что министерство предложило совѣту высказаться только по поводу писателей, внесенныхъ въ перечень.

Какъ бы то ни было, для коммиссіи является несомнѣннымъ, что въ разныхъ краяхъ Россіи различныя компетентныя лица и въ томъ числѣ практическіе педагоги и цѣлыя корпораціи находятъ желательнымъ и не превышающимъ преподавательскихъ силъ разборъ въ классѣ нѣкоторыхъ произведеній Л. Толстого и Достоевскаго.

Имя Некрасова встрѣчается тоже въ нѣкоторыхъ отзывахъ округовъ: Казанскаго, Московскаго („Мазай и зайцы", „Власъ"), Рижскаго, Кіевскаго, Западно-Сибирскаго, Харьковскаго, С.-Петербургскаго, Одесскаго, Туркестанскаго генералъ-губернатора и Историко-филологическаго института (директоръ не согласился съ мнѣніемъ конференціи). При этомъ иногда въ отзывѣ отмѣчаются и произведенія: такъ

въ одномъ изъ харьковскихъ: „Школьникъ", „Власъ", „Морозъ-красный носъ", „Тишина", „Внимая ужасамъ войны"; въ одномъ изъ казанскихъ „Морозъ-красный носъ", „Крестьянскія дѣти".

На пропускъ имени С. Т. Аксакова указываетъ попечитель Виленскаго учебнаго округа и попечительскій совѣтъ Западно-Сибирскаго округа; объ его сочиненіяхъ упоминается въ отзывѣ Рижскаго округа, Казанскаго округа („Дѣтскіе годы Багрова внука", „Семейная хроника", „Воспоминанія"), Московскаго округа („Дѣтскіе годы Багрова внука"), округовъ Харьковскаго, Петербургскаго и Одесскаго, Туркестанскаго генералъ-губернатора и главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири.

Имя Д. В. Григоровича встрѣчаемъ въ отзывахъ по округамъ: Харьковскому („Антонъ Горемыка", „Деревня", „Бобыль", „Прохожій", „Рыбаки", „Переселенцы"); Одесскому, Виленскому („Антонъ Горемыка"), Московскому („Антонъ Горемыка", „Деревня", „Рыбаки"), Казанскому („Пахарь", „Рыбаки") Рижскому („Антонъ Горемыка", „Переселенцы"), Кавказскому („Антонъ Горемыка") и въ отзывѣ туркестанскаго генералъ-губернатора.

Имя А. Ѳ. Писемскаго вносится въ списокъ желательныхъ въ отзывахъ одесскаго округа, Харьковскаго округа и въ отзывѣ Историко-филологическаго института („Тысяча душъ").

Видѣть въ спискѣ классиковъ Я. П. Полонскаго желалъ бы попечительскій совѣтъ Западно-Сибирскаго округа; имя это упоминается и въ отзывѣ Кіевскаго округа, въ отзывѣ Одесскаго округа, среди отзывовъ Харьковскаго.

Имя И. С. Никитина встрѣчаемъ въ отзывахъ округовъ Харьковскаго, Одесскаго, Западно-Сибирскаго, Казанскаго. Поэтовъ славянофиловъ хотѣлъ бы видѣть въ программѣ г. попечитель Виленскаго учебнаго округа; А. С. Хомякова отзывы Одесскаго, Харьковскаго и Рижскаго округовъ. Кромѣ того, послѣдній желалъ-бы ознакомленія учениковъ съ дѣятельностью славянофиловъ.

Встрѣчаются изрѣдка имена Загоскина (Виленскій округъ), Мея („Псковитянка"—Казанскій округъ), В. Г. Короленки (Московскій округъ), Мельникова („Въ лѣсахъ", „На горахъ"—Московскій округъ; Харьковскій округъ—не называя произведеній), Щербины, Чернышевскаго, Писарева, Герцена (Одесскій округъ).

Въ нѣкоторыхъ округахъ предлагаютъ расширить кругъ произведеній внесенныхъ въ списокъ авторовъ: А. Н. Островскаго—Харьковскій округъ: „Лѣсъ", „Не въ свои сани не садись", „Свои люди—сочтемся"; Кіевскій округъ—„Доходное мѣсто"; Кавказскій—„Свои люди—сочтемся", „Не въ свои сани не садись", „Доходное мѣсто", „Въ чужомъ пиру—похмелье"; Рижскій—„Свои люди—сочтемся"; Казанскій—„Доходное мѣсто", „Свои люди—сочтемся". „Въ чужомъ пиру—похмелье"; Московскій—6 пьесъ.

Изъ произведеній А. Толстого хотѣли бы внесенія въ списокъ трилогіи въ округахъ Московскомъ, Казанскомъ, Рижскомъ, Кавказскомъ, Харьковскомъ; о Князѣ Серебряномъ читаемъ въ отзывахъ округовъ Виленскаго, Рижскаго и Московскаго; отдѣльныя драмы трилогіи (Царь Борисъ, Смерть Іоанна Грознаго) рекомендуются отзывами Казанскаго округа. Изрѣдка встрѣчаются И. С. Тургенева—„Стихотворенія въ

прозѣ“ (Кавказскій округъ), „Отцы и дѣти“ (Казанскій, Московскій и Кіевскій округа) и И. А. Гончарова („Обрывъ“ (Кіевскій и Московскій округа), „Фрегатъ Паллада“ (Московскій, Казанскій, Кавказскій округа), „Слуги“ (Московскій округъ).

III.

Проектируемыя исключенія изъ списка, внесеннаго въ циркуляръ.

Менѣе всего посчастливилось въ спискѣ Фету, котораго предлагаютъ исключить изъ примѣрнаго списка въ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ. Харьковскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ, Оренбургскомъ и Кавказскомъ [1]).

Пожертвовать поэзіей Тютчева тоже готовы въ округахъ: Кіевскомъ, Московскомъ, Одесскомъ, Оренбургскомъ, Кавказскомъ; хотя въ Харьковскомъ же округѣ было высказано мнѣніе, что для новѣйшей литературы въ гимназіи достаточно трехъ именъ: Тургенева, Гончарова и Тютчева.

Противъ Майкова высказались въ округахъ: Одесскомъ, Московскомъ и Оренбургскомъ; А. Толстого въ Московскомъ. Отдѣльныя произведенія исключаютъ:

Тургенева: „Наканунѣ“—С.-Петербургскій и Виленскій округа.

„Постоялый дворъ“, „Дневникъ лишняго человѣка“, „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“—Московскій округъ.

Гончарова: Обыкновенная исторія“ — С.-Петербургскій и Виленскій округа

Майкова: „Три смерти“—одна изъ гимназій Виленскаго округа.

„Послѣдніе язычники“—въ Казанскомъ округѣ.

А. Толстого: Баллада и былины („Волки“, „Чужое горе“, „Алеша Поповичъ“)—Приамурскій край.

„Волки“ и „Эдвардъ“—Казанскій округъ.

„Василій Шибановъ“—въ Виленскомъ округѣ.

IV.

Проектируемое пріуроченіе вновь вносимыхъ въ курсъ произведеній.

На неудобство пріурочивать вновь вносимыя произведенія къ курсу теоріи словесности и на желательность освѣщать ихъ исторически обращено вниманіе въ запискѣ С.-Петербургскаго округа, гдѣ мы, между прочимъ, читаемъ:

„Считая весьма важнымъ для лучшаго достиженія образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей, чтобы ученики, насколько позволяетъ современное состояніе науки, понимали связь литературныхъ явленій и ихъ отношеніе къ личности автора и къ современной имъ дѣйствительности и такимъ образомъ уяснили бы себѣ и значеніе дѣятельности того или другого писателя и развитія національнаго самосознанія, большинство учебныхъ заведеній выражаетъ желаніе, чтобы всѣ произведенія русской литературы изучали бы исторически, и чтобы курсъ новѣйшей литературы былъ поставленъ въ мужскихъ гимназіяхъ самостоятельно, какъ естественное продолженіе курса VII класса“.

---

[1]) Съ ограниченіемъ.

Въ такомъ же самомъ смыслѣ высказываются педагогическіе совѣты нѣкоторыхъ изъ гимназій Казанскаго округа. Нѣкоторые изъ преподавателей Кіевскаго округа ставятъ историческое изученіе произведеній новѣйшей литературы въ ближайшую связь съ нравственнымъ воздѣйствіемъ на учащихся, а совѣтъ одной изъ Московскихъ гимназій (противъ пріурочиванія къ курсу теоріи высказалось 17 гимназическихъ совѣтовъ изъ 27) думаетъ даже, что „только подъ условіемъ историческаго освѣщенія уяснится ученикамъ и художественное достоинство произведеній, такъ какъ однимъ изъ основныхъ требованій, предъявляемыхъ въ современной наукѣ художественному произведенію является соотвѣтствіе произведенія запросамъ того историческаго момента, который переживаетъ общество".

На неудобство пріурочиванія вновь проектированныхъ произведеній къ курсу теоріи словесности указываетъ и попечительскій совѣтъ Харьковскаго учебнаго округа.

Попечительскій совѣтъ Рижскаго округа желалъ бы видѣть въ курсѣ VII и VIII класса гимназіи систематическое знакомство съ главнѣйшими представителями русской литературы въ ея историческомъ развитіи.

Коммиссія Одесскаго попечительскаго совѣта высказалась противъ пріуроченія новѣйшихъ произведеній къ курсу теоріи словесности, „такъ какъ: 1) отъ такой постановки преподаваніе, по ея мнѣнію, получается случайное, внѣ исторической перспективы ни къ чему не ведущее изученіе курса, не могущее служить ни цѣлямъ историко-литературнымъ, ни этическимъ"—и такъ какъ 2) „достоинство писателей—классиковъ второй половины XIX столѣтія (Тургеневъ, Гончаровъ и Островскій) требуютъ того, чтобы въ курсѣ средней школы они занимали мѣсто вполнѣ самостоятельное и не менѣе важное, чѣмъ то, которое отведено уже писателямъ начала XIX вѣка, въ числѣ которыхъ имѣется даже Батюшковъ".

О значеніи историко-литературныхъ обобщеній при разборѣ произведеній новѣйшей русской литературы съ большою подробностью и обстоятельностью говоритъ преподаватель Слуцкой гимназіи (Виленскаго округа) г. Лысковъ. Онъ отмѣчаетъ различныя направленія въ русской литературѣ и ея особенности со стороны содержанія и формы: какъ то—направленіе западническаго идеализма, націоналистическое и др.; формы романа—субъективную и объективную, и при этомъ иллюстрируетъ свои рубрики именами выдающихся русскихъ писателей Въ концѣ своей записки онъ предлагаетъ даже цѣлую программу курса новѣйшей русской литературы, начиная съ Гоголя.

Защита точки зрѣнія теоретической идетъ со стороны 10 педагогическихъ совѣтовъ гимназій Московскаго округа. Изъ мнѣній ихъ можно привести слѣдующія данныя въ пользу изученія новѣйшей литературы на основѣ теоретическаго курса.

1. Курсъ теоріи словесности въ VIII классѣ есть какъ бы завершеніе всѣхъ литературныхъ знаній, пріобрѣтаемыхъ учениками въ гимназіи.

2. Въ отдѣлѣ теоріи творчества не исключаются вопросы и о связи произведенія какъ съ личностью писателя, такъ и съ историческимъ моментомъ, переживаемымъ обществомъ.

3. Есть такія произведенія различныхъ авторовъ, которыя плодотворнѣе будетъ прочесть и анализировать рядомъ, несмотря на принадлежность ихъ перу разныхъ писателей, таковы, напримѣръ, лирическія произведенія, имѣющія своимъ сюжетомъ вопросъ о художественномъ творчествѣ. Издавна установлено сближать стихотворенія Пушкина „Пророкъ" съ стихотвореніемъ того же названія Лермонтова. Никто не видѣлъ въ этомъ безпорядка и пестроты. Теперь съ расширеніемъ курса русской словесности возможно къ параллелямъ между Пушкинымъ и Лермонтовымъ присоединить еще параллели изъ Майкова, А. Толстого, Тютчева, Фета.

4. Эстетическіе вопросы только тогда не интересуютъ молодыхъ людей, когда они рѣшаются отвлеченно и туманно; напротивъ, если связать ихъ съ анализомъ содержанія произведенія, то бесѣды по поводу ихъ будутъ полны самаго живого интереса.

Вѣскія соображенія въ пользу теоретической основы курса находимъ мы въ отзывѣ Кавказскаго округа.

1. „Распредѣленіе матеріала въ теоретическомъ порядкѣ болѣе соотвѣтствуетъ послѣдующему психическому развитію учащихся, чѣмъ изученіе въ порядкѣ историческомъ".

2. „Школа, не будучи связана исторической послѣдовательностью получаетъ большую возможность при выборѣ матеріала руководствоваться, главнымъ образомъ, нравственно-воспитательной цѣнностью произведенія, доступностью его возрасту учащагося и соотвѣтствіемъ духовнымъ его запросамъ, ограничивая выборъ образцами, отличающимися яснымъ изображеніемъ положительныхъ нравственныхъ и національныхъ идеаловъ".

Отчасти къ оправданію теоретической точки зрѣнія при изученіи произведеній новѣйшей русской литературы примыкаетъ и весьма интересная записка инспектирующаго преподавателя русскаго языка и словесности въ Моршанскомъ реальномъ училищѣ (Харьковскаго учебнаго округа) г. Пактовскаго.

По его мнѣнію, надо измѣнить существующій методъ изученія русской словесности, сдѣлавъ его психологическимъ. „По моему крайнему разумѣнію", говоритъ г. Пактовскій, „полезно бы было начинать изученіе произведеній словесности съ болѣе легкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ лучшихъ въ художественномъ отношеніи произведеній словесности, напримѣръ, начать со сказки Пушкина и окончить критическими статьями лучшихъ мыслителей, или начать съ баллады Лермонтова, а окончить поэзіей Байрона и т. д. При такомъ методѣ учащіеся всегда будутъ находиться подъ вліяніемъ художественнаго слова,— медленно, но основательно впитаютъ въ себя великія мысли родныхъ и чужихъ (по происхожденію) писателей, умственное развитіе пойдетъ естественнымъ путемъ: отъ образовъ и художественныхъ картинъ ученикъ постепенно перейдетъ къ сужденіямъ и разсужденіямъ, отъ анализа къ синтезу и наоборотъ, и въ то же время его учителями родного языка будутъ великіе художники слова, а не курсы грамматикъ только".

Впрочемъ, такое изученіе г. Пактовскій проектируетъ лишь до VII класса. Въ двухъ старшихъ онъ имѣетъ въ виду историко-литератур-

ный разборъ и обобщеніе знаній, курсъ всеобщей литературы и даже изученіе исторіи русскаго языка по памятникамъ.

Обозрѣвая данныя, собранныя по вопросу о пріуроченіи новыхъ произведеній русской литературы, и соображая ихъ съ обстоятельствами дѣла,—коммиссія, оставаясь на точкѣ зрѣнія строго-объективной полагаетъ, что желательно историческое освѣщеніе избранныхъ памятниковъ новѣйшей литературы, но что при разборѣ въ особенности нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо объяснять ихъ и со стороны эстетической, по отношенію къ художественной ихъ цѣнности, и что при курсѣ теоріи словесности должно пользоваться данными, добытыми изъ эстетическаго разбора; задачи же сравненія между собою произведеній, не связанныхъ хронологически или даже по языку творчества, но объединенныхъ идеей или психологическимъ мотивомъ, могутъ быть связаны, по преимуществу, съ сочиненіями учениковъ старшихъ классовъ внѣклассными бесѣдами. Говорить объ исторіи русской литературы въ гимназіи, особенно новѣйшей, да еще со включеніемъ въ нее живыхъ писателей, можно только по недоразумѣнію.

V.

Проектируемыя сокращенія въ примѣрной программѣ, нынѣ дѣйствующей.

Нѣкоторые изъ педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ проектируютъ, въ виду внесенія въ курсъ новаго обширнаго матеріала по русской литературѣ второй половины XIX вѣка и необходимости поставить новый курсъ на подобающее ему по важности его мѣсто,— сократить матеріалъ по русской литературѣ особенно до-Карамзинской Есть также коллегіальныя мнѣнія о полезности сокращенія курса теоріи словесности, о прохожденіи его попутно, при разборѣ образцовъ, и даже о цѣлесообразности свести этотъ курсъ къ ознакомленію учащихся съ теоріей стиля.

По отдѣльнымъ учебнымъ управленіямъ замѣчено было:

Въ С.-Петербургскомъ учебномъ кругѣ: „Сократить въ учебныхъ планахъ число изучаемыхъ произведеній древней литературы и исключить ознакомленіе съ дѣятельностью нѣкоторыхъ писателей средняго періода нашей литературы (до Пушкина) и нѣкоторыхъ изъ послѣдователей Пушкина. При сокращеніи древней литературы часть курса предлагается пройти въ видѣ краткаго обзора, вводя отрывки изъ произведеній лишь какъ иллюстраціи и подтвержденія указываемаго въ немъ. Въ такомъ видѣ могло бы быть пройдено о началѣ письменности, о духовной литературѣ древняго періода (проповѣди, хожденія), о произведеніяхъ Іоанна Грознаго и Курбскаго, Котошихина и о юго-западной образованности; о дѣятельности Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, Посошкова, Татищева, Сумарокова, Хераскова, о ложно-классицизмѣ на западѣ, о вліяніи западныхъ идей въ эпоху Екатерины II; о сентиментализмѣ и романтизмѣ на западѣ; затѣмъ—о литературной дѣятельности Батюшкова. О произведеніяхъ и дѣятельности Озерова, Богдановича, Капниста, Хемницера, Дельвига, Языкова и Баратынскаго можно бы и совсѣмъ умолчать“.

Не совсѣмъ ясно, стоитъ ли въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи къ изложенному мнѣнію желаніе педагогическихъ совѣтовъ того же округа о необходимости „Дешевой хрестоматіи съ хорошимъ выборомъ произведеній русской народной словесности и литературы до Пушкина“ (изданію каковой еще въ 1903 году предлагалъ содѣйствовать академикъ и профессоръ университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Соболевскій).

По поводу списка авторовъ, подлежащихъ исключенію, слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыхъ изъ нихъ въ учебныхъ планахъ 1890 г. нѣтъ вовсе, а именно: Капниста, Дельвига, Языкова и Баратынскаго, такъ что гимназическій курсъ не облегчился бы отъ проектированнаго сокращенія.

Попечительскій совѣтъ Оренбургскаго учебнаго округа желалъ бы сокращенія программы въ той ея части, которая обнимаетъ древнюю словесность и писателей XVIII вѣка.

Педагогическіе совѣты того же округа признаютъ желательнымъ, чтобы произведенія древней письменности, не имѣющія художественнаго значенія и представляющія интересъ болѣе историческій, по возможности были изъяты изъ курса словесности. Они же проектируютъ удаленіе изъ программы: Хераскова, Богдановича, Озерова и Сумарокова.

Въ Кавказскомъ округѣ проектируется опустить въ курсѣ гимназій, на сколько можно видѣть, сравнивая предлагаемую программу съ учебнымъ планомъ: проповѣдническую литературу, „Хожденіе“, „Моленіе Даніила“, „Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“ Котошихина, Ст. Яворскаго, Сумарокова, Хераскова, Богдановича, Хемницера, Дмитріева, Озерова.

Относительно реальныхъ училищъ сокращенія формулированы въ отзывѣ.

1. „Народная словесность: заговоры, или заклятья и похоронныя причитанья, духовные стихи.

2. Древній періодъ словесности: Сборники, митрополитъ Иларіонъ, Кириллъ Туровскій; игуменъ Даніилъ: Серапіонъ; житія святыхъ, апокрифы; повѣсти; путешествіе Аѳанасія Никитина; юго-западная литература.

3. Новый періодъ словесности: Сумароковъ, литературная дѣятельность Екатерины II; сатирическіе журналы.

„Попечительскій совѣтъ затруднялся, однако, высказаться категорически въ пользу такой мѣры, такъ какъ она, значительно сокративъ древній періодъ литературы, серьезно повредила бы развитію у учениковъ-реалистовъ историческаго пониманія литературныхъ явленій“.

Нѣкоторыя изъ гимназій Кіевскаго округа высказались за сокращеніе курса древняго и средняго періода русской литературы.

Максимумъ сокращеній сводится къ слѣдующему:

а) изъ курса 5-го класса чтеніе и разборъ:

1. Слова митрополита Иларіона о Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ.

2. Отрывковъ изъ „Слова въ новую недѣлю по Пасхѣ“, Кирилла Туровскаго.

3. Отрывковъ изъ „Хожденія игумена Даніила въ Святую землю“

и 4. Отрывковъ изъ слова Серапіона „О нашествіи татаръ“ и изъ „Слова или Моленія Даніила Заточника“;

б) изъ курса 6-го класса чтеніе и разборъ:

1. Отрывковъ изъ „Исторіи“ князя Курбскаго.

2. Посланія Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

3. Отрывка изъ сочиненія Гр. Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“.

4. Слова Стефана Яворскаго „О побѣдѣ подъ Полтавою“.

5. Отрывковъ изъ словъ Ѳеофана Прокоповича „О флотѣ Россійскомъ“ и „На погребеніе Петра I“.

6. Отрывковъ изъ „Исторіи Россійской“ Вас. Ник. Татищева и его же „Духовнаго завѣщанія сыну“.

7. „Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ“ М. В. Ломоносова и его же „Похвальнаго слова Петру I“.

8. Отрывковъ изъ поэмъ М. М. Хераскова „Россіада“ и И. Ѳ. Богдановича „Душенька“.

9. Басенъ И. И. Хемницера.

и 10. Нѣкоторыхъ одъ Г. Р. Державина.

в) Изъ курса 7-го класса чтеніе и разборъ:

1. Отрывковъ изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина, какъ произведенія, трудно поддающагося разбору только съ художественной точки зрѣнія.

2. Сатиры И. И. Дмитріева „Чужой толкъ“.

3. Отрывковъ изъ трагедій В. А. Озерова „Эдипъ въ Аѳинахъ“ или „Дмитрій Донской“, и

4. Слѣдующихъ произведеній К. Н. Батюшкова: оды „Надежда“, элегій „Посланіе къ Д. В. Дашкову“ и „Умирающій Тассъ“.

Попечительскій совѣтъ Кіевскаго учебнаго округа полагалъ бы необходимымъ ограничить курсъ древней русской словесности „въ средне-учебныхъ заведеніяхъ только главнѣйшими памятниками“.

Нѣкоторыя изъ учебныхъ заведеній Московскаго округа предлагаютъ значительно сократить курсъ древне-русской литературы.

Попечительскій совѣтъ Казанскаго округа предполагалъ бы также сократить программу по древней литературѣ, „исключивъ изъ оной такихъ, напримѣръ, писателей, какъ Иларіонъ, Серапіонъ, Кириллъ Туровскій, игуменъ Даніилъ и пр.“. Отдѣльныя учебныя заведенія этого округа предлагаютъ оставить въ немъ лишь 3—4 произведенія; проекты сокращеній касаются именъ Ѳеофана Прокоповича, Татищева Сумарокова, Хемницера, Богдановича и т. д.

Въ Одесскомъ округѣ тоже проектируется нѣкоторыми учебными заведеніями сокращеніе курса древне-русской литературы, а въ Виленскомъ--сокращеніе числа образцовъ V—VI классовъ. Такого же рода сокращеніе намѣчаются и въ нѣкоторыхъ отзывахъ Рижскаго округа.

Въ Западно-Сибирскомъ учебномъ округѣ попечительскій совѣтъ согласился съ мнѣніемъ докладчика, окружного испектора А. В. Попова, который, въ согласіи съ мнѣніями нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ педагогическихъ совѣтовъ, проектировалъ значительное сокращеніе образцовъ, нынѣ изучаемыхъ въ V и VI классахъ гимназій, съ тѣмъ чтобы „поручить преподавателю исторіи знакомить воспитанниковъ на

своихъ урокахъ съ памятниками древней литературы, изучаемыми нынѣ на урокахъ словесности, освѣщая эти памятники съ культурно-исторической точки зрѣнія".

Нѣчто подобное предлагаетъ и комитетъ при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ: сократить курсъ древней словесности, относя знакомство съ духовными писателями къ курсу церковной исторіи, а съ историческими памятниками—къ курсу русской исторіи".

Съ совершенно подобнымъ мнѣніемъ встрѣчаемся мы и въ отзывѣ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири.

Нѣкоторыя гимназіи Московскаго округа высказались въ томъ же смыслѣ.

Въ противовѣсъ изобилію отзывовъ съ проектомъ сократить курсъ старой русской литературы можно поставить два мнѣнія:

Кіевской 1-й гимназіи и Ахтырской гимназіи (Харьковскаго округа).

„Педагогическій совѣтъ Кіевской 1-й гимназіи настаиваетъ на сохраненіи и даже нѣкоторомъ расширеніи древней литературы, опасаясь, что въ противномъ случаѣ сообщаемыя свѣдѣнія будутъ безпочвенныя, и потому ученики пріобрѣтутъ знанія поверхностныя, что вредно не только въ учебномъ, но и въ воспитательномъ отношеніи".

Педагогическій совѣтъ Ахтырской гимназіи проектировалъ, чтобъ въ курсъ V класса гимназій, за выключеніемъ изъ него курса устной народной словесности, вошли бы дополнительно слѣдующія произведенія: Переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ. Стоглавъ. Четьи Минеи. Максимъ Грекъ. Симеонъ Полоцкій. Крижаничъ. Повѣсть о горѣ-злосчастіи. Посошковъ. Екатерина II. Новиковъ. Тредьяковскій. Княжнинъ. Капнистъ. Аблесимовъ. Нелединскій-Мелецкій. Сатирическіе журналы екатерининской эпохи.

Въ VI классѣ дополнительно проектируются Гнѣдичъ и Мерзляковъ.

Въ заключеніе вопроса о сокращеніи литературнаго курса, обнимающаго словесность нашу до Пушкина, коммиссія останавливается на словахъ изъ отзыва проф. Истрина, которыя представляются ей хорошо освѣщающими дѣло:

„Сокращеніе надо дѣлать осмотрительно. И въ современныхъ учебникахъ русская литература до Петра представляется какъ нѣчто безсвязное, эпизодическое, тѣмъ болѣе она представится такою, если ее сократить, какъ рекомендуютъ гимназіи. Въ такомъ случаѣ лучше ее совсѣмъ выбросить, такъ какъ иначе получается совсѣмъ невѣрное представленіе объ исторіи древне-русской письменности. Здѣсь нѣтъ возможности изложить „исторію" древне-русской литературы; но я могу утверждать, что и древне-русская литература развилась исторически, въ строгой связи съ дѣйствительностью, и ея направленія могутъ быть прослѣжены съ большей или меньшей ясностью. Къ сожалѣнію, настоящимъ (?) преподавателямъ неоткуда почерпнуть такое представленіе о до-петровскомъ періодѣ. Конечно, я не могу не согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, что чтеніе въ подлинникахъ древне-русскихъ проповѣдей не всегда приводитъ къ желательной цѣли, и предпочелъ бы имѣть хорошо и научно написанную исторію древне-русской литературы (въ видѣ учебника), которую ученики могли бы изучить, нежели прочитать нѣсколько безсвязныхъ и не характерныхъ отрывковъ

въ дополненіе къ тѣмъ невѣрнымъ и въ большинствѣ случаевъ отсталымъ замѣчаніямъ, которыя встрѣчаются во всѣхъ нашихъ современныхъ учебникахъ. Это единственный исходъ изъ настоящаго положенія".

Въ дѣйствительности, нельзя бы было понять столь единодушныхъ и повсемѣстныхъ проектовъ компетентныхъ лицъ пожертвовать значительною частью нынѣшняго средне-учебнаго курса, если бы рѣчь шла объ устраненіи познанія истинной основы нашей блестящей литературы. Но то изученіе образцовъ нашей древней и средней литературы, которымъ теперь еще занимаютъ вниманіе учениковъ средней школы, никакъ не можетъ назваться оправдавшимъ возлагавшіяся на него 15 лѣтъ тому назадъ надежды. Произведенія древней нашей письменности, которыя могутъ быть поняты и оцѣнены лишь въ историческомъ освѣщеніи, предписано изучать лишь сами по себѣ, безъ отношенія къ эпохѣ, на чтеніе и разборѣ образцовъ. Не говоря уже о недостаточныхъ познаніяхъ учениковъ V класса въ языкахъ древнерусскомъ и древне-церковно-славянскомъ, поверхностное знакомство съ нѣсколькими произведеніями, притомъ частью въ незначительныхъ отрывкахъ, не даетъ понятія о ходѣ древней русской литературы, а слѣдовательно и почти ничего не освѣщаетъ для учащихся въ тѣхъ позднѣйшихъ литературныхъ эпохахъ, которыя въ средне-учебномъ курсѣ проходятся путемъ разбора болѣе доступныхъ ученикамъ произведеній словесности. Коммиссія полагаетъ, что курсъ исторіи русской литературы совершенно необходимъ для того, чтобы на основѣ его учащіеся могли плодотворно заняться болѣе детальнымъ ознакомленіемъ съ важнѣйшими произведеніями нашей старой словесности.

Раздѣленіе памятниковъ древней нашей письменности между курсами исторіи и Закона Божія не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ пострадали бы изученіе самой словесности и оцѣнка литературнаго значенія памятника и, сверхъ того, была бы нарушена связь между древнимъ и новымъ періодомъ литературы, или же у учениковъ составилось бы ложное представленіе о томъ, что до-Петровская Русь жила столь незначительными по литературной своей цѣнности произведеніями, что ихъ можно разсматривать лишь мимоходомъ, по поводу историческихъ событій или характеристики эпохи. Прохожденіе нѣкоторыхъ отдѣловъ словеснаго курса на урокахъ Закона Божія затруднялось бы также обученіемъ въ нашихъ среднихъ школахъ иновѣрцевъ.

Вопросъ о необходимости экономить время и соотвѣтственно сокращать курсъ русской словесности въ гимназіяхъ падаетъ самъ собой въ виду того, что ослабленіе требованій по классическимъ языкамъ уже теперь, еще до окончательнаго осуществленія новаго учебнаго плана, позволяетъ расчитывать на большее число уроковъ по русскому языку и словесности, особенно въ старшихъ классахъ: слѣдовательно, гимназіи, которыя руководились въ своихъ сужденіяхъ о сокращеніи въ программѣ новаго курса исключительно прежними рамками, проектировали сокращенія свои напрасно.

Кромѣ отдѣльныхъ произведеній литературы древняго и средняго періода, весьма часто встрѣчаются въ отзывахъ проекты сокращенія курса теоріи словесности: ее предлагаютъ проходить попутно при чте-

ніи произведеній, или перенести въ V класcъ, или даже уничтожить вовсе, какъ отдѣльный курсъ.

Въ С.-Петербургскомъ округѣ „прохожденіе въ VIII классѣ самостоятельнаго курса теоріи словесности предлагается отмѣнить не только въ виду необходимости выиграть время для изученія произведеній новѣйшей литературы, но и въ виду теоретической и практической несостоятельности этого курса. Съ одной стороны, вся европейская литература уже со временъ романтизма выросла изъ формъ теоріи; нѣтъ теперь ни одъ, ни поэмъ, ни трагедій (?)... Съ другой стороны—въ практическомъ отношеніи курсъ теоріи словесности важенъ главнымъ образомъ, какъ „теорія сочиненія", которая естественно имѣетъ значеніе передъ выполненіемъ ея на практикѣ, а не наоборотъ".

Попечительскій совѣтъ Оренбургскаго округа предлагаетъ проходить необходимѣйшія свѣдѣнія по теоріи словесности попутно.

Попечительскій совѣтъ Харьковскаго учебнаго округа постановилъ, что курсъ теоріи словесности „долженъ быть нѣсколько сокращенъ и упрощенъ (онъ переносится изъ восьмого класса въ пятый); „при прохожденіи его слѣдуетъ не ограничиваться одними опредѣленіями, а иллюстрировать эти опредѣленія словесныхъ произведеній такими литературными образцами, въ которыхъ извѣстная литературная форма выражена чисто, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ слѣдующихъ классахъ, при прохожденіи русской словесности, указывалось, какъ произведенія съ теченіемъ времени стали отклоняться отъ „основныхъ видовъ".

Казанская 2-ая гимназія находитъ что особаго курса теоріи словесности не надо, а свѣдѣнія по этой наукѣ могутъ быть сообщаемы при разборѣ образцовъ.

То же признаетъ желательнымъ и педагогическій совѣтъ Ревельской Николаевской гимназіи; директоръ Перновской гимназіи находитъ цѣлесообразнымъ „совсѣмъ исключить изъ курса теорію словесности, настоящая постановка которой далеко не соотвѣтствуетъ современному состоянію этой науки".

Педагогическій совѣтъ Юрьевской гимназіи также ставитъ на второй планъ теорію словесности, „такъ какъ теорія создается на основаніи шедевровъ литературы, а не наоборотъ".

Директоръ Либавскаго реальнаго училища „находитъ возможнымъ безъ ущерба для дѣла систематическое прохожденіе теоріи словесности вообще исключить изъ курса реальныхъ училищъ".

Съ рѣзкою опредѣлительностью, чтобы не сказать парадоксально отнесся къ курсу теоріи словесности профессоръ Истринъ.

„Такъ какъ преподаваніе литературы должно и можетъ быть только историческимъ, то „теорія словесности", на которую отводится въ настоящее время VIII-ой классъ, падаетъ сама собой. Теоріи литературы нѣтъ вообще, а есть только ея исторія, и единственно можно говорить о теоріи стиля, но это уже отдѣльная, такъ сказать (?), дисциплина вводящая насъ въ область психологіи. Теоріи словесности нельзя построить ни на одной литературѣ; тѣмъ менѣе ее можно строить на литературѣ русской. Никто теперь не пишетъ ни мадригаловъ, ни сонетовъ (?!), ни балладъ, а если когда и писали баллады, то онѣ для нѣмца имѣли совершенно (?) не то значеніе, что для русскаго автора.

Какъ же можно говорить о „теоріи“ литературы? Какъ новый (?) предметъ, она должна быть совершенно исключена, а большинство свѣдѣній, включенныхъ теперь въ курсъ „теоріи“, сообщится ученикамъ при прохожденіи исторіи, такъ какъ во время подражательнаго періода русской литературы всѣ формы ея, возникшія исторически (а не теоретически), существовали и у насъ. Останется для прохожденія только теорія стиля, т.-е. стилистика, но уже стилистика русская (?!), съ необходимымъ присоединеніемъ того немногаго, что имѣетъ значеніе во всякомъ языкѣ, т.-е. различныя (?) фигуры (?) рѣчи“.

Разбирая это мнѣніе, коммиссія остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ.

1. Коммиссіи неясно, какимъ образомъ можно обходиться безъ теоріи въ той области знанія, которая имѣетъ ближайшимъ объектомъ своимъ одно изъ искусствъ, т.-е. поэзію.

2. Въ частности, въ учебномъ заведеніи, гдѣ учениковъ учатъ писать сочиненія, какъ можно обойтись безъ изученія теоріи сочиненія?

3. Коммиссія не понимаетъ, что разумѣетъ профессоръ Истринъ подъ названіемъ русская стилистика. Если подъ этимъ надо разумѣть что-либо въ родѣ трудовъ Миклошича или Зимы, то какое отношеніе такая русская стилистика будетъ имѣть къ поэзіи Пушкина, Лермонтова, Майкова? Примѣры, заимствуемые изъ области русской поэзіи едва ли сдѣлаютъ стилистику русской.

4. Теорію стиля г. Истринъ относитъ къ психологіи: почему же бы съ такимъ же правомъ не отнести къ этой области и теорію творчества?

По поводу всѣхъ высказанныхъ возраженій противъ курса теоріи словесности коммиссія можетъ замѣтить только, что ей литературное развитіе юношей въ средней школѣ представлялось бы очень неполнымъ, если бы они къ концу курса не отдавали себѣ яснаго отчета въ сущности и до нѣкоторой степени въ генезисѣ литературныхъ формъ такого мірового значенія, какъ романъ и драма, или употребляли, лишь въ обыденномъ, а не въ научномъ значеніи такія выраженія какъ типъ, символъ, юморъ. Систематическій курсъ теоріи словесности кажется коммиссіи совершенно необходимымъ, при чемъ теорія поэзіи должна, по ея мнѣнію, проходиться, по возможности въ историко-генетическомъ освѣщеніи, въ старшемъ классѣ, и служить основой для изученія или, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго разъясненія важнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, которыя такимъ образомъ получатъ нѣкоторую приспособленность въ общемъ курсѣ словесности.

VI.

Проектъ измѣненій въ учебныхъ планахъ по предмету русской словесности.

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ предыдущимъ. Коммиссія, пересматривая относящуюся сюда часть матеріаловъ, извлекла изъ нея слѣдующія данныя по распредѣленію учебнаго курса словесности между старшими классами гимназіи и реальнаго училища.

Педагогическіе совѣты С.-Петербургскаго учебнаго округа проектировали:

а) по гимназіямъ:—въ V классѣ краткія свѣдѣнія по теоріи словесности, произведенія русской народной словесности и книжная русская словесность отъ начала ея до эпохи Петра Великаго.

VI классъ—главныя произведенія русской литературы отъ Петра Великаго до Пушкина.

VII и VIII классы—произведенія русской литературы, начиная съ Пушкина.

б) по реальнымъ училищамъ сюда относятся слѣдующія три постановленія:

2. отказаться отъ особаго курса теоріи поэзіи въ V классѣ, а проходить ее по мѣрѣ изученія соотвѣтствующихъ произведеній; стилистику же и общія свѣдѣнія изъ теоріи прозы проходить въ V классѣ,

3. изученіе народной словесности отнести къ IV классу;

4. съ V класса начать систематическое ознакомленіе съ произведеніями русской литературы въ ихъ хронологической послѣдовательности.

Попечительскій совѣтъ Кіевскаго учебнаго округа проектировалъ одинаковый курсъ русской словесности для гимназіи и реальныхъ училищъ, съ тѣмъ (повидимому) условіемъ, чтобы въ реальныхъ училищахъ онъ начинался не съ V, а съ IV класса. Впрочемъ, въ отзывѣ это выражено не вполнѣ ясно.

Гимназіи.

V классъ. Пропедевтическій курсъ теоріи словесности и литература до Ломоносова.

VI—Отъ Ломоносова до Карамзина.

VII—Отъ Карамзина до Гоголя.

VIII—Новѣйшая литература и систематическій курсъ теоріи словесности.

Попечительскій совѣтъ Харьковскаго округа, относя теоретическій курсъ словесности къ V-мъ классамъ гимназіи и реальнаго училища, желалъ бы распредѣленія остальнаго учебнаго матеріала въ гимназіи между 3-мя, а въ реальномъ училищѣ между двумя классами.

Коммиссія при попечительскомъ совѣтѣ Одесскаго округа проектировала отвести для преподаванія исторіи русской литературы VI, VII и VIII классы гимназіи и V, VI, VII классы реальнаго училища; теорію словесности въ сокращенномъ объемѣ проходитъ въ V классѣ гимназіи и VI—реальнаго училища.

Попечительскій совѣтъ Оренбургскаго учебнаго округа, предлагая знакомить съ теоріею словесности попутно, проектировалъ для гимназій:

V классъ. Устная народная словесность и книжная, кончая Ломоносовымъ.

VI классъ. Отъ Фонвизина до Грибоѣдова.

VII классъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь.

VIII классъ. Новѣйшая литература.

Для реальныхъ училищъ:

V классъ. Устная словесность и книжная, кончая Державинымъ.

VI классъ. Съ Карамзина до Гоголя.

VII классъ. Новѣйшая литература.

Попечительскій совѣтъ Кавказскаго округа включилъ въ проектъ свой совершенно особую программу, по которой V и VI классы гимназіи посвящаются пропедевтическому курсу теоріи словесности на изученіи избранныхъ произведеній, а VII и VIII историко-литературному обзору произведеній русской словесности, причемъ въ VIII классъ входило бы и „повтореніе въ системѣ теоріи словесности съ дополненіемъ исторіи литературныхъ формъ и вопросовъ искусства“.

По мнѣнію комитета при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, желательно было бы курсъ древней русской литературы отнести къ VI классу, а новѣйшую въ VII классъ реальныхъ училищъ.

Педагогическій совѣтъ Якутскаго реальнаго училища проектировалъ въ VI классѣ реальнаго училища курсъ литературы до Ломоносова, а въ VII позднѣйшій періодъ и новѣйшую литературу, въ объемѣ, проектированномъ въ министерскомъ циркулярѣ.

Соображая вышеуказанные отзывы, коммиссія прежде всего оговаривается, что въ передачѣ проектовъ учебнаго плана она опускала все, что въ нихъ касалось произведеній иностранной словесности, имѣя въ виду разобрать соотвѣтствующія данныя въ особой рубрикѣ своего отчета; сверхъ того, коммиссія не видѣла практической пользы отъ свода пожеланій педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ на счетъ увеличенія числа уроковъ по русскому языку и словесности, въ виду того, что вопросъ о таблицѣ уроковъ въ преобразуемой гимназіи и реальномъ училищѣ въ ученомъ комитетѣ уже былъ всесторонне разсмотрѣнъ и рѣшенъ.

Поучительнымъ для себя въ вышеуказанныхъ проектахъ коммиссія нашла во-первыхъ, настойчиво выражаемое желаніе дать нѣкоторыя свѣдѣнія по теоріи слога и сочиненія въ самомъ началѣ курса словесности; во-вторыхъ тоже настойчиво проводимое спеціалистами желаніе по возможности уравнять литературные курсы гимназіи и реальнаго училища.

VII.

Вопросъ объ ученическихъ сочиненіяхъ, въ связи съ расширеніемъ курса.

Мысль поставить ученическія сочиненія въ связь съ новымъ матеріаломъ по русской литературѣ, повидимому, не встрѣтила особыхъ возраженій со стороны лицъ, дававшихъ отзывы. Нѣкоторыя изъ педагогическихъ коллегій выразили при этомъ намѣреніе воспользоваться спискомъ предложенныхъ циркуляромъ—лишь къ свѣдѣнію, конечно—темъ; другія отмѣчали темы, показавшіяся спеціалистамъ недостаточно опредѣленными или непосильными для учениковъ. Таково замѣчаніе педагогическаго совѣта Рижской гимназіи Императора Николая I.

Попечительскій совѣтъ Виленскаго округа находитъ, что „среди намѣченныхъ въ спискѣ темъ мало національнаго и нравственнаго фактора“. Очевидно, слова „національный и нравственный“ слишкомъ растяжимы.

По мнѣнію Московской 5-ой гимназіи, „нѣкоторыя темы отличаются мелочностью, вымученностью и не представляютъ интереса для учениковъ: таковы параллели между мелкими (?) стихотвореніями“. Другія темы слишкомъ обширны, такъ „что трудно опредѣлить ихъ содержаніе, таковы темы: „Два міра—трагедія (?)“.

Гельсингфорсская гимназія указываетъ, что „нѣкоторыя изъ темъ не

отличаются надлежащей доступностью предлагаемыхъ вопросовъ, особенно, если имѣть въ виду болѣе самостоятельное (?) разрѣшеніе ихъ учащимися. Къ числу такихъ гимназій относитъ:

1. Почему языческій міръ изображенъ Майковымъ ярче, чѣмъ христіанскій?

2. Лѣнь Обломова, какъ сложное явленіе.

3. Донъ-Кихоты въ поэзіи Тургенева.

4. Различія въ обрисовкѣ типовъ между Гоголемъ, Тургеневымъ и Гончаровымъ.

5. „Гончаровъ—созерцатель“.

Относительно проектированой въ министерскомъ циркулярѣ формы „устныхъ сочиненій“.

Харьковскій попечительскій совѣтъ призналъ устныя сочиненія полезными.

Изъ гимназій Московскаго округа объ устныхъ сочиненіяхъ высказались лишь немногія. Высказываются мнѣнія о желательности ихъ, но въ то же время о затруднительности вести ихъ по недостатку времени и необходимости пріучать учениковъ къ исполненію такого рода задачъ съ пятаго класса.

Наставникъ-руководитель Историко-филологическаго института въ Петербургѣ высказался противъ устныхъ сочиненій, въ виду того, что эта форма упражненій полезна лишь въ томъ случаѣ, когда соединена съ серьезной и продолжительной подготовкой со стороны учащихся.

Конференція института, соглашаясь съ этимъ, признаетъ, однако, что не слѣдовало бы принципіально отвергать устныхъ сочиненій, а желательно бы было заняться вопросомъ, при какихъ условіяхъ и съ какими ограниченіями (?) можно бы осуществить эти столь важныя для развитія устнаго слова учащихся упражненія.

Въ общемъ коммиссія, ознакомившись съ трактованіемъ въ отзывахъ вопроса объ устныхъ сочиненіяхъ, вынесла впечатлѣніе, что нельзя бы было дѣлать обязательнымъ этой формы упражненій, но было бы желательно, чтобы педагогическіе совѣты, которые относятся къ ней отрицательно, изыскали съ своей стороны какое-нибудь средство противъ признаваемаго всѣми равно недостатка въ нашихъ ученикахъ умѣнья правильно и ясно выражать свои мысли въ устной рѣчи.

VIII.

Вопросъ о произведеніяхъ западно-европейской литературы въ русскихъ переводахъ, какъ элементѣ курса русской словесности.

Ознакомленіе учениковъ съ главнѣйшими произведеніями западно-европейской художественной литературы рекомендуется и нынѣ дѣйствующей программой. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ не только педагогическихъ, но и попечительскихъ совѣтовъ высказывается потребность ввести это ознакомленіе въ нормальный курсъ средней школы.

Такъ попечительскій совѣтъ Оренбургскаго учебнаго округа проектируетъ распредѣленіе между V, VI и VII классами гимназіи знакомство со слѣдующими классическими именами: Гомеръ (V классъ); Шиллеръ, Гёте, Мольеръ (VI классъ); Софоклъ, Шекспиръ, Байронъ (VII классъ).

Попечительскій совѣтъ Кавказскаго округа проектируетъ въ VI классѣ

Антигону или другую классическую драму и Короля Лира; въ VII—ознакомленіе съ Шиллеромъ, Байрономъ, Мольеромъ и Шекспиромъ; въ VIII—съ Гёте и Шекспиромъ.

Попечительскій совѣтъ Кіевскаго округа желалъ бы видѣть иностранную литературу въ качествѣ отдѣльнаго предмета преподаванія въ VII и VIII классахъ гимназій, при двухнедѣльныхъ урокахъ.

Многія гимназіи Московскаго округа желали бы внести въ курсъ словесности произведенія иностранныхъ литературъ, причемъ называются имена: Гомера, Софокла, Данте, Сервантеса, Мольера, Расина, Шекспира, Гете, Шиллера, Байрона, Шенье, Диккенса и Барбье. Одна изъ гимназій желаетъ ознакомленія съ рыцарской поэзіей. Одна изъ Казанскихъ гимназій называетъ имена Сервантеса и Петрарки. Одна изъ гимназій Рижскаго округа—эпосъ западныхъ народовъ, кромѣ германскаго.

Коммиссія, констатируя настойчивое желаніе многихъ лицъ и коллегій дававшихъ отзывы, видѣть учениковъ, кончающихъ курсъ средняго учебнаго заведенія, ознакомленными съ главнѣйшими произведеніями европейской литературы, съ своей стороны остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1. Нельзя ставить вопросы о произведеніяхъ иностранной литературы въ средней школѣ исключительно въ связь съ тѣмъ вліяніемъ, которое они имѣли на русскую литературу, такъ какъ установить ближайшее вліяніе античной литературы на русскую было бы трудно, а между тѣмъ даже теперь допускается въ курсѣ русской словесности разборъ произведеній Гомера и Софокла.

2. Нельзя ставить рядомъ по учебно-воспитательному значенію для русской школы художественныя произведенія, написанныя на русскомъ языкѣ, съ переводными, какъ бы ни казались хороши для даннаго времени переводы. Переводъ художественнаго произведенія неизбѣжно привноситъ элементъ, чуждый переводимому автору, и притомъ чужое произведеніе въ переводѣ не дастъ ученику любви къ родному слову, къ родной землѣ и къ родному пейзажу, — между тѣмъ какъ нѣтъ истинно-художественнаго произведенія русскаго, въ которомъ такъ или иначе не проявлялась бы если не любовь поэта къ родинѣ, то хотя сознаніе силы и обаятельности родного слова; въ этомъ отношеніи очень характерно отношеніе западника Тургенева къ русскому языку и языку творчества.

3. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что отнынѣ новые языки становятся въ нашей средней школѣ нормальными предметами курса, и что поэтому нѣкоторыя изъ произведеній Расина, Мольера, Шиллера и Гете будутъ прочитываться и объясняться въ классахъ преподавателями новыхъ языковъ, при чемъ преподаватель русской словесности можетъ пользоваться этимъ для иллюстраціи положеній своего курса.

4. Вводить чтеніе и разборъ иностранныхъ произведеній въ сколько-нибудь значительномъ объемѣ и числѣ служило бы къ несомнѣнному ущербу для изученія русскаго художественнаго слова, въ виду необходимости удѣлять много времени на работу надъ произведеніями въ переводѣ лишь на половину художественными.

5. Вопросъ о созданіи новаго средне-учебнаго предмета „иностранной литературы“ (переводной?) является несвоевременнымъ въ виду того, что таблица уроковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уже выработана; потому

коммиссія не сочла нужнымъ разсматривать мнѣніе Кіевскаго округа по существу.

6. Коммиссія полагаетъ, что на иностранныхъ художественныхъ произведеніяхъ слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе учащихся главнымъ образомъ въ заключительномъ курсѣ теоріи поэзіи, но что подробно разбирать и въ этомъ курсѣ такія произведенія, какъ Фаустъ или Божественная комедія, не будетъ времени: курсъ, конечно, долженъ быть расчитанъ на то, чтобы заинтересовать учениковъ перлами западно-европейской поэзіи, но въ русской школѣ читаться они должны въ переводахъ по преимуществу во внѣклассное время.

II. Программы курса русской словесности и объяснительныя къ нимъ записки.

1. Общія положенія.

По соображеніи изученнаго ею матеріала съ существомъ дѣла, коммиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ.

1. Основной курсъ русской словесности расчитанъ на гимназію, какъ школу съ восьмилѣтнимъ курсомъ. Для реальнаго училища, въ виду его шестиклассмаго состава и необходимости дать нѣчто законченное для прохожденія въ двухъ старшихъ его классахъ, долженъ быть выработанъ особый курсъ.

2. Курсъ теоріи словесности въ видѣ элементарно-эпизодическомъ долженъ быть преподанъ ранѣе систематическаго курса исторіи русской словесности. Нельзя приступать къ писанію сочиненій, не имѣя понятія о теоріи сочиненія, и разбирать литературные памятники безъ усвоенія основъ теоріи прозы и поэзіи: поэтому въ курсѣ IV класса предполагается, на ряду съ изученіемъ грамматики древняго церковно-славянскаго языка и въ связи съ чтеніемъ соотвѣтствующей русской хрестоматіи, пройти небольшой теоретическій курсъ, примѣрная программа котораго прилагается.

3. Курсъ народной словесности, отдѣляемый въ проектѣ отъ курса исторіи русской литературы, относится на V-й классъ: коммиссія придаетъ народной словесности большое значеніе, какъ благодаря разнообразію и жизненности ея содержанія, такъ и въ цѣляхъ усвоенія учениками чистой народной рѣчи.

4. При составленіи программъ преслѣдовались, главнымъ образомъ, двѣ цѣли: научность и систематичность курсовъ.

5. Въ программѣ историческаго курса словесности (V—VII классы) коммиссія отмѣтила то, что казалось ей наиболѣе существеннымъ, въ теоретическомъ такого выдѣленія сдѣлано не было.

Во всякомъ случаѣ коммиссія полагаетъ въ интересахъ столь важнаго предмета, какъ русская литература, необходимымъ предоставленіе педагогическимъ совѣтамъ видоизмѣнять и сокращать программы по русской словесности, сообразно мнѣніямъ спеціалистовъ и мѣстнымъ условіямъ, лишь бы при этомъ не нарушалась система курсовъ, выработанная коммиссіей по тщательномъ соображеніи опытныхъ и теоретическихъ данныхъ.

6. При курсѣ теоріи поэзіи имѣлось въ виду поставить на солидную почву ознакомленіе учащихся съ произведеніями западно-европейской литературы.

7. Курсы V и VI классовъ состоятъ въ представляемомъ проектѣ каждый изъ двухъ частей: первая систематическая — историко-литературная, вторая—эпизодическая, которая ставится въ ближайшую связь съ веденіемъ ученическихъ сочиненій, какъ письменныхъ, такъ и устныхъ.

2. Объяснительная записка къ проекту новой програмлы.

Цѣль курса. Изученіе словесности и, сторическое и теоретическое, должно дать ученикамъ ясное понятіе о сущности поэтическаго творчества, о механизмѣ его и, наконецъ, объ его исторіи. Оканчивающій курсъ средняго учебнаго заведенія долженъ вступать въ жизнь съ яснымъ пониманіемъ и знаніемъ родной поэзіи и главнѣйшихъ явленій западно-европейской. Это „знаніе“ должно быть болѣе или менѣе законченнымъ, чтобы юноша, получившій аттестатъ зрѣлости, могъ сознательно относиться къ родной и чужой литературѣ, могъ бы безъ труда оріентироваться въ главныхъ явленіяхъ прошлаго и настоящаго этихъ литературъ. Для этого необходимо, чтобы школа дала прежде всего ясную систему въ распредѣленіи матеріала, нужно создать такую стройную схему въ планѣ преподаванія, чтобы ученики знакомились не съ разрозненными случайными, мало-связанными отдѣлами теоретическаго и историческаго курса словесности, а съ такимъ курсомъ, въ основу котораго съ начала преподаванія, съ I класса до послѣдняго VIII-го, положена была ясная идея, опредѣленно поставленная цѣль.

Необходимыя исправленія въ существующей программѣ изученія словесности. Для того, чтобы создать такую систему, надо прежде всего правильнѣе распредѣлить матеріалъ, надъ которымъ долженъ оперировать преподаватель словесности, и очистить составъ этого матеріала, отбросивъ все то, что, по существу своему не должно входить въ область поэтическаго творчества, введя все, что, по странной случайности или недосмотру, не вошло пока въ этотъ составъ.

Теорія словесности. Прежде всего обращаетъ вниманіе ненормальная постановка у насъ теоретическаго курса словесности. По самому существу своему, онъ распадается на двѣ части: 1) вступительную, въ которой излагается собственно теорія сочиненія, механизмъ поэтическаго творчества — и 2) характеристику литературныхъ жанровъ, производимую на разборѣ образцовъ.

Первая часть несомнѣнно должна имѣть мѣсто не въ VIII классѣ, гдѣ она является лишней, такъ какъ практика ее давно уже опередила,—а въ томъ классѣ, гдѣ ученики начинаютъ серьезно заниматься разработкой сочиненій, т. е. въ IV классѣ, послѣ основательнаго изученія этимологіи и синтаксиса, послѣ цѣлаго ряда простыхъ пересказовъ устныхъ и письменныхъ, которые должны начинаться послѣ изученія синтаксиса, т. е. изученія строя предложеній, простыхъ и сложныхъ. IV классъ долженъ ученикамъ дать теорію сочиненія, долженъ дать понятіе о стилистикѣ, о прозаическомъ и поэтическомъ изложеніи, о періодахъ. Все это совершенно излишне въ VIII классѣ, гдѣ это является слишкомъ элементарнымъ, слишкомъ извѣстнымъ изъ многолѣтней практики.

Вторая часть курса теоретическаго, характеристика литературныхъ жанровъ, точно также является въ VIII классѣ какимъ-то лишнимъ привѣсомъ, такъ какъ, оперируя большею частью надъ произведеніями, которыя уже нашли себѣ мѣсто при прохожденіи курса историческаго, она

даетъ очень мало новыхъ свѣдѣній. Эти свѣдѣнія исключительно сводятся къ ознакомленію учениковъ съ немногими явленіями всемірной литературы.

Чтобы раціональнѣе и плодотворнѣе поставить преподаваніе теоріи словесности, необходимо раздѣлить этотъ курсъ:—первую часть, такъ сказать, пропедевтическую (теорію сочиненія) отнести на IV классъ, гдѣ она будетъ совершенно у мѣста, такъ какъ явится 1) законнымъ развитіемъ курса I — III классовъ, и 2) подготовленіемъ учениковъ къ курсу историческому въ которомъ ученики встрѣтятся съ „сочиненіями", прозаическими и поэтическими,—а вторую часть (характеристика жанровъ) 1) пополнить исключительно изученіемъ главнѣйшихъ явленій всемірной литературы. Исключеніе изъ этого курса произведеній русской литературы дастъ возможность ввести сюда въ достаточномъ количествѣ произведенія міровыхъ геніевъ,—2) сдѣлать изъ этого курса, дѣйствительно, нѣчто такое, что представляло бы собой завершеніе всего курса словесности. Для этого надо создать курсъ такъ сказать, философіи исторіи и теоріи литературы. Сюда вошли бы, напримѣръ, изученіе вопросовъ психологіи творчества, законовъ развитія литературы, научное изученіе особенностей и исторіи поэтическаго стиля, характеристика литературныхъ направленій, взаимодѣйствіе личности писателя и общества, и рядъ другихъ подобныхъ вопросовъ, которые даже не затрагиваются въ теперешнихъ учебникахъ теоріи, повторяющихъ старые схоластическіе взгляды XVII столѣтія. Для такого философскаго курса теоріи словесности матеріала найдется не мало: онъ будетъ опираться на курсъ философской пропедевтики, на трехлѣтній курсъ исторіи русской словесности, на знакомство учениковъ съ величайшими произведеніями всемірной литературы. Этотъ курсъ, дѣйствительно, будетъ завершеніемъ всему восьмилѣтнему изученію русскаго языка и словесности.

Исторія словесности. Выборъ произведеній для программы. Обращаясь къ курсу „историческому", невольно замѣчаешь и здѣсь цѣлый рядъ промаховъ въ выборѣ матеріала, въ распредѣленіи его, въ самой системѣ изложенія.

Прежде всего бросается въ глаза, что въ курсъ исторіи литературы введено много произведеній, ничего общаго съ поэзіей не имѣющихъ. Таковы, напримѣръ, „Поученіе Владиміра Мономаха", „Переписка Грознаго съ Курбскимъ", „Домострой" и пр. А съ другой стороны, въ курсъ не введено почти житій, легендъ, повѣстей — т. е. того учебнаго матеріала, на которомъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій воспитывались идеалы русскихъ людей. Въ этихъ произведеніяхъ много поэзіи, много высокаго чувства; они необходимы для пониманія не только древней русской жизни и литературы, но и народной, и новѣйшей (Достоевскій и Толстой). Такимъ образомъ, въ новой программѣ надо подвергнуть тщательному пересмотру составъ тѣхъ произведеній которыя должны войти въ курсъ историческій. Болѣе тщательный подборъ произведеній, несомнѣнно, создастъ надъ древней литературой атмосферу своеобразной поэзіи, которую чувствовали и чувствуютъ простые русскіе люди, но не чувствуетъ нашъ интеллигентъ. „Псалмы" царя Давида—неизсякаемый источникъ живой и высокой поэзіи—вдохновляли русскихъ людей въ теченіе многихъ вѣковъ; они вдохновляли Ломоносова, Сумарокова, Державина, они захватили даже Пушкина,—но они остаются совершенно невѣдомы намъ, людямъ „образованнымъ". Если говорить объ „исторіи литературы", то нельзя миновать того, что въ теченіе вѣковъ было источникомъ чистыхъ и высокихъ вдохновеній. Когда наши ученики ознакомятся съ по-

этическими настроеніями древней Руси, передъ ихъ глазами раскроются необъятные горизонты,—имъ яснѣе и понятнѣе сдѣлается многое и въ новой Руси, въ расколѣ, въ „русскихъ людяхъ“ новѣйшей русской литературы, въ міросозерцаніи такихъ писателей, какъ Толстой и Достоевскій, которые сумѣли заглянуть въ душу тѣхъ русскихъ людей, которые въ тайникахъ души сохранили идеалы родной старины.

Народная словесность. Въ распредѣленіи матеріала при изученіи словесности, нельзя не замѣтить также не мало коренныхъ недосмотровъ. Почему знакомство съ народной поэзіей внесено въ курсъ историческій? — Развѣ возможно къ этому отдѣлу примѣнить какой-нибудь изъ историческихъ методовъ? Развѣ можно связывать сказки, пѣсни и пр. съ какой-нибудь исторической эпохой? Въ настоящемъ своемъ видѣ къ тому же народная словесность изучается и въ теоретическомъ курсѣ. Тамъ она умѣстнѣе, такъ какъ ее только и возможно проходить по „жанрамъ“, т. е. такъ, какъ поставлено изученіе теоріи словесности. Но въ теоріи словесности этотъ отдѣлъ проходится бѣгло, вниманіе ученика скользитъ по двумъ-тремъ пѣснямъ, двумъ сказкамъ тремъ былинамъ... и, въ результатѣ, ученикъ не знаетъ народнаго творчества, не понимаетъ поэтическихъ настроеній родного народа; для него остается чуждъ этотъ народъ, который до сихъ поръ живетъ своимъ міромъ. Многіе ли изъ учениковъ, кончающихъ курсъ гимназіи, знаютъ, что народная лирика богаче своимъ содержаніемъ лирики искусственной, что ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни всѣ позднѣйшіе поэты во всей ихъ совокупности не охватили такъ полно всей человѣческой жизни, всѣхъ ея событій и настроеній, какъ это сдѣлала простонародная пѣсня? Кто изъ учениковъ, кончающихъ курсъ, знаетъ, какъ тѣсно связаны художественно-поэтическія эмоціи простого народа съ жизнью природы, какъ празднуетъ народъ до сихъ поръ традиціонными пѣснями и обрядами весеннее пробужденіе могучихъ силъ природы?

Вотъ почему знакомство съ народной поэзіей должно быть широкое и основательное. Для этого надо народную поэзію освѣтить этнографическимъ толкованіемъ, надо ввести въ курсъ большее количество произведеній. Весь этотъ курсъ возможно пріурочить къ V классу, такъ какъ матеріалъ этотъ легко и съ интересомъ усваивается въ этомъ возрастѣ: сказки былины, пѣсни, заговоры,—все это очень интересно и нисколько не обременительно. Этнографическій элементъ, введенный въ этотъ курсъ, сведется къ разсказамъ объ обычаяхъ и нравахъ русскаго народа („свадьба“, „похороны“‘ „народные праздники“ и пр.); на такомъ фонѣ народное творчество сразу пріобрѣтаетъ смыслъ и значеніе, а потому и интересъ. Курсъ народной словесности „долженъ стоять особнякомъ отъ курса историческаго, но въ то же время въ средней школѣ его удобнѣе проходить раньше изученія древней литературы, такъ какъ онъ даетъ нѣкоторое представленіе о народной поэзіи язычниковъ-славянъ, онъ поможетъ понять и оцѣнить всю „народность“ „Слова о Полку Игоревѣ“.

Эпизодическое или историческое изложеніе курса словесности. Что касается до курса собственно „историческаго“, то и здѣсь возникаетъ рядъ крупныхъ недоразумѣній, безъ разрѣшенія которыхъ нельзя браться за составленіе новой программы. Въ мнѣніяхъ, представленныхъ различными округами, неоднократно выражается пожеланіе, чтобы эпизодическое изученіе произведеній словесности замѣнено было „историческимъ“. Это требованіе основано на глубокомъ недоразумѣніи. „Исторіи русской литературы“ нѣтъ

еще и въ университетахъ,—и тамъ до сихъ поръ общій курсъ литературы носитъ отчасти эпизодическій характеръ. Происходитъ это потому, что нашъ предметъ въ совокупности недостаточно изученъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы представить себѣ полную и ясную картину исторіи, хотя бы псевдо-классической драмы, надо взять ее цѣликомъ, надо привлечь всѣ произведенія,—тогда получится картина полная съ правильными выводами. Между тѣмъ, въ общемъ курсѣ университета указывается нѣсколько произведеній Сумарокова, Княжнина и Озерова. Развѣ эти три имени могутъ представить всю исторію жанра иначе, какъ въ эпизодическомъ изложеніи? Донынѣ и въ учебникахъ, и въ университетскихъ лекціяхъ говорится о Карамзинѣ, что онъ—„отецъ русской повѣсти“,—тогда какъ до него мы имѣемъ болѣе 1500 романовъ на русскомъ языкѣ, изъ нихъ болѣе 100 „оригинальныхъ“ Изъ этихъ примѣровъ видно, что еще для университета не настало время вполнѣ научной „исторической“ постановки изученія словесности.

Молодой человѣкъ, оканчивающій курсъ средне-учебнаго заведенія, долженъ знать и понимать прошлое родной исторіи, поскольку это прошлое выразилось въ главнѣйшихъ событіяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ, поскольку оно нашло себѣ отраженіе въ творчествѣ народа. Для средней школы совершенно достаточно ознакомиться съ главнѣйшими, наиболѣе характерными проявленіями этого творчества. Такимъ образомъ изученіе словесности должно остаться по-прежнему „эпизодическимъ“, но 1) составъ произведеній, входящихъ въ программу, долженъ быть тщательно пересмотрѣнъ—отброшено то, что не имѣетъ въ себѣ ни зерна поэзіи,—включено то, что пока не входило въ программы, а затѣмъ—2) необходимо внести болѣе научное распредѣленіе въ программу, болѣе ясный планъ, въ которомъ выдержаны принципы дѣленія. До сихъ поръ исторія русской литературы не знала этого плана ни въ учебникахъ, ни въ „научныхъ“ пособіяхъ. Въ книгѣ Незеленова встрѣчаемъ дѣленіе то „по вѣкамъ“, то по именамъ императоровъ, то по именамъ писателей. Въ сочиненіи А. Н. Пыпина дѣленіе идетъ по литературнымъ жанрамъ, но такое дѣленіе для средней школы неудобно, такъ какъ при немъ совершенно теряется пониманіе послѣдовательности въ развитіи народнаго творчества.

Дѣленіе исторіи литературы по эпохамъ. Гораздо раціональнѣе дѣленіе исторіи литературы по культурно-историческимъ эпохамъ. Литература есть выраженіе настроеній, мыслей и идеаловъ извѣстнаго времени. Исторія русской культуры указываетъ ясно, что нѣсколько разъ эти настроенія мысли и идеалы мѣнялись въ большей или меньшей степени,—поэтическое творчество всегда ясно отражало эти перемѣны. Курсъ изученія словесности и долженъ быть такъ поставленъ, чтобы ученику ясной сдѣлалась эта связь творчества съ эпохой; смѣна эпохъ и смѣна литературныхъ вкусовъ, поскольку она выразится въ наиболѣе выдающихся твореніяхъ,—поможетъ ученику установить преемственность историческихъ моментовъ русской культуры.

Такими моментами были слѣдующіе: 1) Кіевская Русь до XIII в., 2) эпоха переходная отъ Кіева къ Москвѣ (до XV в.); 3) Московская Русь (XV—XVI в.); 4) эпоха разложенія Москвы (XVII в.—a) юго-западная русская литература XVII в.—b) Московская Русь наканунѣ Петра); 5) Петровская (Петербургская) Россія; 6) Екатерининская Россія; 7) Александровская Россія; a предшественники Пушкина, b) Пушкинъ, c) Гоголь. Послѣдній 8-й отдѣлъ (обзоръ главнѣйшихъ направленій русской литературы второй половины XIX в. a) Писа-

тели Пушкинскаго направленія; b) писатели Гоголевскаго направленія; c) писатели-моралисты). Конецъ этой программы теряетъ тотъ характеръ, который выдержанъ въ примѣненіи ко всей предшествовавшей литературѣ. Произошл это потому, что въ XIX в. рамки литературныхъ направленій слишкомъ разростаются въ размѣрѣ и притомъ слишкомъ индивидуализируются, чтобы было возможно примѣнить къ ней схему, выработанную для эпохъ предшествовавшихъ. Вопросъ о систематизаціи русской литературы XIX столѣтія—еще вопрсcъ далекаго будущаго. Можно было, конечно, назвать 8-й отдѣлъ: Николаевская Россія, и ввести 9-ый—шестидесятые годы, отмѣтить въ нихъ прогрессивное и реакціонное направленіе, при чемъ къ первому отнести всю обличительную литературу, ко второй ту, которая стала возвращаться къ идеаламъ древней Руси (аскетизмъ, нравственное самосовершенствованіе, народничество и пр.), но такое распредѣленіе матеріала было бы неудовлетворительнымъ, такъ какъ въ первую часть (обличительная литература) вошло бы слишкомъ мало произведеній, доступныхъ изученію въ школѣ. Въ результатѣ осталась бы схема безъ содержанія. Вотъ почему лучше 8-му отдѣлу придать менѣе отвѣтственное названіе: „обзоръ главнѣйшихъ направленій русской литературы второй половины XIX столѣтія“.

Дѣленіе по жанрамъ. Затѣмъ возникаетъ второй вопросъ, не менѣе важный: какъ распредѣлить изученіе литературнаго матеріала въ предѣлахъ каждой исторической эпохи? Распредѣлять ли этотъ матеріалъ по писателямъ, какъ это обыкновенно дѣлается, или распредѣлить по жанрамъ, какъ это, мало-по-малу, прививается въ послѣднее время у насъ и на западѣ? Удобства второго метода выражаются главнымъ образомъ въ томъ, что рельефнѣе дѣлается жизнь литературы, біографія писателя отойдетъ совсѣмъ въ мелкій шрифтъ, и вмѣстѣ съ этимъ сократится лишній нелитературный матеріалъ, яснѣе сдѣлается взаимодѣйствіе одного жанра съ другимъ, введется болѣе научное историко-генетическое освѣщеніе литературы взамѣнъ біографическаго, къ тому же непослѣдовательно и случайно проведеннаго, такъ какъ многихъ біографій у насъ нѣтъ, другія (напр., Ломоносова) мало общаго имѣютъ съ исторіей литературы. Конечно, біографіи такихъ писателей, какъ Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, должны войти въ курсъ въ самомъ широкомъ объемѣ, такъ какъ онѣ необходимы для пониманія ихъ творчества; но самодовлѣющаго значенія біографіи не должны имѣть даже здѣсь, тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ сами произведенія стоятъ за себя (напр., хотя бы произведенія Майкова, Тургенева и др.). Это дѣленіе по „жанрамъ“ дастъ возможность связать „исторію“ литературы съ „теоріею“ (характеристика жанровъ), дастъ возможность ввести въ курсъ необходимые экскурсы въ область западныхъ литературъ. Какъ легко, напримѣръ, объяснить вліяніе псевдоклассицизма на русскую литературу XVIII в. Мы беремъ разные жанры: „лирика“ (оды), „эпопея“, „романъ“, „теорія словесности“ и, помѣстивъ всѣ эти жанры въ рамки извѣстной эпохи, смотримъ, что произошло съ одой, драмой, романомъ и т. д. Когда впервые приходится говорить о псевдоклассической литературѣ, тогда умѣстно сдѣлать и объясненіе, откуда взялась хотя бы „ода“, какъ сложилась у грековъ, какъ она выразилась у французовъ XVI—XVII вв., какія типичныя выраженія нашла у насъ: оды Ломоносова и Сумарокова прекрасно рисуютъ расцвѣтъ псевдоклассической оды у насъ и вырожденія ея въ пародіи („вздорныя“ оды), въ поэзію дѣйствительности („разныя оды“). Возьмемъ

ли псевдоклассическую оду въ слѣдующую культурно-историческую эпоху—„Екатерининскую“,—на „одахъ“ Хераскова и Державина мы увидимъ съ очевидной ясностью иное, новое отраженіе культурной жизни. То же можно продѣлать съ другими литературными видами. Результаты будутъ ясны и осязательны: ученикъ увидитъ изъ сопоставленія литературнаго творчества двухъ эпохъ, какое различіе въ нихъ; онъ увидитъ возникновеніе новыхъ жанровъ, какъ результатъ наростанія новыхъ интересовъ и культурныхъ потребностей. Изъ этого всего видно, какъ неудобно располагать литературный матеріалъ по именамъ авторовъ,—сразу нарушится стройность картины, осязательность выводовъ; произведенія затеряются въ біографическомъ хламѣ, часто анекдотическаго свойства; относительно каждаго писателя придется отдѣльно говорить, какъ онъ реагировалъ на различныя вліянія внѣшнія и внутреннія, какъ измѣнялись его взгляды, какъ случайны были его нѣкоторыя произведенія.

Схематичность предлагаемой программы. Первое впечатлѣніе, которое производится новой программой, это—ея схематичность. Но въ этомъ стараніи ясно и точно разобраться въ литературномъ матеріалѣ есть и большое значеніе. Въ рукахъ преподавателя и ученика всегда будетъ цѣлая схема исторіи русской литературы, въ которой легко оріентироваться, легко всякому литературному явленію найти его мѣсто. Эта систематичность въ изложеніи курса поможетъ легко и прочно усвоить сущность главныхъ моментовъ развитія нашего творчества, а для будущихъ студентовъ-филологовъ она поможетъ съ надлежащимъ пониманіемъ отнестись къ „спеціальнымъ“ курсамъ по исторіи литературы, или къ такимъ „общимъ курсамъ“, которые въ университетахъ, увы, часто не захватываютъ предѣловъ новой литературы.

Обиліе матеріала. Быть можетъ, обратить на себя вниманіе и обиліе новыхъ именъ, новыхъ произведеній, вошедшихъ въ программу. На первый взглядъ покажется, что курсъ „исторіи русской литературы“ сдѣлался тяжелѣе, что въ немъ много балласта не только стараго, но еще и новаго,—но на это приходится возразить—1) сокращать или вычеркивать цѣлые отдѣлы изъ исторіи древней русской литературы невозможно, разъ является единодушнымъ требованіемъ внести историческое прохожденіе литературы. Въ сущности требованіе вычеркнуть изъ курса древней литературы ради новѣйшей въ научномъ отношеніи такой же non sens, какъ, если бы изъ курса ботаники выкинуть изученіе рѣдьки ради ананаса 2) многое зависитъ отъ того, какъ проходить предложенный курсъ. Сознательно преслѣдуя желаніе внести схематичность въ построеніе курса, составители программы вносили ради полноты картины многія имена и произведенія, на которыхъ ученикамъ останавливаться долго нѣтъ надобности: сжатая характеристика учебника, нѣсколько словъ учителя,—и этого достаточно. Лишь съ произведеніями наиболѣе важными желательно ознакомить учениковъ цѣликомъ, путемъ класснаго и домашняго чтенія или въ пересказахъ и выдержкахъ. Для этого, конечно, должны быть составлены соотвѣтствующія пособія.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Къ 1-му мая 1905 года по отдѣлу XXX спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія „капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ“ состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами	2.549	р. 94 к.
Процентными бумагами на нариц. сумму . . .	3.121.000	„ — „
Изъ нихъ:		
$3^8/_{10}$% конверсіонныя облигаціи на	132.000	„
4% свид. государственной ренты	94.200	руб.
$4^1/_2$% облигаціи Моск. гор. кр. общества . . .	229.000	„
„ „ С.-Петерб. гор. кр. общ. . . .	244.300	„
„ закл. лист. Московск. земельн. банка . .	220.000	„
„ „ „ Бессар.-Таврическаго „ . . .	225.200	„
„ „ „ Донского „ . . .	234.400	„
„ „ „ Полтавскаго „ . . .	223.900	„
„ „ „ Кіевскаго „ .	235.800	„
„ „ „ Яросл.-Костромского „ . .	220.500	„
„ „ „ Виленскаго „ . . .	225.700	„
„ „ „ Нижег.-Самарскаго „ . . .	225.300	„
„ „ „ Харьковскаго „ . . .	199.600	„
„ „ „ Земск. банка Херсонской губ. .	229.600	„
„ „ „ С.-Петерб. Тульск. поз. банка .	166.500	„
5% „ „ Тифлисскаго двор. зем. банка .	15.000	„
Итого . .	3.121.000	руб.

Ассоціаціи школьной взаимопомощи во Франціи.*)

Находясь нѣкоторое время во Франціи и присматриваясь,—иногда съ завистью и всегда съ обиднымъ, тяжелымъ чувствомъ,—къ ея общественнымъ учрежденіямъ, я особенно заинтересовался однимъ учрежденіемъ, мимо котораго не можетъ, мнѣ кажется, пройти ни одинъ даже самый поверхностный наблюдатель, благодаря его глубокому смыслу и оригинальности въ осуществленіи.

Учрежденіе это носитъ названіе тожественное съ заглавіемъ этой статьи... Собственно, идея школьной взаимопомощи — идея далеко не новая; но нигдѣ, насколько мнѣ извѣстно, въ основаніи ея не былъ положенъ такой высокій, чистый нравственный принципъ, какъ именно во Франціи.

Я обратился къ различнымъ источникамъ и, особенно къ докладу основателя первой ассоціаціи школьной взаимопомощи Ж. К. Кавэ, прочитанному имъ на конгрессѣ поборниковъ этой идеи въ Монпеллье въ 1900 году, ожидая встрѣтить только сухія математическія выкладки, высчитывающія количество матеріальныхъ благъ каждаго члена при условіи участія его въ ассоціаціи, обезпеченность существованія опять таки благодаря участію въ ассоціаціи и отсюда, какъ логическій выводъ—непремѣнное поступленіе въ ассоціацію школьной взаимопомощи.

Не въ меньшей степени, чѣмъ самой идеей, я былъ заинтересованъ ея реализаціей, ибо, съ одной стороны, очень часто хорошія дѣла слѣдуютъ извѣстной итальянской поговоркѣ: хоть и прекрасно задумано, но зато плохо сдѣлано; съ другой стороны, приступая къ ознакомленію съ ассоціаціями, я былъ немного предубѣжденъ: дѣйствительно „хороша ли“ реализація?

---

*) Всѣ цифры, приведенныя въ моей статьѣ, взяты изъ книжки „La mutualité à l'école“ par Henri Gilbault Paris 1904 и изъ доклада инспектора народныхъ школъ Эдуарда Пти министру народнаго образованія.

Для цифръ изъ другихъ источниковъ приведены соотвѣтствующія оговорки.

И вотъ почему. Дѣло въ томъ, „что въ этихъ ассоціаціяхъ принимаетъ участіе не только юношество обоего пола, но также и громадное большинство дѣтей, начиная съ трехлѣтняго возраста; и я относился немного съ недовѣріемъ къ тому, могутъ ли дѣти сознательно относиться къ этой идеѣ, т. е. идеѣ школьной взаимопомощи и если да, то не достигается ли эта сознательность какимъ нибудь нежелательнымъ путемъ для будущаго общества, въ которое войдутъ эти дѣти, напримѣръ, эгоистическимъ разсчетомъ, основаннымъ исключительно на личной выгодѣ въ будущемъ отъ участія въ названной ассоціаціи.

Я убѣдился въ противоположномъ.

Предо мною былъ человѣкъ, твердо вѣрующій въ то, что, если человѣчество когда либо придетъ къ своему идеалу совершеннаго общества, то только благодаря единенію, солидарности на почвѣ взаимной помощи, заботы другъ о другѣ. И эта вѣра была не однимъ для него словомъ. Видя въ единеніи залогъ человѣческаго счастья, онъ *только потому* рѣшился реализировать эту свою вѣру хотя бы въ малыхъ объемахъ, въ ничтожныхъ размѣрахъ, какъ напр. въ ассоціаціяхъ дѣтей, подростковъ и юношей.

Я сказалъ „только потому“. Но развѣ вѣра-то эта, вѣра въ необходимость и благотворность ассоціацій, недостаточна? Развѣ не оправдывалась она тысячи разъ въ исторіи? Вспомните чудные стихи великаго Виктора Гюго, который говорилъ объ ассоціаціи, что она извлекла тяжелую ступню нашихъ отцовъ, погрязшую въ тину прошлаго.

„Le pied tragique de nos pères
„Dans l'äpre fande du passé.

Окиньте взоромъ всемірную исторію человѣчества, и каждый шагъ его, каждая страничка этой исторіи, развѣ не говоритъ вамъ о великой роли ассоціаціи и человѣческихъ единеній во всѣ времена, во всѣ эпохи?

Нужно, чтобы въ сознаніе и чувство каждаго, и еще болѣе въ чувство, чѣмъ въ сознаніе, проникла эта вѣра, нужно, чтобъ каждый понялъ, что единеніе учитъ насъ высшей справедливости и высшему добру, учитъ насъ поступать съ ближнимъ такъ, какъ мы хотимъ, чтобы съ нами поступали.

Понимая это не только разумомъ, но и сердцемъ, французскій педагогъ Ж. К. Кавэ задался цѣлью осуществить ту идею, въ которую онъ вѣрилъ, хотя бы и въ малыхъ размѣрахъ, но осуществить quand même.

Кавэ понялъ, какую прекрасную среду для выработки и развитія солидарности представляютъ дѣти, особенно дѣти, вступившія въ первое общество—школу, и онъ беретъ этихъ дѣтей, даже начиная съ трехлѣтняго возраста, соединяетъ ихъ въ маленькія общества, каждаго члена котораго онъ заставляетъ понимать не словами, а примѣромъ, средой, которую онъ же создаетъ вокругъ нихъ, заставляетъ понимать идею ихъ сообщества, заставляетъ понимать, что такое думать о другомъ, помогать другому, претворяетъ ихъ мысль въ дѣло, и послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ подобныхъ ассоціаціяхъ, это дѣло, эта мысль становятся для нихъ привычной мыслью, привычнымъ дѣломъ.

Такимъ образомъ ассоціаціи школьной взаимопомощи являются учрежденіями, имѣющими великое нравственное и воспитательное значеніе, ибо они приготовляютъ поколѣніе людей, въ плоть и кровь которыхъ внѣдрились идеи солидарности, справедливости и добра, и которые на нихъ смотрятъ не какъ на добродѣтель, могущую быть, но какъ качество, необходимо присущее каждому.

Въ своей книгѣ „L'education de la democratie française“ (Воспитаніе французской демократіи) Буржуа говоритъ: „Какого бы рода ни была ассоціація, будь то ассоціація образовательная или же ассоціація гражданскаго воспитанія, — ея главная цѣль — учить каждый день посвящать себя общей цѣли, воспроизводить на маленькомъ пространствѣ уменьшенный образъ, видимый даже только для нѣкоторыхъ, того, чѣмъ должно быть все человѣчество, сущность котораго состоитъ не въ заботѣ о себѣ, а въ любви и заботѣ о другихъ“ *).

Первая школьная ассоціація взаимопомощи была основана 1-го января 1881 года Ж. К. Кавэ въ 19-мъ парижскомъ округѣ. И съ тѣхъ поръ всѣмъ ассоціаціямъ подобнаго типа было присвоено названіе „les petits Cavè“, по имени ихъ основателя. Ихъ матеріальная выгода состоитъ въ томъ, что она по истеченіи извѣстнаго срока обезпечиваетъ своимъ соучастникамъ извѣстную пожизненную пенсію, и кромѣ-того, во время участія въ ассоціаціи всѣ участники могутъ разсчитывать на помощь въ случаѣ болѣзни, если таковая не хроническая.

Что даетъ обществу средство не только существовать, но оказывать широкую матеріальную поддержку всѣмъ своимъ членамъ? Возможность существованія общества и его широкой помощи поддерживается еженедѣльными вкладами всѣхъ членовъ въ кассу обще-

---

*) L'Education de la democratie française, Bourgeoic стр. 231 (въ оригиналѣ).

ства десяти сантимовъ. Членами же подобнаго общества состоятъ дѣти, начиная съ трехлѣтняго возраста до 18 лѣтъ, и, если въ данномъ обществѣ существуетъ еще и секція для взрослыхъ, то срокъ пребыванія продолжается отъ 18-ти лѣтъ до пятидесяти пяти.

Изъ этихъ десяти сантимовъ, которые даже для очень бѣдныхъ семей не могутъ явиться обременительными (10 сантимовъ на наши деньги около 4 к.), изъ этихъ десяти сантимовъ пять сантимовъ идутъ на образованіе вспомогательнаго фонда и другіе пять образуютъ запасной капиталъ. И если считать число вкладчиковъ во Франціи, въ 1904 г. достигшее 620 тысячъ человѣкъ, то капиталъ, вложенный ими вообще въ кассу общества, достигаетъ до 3 милліоновъ 224 тысячъ франковъ.

Думая, что все таки могутъ найтись дѣти семей настолько неимущихъ, что, не смотря на все ихъ желаніе, они все-таки не смогутъ внести необходимыхъ десяти сантимовъ, Кавэ обратился къ большой публикѣ съ слѣдующимъ возваніемъ:

„Всѣ дѣти могутъ быть членами соучастниками нашихъ ассоціацій школьной взаимопомощи, такъ какъ всѣ могутъ дѣлать взносы въ два су *) еженедѣльно“.

„Даже неимущіе смогли бы ихъ имѣть“.

„Я обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ великодушнымъ умамъ, которые меня прочтутъ: не сможете ли вы, которымъ это легко, давать каждую субботу неимущимъ дѣтямъ легкую работу, которая приносила бы имъ десять сантимовъ заработка Я видѣлъ въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ великодушные люди давали бѣднымъ дѣтямъ кроликовъ. Дѣти воспитывали этихъ маленькихъ животныхъ, давая имъ ѣсть траву, которую они находили въ поляхъ, по выходѣ изъ школы и, когда кролики выростали, дѣти продавали ихъ своимъ покровителямъ, получая такимъ образомъ возможность вносить еженедѣльно необходимые десять сантимовъ“.

Что же мы видимъ?

Въ школахъ, гдѣ существуетъ организація „les petits Cavé“, вы не найдете ни одного ребенка, не вносящаго двухъ су.

Не знаю, чему это, приписать: отзывчивости-ли французской публики, или же возможности всякой семьи давать ребенку десять сантимовъ еженедѣльно, но и то и другое одинаково характерно для французовъ.

Каждый вносящій прекрасно понимаетъ, что возможность жить вполнѣ самостоятельно во время болѣзни даетъ ему не тѣ два су, которые онъ вноситъ еженедѣльно, но тѣ взносы, которые дѣлаются

---

*) су—5 сантимовъ.

его товарищами, и не будь ихъ, онъ одинъ со своими десятью сантимами ничего бы не могъ подѣлать.

Видя такое значеніе ассоціаціи, онъ тѣмъ сознательнѣе и охотнѣе дѣлаетъ свои взносы, воодушевленный желаніемъ сдѣлать товарищамъ своимъ то же, что они дѣлаютъ для него.

И такимъ образомъ, дѣти, вырабатывая въ себѣ чувство солидарности, пріучаются къ высшей формѣ предусмотрительности; они научаются понимать, что обезпечить необходимое всѣмъ гораздо важнѣе, чѣмъ дать излишекъ нѣкоторымъ, и такого рода школьная взаимопомощь, кромѣ нравственнаго значенія, которое она имѣетъ, показываетъ дѣтямъ все значеніе сбереженій, но сбереженій, направленныхъ не только для себя, не эгоистическихъ, а сбереженій, которыя вносятся въ общую кассу для пользованія не только вкладчика, но и его товарища, такого же соучастника организацій, какъ и онъ.

Изъ десятисантимнаго еженедѣльнаго взноса 5 сантимовъ идутъ на образованіе вспомогательнаго фонда, а другіе пять образуютъ или запасной общій капиталъ (общіе пенсіонные фонды), или же образуютъ личный запасный капиталъ (въ этомъ случаѣ взносы идутъ въ такъ называемую личную пенсіонную книжку).

I. Вспомогательный фондъ составляется слѣдующимъ образомъ:

a) изъ вкладовъ въ су (5 сант.) членовъ-соучастниковъ,

b) изъ вкладовъ почетныхъ членовъ *),

c) изъ штрафныхъ денегъ,

d) изъ различныхъ добровольныхъ вкладовъ, не направленныхъ на общій запасной фондъ и

e) вообще изъ всѣхъ рессурсовъ общества, не имѣющихъ другого назначенія.

Какъ указываетъ его названіе, фондъ этотъ всецѣло разсчитанъ на вспомоществованія своимъ больнымъ и неимущимъ членамъ. Но и кромѣ этого, всѣ другіе расходы, какъ-то: расходы по пропагандѣ, по печатанію отчетовъ и по администраціи всецѣло относятъ на его счетъ. Суммы, принадлежащія этому фонду, находятся a) въ кассахъ казна-

---

*) Кромѣ членовъ-соучастниковъ, существуютъ еще члены почетные, которые, способствуя благосостоянію общества, совершенно не пользуются его услугами. Раздѣленіе это совершилось чисто естественнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ интеллигентныхъ французскихъ семей настолько зажиточны, что не нуждаются въ вспомоществованіи общества, тѣмъ не менѣе отдаютъ своихъ дѣтей въ подобныя ассоціаціи изъ-за того нравственнаго и воспитательнаго значенія, которое ассоціаціи эти имѣютъ, и въ то же время дѣлаютъ свои еженедѣльные взносы въ два су, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ и больше.

чея до достиженія цифры, опредѣленной статутомъ в) въ сберегательныхъ кассахъ и с) на текущихъ счетахъ сохранныхъ кассъ.

II. Общій запасный капиталъ (общіе пенсіонные фонды) составляются изъ вторыхъ пяти сантимовъ еженедѣльнаго взноса, если они, эти пять сантимовъ, не направлены на личный запасной капиталъ въ личную пенсіонную книжку. Кромѣ того, онъ можетъ составляться тѣми же вкладами, что и вспомогательный фондъ. Различіе между этими двумя фондами состоитъ въ слѣдующемъ: въ то время, какъ вспомогательный фондъ предназначенъ на вспомоществованіе во все время участія члена въ обществѣ, общій запасный капиталъ распредѣляетъ свою помощь въ видѣ ежегодныхъ пенсій по достиженіи члена минимумъ 50-ти лѣтъ и только въ томъ случаѣ, если вкладчикъ состоялъ членомъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 15-ти лѣтъ.

III. О личной пенсіонной книжкѣ я буду говорить немного дальше, когда затрону вопросъ о методахъ образованія пожизненныхъ пенсій...

Въ чемъ состоятъ обязанности общества къ его членамъ? Прежде всего въ помощи, въ поддержкѣ членовъ во время ихъ болѣзни; но необходимо оговориться, что поддержку эту члены могутъ получать не съ перваго дня ихъ вступленія въ общество, а только послѣ трехмѣсячнаго участія въ немъ. Помощь эта выражается въ томъ, что члены-соучастники могутъ пользоваться заботами общества, т. е. безвозмезднымъ леченіемъ и медикаментами въ продолженіе извѣстнаго срока, напр., не больше 6-ти мѣсяцевъ для каждой болѣзни. Но, кромѣ этого, они получаютъ отъ общества во все время своей болѣзни и денежное вспомоществованіе: въ теченіе перваго мѣсяца по пятидесяти сантимовъ ежедневно, и въ послѣдующіе мѣсяцы по двадцатипяти сантимовъ.

Въ случаѣ, если болѣзнь хроническая, общество не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ.

Общество имѣетъ своей цѣлью не только поддержку членовъ во время ихъ болѣзни, но также и обезпеченіе старости своихъ участниковъ, если таковые дѣлали свои взносы. Это обезпеченіе выражается въ формѣ пожизненныхъ ежегодныхъ пенсій, выдаваемыхъ обществомъ всѣмъ членамъ, начиная съ пятидесяти пятилѣтняго возраста.

Размѣръ этой пенсіи зависитъ прежде всего отъ количества лѣтъ, въ продолженіе которыхъ производятся вклады, причемъ минимумъ лѣтъ обозначенъ въ пятнадцать, и отъ того, какъ производятся эти вклады. Этотъ послѣдній вопросъ приводитъ къ вопросу о методахъ образованія пожизненной пенсіи.

Для образованія пожизненной пенсіи членъ-соучастникъ можетъ пользоваться методами трехъ родовъ:

1) Онъ можетъ дѣлать вклады исключительно для образованія личнаго запаснаго капитала. Въ этомъ случаѣ онъ пользуется личной пенсіонной книжкой, отчего и самый методъ получилъ названіе метода личной пенсіонной книжки.

2) Онъ можетъ дѣлать вклады не только для образованія личнаго запаснаго капитала, но и для образованія общихъ пенсіонныхъ фондовъ, причемъ въ данномъ случаѣ методъ носитъ названіе одновременнаго существованія личной пенсіонной книжки и общихъ фондовъ и, наконецъ,

3) членъ можетъ производить взносы только для образованія общихъ пенсіонныхъ фондовъ, и въ этомъ случаѣ методъ называется методомъ общаго фонда.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ методовъ въ отдѣльности.

Первый методъ состоитъ въ томъ, что не только половина еженедѣльнаго вклада (5 сантимовъ) идетъ на образованіе личнаго запаснаго капитала (что возможно), но и въ концѣ года суммы, не издержанныя на вспомоществованіе, но вошедшія въ составъ вспомогательнаго фонда, распредѣляютъ по личнымъ пенсіоннымъ книжкамъ; особенность же личныхъ пенсіонныхъ книжекъ состоитъ въ томъ что суммы, записанныя по нимъ, не поступаютъ въ общую пользу, а только въ пользу того лица, на имя котораго выдана личная пенсіонная книжка.

Методъ этотъ почти что не употребляется въ ассоціаціяхъ школьной взаимопомощи, ибо въ немъ отсутствуетъ самое главное, корень подобныхъ ассоціацій взаимопомощи, безъ чего они, ассоціации эти, теряютъ свой raison d'être. О подобныхъ ассоціаціяхъ Кавэ говоритъ: „Общества взаимопомощи безъ общаго фонда не напоминаютъ ли вамъ пчелъ безъ улья?"

Нужно признать всю мѣткость подобнаго сравненія. Кромѣ этого недостатка, методъ личной пенсіонной книжки ведетъ за собой неудобство и чисто матеріальнаго свойства: въ то время, какъ капиталы, вложенные въ общій фондъ, наростаютъ по $4^1/_2$ %, капиталы, вложенные въ личный запасной фондъ, наростаютъ по $3^1/_2$ %. Разница въ 1% бываетъ иногда очень ощутительна, принимая во вниманіе цифру той суммы, которую достигаетъ вложенный капиталъ.

Второй методъ, методъ одновременнаго существованія личной пенсіонной книжки и общихъ фондовъ, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ распространенныхъ. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: члены изъ десятисантимнаго еженедѣльнаго взноса пять сантимовъ употребляютъ на образованіе личнаго запаснаго капитала (по личной

пенсіонной книжкѣ), а другіе пять сантимовъ идутъ на образованіе общаго фонда. Повторяю, этотъ методъ одинъ изъ наиболѣе употребляемыхъ.

Третій методъ общаго фонда, самый прибыльный методъ, состоитъ въ томъ, что всѣ 10 сантимовъ вносятся для образованія общихъ фондовъ, и такъ какъ капиталъ въ этомъ случаѣ наростаетъ по $4^1/_2\,^0/_0$, то вполнѣ понятно, что и пожизненная пенсія въ этомъ случаѣ наибольшая.

Кавэ, въ своемъ докладѣ конгрессу 1900 года, приводитъ очень интересныя цифры, которыми показываетъ все преимущество общаго фонда передъ личной пенсіонной книжкой:

Допустимъ, говоритъ онъ, что одинъ ребенокъ вноситъ въ кассу общества ежегодно 4 франка на общій фондъ и 1 фр. 20 сантимовъ на личный запасной капиталъ; другой же производитъ вклады наоборотъ: 1 фр. 20 сантим. на общій фондъ и 4 франка на личный запасной капиталъ. Что-же мы видимъ?

Въ то время, какъ первый ребенокъ, производя эти вклады съ 3-хъ лѣтъ по 18-ый годъ, получаетъ пожизненную пенсію, въ общемъ равную 85 фр. 96 сантим., второй ребенокъ получитъ за то же время только 41 фр. 43 сантима. Разница, какъ видите, почти что вдвое.

Если же мы возьмемъ двухъ членовъ, производящихъ вклады на тѣхъ-же условіяхъ, что и два ребенка, ... по

съ возраста		18-ти	лѣтъ	по	32*) — то	первый	получитъ	37	ф.	07 с.
„	„	—	„	„	— „	второй	„	20	„	73 „
„	„	32-хъ	„	„	47 „	первый	„	13	„	85 „
„	„	—	„	„	— „	второй	„	9	„	33 „
„	„	47-ми	„	„	62 „	первый	„	3	„	08 „
„	„	—	„	„	— „	второй	„	2	„	82 „

Конечно, оговаривается Кавэ, цифры носятъ только приблизительный характеръ, но важно здѣсь указать преимущество одного метода предъ другимъ, преимущество общаго фонда передъ личной пенсіонной книжкой. Первый составляетъ результатъ личныхъ сбереженій, второй—результатъ сбереженій, направленныхъ на общую пользу, и къ чести французовъ нужно отнести то, что преобладающее большинство, и если я скажу, что всѣ, то немногимъ ошибусь, ассоціацій пользуется методомъ общаго фонда и личной книжки.

Остановимся немного на тѣхъ цифрахъ, которыхъ достигаетъ пожизненная пенсія вкладчика, если таковой вноситъ свои вклады въ

---

*) Беру всюду пятнадцатилѣтній срокъ, такъ какъ это минимумъ, дающій право на полученіе пенсіи.

кассу въ теченіе только 15 лѣтъ и въ теченіе всего срока. При этомъ мы принимаемъ во вниманіе, что половина вкладовъ производится на образованіе личнаго запасного капитала, другая же на образованіе общаго фонда, т. е. по 2 франка 60 сантим. ежегодно на тотъ и другой предметъ. Беру именно этотъ случай, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ вклады производятся именно такимъ образомъ. Возьму сначала примѣръ съ вкладчикомъ, дѣлающимъ свои взносы съ 3-хъ до 18-ти лѣтъ.

Приведемъ сначала таблицу, въ которой показано, какъ послѣдовательно съ каждымъ годомъ увеличивается сумма пожизненной пенсіи, если вкладчики дѣлаютъ свои взносы, начиная съ 3-хъ лѣтъ *).

Возрастъ члена.	Сумма по общ. фонду.	по л. п. к.
3 года	4.498	3.498**)
4 „	4.186	3.255
5 лѣтъ	3.926	3.053
6 „	3.666	2.851
7 „	3.458	2.689
8 „	3.250	2.257
9 „	3.068	2.386
10 „	2.912	2.264
11 „	2.156	2.143
12 „	2.620	2.037
13 „	2.496	1.941
14 „	2.366	1.840
15 „	2.236	1.739
16 „	2.106	1 638
17 „	2.028	1.577
18 „	1.924	1.499
Всего по об. ф.	47.496	по л. п. к. 36.934

Пенсія = 84 франкамъ 43 сантим.

Таблица эта ясно показываетъ послѣдовательное возрастаніе пенсіи, которая въ первомъ году равна только 7 фр. 996 сант. (4.498 по общ. ф. и 3.489 по лич. пен. книж.); во второмъ году сумма эта увеличивается на 7.441 фр., въ третьемъ къ этой увеличенной суммѣ прибавляется еще и т. д. до 18-ти лѣтъ; къ этому возрасту сумма

*) Таблица составлена по Фрайэ, парижскій учитель (l'école nouvelle).

**) Вполнѣ понятно, почему по личной пенсіонной книгѣ пенсія получается меньше, чѣмъ по общему фонду, хотя сумма (2,60) одна и та же: вѣдь проценты по общему фонду равны $4^1/_2$, а по личн. пенс. книж. $3^1/_2$.

пенсіи равна уже 84 фр. 43 сант., которые членъ можетъ получать ежегодно по достиженіи имъ пятидесятипятилѣтняго возраста. Итакъ, во все время своего участія въ обществѣ членъ пользуется всякаго рода помощью и поддержкой общества, а по достиженіи старости пользуется еще и пенсіей въ 84 фр. 43 сант. ежегодно, и все это только потому, что онъ въ теченіе 15 лѣтъ, дѣлая ежегодные взносы по 5 фр. 20 сант., т. е. всего внесъ за все время участія 78 франковъ. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ членъ не перестаетъ вносить 5 фр. 20 сант. ежегодныхъ и по достиженіи имъ 18-тилѣтняго возраста. Начиная съ этого возраста, онъ можетъ перейти въ такъ называемую секцію для взрослыхъ (съ 3-хъ лѣтъ по 18 секція называется дѣтской) и продолжать свое участіе, внося вклады, пользуясь помощью общества, и по достиженіи имъ старости получаетъ пенсію гораздо большую 84 фр. 43 сантим. Чтобы опредѣлить въ этомъ случаѣ цифру пенсіи, воспользуюсь опять-таки докладомъ Кавэ.

Предупреждая сначала читателя, что цифры его приблизительны, такъ какъ размѣръ пенсіи зависитъ не только отъ времени участія члена въ обществѣ (принимая во вниманіе сумму вклада, равную для всѣхъ—5 фр. 20 сант.), но и отъ многихъ другихъ крайне различныхъ условій, благодаря которымъ сдѣлать точный расчетъ очень трудно, Кавэ даетъ самую минимальную по его разсчетамъ цифру пенсіи, которую можетъ получить членъ по достиженіи имъ 55-тилѣтняго возраста и при условіи участія въ ассоціаціи съ 3-хъ лѣтъ до 55.

Цифра эта колеблется между 130—135 франками! Мы видѣли, что членъ за все время своего участія въ обществѣ можетъ внести въ самомъ лучшемъ случаѣ 270 франковъ (55 лѣтъ по 5 фр. 20 с. составляетъ 270 фр.).

За эту сумму онъ пользуется во время своего участія почти-что неограниченной помощью денежной и натуральной (медикаментами и докторомъ) и, кромѣ того, по истеченіи 55-ти лѣтъ, получаетъ ежегодную пенсію въ размѣрѣ приблизительно половины той суммы, которую онъ всего внесъ. Но этого мало; въ случаѣ смерти члена, его наслѣдникамъ, если таковые имѣются, возвращается сумма въ 135 франковъ, такъ что въ первый годъ послѣ выступленія изъ обществъ ему возвращается вся сумма въ случаѣ смерти (его наслѣдникамъ), или, же если онъ остался живъ, ежегодная пенсія въ размѣрѣ половины той суммы, которую онъ внесъ. Размѣръ этотъ, который я выше по Кавэ опредѣлилъ въ 135 фр., по расчетамъ того же Кавэ, обыкновенно превышаетъ эту цифру и достигаетъ до

148 фр. 90 сантимовъ *). Я не стану подробно приводить здѣсь вычисленій довольно сложныхъ и запутанныхъ Кавэ; приведу ихъ только вкратцѣ:

Беретъ онъ чаще всего употребляющійся размѣръ вклада: 2.60 въ личную пенсіонную книжку и 2.60 въ общій фондъ; благодаря первымъ вкладамъ образуется капиталъ въ 58 фр. 60 с.; благодаря вторымъ вкладамъ образуется капиталъ въ 90 ф. 30 с.; что вмѣстѣ даетъ 148 ф. 90 сант. Этотъ случай опять-таки показываетъ намъ преимущество метода общихъ фондовъ передъ методомъ личной пенсіонной книжки, ибо, если бы вкладчикъ вносилъ на общіе фонды не половину взноса 2 ф. 60 с., а весь (5.20), то онъ былъ бы обезпеченъ пенсій не въ 148 ф. 90 с., а въ 180 ф. 60 с. (дважды (90.30).

Какимъ же образомъ, можетъ спросить меня удивленный читатель, общество; располагая только суммами, происходящими отъ 10-анститимныхъ еженедѣльныхъ взносовъ, оказываетъ такую широкую помощь въ различныхъ формахъ. Для отвѣта на такой вопросъ, необходимо заглянуть въ закулисную сторону дѣла, которой громадное большинство публики и не интересуется. Возьмемъ опять-таки общество обыкновеннаго типа, въ которомъ половина вкладовъ идетъ на образованіе общаго фонда, другая половина въ личную пенсіонную книжку. При такихъ условіяхъ общество, получая ежегодно отъ члена по 5-ти франковъ 20 сантимовъ, только половину этихъ денегъ можетъ тратить на функцію собственно взаимопомощи (на вспомогательный фондъ и на общій запасной капиталъ), ибо другая половина идетъ въ личную пенсіонную книжку.

Многолѣтній опытъ показалъ, что дѣти поставляютъ въ среднемъ въ году на каждые 3 дня $2^1/_2$ для болѣзни. Это съ одной стороны; съ другой, благодаря безкорыстной работѣ въ ассоціаціяхъ учителей и учительницъ французскихъ школъ, расходы администраціи очень незначительны и не превышаютъ въ годъ на каждаго члена 1 ф. 30 с. Такимъ образомъ, за вычетомъ расходовъ въ 1 ф. 30 с. остается сумма въ 1 ф. 30 с. (2.60—1.30=1.30), которая всецѣло идетъ въ общій запасной капиталъ. Тутъ нужно добавить, что ассоціація школьной взаимопомощи пользуется государственной субсидіей, которая регулируется особыми законами. Въ виду размѣровъ журнальной статьи и большей спеціальности вопроса, который массѣ публики можетъ быть не интересенъ, я не буду останавливаться на этой сто-

*) Это увеличеніе происходитъ, благодаря различнымъ условіямъ, какъ напр.: приношенія и завѣщанія почетныхъ членовъ, поддержка государства и т. д.

ронѣ дѣла; приведу только размѣръ государственной субсидіи *). Размѣръ этотъ опредѣленъ закономъ въ одинъ франкъ въ годъ на каждаго соучастника **) плюсъ еще четверть суммы вклада, на вычетъ расходовъ. Итакъ, въ данномъ случаѣ изъ 2.60 фр. остается только чистаго вклада 1 ф. 30; государственная субсидія такимъ образомъ достигаетъ суммы въ 1 франкъ $+ {}^{1}/_{4}$1 ф. 30 сант. $\frac{1+1 \cdot 30}{4}$ = 1 ф. 30 с.); государствен. субсидія, значитъ, равна 1 ф. 30 сант.

Этотъ франкъ 30 сант. совершенно покрываетъ собой тѣ расходы, которые были сдѣланы обществомъ, расходы въ случаѣ болѣзни члена и расходы но администраціи. Такимъ образомъ возстановляется вся сумма, внесенная членомъ въ годъ (т. е. 2.60 на общіе фонды и вспомогат. капиталъ и 2.60 на личн. запас. капит., оставшіеся нетронутыми, въ общемъ всѣ 5 ф. 20 с.). Сумма эта зачастую возрастаетъ, благодаря вкладамъ почетныхъ членовъ, дарамъ, завѣщаннымъ имуществамъ и т. п.

Теперь читатель пойметъ, что общество можетъ оказывать такую широкую поддержку всѣмъ своимъ членамъ потому, что членъ, вкладывая ежегодно по 5 фр. 20 сант. въ кассу общества, пользуется всякаго рода вспомоществованіемъ, денежнымъ или натуральнымъ помимо этихъ пяти франковъ, которые всецѣло идутъ на созданіе запасного капитала, т. е. пожизненной пенсіи; общество не вычитываетъ изъ вклада члена расходы, сдѣланные для него въ какой бы то ни было формѣ, и которые мы опредѣлили въ 1 фр. 30 с. и ее выгадываетъ, благодаря государственной поддержкѣ. Теперь мы остановимся на нѣкоторыхъ ассоціаціяхъ для того, чтобы на фактахъ показать матеріальную помощь, приносимую ими, а вмѣстѣ съ тѣмъ фактами же или, вѣрнѣе, цифрами показать преимущество общихъ фондовъ передъ личной пенсіонной книжкой ***).

Возьмемъ самую старую ассоціацію, основанную еще Кавэ въ

---

*) Желающимъ подробно ознакомиться съ этимъ именно вопросомъ могу указать слѣдующіе источники: 1) I. Barbaret, Commentaire de la loi du 1-er avril 1898, 2) Bapport du munistre de l'entèrieur sur les opéralions des sociétés de secours mutuel pendant l'année 1900, 3) Arrété ministreriol en date dnlt 30 avril 1900 и 4) A. Dupun. La mutualite scolaire (le Votume).

**) Если вкладъ его не ниже 1 ф. 30 с., по вычетѣ суммы, внесенной въ личную пенсіонную книжку и расходовъ общества; напр. въ данномъ случаѣ въ концѣ вкладъ члена равенъ 5 ф. 20 с.; 2 ф. 60 идутъ въ личную пенс. книжку; 1 ф. 30 с. расходы; остается 1 ф. 30 с.

***) Дѣлаю это потому, что раньше не останавливался на какихъ-либо ассоціаціяхъ; а цифры мои говорили, что таковы должны быть результаты; теперь покажу, каковы они есть.

19-мъ парижскомъ округѣ въ 1881 г., и какъ здѣсь ее называютъ, общество типъ, (la société—type).

Беремъ рапортъ этого общества, составленный въ 1900 г. т. е. послѣ девятнадцатилѣтняго существованія, и читаемъ тамъ:

„За 19 лѣтъ своего существованія общество имѣетъ въ своей кассѣ около 180000 франковъ, которые были внесены членами, какъ вклады.

Если бы подобная сумма была внесена въ банкъ, то въ 19 лѣтъ вмѣстѣ съ наросшими процентами (которые составляютъ приблизительно 33000 фр.) она составила бы сумму въ 213000 франковъ.

Ассоціація же школьной взаимопомощи 19-го парижскаго округа послѣ расходовъ на вспомоществованіе въ случаяхъ болѣзни и вообще послѣ расходовъ всякаго рода (въ общемъ) что составило 78000 франковъ, въ своихъ рукахъ располагало суммой въ 244000 франковъ.

Считая же израсходованные 78000 фр., мы можемъ смѣло сказать, что 180000 франковъ, вложенные членами въ видѣ вкладовъ, послѣ 19-ти лѣтъ превратились въ сумму 322000 фр. (244000+78000=322000 фр.); въ то время, какъ такая же сумма, положенная въ банкъ, превратились бы послѣ столькихъ же лѣтъ въ 213000 фр. Ассоціація школьной взаимопомощи такимъ образомъ реализировала въ свою пользу сумму въ 109000 франковъ. Нужно еще добавить, что ассоціаціи удалось это сдѣлать и потому еще, что участники ея дѣлали вклады, главнымъ образомъ, въ общіе фонды. Чтобы показать, что это дѣйствительно такъ, что общіе фонды играютъ выдающуюся роль въ результатахъ ассоціаціи, я приведу два примѣра.

Возьмемъ 2 ассоціаціи, существующія одинаковое время, и покажемъ результаты, которыхъ достигла одна и другая.

Сначала воспользуюсь результатами ассоціаціи, въ кассу которой вносились деньги и для общаго фонда, и для личнаго капитала, причемъ для перваго вдвое больше, чѣмъ для второго.

Ассоціація эта, la grande Cavé de l'Ardeche)--существуетъ сравнительно недавно, съ 1-го января 1899 года, и за 4 года своего существованія, къ 31-му декабря 1902 года общая сумма вкладовъ достигла 114015 франковъ 55 с.

Составимъ небольшую табличку расходовъ, чтобы увидѣть, какой суммой она для нихъ располагала.

Расходы на „взаимопомощь“.	25.710	33
Вложено въ личныя пенсіон. книжки. .	41.863	—

Къ 1903 году въ свободн. фондахъ она имѣла капиталъ.	18.999	67
Къ этому же времени въ общихъ фондахъ.	72.972	43
	159.545	43

Это значитъ, что она владѣла къ 1-му января 1903 года капиталомъ въ 159545 фр. 43 с., т. е. за 4 года существованія своего она реализировала 45000 франковъ, ибо капиталъ 159545 фр. больше первоначальнаго капитала въ 114015 фр. именно на эту сумму.

Теперь же возьмемъ ассоціацію, которая существуетъ вкладами, вносимыми главнымъ образомъ для образованія личнаго запасного капитала въ личную пенсіонную книжку. Посмотримъ, какихъ результатовъ она достигла.

Такого рода ассоціація школьной взаимопомощи въ департаментѣ Haute—Loire, основана, какъ и ассоціація la grande Cavé de l'Ardéche, въ 1899 г.; разсмотримъ ея результатъ за 4 года существованія.

Прежде всего сразу же бросается въ глаза громадная разница: сумма вкладовъ къ 1-му января 1900 г. достигла всего только 14242 45 с. (въ то время, какъ за это же время сумма вкладовъ въ выше названной ассоціацій достигла 114015 фр., въ 8 разъ слишкомъ больше). Это, между прочимъ, указываетъ и на большую популярность, какой пользуются среди населенія общіе фонды въ сравненіи съ личной пенсіонной книжкой.

Мнѣ могутъ возразить, что если бы оно было дѣйствительно такъ, то тогда, по закону спроса и предложенія, такихъ ассоціацій не существовало-бы. Я отвѣчу, что подобныхъ ассоціацій не существовало бы дѣйствительно, если-бы онѣ подчинялись закону спроса и предложенія, т. е. если бы онѣ возникли естественнымъ образомъ.

Но въ томъ-то все и дѣло, что ихъ до сихъ поръ создавали чисто искусственнымъ образомъ, не сообразуясь съ тѣмъ, существуетъ ли на нихъ спросъ или нѣтъ. Объясню, въ чемъ дѣло.

Какъ во всякомъ вопросѣ, такъ и въ вопросѣ объ употребленіи методовъ въ ассоціаціи (въ данномъ случаѣ метода личныхъ или общихъ фондовъ) существуютъ разногласія. Одни придерживаются мнѣнія, что необходимо придерживатсья метода только общихъ фондовъ, другія, наоборотъ, защищаютъ методъ личной пенсіонной книжки, третьи же придерживаются золотой середины. Свои мнѣнія каждая сторона выражаетъ не только въ печати, споритъ и защищаетъ ихъ не только словесно, но также и старается ихъ реализировать. Созданіе въ департаментѣ Hautle-Loire ассоціаціи, основанной на методѣ личныхъ фондовъ, и обязано только желанію стороны, придер-

живающейся убѣжденія въ цѣлесообразности именно этого метода, показать на дѣлѣ преимущество ихъ метода; такимъ образомъ ассоціація это создалась чисто искусственнымъ образомъ: не она была вызвана потребностями, но она хотѣла вызвать потребность въ себѣ. Этого не могла она сдѣлать, результаты оказались далеко не блестящи для нея, какъ я это сейчасъ покажу, и она представила только лишній козырь въ рукахъ защитниковъ общаго фонда.

Я лично того мнѣнія, что такіе опыты будутъ производиться теперь все рѣже и рѣже; ибо они будутъ убѣждать противниковъ общихъ фондовъ въ ихъ неправотѣ, и такимъ образомъ развитіе ассоціаціи школьной взаимопомощи пойдетъ по вполнѣ естественному пути.

Теперь продолжаю объ ассоціаціи Hautle-Loire. Итакъ, сумма ея вкладовъ достигла 14242 фр. 45 с. т. е. въ 8 слишкомъ разъ меньше суммы ассоціаціи. „La grande Cavé de l'Ardéche.

Въ теченіе четырехлѣтняго своего существованія она израсходовала на „взаимопомощь“	3726 ф. 25 с.
Она вложила въ личныя пенс. книжки	4656 „ „ „
Капиталъ, оставшійся у нея свободнымъ, къ 1-му января 1903 года достигъ	6181 „ 36 *)
Всего .	14563 „ 61 с.

Сравнивая эту сумму съ первоначальной, мы видимъ, что эта ассоціація смогла за 4 года своего существованія реализовать сумму только въ 321 ф. 16 с. (14563.61—14242.45=321 ф. 61 с.)

Припомните эту сумму, которую реализировала за то же время (4 года) ассоціація, основанная на общихъ фондахъ (45000 фр.), и вы увидите разницу, увидите воочію, какой методъ предпочтительнѣе... Впрочемъ, комментаріи излишни: цифры говорятъ сами за себя!

Понятно, что такіе результаты не могли не повести за собой и соотвѣтствующій ростъ подобныхъ ассоціацій. Повторяю, что не однѣ матеріальныя выгоды привлекаютъ въ себѣ французовъ. Доказательствомъ этому можетъ служить тотъ фактъ, что число ассоціацій достигло громадной цифры ужъ 10 лѣтъ тому назадъ, когда ни о какихъ блестящихъ результатахъ не могло быть еще и рѣчи,— это съ одной стороны; съ другой—существованіе на ряду со школьными ассоціаціями многихъ другихъ, дающихъ также не малые результаты, но совершенно не претендующія на нравственное воздѣй-

*) Общихъ фондовъ не существуетъ въ этой ассоціаціи, такъ какъ она основана по методу личныхъ пенсіонныхъ книжекъ.

ствіе, и сравнительно холодное отношеніе къ нимъ французовъ тоже подтверждаютъ это.

Нѣтъ, не только матеріальныя выгоды привлекаютъ къ себѣ французовъ... Но объ этомъ я ужъ достаточно говорилъ въ началѣ статьи и, не желая повторяться, перейду прямо къ росту ассоціацій школьной взаимопомощи *).

Со времени основанія первой ассоціаціи, т. е. съ 1-го января 1881 г., по 1895 г. во всей Франціи насчитывалось всего 10 подобныхъ группъ, слѣдовательно, ни о какихъ матеріальныхъ результатахъ нельзя было судить, вслѣдствіе такой ихъ малочисленности. Но вотъ въ слѣдующемъ 1896 году число ассоціацій сразу же выростаетъ въ 11 разъ и достигаетъ цифры 110. Можно предположить только о нравственномъ воздѣйствіи членовъ какъ другъ на друга, такъ и на своихъ братьевъ, сестеръ, товарищей и т. д. Въ 97—98 годахъ мы насчитываемъ ужъ 400 ассоціацій школьной взаимопомощи, и затѣмъ число ихъ изъ года въ годъ безпрерывно увеличивается;

Годы	Число ассоціацій
98—99	871
99—900	1497
900—901	2017
901—902	2734
902—903	3000
1904	3991

Послѣдняя цыфра показываетъ, что число ассоціацій въ 20 лѣтъ слишкомъ (съ 1881—1904) возросло въ 400 разъ.

Собственно, только благодаря такому-то росту, можно и объяснить матеріальные результаты обществъ взаимопомощи, а не наоборотъ, ибо только громадное участіе членовъ въ ассоціаціяхъ дало возможность имъ существовать такъ блестяще!

Во всей Франціи насчитываютъ членовъ всѣхъ возрастовъ въ 620000 человѣкъ, принадлежащихъ къ ассоціаціямъ „les petites Cavé, которыя ежегодно вкладываютъ 4 милліона франковъ, **) принимая во вниманіе, что многіе изъ членовъ вносятъ больше назначенныхъ 10 сантимовъ въ недѣлю. Изъ этихъ 4 милліоновъ еже-

*) Для цифровыхъ данныхъ пользуюсь здѣсь докладомъ инспектора народныхъ школъ Эдуарда Пти министру народнаго образованія, напечатаннымъ 19-го октября 1904 г. въ оффиц. газетѣ франц. республики (journael officiel de la Republique Fancaise).

**) 1 франкъ=37,5 копѣекъ по нынѣшнему курсу.

годно тратится только на вспомоществованія въ случаяхъ болѣзни на такъ называемыя „j urnées de maladie“ 800000 франковъ.

Разсмотримъ цифровыя данныя нѣкоторыхъ парижскихъ округовъ, представляющія большой интересъ. Парижъ, какъ извѣстно, раздѣленъ на 20 округовъ, и всѣ они, за исключеніемъ 7-го, 13-го и 14-го, имѣютъ группы школьныхъ ассоціацій. Приведу цыфры наиболѣе значительныхъ округовъ. Ассоціація 5-го округа насчитываетъ 2121 члена, 8-го округа—1480 членовъ

10	„	„	. 2900	„
11	„	„	. 4403	(2050 дѣв. 2353 мальч.)
12	„	„	. 2453	(916 дѣв. 1537 мальч.)
15	„	„	. 4237	члена
16	„	„	. 1807	„
17	„	„	. 2249	„
18	„	„	. 6000	„
19	„	„	. 4700	„
20	„	„	. 5996	„

Бросается сейчасъ же въ глаза значительное количество членовъ въ округахъ 11-мъ, 15-мъ, 19-мъ, 20-мъ и 18-мъ.

Это объясняется тѣмъ, что перечисленные округи населены главнымъ образомъ рабочими и интеллигентными семьями. Особенно въ этомъ отношеніи характеренъ 18-ый округъ или Монмартръ. Эта часть города населена семьями французскихъ художниковъ, литераторовъ и рабочихъ, дѣти которыхъ всѣ, не исключая даже очень богатыхъ семей, вносятъ свой скромный вкладъ.

Богатыя интеллигентныя семьи знаютъ прекрасно, что ихъ дѣти не будутъ пользоваться матеріальными услугами обществъ, но все жъ они вводятъ ихъ туда изъ-за того нравственнаго значенія, которое имѣютъ ассоціаціи школьной взаимопомощи, и изъ-за желанія помочь болѣе бѣднымъ семьямъ, такъ какъ каждый вкладъ приноситъ очень много результатовъ, какъ мы это ужъ и видѣли. Вотъ почему 18-ый округъ насчитываетъ въ себѣ такъ много членовъ. То же нужно сказать и объ 11-мъ, 15-мъ, 19-мъ и 20-мъ округахъ съ той лишь оговоркой, что въ нихъ большинство составляютъ не интеллигентныя семьи литераторовъ и художниковъ, а семьи рабочихъ.

Не то мы видимъ въ ассоціаціяхъ другихъ округовъ. Я здѣсь не приводилъ цифръ 1-й, 2-й и т. п. аристократическихъ и буржуазныхъ округовъ Парижа, ибо они не имѣютъ большого значенія. Эти округи населены почтенными рантье и буржуа, которые не имѣютъ привычки обращать много вниманія на нравственность учреж-

денія и вырабатывать изъ дѣтей своихъ хорошихъ людей, а тѣмъ паче не имѣютъ ни времени ни заботы подумать о томъ, что существуютъ бѣдныя семьи, которымъ можно было бы помочь, дѣлая дѣтей своихъ соучастниками ассоціацій школьной взаимопомощи.

И поэтому ассоціаціи этихъ округовъ существуютъ постольку, поскольку членами въ нихъ являются дѣти интеллигентныхъ и рабочихъ семей; а такъ какъ ихъ въ выше названныхъ округахъ не слишкомъ-то много, то и ассоціаціи эти не очень-то богаты членами...

Для того, чтобы показать дѣйствительный ростъ ассоціаціи „les petites Cavé", еще недостаточно остановиться на одномъ Парижѣ, а необходимо оглянуться на провинцію, и если и тамъ мы увидимъ ихъ прогрессивный ростъ, то тогда смѣло можемъ сказать, что ассоціаціи школьной взаимопомощи организаціи „les petites Cavé" нашли себѣ полное признаніе во всей Франціи. Посмотримъ же на провинцію; я приведу цѣлый рядъ департаментовъ, причемъ при каждомъ укажу цыфру членовъ, находящихся въ ассоціаціяхъ, и мы увидимъ картину, говорящую лучше всякихъ словъ. Цыфры приведены для послѣдняго 1904 г. Цыфры же въ скобкахъ будутъ указывать на число членовъ въ предыдущемъ 1903 году.

Департаментъ	l'Aisne	9500	чел.	(8016)
„	l'Aine.	7500	„	—
„	Ardennes	17209	„	(14775)
„	Aube	13983	„	(11255)
„	Charente Inférieure .	9062	„	(8691)
„	Côte d'or	10400	„	—
„	Dordogne	7000	„	—
„	Finistere	7660	„	—
„	Gard.	7500	„	(6160)
„	Haute garonne . . .	6700	„	—
„	Gironde	17000	„	—
„	Herault	8516	„	(7761)
„	Indre.	6323	„	(5093)
„	Indre-A-Loire . . .	7894	„	(6911)
„	Landes	18442	„	—
„	Loire.	6500	„	—
„	Loiret	9468	„	(8804)
„	Lot-et-garunno . . .	6000	„	—
„	Marne	13500	„	—

*) Черточки обозначаютъ, что для даннаго департамента цифръ въ 1903 г. не показано.

„	Meurthe-et-Moselle. .	6750	„	—
„	Nord.	45000	„	(40000)
„	Oise.	17630	„	(16746)
„	Pas de-Calais . . .	28000	„	—
„	Basses-Pyrénées. . .	5900	„	—
„	Seine	63200	40430 для Парижа и 22700 для остальныхъ департам.)	
„	Seine (Inférieure) .	22930	член.	(19564)
„	Seine-A-Marne . .	8824	„	(7805)
„	Seine-A-Oise. . . .	11529	„	(10638)
„	Somme	20200	„	(19518)
„	Vosges	6183	„	—
„	Yonne	11577	„	(10718)

Даже одинъ только бѣглый осмотръ этихъ цифръ показываетъ намъ, какое значительное мѣсто заняли ассоціаціи школьной взаимопомощи въ общественной жизни Франціи.

И это мѣсто, эта роль ассоціацій будетъ все возрастать и возрастать, ибо никакое другое учрежденіе взаимопомощи не соединило въ себѣ такъ счастливо прекрасную идею съ не менѣе прекрасной ея реализаціей.

И если я предлагаю эту статью русскому читателю, то это потому, что мною руководило съ одной стороны желаніе познакомить его съ учрежденіемъ, которое, способствуя развитію въ человѣкѣ чувства солидарности и единенія, въ то же время научаетъ его думать о другихъ.

Я знаю, что теперь она никакого практическаго значенія не можетъ имѣть, ибо не существуетъ того, безъ чего немыслимы ассоціаціи школьной взаимопомощи: всеобщее обязательное обученіе; но теперь, когда честные русскіе люди думаютъ объ улучшеніи жизни русскаго народа, мнѣ кажется нужно подумать и о томъ, что создаетъ это улучшеніе.

Нужно вспомнить о великихъ чувствахъ солидарности и единства, сознаніе которыхъ должно проникнуть въ мысль и чувство даже ребенка, чтобы выработать изъ него „человѣка" въ лучшемъ смыслѣ этого слова, нужно вспомнить, осуществить, и это будетъ шагомъ къ желаемому улучшенію.

Надъ всѣмъ міромъ тяготѣетъ одно зло, одинъ кошмаръ, и для того, чтобы избавиться отъ него, нужна сила, сила, сила.

Перефразируя извѣстную фразу Дантона, я скажу: „Pour vaincre les ennemis du peuple, il nous faut de la force, encore de la force et toujours de la force!"

И мы должны искать тѣ источники, въ которыхъ можемъ почерпнуть силу, нужную намъ для борьбы. Однимъ изъ такихъ источниковъ являются ассоціаціи школьной взаимопомощи, гдѣ всякій соучастникъ ужъ съ самаго дѣтства пріучается мыслить о другомъ, и нетолько мыслить, но и дѣло дѣлать для другого, и въ то же время онъ сознаетъ, что и самъ въ случаѣ необходимости не останется безъ поддержки нравственной иль матеріальной, а въ этомъ-то все и дѣло, ибо намъ нужна не филантропія, а солидарность, въ которой сила! Я кончаю свою статью глубокой увѣренностью въ близкомъ осуществленіи всеобщаго обученія и искреннимъ желаніемъ введенія принципа школьной взаимопомощи, какъ разсадника солидарности, ибо для того, чтобы побѣдить враговъ народа, нужна сила, только сила, ничего, кромѣ силы, а въ солидарности, въ сознаніи того, что ты не одинъ, а за тобой еще массы, желающія того же, что и ты, лежитъ-то и сила!..

А. Д—ель.

Педагогическіе журналы у славянъ.

(*Окончаніе*).

Поляки.

Осутствіе національной школы для поляковъ въ Россіи, гоненія на нее въ Германіи и относительная терпимость ея въ Австріи—все это заставляло бы, кажется, думать, что польская педагогическая литература или совсѣмъ не существуетъ или-же очень бѣдна. Но на дѣлѣ оказывается совершенно иное, и это еще разъ доказываетъ что всякія внѣшнія репрессіи имѣютъ силу, конечно, временную, во многихъ областяхъ человѣческой культуры—кромѣ мысли. Заковать мысль въ какія-бы то ни было рамки, заставить ее погаснуть, направить ее туда, куда хочетъ человѣческая власть—этого/нельзя.

Польскій отдѣлъ нашего очерка мы начнемъ ознакомленіемъ читателей съ такимъ изданіемъ, какого не имѣетъ ни одинъ изъ славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и русскіе. Это—грандіозная и научно-поставленная „Encyklopedya wychowawcza“ (Энциклопедія воспитанія“), выходящая въ Варшавѣ съ 1880 года на средства „Кассы вспомоществованія лицамъ, работающимъ на научномъ поприщѣ, имени Іосифа Мяновскаго“. До сихъ поръ вышло шесть полныхъ томовъ „Энциклопедіи“, и начатъ седьмой томъ. До 1894 года въ редакціонномъ комитетѣ работали четыре лица: кс. І. Любомирскій, Е. Ставискій, С. Пшыстаньскій и І. Плебаньскій; теперь главнымъ редакторомъ состоитъ Романъ Пленкевичъ, а комитетъ составился изъ лучшихъ именъ ученыхъ и педагоговъ—Б. Хлебовскій, П. Хмелёвскій (†), К. Червинскій, С. Дикштейнъ, кс. І. Гралевскій, І. Калленбахъ, С. Карповичъ, др. С. Копчыньскій, К. Круль, І. Нитовскій и Г. Струве. Всего будетъ до 15-ти томовъ. Каждый томъ состоитъ изъ 40 печатныхъ листовъ, стоитъ на мѣстѣ 3 р- 20 к,, съ пересылкой 4 р.; можно пріобрѣтать и выпусками (по 8 въ томѣ) по 40 к. за каждый. Издаетъ ее извѣстная фирма Гебетнера и Вольфа (Варшава. Краковское Предмѣстье 15).

Не будемъ говорить о первыхъ томахъ, которые во многихъ отношеніяхъ менѣе удачны, чѣмъ послѣдніе два. Достаточно привести хотя-бы перечень наиболѣе крупныхъ и на нашъ взглядъ важныхъ статей, чтобы вполнѣ убѣдиться во всемъ значеніи этого прекраснаго изданія не для одной польской школы. Мы думаемъ, что переводъ нѣкоторыхъ статей, представляющихъ изъ себя обыкновенно вполнѣ законченный и цѣльный очеркъ съ указаніемъ литературы вопроса, былъ-бы полезенъ для русскихъ педагоговъ. Статьи „Энциклопедіи" распредѣлены въ алфавитномъ порядкѣ ихъ заглавій. Опуская менѣе важныя изъ нихъ, а также біографіи извѣстныхъ польскихъ писателей и педагоговъ, приведемъ списокъ статей V и VI томовъ: Грамматика греческая, латинская, польская, французская, нѣмецкая, Греція, Игры и забавы, Вѣжливость и невѣжество, Гувернеръ, гувернантка, Запальчивость, Эллада, Исторія — библейская, церковная, польская, Испанія, Голландія, Гуманизмъ и реализмъ, Юморъ, Гигіена—школьная, мысли и духа, Идеализмъ и реализмъ въ воспитаніи, Идіотизмъ, Индія, Индивидуализмъ, Индивидуальность, Образованіе (Instrukcya), Институтъ гимнастическій въ Стокгольмѣ, Институты педагогическіе, Интернаты, Инстинктъ, Инвентарь школьный, Иронія, Японія, Іезуиты въ Польшѣ, Языки—арійскіе, еврейскій, отечественный, Каллиграфія, Наказаніе и наказуемость, Капризы, Катехизисъ и его изученіе, Ложь, Коллегія, Товарищество, Собесѣдованія, Колоніи академическія,—лѣтнія, Колыбель, „Коммиссіи" съ педагогическими цѣлями, Конференціи директоровъ училищъ, Консерваторія музыкальная, Космографія, Костелъ и его отношеніе къ школѣ, Отечествовѣдѣніе, Критика, Кураторъ, Курсъ, Кукла, Лѣкарь школьный, Лекція, лекторъ, лектура, Лицеи, Счисленіе, Лингъ—шведская гимнастика, Литература для юношества,—польская. Общее впечатлѣніе отъ статей получается самое благопріятное, и мы должны ожидать, что и у насъ будетъ предпринято подобное-же изданіе.

Изъ обширной педагогической журнальной литературы у поляковъ намъ извѣстно немногое. Въ особенности приходится пожалѣть о маломъ знакомствѣ съ изданіями, выходящими во Львовѣ и Краковѣ. По первымъ мы могли бы прослѣдить судьбу русскихъ школъ въ Галиціи, судьбу очень плачевную и зависящую отъ общей полонизаціи русскихъ въ Галиціи. Не такъ давно въ газетахъ сообщалось о томъ, что изъ 5,240 галицкихъ общинъ до сихъ поръ есть 1,062 такихъ, которыя не имѣютъ общественныхъ или частныхъ школъ и не причислены къ какой-нибудь общинѣ со школой. Итакъ, для 17 процентовъ общинъ обязательность школьнаго обученія—пустой звукъ. Кромѣ того, есть и такія школы, которыя числятся лишь на

бумагѣ: изъ 4,398 школъ въ 1902 г. не работали 292 по недостатку или въ учителяхъ (56), или въ школьныхъ помѣщеніяхъ (236). Впрочемъ, дѣло обстоитъ плохо не только съ устройствомъ школъ, но съ посѣщеніемъ ихъ. Въ общинахъ со школами въ 1902 г. насчитывалось 942,829 дѣтей, обязанныхъ ходить въ школу (отъ 6 до 12 л.); изъ нихъ 194,775 (20 проц.) не посѣщали школы. Если сюда присоединить дѣтей общинъ безъ школъ, то получится цифра въ 278,946 дѣтей, т. е. 27 проц. всей школьной молодежи. Еще хуже стоятъ такъ называемыя „дополнительныя“ школы для дѣтей 13—15 лѣтъ; онѣ посѣщаются лишь 31 проц. всѣхъ къ тому обязанныхъ. Всѣмъ этимъ объясняется то, что до сихъ поръ $^2/_3$ населенія Галиціи абсолютно безграмотно: не умѣетъ ни писать, ни читать... Въ то же время знакомый намъ польскій журналъ „Muzeum“—органъ товарищества преподавателей высшихъ школъ, издающійся въ Львовѣ подъ редакціей Б. Маньковскаго и выходящій ежемѣсячно (цѣна 12 корунъ въ годъ), посвященъ спеціально научнымъ вопросамъ и не говоритъ о перипетіяхъ печальной борьбы двухъ славянскихъ народовъ Австріи на почвѣ просвѣщенія. Какъ научный органъ, „Музеумъ“ производитъ хорошее впечатлѣніе. Хороши статьи по исторіи, исторіи польской литературы, психологіи и, главнымъ образомъ, по точнымъ наукамъ, но живой элементъ и общественный въ журналѣ какъ будто отсутствуетъ. Очень содержателенъ также отдѣлъ критики и хроники.

Въ прошломъ году въ Краковѣ начало выходить трехмѣсячное изданіе, „посвященное реформѣ воспитанія и обученія“— „Reforma szkolna. Kwartalnik, p swiecony reformie wychowania и nauczenia“. Изданіе носитъ также вполнѣ научный характеръ, печатается изящно, редактируется Петромъ Шыманьскимъ (годовая подписка 12 кронъ, для Россіи—6 рублей). Въ руководящемъ обращеніи редакціи говорится, что „главной цѣлью органа является распространеніе среди нашей массы болѣе глубокихъ и болѣе широкихъ идей о воспитаніи и приготовленіе нашего общества къ неизбѣжной реформѣ воспитанія и обученія. Будемъ стараться убѣдить нашу интеллигенцію, что дѣло реформы воспитанія и обученія стоитъ выше всѣхъ переходныхъ политическихъ и общественныхъ интересовъ времени. Поэтому, въ силу необходимости вещей, мы должны стоять внѣ всякихъ партій, такъ-какъ не сомнѣваемся, что и лучшій консерваторъ, и наиболѣе яркій прогрессистъ,—если только будутъ людьми честными,—болѣе всего заботятся объ укрѣпленіи въ своемъ потомствѣ лучшихъ нравственныхъ и духовныхъ выгодъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что „плащъ своихъ убѣжденій“ мы будемъ носить на двухъ плечахъ. Слѣдуетъ только то, что, уважая честныя убѣ-

жденія другихъ, мы стремимся основать очагъ, въ которомъ всѣ независимыя идеи, искренно стремящіяся къ общественному благу, могли-бы, не доказывая своихъ правъ съ точки зрѣнія своихъ преходящихъ „красокъ“ и симпатій, подавать голосъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какимъ является и навсегда—для каждаго народа и для всего человѣчества—останется образованіе и выработка болѣе совершенныхъ людей“. И первые два выпуска „Реформы“ свидѣтельствуютъ о высокихъ стремленіяхъ редакціи новаго органа. Въ началѣ помѣщена цѣнная въ научномъ отношеніи и характерная для исторіи общественной мысли въ Польшѣ статья покойнаго Петра Хмелёвскаго „Зачатки реформы воспитанія во времена А. Велепольскаго“ (шестидесятые годы). Затѣмъ слѣдуютъ статьи—„Христіанство и катехизисъ. О наукѣ религіи въ галиційскихъ школахъ“ С. Виткевича, „Очеркъ обученія, основаннаго на дѣтской психологіи“ П. Лакомба (переводъ съ франц.), „О руководствахъ по всеобщей исторіи“ Т. Корзона, „Изученіе религіи въ польской педагогической литературѣ“ М. Хорновской, „О педагогикѣ“ Канта (переводъ съ нѣмецкаго), „Лучшая Азбука свѣта“ (объ извѣстной польской Азбукѣ Конрада Прушиньскаго) А. Шыманьскаго, переводъ съ русскаго статьи Виктора Анри (Henri) „Современное положеніе экспериментальной педагики, ея методы и цѣли“, „О совмѣстномъ образованіи обоихъ половъ въ Польшѣ“ Р. Центнершверовой, „Какъ реформировать науку педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ“ І. Семброневича, „Народные дома“ А. Шыманьскаго и „Обзоръ педагогической литературы французской и нѣмецкой“ А. Шыцувной.

Изъ педагогическихъ журналовъ, выходящихъ въ Россіи, на первомъ мѣстѣ стоитъ „Przegląd pedagogiczny“—органъ, „посвященный школьному и домашнему воспитанію“. Онъ издается въ Варшавѣ съ 1881 года при ближайшемъ участіи Хжонщевскаго, Езерскаго, Копчыньскаго, Корзона, Круля, Лаговскаго, Мощенской-Жепецкой и Вл. Скжетускаго; послѣдній изъ нихъ состоитъ редакторомъ. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ форматѣ еженедѣльныхъ журналовъ, стоитъ 6 р. безъ доставки и 7 р. съ доставкой, отдѣльныя номера—по 25 к. Если не ошибаемся, журналъ мало распространенъ среди педагоговъ русскихъ, служащихъ въ Царствѣ Польскомъ. Мы имѣли подъ руками журналъ за весь прошлый годъ и нѣсколько номеровъ за нынѣшній. Отмѣтимъ небольшія статьи по педагогикѣ общей и мѣстной, по гигіенѣ („Первые признаки нервности у дѣтей“ Вл. Ходецкаго), по психологіи („Разсѣянность дѣтей и его причины“ Жыповской, „Факторы счастья въ дѣтскомъ возрастѣ“ ея же, „Способность къ наблюденіямъ у малыхъ дѣтей“ Шыцовной), по нравственному воспитанію („О без-

нравственности молодежи“ Ходецкаго, „Школа и общественная жизнь“ Я. М—ръ, „Должны-ли дѣти подавать милостыню?“ Бжезиньской, „Плохія развлеченія“ Влодковной, „Чтеніе и иныя занятія дѣтей“ Домбровской, „Ложь и запирательство“ Длуской), наконецъ—по обученію и особый отдѣлъ объ эстетическомъ воспитаніи: „Мысли объ эстетичномъ воспитаніи“ Стемпковской-Козерской (№№ 16, 17 и 18), „Музыкальныя способности“ Рутковскаго (№ 19), „Объ иллюстрированныхъ книгахъ для дѣтей“ Мортковичевой (№№ 21—24), „Музыкальная память“ Рутковскаго и др. Затѣмъ идутъ некрологи, замѣтки о выдающихся событіяхъ школьной жизни у насъ и заграницей, рецензіи на книги не одного педагогическаго содержанія, въ томъ числѣ и заграничныя. Въ видѣ приложенія за прошлый годъ даны были переводы двухъ книгъ—Е. Ланкастера „Дѣтскій возрастъ“ и И. Ламброзо „Жизнь дѣтей“.

Изъ другихъ журналовъ укажемъ „Dobra matka“, выходящій еженедѣльно въ Варшавѣ съ нынѣшняго года,—органъ практической педагогики съ девизомъ: „Матери, воспитывайте здоровыя поколѣнія“! и съ приложеніемъ „M j Przyjaciel“ (за годъ съ пересылкой 5 р.).

Чехи.

Школьное дѣло у чеховъ стоитъ настолько высоко, что во многихъ отношеніяхъ можетъ служить образцомъ даже для нѣмцевъ, съ которыми чехи не прекращаютъ борьбы, тѣмъ болѣе—въ результатѣ ея явилась полная эмансипація національной школы чеховъ отъ всякихъ посягательствъ нѣмецкой партіи. Съ именемъ безсмертнаго Коменскаго у нихъ соединено нѣсколько учительскихъ обществъ, иногда въ самыхъ небольшихъ городкахъ, нѣсколько просвѣтительныхъ учрежденій и журналовъ. Литература о Коменскомъ растетъ необыкновенно быстро, и давно ожидаемая „C meniana“ составила бы не одинъ томъ. Чешскіе педагоги съ особенной любовью разрабатываютъ труды Коменскаго, переиздаютъ ихъ, переводятъ, дѣлаютъ объясненія, развиваютъ его взгляды и популяризируютъ ихъ; эта черта особенно характерна и сразу же бросается въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ школьнымъ дѣломъ у чеховъ. Жаль, что она вноситъ въ дѣло воспитанія нѣкоторый элементъ схоластики.

Единственно, что соединяетъ интересы нѣмецкой школы и чешской въ Австріи, это—борьба народныхъ учителей съ клерикализмомъ. Приходитъ на память то, что писалось у насъ по поводу рѣчи вождя соціалъ-демократовъ д-ра Адлера, потерявшаго въ борьбѣ съ клерикалами все состояніе, состарившагося въ ней и только въ 1901 году попавшаго въ сеймъ. „Въ Австріи борьба народныхъ

учителей съ клерикалами достигла высшаго пункта. Дальше ужъ итти некуда; обѣ партіи стоятъ другъ противъ друга ожесточенныя, рѣшительныя; съ одной стороны, нѣсколько тысячъ народныхъ учителей, готовыхъ на все; съ другой—вѣнскіе клерикалы-антисемиты, въ рукахъ которыхъ сосредоточена вся власть. Съ одной стороны, тысячи молодыхъ людей, готовыхъ пойти на все для спасенія свободной и независимой народной школы; съ другой стороны—нѣсколько десятковъ клерикаловъ, неограниченно господствующихъ и въ окружномъ училищномъ совѣтѣ, и въ сеймѣ, и въ корридорахъ министровъ. Но ужъ пробилъ двѣнадцатый часъ: наступилъ рѣшительный моментъ борьбы, и всѣ съ волненіемъ ждутъ исхода. Клерикалы хотятъ закрѣпостить народную школу; они хотятъ внести въ нее духъ реакціи; хотятъ изгнать изъ нея традиціи свободнаго преподаванія и вернуть ее къ тому положенію, въ которомъ она находилась во времена конкордата. Они хотятъ изгнать изъ школы преподаваніе естественныхъ наукъ, изгнать изъ нея всякую свѣжую струю. Народные учителя рѣшили выступить на защиту народной школы. Борьба эта, ожесточенная, упорная, длится ужъ нѣсколько лѣтъ... Клерикалы-антисемиты систематически преслѣдуютъ народныхъ учителей, дерзающихъ „свое сужденіе имѣть“; они слѣдятъ за ихъ частной жизнью, за ихъ политической дѣятельностью внѣ школы, и въ видѣ дисциплинарныхъ наказаній десятки народныхъ учителей лишились „мѣста и хлѣба“. Вполнѣ естественно, что при такой упорной агитаціи „мародеровъ клерикализма“, существованіе чешской національной школы обходится дорого, и стойкость послѣдней приходится приписывать не только общеизвѣстной культурности чеховъ, но и ихъ мудрой школьной организаціи. Поэтому число чешскихъ школъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Къ началу истекающаго учебнаго года въ Австріи было около ста среднихъ чешскихъ училищъ: въ мѣстностяхъ собственно чешскихъ—36 гимназій съ 10.089 учащимися и 23 реальныхъ училищъ съ 9.789 учениками; въ Маравіи—16 гимназій съ 5.142 и столько же реальныхъ училищъ съ 4.514 учениками; наконецъ, одна гимназія въ Опавѣ (Силезія). Низшихъ училищъ 7.553, городскихъ 568 и 33 учительскихъ института; послѣдніе—вмѣстѣ съ нѣмецкими.

У чеховъ существуетъ спеціальный педагогическій органъ, посвященный жизни среднихъ школъ. Это—„Vêstnîk ceskych professorn“, издаваемый обществомъ чешскихъ преподавателей въ Прагѣ съ 1893 года. Журналъ выходитъ разъ въ два мѣсяца, книжками около 6 печатныхъ листовъ, подъ редакціей директора реальнаго училища Фр. Билаго (Fr. Bily); члены общества получаютъ безплатно, для подписчиковъ—6 корунъ. Между прочимъ, на обложкѣ

каждой книжки помѣщается замѣтка: „за содержаніе своихъ статей отвѣчаютъ сами авторы“—правило, которое не мѣшало бы принять и у насъ какъ въ спеціальныхъ, такъ и въ популярныхъ изданіяхъ, потому что это избавляетъ редактора отъ отвѣтственности, а автора—отъ невсегда желательныхъ оговорокъ со стороны редакціи. Для ознакомленія съ характеромъ журнала приведемъ обзоръ содержанія трехъ книжекъ за истекающій учебный годъ: В. Гуликъ „Изъ педагогическихъ завѣтовъ стараго профессора“ (директора гимназіи въ Колинѣ Оскара Іегера), Г. Фіала „О международной перепискѣ школьниковъ“, Фр Рутъ „Чешское чтеніе въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ“ (списокъ авторовъ и ихъ произведеній съ точки зрѣнія ихъ популярности), Я. Щястный „Изъ жизни Іосифа Франтишка Сметаны“, І. Бартошъ—о трехъ хрестоматіяхъ по чешской литературѣ, Громадка „Математическіе афоризмы“, М. Оттъ „Оптическіе опыты въ практическихъ упражненіяхъ учениковъ средней школы“, А. Махъ „Методическія бесѣды по математикѣ“, Дртина „О реформѣ среднихъ школъ въ Пруссіи и Франціи“, Фр. Поливка „Объ обученіи латинскому и греческому языкамъ въ реальныхъ училищахъ“, І. Питардъ „Обученіе геометріи въ низшихъ классахъ реальнаго училища“, К. Вельнеръ „О художественномъ воспитаніи“ и др. Отдѣлъ „Математическія мелочи“ ведетъ нѣсколько сотрудниковъ, „Физическія мелочи“—І. Зоммеръ; далѣе идутъ корреспонденціи о средней школѣ въ европейскихъ государствахъ, мелкія замѣтки по грамматикѣ чешскаго языка и т. д.

Отдѣлъ мелкихъ извѣстій „Вѣстника чешскихъ профессоровъ“ не отличается отъ подобныхъ отдѣловъ другихъ педагогическихъ изданій; кромѣ оффиціальныхъ данныхъ, некрологовъ и замѣтокъ, касающихся спеціально частныхъ школъ, здѣсь находимъ статьи и рефераты небольшихъ размѣровъ, напр., Д. Дртины „О единствѣ среднихъ школъ“ (въ Силезіи и на Моравѣ), о съѣздѣ учителей среднихъ школъ въ Италіи, о реформѣ учительскихъ институтовъ у чеховъ, отчеты провинціальныхъ обществъ учителей, результаты конкурсовъ на соисканіе учительскихъ должностей, библіографія и самый подробный и необыкновенно полный библіографическій обзоръ почти всего касающагося славянства вообще, а чешства въ частности. Сравнительно съ юго-славянскими педагогическими журналами, чешскіе и польскіе интересуются Россіей гораздо меньше, и это вполнѣ понятно, потому-что условія русской школьной дѣйствительности совершенно не похожи на положеніе славянскихъ школъ въ Австріи.

Одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ и старыхъ педагогическихъ чешскихъ журналовъ—„Paedagogicke Rozhledy“, издаваемые обще-

ствомъ имени Коменскаго („Наслѣдства Коменскаго“) въ Прагѣ съ 1887 года. Редакторскій комитетъ состоитъ изъ семи лицъ: Фр. Чада, I. Черный, О. Каднеръ, В. Людмила, I. Паточка, I. Петръ, I. Тумъ. Журналъ выходитъ 10 разъ въ годъ книжками въ 4 печатныхъ листа, стоитъ 10 корунъ, 12—съ пересылкой. Мы видѣли только одинъ, VIII, номеръ за прошлый годъ, гдѣ помѣщены слѣдующія статьи: „Коменскій, какъ основатель народнаго воспитанія“ Фр. Дртины, „Значеніе работы Коменскаго „Informatoria материнской школы“ Фр. Чады, „Судьбы Дидактики Коменскаго“ (по поводу новаго изданія д-ра Яна Новака), спеціальный обзоръ литературы о великомъ чешскомъ педагогѣ—„Komeniana“, „Обозрѣніе изученій дѣтской рѣчи“, „Дѣтская патологія“, „О статьяхъ по дѣтской психологіи“, библіографическія замѣтки о современномъ изученіи психологіи, о причинахъ нервныхъ болѣзней и душевныхъ, о боязни наказанія, о физикѣ въ городскихъ женскихъ училищахъ, постоянная школьная выставка и музей Коменскаго, о дѣткихъ убѣжищахъ, наконецъ, протоколы общества имени Коменскаго и чешская библіографія за истекшій мѣсяцъ. Какъ видно, большинство статей связано съ именемъ Коменскаго, которымъ чехи въ правѣ гордиться.

Такого же характера и направленія, повидимому, и другой, еженедѣльный журналъ „Komensky“, посвященный „нашему учительству, а также друзьямъ школы и нашей дорогой молодежи“, который выходитъ въ Оломуцѣ съ 1871 года подъ редакціей Фр. Сламеника, директора городскихъ школъ въ Преровѣ въ Моравіи; цѣна за годъ 12 корунъ. Приложеніе, къ нему „Priloha Komenského“—практическаго, справочнаго и злободневнаго характера. По тѣмъ немногимъ номерамъ, которые были у насъ подъ руками, трудно сдѣлать общее заключеніе о журналѣ, небольшія тетрадки котораго, кажется, бѣдны содержаніемъ; тѣмъ не менѣе видно, что журналъ проникнутъ лучшими завѣтами Коменскаго и, ставя на первый планъ школьные вопросы спеціально Моравіи, удѣляетъ много мѣста статьямъ и по общимъ вопросамъ воспитанія у чеховъ.

Въ общемъ, падагогическихъ журналовъ у чеховъ довольно много. Изъ библіографическихъ указателей намъ извѣстны, напримѣръ, слѣдующіе: „Часописъ (т. е. „Временникъ“) преподаванія математики и физики“, издаваемый обществомъ мѣстныхъ математиковъ въ Прагѣ (редакторъ А. Панекъ, цѣна 8 корунъ); „Часописъ учительницъ“ (редакторы Marie Vitková и Cyrilla Pysvejcová; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, цѣна 6 корунъ) съ приложеніемъ „Школы Материнской“; „Чешскій Учитель“—ежевневная газета, издаваемая общимъ союзомъ учительскихъ обществъ въ чешскомъ королевствѣ, съ приложеніемъ „Чешской Школы“ (два раза въ мѣсяцъ, цѣна 8

корунъ); „Учительская Бесѣда“—еженедѣльный органъ для учителей и друзей народныхъ школъ (редакторъ Я. Доленскій, цѣна—7 корунъ) съ приложеніемъ „Методическихъ Приложеній“; „Городская Школа“—органъ общества учителей чешскихъ городскихъ школъ на Моравѣ (редакторъ Hynek Pittauer, выходитъ 10 разъ въ годъ, цѣна 3 коруны); „Народъ и Школа“ (редакторъ Karel Krivy, 2 раза въ мѣсяцъ, цѣна 6 кор.); „Школьное обозрѣніе“; „Школа нашей провинціи. Мѣсячное изданіе, посвященное малоклассным школамъ и интересамъ провинціальнаго учительства“ (ред.І. Смртка, цѣна номера 40 крейцеровъ); „Воспитательный Вѣстникъ“—органъ для среднихъ школъ (редакторъ А. Music, пять книжекъ въ годъ, цѣна 6 кор.); „Новая Жизнь“—органъ искусства, воспитанія и развлеченія“; „Природа и Школа“—журналъ для преподавателей естественной исторіи; „Учительскія Новости“—ежедневная газета; наконецъ, „Сборникъ“ и „Вѣстникъ“ союза учительскихъ обществъ на Моравѣ, нѣсколько нѣмецкихъ журналовъ, „Тѣлесное Воспитаніе“, „Соколъ“, „Сокольскій Вѣстникъ“ и др. — очень интересные журналы, пропагандирующіе и развивающіе теоретически „сокольскую“ гимнастику, которая, какъ извѣстно, введена и въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи.

Мы познакомились съ обширнымъ матеріаломъ, въ большинствѣ случаевъ интереснымъ. Было бы желательно видѣть въ переводѣ на русскій языкъ хотя бы нѣкоторыя изъ указанныхъ статей. Это было бы лучшимъ основаніемъ для взаимности между славянскими педагогами.

А. И. Яцимирскій.

Педагогическіе взгляды В. Д. Сиповскаго.

(Къ десятилѣтію со дня его кончины).

Есть эпохи, которыя на тѣхъ, кому приходилось тогда жить и дѣйствовать, налагаютъ особый отпечатокъ. Таковы были 60-е годы, отбросившіе свой отблескъ на семидесятниковъ. Наслѣдія этихъ обильныхъ жатвою лѣтъ хватило надолго, и даже реакціи 80-хъ годовъ не удалось истребить ихъ плода. Они обладали такой же жизненностью, какъ и тѣ хлѣбныя сѣмена, которыя, пролежавъ болѣе 2-хъ тысячелѣтій въ гробницѣ фараоновъ, все же дали ростки, едва ихъ посадили въ плодородную почву и спрыснули влагой. Въ подобные незабвенные періоды выходятъ на сцену цѣлые ряды замѣтныхъ историческихъ дѣятелей, и, когда замолкаютъ ихъ голоса, ихъ рѣчи продолжаютъ жить въ сердцахъ послѣдующихъ поколѣній. Немного шестидесятниковъ теперь уже осталось, одинъ за другимъ уходятъ они со своей арены, послуживъ, какъ могли, отчизнѣ.

Одного изъ нихъ, ушедшаго слишкомъ рано, въ самомъ разгарѣ честной работы, и вспомянемъ мы на этихъ страницахъ. Василій Дмитріевичъ Сиповскій, правда, работалъ всего болѣе въ 70 хъ, 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ годовъ, но начало его дѣятельности относится къ эпохѣ обновленія, къ той кипучей порѣ, когда русскіе люди, послѣ обилія рѣчей, произнесенныхъ ими въ 40-хъ годахъ, перешли, наконецъ, къ живому дѣлу

Общее возрожденіе коснулось тогда, какъ извѣстно, и многострадальной русской школы; надъ нелегкимъ дѣломъ ея преобразованія потрудилась цѣлая плеяда извѣстныхъ педагоговъ, къ которымъ принадлежалъ и покойный. Многое изъ того, что они проводили въ свое время, кажется теперь труизмомъ, но если эти положенія стали уже азбучными истинами, то лишь благодаря выдержанной ихъ защитниками борьбѣ; нѣкоторыя же ихъ мнѣнія и до сихъ поръ не пробились сквозь броню бюрократической рутины, отъ которой все еще не освободилась русская практическая педагогика.

В. Д. Сиповскій проработалъ болѣе 25 лѣтъ на педагогическомъ поприщѣ, отказавшись ради него отъ открывавшейся передъ нимъ профессуры, такъ что онъ былъ не только теоретикомъ, но и практикомъ-педагогомъ, который почерпалъ свои выводы изъ непосредственныхъ наблюденій и опытовъ. Замѣчательно то, что несмотря на неизбѣжно связанныя съ карьерой русскаго педагога разочарованія и неудачи, идеализмъ никогда не покидалъ В. Д. Вѣра въ человѣка, въ даровитаго русскаго человѣка въ особенности, всегда поддерживала его въ трудныя минуты.

Онъ вѣрилъ поэтому и въ свое дѣло, въ святость своего призванія и съ горестнымъ изумленіемъ слушалъ рѣчи тѣхъ молодыхъ педагоговъ-восьмидесятниковъ, которые, смотря часто на уроки только какъ на средство къ существованію, мало интересовались результатами своего преподаванія и вели его, какъ попало, не задумываясь надъ вопросами воспитанія, не страдая порою отъ мучительныхъ сомнѣній.

Взглядъ Сиповскаго на учителя, какъ на служителя высокой идеи, лучше всего выразился въ его статьѣ „Учитель и учительница" („Жен. Образованіе". Январь 1891 г.).

„Что такое учитель?" говоритъ онъ въ началѣ статьи. „Если посмотрѣть на этотъ вопросъ съ идеальной точки зрѣнія, то надо отвѣтить такъ: учитель это лицо, посвящающее свои труды одному изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ дѣлъ—развитію духовныхъ силъ подрастающихъ поколѣній, руководству ихъ на пути къ истинѣ, возбужденію въ нихъ жажды къ ней и утомленію ея живыми и плодотворными знаніями, добытыми наукою". Въ другомъ мѣстѣ („Образованіе". Октябрь 1893 г., статья „Учительскій вопросъ") авторъ такъ выражается о дѣятельности учителя: „Учительскую профессію никоимъ образомъ нельзя приравнивать, какъ это у насъ дѣлается, къ профессіи чиновника, техника, ремесленника и т. п.

Умъ, знаніе, умѣніе и усердіе — вотъ что требуется для того, чтобъ быть хорошимъ архитекторомъ, инженеромъ, морякомъ и т. д. Все это, конечно, требуется и отъ учителя, но этого мало, чтобъ онъ былъ хорошимъ учителемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Чтобъ стать таковымъ, ему нужна и особая склонность и надлежащее настроеніе, болѣе же всего нужна любящая, чуткая, отзывчивая душа. Ему приходится имѣть дѣло не съ мертвымъ матеріаломъ, какъ любому технику, не съ бумагой, какъ чиновнику, а съ живой душой ученика, на которую можетъ воздѣйствовать только живая душа. Дѣятельность учителя вѣрнѣе сравнить съ профессіей артиста, можно приравнять ее даже къ дѣятельности миссіонера, проповѣдника. Игра артиста, какъ бы умна и искусна она ни была, не тронетъ зрите-

лей, если въ ней „нѣтъ души“; не дрогнутъ сердца людей и отъ словъ проповѣдника, если въ словахъ этихъ не трепещетъ живая душа; безплодны безполезны уроки учителя, если въ нихъ не чувствуется любви и интереса къ знанію, если не вѣетъ отъ нихъ теплымъ чувствомъ къ „малымъ симъ“. Холодное слово учителя, равнодушнаго и къ дѣлу своему, и къ ученикамъ, мало того что не возбудитъ охоты къ ученію, но охолодитъ души учениковъ, погаситъ даже и порывы къ знанію, если они были у нихъ“.

Отсюда ясенъ выводъ: дѣятельность, преслѣдующая подобныя возвышенныя цѣли, требуетъ и особаго призванія, и спеціальной основательной подготовки. Въ 1882 г. въ небольшой замѣткѣ „Высшіе женскіе курсы“, написанной въ отвѣтъ на статью г-жи Цебриковой, трактующую о томъ же предметѣ, онъ указываетъ на важность такой подготовки для преподавательницы. Положимъ, и безъ этого можно умной и трудолюбивой дѣвушкѣ выработаться со-временемъ въ хорошую учительницу, но кому же захочется дѣлать своего ребенка первымъ объектомъ практики хотя бы и будущаго педагогическаго генія. Возражая своей оппоненткѣ, ставившей въ заслугу В. Ж. курсамъ отсутствіе въ ихъ программахъ методики и педагогики, Сиповскій говоритъ: „Я полагаю, что г-жа Цебрикова больше бы оказала услуги тому дѣлу, которое она защищаетъ, если бы не выказывала своего пренебреженія къ педагогикамъ и методикамъ, а посовѣтовала бы включить и эти скромныя знанія въ кругъ предметовъ, преподаваемыхъ на курсахъ“. Авторъ и здѣсь оказался пророкомъ: мы знаемъ, что многія изъ бывшихъ слушательницъ курсовъ и въ настоящее время сѣтуютъ на этотъ пробѣлъ: по ихъ собственному сознанію, чтеніе педагогики и методикъ учебныхъ предметовъ облегчило бы задачу тѣхъ изъ нихъ, которыя становятся потомъ преподавательницами, сократило бы время искуса и уберегло бы отъ многихъ педагогическихъ ошибокъ.

Съ жаромъ защищая необходимость педагогической подготовки, покойный педагогъ отвергалъ, однако, цѣлесообразность учительскихъ интернатовъ, совѣтуя лучше прикомандировать молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя учительскому дѣлу, къ одной изъ петербургскихъ гимназій съ цѣлью практическаго ознакомленія съ педагогикой, причемъ по истеченіи назначеннаго срока кандидатъ подвергается испытанію въ особой комиссіи изъ преподавателей избраннаго имъ предмета и инспектора или директора. Если онъ обнаружитъ знакомство съ педагогическими пріемами и методикой, то можетъ получить свидѣтельство на званіе учителя. Авторъ скромно оговаривается, что его проектъ былъ уже отчасти примѣненъ на практикѣ

директоромъ 2-ой военной гимназіи (нынѣ 2-го кадетскаго корпуса въ Петербургѣ), Гр. Гр. Даниловичемъ, устроившимъ подобные курсы для такъ наз. кандидатовъ-педагоговъ *); но важенъ самый фактъ поднятія такого вопроса въ то время, когда окончаніе университетскаго курса даетъ право на полученіе учительскаго мѣста безъ всякаго предварительнаго подготовленія къ нему. Конечно, проектъ Сиповскаго можетъ быть сильно оспариваемъ; намъ скажутъ: гдѣ такая образцовая казенная гимназія, въ которой будущіе педагоги могли бы научиться и разумному, гуманному обращенію съ учениками, основанному на знаніи дѣтской психологіи, и раціональнымъ педагогическимъ пріемамъ? Пожалуй, изъ такого педагогическаго стажа ничего, кромѣ вреда для своей будущей дѣятельности, молодой человѣкъ и не вынесетъ, увидѣвъ сухое оффиціальное отношеніе къ дѣтямъ и лишь формальное исполненіе программъ? Только теперь съ наступленіемъ давно желанной „весны", обѣщающей сдѣлаться прочной, несмотря на „утренники", планъ Сиповскаго, кажется, можетъ осуществиться. Мы уже говорили объ его отрицательномъ отношеніи къ учительскимъ интернатамъ. Вотъ что онъ говоритъ о нихъ („Учительскій вопросъ", „Образов." 1893 г. октябрь): „Интернатъ съ его строго установленнымъ строемъ, съ его требованіями, одинаковыми для всѣхъ, нивеллируетъ все, невольно воспитываетъ всѣхъ въ духѣ безусловнаго повиновенія и уживчивости и по самой своей сущности мало способствуетъ проявленію личнаго характера, личныхъ особенностей, такъ что ошибочно и думать, что здѣсь удобно наблюдать ихъ. Но, что гораздо важнѣе, интернатъ для совершеннолѣтнихъ молодыхъ людей—это прямо уродливое учрежденіе для поддержанія порядка, въ которомъ руководящему лицу надо обладать особеннымъ тактомъ и быть весьма авторитетнымъ лицомъ въ глазахъ молодыхъ людей".

Рекомендуя наиболѣе удобный и, по мнѣнію автора, наиболѣе раціональный способъ подготовки учителей, В. Д. Сиповскій вдумчиво относится и къ важному вопросу о томъ, какъ привлечь молодежь къ педагогическому поприщу, усѣянному терніями и далеко не усыпанному розами. Здѣсь мы увидимъ, что пожеланія автора еще не осуществились, хотя со времени появленія цитируемой нами статьи „Учительскій вопросъ" прошло уже 12 лѣтъ. За это время русская жизнь, впрочемъ, не текла, а сочилась по каплѣ, и только за послѣдній годъ событія пошли небывало быстрымъ шагомъ.

Вотъ условія, необходимыя, по словамъ покойнаго В. Д., для того,

---

*) Теперь подобные курсы вновь открыты военнымъ вѣдомствомъ.

чтобы сдѣлать учительскую профессію болѣе привлекательной для живой и даровитой молодежи:

„1. Этого можно достигнуть преимущественно улучшеніемъ условій учительскаго труда: a) значительнымъ повышеніемъ содержанія и пенсій, в) поднятіемъ служебнаго положенія учителя и c) предоставленіемъ учителю большей самостоятельности и свободы, большимъ довѣріемъ къ нему.

2. Необходимы учительскіе съѣзды, курсы, педагогическія общества и проч., которые, вообще, имѣютъ громадное значеніе въ педагогическомъ дѣлѣ, возбуждая и оживляя интересы воспитанія и обученія".

Мы видимъ, что и черезъ добрую дюжину лѣтъ ни одно изъ этихъ пожеланій не осуществлено. Нечего и говорить уже о матеріальномъ положеніи учителя: его необезпеченность вошла въ поговорку, а что касается свободы преподаванія, то газетные и журнальные столбцы пестрятъ фактами, доказывающими обратное.

Что до свободы съѣздовъ, то ихъ исторія представила бы цѣлый мартирологъ. Чтобъ имѣть понятіе о тѣхъ мукахъ и мытарствахъ, чрезъ которыя проходятъ участники, а въ особенности инициаторы и руководители учит. курсовъ, достаточно прочесть статью покойнаго Бунакова „Какъ я сталъ и пересталъ быть учителемъ учителей" (см. „Образованіе" 1903 г.). Многострадальный авторъ этой статьи долженъ былъ, какъ руководитель этихъ курсовъ, оправдываться отъ самыхъ нелѣпыхъ обвиненій: ему ставили, напримѣръ, въ вину многолюдство съѣздовъ, „попытки практическаго разрѣшенія вопроса объ улучшеніи матеріальнаго быта учителей основаніемъ общества взаимопомощи", „слишкомъ большое увлеченіе въ сторону вопросовъ о воспитательно-образовательныхъ средствахъ воздѣйствія на учениковъ" и т. д. Однимъ словомъ, эти обвиненія могутъ дать прекрасный матеріалъ новому Щедрину. Нужно было обладать такой любовью къ дѣлу и такой рѣдкой нравственной живучестью, какими отличался неутомимый Бунаковъ, чтобъ послѣ цѣлаго ряда непріятностей, вынесенныхъ имъ па плечахъ во время тѣхъ или другихъ лѣтнихъ курсовъ, на слѣдующее лѣто снова принимать на себя тяжелыя обязанности „учителя учителей", за дѣятельностью котораго неукоснительно наблюдали всегда трое лицъ: директоръ училищъ, инспекторъ училищъ и еще спеціально прикомандированный къ курсамъ окружной инспекторъ. Такимъ контролемъ обставлялись такъ наз. учительскіе курсы; а что касается общихъ учительскихъ съѣздовъ, то мы знаемъ, съ какой молніеносной быстротой они закрывались всего полгода тому назадъ.

Не удивительно, что присутствіе такихъ неблагопріятныхъ условій создаетъ, по словамъ В. Д. Сиповскаго, почву, удобную, можетъ быть, для выработки аккуратныхъ и исполнительныхъ чиновниковъ, но никакъ не педагоговъ, которымъ должна быть присуща извѣстная степень творчества. Такая служба зато часто приходится по вкусу людямъ мало даровитымъ, которымъ даже по душѣ регламентація, какъ бы снимающая съ нихъ всякую отвѣтственность.

Не устранена еще и рознь школы съ обществомъ, недостатокъ, о которомъ также скорбѣлъ покойный Сиповскій. „Казенное учебное заведеніе“, говорилъ онъ, „является для родителей словно департаментомъ какимъ-то, а наставники—чиновниками, по отношенію къ которымъ родители лишь робкіе просители. И просьбы ихъ по большей части состоятъ лишь въ томъ, чтобъ пожалѣть ихъ дѣтей, пощадить, не оставлять на второй годъ за незнаніе какого нибудь отдѣла грамматики или математики, изучить который можно въ три дня. И слышатъ просители въ отвѣтъ обыкновенно слова: „Ничего сдѣлать не могу. Вѣдь я долженъ исполнять инструкцію. Таково распоряженіе начальства и т. д. и т. д.“ Рѣдко, очень рѣдко вы услышите отъ родителей одобрительные отзывы о преподавателяхъ, учащихъ ихъ дѣтей въ казенныхъ заведеніяхъ, зато часто увидите враждебное чувство къ нимъ. „Бездушные чиновники, для которыхъ какіе-то пункты и параграфы какихъ то инструкцій дороже живыхъ людей“. Вотъ тѣ отзывы, которые приходится слышать объ учителяхъ даже отъ образованныхъ людей. Отсюда авторъ дѣлаетъ правильный выводъ, что даже при желаніи родителей скрыть отъ дѣтей свое недовѣрчивое и почти враждебное отношеніе къ школѣ, оно не можетъ не просвѣчивать въ ихъ рѣчахъ и поступкахъ, дѣйствуя такимъ образомъ на чуткаго ребенка, у котораго и безъ того не мало причинъ непріязненно относиться къ учебному заведенію съ его мертвящимъ формализмомъ. Да и какъ родителямъ внушать дѣтямъ уваженіе къ школѣ, котораго нѣтъ у нихъ самихъ? „А между тѣмъ какой могучей и образовательной силы лишается школа, игнорируя сближеніе съ семьею, которое могло бы освѣтить ей не одну ученическую натуру съ ея особенностями“.

Еще съ 1891 г. Сиповскій говорилъ въ своемъ журналѣ о необходимости допустить родителей на школьныя конференціи, чтобъ тѣмъ внушить обществу больше довѣрія къ школьнымъ мѣропріятіямъ.

Намъ скажутъ, что теперь уже пробита брешь въ этой вѣковой каменной стѣнѣ, и даже сверху дѣлаются попытки общенія школы съ родителями; но вѣдь извѣстно, что эти опыты явленіе очень не-

давнее, только что родившееся, почему скорбь покойнаго педагога о розни между семьей и школой и въ настоящее время не была бы анахронизмомъ. „Общество", говоритъ онъ, „и есть та естественная почва, которая питаетъ, даетъ жизнь школѣ. Безъ этой почвы школа подобна растенію, вырванному съ корнемъ изъ земли, и можетъ только чахнуть и сохнуть". Сиповскій не отрицалъ, что даже и при такихъ тяжелыхъ условіяхъ въ школѣ встрѣчаются идейные работники—вѣдь держатся же грѣшные города нѣсколькими праведниками.

„Великимъ счастьемъ бываетъ для школы, если среди ея учительскаго персонала найдется два-три такихъ лица, даже хоть одно. Такому лицу обязаны бываютъ кончающіе курсъ тѣмъ, что не совсѣмъ гибнетъ въ нихъ пытливость и жажда знанія". В. Д. писалъ эту статью въ разгаръ реакціоннаго движенія, антиземской борьбы, процвѣтанія института земскихъ начальниковъ и свирѣпства цензуры; поэтому онъ не могъ коснуться ясной для него связи между несовершенствомъ школьнаго строя и устарѣвшими формами нашей жизни, но онъ тѣмъ не менѣе неоднократно указывалъ на мертвящую живое дѣло административную регламентацію. „Преподаватель чувствуетъ („Ж. Обр." 1891 г. ст. „Школьные вопросы"), что онъ не хозяинъ своего дѣла, а работникъ, исполняющій заданную ему работу даже не своими, а указанными ему способами, т. е. совершающій именно то, что дѣлаетъ чиновникъ, при томъ изъ мелкихъ въ любой канцеляріи. Чиновники и ревизоры, которымъ поручается надзоръ за ходомъ обученія, интересуются прежде всего наблюденіемъ, вполнѣ ли соблюдаются уставы, инструкціи, программы и проч.; въ этомъ и прямая обязанность ихъ". Такое отношеніе деморализующимъ образомъ дѣйствовало и на общество (говорю *дѣйствовало*, потому что нельзя не отмѣтить сдѣланныхъ впередъ шаговъ). „Въ самомъ нашемъ обществѣ", продолжаетъ авторъ, „даже въ болѣе интеллигентномъ слоѣ его, не очень-то цѣнится настоящее образованіе: значительное большинство родителей, помѣщая дѣтей своихъ въ школу, прежде всего думаетъ о томъ, какъ бы устроить обученіе ихъ подешевле и при томъ такъ, чтобы учились они поменьше, а правъ получили побольше! О послѣднихъ особенно заботятся родители; о нихъ думаютъ подростки-школьники. Если бы нашелся чудакъ-идеалистъ, который попробовалъ бы устроить общеобразовательную школу безъ всякихъ правъ, задавшись лишь цѣлью образцово поставить учебно-воспитательное дѣло (насколько намъ извѣстно, это была любимая идея В. Д. Сиповскаго), то онъ сильно рисковалъ бы остаться безъ учениковъ. Еще со временъ Петра Великаго установилась у насъ покровительственная система правитель-

ства по отношенію къ школѣ, привлекающая къ ней правами и чинами".

Изъ уваженія къ истинѣ надо признаться, что въ средѣ интеллигенціи такой взглядъ на школу сильно ослабѣлъ за послѣднее время. Правда, по прежнему хотятъ правъ, но вмѣстѣ требуютъ и знаній, а не однихъ правъ хотя бы безъ знаній или со знаніями неприложимыми, пріобрѣтенными въ ущербъ другимъ, какъ это было въ эпоху классическаго террора. Если неуклюжее зданіе классицизма почти рухнуло или во всякомъ случаѣ сильно расшаталось, то эта заслуга принадлежитъ общественному мнѣнію, стало быть, родителямъ, не перестававшимъ возмущаться бездушнымъ отношеніемъ толстовской гимназіи къ ихъ дѣтямъ. Этимъ общественнымъ движеніемъ объясняется и успѣхъ новыхъ учебныхъ заведеній со свѣжими раціональными программами. Отрадно, повторяю, отмѣтить здѣсь прогрессъ.

Покойный съ радостью замѣтилъ бы улучшеніе и въ другой области, въ нѣкоторомъ расширеніи правъ учительницы. Говорю: *въ нѣкоторомъ*, потому что то тамъ, то здѣсь разрѣшается (не безъ колебаній) лицамъ, окончившимъ Высшіе Женскіе Курсы, преподавать и въ старшихъ классахъ гимназіи. Какъ убѣжденный сторонникъ высшаго женскаго образованія, В. Д. не мало потрудился надъ разработкой этого вопроса, переставшаго теперь уже быть вопросомъ, такъ какъ въ наше время правъ женщины на высшее образованіе никто не рѣшается оспаривать.

Его журналъ „Женское Образованіе", просуществовавшій подъ такимъ названіемъ лѣтъ 15 (съ 1892 г. онъ былъ переименованъ въ „Образованіе", и программа его была расширена соотвѣтствующимъ образомъ), постоянно пропагандировалъ эту любимую идею своего редактора. Съ рѣдкимъ безпристрастіемъ этотъ педагогъ-мужчина отдаетъ предпочтеніе учительницѣ передъ учителемъ, и надо замѣтить, что онъ говорилъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, такъ какъ ему приходилось работать и въ мужскихъ, и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ своей статьѣ „*Школьные вопросы.* Учитель и учительница" онъ указываетъ на большую добросовѣстность послѣдней въ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, на большую сердечность къ учащимся и болѣе живой интересъ къ дѣлу. „Дѣти, малоуспѣшныя или почему-либо отставшія отъ класса, вызываютъ у учительницъ гораздо болѣе, чѣмъ у учителей, искренняго участія, болѣе желанія помочь имъ, хотя бы это стоило и большаго труда и значительной затраты времени. Мало этого. Между учительницами гораздо болѣе лицъ, интересующихся изученіемъ теоріи и практики педагогическаго дѣла; онѣ усердныя читательницы педагогическихъ

сочиненій и журналовъ; онѣ гораздо усерднѣе, чѣмъ учителя, посѣщаютъ педагогическія собранія. Въ сельскихъ школахъ, въ деревняхъ, гдѣ положеніе учительницы и матеріальное, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ крайне трудное, она является въ буквальномъ смыслѣ настоящей подвижницей. И это не исключительное, но типическое явленіе". Съ тѣмъ большимъ сожалѣніемъ указываетъ этотъ борецъ за права женщины на неблагопріятныя условія женскаго педагогическаго труда, на то, что женщинѣ, часто и въ низшей, и въ средней школѣ даютъ вознагражденіе меньшее, чѣмъ учителю *). „Почему это?"—спрашиваетъ онъ. „Потому ли, что силъ у женщины меньше, чѣмъ у мужчины? Потому ли, что въ большинствѣ случаевъ женщина относится сердечнѣе къ своему дѣлу и трудится усерднѣе? Могутъ возразить, пожалуй — потому, что мужчинѣ приходится поддерживать семью свою, а женщина, если работаетъ, то для себя одной. Но вѣдь учителю даютъ извѣстное вознагражденіе, даже не спрашивая, холостъ онъ или нѣтъ, а женатымъ не даютъ больше, чѣмъ холостымъ. Равно и не спрашиваютъ учительницъ, приходится ли имъ помогать своей семьѣ или нѣтъ. Какъ ни посмотрѣть на дѣло, все не находишь достаточнаго основанія оцѣнивать женскій трудъ ниже мужского и притомъ на такомъ поприщѣ, гдѣ женщина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже предпочтительнѣе мужчины".

Говоря объ учительницѣ и ея будущей роли, Сиповскій оказался пророкомъ. „Учительницы современемъ, когда ихъ научное образованіе повысится до одного уровня съ высшимъ мужскимъ, навѣрное замѣнятъ, вслѣдствіе указанныхъ выше свойствъ, учителей не только въ женскихъ гимназіяхъ, но даже и въ низшихъ классахъ мужскихъ заведеній". Положимъ, въ низшихъ классахъ классическихъ гимназій, реальныхъ и коммерческихъ училищъ учительницы теперь преподаютъ только иностранные языки, но и это уже знаменіе времени. Впрочемъ, относительно учителей-мужчинъ покойный авторъ совсѣмъ не выступаетъ лишь въ роли прокурора: онъ указывалъ, какъ мы видѣли выше, на отрицательныя стороны школьнаго строя, которыя отнюдь не могли содѣйствовать возбужденію въ учащихъ интереса къ дѣлу. Не можетъ этому, конечно, содѣйствовать и недостаточное содержаніе учителя, заставляющее его иногда обращаться въ своего рода ремесленника, который ради обезпеченія семьи набираетъ массу уроковъ и весь день рыщетъ по городу изъ конца въ конецъ, едва успѣвая пообѣдать въ

*) Въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи это возведено въ правило: преподаватель получаетъ 65—70 р., преподавательница—35—40 р. за годовой часъ.

ресторанѣ. Почему не приравнять учительскаго содержанія и служебнаго положенія къ профессорскому, какъ будто даровитый преподаватель среднеучебнаго заведенія, не желающій посвятить себя кабинетной работѣ, а ищущій живого дѣла, менѣе принесетъ пользы, чѣмъ профессоръ? Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ похвалой отзывался объ учителяхъ низшихъ школъ, между которыми, по его словамъ, подобно учительницамъ, встрѣчаются нерѣдко лица, „до самозабвенія преданныя своему дѣлу, настоящіе миссіонеры просвѣщенія". Это по большей части люди, прошедшіе курсы учительскихъ семинарій и институтовъ. Конечно, педагогическое превосходство учителей низшихъ школъ надъ учителями средней школы объясняется ихъ спеціальной подготовкой. Оставаясь справедливымъ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчалъ и недостатки, иногда свойственные педагогамъ начальной школы—склонность придавать преувеличенное значеніе методическимъ пріемамъ въ ущербъ сторонѣ реальной, т. е. содержанію урока. Добавимъ отъ себя, что въ свое время эта крайность легко объяснялась самой новизной методики и свойствомъ русскаго человѣка не знать мѣры, а теперь это методическое увлеченіе значительно поулеглось, и реальная сторона дѣла получила надлежащее значеніе. Да и болѣе серьезное явленіе — равнодушіе учителя къ своему дѣлу—начинаетъ понемногу исчезать, замѣняясь болѣе теплымъ чувствомъ: леденящій классицизмъ, породившій эту индифферентность, умираетъ, и смерть его очищаетъ мѣсто инымъ дѣятелямъ.

Выясняя роль учителя и учительницы въ великомъ дѣлѣ воспитанія, покойный педагогъ не разъ касался въ печати и вопроса о томъ, чему же учить молодое поколѣніе, чтобъ полученныя знанія не служили только средствомъ для полученія аттестата, соскакивая потомъ безслѣдно съ лицъ, уже достигшихъ этой желанной цѣли, а зажигали въ молодыхъ сердцахъ божественную искру, безъ которой никто не можетъ быть ни истиннымъ человѣкомъ, ни истиннымъ гражданиномъ. Авторъ любилъ ссылаться на примѣръ древней Эллады, давшей міру столько великихъ людей, несмотря на незначительный запасъ тогдашнихъ знаній и отсутствіе особенныхъ учебныхъ плановъ. Дѣло въ томъ, что въ лучшія времена Греціи пытливому уму предоставлялась полная свобода. „Поддерживать, питать, развивать умственную пытливость—вотъ одна изъ основныхъ задачъ учебно-воспитательнаго дѣла. Знанія должны служить пищею этой пытливости и направлять ее. При такихъ лишь условіяхъ будетъ зрѣть мысль, рости знаніе, т. е. совершаться правильное воспитаніе ума. Пусть оканчивающіе курсъ вынесутъ изъ средней школы

вдвое, втрое меньше знаній, но пусть выходятъ изъ нея съ развитымъ, живымъ умственнымъ интересомъ, возбужденнымъ стремленіемъ къ истинѣ, съ нѣкоторымъ навыкомъ пользоваться наблюденіемъ, опытомъ, умозрѣніемъ, и ни малѣйшаго сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что при этихъ условіяхъ молодые люди будутъ гораздо лучше подготовлены къ научнымъ занятіямъ и къ разумной практической жизни. Итакъ, умственный интересъ — вотъ тотъ центральный пунктъ, на который должно быть обращено болѣе всего вниманіе школы при воспитаніи ума учащихся". Такъ какъ авторъ писалъ, какъ мы уже говорили, въ эпоху господства классической системы, еще до появленія новыхъ педагогическихъ теченій, не изсякающихъ у насъ, къ счастію, со времени министерства Ванновскаго, то онъ и ставитъ въ упрекъ средней школѣ сосредоточеніе курса на древнихъ языкахъ и математикѣ. Симпатіи его лежатъ на сторонѣ школы до-толстовской, въ которой воспитывался онъ самъ, потому что она была „мягче, терпимѣе, если можно такъ выразиться, къ индивидуальнымъ особенностямъ учащихся. Несмотря на свои пугающія и громоздкія программы, она не выкидывала изъ своихъ стѣнъ такой массы не успѣвающихъ, якобы неспособныхъ учениковъ. Ученикъ, не успѣвающій, положимъ, по математикѣ, но выказывающій способности къ словеснымъ наукамъ, а равно и товарищъ его, отличавшійся дарованіями математическими, но слабый по языкамъ, благополучно кончали курсъ и получали аттестаты, дававшіе имъ доступъ къ высшему образованію. Благодаря этому, какую массу талантливыхъ людей выпустила старая школа, людей, принесшихъ большую пользу и государству, и обществу, и на служебномъ поприщѣ, и въ области науки и литературы! Какъ извѣстно, у болѣе талантливыхъ людей склонности къ занятіямъ по той или другой области знанія обнаруживаются рано (ст „Школьные вопросы. Чему и какъ учить". „Женское Образованіе", 1892)".

Авторъ далѣе указываетъ и на большую свободу преподаванія которой пользовалась старая школа, не связывавшая учителя по рукамъ и по ногамъ разными явными и секретными инструкціями, и, наконецъ, на отсутствіе непріязни къ ней въ обществѣ. Хотя въ тѣ времена, къ которымъ относится упомянутая статья, нападки на классицизмъ считались признакомъ неблагонамѣренности, и за нѣсколько лѣтъ до того старое педагогическое общество было закрыто именно за поднятіе вопроса о вредѣ классической системы, тѣмъ не менѣе покойный В. Д. смѣло утверждалъ, что классическая гимназія лишь печальное педагогическое недоразумѣніе, не могущее выдержать критики и потому боящееся ея. Онъ ставилъ въ вину этой

односторонней системѣ пренебреженіе такими обильно питающими умъ науками, какъ словесность, исторія, географія.

Чему же учить, чтобъ поставить дѣло раціональнѣе? Въ младшихъ классахъ не должно быть многопредметности. „Не привыкшій къ работѣ дѣтскій умъ теряется и не можетъ совладать со многими разнородными знаніями.“ Разбирая въ этой же статьѣ „Чему и какъ учить?“ цѣлесообразность каждаго изъ учебныхъ предметовъ, авторъ высказываетъ о преподаваніи ихъ много вѣрныхъ и цѣнныхъ мыслей. Занятія Закономъ Божіимъ, говоритъ онъ, часто обращаются въ заурядную долбню, причемъ высочайшія истины становятся только грузомъ для памяти (вплоть до выпускного экзамена) и не только не проникаютъ въ сердце, но даже не шевелятъ и мысли. А между тѣмъ какой богатѣйшій матеріалъ представляетъ священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта для воспитанія ума, чувства и воли! Какой глубокій слѣдъ въ душѣ учащихся долженъ оставить разумный и сердечный законоучитель, способный побудить вникнуть въ сущность этихъ разсказовъ, замѣчательныхъ по своей простотѣ, образности и глубинѣ содержанія.“ Въ настоящее время разумные законоучители пришли уже къ убѣжденію, что для избѣжанія безцѣльной зубрежки и съ цѣлью сильнѣйшаго нравственнаго воздѣйствія на учащихся въ основу преподаванія Закона Божія слѣдуетъ положить Евангеліе, вычеркнуть изъ курса исторіи Ветхаго Завѣта эпизоды, слишкомъ плохо вяжущіеся съ христіанской нравственностью (вродѣ извѣстнаго разсказа о женщинѣ, предавшей свой родной городъ, причемъ предательство это восхваляется, какъ угодный Богу подвигъ), а если возможно, то проходить этотъ послѣдній курсъ въ связи съ исторіей Ассиро-Вавилоніи. Что касается до внесенія въ старшіе классы какой-то апологетики христіанства и въ особенности православія противъ разныхъ лжеученій, то Сиповскій справедливо замѣчаетъ, что не всѣ законоучители способны „достаточно убѣдительно опровергнуть мысли хотя и заблуждающихся, но все же нерѣдко замѣчательныхъ по силѣ аргументаціи умовъ“. Иллюстраціей къ этимъ словамъ могъ бы служить образецъ урока подобной апологетики, приводимой достопочтеннымъ отцомъ Григоріемъ Петровымъ въ его недавно изданной повѣсти „Затѣйникъ“.

Но если преподаваніе Закона Божія плохо у насъ поставлено, то еще хуже обстоитъ дѣло съ русскимъ языкомъ и словесностью. „Родная рѣчь это главное орудіе души, эта плоть, въ которую воплощается мысль, остается въ пренебреженіи. Положимъ, мысль это душа рѣчи; но вѣдь и душа въ хиломъ и дрябломъ тѣлѣ не можетъ проявить всѣхъ своихъ силъ и способностей. Мысль, воплощенная въ словѣ, становится яснѣе, осязательнѣе для самого мыслящаго, и

чѣмъ полнѣе и удачнѣе выльется она въ слово, тѣмъ она сильнѣе и плодотворнѣе. Всякій пишущій могъ испытать на самомъ себѣ, какъ выраженная удачно мысль, вызывая въ душѣ удовольствіе, побуждаетъ къ дальнѣйшей мыслительной работѣ, и какъ, наоборотъ, скоро утомляется мыслительная способность, когда мысли не находятъ себѣ подходящихъ выраженій, путаются и вязнутъ въ словахъ. Однимъ словомъ, сила и плодотворность мыслительной способности въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ способности и навыка легко облекать мысли въ соотвѣтствующую имъ словесную форму. Отсюда понятно, какъ важно, какъ необходимо вполнѣ освоить учащихся съ родной рѣчью."

Еще въ 1876 г. въ статьѣ „О развитіи дара слова у дѣтей" („Ж. Образов." № 1). Сиповскій такъ писалъ объ этомъ важномъ вопросѣ: „На нашей памяти съ начала 60 хъ годовъ и до послѣдняго времени обученіе родному языку пережило 3 періода: первый мы позволимъ себѣ назвать эмансипаціей родного языка отъ грамматики; второй—временемъ возвращенія ея въ нѣсколько обновленномъ видѣ и третій періодъ, когда снова начинается тиранія грамматики. Было время, когда грамматика подверглась гоненію, какъ наслѣдіе схоластики, наравнѣ съ риторикой и піитикой. Это было время, когда у насъ все какъ-то встрепенулось, ожило, пыталось совлечь съ себя ветхія одежды; когда, по мѣткому выраженію одного писателя, „всякая птица въ своемъ гнѣздѣ производила реформы". Затѣмъ, принарядившись въ болѣе модный костюмъ, но оставаясь въ сущности тѣмъ же, что была, грамматика снова получила право гражданства." Какъ опытному художнику не нарисовать хорошо пейзажа, если у него нѣтъ въ распоряженіи достаточнаго количества разнообразныхъ красокъ, такъ и человѣку не выразить своей мысли, если у него нѣтъ извѣстнаго запаса словъ; а между тѣмъ у насъ занимаются анатоміей рѣчи — грамматикой и не изучаютъ ея физіологіи. Тутъ же авторъ нападаетъ на современныя ему хрестоматіи, которыя часто стараются сообщить дѣтямъ какъ можно болѣе научныхъ свѣдѣній, излагая ихъ въ формѣ статеекъ безцвѣтныхъ, искусственно-наивныхъ, желающихъ поддѣлаться подъ дѣтскую рѣчь." Лучшимъ средствомъ для ознакомленія дѣтей съ родной рѣчью онъ считаетъ сказки (за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя, изобилуя разными ужасами, могутъ пугать дѣтей). „Для насъ въ сказкѣ дорого быстрое движеніе разсказа, безпрерывная смѣна представленій. Особенно же дорогъ для насъ въ сказкахъ языкъ, простой, живой, образный, могучій, бойкій, языкъ, къ которому чутко прислушивался въ дѣтствѣ нашъ Пушкинъ, и отъ знанія котораго онъ только и могъ стать Пушкинымъ". (Ibid.) Если считать для дѣ-

тей вреднымъ фантастическій элементъ, то, чтобъ быть послѣдовательнымъ, надо считать вредными и любой поэтическій оборотъ, любую метафору и олицетвореніе—другими словами, стало быть, надо вообще вычеркнуть поэзію изъ ряда воспитательныхъ средствъ. „Дайте же дѣтямъ хоть немного подышать чистой поэзіей, доступной для нихъ; не душите ихъ только статейками, нарочно и хитроумно придуманными разными составителями хрестоматій для растягиванія мыслительной способности дѣтей. Пусть дѣти, а потомъ и юношество побудутъ подольше въ чарующемъ мірѣ поэзіи, и вы увидите, что у нихъ тогда найдется о чемъ говорить, и заговорятъ они живымъ словомъ.“ Въ той же статьѣ В. Д. даетъ образецъ разбора прелестной, поэтической малороссійской сказки „Снѣгурка“ и басни „Стрекоза и Муравей“, причемъ замѣчаетъ, что басни служатъ также драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія языка; если же мораль автора не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ высокой нравственности, то, во-первыхъ, такія басни можно и не выбирать для класснаго чтенія, а затѣмъ почему же не разобрать басню съ другой точки зрѣнія, чѣмъ авторъ? Вообще, хрестоматіи для народныхъ школъ могутъ и должны сообщать разныя полезныя научныя свѣдѣнія, какъ единственный багажъ знаній, которыя крестьянскій мальчикъ можетъ вынести изъ школы; но хрестоматіи для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній обязаны имѣть въ виду исключительно интересы языка.

Чтобъ поправить дѣло и возвести родной языкъ на заслуженную имъ высоту въ средней школѣ, авторъ предлагаетъ новую схему распредѣленія учебныхъ занятій, причемъ на русскій языкъ отводитъ въ первыхъ 5 классахъ по 6 недѣльныхъ часовъ—идеалъ, увы! до сихъ поръ недостижимый. Онъ отмѣчаетъ, какъ сказано выше, и задавленность живой рѣчи сухой грамматикой. Какъ извѣстно, этой болѣзнью школа до сихъ поръ страдаетъ.

Что касается преподаванія словесности, то вмѣсто того, чтобы кропотливо трудиться надъ ея исторіей и теоріей, слѣдовало бы преподавателямъ лучше заняться чтеніемъ съ учениками художественныхъ произведеній. „Отечественная словесность вслѣдствіе особой болѣзни нашего времени, которую кто-то удачно назвалъ „мыслебоязною“ въ нашей школѣ по большей части въ загонѣ; а между тѣмъ ничто такъ сильно, глубоко и при хорошемъ выборѣ въ высшей степени плодотворно не дѣйствуетъ, какъ художественныя произведенія лучшихъ отечественныхъ писателей. Это и понятно—тутъ дѣло идетъ объ изображеніи окружающей жизни, стало быть, о предметѣ очень близкомъ намъ, тутъ живые образы, дѣйствующіе не только на умъ, но и на воображеніе и на чувства, т. е. на всю душу чита-

теля; тутъ живой увлекательный языкъ, не только вполнѣ понятный, но чувствуемый, какъ нѣчто родное, близкое и вмѣстѣ съ тѣмъ плѣнительное, невыразимо прекрасное".

„Жизнь, путающаяся въ безконечной массѣ мелкихъ повседневныхъ явленій, темна для насъ; но та же жизнь, прошедшая сквозь душу великаго художника-писателя, очищенная отъ мелочныхъ подробностей, выраженная въ яркихъ и выпуклыхъ образахъ, становится ясна и понятна для всякаго сколько-нибудь мыслящаго человѣка" (см. ст. „Чему и какъ учить).

Тѣ же самыя мысли повторены покойнымъ В. Д. въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1883 г. въ Василеостровской жен. гимназіи послѣ панихиды по Тургеневѣ: „Великій писатель есть и великій наставникъ, раскрывающій для насъ смыслъ той очень мудреной книги, которую мы называемъ „жизнь", наставникъ, зажигающій наши сердца той любовью ко всему, что стоитъ любить, какою пламенѣетъ его собственная душа."

Принадлежа самъ къ числу рѣдкихъ по талантливости преподавателей словесности, В. Д. могъ убѣдиться, насколько и программа, и самая постановка этого предмета неудовлетворительны. Ни одна деталь учебнаго дѣла не ускользнула отъ его пытливаго вниманія, и каждому преподавателю русскаго языка не мѣшаетъ прочесть его интересную „Замѣтку объ ученическихъ сочиненіяхъ." („Ж. Обр." 1878 г.). Онъ указалъ на то, что исправленіе письменныхъ работъ составляетъ, пожалуй, самую тяжелую сторону преподавательской работы, но и ученики въ большинствѣ случаевъ считаютъ ихъ тяжелой повинностью, отъ которой стараются уклониться всякими правдами и неправдами.

Тяготя и учителей, и учениковъ, эти работы не приносятъ въ то же время и желанныхъ результатовъ, такъ какъ по большей части отличаются „вялостью мысли, блѣдностью слога и безсодержательностью, да и малая грамотность не является въ нихъ рѣдкимъ исключеніемъ." Къ тому же, ученики такъ привыкли прибѣгать при такихъ сочиненіяхъ къ чужой помощи, что многіе преподаватели вовсе и не вѣрятъ въ ихъ честность въ этомъ отношеніи.

Да и не удивительно, если кто изъ старшихъ и вызовется помочь ученику, видя, какъ онъ мучится и безпокоится, сидя за полночь надъ непосильнымъ трудомъ. Надъ этими фактами невольно задумается всякій серьезный педагогъ.

Нельзя же отрицать, что сочиненія учениковъ дѣло важное: вѣдь въ нихъ могутъ сказываться „степень умственнаго развитія учащихся, ихъ склонности, вкусы, запасъ знаній,—словомъ, изъ ученическихъ сочиненій лучше всего можно познакомиться съ умствен-

нымъ и нравственнымъ складомъ учениковъ. И какъ это случилось, что сочиненіе, словесное выраженіе актовъ мышленія, стало чуть не предметомъ отвращенія для юношества? Неужели для этого юношества, отъ котораго всё вправѣ ожидать, если не глубины и основательности, то свѣжести и энергіи мышленія, выраженіе его является какимъ-то гнетущимъ бременемъ?

„Въ чемъ же бѣда?“ спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ, что вся бѣда здѣсь заключается въ отсутствіи для ученика въ этой работѣ всякаго живого умственнаго интереса. Его нѣтъ, потому что нѣтъ самостоятельности. Учащійся только долженъ расположить въ стройномъ порядкѣ тѣ мысли, какія были высказаны въ классѣ учителемъ или вытянуты съ большими усиліями у нѣкоторыхъ учениковъ. Даже располагать самостоятельно эти тощія мысли нельзя, потому что дана указка въ видѣ плана. „Отъ ученика вовсе не требуется что-либо свое, своеобразное, сколько-нибудь оригинальное; напротивъ, это даже подавляется“.

„Въ этомъ можетъ встрѣтиться, чего добраго, своеволіе мысли, самомнѣніе, критическое отношеніе къ чему-нибудь, а это все вещи нехорошія... Да и не явится подобной охоты у ученика, года три четыре питавшагося жеванной и пережеванной пищей, которою кормилъ его преподаватель; ему и трудно жевать самому, да и организмъ его уже привыкъ къ тому продовольствію, какое давалъ ему заботливый преподаватель. Ученикъ даже и эту постылую работу, т. е. расположеніе чужихъ мыслей по указанной программѣ, свалитъ, если можно, на кого-нибудь другого, на старшаго брата, на репетитора“. Тутъ авторъ подвергаетъ мѣткой и ядовитой критикѣ сборники темъ для сочиненій Холевіуса, Гаврилова и т. д., гдѣ предложены хріи въ родѣ слѣдующихъ: „Не бойся ѣдкихъ осужденій, но упоительныхъ похвалъ“, „Юность намъ совѣтуетъ лукаво, и шумныя насъ радуютъ мечты,“ при чемъ изъ плана къ послѣдней вытекаетъ, что человѣку „приходится пожалѣть, что бываетъ злосчастная пора въ жизни, именуемая юностью. Впрочемъ, составитель сборника, откуда взята предложенная хрія, не обезкураживаетъ окончательно юношество.

„Кто сумѣетъ“, говоритъ онъ, „въ юные годы согласить свою волю съ указаніями людей опытныхъ и подавить въ себѣ порывы, нарушающіе правильное и гармоническое его развитіе, тотъ не будетъ сожалѣть о своей юности“.—Большинство подобныхъ темъ носитъ отпечатокъ схоластики или прописной морали. „Мысль, что можно научить писать выразительно, живо и содѣйствовать умственному развитію, идя отъ формы или отъ схемы,—мысль совершенно фальшивая. Содержаніе обусловливаетъ форму, мысль обусловливаетъ

выраженіе, а не наоборотъ. Дѣльность и сила мышленія болѣе всего обусловливаются качествомъ матеріала его, т. е. представленій и понятій. Дайте юношеству живыя знанія, затроньте его умственные интересы, познакомьте съ образцовымъ языкомъ отечественныхъ писателей, и отъ самостоятельныхъ работъ учениковъ повѣетъ и жизнью, и умомъ. Г. Гавриловъ называетъ свои планы и не безъ остроумія, скелетами. Дѣло же учениковъ, скажемъ мы, сводится къ тому, чтобы обтягивать кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, кожей эти костяки". Въ подтвержденіе своего взгляда на безрезультатность такихъ пахнущихъ схоластикой работъ Сиповскій ссылается на Буслаева, который, возставая на подобныя хріи, говорилъ: „Мышленію, какъ огню, нужна пища, иначе оно будетъ потѣшнымъ огнемъ. Вышеупомянутая же метода дѣлаетъ тощихъ педантовъ, вычурныхъ періодистовъ, пошлыхъ писакъ: такая метода—ядъ на всю жизнь".

Многіе наивно убѣждены, что пустота фразъ и вялость мысли—дѣло, вполнѣ естественное въ юношескомъ возрастѣ, примиряются съ этимъ и привыкаютъ думать, что дѣти и юноши сами не въ состояніи сказать ничего своего путнаго, что имъ все нужно втолковать, навести ихъ на извѣстныя мысли. „И не подозрѣваютъ часто эти наивные педанты, что тѣ самые дѣти и юноши, которые такъ исправно подаютъ имъ дѣйствительно глупыя сочиненія по всѣмъ родамъ и видамъ словесныхъ произведеній, на сторонѣ подсмѣиваются надъ тупымъ педантизмомъ своихъ наставниковъ и ведутъ между собою бесѣды, вовсе не похожія на тѣ неуклюжіе отвѣты, какіе давали они на хитро придуманные вопросы своего ментора, а въ головѣ ихъ роится столько свѣжихъ и прекрасныхъ мыслей, что только скажись онѣ предъ учителемъ откровенно, и много свѣялось бы схоластической пыли съ души близорукаго наставника... Но нѣтъ, не скажутся эти мысли; прячутся онѣ отъ него глубоко; онъ ожидаетъ отъ нихъ глупости, и она является къ его услугамъ, даже въ большей степени, чѣмъ это ему хотѣлось. И его тоска беретъ, и ученикамъ скучно. Это естественное послѣдствіе тѣхъ явленій, на которыя мы указывали."

Бичуя такія скелетообразныя работы, авторъ всегда стоялъ за сочиненія на самостоятельныя темы, гдѣ-бы ученикъ могъ свободно и прямо писать о томъ, что его дѣйствительно интересуетъ.

Относительно исторіи и географіи В. Д. Сиповскій выражаетъ взглядъ, который многимъ покажется оригинальнымъ. „Лучше пройти бы хотя часть всеобщей исторіи, одну древнюю, напримѣръ, но пройти такъ, чтобы учащіеся поняли, въ чемъ главный смыслъ этого предмета, затѣмъ познакомить лишь съ важнѣйшими эпизодами средней и новой исторіи, но такъ, чтобы учащіеся представили себѣ живо

время и людей, о которыхъ идетъ рѣчь. Учители наши, стоящіе непремѣнно за полный курсъ, начиная съ исторіи Востока и кончая нашими днями—курсъ въ томъ духѣ, какъ онъ изложенъ въ учебникахъ, какъ будто предполагаютъ, что только и есть истиннаго знанія, что только въ учебникахъ да на урокахъ, и забываютъ о томъ, что, если пріохотить учащихся къ исторіи, то многіе изъ нихъ обратятся къ самостоятельному чтенію историческихъ сочиненій, а изучившіе учебникъ, но нисколько не заинтересованные исторіей, черезъ годъ-два безслѣдно забудутъ все выученное. То же самое надо сказать и о географіи: и здѣсь, конечно, не въ обиліи номенклатуры и географическихъ фактовъ сила, а въ уясненіи смысла этихъ фактовъ, указаніи соотношенія съ ними образа жизни, занятій жителей, ихъ нравовъ и обычаевъ, вліянія природы на человѣка и человѣка на природу. Для того, чтобъ ввести учащихся въ главный смыслъ географіи, слѣдуетъ выбрать изъ нея также наиболѣе типическіе факты и на нихъ остановиться, предоставивъ любознательнымъ ученикамъ узнать остальное путемъ самостоятельнаго чтенія. О чтеніи учащимися географическихъ, а равно историческихъ сочиненій, надо особенно позаботиться".

Большое вниманіе удѣляетъ покойный тому учебному предмету, который въ его время безусловно считался опальнымъ и только недавно, такъ сказать, прощенъ, хотя еще не получилъ правъ гражданства.

Мы говоримъ объ естествовѣдѣніи. И здѣсь этотъ истый педагогъ въ лучшемъ значеніи этого слова цѣнитъ не количество, а качество знанія, умѣнье въ интересахъ будущаго распоряжаться полученнымъ матеріаломъ. Его девизъ, какъ видимъ: „знаніе не какъ цѣль, а какъ средство". Естественныя науки не должны обращаться въ такой же грузъ для пямяти, какимъ въ большинствѣ случаевъ являются въ нашихъ заведеніяхъ географія и исторія. Наблюденіе и опытъ—вотъ что должно быть выдвинуто на первый планъ. „Пусть учащіеся сами на основаніи ихъ, при нѣкоторой помощи учителя, опредѣлятъ фактъ, придутъ къ выводу; пусть добудутъ, такимъ образомъ, въ десять, въ двадцать разъ менѣе свѣдѣній, чѣмъ дадутъ учебники, но добудутъ сами, почувствуютъ значеніе и силу ихъ, поймутъ, какъ добываются знанія въ области наблюдательныхъ и опытныхъ наукъ. Только при этомъ условіи полученныя знанія будутъ имѣть воспитательную силу для ума. Въ низшихъ классахъ предметомъ наблюденія должны служить явленія обыденной жизни, явленія природы, окружающей дѣтей. Пусть подъ руководствомъ опытнаго наставника наблюдаютъ и изучаютъ они *живую* природу въ доступномъ для ихъ возраста размѣрѣ. Въ среднихъ классахъ

пусть учащіеся ознакомятся съ доступными для нихъ явленіями физіологіи животнаго и растительнаго царства и развѣ лишь въ старшемъ классѣ попробуютъ при помощи учителя привести въ систему добытыя знанія". Конечно, мысль объ изученіи живой природы теперь не покажется новой: загородныя школьныя экскурсіи начинаютъ входить въ обычай; но 15 лѣтъ тому назадъ о нихъ еще не было и помину; только иногда, бывало, промелькнетъ въ томъ или другомъ педагогическомъ журналѣ переводная замѣтка о подобныхъ образовательныхъ прогулкахъ въ заграничныхъ школахъ,—промелькнетъ и забудется, не оставивъ слѣдовъ: настолько неприложимой казалась она къ тогдашнему сухому школьному строю.

Сказанное авторомъ о преподаваніи математики не устарѣло положительно и до сихъ поръ; да оно и понятно: вѣдь наша педагогика подвигается черепашьимъ шагомъ. Преподаваніе математики должно быть упрощено: „Почему-то ея уроки все болѣе и болѣе сводятся къ рѣшенію всевозможныхъ задачъ, причемъ сложность, запутанность и замысловатость считаются необходимыми ихъ атрибутами. И вотъ математика, наука по сущности своей простая, ясная и по преимуществу строго логичная, обращается въ рукахъ преподавателей въ какую-то китайскую головоломку, которая добрую треть или даже половину учащихся заставляетъ считать математику предметомъ недоступнымъ обыкновенному уму. Факты свидѣтельствуютъ, что далеко не всегда замѣчательная способность рѣшать сложныя и замысловатыя задачи, равно какъ и выдающаяся виртуозность въ шахматной игрѣ, совпадаютъ съ большимъ и глубокимъ умомъ; она представляетъ не болѣе, какъ своего рода спеціальность и при томъ довольно узкую, для которой нужны особенныя склонности и большой навыкъ. Въ общеобразовательномъ заведеніи желательно, чтобы всѣ учащіеся, даже не обладающіе способностями, прошли-бы, такъ сказать, умозрительную математическую дисциплину, прониклись, возможно болѣе, благодаря ей, точностью, ясностью, логичностью—свойствами, какими не владѣетъ ни одна наука въ равной степени съ математикой. Задачи должны быть лишь практическими примѣрами, подтверждающими теорію, должны ясно указывать, какое примѣненіе на практикѣ имѣетъ математическая теорія, и служить способомъ удостовѣряться, что она усвоена до степени способности пользоваться ею на практикѣ".

Языки авторъ считаетъ „самымъ больнымъ мѣстомъ современнаго воспитанія". Многоязычіе—болѣзнь школы, гдѣ ученикамъ, кромѣ своего родного, предлагается изучить языкъ церковно-славянскій, два древнихъ и одинъ или два новыхъ, требуя такимъ образомъ отъ дѣтей чисто лингвистическихъ способностей. Авторъ не дожилъ, къ

сожалѣнію, до той поры, когда лица, власть имущія, сознали наконецъ, что классицизмъ не можетъ же быть вѣчно альфой и омегой средняго образованія. Онъ и здѣсь остается вѣренъ своему основному положенію и предлагаетъ изучить одинъ иностранный языкъ, но изучить основательно, занимаясь живой рѣчью въ ея проявленіяхъ, а не мертвящей умы грамматикой. Если бъ смерть не сразила его такъ рано, онъ увидѣлъ бы, что многія идеи его привились: въ средней школѣ теперь уже начали изучать новые языки именно практическимъ, натуральнымъ способомъ.

Разсматривая всесторонне организацію современной школы, авторъ находитъ, что она пренебрегаетъ воспитаніемъ физическимъ. „Существующая въ нашихъ школахъ гимнастика не имѣетъ почти никакого значенія. Какой смыслъ представляютъ занятія гимнастикой разъ или два въ недѣлю—гимнастикой, состоящей изъ вялыхъ движеній въ душной, полной пыли комнатѣ? Неизмѣримо цѣннѣе для физическаго развитія были бы различныя подвижныя игры на чистомъ воздухѣ и разныя физическія упражненія, напр., бѣгъ взапуски, прыганье и проч. Древняя Греція и современная Англія—вотъ лучшіе образцы, указывающіе, какъ поставить это дѣло. На физическія упражненія и подвижныя игры, требующія энергіи и ловкости, слѣдуетъ удѣлить въ школѣ, по крайней мѣрѣ, по часу въ день и смотрѣть на нихъ не менѣе серьезно, чѣмъ на умственныя упражненія. Также не подлежитъ сомнѣнію высокое педагогическое значеніе занятій ручнымъ трудомъ. Мало того, что тутъ развивается глазомѣръ, ловкость рукъ, упражняются мускулы и проч.; но здѣсь и малоспособные ученики могутъ находить нравственное удовлетвореніе, потому что при усердіи и энергіи всякій можетъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ въ этомъ трудѣ“ (см. ст. „Чего недостаетъ современной школѣ“. „Ж. Обр.“ Янв. 1890 г.).

Пренебреженіе физическимъ воспитаніемъ приводитъ къ тому, что дѣти привыкаютъ къ сидячей жизни, къ нездоровой комнатной атмосферѣ, и у нихъ развивается иногда боязнь чистаго воздуха и движенія. Посмотрите на толпы учениковъ, идущихъ изъ школы! Сколько встрѣтите изъ нихъ сутуловатыхъ, подслѣповатыхъ, узкогрудыхъ, идущихъ нетвердою походкой!

Ратуя противъ узкаго односторонняго воспитанія, покойный педагогъ не разъ указывалъ на важность развитія эстетическаго чувства. „Искусства—пѣніе, музыка, рисованіе, лѣпка должны быть поставлены никакъ не ниже другихъ учебныхъ предметовъ. Преподаваніе этихъ искусствъ должно быть вручаемо не первымъ встрѣчнымъ неудавшимся пѣвцамъ и художникамъ, а образованнымъ педагогамъ. Тогда не будетъ такого явленія, какое встрѣчается теперь

сплошь и рядомъ, что нѣкоторые ученики устраняются отъ уроковъ пѣнія на томъ основаніи, что у нихъ нѣтъ музыкальнаго слуха, а другіе оставляются безъ всякаго вниманія учителемъ рисованія вслѣдствіе того, что не имѣютъ способности къ этому искусству. Образованные педагоги, конечно, поймутъ, что задача школы—готовить не пѣвцовъ и художниковъ, а употреблять всѣ усилія, чтобы, насколько возможно, развить въ томъ или другомъ направленіи силы учениковъ,—и что главная задача искусствъ въ школѣ—развить по возможности эстетическій вкусъ и такимъ путемъ открыть доступъ въ душу воспитывающихся поколѣній цѣлому ряду облагораживающихъ наслажденій, возможныхъ лишь при развитіи чувства изящнаго. Больно смотрѣть на многихъ молодыхъ людей, учениковъ и ученицъ, близкихъ къ зрѣлости, скучныхъ, мрачныхъ. Рѣдко, рѣдко услышишь, чтобъ они пѣли для себя или рисовали для своего удовольствія: учитель пѣнія изрекъ приговоръ, что у нихъ нѣтъ музыкальнаго слуха; учитель рисованія нашелъ, что у нихъ нѣтъ художественныхъ способностей, и эти „забракованные“ (часто вполнѣ неосновательно) теряютъ охоту пѣть и рисовать даже для своего удовольствія“ (Ibid).

Итакъ, по мнѣнію Сиповскаго, школа должна равномѣрно развиваться умственно, нравственно, эстетически и физически.

Установивъ, чему учить, слѣдуетъ точно опредѣлить, *какъ учить*. Здѣсь опять-таки авторъ повторяетъ свою любимую мысль, что простое усвоеніе научной истины въ готовой формѣ не имѣетъ большого педагогическаго значенія; неизмѣримо важнѣе для воспитанія ума процессъ *раскрытія истины*, при чемъ учащимся предоставляется извѣстная доля самодѣятельности, и тогда они испытываютъ чувство, „если не по степени, то по качеству, близкое къ тому, какое испытывалъ ученый изслѣдователь, открывшій эту истину“ (ст. „Чему и какъ учить)“. Мы видѣли уже, что Сиповскій придавалъ большое значеніе знанію методики, но вмѣстѣ съ тѣмъ его здравый взглядъ подмѣтилъ свойственное методикѣ 60 и 70-хъ годовъ злоупотребленіе катехизаціей; многіе считали ее сократическимъ методомъ, тогда какъ съ этимъ послѣднимъ она имѣла мало общаго: Сократъ стремился разбудить умы своихъ слушателей, школьная же катехизація, наоборотъ, излишними вопросами могла лишь забивать самодѣятельность учащихся. Но, избѣгая такого увлеченія вопросной системой, тѣмъ не менѣе надо придавать урокамъ характеръ живой бесѣды, изучая новый матеріалъ въ классѣ, а не ограничиваясь контролированіемъ сдѣланнаго дома.

„Учебники это тоже не послѣднее зло въ современной школѣ. Излагая въ сжатомъ и сухомъ видѣ факты и выводы, давая обыкно-

венно въ достаточной полнотѣ свѣдѣнія по той или другой наукѣ, они, повидимому, являются хорошимъ подспорьемъ для учителя и ученика, избавляя перваго отъ труда изложенія, а послѣднему облегчая трудъ усвоенія: вѣдь въ учебникѣ все изложено такъ просто и ясно. Учитель иногда даже самъ не излагаетъ матеріала своего предмета, а обращается въ комментатора учебника и затѣмъ провѣряетъ, насколько ученикъ усвоилъ его. Ученикъ учитъ по учебнику, повторяетъ неоднократно и все-таки безпрестанно забываетъ. Объясняется это тѣмъ во-первыхъ, что учебники, даже скромные по размѣру, до такой степени переполнены фактами, часто умѣстными лишь въ справочныхъ книгахъ (возьмите, напримѣръ, господствующіе у насъ учебники исторіи и географіи), что упомнить это крайне мудрено; а во-вторыхъ тѣмъ, что факты хотя бы и очень крупные, но изложенные сухо, не дѣйствующіе ни на воображеніе, ни на чувство, и готовые выводы, надъ которыми не работало мышленіе учащихся, совершенно естественно, не могутъ держаться и въ памяти. Это въ порядкѣ вещей. Заучиваніе учебниковъ обращается въ пустую трату времени и вредно тѣмъ, что нерѣдко поселяетъ антипатію и къ учебному предмету. Такимъ именно способомъ обыкновенно убивается въ нашихъ дѣтяхъ всякій интересъ къ исторіи и географіи“.

„Учебники, по нашему убѣжденію, должны быть замѣнены или сжатыми, краткими конспектами, которые служили бы учащимся лишь канвою, и имъ приходилось бы при самостоятельномъ изложеніи указывать связь между фактами или разъяснять ихъ,—или, что мы считаемъ самымъ лучшимъ,—книгами, заключающими живое, но настолько подробное изложеніе фактовъ, что заучивать его цѣликомъ, какъ учебникъ, было бы невозможно, а необходимо самимъ учащимся извлекать существенное изъ разсказа. Въ томъ и въ другомъ случаѣ является самостоятельная работа для нихъ“ (ст. „Чего недостаетъ современной школѣ“).

Въ связи съ своими справедливыми нападками на мертвенность преподаванія, сводящагося лишь къ голому контролю, покойный В. Д. энергично нападалъ на существующую систему экзаменовъ, изъ-за которой учителя не столько думаютъ о разумномъ преподаваніи своего предмета, сколько о приготовленіи своихъ учениковъ къ экзамену; поэтому они возятся съ безконечными повтореніями одного и того же, съ набиваніемъ головъ различными ненужными фактами, которыми можно блеснуть на экзаменѣ, гдѣ ученики часто отдѣлываются отвѣтами на отдѣльные отрывочные вопросы. „Экзамены, на которыхъ по большинству предметовъ испытывается въ сущности лишь память испытуемыхъ, являются обыкновенно настоящей пыт-

кой. И если что болѣе всего ведетъ къ переутомленію, на которое постоянно указываютъ врачи, то это именно господствующая система экзаменовъ и безконечныя крайне утомительныя приготовленія къ нимъ. Они начинаются обыкновенно за мѣсяцъ или за два до начала экзаменовъ, сначала на урокахъ, причемъ, особенно по Закону Божію, исторіи, географіи и различнымъ грамматикамъ задаются повторенія по учебникамъ порціями страницъ въ 20—30, и учащіеся, засиживаясь далеко за полночь надъ томительной работой скучнаго повторенія одного и того же, доходятъ до одурѣнія, до нервнаго разстройства".

Въ настоящее время система экзаменовъ въ средней школѣ умираетъ медленной смертью, но педагогика не такъ скоро этого добилась, хотя еще въ 1890 г. авторъ въ особой замѣткѣ „Экзамены или репетиціи" („Ж. Образ." 1890. Апрѣль) говорилъ, что эта система принадлежитъ къ числу обычаевъ, пережившихъ свой смыслъ. Если защитники экзаменовъ и утверждаютъ, что благодаря имъ курсы учебныхъ предметовъ будто бы объединятся въ стройное цѣлое, потому что все прочтется разомъ, а не по частямъ, какъ въ теченіе года, то они жестоко ошибаются: понять органическую связь частей цѣлаго—задача не легкая, и большинству учащихся безъ помощи учителя съ этимъ и не справиться тѣмъ болѣе, что это дѣлается на спѣхъ. „У учащихся обыкновенно и мысли нѣтъ подумать объ органической связи курса; думаютъ они вполнѣ естественно лишь о томъ, какъ бы лучше приспособиться къ удачнымъ отвѣтамъ, донести до экзамена ворохи частностей". Не только на физическое, но и на нравственное здоровье учащихся экзамены вредно вліяютъ: погоня за медалями и наградами обращается въ своего рода спортъ. Покойный былъ призванъ однажды высшимъ начальствомъ къ отвѣту за помѣщенную въ его журналѣ замѣтку о слѣдующемъ печальномъ фактѣ. Въ одной изъ женскихъ гимназій производился послѣдній выпускной экзаменъ. Двѣ кандидатки на первую золотую медаль шли одинаково по всѣмъ предметамъ, но на этомъ послѣднемъ экзаменѣ одна изъ нихъ сплоховала. В. Д., тутъ присутствовавшій, увидѣлъ, что ея соперница при этомъ просіяла и тихонько перекрестилась, благодаря Бога за чужую неудачу. Полученное замѣчаніе не повліяло на покойнаго, и онъ съ обычной независимостью продолжалъ проводить свои взгляды. Когда экзамены стали вымирать, онъ не разъ говорилъ съ радостнымъ чувствомъ: „Здѣсь есть капля и моего меду".

Признавая необходимость обозрѣнія предмета въ его цѣломъ, онъ отдавалъ предпочтеніе репетиціямъ передъ экзаменами; но тогда курсъ долженъ быть спрошенъ по порядку въ той послѣдователь-

ности, въ какой проходился въ теченіе года, съ той цѣлью, чтобы установить извѣстную внутреннюю связь между его частями. Для этого необходимо, чтобъ въ повтореніи принималъ участіе весь классъ, и тогда возможно пополнить пробѣлы, исправить недосмотры, объяснить то, что, можетъ быть, осталось непонятнымъ.

Съ постановкой обученія — неразрывно связана и школьная дисциплина: духъ школы равно отражается на той и на другой изъ этихъ сторонъ. Этой дисциплинѣ В. Д. посвятилъ особый этюдъ со слѣдующимъ выразительнымъ эпиграфомъ: „Управлять собой — есть самое трудное изъ всѣхъ искусствъ“. Главнѣйшее зло школьной жизни, какъ находитъ авторъ,—это та рознь, та пропасть, которая образуется между учащими и учащимися, воспитателями и воспитанниками, представляющими въ большинствѣ случаевъ два враждебные лагеря; они ведутъ между собою глухую, непрерывную борьбу. Чѣмъ же вызывается эта борьба, это прискорбное ненормальное отношеніе? „Происходитъ это прежде всего отъ совершенно неправильнаго взгляда на дисциплину“. Воспитатель совсѣмъ не думаетъ считаться съ индивидуальными особенностями характера учащихся, съ ихъ семейными обстоятельствами; въ большинствѣ случаевъ „онъ представитель обычной, заурядной дисциплины; онъ держится того взгляда, что дисциплина должна быть строга и незыблема, и потому вполнѣ послѣдовательна, и всякій проступокъ долженъ вести за собой извѣстное слѣдствіе“. Такой воспитатель, конечно, не можетъ стоять близко къ дѣтямъ; отношеніе ихъ къ нему похоже на отношеніе публики къ городовому. Зато воспитатель, дѣйствительно любящій дѣтей, понимающій ихъ дѣтскій міръ, ихъ психологію, входящій въ интересы своихъ воспитанниковъ, неминуемо будетъ пользоваться въ ихъ глазахъ большимъ нравственнымъ авторитетомъ, такъ что ему не трудно установить и внѣшнюю дисциплину. Другой же гонится всю жизнь за ней, какъ за сказочной, неуловимой жаръ-птицей, дѣлаетъ какое-то особенное лицо, придаетъ ему строго прокурорское выраженіе, а толпа учениковъ все же смотритъ на него, какъ на полицейскаго офицера, до хрипоты командующаго: „Осади!“ Въ такомъ случаѣ, въ массѣ всегда замѣчается злобно насмѣшливое настроеніе, предшествующее громкому протесту. „Строжайшая дисциплина, основанная на страхѣ наказанія, всегда упраздняла настоящее воспитаніе и порождала по большей части два выдающихся типа воспитанниковъ, безстрашныхъ, или отчаянныхъ, готовыхъ на всевозможныя дерзкія выходки, способныхъ даже и нѣкоторыхъ своихъ наставниковъ держать въ страхѣ, — и запуганныхъ трусовъ, у которыхъ съ трусостью развивались скрытность и злоба, какъ извѣстно, неразлучные спутники трусости. Эти запуганные при полной

увѣренности въ безнаказанности, при несомнѣнной возможности скрыть концы въ воду, способны были въ злобныхъ шалостяхъ превзойти даже отчаянныхъ" („Ж. Обр." 1890 г. „О дисциплинѣ въ школѣ").

В. Д. горячо вооружается противъ пагубнаго заблужденія, что для надзора за дѣтьми вовсе не требуется особеннаго образовательнаго ценза. „Какое печальное недоразумѣніе! Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Не о дисциплинѣ въ ея общепринятомъ смыслѣ должна заботиться школа, а о правильномъ воспитательномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ, а для такого воздѣйствія нужны люди, понимающіе великую задачу воспитанія, стало быть, люди, хорошо образованные, мало того, способные по характеру, по духовному складу къ этому важному дѣлу". Величайшее зло школьной дисциплины состоитъ въ томъ, что своей главнѣйшей цѣлью она считаетъ внѣшнее благочиніе. „Предъявить десятокъ или полтора правилъ девятилѣтнему мальчику или дѣвочкѣ такого же возраста и выставить на видъ, что за неисполненіе ихъ будутъ взыскивать — не только не значитъ развивать въ дѣтяхъ чувство долга и законности, а совсѣмъ наоборотъ—значитъ пріучать ихъ съ первыхъ же шаговъ въ жизни, когда впервые у ребенка являются обязанности, къ мысли, что исполненіе ихъ почему-то считается труднымъ, непріятнымъ, такъ что нужно загодя постращать и наказаніемъ. Съ первыхъ же шаговъ сознательной жизни воспитанникъ видитъ, что законы, которые являются ему въ видѣ школьныхъ правилъ, сплошь и рядомъ могутъ быть нарушаемы, что самыя взысканія, слѣдующія за нарушеніемъ, вовсе не такъ ужъ страшны. Словомъ, преждевременными дисциплинарными правилами чаще всего профанируется законъ; вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него, какъ на священную, нерушимую заповѣдь, какъ на выраженіе нравственнаго долга, въ школѣ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкаютъ видѣть въ немъ мелочныя, произвольныя, излишнія требованія лицъ, облеченныхъ властью, могущихъ наказывать. Наказанія же не только утрачиваютъ нравственное значеніе, но мало-по-малу отъ частаго употребленія и вовсе теряютъ даже свое устрашающее значеніе, если только постепенно не возростаетъ и суровость ихъ". Какъ доказательство этого послѣдняго положенія, авторъ приводитъ одно изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній. Въ томъ пансіонѣ, гдѣ онъ учился, содержатель его, большой любитель тѣлесныхъ наказаній, всѣхъ провинившихся за недѣлю обязательно наказывалъ розгами по субботамъ, приглашая ихъ къ этой экзекуціи, производившейся обыкновенно въ банѣ, добродушнымъ восклицаніемъ: „Ну, теперь пойдемъ въ баньку сѣчься!" Онъ шелъ впереди, а приговоренные слѣдовали за нимъ, при чемъ нѣкоторые

изъ нихъ подпрыгивали и приплясывали: наказаніе было такъ привычно, что всякій страхъ предъ нимъ притупился, и нервы огрубѣли.

Положимъ, тѣлесныя наказанія въ школахъ настолько отошли уже теперь въ область преданій, что инцидентъ съ якобы высѣченнымъ ученикомъ одной петербургской гимназіи заставилъ говорить о себѣ весь Петербургъ; но другія наказанія все еще практикуются, принимая иногда крайне нелѣпый характеръ. В. Д. разсказывалъ, какъ однажды ему пришлось объясняться съ наставникомъ гимназіи, приказавшимъ одному ученику, не явившемуся въ какой-то царскій день къ обѣднѣ, явиться за то въ субботу ко всенощной. „Это назначено въ видѣ наказанія?“ съ удареніемъ спросилъ В. Д. „Въ видѣ наказанія“, подтвердилъ собесѣдникъ. „И вы находите возможнымъ вмѣнять посѣщеніе церкви въ наказаніе? Вы полагаете, можетъ быть, что это содѣйствуетъ развитію религіознаго чувства?“ Наставникъ смѣшался и не зналъ, что сказать: очевидно, онъ ни разу не подумалъ о цѣлесообразности такой кары.

Но какъ же прививать тогда дѣтямъ хорошія привычки, чувство долга, исполнительность, аккуратность, свойства, необходимыя для каждаго порядочнаго, культурнаго человѣка? Отнюдь не посредствомъ слишкомъ рано навязываемыхъ правилъ, а путемъ практики, примѣра, упражненія. „Настоящій воспитатель понимаетъ, что дурныя привычки ребятъ надо устранять и ослаблять противоположными привычками: видитъ, напримѣръ, неряшливаго мальчика, приходящаго съ плохо вымытыми руками въ классъ, и не полѣнится разъ пятьдесятъ подъ рядъ осмотрѣть его и послать мыться и достигнетъ того, что воспитанникъ привыкнетъ къ опрятности. Такъ настоящій воспитатель поступитъ и въ другихъ случаяхъ. Результатъ тотъ, что у такого наставника дѣти мало по малу свыкаются съ обязанностями своими; исполнительность, аккуратность становятся какъ бы ихъ природнымъ и долговѣчнымъ свойствомъ“. (Ibid.) Надзиратель-дисциплинаторъ, желающій быть только хорошимъ полицейскимъ стражемъ и за всякую бездѣлицу налагающій взысканіе, является въ глазахъ учениковъ „ловцомъ-сыщикомъ, которому пріятно изловить нарушителя правила и подвергнуть наказанію. Обмануть, перехитрить такого сыщика, на взглядъ воспитанниковъ, дѣло не только позволительное, но и желанное.“ Положимъ, открытое учебное заведеніе съ нѣкоторой натяжкой отвѣтитъ на все это, что его дѣло не воспитаніе, а обученіе, а воспитаніе— обязанность семьи. Съ подобнымъ оправданіемъ, конечно, никто не согласится, но интернатъ въ свою защиту не можетъ даже произнести и этихъ словъ. И тамъ, по словамъ автора, царитъ та же

пресловутая дисциплина, одна только дисциплина, хотя въ интернатахъ-то воспитаніе и должно стоять на первомъ планѣ. Все направлено лишь къ соблюденію внѣшняго порядка, почти въ каждомъ учебномъ заведеніи вы найдете штрафной журналъ. Жизнь молодежи здѣсь монотонна, однообразна, невыразимо скучна; одной и той же дисциплинѣ подчинены какъ малые девятилѣтніе ребята, такъ и 18 лѣтніе юноши. Самыя стѣны, кажется, заражены скукой, какъ ядомъ, а отсюда ведетъ свое начало и переутомленіе. Скука въ классѣ, гдѣ все же есть неотложное дѣло, которымъ надо заняться, ничто въ сравненіи съ той, которая царитъ въ пансіонѣ во время внѣурочное. Хочется пробѣжаться по залѣ—запрещено, хочется прочесть интересную книгу, но она подлежитъ цензурѣ придирчиваго наблюдателя, и онъ ее отбираетъ. Отъ скуки живыя дѣти являются зачинщиками всевозможныхъ шалостей, „и чѣмъ больше рознь между надзирателями и воспитанниками, чѣмъ старше они, тѣмъ война становится обдуманнѣе и опаснѣе для обѣихъ сторонъ. Все запрещенное получаетъ особую прелесть, начиная отъ куренія и кончая спиртными напитками. Полное отсутствіе въ жизни интерната элемента радости и удовольствія дѣлаетъ ее похожею на жизнь подвижниковъ, съ тою лишь громадною разницей, что эти послѣдніе по большей части люди, утомленные жизнью, добровольно обрекающіе себя на монастырское житье, а здѣсь дѣти, ростущія и физически, и духовно, а для всего растущаго, развивающагося прежде всего нужны тепло и свѣтъ и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ. А этого то и нѣтъ въ нашихъ интернатахъ или слишкомъ мало. Бодрое, веселое настроеніе—вотъ то состояніе, въ которомъ должна находиться молодежь, если хотятъ воспитать изъ нея хорошихъ дѣятельныхъ людей. Это необходимое условіе здоровья—и физическаго, и духовнаго обыкновенно упускается изъ виду.“ Какъ лѣкарство отъ этой мертвящей скуки, какъ средство къ поддержанію въ воспитанникахъ жизнерадостнаго настроенія, Сиповскій опять таки указываетъ на подвижныя игры на чистомъ воздухѣ, ручной трудъ и эстетическія удовольствія. „Внесеніе въ жизнь школы, особенно закрытой, по возможности въ большей мѣрѣ элемента осмысленнаго удовольствія, здороваго развлеченія и свободнаго труда — дѣло первостепенной важности.

Извѣстно, что эти pia desideria покойнаго начинаютъ осуществляться у насъ со времени министерства Ванновскаго, хотя улучшенія эти вводятся, по правдѣ сказать, гомеопатическими дозами. Тѣмъ не менѣе, организуется тамъ и сямъ то, о чемъ говорилъ В. Д.: хоры поющихъ и любящихъ пѣть, гимназическіе окрестры, устраиваются катки и ледяныя горы, изрѣдка загородныя экскурсіи. Лите-

ратурныя чтенія и бесѣды не такъ поощряются, къ сожалѣнію, но и они пріобрѣтаютъ мало по малу права гражданства. Но все это дѣлается мало по малу, улучшенія идутъ медленно, а до нихъ „дисциплинѣ, словно Ваалу, приносилось много человѣческихъ жертвъ въ видѣ удаленныхъ изъ школы шалуновъ, грубіяновъ и т. д. Воспитательную дисциплину смѣшиваютъ со служебной, съ военной дисциплиной". Воспитатель, не думающій о психологіи ребенка, требуетъ отъ него *активнаго* вниманія, тогда какъ послѣдній способенъ больше къ *пассивному*; его вниманіе больше зависитъ отъ силы впечатлѣнія, чѣмъ отъ тѣхъ или другихъ ассоціацій, какъ у взрослаго. У дѣтей, сидящихъ ужъ не мало часовъ въ душномъ классѣ, учитель въ 4-й или 5-й разъ спрашиваетъ одинъ и тотъ же надоѣвшій имъ урокъ. Какое вниманіе возможно при такихъ условіяхъ? „Если содержаніе урока само по себѣ заключаетъ внутренній интересъ и соотвѣтствуетъ силамъ учениковъ, если преподаваніе ведется такъ, что вносятся наглядность, разнообразіе, и вызывается самодѣятельность учащихся, и наконецъ, если учитель, владѣя вполнѣ своимъ предметомъ, относится къ своимъ урокамъ съ живымъ интересомъ, къ дѣтямъ доброжелателенъ и справедливъ, то ему не придется жаловаться на недостатокъ вниманія и прилежанія со стороны учениковъ, не придется жаловаться и на поведеніе ихъ *).

Мы знаемъ, что покойный при его широкихъ просвѣтительныхъ взглядахъ не могъ писать только о вопросахъ узко-педагогическаго характера. Его перо съ чисто публицистическимъ жаромъ не разъ трактовало о важности высшаго женскаго образованія. Мы говорили уже, что этого положенія теперь никто не рѣшится оспаривать открыто, но втихомолку не одинъ сановникъ готовъ вложить палки въ колеса, если отъ него зависитъ содѣйствовать устройству высшихъ женскихъ курсовъ въ томъ или другомъ большомъ городѣ. Но если и теперь у высшаго женскаго образованія есть свои тайные враги, то что же говорить о томъ времени, когда горячо разрабатывалъ этотъ вопросъ В. Д., т. е. о 70-хъ годахъ прошлаго вѣка? Воюя съ своими многочисленными оппонентами, онъ старался доказать, что вопросъ о расширеніи женскаго образованія, какъ и связанный съ нимъ вопросъ о расширеніи сферы женскаго труда, есть вопросъ практическій по преимуществу, выдвинутый самой жизнью, ежегодно

---

*) Дисциплинѣ (классной) вредятъ заваливаніе домашними работами, отчего дѣти приходятъ въ классъ уже утомленными, плохо составленныя расписанія (иногда самые трудные уроки ставятся послѣдними), незначительность рекреацій и невозможность порѣзвиться, какъ слѣдуетъ, въ перемѣну.

ростущимъ процентомъ незамужнихъ и необезпеченныхъ матеріально женщинъ. Ходячія возраженія указывали, между прочимъ, на то, что невысокій умственный уровень аѳинскихъ женщинъ, не мѣшалъ гражданскому и политическому развитію мужчинъ-аѳинянъ. Стало быть, прогрессъ страны—одно, а просвѣщеніе женщины—особая статья. Вотъ что Сиповскій отвѣчалъ на это въ своей статьѣ „Къ вопросу о женскомъ образованіи и трудѣ" („Ж. Образ." 1877 г.): „Въ наше время оставаться при такомъ взглядѣ было бы несравненно опаснѣе".

„Каждый гражданинъ Греціи и Рима принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ государства; онъ жилъ на площади; здѣсь сосредоточивались его высшіе интересы; онъ только и жилъ политическими интересами, и они были очень высоки, они поднимали и облагораживали его. Домъ и семья были только мѣстомъ отдохновенія и ночлега. Въ наше время такого полнаго поглощенія всего человѣка государствомъ не встрѣчается. Каждый несравненно больше живетъ интересами семьи, и потому состояніе послѣдней должно обращать на себя болѣе серьезное вниманіе". Ратуя за высшее женское образованіе, авторъ въ той же статьѣ совершенно справедливо замѣчаетъ, что если искренне желать полнаго духовнаго равенства мужчины и женщины, то не слѣдуетъ ограничиваться учрежденіемъ для женщинъ высшихъ учебныхъ заведеній, оставивъ среднія при той же неудовлетворительной постановкѣ. Высшіе женскіе курсы не дадутъ солиднаго научнаго образованія, если среднеучебныя будутъ поставлять для нихъ 16-ти или даже 15-тилѣтнихъ, вовсе неподготовленныхъ къ серьезнымъ занятіямъ, дѣвушекъ. Соотвѣтствіе между мужскимъ и женскимъ образованіемъ неосуществимо, если 15-ти или 16-тилѣтнія дѣвушки будутъ проходить лишь двухгодичные высшіе курсы. (Говоря такъ, авторъ имѣлъ въ виду московскіе курсы профессора Герье, статью котораго „Теорія и практика женскаго образованія" онъ и разбиралъ въ упомянутой замѣткѣ *), тогда какъ юноши, оканчивающіе курсъ гимназіи въ возрастѣ 19—20 л., проходятъ 4 и 5 годичные курсы въ университетахъ. По мнѣнію В. Д., серьезная постановка преподаванія въ средней женской школѣ также важна, какъ и открытіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Значительное число дѣвушекъ, оканчивающихъ курсъ среднеучебнаго заведенія, сойдя со школьной скамьи, начинаютъ жить самостоятельной семейной жизнью; слѣдовательно, образованіе, полученное ими въ средней школѣ, становится для нихъ и окончательнымъ. Для мужчинъ самостоятельная семейная жизнь начинается обыкновенно значительно позже.

---

*) Статья была написана въ годъ открытія Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ.

Кромѣ того, сфера жизни и дѣятельности мужчинъ, даже не прошедшихъ чрезъ высшія заведенія, по большей части расширяетъ ихъ кругозоръ и дополняетъ школьное образованіе. Женщина же часто, сходя со школьной скамьи въ жизнь, замыкается въ тѣсномъ семейномъ кругу, попадая въ условія, мало благопріятныя для расширенія познаній, почему и принуждена бываетъ довольствоваться запасомъ знаній, вынесенныхъ изъ школы. Задачи женской средней школы, въ виду вышесказаннаго, должны быть шире и крупнѣе задачъ мужского среднеучебнаго заведенія. Авторъ полагаетъ, что для поднятія уровня женскаго средняго образованія необходимо къ семи классамъ гимназіи прибавить восьмой сверху, принимать въ низшій классъ дѣвочекъ не моложе 10 лѣтъ и расширить учебный курсъ. По его мнѣнію, только тогда среднеучебныя заведенія будутъ доставлять высшимъ курсамъ достаточно подготовленныхъ слушательницъ, и курсы будутъ въ состояніи давать имъ высшее образованіе, соотвѣтствующее зрѣлому, сознательному возрасту и современному состоянію наукъ.

Къ сожалѣнію, слѣдуетъ признаться, что основная мысль автора до сихъ поръ не осуществилась, по крайней мѣрѣ, относительно женскихъ гимназій вѣдомства Императрицы Маріи. Правда, въ низшій классъ ихъ теперь принимаютъ дѣвочекъ не моложе 10 лѣтъ, но программы такъ мало съ тѣхъ поръ измѣнились, что все же переходъ на Высшіе Курсы является для большинства непосильнымъ скачкомъ. Программа этихъ гимназій должна быть непремѣнно повышена (особенно по математикѣ), и надо надѣяться, что при общемъ живительномъ стремленіи, охватившемъ нашу родину, это вопросъ лишь дальнѣйшаго будущаго. Что касается 8-го класса, имѣющагося при женскихъ гимназіяхъ Министерства Народ. Просвѣщенія, то при гимназіяхъ Вѣдом. Имп. Маріи его до сихъ поръ не существуетъ.

Уравненіе мужского и женскаго образованія необходимо не только для расширенія сферы женскаго труда, но и для процвѣтанія семейной жизни. „Только въ томъ обществѣ семья можетъ стоять на надлежащей нравственной высотѣ, гдѣ между мужемъ и женой нѣтъ большой разницы въ умственномъ и нравственномъ развитіи, гдѣ 14—15 лѣтній юноша не перерастетъ умственно свою мать. Могутъ ли служить для дѣтей хорошимъ примѣромъ отецъ, смотрящій на свою жену, какъ на умственнаго недоростка, и мать, чувствующая свою умственную немощь не только передъ мужемъ, но часто передъ мальчикомъ сыномъ. Связь людей между собою обусловливается главнымъ образомъ единствомъ, совпаденіемъ интересовъ. Чѣмъ болѣе совпадаетъ этихъ интересовъ, и чѣмъ они выше, тѣмъ болѣе

упрочивается и возвышается эта связь. Понятно, что союзъ высокообразованнаго мужа съ невѣжественной женой не можетъ быть особенно возвышеннымъ и рѣдко бываетъ достаточно прочнымъ. Можно даже замѣтить, что подобный союзъ имѣетъ менѣе прочныхъ основъ, чѣмъ брачный союзъ въ простой средѣ. Въ простомъ быту жена не только жена въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и работница, пособница своему мужу, и такою пособницей она можетъ остаться до глубокой старости или до смерти. По отношенію къ дѣтямъ она не только мать въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и кормилица, и нянька. Въ достаточной же семьѣ, могущей имѣть прислугу всякаго рода, жена можетъ вовсе не трудиться по отношенію къ мужу и къ дѣтямъ. Она можетъ нанять кормилицу, няньку, а потомъ пригласить гувернантку. Что же представляетъ такая женщина? Какую роль играетъ она въ семьѣ? Она—жена и мать, но только въ самомъ узкомъ и, конечно, самомъ невысокомъ значеніи этихъ словъ. Въ средѣ необразованной обыкновенно нѣтъ большой разницы между мужемъ и женой въ умственномъ развитіи, и потому они, по крайней мѣрѣ, понимаютъ вполнѣ другъ друга, могутъ дѣлиться чувствами и мыслями безъ особеннаго затрудненія. Въ семьѣ же, гдѣ мужъ значительно выше жены по умственному развитію, и такого отношенія нѣтъ: мужъ понятенъ женѣ только въ своихъ низшихъ интересахъ, только они и связываютъ ихъ. Самые вѣскіе интересы его, которые ему особенно дороги, составляютъ лучшую сторону его, ей недоступны. Въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ, при извѣстномъ тактѣ съ обѣихъ сторонъ и при сильномъ чувствѣ долга, чаще всего устанавливается со стороны мужа нѣжно-покровительственный тонъ (иной разъ очень недалекій отъ смягченнаго презрѣнія), а со стороны жены—заискивающая угодливость (нерѣдко представляющая въ сущности нѣсколько ослабленное раболѣпство). Это при лучшихъ условіяхъ. Часто при невысокомъ уровнѣ нравственности, люди, не довольствуясь подобными отношеніями и не находя счастья въ семьѣ, ищутъ его внѣ семейныхъ узъ. Вспомнимъ при этомъ, что дурная семья не только не въ состояніи воспитать нравственныхъ дѣтей, но можетъ оказать положительно пагубное вліяніе на нихъ". Связанное съ повышеніемъ уровня женскаго образованія расширеніе поприща женскаго самостоятельнаго труда приведетъ къ улучшенію не только матеріальному, но и нравственному положенія женщины, потому что человѣкъ, не могущій существовать личнымъ трудомъ, всегда чувствуетъ себя рабомъ. Не слѣдуетъ думать, что та женщина, которая беретъ на себя воспитаніе или обученіе маленькихъ дѣтей, уже не нуждается въ обширномъ образованіи, потому что много ли нужно для малютокъ? Вѣдь

даже для того, чтобы удовлетворительно отвѣчать на вопросы ребенка со среднимъ уровнемъ развитія, необходимо держать въ головѣ цѣлую энциклопедію. Это подтвердитъ каждая добросовѣстная мать и воспитательница *).

Исходя изъ такого возвышеннаго взгляда на великое назначеніе женщины въ человѣческомъ обществѣ, покойный В. Д. особенно радостно привѣтствовалъ піонерокъ, которыя въ тѣ уже далекіе отъ насъ годы являлись первыми ласточками наступающей женской весны. Когда въ 1877 г. весь интеллигентный Петербургъ былъ огорченъ неожиданной смертью С. К. Брюловой-Кавегиной, дочери извѣстнаго ученаго, молодой женщины, успѣвшей уже заявить себя своими историческими трудами, Сиповскій написалъ прочувствованный некрологъ покойной, гдѣ доказывалъ, что она всей своей личностью служила живымъ опроверженіемъ ложнаго мнѣнія, будто ученость лишаетъ женщину скромности, женственности и жизнерадостности. У нея было стремленіе къ знанію и стремленіе жить на пользу другимъ, „а эти двѣ силы равно необходимы, какъ для блестящаго общественнаго дѣятеля, такъ и для скромной труженицы-учительницы и для матери, замкнутой своими обязанностями въ тѣсномъ семейномъ кругу. Только владѣя этими двумя силами, онѣ могутъ воспитывать въ дѣтяхъ будущихъ полезныхъ обществу дѣятелей“.

Изъ всего вышеизложеннаго читатели, полагаю, уже составили себѣ представленіе о свѣтлой личности рано умершаго педагога и о его педагогическихъ взглядахъ. „Что же нужно прежде всего нашей родинѣ? неоднократно спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ заключается въ эпиграфѣ къ его статьѣ „Значеніе Петра Великаго въ исторіи русскихъ школъ“ („Семья и Школа“ 1872, № 5). Это слова Паисія Лигарида: „Если бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства, я бы отвѣтилъ: во-первыхъ,—училища, во-вторыхъ,—училища и въ-третьихъ, — училища.“ Повторяя эти знаменательныя слова умнаго грека ровно черезъ 20 лѣтъ въ другой статьѣ „Образованіе и школа“ (Ж. „Обр.“ 1890), авторъ доказываетъ, что вопросъ о просвѣщеніи для Россіи—вопросъ самый насущный и жизненный, отъ

*) Еще въ 1875 г. въ статьѣ „Къ вопросу о высшемъ женскомъ образованіи“ („Педагогическій листокъ“ 1875 г.) Сиповскій по этому поводу цитировалъ слова Герберта Спенсера: „Какъ физическая зрѣлость выказывается способностью производить дѣтей, такъ умственная зрѣлость высказывается способностью ихъ воспитывать. Предметъ, который заключаетъ въ себѣ всѣ другіе предметы, а, слѣдовательно, предметъ, которымъ должно закончиться воспитаніе, есть практика и теорія педагогики“.

рѣшенія котораго зависитъ и настоящее, и будущее нашего отечества. За тѣ 15 лѣтъ, которыя протекли со времени появленія его статьи, дѣло не улучшилось, и недавнія жестокія событія слишкомъ хорошо показали, какъ мало у насъ людей просвѣщенныхъ. „Мы въ ужасъ пришли бы, продолжаетъ авторъ, если бы оказалось, что на десять тысячъ солдатъ у насъ нашелся бы всего одинъ человѣкъ, способный руководить этою массою людей, и не ужасаемся, что на двадцать тысячъ человѣкъ населенія приходится у насъ только одинъ человѣкъ, получающій высшее образованіе! А это дѣйствительно ужасно—ужасно тѣмъ, что мы, всегда готовые дать могучій отпоръ врагу, который осмѣлился бы посягнуть на нашу территорію, въ то же время рискуемъ потерять вполнѣ нашу самобытность подъ натискомъ западно-европейской культуры, т, е. дорожимъ внѣшней независимостью, но не думаемъ о независимости духовной. А между тѣмъ всѣ великіе народы въ исторіи тѣмъ именно и велики, что вносили свое особенное національное культурное достояніе въ сокровищницу общечеловѣческой цивилизаціи. Чѣмъ больше этотъ національный вкладъ, тѣмъ выше и культурнѣе цѣна народа.“ Проживи покойный В. Д. до нашихъ дней, и онъ бы увидѣлъ, что недостатокъ просвѣщенія мѣшаетъ даже намъ дать не только могучій, но хоть какой-нибудь отпоръ врагу, а настоятельная необходимость въ просвѣщеніи до сихъ поръ еще не стала аксіомой для цѣлой партіи обскурантовъ въ нашемъ отечествѣ. Между тѣмъ нашъ народъ обладаетъ большими и несомнѣнными способностями, говоритъ Сиповскій, у него есть всѣ данныя, чтобъ стать великимъ культурнымъ народомъ, но неблагопріятныя историческія условія, отдѣлили его отъ Западной Европы, погрузили надолго въ безпросвѣтную тьму. Византійское вліяніе, просвѣтивъ Русь христіанствомъ, не могло дать ей живого, свѣжаго знанія: наука стѣснялась тамъ односторонней догмой. „Утонченная діалектика въ области богословія, искусственныя и пустыя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго краснорѣчія—вотъ что болѣе всего составляло ученыя занятія византійскихъ грековъ“ (см. ст. „Значеніе Петра Великаго въ исторіи русскихъ школъ“). Замкнувшись въ тѣсномъ кругѣ церковно-религіозныхъ интересовъ, скудная образованность молодого русскаго народа не могла оказать благотворнаго вліянія на развитіе умовъ, не могла породить пытливости, этого начала всякого знанія. За свое вѣковое невѣжество Русь поплатилась расколомъ: здѣсь она пострадала за свою нетерпимость ко всякому умственному движенію. Свѣжая струя съ южно-русскаго края подготовила почву для Петровской реформы, но не исцѣлила Россію отъ мыслебоязни и недовѣрія къ просвѣщенію. Наша интеллигенція, что капля въ морѣ, и удиви-

тельно еще, что она не заглохла вовсе при своемъ количественномъ ничтожествѣ.

Слѣдствіемъ нашего невѣжества является наша постоянная зависимость отъ Запада не только умственная, но и экономическая. „Потому-то такъ часто и видимъ у насъ во главѣ большихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій иностранцевъ, которымъ и достается львиная доля выгодъ, тогда какъ роль русскаго человѣка сводится по большей части къ черной рабочей силѣ. Вслѣдствіе общаго невѣжества и раздаются вѣчныя жалобы на отсутствіе энергіи, честности, предпріимчивости у русскаго человѣка. „Отсюда оскудѣніе помѣщиковъ, по большей части людей полуобразованныхъ, не могущихъ подняться выше узкихъ эгоистическихъ разсчетовъ, неспособныхъ серьезно смотрѣть на свои задачи... А внизу многомилліонная совсѣмъ ужъ темная масса.“ Дѣйствительно, нигдѣ крестьянское населеніе не преобладаетъ такъ надъ городскимъ, какъ въ Россіи, почему на образованіе народное слѣдовало бы обратить особенное вниманіе, такъ какъ съ нимъ неразрывно связано благосостояніе государства: бѣденъ народъ, бѣдно и оно. Бѣденъ же онъ потому, что, стоя на низкомъ культурномъ уровнѣ, держится тѣхъ же первобытныхъ пріемовъ обработки полей, какъ и нѣсколько столѣтій тому назадъ. „То же хищническое отношеніе къ почвѣ, къ лѣсу, та же безпечность, тѣ же суевѣрія, то же пьянство, какія отмѣчали въ своихъ запискахъ иноземные путешественники, посѣщавшіе наше отечество въ XVI и XVII в.“ (Ibid.). Итакъ, нужна всеобщая грамотность. И не одна грамотность, добавляетъ авторъ, а извѣстная сумма знаній, хотя бы элементарныхъ, не одна школа грамоты нужна деревнѣ, нужны ей и хорошія книжки, которыя безъ всякаго бы учителя могли научить уму-разуму темнаго простолюдина.

Что касается средняго и высшаго образованія, то взгляды на него автора намъ неизвѣстны. Мы видѣли, какъ настоятельно требуетъ онъ улучшенія средней школы какъ мужской, такъ и женской, какъ стоитъ онъ за высшее образованіе женщины. Впрочемъ, онъ напоминаетъ читателямъ, что школьное образованіе еще не все. „У насъ и между людьми, получившими высшее образованіе, нерѣдкость встрѣтить своего рода рецидивистовъ, которые утрачиваютъ безслѣдно полученное ими образованіе, такъ какъ оно къ дѣлу часто вовсе не примѣняется, въ житейскомъ обиходѣ почти не требуется, въ семейномъ быту, при низкомъ уровнѣ образованія женщины, значенія тоже не имѣетъ. Словомъ, происходитъ нѣчто, подобное тому, какъ крестьяне, обучившіеся грамотѣ въ школѣ, являются рецидивистами безграмотности, если имъ не приходится

долго читать и писать." По отношенію къ образованію школа является однимъ изъ могучихъ орудій, но поддерживать умственные интересы отъ угасанія должна общественная жизнь, огромное воспитательное значеніе которой никто отрицать не станетъ. Но если школа не оканчиваетъ воспитанія человѣка, предоставляя жизни довоспитать его, то все же, какъ выше сказано, значеніе ея велико: „можно сказать, что школа низшая, средняя и высшая лишь тогда исполняютъ свое назначеніе, когда, возбуждая умственный интересъ, даютъ импульсъ человѣку къ разумной, сознательной жизни и къ самоусовершенствованію". Но вѣдь всякій имѣетъ право на такое драгоцѣнное имущество, какъ облагороженныя чувства, разумные принципы, высокій нравственный идеалъ, а такъ какъ школа помогаетъ выработкѣ этого великаго достоянія, то всякій имѣетъ право пройти чрезъ школу. Школа поэтому на всѣхъ ступеняхъ ея должна быть открыта всѣмъ желающимъ и могущимъ учиться безъ различія сословій и состояній. Вотъ взглядъ, который постоянно и настойчиво выражается покойнымъ.

Развивая дальше свое мнѣніе, В. Д. утверждаетъ, что всѣ учебныя заведенія въ странѣ должны составить со временемъ одно стройное органическое цѣлое, такъ что изъ низшаго училища можно будетъ безъ всякаго затрудненія перейти въ соотвѣтствующее высшее. Автору рисуется въ будущемъ такая картина воспитанія въ нашемъ отечествѣ.—Во всякомъ селѣ при каждой церкви существуютъ училища грамоты. Но, кромѣ церковныхъ школъ, такія же школы грамоты устраиваются по селамъ и деревнямъ и земствами. Въ глухихъ мѣстахъ, въ маленькихъ деревушкахъ, гдѣ нельзя устроить постоянной школы, практикуется подвижная школа грамоты, какъ это дѣлается въ Швеціи. Въ эти школы поступаютъ дѣти лѣтъ 7 и обучаются въ теченіе двухъ лѣтъ главнымъ молитвамъ, чтенію, письму, счету и первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики въ предѣлахъ небольшихъ чиселъ, т. е. курсъ равняется приблизительно двумъ отдѣленіямъ приготовительныхъ классовъ, какіе существуютъ при гимназіяхъ. За школой грамоты слѣдуетъ низшее училище съ трехгодичнымъ курсомъ, въ который входитъ Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, отечественный языкъ, какъ основной предметъ, ариѳметика, географія и естествознаніе, сверхъ того, пѣніе, рисованіе и чистописаніе. При значительномъ числѣ уроковъ (не менѣе 6 въ недѣлю) родной языкъ изучается основательно въ теченіе трехъ лѣтъ и завершается элементарной грамматикой, такъ что прошедшіе курсъ низшей школы могутъ писать грамотно и толково и читать бѣгло и выразительно; они уже знакомы съ нѣкоторыми произведеніями отечественной словесности и съ выдающимися эпизо-

дами родной исторіи (хотя бы по книгѣ для чтенія, или хрестоматіи).

Далѣе слѣдуетъ среднее трехгодичное училище. Здѣсь по Закону Божію проходится въ краткомъ видѣ богослуженіе и исторія церкви. По русскому языку происходитъ чтеніе и разборъ главнѣйшихъ произведеній русской литературы; учащіеся упражняются въ письменныхъ работахъ, и курсъ завершается краткой стилистикой и теоріей словесности, такъ что прошедшіе среднюю школу могутъ свободно, логично и правильно выражать свои мысли въ небольшихъ самостоятельныхъ сочиненіяхъ. Здѣсь вводятся новые предметы: исторія и географія Россіи. Занятія по естествознанію ведутся такимъ путемъ, какъ и въ низшемъ училищѣ, т. е. путемъ опыта и наблюденія, а въ концѣ трехлѣтняго курса полученныя знанія сводятся по возможности въ систему. По математикѣ прибавляется геометрія и часть алгебры. Затѣмъ здѣсь же съ перваго года изучается обязательно одинъ изъ иностранныхъ языковъ, который тѣмъ легче усваивается учениками, что они, благодаря большому числу уроковъ, уже хорошо знакомы съ роднымъ языкомъ.

Наконецъ, слѣдуетъ высшее трехгодичное училище. По Закону Божію здѣсь повторяется священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта, проходится православный катехизисъ, но особенно обстоятельно учащіеся знакомятся съ Евангеліемъ. По родному языку проходится русская грамматика сравнительно съ церковно славянской, а отечественная словесность изучается въ историческомъ порядкѣ. По исторіи пройдется курсъ всеобщей исторіи, а русская повторяется, но пространнѣе, чѣмъ раньше, съ болѣе подробнымъ выясненіемъ значенія событій, культурной стороны и законодательной дѣятельности. Такъ же поступаютъ и относительно географіи Россіи; но здѣсь же учащіеся знакомятся и со всеобщей географіей (останавливаясь дольше на географіи Европы). По естествознанію изучаются физіологія и основы гигіены, физика и космографія. По математикѣ оканчиваются алгебра и геометрія, и вновь проходится тригонометрія. Наконецъ, продолжается изученіе одного иностраннаго языка, и учащіеся доводятся къ концу курса до способности читать свободно любую книгу на изученномъ языкѣ.

Итакъ, въ деревняхъ и селахъ будутъ начальныя школы грамоты, въ бѣдныхъ, глухихъ деревушкахъ подвижныя школы. Въ значительныхъ селахъ и въ городахъ будутъ, сверхъ того, трехгодовыя низшія школы. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ обязательно существуетъ одно или нѣсколько среднихъ трехлѣтнихъ училищъ. Наконецъ, во всѣхъ значительныхъ уѣздныхъ и во всѣхъ губерн-

скихъ городахъ устраиваются высшія училища. Такимъ образомъ полная общеобразовательная школа будетъ заключать въ себѣ по девяти классовъ съ прибавкой двухгодичнаго приготовительнаго курса, или школы грамоты. Ученики и ученицы, поступившіе въ первый классъ этой школы 7 лѣтъ, къ 10 годамъ пройдутъ уже полный курсъ. Курсъ обученья, какъ уже сказано, ведется такъ, что переходъ изъ одной учебной стадіи въ другую совершается безпрепятственно (см. ст. „Образованіе и школа“). Параллельно съ общеобразовательными школами организуются въ такой же градаціи и разнообразныя профессіональныя школы. При такомъ порядкѣ вещей всякій будетъ въ состояніи избирать себѣ школу по силамъ, по средствамъ и по наклонностямъ. Разумѣется, школы грамоты и низшія общеобразовательныя училища должны быть безплатныя, а остальныя если и станутъ взимать плату, то такую, что она будетъ доступна крестьянину средняго достатка. Безъ всякаго сомнѣнія, частной и общественной иниціативѣ слѣдуетъ предоставить полный просторъ въ дѣлѣ организаціи школъ.

Въ приведенной схемѣ найдутся, можетъ быть, и пробѣлы, и вся программа покажется, пожалуй, слишкомъ скромной и устарѣлой, но не забудемъ, что въ тѣ годы, когда писалъ В. Д., въ ту скорбную полосу безвременья надо было много гражданскаго мужества, чтобъ написать даже и эти скромныя строки. Если не согласиться со всѣми деталями программы, то самый принципъ—всеобщность, доступность обученія, основаннаго на живомъ интересѣ, на самостоятельности учащихся до сихъ поръ является для насъ желанной мечтой, хотя самъ авторъ, полный благородной и чистой вѣры въ осуществимость своего проекта, не считалъ его утопіей. Другая его любимая идея, о которой мы нѣсколько разъ упоминали не менѣе возвышенна: образованіе не должно имѣть въ результатѣ какихъ либо правъ: онъ врагъ дипломной науки, вредящій истинному знанію. „Теперь нѣтъ болѣе надобности въ подобныхъ приманкахъ“, говоритъ онъ: „образованіе само по себѣ настолько привлекательно, что его со всѣхъ сторонъ ищутъ, просятъ, какъ хлѣба насущнаго“. Можетъ быть, на практикѣ эта мысль окажется неосуществимой утопіей, но въ цѣльности и возвышенности ей, повторяю, отказать нельзя. Мы уже говорили о той высокой роли, которую покойный отводилъ педагогу, и вмѣстѣ съ тѣмъ о той тщательной подготовкѣ къ дѣятельности, которой онъ требовалъ отъ учителя. Въ то же время и отъ общества онъ требовалъ уваженія къ учителю, довѣрія къ его дѣлу: вѣдь онъ самъ былъ учителемъ, радовался его радостями, болѣлъ его муками. Формализмъ, мертвящій школу, всегда сокрушалъ его, но еще больше сокрушался онъ при

видѣ той бездны тьмы и невѣжества, въ которой тонетъ родная Русь. Потрясенный письмомъ одного сельскаго учителя, ярко обрисовавшимъ свое тяжелое, безправное положеніе, онъ немедленно, съ обычной отзывчивостью, проектируетъ добровольный налогъ на нужды народнаго образованія. Принижая учителя, пишетъ онъ, мы принижаемъ школу, а съ нею и подростающее поколѣніе, стало быть деморализуемъ общество. Прочитавъ въ „Недѣлѣ“ о возникновеніи въ Кронштадтѣ секты іоаннитовъ и видя въ этомъ новое доказательство русской непроходимой тьмы, онъ немедленно помѣщаетъ въ „Образованіи“ (1895 г. №№ 5—6) горячо написанную замѣтку „Свѣту, больше свѣту!“ Это были послѣднія печатныя строки В. Д. Сиповскаго: 10 лѣтъ тому назадъ, 21 іюля 1895 года В. Д. Сиповскій скончался.

Н. Леонтьева.

Одна изъ многихъ.

(Изъ дневника сельской учительницы).

...Страдать дольше нѣтъ силъ. Я существую на 3 р. 50 к. Отъ систематическаго недоѣданія я слѣпну, а на моихъ рукахъ помимо школы,—я сельская учительница,—дѣти-сироты, братья и сестры, которыхъ надо кормить и воспитывать... Живу безвыѣздно въ глухомъ Полѣсьѣ. Единственный интеллигентный человѣкъ, котораго я вижу разъ въ году,—мое начальство инспекторъ; но страхъ, который каждый разъ внушаетъ мнѣ его посѣщеніе, лишаетъ меня членораздѣльной рѣчи. Я волнуюсь и плачу, плачу, когда онъ меня пробираетъ за что либо, обыкновенно неважное. Ученики мои знаютъ но тоже отъ страха предъ начальствомъ дѣлаютъ промахи. Инспекторъ нашъ педантъ и требуетъ, чтобъ всѣ были, какъ одинъ. А у меня есть живыя, бойкія дѣти, знающія сверхъ программы... Одна мысль потерять мѣсто дѣлаетъ меня больной. А какъ темны, жестки люди, среди которыхъ я живу! Моя мать пала жертвой этой ужасной безпросвѣтной тьмы. Ее схоронили живьемъ! Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ у насъ въ селѣ свирѣпствовала холера. Умершихъ тотчасъ же отпѣвали и тащили на кладбище. Мою мать, бывшую въ глубокомъ обморокѣ, похоронили заживо. Отецъ былъ тоже боленъ и ничего не могъ сдѣлать противъ требованій пьянаго старосты. Когда пріѣхалъ докторъ, то лишь всплеснулъ руками, но страшное дѣло было сдѣлано. Около года мой отецъ, тоже народный учитель, былъ, какъ помѣшанный. Какъ онъ занимался съ учениками, не знаю. Насъ осталось на его попеченіи восемь душъ. Самой старшей сестрѣ было 12 лѣтъ, мнѣ 11, наименьшей 5. Нужда давила насъ невообразимая. Отецъ получалъ 25 руб., и на эти деньги надо было жить, воспитывать и одѣвать семью. Слѣдующій за мной братъ счастливо попалъ стипендіатомъ въ гимназію. Я и сестра воспитывались въ Блудовской школѣ для сельскихъ учительницъ. Семь послѣдующихъ лѣтъ непосильныхъ трудовъ свели отца въ могилу. Онъ умеръ отъ чахотки. Какъ теперь помню холодную, осеннюю ночь, когда онъ

умиралъ. Въ предсмертной тоскѣ онъ метался на своей жесткой постели, останавливая мучительно долгій взоръ на насъ, испуганныхъ, въ страхѣ жавшихся другъ къ другу, когда крупныя капли холоднаго дождя, брошенныя вѣтромъ въ оконныя стекла, нарушали тишину. Въ углу передъ иконой, беззвучно рыдая, билась старшая сестра. Братъ, высокій, узкоплечій съ мертвенно окаменѣлымъ лицомъ, держалъ руку умирающаго и взоръ его темныхъ, угрюмыхъ глазъ былъ страшенъ. Я не плакала, но мое существо наполнялъ сплошной ужасъ. Не самый фактъ близкой смерти любимаго отца леденилъ мои члены, а нѣчто болѣе глубокое, та незримая трагедія жизни, что медленно со дня моего рожденія развертывалась въ нашей семьѣ. Въ душѣ поднималось отвратительное, невыносимое состояніе одинокости, заброшенности и пустоты безмѣрной. Громко сказанное слово „уже“ короткимъ, страннымъ эхомъ отозвалось во мнѣ и замерло. Я поняла, что то былъ конецъ. Дѣти вдругъ заревѣли, сестра въ безпамятствѣ билась о полъ въ истерикѣ, дико выкрикивая: „Господи, Господи!“ Братъ изчезъ. Я выскочила на крыльцо. Была страшная темень. Казалось, глубокій трауръ тяжко нависъ надъ землей въ эту минуту смерти. Большія тучи черными громадами быстро надвигались съ краевъ горизонта. Вѣтеръ вылъ, злобно теребя мои мокрые волосы. „Смерть, смерть!“ какъ бы гудѣло вокругъ, и это ужасное слово леденило мое сердце.

На разсвѣтѣ пришли бабы обмыть тѣло. Стукъ дверей, топотъ грязныхъ, смазныхъ сапогъ, прѣлая овчина, все это привело меня въ состояніе отупѣнія. Денегъ у насъ не было, и „міръ“ взялся хоронить отца на свой счетъ. Вскорѣ появилась наскоро сколоченная „домовина“ съ кускомъ набѣленаго полотна, брошеннаго на почернѣвшую солому. Пришелъ священникъ. Крестьяне затопали вокругъ тѣла. Слабо замигали восковыя свѣчки. Батюшка службу мѣшалъ съ приказаніями старостѣ, и то, что онъ ему говорилъ, не имѣло никакого отношенія къ отпѣванію усопшаго. Когда тѣло взяли на выносъ, бабы взвыли „по обычаю“, и вся толпа, громко притопывая „чобітами“, двинулась на погостъ. Съ колокольни несся дребезжащій, рѣзвый звонъ. Грязь была невылазная. Мужики бранились, что „вчитель“ не во время „згадалъ“ умереть. И все это апатично, равнодушно, будто рѣчь шла не о человѣкѣ, который и силы и здоровье положилъ ради ихъ дѣтей. Но такъ они относятся и къ своимъ кровнымъ близкимъ. Темпъ жизни ихъ, суровый и трудовой, ничѣмъ не нарушается. Угрюмый край Полѣсья не даетъ возможности углубиться въ суть жизни. Нужно дѣлать отупляющую работу, чтобы не умереть съ голода. Зимой, когда все стоитъ оголеное, замершее, кажется, будто перевернулъ назадъ нѣсколько страницъ

человѣческой жизни въ той эпохѣ, когда человѣкъ, будучи троглодитомъ, снискивалъ себѣ жалкое пропитаніе для поддержанія не менѣе жалкаго существованія.—Когда мы вернулись съ погоста, было темно. Маленькая Ольга горько плакала и просила хоть кусочекъ хлѣбца. За бѣдой о ней-то и позабыли. Какая-то добрая душа сжалилась надъ сиротами и принесла ковригу хлѣба и крынку молока. И когда изголодавшіяся дѣти набросились на ѣду, я тоже инстинктивно потянулась къ куску. И мы, какъ дикіе, голодные звѣри, разрывали зубами черствую корку и, почти не прожевывая, глотали ее. Я тоже ѣла, давясь хлѣбомъ и слезами. Мысль, что дѣло дошло до подаянія, захватила мнѣ духъ, и я разразилась рыданіями.

Въ эту ночь у насъ, кромѣ малышей, никто не спалъ. Въ эту ночь я выросла морально и прозрѣла. Я знала, что въ моемъ возрастѣ 18-ти лѣтъ дѣвушки переживаютъ счастливую пору любви, но у насъ въ домѣ за нуждой и вѣчнымъ напряженіемъ о кускѣ хлѣба объ этомъ не могло быть и рѣчи. Кромѣ грязныхъ, вонючихъ, грубыхъ полѣшуковъ-крестьянъ мы никого не видали. Писарь? Но это былъ вѣчно полупьяное животное съ черезчуръ большой переоцѣнкой своей особы, нагрѣвавшій руки на крестьянскихъ грошахъ. Мы жили среди грязи, невѣжества, голоднаго тифа, и ни малѣйшаго отзвука, дуновенія импульса жизни большихъ центровъ просвѣщенія не доходило до насъ. Мы будто жители нѣкоей маленькой, затерявшейся планеты, жалкіе и ничтожные, носились въ безвоздушномъ пространствѣ. И небо простиралось надъ нами большею частью туманное, дождливое, небо сѣрыхъ будней. Отъ болотъ и гніющихъ въ нихъ растительныхъ остатковъ по утрамъ даже лѣтомъ стояли густыя испаренія, порождавшія постоянныя лихорадки и тифъ. Въ эту темную, длинную ночь я поняла, какъ были велики страданія моего бѣднаго труженника отца, вѣчно рвавшагося къ свѣту, болѣвшаго душой за нашу судьбу, забитаго суровыми условіями безпощадной жизни. И все же онъ любилъ свое дѣло и клалъ въ него свою душу. Что нужды, если подчасъ эта бѣдная душа билась въ конвульсивныхъ судорогахъ, изнемогая отъ отчаянія! И я рѣшила бороться за то дѣло, которое любилъ мой отецъ. На утро я объявила, что ѣду къ инспектору народныхъ училищъ просить мѣсто отца оставить за мной и дать другое для старшей сестры. Братъ вызвался проводить меня. Мы собрали кое какой скарбъ домашній и продали его еврею-лавочнику. Собрали девять рублей и двинулись въ путь. До станціи было 30 верстъ. Доѣхали мы въ полуокоченѣломъ состояніи и были радехоньки, когда усѣлись въ душный вагонъ, въ которомъ плавали волны махорочнаго дыма. Мастеровые „съ гармошкой“ нацрывались: „Я-ль тебя не изсушила“. Отъ дыма,

холода и усталости меня тошнило. Противъ насъ помѣстился пассажиръ съ нервнымъ испитымъ лицомъ въ учительской фуражкѣ. Мнѣ тяжело было глядѣть на его сѣрыя, изможденныя черты, и я обернулась къ окну.

— Учительствуете?—не вытерпѣлъ мой братъ.

— Да, какъ видите, отвѣтилъ надтреснутый голосъ, и жестоко закашлялся.—А вы въ гимназію? Что же запоздали?

— Отца хоронилъ, тоже учительство скрутило.

— Царство Небесное! —дрогнувшимъ голосомъ, сказалъ учитель, и лицо его вдругъ перекосила горькая гримаса, и двѣ крупныя слезы медленно поползли и расплылись среди морщинъ. Я съ трудомъ подавила подступившія къ горлу рыданія. Братъ, насупившись, нервно отвернулся. Наступила минута тяжелаго молчанія.

— Пусть васъ не удивляетъ мое волненіе,—наконецъ тихо и сипло заговорилъ учитель.—Все просто и понятно: я первый кандидатъ за вашимъ отцомъ. Горловая чахотка. Ѣду изъ Кіева. Тамъ и приговоръ подписали. Это финалъ трагизма нашей дѣятельности. А у меня семья, жена, старуха мать и девять человѣкъ дѣтей малъ мала меньше. Въ эмеритальной кассѣ жалкіе гроши, которымъ не покрыть и четверти моихъ долговъ. А сколько затрачено безплодно духовныхъ и физическихъ силъ! Не скажу, чтобы солнышко когда либо не проглянуло и въ нашемъ дѣлѣ. Да, есть оно, но не въ силахъ оно оправдать всей сложности нашихъ запутанныхъ обстоятельствъ, не можетъ залѣчить кровоточащихъ ранъ нашего существованія. Возьмемъ хотя бы и меня. Вѣдь на 13-е мѣсто ѣду за семьнадцать лѣтъ учительства, точнѣе мучительства! Въ цыфру 13 увѣровалъ. Вотъ до чего дошелъ! А раньше вѣрилъ только въ свои силы. Такъ вотъ на 13-е мѣсто ѣду; тутъ-то мнѣ и крышка. Началъ съ церковно-приходской школы. Перешелъ въ земство. Черезъ восемь мѣсяцевъ сбѣжалъ. Было дѣло такъ. Присылаетъ земская управа въ школу картины для нагляднаго обученія. Вѣшаю въ классѣ. Является инспекторъ. „Эт-та что такое?!"—„Картины".—„Вижу, но какія?"—„Моисей, взятый изъ воды, Чумъ и Самоѣдъ..."—„Что вы мнѣ дурака валяете! Откуда картины?!"—„Земство прислало".—„Долой ихъ!"—„Слушаю". Картины убрали. Пріѣзжаетъ предсѣдатель земской управы.—„А гдѣ же картины, что выслало вамъ земство?"—„Въ шкафу."—„Но вѣдь картины существуютъ для того, чтобы ихъ вѣшать, а не для съѣденія мышамъ."—„Такъ точно, но г. инспектору благоугодно было приказать убрать картины".—„На какомъ основаніи?"—„Не могу знать!"—„Гмъ! Повѣсить картины!" —„Слушаю". Черезъ три дня получаю предписаніе немедленно явиться на экстренное засѣданіе въ управу. Пріѣзжаю. Члены зем-

ства, противъ обыкновенія, въ полномъ составѣ. Ажитированы. Публики биткомъ набито, то тамъ, то сямъ мелькаетъ внушительная фигура громовержца инспектора. Звонокъ. Предсѣдатель дѣлаетъ докладъ, присовокупивъ, что г. инспекторъ на запросъ управы о причинѣ столь страннаго распоряженія уклонился дать какія либо объясненія.

— Господа!—обратился предсѣдатель къ собранію,—я предлагаю о вышеизложенномъ немедля телеграфировать г. попечителю учебнаго округа.

— Не г. попечителю, а г. директору, т. е. по инстанціи подлежитъ ваша телеграмма,—раздался внушительный голосъ изъ публики. Всѣ обернулись. Инспекторъ съ ѣдкой улыбочкой глядѣлъ на предсѣдателя и повторилъ свою фразу.

— Вы забываете, г. инспекторъ, что земская управа является хозяиномъ школы, какъ дающая средства на ея содержаніе, и на этомъ основаніи она есть и отвѣтственное лицо за свои поступки. Вы надѣетесь на ваши хорошія отношенія съ г. директоромъ, вы жестоко ошибаетесь въ разсчетѣ: телеграмма будетъ послана именно г. попечителю учебнаго округа.

Что тутъ произошло, и вспомнить теперь не могу безъ жгучаго стыда за человѣка. Инспекторъ вдругъ побѣлѣлъ весь, заморгалъ глазами и, поднявшись съ своего мѣста, съ странно повисшими вдоль тучнаго тѣла руками, заговорилъ жалобно униженнымъ, прерывающимся голосомъ: „Господа!.. Не губите!.. У меня шесть душъ дѣтей.. годъ остается до пенсіи... Смилосердуйтесь! Считайте посланную бумагу не существующей... Господа! Я беру свои слова назадъ... вѣдь только годъ до пенсіи!.. и онъ какъ-то странно всхлипнулъ. Присутствующіе смутились, всѣмъ стало не по себѣ. Члены и публика одинъ за другимъ вышли изъ залы засѣданія. Телеграммы не послали. Инспекторъ перевелся въ другой округъ. Я ушелъ изъ школы: ужъ очень мнѣ тяжело было оставаться въ ней послѣ этого печальнаго инцидента. Долго я скитался безъ мѣста. Работалъ въ Голубовскихъ рудникахъ отъ двугривеннаго въ день, былъ на ртутномъ заводѣ, двѣ недѣли исполнялъ обязанность псаломщика, косилъ у нѣмца колониста, per pedes apostolorum исходилъ семь губерній и наконецъ, выбившись изъ силъ безплодными исканіями, вновь подалъ прошеніе о принятіи въ народные учителя, въ коей должности и состою по сей часъ. Охъ, и тяжела жъ ты шапка Мономаха! закончилъ свое повѣствованіе учитель и глубоко вздохнулъ, при чемъ въ груди у него заклокотало, и мучительный, долгій кашель потрясъ его худое, изболѣвшееся тѣло. И опять въ мою душу вошелъ ужасъ. Я какъ бы заглянула въ мрачныя нѣдра этого страдальца, и отъ

того, что я тамъ увидѣла, кровь стыла въ моихъ жилахъ. Я всѣми силами протестовала противъ всего безжалостнаго, зловѣщаго и безсмысленно враждебнаго въ жизни.

— Что вы на меня такъ смотрите?—спросилъ меня учитель,—за человѣка вамъ страшно? Ничего. Какъ жизнь ни ломала, „алканія“ не убила. Есть оно и будетъ до послѣдняго издыханія. Люблю свое дѣло страстно, болѣзненно и жажду чуда, чтобы оно исцѣлило мой недугъ не для меня, а для тѣхъ малыхъ. Это во мнѣ, какъ сладкая отрава, знаю, что смертельна и губъ отъ кубка оторвать не въ силахъ. Ну да будетъ обо мнѣ. На чемъ рѣшили вы?

Мы разсказали.

— Такъ „о способіи“ хлопочете? Ну, это оставьте! А впрочемъ... кто инспекторъ?

Я назвала.

— Не знаю. Не слыхалъ. Дай Боже! Извѣрился, знаете, я. Однако счастливо оставаться! Мнѣ вставать.

Распрощались. Мы вышли на площадку. Длинная фигура учителя юркнула куда-то внизъ и исчезла, поглощенная черной ночью. А ночь была холодная и вѣтряная. Мы вернулись въ вагонъ. На утро мы прибыли къ цѣли нашей поѣздки. Мѣсто за мной было оставлено, сестрѣ тоже оно было обѣщано въ возможно скоромъ времени. Въ пособіи намъ отказали, но мы рады были и мѣсту. И тяжела же была намъ эта зима! Отъ недоѣданія мы переболѣли куриной слѣпотой. Сестра средняя заболѣла воспаленіемъ мозга и долго была между жизнью и смертью. Правда, она выздоровѣла, но лучше бы умерла. Теперь это форменная идіотка, составляющая непосильное бремя и муку нашей семьи. Мы съ сестрой дѣтей подѣлили поровну. Почти все наше жалованье (мы получаемъ по 20 рублей) уходитъ на воспитаніе ихъ. Повторяю, въ послѣдніе мѣсяцы я живу на 3 р. 50 к. Истощилась я ужасно. Слѣпну, и эта мысль приводитъ меня въ ужасъ. Что будетъ, если я въ конецъ потеряю зрѣніе? Начнешь тетрадки поправлять, голова кружится, буквы прыгаютъ передъ глазами, застилаясь безсильными слезами отчаянія. Ну, а подумаешь о малышахъ и вновь откуда-то силы приходятъ. Вотъ такъ и бьюсь, пока въ одинъ прекрасный день не издохну подъ непосильной ношей моихъ трудовъ, какъ крыловскій оселъ. Прибавьте къ этому лѣченіе крестьянъ, писаніе имъ писемъ, прошеній и удовлетвореніе разныхъ мелкихъ нуждъ. Приходится вести безконечную борьбу и съ темнотой ихъ непроглядной, и это не мало отнимаетъ здоровья и нарушаетъ равновѣсіе духа. Дай, Господи, только силы все перенести. Только бы дѣтей поставить на ноги. Когда я оглядываюсь назадъ, то отъ жуткаго чувства, что все это

можно было пережить и не разможжить себѣ головы, со мной дѣлаются конвульсіи. И все же я утѣшаю себя, что при помощи Божьей и добрыхъ людей, я поставлю на ноги моихъ сиротъ. Тогда буду отдыхать. Я мечтаю скопить немножко денегъ и поѣхать приложиться къ „Чудотворной“ Почаевской. Давно лелѣю эту мысль. Только, пожалуй, „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ“...

К. А. Пухлякова.

Гигіена воспитані обученія.

XXII.

(*Продолженіе*).

Наша нервная система подвергается разнаго рода вліяніямъ—здоровымъ и болѣзнетворнымъ—и снаружи, и изнутри, т. е. какъ со стороны концевыхъ своихъ аппаратовъ, воспринимающихъ впечатлѣнія внѣшняго міра, такъ и со стороны центровъ, гдѣ эти впечатлѣнія собираются и оцѣниваются, давая матеріалъ для познанія и сознанія. Это относится къ такъ называемой соотносительной или „произвольной“ части нервной системы, центромъ которой является головной мозгъ съ его придаткомъ—спиннымъ мозгомъ, а проводами такъ называемые мякотные нервы—чувствительные и двигательные. Кромѣ того, есть въ насъ еще внутренностная, непроизвольная часть нервной системы, называемая симпатической, или узловой, играющая исключительную или преобладающую роль въ низшихъ формахъ животной жизни. Эта послѣдняя часть управляетъ всѣмъ ходомъ нашего питанія въ обширномъ смыслѣ (пищевареніе, всасываніе, дыханіе, кровообращеніе, выдѣленія, воспроизведеніе), имѣя своимъ двигательнымъ приводомъ такъ называемую гладкую мышечную систему, заложенную въ стѣнкахъ кровеносныхъ сосудовъ пищеварительнаго аппарата, образующую цѣликомъ матку и въ значительной степени ея придатки и т. д. Отъ этой второй части стоитъ въ зависимости питаніе, а слѣдовательно и самыя отправленія первой, но съ другой стороны и первая не остается безъ значительнаго вліянія на вторую. Къ сожалѣнію, это взаимодѣйствіе между двумя частями нашей нервной системы еще очень мало выяснено, а между тѣмъ, несомнѣнно, оно играетъ громадную роль въ опредѣленіи, если не нашихъ способностей, то нашего темперамента, нашихъ настроеній, слѣдовательно, нашего управленія своими способностями, нашего поведенія и вообще отношенія къ внѣшнему міру, не исключая и другихъ людей. Каждый, конечно, знаетъ, какъ дурно

отзываются на нашемъ самочувствіи болѣзненныя измѣненія и разстройства нашихъ внутренностныхъ органовъ—сердца, легкихъ, желудка, кишекъ, печени, почекъ и пр., какъ чувствительны мы къ разнаго рода такъ называемымъ ядамъ, какъ легко и сильно „волнуютъ“ нашу кровь одни и пригнетаютъ другія внутреннія чувства, особенно, когда они доходятъ до степени страсти или отличаются длительнымъ однообразіемъ, навѣвающимъ тоску и уныніе.

Новорожденный ребенокъ живетъ сначала почти исключительно подъ вліяніемъ автоматически (непроизвольно) дѣйствующей узловой нервной системы. Со стороны „произвольной“ системы дѣло ограничивается только чисто рефлекторными (роковыми) воздѣйствіями. При дальнѣйшемъ ростѣ и развитіи, вліяніе „воли“ становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе, и жизнь все болѣе и болѣе начинаетъ съ ней считаться, хотя въ своей основѣ до конца остается, такъ сказать, автоматически-роковымъ явленіемъ, что доставляетъ намъ неисчислимыя выгоды и даже обусловливаетъ большую продолжительность жизни—и личную, и родовую.

По мѣрѣ увеличенія и развитія „волевыхъ“ дѣйствій и вліяній дѣятельность непроизвольной части нервной системы претерпѣваетъ извѣстныя примѣненія въ интересахъ взаимнаго приспособленія обѣихъ частей. Въ большинствѣ случаевъ „воля“ служитъ тормазомъ подобно тому, какъ головной такъ называемый блуждающій нервъ служитъ проводомъ для торможенія дѣятельности сердца, происходящей подъ вліяніемъ узловой системы. Особенно большую борьбу „волѣ“ приходится вести съ проявленіемъ такъ называемыхъ внутреннихъ чувствъ какъ органическаго (голодъ, жажда, родовое чувство), такъ и психическаго происхожденія, въ которыхъ узловая система принимаетъ всегда громадное участіе—или сама по себѣ или вслѣдствіе внѣшнихъ возбужденій.

Въ силу общаго біологическаго закона, органы и ихъ отправленія развиваются по мѣрѣ органической въ нихъ потребности. Природа предусмотрительно выработала и въ человѣкѣ, и, въ той или другой степени, въ другихъ существахъ индивидуальнаго типа такой ходъ развитія, что сначала складывается, растетъ и развивается въ существѣ личная сторона жизни и только по достиженіи ею, если не полноты, то извѣстной устойчивости начинается развертываніе скрытой до того родовой стороны, съ которой связано не личное, а родовое существованіе въ ряду поколѣній (см. VII). Въ дѣлѣ этого развертыванія, связаннаго, можно сказать, съ преобразованіемъ всего организма, узловая нервная система принимаетъ въ высшей степени напряженное участіе, подвергаясь и сама при этомъ большимъ измѣненіямъ вслѣдствіе введенія въ ея обиходъ новаго фактора, именно

новаго родового чувства, концентрирующагося въ особомъ отдѣлѣ этой системы. Вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и отношеніе ея къ „произвольной" системѣ, далеко не всегда къ выгодѣ послѣдней, особенно если она чѣмъ-либо ослаблена, какъ, напр., большимъ напряженіемъ волевыхъ дѣйствій, необходимыхъ при ученіи. Въ біологіи твердо установленъ фактъ, что съ появленіемъ родового или хотя бы только полового созрѣванія характеръ животныхъ рѣзко измѣняется; это особенно замѣтно, между прочимъ, у обезьянъ. Наблюденія надъ низшими человѣческими расами показываютъ то же явленіе. Въ средѣ культурныхъ расъ, подъ вліяніемъ наслѣдственности и воспитанія, измѣненіе не такъ рѣзко, но несомнѣнно существуетъ. Очень часто наблюдается, что за періодъ „созрѣванія" въ человѣкѣ происходитъ сильный переворотъ не только въ тѣлесномъ, но и въ духовномъ—какъ умственномъ, такъ и нравственномъ отношеніи. Въ школахъ именно наблюдается, что нерѣдко дѣти, подававшія большія надежды, становятся лѣнивыми юношами, большими „шалунами", дерзкими и невнимательными, какъ и наоборотъ—изъ дѣтей-шалуновъ выходятъ внимательные и толковые юноши. На лицахъ женскаго пола этотъ переворотъ сказывается еще рѣзче, особенно въ органической области, почему все то, что мѣшаетъ нормальному ходу родового развитія, отражается на нихъ болѣе тяжелыми и длительными послѣдствіями какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Изъ этого слѣдуетъ, что если когда нужно особенно бережно обращаться съ нервной системой учащихся, такъ это въ обнимающій около 2—3 лѣтъ періодъ родового созрѣванія, причемъ признаки собственно половой зрѣлости (регулы у женщинъ, рядъ органическихъ измѣненій у мужчинъ) представляютъ собою выраженіе не завершенія, а только хода созрѣванія, для довершенія полноты котораго организмъ въ это время усиленно растетъ, а нѣкоторыя отдѣльныя части его (тазовый поясъ у женщинъ, плечевой—у мужчинъ, питательно-воспроизводительная система у первыхъ, нервно-мышечная у вторыхъ) усиленно развиваются и совершенствуются. Нарушеніе этого вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ или внутреннихъ неблагопріятныхъ вліяній особенно сильно отражается на женщинахъ, выражаясь разными видами малокровія, упадкомъ питанія, нервными разстройствами (блѣдная немочь, Виттова пляска—наиболѣе рѣзкія формы даннаго нарушенія). Данный періодъ созрѣванія особенно предрасполагаетъ къ тому, что носитъ теперь названіе переутомленія (surmenage—франц., Ueberbürdung—нѣмц.), связаннаго съ разстройствами питанія и нервной дѣятельности, особенно при наслѣдственныхъ задаткахъ для этого, не только очень распространенныхъ, но, кажется, все еще болѣе и болѣе распространяющихся

На конгрессѣ въ Нюрнбергѣ вопросу объ „отношеніи школы къ нервной системѣ учащихся“ былъ посвященъ докладъ д-ра *Wildermuth'a* (Stuttgart). Въ основу этого доклада легли личныя наблюденія автора надъ 360 нервно-больными обоего пола въ возрастѣ отъ 6 до 18 лѣтъ. На основаніи этихъ наблюденій, д-ръ W. желалъ выяснить вопросъ—вліяетъ-ли и насколько умственное напряженіе въ школѣ на происхожденіе нервныхъ болѣзней, причемъ онъ исключилъ изъ разсмотрѣнія идіотизмъ, эпилепсію и всѣ органическія заболѣванія нервной системы. Больные докладчика происходили большею частью изъ средняго городского сословія, затѣмъ изъ сельскаго населенія и менѣе всего изъ рабочаго круга.—Неврастенія у бывшихъ подъ его наблюденіемъ дѣтей, какъ и у взрослыхъ, представляла по преимуществу явленія раздражительной слабости. Чаще, чѣмъ у взрослыхъ, наблюдается у дѣтей разстройство общаго питанія. Болѣе, чѣмъ въ 60% паціенты съ ранней юности были слабы и нервозны. Въ 12% проявленію неврастеніи предшествовали острыя болѣзни. Часто причиной болѣзни было установившееся употребленіе дѣтьми алькогольныхъ напитковъ. 26% неврастеническихъ дѣтей учились сначала плохо, 32%—хорошо. Переутомленіе было моментомъ, усилившимъ болѣзнь у 4 дѣтей до 14 лѣтъ и у 4-хъ послѣ причемъ у 2 неврастенія явилась въ концѣ окончательнаго экзамена.—Большое число случаевъ истеріи, большею частью тяжелаго характера, съ параличами, контрактурами и конвульсіями, иногда связанными съ предшествовавшими душевными разстройствами, представила народная школа. Изъ больныхъ юношей старше 14 лѣтъ около половины занимались практической дѣятельностью. Наслѣдственное предрасположеніе существовало въ 40%, нервозная съ ранняго дѣтства, слабость въ 22%. Совершенно плохихъ учениковъ было только 10%. Умственное перенапряженіе было явной причиной истеріи только у одного мальчика. Въ 2 случаяхъ у хорошихъ учениковъ было замѣчено истерическое дрожаніе. Въ 4 случаяхъ причиной истеріи было не переутомленіе, а грубое и безтактное обращеніе въ школѣ. Нѣсколько разъ у хорошо учившихся дѣтей наблюдалось истерическое состояніе страха передъ началомъ школы. Подобныя состоянія бываютъ и у взрослыхъ.—Изъ 111 случаевъ душевнаго разстройства было 48% различныхъ формъ рановременнаго помѣшательства (Wahnsinn), 23% дегенеративнаго безумія съ навязчивыми представленіями, ипохондріей. Половое извращеніе замѣчено въ небольшомъ числѣ случаевъ; менѣе всего было случаевъ маніи. Наслѣдственное предрасположеніе выражалось здѣсь особенно часто среднимъ числомъ въ 79%. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ уже замѣчались нервныя и душевныя аномаліи—почти во всѣхъ случаяхъ

связанныхъ съ вырожденіемъ, и почти въ 35% при другихъ формахъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ ясные слѣды безумныхъ идей замѣчены были уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, задолго до обнаруженія собственно болѣзни. Замѣчательно, что при различныхъ формахъ ранняго помѣшательства первый симптомъ въ видѣ чисто умственнаго упадка можетъ быть часто замѣченъ до начала болѣзни. Это иногда быстро наступающее ослабленіе умственной дѣятельности можетъ вдругъ выступить во время испытанія, какъ и во время получасового практическаго занятія. Тогда существуетъ наклонность видѣть въ предлагаемыхъ ученику требованіяхъ причину болѣзни. Такое ослабленіе можетъ быть также приписано переутомленію вслѣдствіе того обстоятельства, что молодые люди, почувствовавъ ослабленіе своей умственной силы, дѣлаютъ чрезмѣрныя усилія „держаться на обычномъ уровнѣ".—Что касается успѣшности ученія до заболѣванія, то лишь въ случаяхъ вырожденія замѣчается большой процентъ слабыхъ учениковъ.—Докладчикъ вообще того мнѣнія, что въ дѣлѣ происхожденія нервныхъ болѣзней въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ школа и спеціально умственное переутомленіе играютъ очень незначительную роль. Это выходитъ уже изъ того обстоятельства, что ученики народныхъ школъ и юноши 14—18 л., которые уже не посѣщаютъ школы, а занимаются практической дѣятельностью, даютъ очень большое число неврозовъ. Противъ вліянія умственнаго переутомленія говоритъ также и большое число больныхъ женщинъ. Существенными причинами данныхъ болѣзней являются наслѣдственное предрасположеніе и общая слабость организма. Увеличеніе неврозовъ и психозовъ въ средѣ дѣтей и юношей такъ же почти мало доказано какъ и въ средѣ взрослыхъ. Дѣти съ ясно выраженной нервозностью вообще не скоро поступаютъ въ школу. Для части такихъ дѣтей желательна была бы иная школьная организація, примыкающая къ вспомогательнымъ школамъ. Для нервозныхъ, но хорошо учащихся дѣтей пребываніе въ обыкновенной школѣ даже полезно, способствуя ихъ душевному закаливанію.

По поводу и даже противъ нѣкоторыхъ выраженныхъ въ приведенномъ докладѣ взглядовъ не мало можно было бы сказать. Во всякомъ случаѣ въ оцѣнкѣ нервно-психическихъ явленій всегда особенно много субъективнаго элемента, зависящаго и отъ господствующихъ взглядовъ, и отъ личныхъ наклонностей и способностей. Кромѣ того, д-ръ Wildermuth дѣлаетъ свои выводы, пользуясь только больными дѣтьми, требовавшими серьезной врачебной помощи съ очень рѣзко выраженными болѣзненными явленіями, причемъ почти $^1/_3$ всѣхъ случаевъ (111 изъ 360) пришлась на ясно выраженное душевное разстройство... Строго говоря, онъ не имѣлъ даже

права давать своему докладу заголовокъ „Школа и нервныя болѣзни“. Въ Германіи всѣ проходятъ черезъ школу. По примѣру д-ра W., можно было бы любую группу болѣзней связывать съ школой съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ онъ. О дѣйствительномъ распространеніи нервныхъ и нервнопсихическихъ болѣзней и, слѣд., о связи ихъ со школой мы можемъ получить понятіе только отъ школьныхъ врачей, имѣющихъ передъ глазами цѣлыя группы учащихся и могущихъ наблюдать зарожденіе и ходъ заболѣваній. Къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ и до сихъ поръ имѣетъ болѣе казуистическій, чѣмъ прагматическій характеръ, какъ и докладъ д-ра Wildermuth'a, имѣющій интересъ преимущественно для врачей, а не гигіенистовъ и педагоговъ.

XXIII.

Въ новѣйшемъ „Энциклопедическомъ руководствѣ къ школьной гигіенѣ“, изд. д-ромъ Wehmer'омъ, имѣется статья „Нервныя болѣзни и школа“, принадлежащая почтенному ветерану медицины и гигіены, тайному санитарному совѣтнику д-ру *A. Erlenmeyer'y*. Какъ все руководство, такъ и отдѣльные оттиски данной статьи находились на выставкѣ при Нюрнбергскомъ конгрессѣ. Имѣя въ виду преимущественно педагоговъ, авторъ позволяетъ себѣ привести здѣсь нѣсколько выписокъ изъ указанной статьи, касающихся такихъ формъ нервнаго разстройства, которыя особенно часто наблюдаются въ школахъ, и характеристика которыхъ особенно расплывчата въ умахъ не только „публики“, но и самихъ врачей.

Остановимся прежде всего на періодѣ „созрѣванія“, который нѣмцы называютъ Hegeljahre, т. е. годы дерзостей, шалостей. Указавъ на происходящій въ этотъ періодъ тѣлесный и душевный переворотъ, Е. говоритъ, что періодъ созрѣванія въ то же время и періодъ обнаруженія разныхъ наслѣдственныхъ задатковъ, въ томъ числѣ и болѣзненныхъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ. Онъ сравниваетъ данный періодъ съ бурей, бушующей въ организмѣ, сильнѣе всего отражающейся на нервной системѣ и на неразрывно связанной съ нею душѣ. Нерѣдко обнаруживаются въ это время проявленія эпилепсіи, истеріи и характерной для даннаго возраста формы помѣшательства въ видѣ слабоумія. Связанное съ ростомъ малокровіе вызываетъ разныя мѣстныя разстройства, какъ сердцебіеніе, давленіе и боль головы, разстройство пищеваренія, безсонницу... „Съ этими тѣлесными явленіями рука объ руку идутъ душевныя“. Юноша теряетъ способность сосредоточиться, задержать вниманіе на опредѣленной задачѣ; онъ становится разсѣяннымъ. Настроеніе большею частью подавленное, съ наклонностью къ самоуни-

женію. Но въ то же время замѣчается очень большая чувствительность, вызывающая быстрые и рѣзкіе отвѣты словомъ и дѣломъ на какія либо внѣшнія впечатлѣнія, что „легко ведетъ къ столкновеніямъ съ окружающими“. Эта характерная черта періода созрѣванія и выражается въ названіи его „Hegeljahre“. Она выражается также въ свойственныхъ юношеству увлеченіяхъ, не рѣдко сумасбродныхъ, и въ нѣкоторой наклонности къ самоубійству. „Всѣ знаютъ, говоритъ Erlenmeyer, что данный возрастъ требуетъ особеннаго къ себѣ вниманія. А въ чемъ выражается это вниманіе? Ни въ чемъ иномъ. что заслуживало бы названія гигіеническо-педагогическаго пріема. Если бы человѣческое юношество не обладало божественной силой сопротивленія противъ грубости и глупости такъ наз. образованныхъ и опытныхъ людей, то немногіе благополучно выбрались бы изъ этого критическаго періода своей жизни“... Въ низшихъ слояхъ населенія подростающее поколѣніе подвергается всѣмъ вреднымъ вліяніямъ дурной гигіенической обстановки и чрезмѣрной работы... „Дѣти состоятельныхъ классовъ находятся въ данномъ возрастѣ въ среднихъ школахъ и отданы на жертву педагогикѣ, которая слишкомъ часто пожинаетъ свои лавры вслѣдствіе лишь беззастѣнчиваго невѣдѣнія... Какой вредъ приносятъ ученикамъ педагогически совершенно необразованные, нервозные и неврастеническіе, чрезъ мѣру тщеславные и потому требующіе отъ учениковъ непосильной работы учителя, объ этомъ самыя печальныя свѣдѣнія можно получить отъ врачей, занимающихся нервными и душевными болѣзнями. Необходимъ строгій и постоянный контроль дѣла обученія, особенно въ высшихъ классахъ, но не столько по отношенію къ ученикамъ, сколько къ учителямъ. Не столько нужно заботиться о томъ, что ученики дѣлаютъ, сколько о томъ, чего отъ нихъ требуютъ и какъ съ ними обращаются учителя“.—Авторъ считаетъ нужнымъ напомнить, что д-ръ Е. имѣетъ конечно въ виду исключительно нѣмецкія школы и нѣмецкихъ учителей. Было бы конечно интересно знать, насколько лучше или хуже наши школы и наши учителя. На одной изъ секцій въ Нюрнбергѣ былъ довольно интересный въ этомъ отношеніи эпизодъ, вызванный не особенно одобрительнымъ отзывомъ о русскихъ учителяхъ русскаго педагога. Авторъ не былъ на этомъ засѣданіи и потому не можетъ входить въ его подробности. Когда у насъ въ Россіи будутъ свои школьно-гигіеническіе и педагогическіе съѣзды, указанные Е—r'омъ вопросы вѣроятно будутъ поставлены и разъяснены и по отношенію къ нашимъ школамъ, хотя едва ли кто и теперь будетъ отрицать то, что среди нашихъ учителей среднихъ школъ (о нихъ говоритъ и Е—r) педагоговъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова очень мало.

Неврастенія, или нервное истощеніе характеризуется необычайно быстрымъ утомленіемъ при всякаго рода дѣятельности—тѣлесной и душевной. „Неврастеникъ охотно начинаетъ работу, но скоро теряетъ силы и не доводитъ дѣла до конца. Если онъ понуждаетъ себя преодолѣть рано наступающее утомленіе, то ставитъ себя въ положеніе умственнаго стѣсненія, связаннаго съ очень непріятными ощущеніями; онъ не понимаетъ того, что читаетъ, онъ не знаетъ, что онъ хотѣлъ или долженъ былъ написать, онъ чувствуетъ пустоту или давленіе въ головѣ, онъ теряетъ способность правильной оцѣнки своей обстановки или начатой имъ работы, онъ не знаетъ и того, гдѣ онъ и что онъ долженъ дѣлать, у него кружится голова, трясутся члены и наступаетъ тоска"... Неврастенія можетъ быть результатомъ и тѣлесныхъ, и душевныхъ вліяній; но она является только у людей, предрасположенныхъ къ тому, слабыхъ, неспособныхъ къ сопротивленію. Такое расположеніе можетъ быть врожденнымъ или пріобрѣтеннымъ вслѣдствіе онанизма или употребленія алкоголя въ ранней юности, истощающихъ болѣзней, сотрясеній мозга и т. п. Erlenmeyer очень сомнѣвается, чтобы неврастенія являлась только результатомъ умственнаго напряженія. Ей много способствуетъ одновременное воздѣйствіе нравственныхъ (страстныхъ) и тѣлесныхъ вліяній. Съ одной стороны честолюбіе (желаніе получить высшее мѣсто или награду), страхъ (передъ экзаменомъ), сомнѣнія, заботы, печали, а съ другой—недостаточное питаніе, плохой сонъ. Е. приводитъ случаи развитія неврастеніи у 19-лѣтняго человѣка послѣ гребной гонки, у 17-лѣтняго послѣ въ высшей степени труднаго восхожденія на гору; у обоихъ были наслѣдственные задатки.—Неврастенія встрѣчается чаще у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ, и имѣетъ вообще очень длительное теченіе.—Само собою разумѣется, что въ школѣ неврастеники требуютъ не только особеннаго къ себѣ вниманія, но даже иного болѣе легкаго обученія.

„Нервозность до извѣстной степени представляетъ собою обратную сторону неврастеніи. При ней нѣтъ легкаго утомленія работой, нѣтъ давленія въ головѣ, нѣтъ унынія; при ней возможность работать не только не уменьшается, но часто очень сильно повышается при проявленіяхъ болѣзненнаго нетерпѣнія и поспѣшности. Она характеризуется необыкновенной чувствительностью органовъ чувствъ, особенно слуха, и взрывуподобными реакціями на ихъ впечатлѣнія. При замѣтно повышенной самооцѣнкѣ, существуетъ у неврастениковъ сильно выраженная склонность къ противорѣчіямъ и наряду съ досадой на самихъ себя; безпокойная работа мысли ведетъ къ безсонницѣ. Неврастеники въ обращеніи сдержанны, но съ ними очень трудно ладить (schwer Kirschen essen, по выраженію

нѣмцевъ). Нервозность является результатомъ избытка работы по качеству или количеству; ея происхожденію способствуетъ обычное употребленіе такихъ веществъ, какъ кофе, табакъ, спиртные напитки и чрезмѣрное удовлетвореніе полового чувства. Она встрѣчается большею частью у людей съ здоровой нервной системой и почти всегда скоро излѣчивается.—Въ школьномъ возрастѣ нервозность встрѣчается рѣдко. Для школы она, однако, имѣетъ громадное значеніе, потому что часто встрѣчается у учительскаго персонала".

Нервозные учителя—ужасное зло, даже прямая опасность для учениковъ. Они хотятъ блистать своею дѣятельностью, излишне обременяютъ учениковъ, вносятъ торопливость въ ходъ учебнаго дѣла, за которымъ большинство учащихся не успѣваютъ слѣдовать и потому подвергаются чрезмѣрнымъ и безсмысленнымъ наказаніямъ. Внося въ свои слова и дѣла излишнюю раздражительность и жестокость, такіе учителя подрываютъ авторитетъ и разрушаютъ всякую педагогику. Нервознымъ учителямъ нужно какъ можно скорѣе давать шестинедѣльный отпускъ не только для отдыха, но и для лѣченія".

Головныя боли у школьниковъ всегда пользовались и теперь еще пользуются большимъ недовѣріемъ со стороны учителей, а всѣ школьные врачи, вѣроятно, согласятся съ Erlenmeyer'омъ, что эти боли у учащихся всѣхъ возрастовъ и обоего пола необыкновенно частое явленіе. Эти боли могутъ охватывать всю голову или только переднюю или заднюю ея часть. Онѣ появляются въ неправильные промежутки времени и имѣютъ различную продолжительность. Головныя боли не представляютъ собою самостоятельной болѣзни: это только болѣзненный симптомъ, связанный съ разстройствомъ не одной только нервной системы. Наиболѣе частыми ихъ причинами бываютъ ревматизмъ (преимущественно боль въ задней части головы), переполненіе или пустота желудка, разстройства пищеваренія, запоръ, неправильности въ устройствѣ и, слѣд., функціи глазъ (см. выше объ астигматизмѣ), несоотвѣтственные очки, неправильное держаніе головы при чтеніи и письмѣ, болѣзни носа (особенно при переходѣ ихъ на „лобныя пазухи"), разстройства кровообращенія, горячая голова и холодныя ноги, менструація, онанизмъ, лучистая теплота солнца или горящей вблизи головы лампы, испорченный воздухъ, отравленія (табакомъ, алкоголемъ, мышьякомъ). Лѣтомъ у многихъ появляются головныя боли вслѣдствіе слишкомъ продолжительнаго купанья. Одна умственная работа очень рѣдко вызываетъ головную боль.—Головныя боли при собственно нервныхъ болѣзняхъ отличаются нѣкоторыми особенностями. Такъ при неврастеніи онѣ имѣютъ характеръ давленія или стягиванія, при истеріи замѣчаются обыкновенно опредѣленныя, рѣзко

6*

ограниченныя болящія мѣста, при мигрени—поражается лишь та или другая половина головы.

Къ тѣмъ причинамъ головныхъ болей, которыя перечислены (по Erlenmeyer'у) выше, нужно еще прибавить нерѣдкую причину въ видѣ того или другого положенія во время сна. Нормальное для большинства людей положеніе—горизонтальное со слегка только приподнятой головой; особенно такое положеніе необходимо для людей, въ томъ числѣ и дѣтей, слабыхъ, малокровныхъ. Многіе изъ тѣхъ, которые даннаго правила не придерживаются, встаютъ утромъ съ больной или, по крайней мѣрѣ, съ тяжелой головой, что затрудняетъ и вниманіе, и пониманіе.—На состояніе головы вліяетъ и самая продолжительность сна. Для дѣтей школьнаго возраста, въ условіяхъ хорошаго здоровья, довольно 7 — 8 часовъ сна. Кто изъ нихъ проспитъ или проваляется въ постели 1—2 лишнихъ часа, у того голова не будетъ такъ свѣжа, какъ при болѣе раннемъ вставаніи, и даже хорошо наканунѣ выученный урокъ будетъ съ трудомъ припоминаться.

Немалое также вліяніе на свѣжесть головы имѣетъ то или другое содержаніе тѣла; грязносодержимое тѣло при грязной одеждѣ создаетъ удушливую атмосферу вокругъ человѣка, которая дѣйствуетъ такъ же, какъ дурной жилой воздухъ вообще.

Тѣсная одежда, стѣсняющая дыханіе и кровообращеніе (корсеты, воротники, плотнозатянутая форменная одежда), особенно при долгомъ сидѣніи, легко можетъ вызвать дурноту и даже боль головы.

До сравнительно недавняго времени истерія считалась спеціально женской болѣзнью и ставилась въ связь со страданіями спеціальныхъ женскихъ органовъ. Теперь ее считаютъ общей болѣзнью, хотя все-таки женщины поражаются ею гораздо чаще (приблизительно въ 10 разъ), чѣмъ мужчины. Въ новѣйшее время замѣчено, что и дѣти начинаютъ болѣть ею все чаще и чаще. Въ виду этого, какъ и въ виду нерѣдкаго страданія данной болѣзнью учительскаго персонала, она пріобрѣла въ настоящее время не малый школьный интересъ.

По своимъ проявленіямъ истерія считается душевной болѣзнью, которая характеризуется легко поддающеюся внушеніямъ слабой волей. Эти внушенія могутъ быть и внутреннія (свои собственныя впечатлѣнія и представленія), и внѣшнія со стороны другихъ людей. Предрасположеніе къ ней можетъ быть или врожденное (нервнобольные, злоупотреблявшіе спиртными напитками родители) или пріобрѣтенное (страсти, душевныя потрясенія, отравленія, напр., алкоголемъ, морфіемъ, ненормально протекающій періодъ полового созрѣванія, состоянія тѣлесной слабости, подражаніе). Истерія выражается въ различныхъ разстройствахъ движенія, чувствительности и душевной

дѣятельности. Разстройства движенія выражаются или въ судорожныхъ сокращеніяхъ всего тѣла (истерическій припадокъ) или отдѣльныхъ частей (неудержимый смѣхъ, плачъ, кашель, сжатіе горла, дрожаніе вѣкъ, заиканіе и пр.)—или же въ потерѣ подвижности, параличѣ (потеря голоса, опусканіе вѣкъ, параличъ отдѣльныхъ членовъ на одной или обѣихъ сторонахъ)—или наконецъ въ дрожаніи членовъ и въ неподвижности суставовъ (контрактура). Со стороны чувствительности очень характерна для истеріи мѣстная ея потеря, часто переходящая съ одного мѣста на другое.

Собственно съ педагогической стороны особенно важны душевныя особенности истеричныхъ. Онѣ выражаются въ указанной выше большой воспріимчивости къ внушеніямъ и затѣмъ въ большой раздражительности и прихотливости. Реакція такихъ больныхъ на внѣшнія впечатлѣнія, тѣлесныя и душевныя, часто выражается необычайно сильно, въ видѣ, напр., общаго судорожнаго припадка. Но умственныя способности вообще остаются у нихъ не нарушенными. Въ нравственномъ отношеніи они являются обыкновенно крайними эгоистами.

Истеричные между прочимъ легко впадаютъ въ гипнотическое состояніе до полной каталепсіи (сохраненіе тѣломъ и отдѣльными членами того или другого искусственно приданнаго имъ положенія).—Въ дѣтскомъ возрастѣ исторія имѣетъ своеобразный характеръ. Она проявляется у дѣтей въ видѣ отдѣльныхъ мѣстныхъ явленій, рѣдко являясь въ полномъ своемъ видѣ. На истерію именно указываетъ впервые появленіе у здоровыхъ до того дѣтей заиканія, косоглазія, судорогъ въ вѣкахъ, слабости или полнаго паралича отдѣльныхъ членовъ, приступовъ безпричиннаго, повидимому, смѣха, плача, затрудненнаго дыханія и глотанія. Для школъ исторія особенно важна своей заразительностью вслѣдствіе подражанія. Въ прежнія времена эпидеміи истеріи были обычны въ монастыряхъ (навѣрно случаются и теперь). Но извѣстны случаи такихъ эпидемій въ школахъ.

Erlenmeyer находитъ, что истеричные ученики и ученицы немедленно должны быть выводимы изъ школы, какъ только у нихъ появятся какіе-либо припадки. Если сразу у нѣсколькихъ лицъ будутъ замѣчены такіе припадки, то можетъ явиться надобность закрыть на время классъ. Если припадки появляются на глазахъ учителя, то онъ долженъ тотчасъ же принять энергическія мѣры: обмыть лицо холодной водой, вывести больного или больную изъ класса и, если вслѣдствіе судорогъ не можетъ онъ или она ни стоять, ни сидѣть, то положить его или ее хотя бы на полъ, но только не на виду другихъ.

Erlenmeyer говоритъ, что училищное начальство особенное вни-

маніе должно обращать на больныхъ истеріей *молодыхъ учителей* Страдаютъ этой болѣзнью большею частью малокровные, честолюбивые, чрезъ мѣру работающіе и онанирующіе молодые люди. Въ созданіи болѣзни важную роль играютъ недостаточные сонъ и питаніе. Такіе учителя вслѣдствіе своей раздражительности, прихотливости, рѣзкой смѣны настроенія представляютъ въ педагогическомъ отношеніи большую опасность для учащихся. Они имѣютъ большую наклонность къ извѣстнымъ болѣе или менѣе рѣзко выдающимся особенностямъ въ одеждѣ, въ поведеніи, въ характерѣ рѣчи, обнаруживаютъ прямо болѣзненную склонность къ назначенію безсмысленныхъ и жестокихъ наказаній. Свои болѣзненныя проявленія они стараются всемѣрно скрыть, и потому болѣзнь ихъ узнается обыкновенно очень поздно, почему Erlenmeyer ставитъ училищному начальству въ обязанность столько же наблюдать за здоровьемъ учителей, сколько и учениковъ.

Наблюдаемыя во время менструацій у учительницъ явленія раздражительности, подавленности, унынія несправедливо причисляются къ истеріи; эти явленія въ это время общи почти всѣмъ женщинамъ.—По наблюденіямъ самаго Erlenmyer'a, истеричныя учительницы лучше исполняютъ свои обязанности, чѣмъ такіе же учителя.

Авторъ позволилъ себѣ такъ долго остановиться на нѣкоторыхъ нервнопсихическихъ разстройствахъ потому, что они играютъ въ школьной жизни очень большую роль, имѣя отношеніе не только къ учащимся, но, пожалуй, въ еще большей степени къ учащимъ. Вѣроятно, каждый изъ своего школьнаго опыта знаетъ учителей, оригиналовъ, отличавшихся особенной наклонностью и даже виртуозностью въ изобрѣтеніи мѣръ и средствъ къ понужденію, запугиванію, а въ прежнее время прямо къ истязанію учениковъ. Вспыльчивые, неразсудительные, при первой возможности прямо жестокіе, такіе учителя являлись и конечно являются и до сихъ поръ пугаломъ не только для „лѣнтяевъ“, но и для самыхъ прилежныхъ. Избави Богъ, если кого-нибудь они не взлюбятъ по той или другой, дѣйствительной или только воображаемой причинѣ. А это, къ несчастью, бываетъ очень нерѣдко.

Все воспитаніе собственно сводится къ тренировкѣ нашей нервной системы, причемъ громадную, даже первенствующую роль играютъ внушеніе съ одной стороны и подражательность съ другой. Поэтому тотъ или другой характеръ среды, тѣ или другія отношенія со стороны родителей, воспитателей, учителей имѣютъ въ этомъ дѣлѣ опредѣляющее значеніе, если, конечно нервная система функціонируетъ болѣе или менѣе правильно. Наслѣдственная или пріобрѣтенная расшатанность нервной системы, какъ мы видѣли, требуетъ особен-

наго вниманія и особыхъ мѣръ. Если такую же систему имѣютъ воспитатели, то надлежащій успѣхъ дѣла является крайне сомнительнымъ.

XXIV.

Въ тѣсной связи съ нервной системой стоятъ разстройства рѣчи. О вліяніи на нихъ школы сообщалъ на конгрессѣ д-ръ *H. Gutzmann*, спеціально занимающійся лѣченіемъ такихъ разстройствъ (Berlin), именно заиканія и шепелявости, или лепетанія (Stottern und Stammeln). Особенно важное значеніе и въ школѣ, и въ послѣдующей жизни имѣетъ конечно первое, которое на столько затрудняетъ почти каждое занятіе человѣка, что теперь во всѣхъ болѣе значительныхъ нѣмецкихъ городахъ учреждены для заикъ особые лѣчебные курсы. Совмѣстная работа врачей и учителей можетъ принести въ данномъ дѣлѣ много пользы. По G., число заикъ въ средѣ дѣтей замѣтно увеличивается. За это говорятъ данныя статистики какъ въ Германіи, такъ въ Австро-Венгріи, Даніи, С.-Америкѣ. Увеличеніе это особенно замѣтно послѣ перваго школьнаго года и при наступленіи періода половой зрѣлости. G. собралъ данныя относительно почти 3.000 заикъ въ Германіи и Швейцаріи и нашелъ, что по возрастамъ послѣдніе распредѣляются такъ: 6—7 л.—6%, 7—8 л.—10%, 11—12 л.—15%. Въ большинствѣ заики имѣютъ невропатическую наслѣдственность, благодаря чему школьный режимъ съ его побужденіями и стѣсненіями и вызываетъ сравнительно легко данное разстройство. Одни лѣчебные курсы помочь тутъ въ достаточной степени не могутъ. Учителя уже въ семинаріяхъ должны научиться, какъ обращаться съ заиками, а съ другой стороны родители должны обращать вниманіе на развитіе рѣчи у своихъ дѣтей.—Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ шепелявостью, которая при цѣлесообразно поставленныхъ урокахъ чтенія быстро уменьшается. По даннымъ G на первомъ школьномъ году на 100 учащихся приходится 29 шепелявыхъ, а въ возрастѣ 13—14 л. только 6. Если уроки чтенія будутъ сопровождаться требованіемъ не только чистаго выговора, но и правильнаго дыханія при извѣстной медленности самаго процесса выговариванія словъ, то это будетъ предупреждать развитія заиканія.

У насъ, въ Россіи, на указанныя разстройства рѣчи, даже на заиканіе обращаютъ пока очень мало вниманія, а между тѣмъ они и для насъ имѣютъ не мало значенія. Между прочимъ и среди учителей можно встрѣтить лицъ, если не заикающихся, то съ неяснымъ выговоромъ, не мало затрудняющимъ для нихъ дѣло преподаванія, а для учениковъ—дѣло пониманія.

Прежде и болѣе всего относится къ нервной системѣ и вопросъ

объ употребленіи алкоголя вообще и дѣтьми въ частности. На Нюрнбергскомъ конгрессѣ говорилъ по данному вопросу д-ръ *Blitstein*, какъ уполномоченный нѣмецкаго отдѣла международнаго школьно-гигіеническаго союза трезвости (или противниковъ алкоголя).—Въ то время какъ по отношенію къ взрослымъ сторонники трезвости борются еще со сторонниками умѣренности, по отношенію къ дѣтямъ всѣ согласны, что употребленіе ими алкоголя вредно всегда и во всякомъ количествѣ. Статистическія данныя показываютъ однако, что употребленіе дѣтьми пива, вина, даже водки распространено очень сильно. Въ то же время изслѣдованія Forel'я, Runge, Kraepelin'а, Smith'а, Aschaffenburg'а, Führer'а, Kurz'а и др. доказываютъ, что даже незначительныя количества алкоголя неблагопріятно дѣйствуютъ на вниманіе, память и соображеніе. Ежедневное наблюденіе врачей учитъ, что правильное употребленіе спиртныхъ напитковъ отнимаетъ у дѣтей аппетитъ, вредитъ органамъ пищеваренія и дурно вліяетъ на характеръ и на настроеніе. Иногда употребленіе алкоголя вызываетъ у дѣтей такія тяжелыя болѣзни, какъ воспаленіе печени и почекъ. Опытъ, наконецъ, показываетъ, что употребленіе это понижаетъ способность человѣка противостоять противъ заразныхъ болѣзней. По всѣмъ указаннымъ причинамъ, школа обязана занять относительно алкоголя опредѣленное положеніе.—Д-ръ В., вмѣстѣ съ д-ромъ *Hadelich*'омъ, внесли въ конгрессъ такое предложеніе, чтобы школа дисциплинарнымъ порядкомъ запрещала ученикамъ всякое употребленіе алкоголя, и чтобы какъ при обученіи школьныхъ врачей и на чтеніяхъ по гигіенѣ, такъ и на „родительскихъ вечерахъ“ настоятельно было указываемо на опасности, связанныя съ употребленіемъ алкоголя. Родителямъ вновь поступающихъ въ школу дѣтей должны быть вручаемы листки съ такимъ текстомъ: „Родители! Если вы любите своихъ дѣтей, не давайте имъ никакихъ спиртныхъ напитковъ. Всѣ ученые, занимавшіеся вопросомъ о вліяніи алкоголя, единогласно свидѣтельствуютъ, что пиво, вино, водка, ликеры очень вредно дѣйствуютъ на подростающее юношество. Эти напитки ослабляютъ аппетитъ, вредятъ органамъ пищеваренія, уменьшаютъ природную сопротивляемость дѣтей дѣтскимъ болѣзнямъ и нерѣдко даже вызываютъ тяжелыя заболѣванія. Эти напитки ослабляютъ вниманіе и память и тѣмъ еще болѣе отягощаютъ дѣтямъ ученіе; они возбуждаютъ дѣтей, дѣлаютъ ихъ гнѣвливыми, строптивыми, непослѣдовательными, что затрудняетъ вамъ и школѣ ихъ воспитаніе. Даже и въ случаяхъ болѣзни алкоголь, какъ и всякое лѣкарство, можно давать только по предписанію врача“.

Употребленіе дѣтьми спиртныхъ напитковъ, въ народѣ преимущественно водки, представляетъ большое и сильно распространен-

ное зло и у насъ, въ Россіи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ, напр., Курской губернской управой въ 369 школахъ разныхъ уѣздовъ Курской губерніи, только 23,5% всѣхъ учащихся не пили водки, а остальные знакомы съ ея вкусомъ. Одинъ учитель сообщалъ, что всѣ дѣти пьютъ водку при первой возможности; изъ 56 его учениковъ только одинъ оказался незнакомымъ еще съ ней. По словамъ другого учителя, дѣти пьютъ водку только во время престольныхъ праздниковъ и свадебъ, когда угощаютъ ихъ родители или родственники (И. О. Фесенко. Нужды русской народной школы. „Южный край", 24 мая 1904 г.).—Всѣ, знакомые съ нравами и обычаями нашего простого народа, признаютъ, что то, что найдено въ Курской губерніи, вполнѣ примѣнимо и къ другимъ. Даже въ средѣ нашихъ болѣе образованныхъ классовъ угощеніе дѣтей спиртными напитками не предстовляетъ рѣдкости, а школьники даже хвалятся этимъ. Бороться со зломъ въ данномъ случаѣ школѣ—дѣло въ высшей степени трудное. Изъ нашего русскаго опыта хорошо извѣстно, что тутъ не помогаютъ самыя сильныя и страшныя проповѣди и наглядныя изображенія. Ослабленія зла можно ожидать только тогда, когда въ поведеніи народа руководящее мѣсто займетъ не прививаемый ему всѣми путями страхъ, а убѣжденіе, совѣсть. Школа и должна стремиться къ этому, выясняя въ настоящей жизни вредъ не только тѣлесный, но и нравственный, а въ самой жизни должны быть принимаемы строгія и послѣдовательныя мѣры къ ограниченію доступности спиртныхъ напитковъ, а также—налагаемы кары хотя бы за публичное появленіе въ пьяномъ видѣ.—Изъ другихъ, кромѣ алкоголя, нервныхъ ядовъ на конгрессѣ была рѣчь только о табакѣ, именно по вопросу „запрещать или нѣтъ куреніе табака ученикамъ высшихъ классовъ". Поставилъ этотъ вопросъ учитель реальнаго училища *Stanger* (Trautenau въ Богеміи) и отвѣтилъ на него въ пользу запрещенія, ссылаясь на историческія, медицинскія, эстетическія и бытовыя причины. Какъ извѣстно, табакъ раньше вызывалъ противъ себя много гоненій и запрещеній со стороны государства и церкви—и, несмотря на это, распространился повсюду и проникъ во всѣ классы населенія, не исключая женщинъ и дѣтей. Не болѣе 100 лѣтъ тому назадъ противъ табаку также много говорили, какъ теперь противъ алкоголя. —За вредъ куренія табаку высказывались многіе, въ томъ числѣ проф. Бильротъ, Нотнагель, Гильдебрандтъ, причемъ особенно предостерегали отъ куренія подростающее юношество. Куреніе вредно отзывается на глазахъ, ушахъ, сердцѣ, на желудкѣ и кишкахъ (на маткѣ, добавимъ отъ себя).—При разсмотрѣніи куренія съ эстетической стороны цитировались поэты и писатели. S. того мнѣнія, что куреніе вредно ото-

звалось на народной пѣснѣ. Сельчане, охотники, мельники, ремесленники не поютъ больше, а курятъ. „Вмѣсто пѣсни изъ ихъ горла выходитъ дымъ".—Нравственный вредъ куренія выражается въ слабости воли, необдуманности и огрубѣніи. Многіе курятъ не для наслажденія, а изъ моды. При этомъ не обращаютъ никакого вниманія ни на женщинъ, ни на дѣтей, ни на больныхъ, не говоря уже о некурильщикахъ.—По всѣмъ указаннымъ причинамъ S. и пришелъ къ заключенію, что въ школахъ вообще куреніе табаку должно быть запрещено всѣмъ учащимся безъ исключенія.

Противъ этого запрещенія ничего нельзя сказать, но только слѣдовало бы добавить, чтобы куреніе не было допускаемо и дома. Благодаря содержащемуся въ табакѣ никотину, табакъ производитъ особенно съ непривычки на молодые еще не установившіеся организмы прямо одуряющее вліяніе, причемъ сильно поражается вся непроизвольная нервномышечная система (узловая нервная система и гладкія мышцы), а вмѣстѣ съ тѣмъ — кровообращеніе, дыханіе, дѣятельность пищеварительнаго аппарата, а у женщинъ еще матка, претерпѣваютъ могущія быть очень вредными измѣненія.

XXV.

На конгрессѣ въ Нюрнбергѣ по всѣмъ статьямъ преобладалъ нѣмецкій элементъ, какъ это видно уже изъ всего вышеизложеннаго. Менѣе всего конечно исключеній въ этомъ отношеніи можно было ожидать въ области тѣлеснаго воспитанія. И дѣйствительно, напр., о „шведской гимнастикѣ", о „ручныхъ работахъ" или слойдѣ на съѣздѣ развѣ только упоминалось, а объ англійскихъ „играхъ" и вообще объ англійскомъ физическомъ воспитаніи, кажется, даже и этого не было. Авторъ этого отчета получалъ даже приглашеніе сдѣлать докладъ по „слойду", но онъ отказался, сославшись на то, что дѣло это въ Россіи мало развито и что лучше всего обратиться по этому дѣлу въ его отечество. Но желающихъ во всей Скандинавіи, видимо, не нашлось. А между тѣмъ международное обсужденіе этого вопроса было бы очень желательно—между прочимъ и для насъ русскихъ. На бывшемъ прошлой зимой въ Петербургѣ „Съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію" „ручнымъ работамъ" была посвящена цѣлая секція, которая отличалась не малымъ оживленіемъ, благодаря разнорѣчію въ оцѣнкѣ значенія данныхъ работъ, выступившему особенно рѣзко въ рѣшеніи вопроса—дѣлать ли „ручныя работы" обязательнымъ предметомъ обученія въ разныхъ школахъ, или нѣтъ. На будущемъ II. лондонскомъ междун. школьно-гигіеническомъ конгрессѣ, вѣроятно,

будетъ исправлена та односторонность, которая преобладала въ Нюрнбергѣ.

Проф. *Jarro Pawel* (Wien), сообщавшій о „тѣлесномъ воспитаніи въ Австріи“, стоялъ также на чисто нѣмецкой точкѣ зрѣнія, трактуя вопросъ о „Turnunterricht'ѣ“, какъ о необходимомъ элементѣ воспитанія и образованія во всѣхъ школахъ, отъ низшихъ до высшихъ. Но онъ не отрицалъ благопріятнаго вліянія и дѣтскихъ и юношескихъ „игръ“, особенно почему-то въ среднихъ школахъ, и вполнѣ благосклонно отнесся къ прогулкамъ и школьнымъ путешествіямъ, къ купанію и плаванію, къ ледяному и др. видамъ спорта. Не оставилъ онъ безъ вниманія и ручныхъ работъ, а также спеціально работъ въ школьномъ саду. Весь докладъ проф. P. сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: 1. На тѣлесное воспитаніе въ народныхъ и городскихъ школахъ нужно обратить большее, чѣмъ теперь, вниманіе. 2. Гимнастика въ женскихъ школахъ должна быть обязательной. 3. Для народныхъ и городскихъ школъ долженъ быть составленъ новый планъ упражненій. 4. Гимнастика въ учительскихъ школахъ должна быть расширена на 2—3 часа. 5. Должно быть ускорено введеніе обязательной гимнастики въ гимназіяхъ и опредѣлено положеніе въ нихъ ея учителей, причемъ въ среднихъ школахъ они должны быть сравнены въ своихъ правахъ съ другими преподавателями. 6. Обязательнымъ въ учительскихъ школахъ должно быть и обученіе плаванію, которое должно быть введено въ народныхъ и городскихъ школахъ. 7. Въ высшихъ школахъ упражненія должны быть поддерживаемы поощреніемъ гимнастическихъ союзовъ и безплатнымъ отводомъ мѣстъ для упражненій. 8. Школы для приготовленія учителей гимнастики должны быть преобразованы. 9. Въ городскихъ училищахъ должно ввести обязательное обученіе ручнымъ работамъ (Handfertigkeitsunterricht). 10. Для отдѣльныхъ коронныхъ земель (въ Австріи) должны быть учреждены отдѣльные инспектора упражненій.

Д-ръ Любоміръ *Ненадовичъ* изъ Бѣлграда сдѣлалъ на конгрессѣ сообщеніе: „Тѣлесное воспитаніе школьнаго юношества въ связи съ школьной гигіеной у сербовъ“. Довольно большой рефератъ, напечатанный въ „Gesundheit“ (№ 10, 1904), содержитъ историческія указанія на развитіе у сербовъ и больше всего въ Сербіи какъ школьнаго дѣла вообще, такъ школьной гигіены (на ряду съ общей) въ частности, а въ концѣ на современное состояніе ихъ въ сербскихъ областяхъ, не исключая Македоніи, относительно которой д-ръ Н. жалуется на „болгаризацію“ сербовъ. Относительно венгерскихъ сербовъ онъ говоритъ, что тамъ дѣло стоитъ плохо, благодаря отсутствію мѣстной народной инициативы и предпріимчивости. Лучше

всего конечно дѣло стоитъ въ Сербіи, гдѣ послѣ „опыта германско-французской войны и собственной войны съ турками“, во всѣхъ школахъ еще въ 70-хъ годахъ введено обязательное обученіе гимнастикѣ и воинскія упражненія. „Это одностороннее и съ гигіенической стороны вредное физическое воспитаніе не дало ожидаемыхъ результатовъ, почему черезъ нѣсколько лѣтъ было брошено, о чемъ жалѣть ни въ какомъ случаѣ не приходится“. Вообще на школьную гигіену обратили въ Сербіи надлежащее вниманіе еще въ 1873 г., когда впервые было введено и упомянутое выше неудавшееся обязательное обученіе гимнастикѣ. Въ 1891 г. была произведена „планомѣрная реорганизація физическаго воспитанія школьнаго юношества въ народныхъ школахъ. По этому плану введены свободныя движенія и игры и распредѣлены по годамъ обученія. Учителямъ даны подробныя руководства, гдѣ выяснено физіологическое и гигіеническое вліяніе отдѣльныхъ движеній и игръ на гармоническое развитіе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ юношества. Упражненія предписано производить только на открытомъ воздухѣ. Данная реформа опирается на старо-сербскія преданія и потому имѣетъ всѣ данныя для дальнѣйшей поддержки и развитія“. Указанная реформа касается одинаково мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.—Д-ръ А. *Juba*, школьный врачъ и преподаватель гигіены въ Будапештѣ, въ своемъ докладѣ „Гигіена интернатовъ“ касается преимущественно также физическаго воспитанія. Положенія этого доклада таковы: 1. Такъ какъ надежные пансіоны крайне рѣдки или же непомѣрно дороги, то по гигіеническимъ, педагогическимъ и нравственнымъ основаніямъ мы должны для прибывающаго изъ другихъ мѣстъ школьнаго юношества предпочитать интернаты. 2. Устройство и ходъ дѣла какъ полныхъ интернатовъ, такъ и дневныхъ убѣжищъ (Horte) должны находиться подъ контролемъ школы не менѣе, чѣмъ пансіоны (Kosthäuser). Они должны представлять, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ отчеты въ Министерство просвѣщенія для дальнѣйшей разработки дѣла со стороны школьно-гигіеническихъ докладчиковъ (Referenten). 3. Врачебное наблюденіе за живущими въ интернатѣ должно быть довѣряемо врачу той школы, при которой оно состоитъ. Правительственные врачи допускаются до этого дѣла только въ томъ случаѣ, если невозможно никакое другое рѣшеніе вопроса. 4. Задачей врача является не только лѣченіе, но прежде всего наблюденіе за правильнымъ развитіемъ тѣла и надлежащимъ уходомъ за тѣломъ живущихъ въ интернатѣ и подача соотвѣтствующихъ совѣтовъ. Права распоряженія врачу не предоставляется. 5. Для успѣшнаго наблюденія за тѣлеснымъ развитіемъ относительно каждаго ученика долженъ вестись спеціальный „листъ изслѣдованія“, въ который вносятся данныя

производимыхъ каждую $1/4$ года измѣреній (ростъ, вѣсъ, окружность груди, жизненная емкость легкихъ и пр.), а также замѣтки относительно болѣзней и проступковъ. Со стороны врача требуется самая большая предусмотрительность и самая энергическая дѣятельность въ дѣлѣ предупрежденія какъ заразительныхъ болѣзней, такъ и половыхъ эксцессовъ.

Въ Англіи и Америкѣ издавна практикуется умываніе лица и рукъ во время игръ на открытомъ воздухѣ (въ мячъ—Ball и др.), особенно въ высшихъ школахъ. Новѣйшія нѣмецкія школы, по словамъ „Gesundheit“ (№ 7, 1904), не уступаютъ въ этомъ отношеніи иностраннымъ, имѣя хорошія умывальни при отдѣленныхъ и хорошо провѣтриваемыхъ раздѣвальняхъ. Теперь, дескать, англійскія и американскія школы начинаютъ подражать нѣмецкимъ, устраивая и у себя косо поставленныя души (см. XX). А самыя умывальни имѣютъ тамъ характеръ длинныхъ стоковъ съ дѣленіемъ или безъ дѣленія на отдѣльныя мѣста. Во время умыванія особый служитель пускаетъ воду, которая бѣжитъ отъ моющагося къ стѣнѣ. Постоянный токъ свѣжей воды предупреждаетъ, конечно, возможность пользоваться одной и той-же водой нѣсколькимъ и, слѣд., предохраняетъ отъ передачи заразъ. Такое приспособленіе въ хорошемъ видѣ стоитъ дорого и требуетъ большого количества воды. Въ Германіи пользуются тазами, которые опоражниваются послѣ каждаго мытья. Такъ какъ на послѣднее дается очень короткое время, то тазовъ требуется въ школахъ очень много, почему тамъ и изыскиваютъ способы наиболѣе удобнаго опорожненія послѣднихъ самотокомъ во время самаго мытья.

Авторъ коснулся даннаго вопроса здѣсь потому, что забылъ упомянуть о немъ раньше (XX), а между тѣмъ устройство умываленъ въ нашихъ школахъ — городскихъ, а особенно сельскихъ представляетъ настоятельнѣйшую необходимость, въ виду довольно безразличнаго отношенія къ дѣлу умыванія лица и особенно рукъ со стороны нашего простого и рабочаго населенія. А такое умываніе имѣетъ немаловажное значеніе не только въ дѣлѣ поддержанія простой чистоты рукъ и предметовъ, съ которыми онѣ приходятъ въ соприкосновеніе, но и въ дѣлѣ передачи ими заразъ. Наши умывальни слѣдовало бы обязательно снабжать мыломъ. Въ сельскихъ и низшихъ городскихъ школахъ слѣдовало бы затѣмъ отъ каждаго входящаго въ школу ученика или ученицы требовать прежде всего хорошаго умыванія рукъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ и не лица.

XXVI.

Точная наука для того, чтобы обосновать свои заключенія, правила и мѣры, прибѣгаетъ обыкновенно къ точному опыту и наблюденію. Изъ этого общаго положенія не дѣлаетъ исключенія и школьная гигіена и притомъ не только по отношенію къ внѣшней обстановкѣ школы, къ внѣшнимъ проявленіямъ ея жизни, но и по отношенію къ внутреннему содержанію послѣдней, выражающемуся въ методахъ и способахъ обученія, въ томъ или другомъ обращеніи съ учащимися въ интересахъ воспитанія и образованія. До сравнительно недавняго времени, пока именно между свойствами тѣла и способностями души проводили рѣзкую границу, вообще считали вмѣстѣ съ Кантомъ, что „психологія никогда не достигнетъ точности естествознанія, такъ какъ къ изслѣдованію душевной жизни никогда нельзя будетъ примѣнить ни математики, ни опыта“. Послѣдовательныя усилія ученыхъ за послѣднюю четверть XIX в., продолжающіяся и въ XX в., показали, однако, что дѣло „опытной психологіи“ обстоитъ далеко не такъ безнадежно, какъ это, между прочимъ, показалъ бывшій почти одновременно со школьно гигіеническимъ конгрессъ опытной психологіи въ Гиссенѣ (апрѣль 1904 г.). По сообщенію г. А. Нечаева („Праздникъ науки“, „Русь“, 22 мая 1904 г.) на этомъ конгрессѣ участвовало до 100 ученыхъ разныхъ странъ, и было прочитано до 50 докладовъ въ теченіе 4 дней. Очевидно, есть и дѣло, есть и дѣятель.

Въ числѣ заявленныхъ заранѣе для Нюрнбергскаго конгресса докладовъ былъ, между прочимъ, докладъ учителя семинаріи (учительской) въ Карлсруэ д-ра философіи W. A. *Lay.* „Необходимость дидактическихъ экспериментовъ для отысканія соотвѣтственнаго природѣ обученія“.—Насколько автору извѣстно, указаннаго доклада не было сдѣлано въ Нюрнбергѣ. По сообщенію г. Нечаева, онъ былъ сдѣланъ въ Гиссенѣ на конгрессѣ опытной психологіи. Для его характеристики авторъ позволяетъ себѣ воспользоваться здѣсь словами г. Нечаева, взятыми изъ вышеуказанной его статьи.

„Лай уже нѣсколько лѣтъ примкнулъ къ тому теченію педагогической науки, которое стремится основать теорію и практику воспитанія на результатахъ точныхъ изслѣдованій психической природы учащихся. На рядѣ примѣровъ Лай показалъ, сколько свѣта вноситъ опытная психологія въ пониманіе школьнаго дѣла. Точное изслѣдованіе памяти учащихся даетъ, напр., возможность правильно поставить обученіе орѳографіи и лучше приспособить методы преподаванія къ силамъ учащихся. Изслѣдованіе умственной усталости

послѣднихъ помогаетъ построить нормальное расписаніе, при которомъ достигалась бы наименьшая затрата времени и силъ и наибольшій успѣхъ. Уже давно раздается требованіе, говорилъ Лай, сдѣлать „естественными" и „гигіеничными" планы и методы школьнаго обученія. Это требованіе можетъ быть выполнено только тогда, когда мы будемъ знать самую природу своихъ воспитанниковъ". А что это послѣднее знаніе возможно даже по отношенію къ духовной сторонѣ природы людей, Лай доказалъ цыфровыми данными своихъ опытовъ и наблюденій.

На конгрессѣ въ Нюрнбергѣ по вопросу о „значеніи эксперимента въ дѣлѣ изслѣдованія учащихся" дѣлалъ сообщеніе д-ръ мед. Altschul (Прага). Положенія его таковы:

1. Школьная гигіена—вѣтвь гигіены вообще. Подобно послѣдней первая должна быть построена на естественно-научномъ основаніи, если она хочетъ быть наукой, и потому не можетъ обходиться безъ эксперимента.

2. Предпринимавшіеся до сихъ поръ въ школахъ опыты именно надъ утомленіемъ учащихся вслѣдствіе ученія (переутомленіе) какъ психологическіе (счетныя задачи, диктовка и комбинаціонный методъ Ebbinghaus'a), такъ и физіологическіе (измѣреніе утомленія при помощи эргографовъ и эстезіометровъ) не могутъ быть признаны безукоризненными и потому не могутъ служить точной мѣрой утомленія.

3. Но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что указанные опыты излишни и не имѣютъ значенія; не давая мѣрки для утомленія, они очень важны для дѣтской психологіи, именно вниманія, навыка, интереса къ учебному матеріалу (а вмѣстѣ съ тѣмъ— и памяти, добавимъ отъ себя).

4. Главный недостатокъ производившихся до сихъ поръ опытовъ заключается въ томъ, что они служатъ выраженіемъ не естественныхъ школьныхъ отношеній, а искусственныхъ пріемовъ для вызова утомленія.

5. Для того, чтобы получить правильное понятіе о вліяніи умственнаго напряженія на духовную работоспособность учащихся (имѣя въ виду только успѣхъ ученія), чтобы школьный экспериментъ въ тѣсномъ смыслѣ могъ дать вѣрныя указанія, необходима такая постановка этого эксперимента, при которой нисколько не нарушался бы обычный ходъ ученія и о которой ученики ничего бы не знали.

6. При постановкѣ школьныхъ опытовъ экспериментаторъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго предвзятаго мнѣнія, если только онъ не хочетъ, чтобы его выводы служили „непроизвольнымъ вы-

раженіемъ тѣхъ мнѣній, съ которыми онъ приступилъ къ выполненію своей задачи", какъ справедливо выразился о сдѣланныхъ до сихъ поръ опытахъ проф. Schuyten.

7. Поэтому въ основѣ измѣренія духовной работоспособности учащихся должны находиться обычныя школьныя задачи, причемъ необходимо обращать вниманіе на относительную трудность темы, на качество и количество предшествовавшихъ заданію темы часовъ (на погоду, время года, удобство класснаго помѣщенія, особенно что касается воздуха, большую или меньшую привычку къ наблюденію и мышленію и т. п., о чемъ скажемъ ниже).

8. Такіе опыты должны производиться продолжительное время надъ одними и тѣми же лицами при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ—въ началѣ времени ученія, послѣ одного и нѣсколькихъ часовъ его продолженія, послѣ тѣлесныхъ упражненій и т. п.

9. Отдѣльныя изслѣдованія, произведенныя до сихъ поръ на нѣкоторыхъ выбранныхъ ученикахъ на данномъ основаніи многими учителями въ различнѣйшихъ мѣстахъ надежнѣе, чѣмъ изслѣдованія массовыя, немногочисленныя и касающіяся немногихъ школъ.

10. На основаніи всего сказаннаго было бы желательно образовать состоящій изъ врачей и преподавателей (по возможности международный) комитетъ, который, на основаніи имѣющихся уже данныхъ, выработалъ бы схему, какъ основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ данной области.

11. Это предложеніе, конечно, не единственно мыслимое, но въ настоящее время его можно считать наиболѣе подходящимъ.

По тому же вопросу выступалъ на конгрессѣ съ докладомъ д-ръ Ih. Vannod (Bern). Его положенія сводятся къ слѣдующимъ:

1. Умственное утомленіе обусловливаетъ пониженіе кожной чувствительности.

2. Эстезіометрическій методъ (Griesbach'а) позволяетъ легко и ясно наблюдать тѣ измѣненія, которымъ подвергается кожная чувствительность.

3. Нѣкоторыя условія оказываютъ на эту чувствительность прямое или непрямое вліяніе при пользованіи указаннымъ методомъ. Таковы: температура окружающей среды, состояніе здоровья изслѣдуемаго ученика (невротизмъ, неврастенія, усталость вслѣдствіе недостаточнаго сна и пр.), способность его по отношенію къ тому или другому предмету обученія и пр.

4. Въ интересахъ распространенія опытнаго изслѣдованія желательно, чтобы въ разныхъ мѣстахъ врачи или преподаватели произвели одновременно изслѣдованія при помощи эстезіометра, чтобы категорически судить о достоинствѣ пользующагося имъ метода.

Приложеніе опытной психологіи къ педагогикѣ имѣетъ своей задачей установленіе извѣстной соразмѣрности между требованіями школы и умственными силами и способностями учащихся. Особенно побуждаетъ найти такую соразмѣрность то замѣчаемое нерѣдко у учащихся состояніе тѣлеснаго и умственнаго ослабленія, которое получило названіе переутомленія и которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ если не вполнѣ совпадаетъ, то очень напоминаетъ неврастенію. При немъ страдаетъ какъ умъ, такъ и тѣло, особенно общее его питаніе, благодаря потерѣ аппетита, слабости пищеваренія. Частымъ спутникомъ его являются также головныя боли и вообще подавленное настроеніе. Впрочемъ, въ опредѣленіи проявленій переутомленія, какъ и въ указаніи его причинъ, существуетъ такое разногласіе, что многіе воздерживаются отъ сколько-нибудь точной его характеристики. Особенно отрицательно относятся къ нему педагоги. Многіе врачи ставятъ его, какъ и неврастенію, въ связь съ невропатическимъ предрасположеніемъ.

Съ физіологической точки зрѣнія нельзя отрицать возможности существованія переутомленія любого дѣятельнаго органа, если онъ ставится въ необходимость обнаруживать въ теченіе хотя бы и недолгаго срока чрезмѣрную дѣятельность. Простое утомленіе есть обычный спутникъ дѣятельности; имъ вызывается необходимость отдыха. И сердце отдыхаетъ во время діастолы, которая даже нѣсколько длиннѣе систолы, такъ что можно сказать, что сердце работаетъ менѣе, а отдыхаетъ болѣе 12 часовъ въ сутки. Утомляемость мышечной системы произвольнаго движенія всѣмъ хорошо извѣстна. Ея утомленіе можетъ быть доведено до такого состоянія, что возстановленіе ея потребуетъ долгаго времени или даже, какъ бываетъ въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ, и совсѣмъ окажется невозможнымъ. Нервная система, спеціально мозгъ, не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Всякій, знакомый съ умственной работой, знакомъ и съ послѣдующимъ за ней утомленіемъ. Чрезмѣрно длинная или напряженная работа вызываетъ и чрезмѣрное утомленіе, которое черезъ узловую нервную систему отражается и на такъ наз. растительныхъ процессахъ жизни, какъ пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе, общее питаніе и спеціально кровотвореніе. Все это сильно подрываетъ устойчивость организма противъ разныхъ вредныхъ вліяній, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Во главѣ внутреннихъ вредныхъ вліяній должна быть поставлена дурная наслѣдственность, выражающаяся какъ общими, такъ и спеціально нервными разстройствами, а во главѣ внѣшнихъ — разнаго рода заразы. Въ виду этого неудивительна та сравнительно большая заболѣваемость, которая отмѣчена разными изслѣдователями въ разныхъ

странахъ среди школьнаго юношества (Axel Key въ Швеціи, Herdel въ Даніи, вообще многіе другіе изслѣдователи относительно питанія, глазъ, позвоночника, нервной системы и пр.). Для доказательства этого прибѣгаютъ къ сравнительно-статистическимъ изслѣдованіямъ, которыя, однако, не всегда отличаются безукоризненностью въ виду различія въ свойствахъ матеріала и различія въ самыхъ пріемахъ изслѣдованія.

Кромѣ массоваго, или статистическаго изслѣдованія для опредѣленія вліянія школы на здоровье, прибѣгаютъ также къ личнымъ изслѣдованіямъ и опросамъ. О послѣднихъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Что же касается личныхъ изслѣдованій, то здѣсь наиболѣе пока шаткую область представляютъ опытно-психологическія изслѣдованія, какъ это, вслѣдъ за профессоромъ Schuyten'омъ, справедливо отмѣчаетъ и д-ръ Altschul. Дѣйствительно, какую бы часть этихъ изслѣдованій (кожная чувствительность, мышечная сила, память, вниманіе и пр.) мы ни взяли, мы сталкиваемся со множествомъ входящихъ въ нее какъ предшествовавшихъ (анамнестическихъ), такъ и современныхъ (въ зависимости отъ мѣста и времени) вліяній, устранить которыя изъ результата опытовъ или очень трудно или, что гораздо чаще бываетъ, невозможно. Ужъ если гдѣ индивидуальныя различія сказываются особенно рѣдко, такъ это въ нервнопсихической сферѣ. Тутъ выступаютъ на сцену и расовыя, и народныя, и сословныя, и семейныя и собственно личныя вліянія.—Если на чемъ особенно скоро отражается вредное вліяніе внѣшней среды, хотя бы испорченнаго школьнаго воздуха, такъ это опять-таки въ такихъ тонкихъ проявленіяхъ душевной дѣятельности, какъ вниманіе, чувствительность и т. п. Тотъ или другой образъ жизни, то или другое нравственное состояніе, то или другое настроеніе—все это опять-таки скорѣе всего затрагиваетъ наши душевныя и собственно умственныя способности. Много еще придется потратить времени и трудовъ, чтобы опытная психологія дала надлежащій матеріалъ для приложенія къ педагогикѣ.

XXVII.

На выставкѣ при Нюрнбергскомъ конгрессѣ рѣзко бросались въ глаза многочисленныя графическія таблицы, выставленныя Iul. v. *Patzak*'омъ и составляющія приложеніе къ его сочиненію „Schule und Schülerktaft". Самое заглавіе сочиненія ясно показывало его предметъ, а таблицы демонстрировали его содержаніе. Patzak для достиженія своей цѣли—выяснить соотношенія школьныхъ требованій съ силами учащихся—воспользовался не психофизическимъ или

чисто психологическимъ, а —такъ сказать—бытовымъ методомъ, примѣненнымъ имъ къ ученикамъ трехъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Богеміи—классической гимназіи, реальнаго училища и торговой академіи. Началъ онъ съ послѣдней, получивъ за время съ понедѣльника 12 по субботу 17 янв. 1903 г. отъ учениковъ всѣхъ трехъ классовъ академіи свѣдѣнія о томъ, какъ у нихъ распредѣлялись занятія за каждый изъ 6 учебныхъ дней недѣли. Только потомъ во вторую серію свѣдѣній онъ включилъ и воскресеніе, которое у многихъ оказалось далеко не свободнымъ отъ домашнихъ учебныхъ занятій. — Чтобы получить болѣе вѣрно выражающія характеръ учебнаго быта свѣдѣнія, P., по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ, изъ каждаго отдѣленія класса (а ихъ въ классѣ до 3) выбиралъ троихъ учениковъ, руководясь преподавательной оцѣнкой, именно наилучшаго („перваго“), наихудшаго („послѣдняго“) и средняго. Такъ же онъ потомъ поступилъ по отношенію къ ученикамъ гимназіи и реальнаго училища.

Каждый ученикъ по программѣ Patzak'а долженъ былъ дать свѣдѣнія о 1. продолжительности сна, 2. числѣ учебныхъ часовъ въ школѣ и 3. дома, 4. времени отдыха (прогулки, развлеченія), 5. частной работы (музыка, чтеніе, спортъ и т. п.), 6. частныхъ уроковъ для заработка, 7. частныхъ уроковъ со стороны для себя и 8. исполненія религіозныхъ обязанностей. Эти данныя и дали матеріалъ для указанныхъ графическихъ таблицъ, состоящихъ изъ 8 цвѣтныхъ (соотвѣтственно 8 рубрикамъ свѣдѣній) столбцовъ, каждый изъ которыхъ выражаетъ собою распредѣленіе времени каждаго въ отдѣльности ученика въ каждый изъ дней недѣли. Въ общемъ получается довольно наглядная картина образа жизни каждаго ученика въ учебное время.

При оцѣнкѣ своихъ данныхъ съ гигіенической стороны Patzak руководился извѣстными нормами, считая именно необходимымъ или, въ другихъ случаяхъ, допустимымъ такое распредѣленіе учебныхъ сутокъ: для учениковъ низшихъ классовъ—9 ч. сна, $6^1/_6$ ч. отдыха, $5^1/_3$ ч. классныхъ занятій въ школѣ, $2^1/_2$ ч. домашнихъ учебныхъ занятій, 1 ч. занятій частныхъ, а для учениковъ высшихъ классовъ—$8^1/_2$ ч. сна, $6^1/_6$ ч. отдыха, $5^1/_3$ ч. кл. занятій, 3 ч. дом. занятій и 1 ч. занятій частныхъ. Такія нормы онъ прилагаетъ и къ „торговой академіи“, гдѣ въ первомъ кл. средній возрастъ учениковъ около 15 л., а во второмъ и третьемъ—16—17 лѣтъ.

Понятно, что, находя въ дѣйствительности число часовъ домашнихъ учебныхъ занятій доходящимъ, вмѣсто $2^1/_2$—3 ч., до 7—8 час., при 7—8 час. сна, P. признаетъ, что школа переутомляетъ учениковъ непосильной работой. Онъ между прочимъ приводитъ такой

фактъ, что одинъ изъ лучшихъ учениковъ 2 кл. торг. академіи ради подготовки уроковъ вставалъ въ понед. въ $3^1/_2$ ч. утра, во вт. въ $3^1/_2$ ч., ср. $4^1/_2$, четв. 3 ч., пятн. $3^1/_2$ ч., субб. $3^1/_2$, воскр. 6 ч. И вообще ради той же цѣли ученики академіи вынуждены вставать очень рано. Недостатокъ сна и избытокъ домашней работы—это тѣ условія, которыя Р. считаетъ особенно вредными для здоровья учениковъ, мало оставляющими времени для дневного отдыха въ видѣ прогулокъ и развлеченій.

При сопоставленіи данныхъ относительно торг. академіи, гимназіи и реальн. училища получается такая таблица въ расчетѣ на всю недѣлю: часовъ на (′ минуты):

	сонъ	отдыхъ	шк. зан.	дом. раб.	част. раб.
Гимназія (высшее отд.)	56,35′	42,35′	26,50′	30,34′	11.26′
высшее реал. училище (высшее отд.)	54,7′	42,49′	33,30′	29,38′	7,56′
Торг. академія	53,40′	38,37′	33,50′	31,44′	10,9′
Нормы	80—63.	Допустимо.		17.5—21	—

Большой срокъ для отдыха и уменьшенный для занятій получается въ данномъ случаѣ потому, что Р. ввелъ здѣсь въ счетъ и воскресный день, съ чѣмъ можно согласиться лишь очень условно. „Довлѣетъ дневи злоба его"; это священное изреченіе вполнѣ примѣнимо и къ школьному дѣлу. По мнѣнію автора этого очерка, слѣдуетъ оцѣнивать школьный день самъ по себѣ, не справляясь о томъ, что по доброй болѣе или менѣе волѣ дѣлаетъ ученикъ въ воскресные и праздничные дни. Вездѣ вѣдь и въ другихъ случаяхъ оцѣнивается только „рабочій день", который для учениковъ среднихъ (особенно общественныхъ и государственныхъ) школъ вездѣ почти оказывается излишне обременительнымъ.

Въ книгѣ Patzak'а приводятся результаты и чисто психологическихъ опытовъ, именно изложеніе прочитаннаго безъ предварительнаго о томъ увѣдомленія (ученики слушали, не зная, что ихъ заставятъ потомъ изложить слышанное по памяти). Опыты производились въ средней школѣ въ предобѣденные часы, но въ какіе,—не сказано. Оцѣнка производилась какъ пониманія (Auffassung) прочитаннаго, такъ и полноты передачи. Что касается перваго, т. е. пониманія, то изъ 45 учениковъ одного класса (ср. возр. 15 лѣтъ) удовлетворительное обнаружили 9 (20%), выше 4 (9%) и ниже 32 (71%), изъ 33 учен. другого высшаго класса (ср. возр. 17 л.) 5 (15%), 6 (18%) и 22 (67%). Болѣе половины прочитаннаго передали въ одномъ 12, въ другомъ 6 учен., а меньше—въ одномъ 27, а въ другомъ 22.—Изъ приведенныхъ данныхъ можно сдѣлать развѣ

только тотъ выводъ, что обученіе обязательно требуетъ повторенія, согласно старинной поговоркѣ „repetitio est mater studi rum".

Patzak собралъ еще не разработанный имъ матеріалъ, состоящій изъ отвѣтовъ на приводимые (ради примѣра и желательнаго опыта въ томъ же направленіи и у насъ) ниже 15 вопросовъ, отпечатанныхъ на отдѣльныхъ листкахъ съ припиской: „Тѣ вопросы, на которые нельзя дать правдивыхъ точныхъ отвѣтовъ, должны быть оставляемы безъ отвѣта. Обозначенія имени не требуется". — Вопросы эти таковы:

1. Какимъ предмэтомъ вы больше всего интересовались въ прошломъ семестрѣ—и почему?

2. Пониманіе какого предмета было для васъ затруднительно— и почему?

3. Какому предмету вы должны были посвящать больше всего времени?

4. Что больше васъ утомляло—классныя или домашнія учебныя занятія? почему?

5. Какой предметъ требуетъ отъ васъ менѣе всего подготовки дома?

6. Повторяли ли вы бывшій въ школѣ урокъ въ тотъ же день, и если нѣтъ, то почему?

7. Возможно ли вамъ ежедневно подготовляться по всѣмъ предметамъ дня, и если нѣтъ,—то почему?

8. Находили ли вы время подготовляться хотя бы только къ тѣмъ предметамъ ближайшаго дня, по которымъ вы ждали, что васъ спросятъ?

9. Были ли вы послѣ школьныхъ письменныхъ работъ такъ утомлены, что въ послѣдующіе часы съ большимъ трудомъ могли слѣдить за преподаваніемъ, или не дѣлаетъ ли васъ волненіе передъ школьной работой менѣе способнымъ къ послѣднему?

10. Чѣмъ вы занимаетесь въ свободные часы? (чтеніе? музыка? игра? и пр.).

11. Что иногда мѣшаетъ вамъ предаваться этимъ занятіямъ?

12. Чувствуете ли вы себя тотчасъ послѣ тѣлесныхъ упражненій освѣженнымъ, или утомленнымъ?

13. Принимаете ли вы участіе въ подвижныхъ играхъ? съ охотой или нѣтъ? почему?

14. Сколько разъ въ недѣлю дѣлаете вы прогулки? Въ теченіе какого времени? Что иногда мѣшаетъ вамъ въ этомъ?

15. Дѣлали ли вы замѣтки относительно посѣщенія вами школы и вашихъ школьныхъ занятій?

Patzak приводитъ въ своей книгѣ нѣкоторыя данныя только по

особенно интересовавшимъ его (въ торг. академіи) 6 и 7 вопросамъ. На 6 вопросъ громадное большинство отвѣтившихъ (многіе не отвѣтили) дали отрицательный отвѣтъ, преимущественно ссылаясь на недостатокъ времени. Одинъ говоритъ, что и безъ того на домашнюю подготовку идетъ 6—7 часовъ времени, другой,—что и безъ того много работы, третій—что тогда пришлось бы просиживать ночи и т. п.—На 7 вопросъ изъ 361 учен. отвѣтили утвердительно только 38, отрицательно 191, а остальные совсѣмъ не отвѣтили.

Очевидно, ученіе идетъ форсированнымъ маршемъ, безъ оглядки, хотя и тратится на него очень много времени. Patzak приводитъ для доказательства послѣдняго отвѣты нѣсколькихъ гимназистовъ въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ на 14 вопросъ. Всѣ эти отвѣты сводятся къ тому, что для прогулокъ нѣтъ или очень мало времени и то только въ воскресные дни и рѣдко въ учебные.

Patzak приводитъ нѣкоторыя записи отдѣльныхъ учениковъ цѣликомъ за всю недѣлю изо дня въ день. Такъ, ученикъ 1 кл. торг. академіи подробно излагаетъ распредѣленіе своего времени по часамъ и между прочимъ пишетъ: Понед.: „$^1/_4$10—$^1/_2$10 читалъ, потомъ раздѣлся, напился чаю и нѣсколько утомленный, съ сильной головной болью легъ въ постель". Вторн.: „5 ч. утра всталъ съ сильной головной болью. $^1/_4$6—$^3/_4$6 повторилъ англійскій.. 10—11 англійскій. Писалъ, но отъ сильной головной боли не знаю, что написалъ.. 9—$^1/_4$10 веч. началъ читать, головная боль усилилась, бросилъ книгу и въ $^3/_4$10 легъ въ постель очень слабый и утомленный". Среда прошла въ общемъ благополучно. Четвергъ: наканунѣ до 1 ч. ночи переписывалъ алгебраическую тетрадь, „всталъ въ 6 час. невыспавшійся и нездоровый. Принимался за физику, за алгебру, ничего не выходило: лучше было бы проспать этотъ часъ., 2—3 географія. Я такъ чувствовалъ себя нездоровымъ, что съ позволенія ушелъ изъ школы" Пятница—благополучно. То же и суббота.

Другой ученикъ (3 кл.) въ понед. пишетъ, что онъ былъ очень слабъ, во вторникъ—очень утомился и слабъ, въ четвергъ—очень утомленъ, въ пятницу—страшно усталый не могъ всю ночь заснуть.. „Нѣтъ возможности повторять, разъ постоянно идутъ впередъ и нужно подготовлять новое", говоритъ онъ по поводу заключительныхъ испытаній, которымъ онъ, послѣ безсонной ночи, подвергался въ субботу.

Ученикъ реальнаго училища — головная боль въ пятницу вечеромъ и въ субботу до полудня.

Ученикъ гимназіи съ понедѣльника на вторникъ спалъ плохо и всталъ съ мучительной головной болью, оставшейся не только во вторникъ и продолжавшейся и на среду. Въ пятницу опять головная

боль (просьба обратить вниманіе на то, что раньше было сказано о головныхъ боляхъ).

Въ книгѣ Patzak'а имѣются, между прочимъ, интересныя данныя по наболѣвшему, видимо, въ Германіи и Австріи вопросу о „времени ученія" (см. XIII). Это именно отзывы самихъ учениковъ по данному вопросу и притомъ учениковъ высшаго класса, слѣд., „наиболѣе зрѣлыхъ и опытныхъ". Одинъ изъ нихъ пишетъ: „Двукратное ученіе препятствуетъ почти каждому частному занятію; въ жаркіе дни послѣобѣденное ученіе не имѣетъ для меня никакой цѣны, такъ какъ хожденіемъ изъ школы въ школу такъ утомляюсь, что не могу слѣдить за тѣмъ, чему меня учатъ". Другой говоритъ прямо, что „однократное посѣщеніе школы не вызывало бы такого тѣлеснаго и умственнаго перенапряженія и потому съ бо́льшей охотой можно бы ходить въ школу". Третій выражается такъ: „Если бы было свободнымъ послѣполуденное время, то не надо было бы работать до поздней ночи; всѣ ученики въ школѣ были бы бодрѣе и веселѣе, и всегда было бы время для отдыха". Четвертый говоритъ, что ученіе отъ 8 до 12 и отъ 2 до 5, слѣд., цѣлыхъ 7 часовъ въ день такъ ослабляетъ, что въ послѣдніе часы за нимъ нельзя слѣдить, а домой приходится возвращаться страшно утомленнымъ".. Другіе ученики выразили приблизительно тоже неблагопріятное мнѣніе о нѣмецкомъ раздѣльномъ ученіи.

Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ легко видѣть, что книга Patzak'а написана съ цѣлью показать и убѣдить, что современная (спеціально нѣмецкая и всякая подобная ей) школа неминуемо ведетъ къ тѣлесному и умственному переутомленію и потому, конечно, требуетъ реформы. Это, впрочемъ, общее по всей Германіи и Австріи убѣжденіе, выражающееся иногда очень горькими словами. Такъ по Patzak'у д-ръ L. Gurlitt писалъ: „Котята родятся слѣпыми и научаются черезъ 14 дней смотрѣть; наши дѣти зрячими приходятъ въ школу и оставляютъ ее послѣ 14 лѣтъ слѣпыми, но съ очками на носу". Другой, именно д-ръ W. Bölsche замѣтилъ: „Отъ лучшихъ и благороднѣйшихъ людей въ позднѣйшую пору жизни приходится слышать вѣчную жалобу: не принесла школа намъ пользы и, кромѣ того, такъ измучила, что мы теперь при одномъ воспоминаніи о ней проклинаемъ ее, какъ безсильные рабы".

Говоря раньше о головныхъ боляхъ у учащихся и имѣя въ виду главнымъ образомъ боль въ головѣ по утрамъ, авторъ даннаго отчета высказывается за 7-8 часовую продолжительность сна для учащихся вообще. Patzak, ссылаясь на врачей и спеціально на Axel Key'я, находитъ такую продолжительность недостаточной и стоитъ за $8^1/_2$—9 ч. сна. На стр. 58 своей книги онъ указываетъ,

какъ на единственное исключеніе изъ недостаточно, по его мнѣнію, спящихъ (7-8 ч.) учениковъ, на гимназиста $16^3/_4$ лѣтъ, который, будучи прилежнымъ и очень способнымъ ученикомъ, спалъ (т. е., вѣрнѣе, лежалъ въ постели) среднимъ числомъ 9 ч. 10 мин. въ день. Но въ своей записи ученикъ этотъ жалуется, что по утрамъ онъ все-таки всегда чувствуетъ себя болѣе усталымъ, чѣмъ вечеромъ. Patzak видитъ въ этомъ послѣднемъ явленіи выраженіе болѣзненнаго состоянія и даже рекомендуетъ, въ интересахъ дальнѣйшей судьбы такихъ лицъ, обращать на ихъ состояніе особенно большое вниманіе. По мнѣнію же автора, мы здѣсь имѣемъ передъ собой случай ясно выраженныхъ послѣдствій пересыпанія. Если бы указанный гимназистъ сократилъ свой сонъ (или вообще лежаніе въ постели) до 8, даже до 7 час., то очень вѣроятно, что утромъ онъ вставалъ бы съ болѣе свѣжей головой. И вообще—не столько имѣетъ значеніе продолжительность, сколько качество сна, его спокойствіе и глубина, которыя, какъ извѣстно, сильно нарушаются условіями нашей городской жизни, мѣшающими и сну, и сосредоточенію мысли и самому воспитательному вліянію школы, которая успѣшно бороться въ этомъ отношеніи съ жизнью ни въ какомъ случаѣ не можетъ и потому часто подвергается совершенно незаслуженнымъ нареканіямъ.

XXVIII.

Вредное въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи вліяніе современной городской жизни на подростающія поколѣнія стало теперь, можно сказать, общимъ мѣстомъ. Да и большинство взрослыхъ чувствуютъ себя въ ея средѣ настолько не хорошо, что при всякой возможности стремятся на просторное лоно природы. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше пустѣютъ города по праздникамъ и вообще въ свободное отъ занятій время, а менѣе связанные послѣдними люди покидаютъ его вообще въ хорошую погоду и въ теплое время года. Прогулки, путешествія, дачи, горы, берега морей, большихъ озеръ и рѣкъ—вотъ предметы, которые въ извѣстныхъ кругахъ составляютъ обычныя темы для разговоровъ и предпріятій..

Что такое дѣтскія санаторіи и школьныя лѣтнія колоніи, какъ не выраженіе стремленія вырваться и вырвать другихъ хоть на время изъ испорченной во всѣхъ отношеніяхъ городской жизни съ ея суетой, тѣснотой, шумомъ, грязью, пылью, духотой? По отношенію къ большимъ школамъ и др. подобнымъ учрежденіямъ гигіенисты давно уже начали заявлять требованія ставить ихъ, по возможности, если не внѣ городовъ, то на большихъ открытыхъ мѣстахъ, доступныхъ солнцу и вѣтру и вдали отъ бойкой и шумной

уличной жизни. Труднѣе всего удовлетворить этому требованію школамъ, въ виду ихъ многочисленности, необходимости возможно меньше обременять и учащихся и ихъ семейства.. Но гдѣ только возможно, къ такому удовлетворенію стремятся всѣ здравомыслящіе люди, особенно, когда образованіе необходимо ставить въ возможно болѣе тѣсную связь съ воспитаніемъ, съ хорошимъ питаніемъ съ возстановленіемъ и развитіемъ силъ, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ дѣтямъ слабымъ въ тѣлесномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи. Для „малолѣтнихъ преступниковъ“ сравнительно давно уже выработался извѣстный типъ земледѣльческихъ колоній. Подобныя же колоніи начинаютъ рекомендовать и вообще для отсталыхъ въ какомъ бы то ни было отношеніи дѣтей. На конгрессѣ въ Нюрнбергѣ горячей поборницей такихъ колоній сельскохозяйственно-ремесленнаго типа явилась Lydia v. Wolfring, преслѣдующая одновременно двѣ цѣли—воспитательную и образовательную въ смыслѣ обученія какому-либо практическому дѣлу-ремеслу, имѣющая въ виду преимущественно бѣдные классы населенія и проводящая принципъ воспитанія небольшими группами, образующими „семьи“.

И дѣтскія санаторіи теперь начинаютъ превращать въ постоянныя воспитательно-образовательныя учрежденія. На выставкѣ въ Нюрнбергѣ фигурировало образцовое, повидимому, въ этомъ отношеніи заведеніе Trüpera „Erziehungsheim Sophienhöhe“ близъ гор. Іены. Въ брошюрѣ, посвященной Нюрнбергскому конгрессу, подъ заглавіемъ „Die hygienischen Einrichtungen von Trüpers Erziehungsheim und Kindersanatorium auf der Sophienhöhe bei Iena по поводу мѣстоположенія заведенія говорится. „Положеніе столько же важно для здоровья души, какъ и для здоровья тѣла. Что окрестность заведенія по чисто физическимъ причинамъ должна дѣйствовать укрѣпляющимъ образомъ на нервы, это разумѣется само собой... Для нервозныхъ дѣтей не все равно, видѣть ли изъ окна или при выходѣ на прогулку, для игры холодныя стѣны и пустынныя улицы или же живописный ландшафтъ со свѣжей зеленью, слышать ли уличный шумъ, дребезжаніе колесъ, или же прерываемую только пѣніемъ птицъ и порывами вѣтра тишину природы... Для здоровья души не все равно, ходить ли въ свободное отъ школьныхъ занятій время по шумнымъ улицамъ, играть или заниматься внутри дома или же гулять и играть на горной вершинѣ, въ удобно расположенномъ паркѣ, къ поддержанію котораго и самъ прилагаешь свои силы и умѣнье“.

Въ заведеніи Trüper'а (какъ и въ заведеніяхъ подобнаго рода д-ра Lietz'а на Боденскомъ озерѣ) много гуляютъ, играютъ, рабо-

таютъ въ саду, дѣлаютъ образовательныя поѣздки; при немъ имѣются разныя ванны, бассейнъ для плаванія, приспособленія для различныхъ тѣлесныхъ упражненій, паровая прачешная, собственная электрическая станція. Особенное вниманіе обращено на питаніе; при полномъ исключеніи спиртныхъ напитковъ, практикуется разнаго рода діэтетическое лѣченіе. Перемежаемость работы и отдыха разработана до мелочей. Младшіе питомцы послѣ $^1/_2$ часоваго ученія имѣютъ $^1/_2$ часа отдыха, а старшіе послѣ $^3/_4$ ч. занятій $^1/_4$ ч. перерыва.

Въ заведеніе принимаются дѣти обоего пола 8-10 лѣтъ Въ немъ 6 классовъ, не считая спеціальнаго садовническаго класса. Первый (VI) классъ представляетъ собою собственно дѣтскій садъ, гдѣ читаютъ дѣтямъ разсказы, стихи, гдѣ учатъ пѣть, рисовать, строить, писать отдѣльныя буквы, гдѣ ведутся подвижныя игры; во второмъ (V) кл. начинаютъ знакомить съ природой, со счетомъ, съ нѣмецкимъ языкомъ, съ размышленіемъ, въ третьемъ (IV) съ родной исторіей, съ чтеніемъ, въ четвертомъ (III) прибавляется мѣстная географія, рисованіе, тѣлесныя упражненія —въ пятомъ (II) читаются разсказы изъ священной и отечественной исторіи, знакомятъ съ естествовѣдeніемъ, въ шестомъ (I) выступаютъ на сцену землевѣдѣніе, математика и физика, на ряду съ дальнѣйшимъ ходомъ всѣхъ другихъ предметовъ и занятій.. Планъ обученія все еще только вырабатывается согласно указаніямъ опыта, причемъ самымъ строгимъ образомъ принимаются во вниманіе личныя особенности каждаго питомца.

При описаніи приложена таблица измѣненій роста и вѣса питомцевъ за 1902—1904 г. г., указывающая на постепенное, соотвѣтствующее возрасту увеличеніе.

Норвежское правительство директору одного школьнаго пріюта (близь Drontheim'a) I. Hagen'у давало порученіе осмотрѣть подобные пріюты въ другихъ мѣстахъ. Въ представленномъ Hagen'омъ отчетѣ онъ указываетъ, что Trüper'овское заведеніе, несмотря на незаконченность ею внутренней организація, возбудило въ немъ особенно большой интересъ, особенно съ точки зрѣнія изученія личныхъ психическихъ особенностей, и до сихъ поръ еще крайне мало обращающихъ на себя вниманіе, несмотря на громадную безспорную важность ихъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія.

Очень интересны „заключительныя замѣчанія" Hagen'a относящіяся къ тѣмъ „высококультурнымъ странамъ", которыя свысока третируютъ „варварскую, невѣжественную Россію".—„Замѣчательно, говоритъ онъ, что та область школы, которая занимается ненормальными дѣтьми, независимо отъ работъ о глухонѣмыхъ и слѣпыхъ,

посвящаетъ свои старанія преимущественно слабоумнымъ и идіотамъ, очень рѣдко занимаясь психопатическими „мелочами" внѣ этихъ категорій. Правда, что школы теперь все болѣе и болѣе снабжаются школьными врачами, и что въ нѣкоторыхъ городахъ есть особые классы для „ненормальныхъ", но въ дѣйствительности эта область еще очень мало извѣстна и твердо стоитъ тотъ фактъ, что школа недостаточно точно знаетъ своихъ питомцевъ. Въ дѣтскомъ мірѣ довольно сильно распространены такія психическія состоянія, врожденныя или пріобрѣтенныя, которыя, если не могутъ быть признаны слабоуміемъ, то являются причиной большихъ или меньшихъ умственныхъ или нравственныхъ недостатковъ. . Если дитя слабо, то обращаются къ врачу и слѣдуютъ его совѣтамъ, но на психическое состояніе рѣдко обращаютъ вниманіе. Недостатки могутъ рости, но ни родители, ни еще менѣе школы не видятъ въ томъ ничего болѣзненнаго въ строгомъ смыслѣ.. Хуже всего стоитъ дѣло въ широкихъ кругахъ населенія. Въ переполненныхъ классахъ народныхъ школъ учитель стоитъ далеко отъ каждаго въ отдѣльности. Неуспѣшные подвергаются дополнительному обученію но главная цѣль этого въ дѣйствительности—освободить нормальные классы отъ задерживающихъ ходъ ученія лицъ, что, конечно, нисколько не поможетъ этимъ несчастнымъ. Если ничто не поможетъ, то ихъ удалятъ въ „принудительныя школы" (есть такія Zwangsschulen), въ воспитательные пріюты или передаютъ на попеченіе въ деревни. Я не утверждаю, что каждый недостатокъ есть нѣчто болѣзненное, за что дитя неотвѣтственно. Лѣность, нечестность упрямство и пр. не представляютъ безусловнаго признака душевной аномаліи. Но когда эти свойства проявляются постоянно, тогда воспитатель долженъ во всякомъ случаѣ открыть глаза и обнаружить психологическое пониманіе, чтобы принять соотвѣтсвенныя мѣры. Здѣсь часто мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ широко распространеннаго зла".

Въ числѣ причинъ этого зла Hagen на первомъ планѣ ставитъ наслѣдственность, затѣмъ перенесенныя дѣтьми тяжелыя болѣзни, разныя случайности -удары, паденія, перенапряженіе, употребленіе спиртныхъ напитковъ. Психическія причины имѣются и въ порядкахъ школы, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ обиходѣ родительскаго дома и особенно въ условіяхъ общественной жизни. „Что касается школы, то, несмотря на ея дворцы и богатую обстановку, она и до сихъ слишкомъ часто подтверждаетъ старую истину, что „буква мертвитъ". Обремененное массой знаній, набитое безъ толку понятіями и терминами дитя остается несвѣдущимъ относительно дѣйствительности и безъ органически связаннаго круга

мыслей... Не менѣе педантства и въ различныхъ частяхъ обученія. Я назову только Sloid (это говоритъ скандинавъ, что указываетъ на возможность извращенія каждаго хорошаго дѣла) и обученіе языкамъ. Постоянно мѣняющіеся учебники и методы, неустойчивыя правила съ такими же исключеніями, не могутъ противодѣйствовать разсѣянности и запутанности. Жалуются, что питомецъ не успѣваетъ, разсѣянъ, между тѣмъ какъ лѣность, вялость могутъ быть слѣдствіемъ того, что ему вмѣсто хлѣба даютъ камни".

„Къ этому присоединяется еще переполненіе классовъ *). Болѣе слабые изъ 40 (общепринятая высшая норма, практикуемая, очевидно, въ Норвегіи) учениковъ находятся въ большой опасности остаться умственными уродами. Вѣрно то, что сознательно, или нѣтъ, но учитель имѣетъ въ виду въ своемъ преподаваніи преимущественно нормально способныхъ учениковъ, причемъ онъ не обращаетъ никакого вниманія на душевное настроеніе (Gemüt) дѣтей, хотя оно имѣетъ большое значеніе для жизни ума и воли. Ничто такъ не понижаетъ мужества и не угнетаетъ воли, какъ постоянное чувство приниженности, недостиженія поставленной цѣли... Потомъ выступаютъ упреки, наказанія, насмѣшки — все, что можетъ способствовать уничтоженію"... Виновата школа, но болѣе всего вины на семьѣ и обществѣ.

Прежде всего Hagen рисуетъ печальную картину жизни низшихъ классовъ населенія, гдѣ, при страшной тѣснотѣ,—„дурной воздухъ, дурное питаніе, нечистоплотность, безпорядокъ и сумятица. Чего другого можно ожидать при этомъ, кромѣ плохой тѣлесной конституціи, плохихъ мускуловъ, плохихъ нервовъ и плохого мозга!.. Къ этому присоединяется еще легкомысленная умственная атмосфера во многихъ семьяхъ... Что теперь дѣти говорятъ и что читаютъ? Скандальезныя исторіи, двусмысленныя пѣсни, возбуждающія классовую ненависть писанія агитаторовъ—цѣлый потокъ яду! Хотятъ того, что „раздражаетъ"!..

„Въ причинной связи съ психопатическими состояніями находятся и нравственные недостатки, создающіе всю этическую физіономію соціальной жизни. Иллюстрацію состоянія представляютъ пресса и литература. Спокойное обсужденіе теперь не въ курсѣ. На первомъ планѣ личные и партійные интересы... Литература и сцена

---

*) По даннымъ, приведеннымъ въ „Das Schulzimmer", № 1, 1904, изъ 73 большихъ германскихъ городовъ число учениковъ въ народныхъ школахъ колеблется отъ 40 до 50 въ 28, отъ 51 до 60—въ 34 и отъ 61 до 67 въ 11. Но въ примѣчаніи Trüper'а къ „замѣчаніямъ" Hagen'а значится, что въ Германіи есть классы съ 80—140 учениками!

должны давать что-нибудь наиболѣе пикантное и раздражающее нервы. По окончаніи рабочаго дня идутъ „освѣжаться“ въ трактиры, шинки, кафешантаны и т. п. Это жизнь черезъ силу... Да, я осмѣлюсь сказать, что общество наше несетъ сильный отпечатокъ психопатическихъ свойствъ“.

„Говорятъ, что родители потеряли авторитетъ надъ дѣтьми, а въ дѣйствительности они никогда его не имѣли. Говорятъ, что ученикъ удаленъ изъ школы вслѣдствіе лѣни, пропусканія уроковъ и т. п., а въ дѣйствительности или потому, что вліяніе семьи противодѣйствовало вліянію школы или потому, что дитя, по слабости, не могло успѣвать... Врачъ и педагогъ должны идти здѣсь рука объ руку, чтобы дать дѣлу надлежащую постановку... Какъ тѣлесная, такъ и душевная гигіена въ каждомъ опредѣленномъ случаѣ должны имѣть соотвѣтствующую ему цѣль какъ въ дѣлѣ выработки характера, такъ и въ укрѣпленіи воли и чувства... Самое главное—это прямое, искреннее обращеніе между воспитателемъ и воспитанникомъ при совмѣстномъ сожительствѣ. Необходимо: 1) чтобы воспитатель имѣлъ основательное педагогическое образованіе и нравственно-религіозную устойчивость характера, 2) чтобы дѣти были разбиты на группы, концентрирующіяся вокругъ зрѣлой и искустной силы, 3) чтобы воспитательныя учрежденія основаны были на физіологическихъ и психологическихъ принципахъ въ интересахъ правильной индивидуализаціи и 4) чтобы дѣти не были выпускаемы изъ заведенія для пробы слишкомъ рано, прежде чѣмъ будетъ достигнутъ „идеалъ“ тѣлесно и душевно здороваго человѣка“.

Авторъ проситъ у читателей извиненія за сдѣланную длинную выписку. Онъ позволилъ себѣ привести ее потому, что и „тамъ“ не многимъ развѣ лучше поставлено школьное воспитаніе и образованіе, чѣмъ у насъ, и что она вообще очень характерна для современнаго культурнаго европейскаго общества.

Ир. Скворцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О минутахъ отдыха между часами школьныхъ занятій

I.

Минуты свободы, которыми пользуются ученики гимназій и реальныхъ училищъ, имѣютъ своей цѣлью доставить отдыхъ утомленнымъ занятіями людямъ. Понятно, что, чѣмъ эти занятія были болѣе продолжительны и трудны, тѣмъ дольше нужно отдыхать. Это—теорія. На практикѣ дѣло стоитъ совершенно иначе, и ученики „отдыхаютъ" далеко не въ той степени, какъ „устаютъ". Тутъ есть причины двоякаго рода: устраненіе однѣхъ совершенно не въ нашихъ рукахъ; за то надъ другими мы, лица педагогическаго персонала, полные хозяева. Къ числу первыхъ придется отнести то, что, по уставу гимназій, на „перемѣны" отведено вообще непропорціонально мало времени: тутъ приходится опускать руки. Къ числу вторыхъ я отношу крайне неудовлетворительную постановку отдыха. Исправить этотъ недостатокъ мы можемъ вполнѣ и тѣмъ болѣе должны заняться этимъ, чѣмъ безсильнѣе чувствуемъ себя противъ перваго. Для того, чтобы это могло быть сдѣлано, какъ слѣдуетъ, надо сначала посмотрѣть, что происходитъ въ „перемѣну" сейчасъ.

Едва пробьетъ звонокъ, какъ мальчуганы изъ распахиваемыхъ отовсюду дверей высыпаютъ въ корридоръ и залу, наполняя ихъ хотя и сдержаннымъ, но для посторонняго уха невыносимымъ шумомъ и гамомъ. Они и бѣгаютъ, и кричатъ, и скачутъ, и хохочутъ, и возятся, и дерутся, и щиплютъ другъ друга, и пытаются „масло жать", и подставляютъ другъ другу „ножку", или бросаются горохомъ или деревянными пульками изъ стеклянныхъ трубочекъ, силой вдуваемаго въ нихъ воздуха, при чемъ эти „пульки", попадая въ лицо или глазъ, могутъ причинить очень острую боль, и пускаютъ бумажныя стрѣлы, иногда такъ искусно сработанныя, что полетомъ ихъ нельзя не залюбоваться, и кидаются мѣловой подушкой, а нерѣдко и кусочками мѣла, и чертятъ тѣмъ-же мѣломъ на одеждѣ товарищей разныя фигуры, и брызжутся водой, и обсыпаютъ другъ друга мелко нарванной бумагой и т. д., и т. д., и т. д.

Голова кружится у надзирателей, у инспектора. Ни на секунду не закрывая рта, повертываясь во всѣ стороны, измученные уже въ самомъ началѣ большой, напр., перемѣны, они, не переставая, повторяютъ слова укора, замѣчанія, запрещенія, назначаютъ наказанія отъ самаго незначительнаго (хотя, скажемъ въ скобкахъ, для нѣкоторыхъ самаго чувствительнаго—постоять на одномъ мѣстѣ) до болѣе или менѣе продолжительнаго ареста, и все это почти безъ результата. Да и какой можетъ быть результатъ, когда на 300 человѣкъ—2, 3, много 4 наблюдателя; когда наблюдатели эти вслѣдствіе того, что объекты наблюденія вертятся во всѣ стороны, какъ „бѣсы" въ стихотвореніи Пушкина, могутъ видѣть кругомъ себя никакъ не дальше, чѣмъ на 2—3 или 4 сажени и поневолѣ должны мириться съ мыслью, что дальше идетъ столпотвореніе. Въ концѣ концовъ все наблюденіе сводится къ тому, что они сосредоточиваютъ свое вниманіе лишь на самыхъ важныхъ пунктахъ, которые научаются опредѣлять какимъ-то чутьемъ, и смотрятъ очень равнодушно на все, что творится въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ движеніе какъ то замедлилось у третьяго окошка: ну, конечно, это Харитоновъ строитъ опять рожи на потѣху товарищей... Харитоновъ получаетъ приказаніе перестать и, повидимому, перестаетъ. Вонъ за выступомъ, образуемымъ печкою, происходитъ возня: это два „самые сильные" третьеклассника стараются смять другъ друга. Увидавъ васъ, они разбѣгаются въ разныя стороны. Вотъ, наконецъ, шагахъ въ тридцати раздается сдержанный взрывъ смѣха. Дѣлаемъ по направленію къ нему 2—3 шага, и онъ замѣтно таетъ въ воздухѣ, а толпа спѣшно расходится. Слѣдите же теперь, куда повертываются головы окружающихъ васъ мальчиковъ, которая изъ маленькихъ фигурокъ по косому направленію быстро удаляется отъ васъ, все время обращенная къ вамъ спиной, и окликните ее. Кончено. На лицахъ учениковъ является выраженіе особаго интереса, по которому вы навѣрное знаете, что главный зачинщикъ у васъ въ рукахъ; ибо, если вы не угадали и зовете другого, толпа сразу рѣдѣетъ, и вы остаетесь самъ другъ съ человѣкомъ, котораго въ концѣ концовъ приходится отпустить съ миромъ. Но вотъ вы не ошиблись, и ученики сразу придвинулись къ вамъ. Глядите теперь въ лицо, наблюдайте за тѣмъ, что станутъ дѣлать руки заподозрѣннаго, и вы скоро окажетесь у цѣли. Изъ разспросовъ окружающихъ вы увидите, что мальчикъ, дѣйствительно, пользуясь яснымъ лучомъ весенняго солнышка, зажигалъ принесеннымъ изъ дома увеличительнымъ стекломъ промокательную бумагу, при чемъ дѣло шло настолько успѣшно, что въ арестованной у него бумажкѣ находится 2—3 дыры съ явными слѣдами огня. Интересъ, возбужденный стекломъ, не

пропалъ даромъ, ибо мальчуганы уже знаютъ и, если вы будете слушать, охотно разскажутъ вамъ, что такой то сортъ бумаги горитъ хорошо, такой то хуже, что бумажная ткань нѣкоторое время тлѣетъ, а отъ шерстяной только дымъ идетъ, но никогда не бываетъ искры и т. д. Очевидно, наблюденіе не прошло безслѣдно передъ глазами маленькихъ физиковъ, при чемъ очевидно также, что оно имъ чрезвычайно понравилось.

Вамъ предстоитъ невеселая обязанность отобрать стекло на время до конца сегодняшнихъ занятій, сдѣлать напоминаніе автору опыта, что, по уставу, постороннихъ вещей въ гимназію приносить нельзя*), сказать, что стекло будетъ возвращено ему только для того, чтобы онъ отнесъ его домой; пригрозить, пожалуй, что эта „шалость" только на первый разъ оставляется безъ послѣдствій, да и аудиторіи сказать нѣсколько подходящихъ къ случаю словъ.

Внеся, такимъ образомъ, однообразіе и будничность въ оживившуюся и на мгновеніе празднично настроенную толпу, разогнавъ тѣсно сплотившуюся группу, лишивъ мальчиковъ интереснаго и, право, болѣе содержательнаго, чѣмъ безсмысленное слоняніе по коридору, занятія, вы можете продолжать свой путь, опять высматривая наиболѣе интересные пункты, снова вмѣшиваясь въ мало мальски индивицуализирующіяся группы и опять путемъ наставленій, замѣчаній, угрозъ и наказаній разстраивая жизнь, нивеллируя ея выше обыкновеннаго поднимающіяся волны, подводя все подъ одинъ шаблонъ.

II.

Выше мы въ самыхъ общихъ чертахъ набросали картину того, какъ ученики проводятъ свой краткій отдыхъ въ перемѣну. Мы видѣли цѣлый рядъ поступковъ, часто нежелательныхъ, въ большинствѣ случаевъ безразличныхъ, въ меньшинствѣ даже симпатичныхъ; и мы должны сказать, что все это по большей части непремѣнно отмѣчается надзирающими за порядкомъ лицами и въ болѣе или менѣе сильной степени преслѣдуется. А между тѣмъ, говоря откровенно, точно ли все, что отличается хотя бы малою долей необычности, заслуживаетъ осужденія и гоненія? Наряду съ грубыми, неприличными и вредными поступками мы боремся противъ такихъ, которые ничего, кромѣ сочувствія, вызвать не могутъ, и запрещеніе

*) § 28. Ученики не должны приносить съ собой въ учебное заведеніе никакихъ постороннихъ ученію книгъ или изданій и вообще ничего такого, что можетъ служить къ разсѣянію вниманія или къ смущенію, какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ товарищей.

которыхъ вредитъ и воспитателю, и ученику. Что, напримѣръ, сказать о запрещеніи „приносить въ классъ постороннія вещи“, запрещеніи, которое основано на прямомъ требованіи устава, котораго никто, причастный школѣ, не можетъ, поэтому, игнорировать, и которое очень часто идетъ въ разрѣзъ съ требованіями сердца? Когда, какъ въ только что разсказанномъ случаѣ съ увеличительнымъ стекломъ, предстоитъ или нарушить уставъ, или лишить мальчиковъ крайне занимательной и даже полезной забавы, у болѣе мягкаго душой надзирателя является искушеніе притвориться, что онъ ничего не видитъ. Это единственный способъ оставить учениковъ продолжать свое занятіе, ибо, какъ только „нарушеніе устава“ замѣчено, оно должно быть прекращено. И вотъ создается положеніе, при которомъ старшіе не приглядываются щепетильно къ тому, что въ настоящую минуту скрывается въ карманѣ у младшихъ, и эти, въ свою очередь, не показываютъ открыто того, что у нихъ есть, что ихъ интересуетъ, чѣмъ они живутъ, и обыкновенно при приближеніи „начальства“ прячутъ свои сокровища подальше. Въ этой взаимной осторожности и надо видѣть причину того отчужденія, которое, за самыми рѣдкими исключеніями, всегда лежитъ между учителемъ (надзирателемъ) и ученикомъ, и которое такъ мѣшаетъ имъ быть своими. Скрывая отъ меня свою драгоцѣнность, не скрываетъ ли онъ часть своей души, свою довѣрчивость, свою симпатію? Вѣдь когда съ застѣнчивымъ восторгомъ, сіяющимъ въ его улыбкѣ, онъ покажетъ мнѣ старое отцовское пэнснэ, перламутровую ручку отъ трости или другую какую нибудь интересующую его штуку, а я пойму его счастье и раздѣлю его радость, мы оба на мигъ станемъ такъ близки и понятны другъ другу! И въ эту минуту между нами явится связь, которая никогда уже не позволитъ мнѣ отнестись къ нему, какъ къ чужому, а ему ко мнѣ, какъ къ постороннему. Между тѣмъ, интересно знать, какія чувства возникнутъ въ душѣ ребенка, который съ наивной прелестью даетъ вамъ въ руки изломанный заграничный штопоръ и ждетъ вашего удивленія и сочувствія, когда вмѣсто всего этого онъ услышитъ отъ васъ, что „этого въ классѣ носить нельзя“? Кто бы вы ни были, какъ бы ни относились вы къ своему дѣлу, вы въ концѣ концовъ прямо или косвенно, сейчасъ или потомъ непремѣнно дадите мальчику понять, что этого нельзя, и тогда, какъ вы полагаете, покажетъ онъ вамъ что нибудь такое же въ слѣдующій разъ?

Въ томъ то и дѣло, что между вами и нимъ съ этого времени явится нѣкоторая натянутость, за которую такъ упрекаютъ представителей школы.

Но оставивъ въ сторонѣ то, отмѣна чего не въ нашей власти,

мы должны признать, что часто, по привычкѣ къ заведенному порядку, мы запрещаемъ то, что рѣшительно никому не мѣшаетъ, и что, напротивъ, даже полезно, хотя бы потому, что продѣлывается съ увлеченіемъ. Безъ сомнѣнія даже изъ описанныхъ выше поступковъ есть такіе, которые никакъ нельзя терпѣть, ибо они нарушаютъ интересы воспитанниковъ и ихъ товарищей, или вредятъ здоровью тѣхъ и другихъ. Таково, напр., бросаніе мѣломъ или деревянными пульками, при чемъ, при извѣстной силѣ удара, могутъ получиться болѣе или менѣе серьезныя пораненія; таково подставленіе товарищу ноги или толканье большимъ ученикомъ съ лѣстницы болѣе слабаго такъ, безъ всякой вражды, просто отъ избытка силъ, или драка и т. п, но такіе экстренные случаи—всѣ наперечетъ. Они есть ненормальное, извращенное проявленіе молодой энергіи, ясно указывающее на то, что здоровое разряженіе ея стѣснено, и нѣтъ сомнѣнія, они исчезнутъ или значительно ослабнутъ, если этой энергіи дать свободный выходъ.

Дѣйствительно, приглядываясь къ тому, какія изъ предписаній начальства чаще всего нарушаются учениками, вы скоро замѣтите, что всѣ они представляютъ изъ себя рядъ дѣйствій, которыя должны въ возможно короткій промежутокъ времени возстановить нарушенное сидячей работой равновѣсіе въ молодомъ организмѣ.

Далѣе, такъ какъ проступки эти, мало сказать, часты, а безпрерывны, и въ общемъ не поддаются никакимъ мѣрамъ, направленнымъ противъ нихъ, то приходится признать, что они не прихоть недисциплинированной натуры, а потребность, столь же насущная для юноши и ребенка, какъ воздухъ, пища и свѣтъ.

И въ самомъ дѣлѣ, сидитъ маленькій человѣкъ цѣлый часъ, да еще какъ сидитъ: прямо, на вытяжку, да голова все время напряженно работаетъ, и черезъ часъ дается ему 5—10 минутная перемѣна. Что можно сдѣлать въ 5—10 минутъ? Убрать книги и тетради въ ящикъ, вынуть такія же къ слѣдующему часу, сходить оправиться, куда слѣдуетъ, а остальныя 3—4 минуты надо вести себя такъ, чтобы не кричать, не бѣгать, не возиться! Черезъ часъ опять тоже самое, а тамъ и большая перемѣна, которая пройдетъ такъ же томительно и скучно. Во что обращается послѣ этого человѣкъ, можетъ сказать только тотъ, кто близко видѣлъ учениковъ, или кто по обязанности самъ велъ въ день 5 уроковъ, а въ перемѣны наблюдалъ за учениками. И еще то надо имѣть въ виду, что учителя, напримѣръ, помимо того, что выдержанная неподвижность дается имъ, какъ взрослымъ людямъ, почти безъ труда, вовсе не въ такой степени стѣснены на урокѣ, какъ дѣти. Если я усталъ, никто не помѣшаетъ мнѣ сдѣлать перерывъ въ занятіяхъ; если мнѣ тяжело

сидѣть на одномъ мѣстѣ, я встану и пройдусь по классу; свобода жестовъ при разсказѣ урока, возможность въ любой моментъ говорить или слушать, стоять или сидѣть, возможность активно вести урокъ и отсутствіе необходимости пассивно продѣлывать работу чужого ума, наконецъ, отсутствіе чувства тревоги и ожиданія, которыя испытываютъ почти всѣ ученики, вотъ данныя, ставящія преподавателя въ безконечно болѣе благопріятныя условія относительно меньшей усталости на урокѣ.

И однако сплошь да рядомъ видишь, какъ придетъ такой учитель въ курительную, особенно если она не на виду у учениковъ, и двери закрыты плотно, сомкнетъ пальцы рукъ, наберетъ какъ можно больше воздуха въ грудь, подниметъ руки надъ головой и такъ энергично потянется, такъ громко и продолжительно вздохнетъ что сразу почувствуешь, какъ истомился человѣкъ, и поневолѣ пожалѣешь тѣхъ, кто тамъ за этой самой дверью не можетъ, какъ слѣдуетъ, ни расправиться, ни отдохнуть.

Интересно наблюдать, особенно на маленькихъ, какое впечатлѣніе производитъ этотъ режимъ на нихъ самихъ. „Милая мама“, пишетъ двухнедѣльный гимназистъ: „въ гимназіи ужасно весело, только одно очень плохо: цѣлый часъ нужно смирно сидѣть!“ Я не знаю въ лицо этого мальчика, но я живо могу представить его себѣ, такъ какъ имѣю другой такой экземпляръ. Единственный сынъ родителей, живущихъ далеко въ провинціи, полнымъ, румянымъ и бойкимъ пришелъ къ намъ на экзаменъ. Теперь, по истеченіи полугода, я вижу, какъ яркія краски сходятъ съ его лица: поражавшее здоровьемъ, оно дѣлается блѣдно-зеленоватымъ, и въ прекрасныхъ карихъ глазахъ появляется выраженіе апатіи и усталости. Какъ заплачетъ при встрѣчѣ съ нимъ мать, которая еще не видала его! А другой мальчикъ, совсѣмъ дитя, у котораго и выраженіе лица напоминаетъ 6-7 лѣтняго ребенка, протестуетъ противъ школьнаго режима тѣмъ, что, выйдя изъ гимназіи, шалитъ во всю. Эта шалость временами выражается крайне наивно: переступивъ порогъ заведенія, онъ начинаетъ тихонько подпрыгивать на одномъ мѣстѣ, причемъ все существо его сіяетъ счастьемъ и удовлетвореніемъ. И опять... чуть только взглядъ этого беззаботнаго счастливца, упоеннаго возможностью дышать воздухомъ и видѣть небо и солнце, падаетъ на учителя, все существо его мгновенно измѣняется: лицо дѣлается тупымъ, голова уходитъ въ плечи, руки неуклюже и торопливо стаскиваютъ съ головы фуражку, и только глаза живы: они ждутъ, что вы скажете.

Встрѣчая эту робость, эту вѣчную неувѣренность въ томъ, что не воспослѣдуетъ какого-нибудь замѣчанія со стороны старшихъ,

чувствуешь, что она есть прямое слѣдствіе массы запрещеній, въѣвшихся въ обиходъ нашей школьной жизни, и начинаешь сомнѣваться въ разумности цѣлаго ряда стѣсненій, къ которымъ мы, старшіе, такъ присмотрѣлись. Какъ слѣдствіе этихъ сомнѣній — въ головѣ возникаетъ рядъ вопросовъ.

— Почему, думается мнѣ, нельзя бѣгать въ перемѣну, хотя бы и во всю мочь, если это никого не безпокоитъ?

— Почему нельзя кричать, если кому придетъ такое желаніе, кричать, ничуть не стѣсняясь, во всю силу легкихъ?

— Почему нельзя кидать въ товарища скомканной бумагой вызывая его на отвѣтъ и дѣлаясь иниціаторомъ самой жаркой перепалки, въ которой постепенно приметъ участіе весь классъ и до такой степени увлечется, что руки перестанутъ подниматься отъ усталости?

— Почему нельзя дѣлать бумажныхъ стрѣлокъ и пускать ихъ по классу?

— Почему нельзя, взявшись за руки, идти стѣна на стѣну, устраивая правильное состязаніе въ устойчивости и стараясь сдвинуть другъ друга съ позиціи? Или нельзя тискаться въ тѣсномъ пространствѣ между дверныхъ косяковъ, устраивая столь любимыя въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ „Ѳермопилы“?

— Почему нельзя изобрѣтать изъ находящихся подъ рукой матеріаловъ (на что гимназисты извѣстнаго возраста такіе мастера) издающихъ звуки приспособленій, хотя бы отъ множества ихъ стонъ стоялъ въ воздухѣ, а тѣмъ болѣе почему преслѣдуется стройное хоровое пѣніе простыхъ и знакомыхъ пѣсенъ, до котораго такіе охотники ученики всѣхъ возрастовъ?

Все это при условіи, что поступки одного не нарушаютъ интересовъ другихъ, и что всѣ дѣйствія будутъ совершаться въ мирной, дружелюбной обстановкѣ.

III.

Разные могутъ получиться отвѣты на эти „почему?“

Скажутъ, бѣгать до утомленія, кричать изо всѣхъ силъ, кидаться, хотя бы и бумагой до того, что „руки перестанутъ подыматься“, да это, прежде всего, нездорово. Намъ кажется, что какъ только крикъ, борьба, бѣготня и т. п. не будутъ болѣе запрещаемы, сію же минуту у массы явится болѣе спокойное отношеніе ко всему такому. Всѣ знаютъ, какъ дѣти любятъ лакомства. Но если ребенокъ увѣренъ, что, скажемъ, два десятка яблокъ, лежащихъ на блюдѣ, это его яблоки и что онъ можетъ съѣсть ихъ, когда захочетъ мало того, что и завтра, и послѣ завтра, и потомъ онъ можетъ получать ихъ

въ какомъ угодно количествѣ, онъ не примется съ жадностью уничтожать ихъ до послѣдняго. Если онъ и сдѣлаетъ это въ первый день, то черезъ недѣлю его аппетитъ войдетъ въ норму, и онъ будетъ брать только такое количество, которое ему необходимо. Вѣдь если сейчасъ на одну, на двѣ минуты предоставленные самимъ себѣ школьники способны, кажется, камня на камнѣ не оставить, то это только потому, что они стремятся насладиться свободой полнѣе, ибо отлично чувствуютъ, что черезъ моментъ и слѣда отъ нея не останется. Сдѣлайте такъ, что свобода будетъ ихъ всегдашнимъ правомъ, и окажется, какъ показалъ опытъ, что въ общемъ это удивительно благоразумный народъ.

Скажутъ далѣе, но вѣдь это, наконецъ безобразіе: все, что выходитъ изъ нормы, крайне непріятно; ничѣмъ не сдерживаемая рѣзвость пріучаетъ учениковъ къ рѣзкости и необдуманности въ манерахъ, которыя правильно поставленная школа должна искоренять, а не укрѣплять. По нашему мнѣнію, въ неудержимой рѣзвости школьниковъ до тѣхъ поръ, пока она остается въ границахъ рѣзвости и не переходитъ въ грубость или насиліе, нѣтъ ничего безобразнаго, потому что она признакъ здоровья и силы. Человѣкъ, понимающій это, не только не почувствуетъ вражды, онъ нѣжность почувствуетъ, подобно тому, какъ любящая мать или отецъ съ удовольствіемъ будутъ смотрѣть на то, какъ проголодавшійся ребенокъ ихъ съ жадностью набрасывается на завтракъ. Безъ сомнѣнія, нѣтъ ничего привлекательнаго въ жадности, однако не приходитъ же родителямъ въ голову запрещать торопливость ребенку, который хочетъ ѣсть. Самое большее, что они сдѣлаютъ, это остановятъ крайнія проявленія торопливости; но вѣдь и школа можетъ бороться противъ крайностей, гдѣ бы и въ чемъ бы онѣ ни проявились.

Скажутъ еще, что это будетъ дикое царство; что отъ стуковъ, визговъ, криковъ, свиста „инструментовъ“, хотя и сработанныхъ учениками, но способныхъ оглушать, можно будетъ дѣйствительно оглохнуть; у взрослыхъ — учителей, надзирателей, — разболятся головы, да и ученикамъ далеко не всѣмъ это будетъ пріятно. Что касается учениковъ, то они сами о себѣ позаботятся: если крикъ будетъ мѣшать группѣ учениковъ повторять урокъ или разговаривать, они или попросятъ крикуновъ удалиться, или сами уйдутъ; если кто-нибудь одинъ настолько разойдется, что это будетъ непріятно окружающимъ, они дадутъ ему это почувствовать, и онъ стихнетъ. Вообще въ средѣ мальчиковъ быстро установится тотъ самый справедливый порядокъ, по которому каждый будетъ жить такъ, чтобы могли жить и другіе. Что касается взрослыхъ, то можно возразить

только одно: ужъ во всякомъ случаѣ не школа для нихъ, а они для школы.

Спросятъ еще, быть можетъ, во что же обратятся классы, коридоры и рекреаціонная зала послѣ такой „свободно“ проведенной перемѣны, если всѣ, кто вздумаетъ, станетъ кидать бумагу, стрѣлки и т. д. Сколько понадобится сторожей, чтобы убрать все, что тутъ набросано, и какое количество времени потребуется на это? Тутъ можно устроиться въ высшей степени цѣлесообразно. Во-первыхъ, можно ограничить свободу дѣйствій учениковъ ихъ классами, на что они пойдутъ чрезвычайно охотно, довольные, что въ этомъ районѣ они полные хозяева; а во-вторыхъ, можно поставить условіемъ, чтобы все, что въ теченіе 25, напримѣръ, минутъ будетъ накидано на полу, въ остающіяся 5 минутъ было убрано самими учениками. Они съ удовольствіемъ подчинятся такому условію, и польза отъ этого получится громадная. Во-первыхъ, они будутъ чувствовать, что, пользуясь правами, имъ приходится нести и обязанности, причемъ тѣ и другія находятся въ строгомъ, математическомъ соотвѣтствіи между собою. Во-вторыхъ, у нихъ явится сознаніе отвѣтственности передъ товарищами и разовьется товарищескій контроль. Если каждый будетъ знать, что то, что набросаетъ онъ, доставитъ лишнюю работу классу, каждый привыкнетъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ и думать о другихъ, и привыкнетъ гораздо скорѣе и лучше, чѣмъ сейчасъ подъ вліяніемъ самыхъ прекрасныхъ словъ и наставленій.

Наконецъ, послѣдній аргументъ всего серьезнѣе. Предоставленные самимъ себѣ, не сдерживаемые болѣе голосомъ старшаго, не посшибаютъ ли они себѣ головъ, не выбьютъ ли глазъ и зубовъ, не переломаютъ ли другъ другу рукъ и ногъ? Правда, если мальчикамъ дать разыграться вволю, то очень скоро дѣло можетъ дойти до крупной ссоры и драки. Но драка только непріятна, какъ крайне некультурное дѣйствіе, послѣдствія же ея въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть опасны. Гораздо страшнѣе общее оживленіе, ничѣмъ не сдерживаемая бѣготня, массовая борьба и т. п. Вотъ гдѣ такъ, кажется, легко подбить глазъ, вывихнуть руку или ногу, разбиться въ кровь. Но и тутъ могутъ быть такія средства. Во-первыхъ, нужно предоставить самимъ ученикамъ слѣдить другъ за другомъ, оберегая товарищей отъ всякихъ несчастій и установивъ круговую поруку, въ силу которой группа учениковъ, напримѣръ, классъ, лишается права на участіе въ играхъ въ теченіе извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго времени, въ зависимости отъ вины участниковъ, отъ серьезности пораненія. И пусть это имѣетъ видъ не наказанія, а мѣры предосторожности; пусть ученики въ

этомъ видятъ то, что сдержанности ихъ не довѣряютъ и даютъ имъ время набраться ума. Наконецъ, и это самое дѣйствительное средство къ предупрежденію несчастій всякаго рода, слѣдуетъ дать имъ возможно больше простора для игры. Наши классы, наши корридоры, наши залы, наполненные шкафами, иногда приборами, скамьями и другой неподходящей мебелью, дѣйствительно, представляютъ большую опасность для рѣзвящейся толпы. Уменьшить эту опасность можно только путемъ увеличенія площади, предназначенной для школьниковъ, а этого можно достичь двоякимъ способомъ: или вынести мебель, что далеко не всегда удобно, или выпустить учениковъ на дворъ. Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о дозволеніи учащимся во время перемѣны выходить на дворъ или въ садъ учебнаго заведенія, вопросу весьма важному и ждущему своего правильнаго разрѣшенія.

Но сначала нѣсколько словъ по поводу предыдущаго.

IV.

При чтеніи того, что было сказано выше, можетъ показаться будто здѣсь рекомендуется предоставлять отдыхающимъ ученикамъ полную свободу, оставляя ихъ безъ всякаго надзора и присмотра, и даже будто отрицается необходимость налагать наказанія на провинившихся. Мы далеки и отъ того и отъ другого, такъ какъ намѣрены разсуждать о перемѣнахъ въ предѣлахъ дѣйствующаго устава, а уставъ, какъ извѣстно, отводитъ видное мѣсто и надзору, и наказанію. Мы только думаемъ, что тотъ и другое необходимо упорядочить такъ, чтобы они болѣе соотвѣтствовали своему назначенію. Прежде всего, для чего учрежденъ надзоръ? Очевидно, для того, чтобы ученики всѣхъ возрастовъ не повредили себѣ или другимъ, не испортили школьнаго имущества, словомъ, чтобы не случилось чего-нибудь такого, что представляется нежелательнымъ. Чтобы приносить дѣйствительную пользу, надзоръ долженъ отличаться нѣкоторыми качествами, которыхъ теперь въ немъ нѣтъ. Качества эти слѣдующія: во-первыхъ, толковость, при которой вмѣшательство старшихъ будетъ дѣйствительно полезнымъ для тѣхъ, кто претерпѣваетъ вмѣшательство. Это достигнется въ томъ случаѣ, если надзирающіе поставятъ себѣ за правило бороться противъ дѣйствительнаго, а не воображаемаго зла, и если они дадутъ больше воли ученикамъ, пріучая ихъ самихъ слѣдить за собой. Тогда надзоръ будетъ покоиться на чувствѣ взаимнаго довѣрія и уваженія, что послужитъ къ развитію дружественныхъ, а не враждебныхъ чувствъ у младшихъ къ старшимъ. При этомъ условіи особенно занимател-

ныя игры или какія-нибудь безвредныя затѣи не только не будутъ прекращаться надзирателями, но ,быть можетъ, найдутъ въ нихъ самыхъ отзывчивыхъ распорядителей и толковыхъ участниковъ. Наконецъ, въ школѣ, гдѣ есть мальчики и юноши самыхъ различныхъ возрастовъ, должна обязательно соблюдаться извѣстная постепенность въ характерѣ и напряженности надзора. Чѣмъ меньше ученики, тѣмъ больше за ними смотрятъ, потому что тѣмъ опаснѣе оставлять ихъ однихъ; по мѣрѣ того, какъ они выростаютъ, прямой надзоръ и вмѣшательство уступаютъ мѣсто довѣрію къ нимъ и такому порядку, при которомъ имъ самимъ предоставляется поддерживать у себя тотъ или иной строй жизни. Только при этихъ условіяхъ— довѣрія, пониманія и сочувствія — надзоръ не будетъ докучнымъ и тягостнымъ дѣломъ, и явится въ рукахъ педагогическаго персонала хорошимъ воспитательнымъ средствомъ.

Между тѣмъ, то ли видимъ мы у насъ? Лица, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе, стараются по мѣрѣ силъ не выпускать изъ виду тѣхъ, за кѣмъ наблюдаютъ, чтобы видѣть самое зарожденіе какой-нибудь опасной затѣи и, прежде чѣмъ она созрѣетъ, прекратить ее своимъ вмѣшательствомъ. Это вмѣшательство происходитъ безъ всякой системы, ибо никогда нельзя предвидѣть того, къ чему приводитъ самое невинное занятіе. И вотъ, для предупрежденія могущей только случиться бѣды, люди устраняютъ рѣшительно все, что хоть слегка отзывается забавой, увлеченіемъ, жизнью. Поэтому-то истомленные сидѣніемъ ученики не бѣгаютъ, а ходятъ, поэтому часами не раскрывавшіе рта могутъ говорить, лишь слегка возвышая голосъ, поэтому собравшись гурьбой, немедленно должны расходиться. Въ какой же, спрашивается, роли является тутъ надзиратель?

— Да мы ничего не дѣлаемъ, вопіютъ мальчики, кинувшіеся къ окнамъ смотрѣть, какъ идутъ солдаты.

— Все-таки, господа, лучше разойдитесь,—раздается какъ бы извиняющійся голосъ.

Для надзирателя, конечно, лучше, ибо въ суматохѣ и затолкаютъ кого-нибудь и стекло разобьютъ, и изрѣжутся въ кровь, а у каждаго изъ медленно расходящихся остается сознаніе, что его лишили самаго безобиднаго удовольствія. Въ жертву этому „надзирательскому“ страху приносится рѣшительно все: и гигіена, и педагогика, и сердечность въ отношеніяхъ, и, наконецъ, та правдивость, которую имѣетъ въ виду § 22 устава, говоря: „Ученики обязаны быть вполнѣ правдивыми вообще и особенно въ отношеніи къ своимъ начальникамъ и наставникамъ, избѣгая всякаго лицемѣрія, притворства, лжи и обмана.“ И между тѣмъ врядъ ли кому столько врутъ ученики, какъ своимъ начальникамъ и наставникамъ. Да и какъ же иначе,

когда только этимъ путемъ и можно гарантировать себѣ хоть тѣнь отдохновенія и свободы.

Не отзывается такой порядокъ благотворно и на самихъ надзирающихъ: необходимость только урѣзывать, останавливать и прекращать какъ-то поразительно быстро развиваетъ наименѣе привлекательныя стороны характера, и скоро вырабатывается на удивленіе несносный человѣкъ. До такой степени привыкаешь въ концѣ концовъ видѣть одно и то же, что всякая новизна, какъ-то прежде, чѣмъ это сознаешь, уже заставляетъ относиться къ ней враждебно, и у учениковъ вполнѣ естественно вырабатывается убѣжденіе, выражаемое словами: „начальству всегда не нравится то, что намъ доставляетъ удовольствіе.“

И что всего обиднѣе, всѣмъ этимъ ровно ничего не достигается. Каждый отлично понимаетъ, что жизнь идетъ именно такъ, какъ она шла, только прячась за спиной у начальства и скрываясь отъ его взоровъ. Спрашивается, для чего же этотъ безполезный, утомительный и для обѣихъ сторонъ равно непріятный надзоръ? Для чего ученики и надзиратели, точно враги, какіе выслѣживаютъ и проводятъ другъ друга какъ будто безъ посторонняго указанія ученики не желаютъ себѣ здоровья и не проникнуты опасеніемъ испортить или разбить какую-нибудь казенную вещь. И думается мнѣ, что многое измѣнилось бы къ лучшему, если бы укоренился взглядъ, что и мы, и ученики стремимся къ одному и тому же, и если бы мы стали искать помощи при надзорѣ за учениками у нихъ же самихъ. Что мѣшало бы установить такой порядокъ, при которомъ ученики отлично бы знали и твердо помнили бы, что они отвѣтственны только за проступки, а не за такія дѣйствія, которыя еще могутъ привести къ бѣдѣ. Тогда можно было бы въ значительно большей степени предоставить ихъ самимъ себѣ, дозволяя всѣ игры и забавы, какія придутъ имъ въ голову, вмѣшиваясь активно только тогда, когда тому или другому наносится ущербъ, или когда возможность ущерба вполнѣ очевидна. Какая масса „преступленій“ исчезла бы изъ обихода школы, какъ вольно сразу почувствовали бы себя ученики и какъ легко было бы предъявлять къ нимъ, бодрымъ и весело настроеннымъ, требованія, касающіяся исполненія очень немногихъ, вполнѣ опредѣленныхъ и совершенно понятныхъ имъ „правилъ.“

Въ связи съ этимъ измѣнится и самая система наказаній. Въ настоящее время рѣдкое заведеніе можетъ похвалиться тѣмъ, что въ немъ мало наказываютъ, и врядъ ли найдется хоть одно, гдѣ бы большинство наказанныхъ считали себя наказанными справедливо. Да и какъ иначе, когда ученики опутаны цѣлой сѣтью запрещеній

причемъ основательности большинства ихъ они никакъ не могутъ понять. Съ другой стороны, нельзя винить и школу, которая, разъ извѣстныя требованія выставлены ею, стремится заставить ихъ исполнять. И получается то, что мальчики самымъ искреннимъ образомъ отрицаютъ свою вину, хотя наличность ея подтверждается многократнымъ свидѣтельствомъ начальства. „Я только побѣжалъ“, „я только толкнулъ“, „онъ меня ударилъ, а я закричалъ“,—на перебой сообщаютъ они вамъ, и въ выраженіи лица, и въ интонаціи голоса вы видите ихъ глубокую обиду за „несправедливость“. Семья зачастую не можетъ понять, почему послѣдовала кара.

— Да скажи ты, Бога ради, что ты тамъ такое надѣлалъ, съ отчаяніемъ обращаются родители къ сыну, который дома мальчикъ, какъ всѣ, а изъ гимназіи приноситъ тетрадку съ надписью: „арестованъ за производство невыносимаго шума.“

Оказывается—несъ на головѣ ранецъ; товарищъ съ разбѣгу налетѣлъ на него; ранецъ упалъ; книги разсыпались; дѣло происходило въ залѣ, гдѣ сидѣли ученики, у которыхъ въ этотъ часъ не случилось занятій; изъ III-го класса вышелъ учитель, спросилъ, кто шумитъ; назвали фамилію такого-то; его наказали. Если хотите, несправедливость, но какъ же иначе? Съ одной стороны, учителя III класса давно раздражалъ шумъ 40 голосовъ, долетавшій изъ залы и развлекавшій его учениковъ; съ другой, когда раздался грохотъ отъ упавшаго ранца и въ отвѣтъ смѣхъ въ классѣ, его терпѣніе лопнуло, и онъ пошелъ устранить помѣху къ занятіямъ; съ третьей, на торопливый вопросъ: „кто шумѣлъ?“ отвѣтъ могъ быть только одинъ: такіе-то; въ-четвертыхъ, инспекторъ, разбирая дѣло, естественно наказываетъ обоихъ. Скажутъ, не надо наказывать. Да развѣ это возможно? Всѣ мы знаемъ, что если этой грозы не будетъ, то не одинъ, а всѣ 40 ранцевъ полетятъ на полъ, и ни въ одномъ выходящемъ въ залу классѣ нельзя будетъ слова разслышать. А если разбирать каждое дѣло по самой чистой справедливости, то придется отказаться отъ наказанія кого-бы то ни было, потому что всѣ въ своихъ проступкахъ не виноваты, если не вполнѣ, то въ очень значительной степени.

Въ данномъ примѣрѣ все произошло оттого, что мальчики сидѣли не въ свободномъ классѣ, гдѣ еще не просохли недавно выкрашенные полы, а въ залѣ. Значитъ, вина, что шумъ, производимый ими мѣшалъ занятіямъ,—не ихъ. Въ массѣ случаевъ причина также коренится гораздо дальше той „злой“ воли, которая карается. Это несправедливо, и это всегда будетъ до тѣхъ поръ, пока мы не согласимся отмѣнить цѣлую группу проступковъ, и пока не научимся въ нынѣшнихъ „озорникахъ“, „сорванцахъ“ и „необузданныхъ шалу-

нахъ“ видѣть самыхъ обыкновенныхъ мальчиковъ и юношей, у которыхъ вполнѣ здоровый организмъ, которые очень утомились отъ занятій и которымъ необходимо какъ можно полнѣе воспользоваться отдыхомъ.

При такомъ взглядѣ на дѣло совершенно измѣнится и количество, и характеръ наказаній; причемъ при назначеніи ихъ можно очень удачно опираться на большинство, которое всегда благоразумно. „Я пустилъ бы васъ сегодня на дворъ въ перемѣну, но вчера у васъ въ классѣ опять двое подрались. Какъ же я отпущу васъ туда, гдѣ и безъ того много народу?“ говорите вы классу—и вотъ, по моему, единственно допустимая форма наказанія. „У васъ на глазахъ произошло то-то, вы не помѣшали этому, какъ же я могу быть увѣреннымъ въ васъ?“—вотъ формула, которою вы выражаете свое неудовольствіе.

Она не обидна. Она относится ко всѣмъ; и она вызываетъ всѣхъ на активную борьбу съ дурными наклонностями, которыя находятся въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. Пользуясь этимъ пріемомъ, можно оставлять учениковъ на болѣе или менѣе продолжительное время совсѣмъ однихъ, причемъ, при извѣстномъ умѣ и тактѣ надзирающаго, можно творить чудеса. „Я васъ оставлю однихъ на полчаса. Дайте мнѣ слово, что вы не будете курить“, говорите вы, обращаясь не къ тому или иному ученику, а ко всѣмъ вмѣстѣ. И я знаю навѣрно, что даже попытки нарушить слово не будетъ сдѣлано вплоть до вашего прихода. И ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ ваше довѣріе къ его порядочности и умѣніе доставлять ему случай доказывать эту порядочность на дѣлѣ.

V.

Теперь вернемся назадъ, къ вопросу о прогулкахъ учениковъ.

Приглядываясь къ тому, какъ проводятъ свой кратковременный отдыхъ дѣти, въ атмосферѣ пыльной, пополненной испорченнымъ воздухомъ, въ помѣщеніи, вентиляція котораго до послѣдней степени сомнительна и, еще лучше, слыша постоянныя жалобы на тѣсноту школьныхъ помѣщеній, невольно удивляешься тому, почему не приходитъ въ голову выпускать дѣтей на дворъ. Глядя на огромныя площади земли, отведенной подъ ту или иную среднюю школу, земли, иногда занятой садомъ, иногда огромной величины дворомъ или огородомъ, такъ и хочется спросить, кому нужна такая пропасть свободнаго мѣста, и обидно дѣлается при мысли о томъ, какія веселыя игры можно было бы организовать тутъ. Между тѣмъ, точно рокъ какой тяготѣетъ и надъ этимъ вопросомъ. Дѣтей выпускаютъ на

дворъ среднимъ числомъ разъ 30-40 въ годъ (имѣю наблюденіе надъ гимназіями сѣверной полосы Россіи), выбирая тѣ дни, когда солнце свѣтитъ ярко, нѣтъ вѣтра и земля суха. Зимой они остаются въ зданіи, какъ бы ни было хорошо на дворѣ. Въ садъ ихъ обыкновенно не пускаютъ вовсе. Причина понятная—затруднительность надзора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ опасеніе за цѣлость насажденій: плодовъ, фруктовъ и цвѣтовъ. И вотъ стоитъ этотъ садъ огромный великолѣпный, съ прекрасными дубами и липами, съ широкими, плотно утрамбованными дорожками, по которымъ никто не гуляетъ, кромѣ директора, инспектора и ихъ семействъ. А высыпавшая въ перемѣну толпа, какъ пчелы облѣпляютъ садовую рѣшетку, заглядывая сквозь переплеты ея въ тотъ рай, куда имъ заказанъ путь. И приходится довольствоваться чинной прогулкой по двору, на виду у надзирателя и инспектора и при полной сдержанности въ движеніяхъ.

Но даже и въ томъ жалкомъ видѣ, какой практикуется у насъ, разрѣшеніе идти на дворъ ожидается учениками съ мучительнымъ нетерпѣніемъ. На дняхъ мнѣ привелось быть свидѣтелемъ того, какъ разрѣшеніе это, данное ученикамъ младшаго класса, было отмѣнено вслѣдствіе того, что дежурный надзиратель занемогъ и былъ не въ силахъ идти на холодный воздухъ. Надо было видѣть, въ какую тоску былъ повергнутъ классъ, что за интонація звучала въ тихихъ жалобахъ учениковъ. Они никого не упрекали, ни о чемъ не просили, такъ какъ видѣли, что идти въ самомъ дѣлѣ невозможно: болѣзненное состояніе надзирателя было очевидно. И, какъ нарочно, оказалось, что группа учениковъ старшаго класса пошла на дворъ со своимъ дежурнымъ надзирателемъ. Передъ глубиной этого момента даже сѣтованія смолкли,—и вдругъ явилась возможность, послѣ переговоровъ съ инспекторомъ, соединить оба класса вмѣстѣ и, значитъ, маленькимъ идти тоже. Никогда не забыть мнѣ того восторга, который овладѣлъ дѣтьми. Выйдя на дворъ, одинъ изъ нихъ, мальчикъ, ничѣмъ не выдающійся, остановился на порогѣ, взглянулъ кругомъ, глаза стали милые, милые, и, глубоко вздохнувъ, онъ выговорилъ съ поразительнымъ чувствомъ: „О Господи, Господи!“ и стрѣлой помчался къ своимъ.

Если принять во вниманіе силу ихъ нетерпѣнія, ихъ полное право дышать свѣжимъ воздухомъ, да сообразить, что организація ежедневныхъ прогулокъ ничего не потребуетъ отъ насъ сверхъ того, что мы дѣлаемъ теперь, то станетъ крайне неловко при мысли, что даже въ такомъ пустякѣ приходится отвѣчать отказомъ.

Мнѣ лично извѣстенъ опытъ, произведенный въ одной гимназіи. Всякую большую перемѣну круглый годъ учениковъ выпускаютъ

на дворъ, при чемъ имъ дается полная возможность проводить время, какъ они пожелаютъ. Тамъ безъ всякаго стѣсненія они борются между собой, взявшись за руки, идутъ стѣна на стѣну, стараясь сдвинуть противниковъ назадъ; далѣе, бѣгаютъ, ловятъ другъ друга, играютъ въ „казаки и разбойники", бросаютъ снѣгомъ.

Но что представляетъ особенное удовольствіе, это возможность скатиться съ горы, выстроенной въ одномъ углу двора. И гора то вышиной въ сажень, и раскатъ ея очень невеликъ, и, строго говоря, не на чемъ кататься, но надо удивляться умѣнію, съ которымъ этотъ народъ приспособляется къ самымъ, повидимому, неподходящимъ условіямъ. Катаются на ногахъ, на доскахъ, гдѣ-то раздобыли грубое подобіе саней, назначенныхъ для перевозки дровъ; отыскали, наконецъ, и настоящія сани. Суета идетъ невообразимая: едва санки будутъ утверждены на вершинѣ горы, какъ мальчуганы, точно подкошенные, валятся на нихъ, и цѣлая куча медленно сползаетъ подъ уклонъ—съ торчащими во всѣ стороны руками и ногами и съ весело сіяющими лицами, причемъ воздухъ оглашается самыми радостными криками и визгами. Ради предосторожности было сдѣлано распоряженіе, чтобы болѣе 5-ти человѣкъ въ однѣ санки не садились. Тогда остальные моментально расхватали стоящую недалеко полѣницу и на толстыхъ сосновыхъ плахахъ съ неменьшимъ удовольствіемъ продолжали скользить по горѣ. Въ послѣднее время гимназія на свой счетъ пріобрѣла массу лубковъ; VI классъ купилъ въ складчину „собственныя" санки, II классъ такія сани заказалъ, и дѣло понемногу налаживается. Надо ждать, что на будущій годъ ученики додумаются сами сдѣлать нѣсколько горъ—и тогда всѣмъ хватитъ мѣста.

Какъ ни мало то, что дозволяется, но какіе результаты приходится отмѣчать при этомъ. Во-первыхъ, за 2 мѣсяца свободной нестѣсненной игры не пришлось наблюдать ссоръ и дракъ. Въ случаѣ какого-нибудь недоразумѣнія (обоимъ, напримѣръ, вдругъ понадобится сѣсть на одинъ и тотъ же лубокъ) дѣло улаживается очень быстро и безъ помощи начальства. Жалобы крайне рѣдки: мальчики дорожатъ каждой минутой и не хотятъ тратить времени на судьбище, которое въ самомъ лучшемъ случаѣ не вознаградитъ потери. Далѣе, что уже новость: они удивительно способны къ послушанію, и вамъ ничего не стоитъ управлять ими. При этомъ и самое послушаніе имѣетъ характеръ сердечный и миролюбивый: имъ точно пріятно сдѣлать то, чего вы хотите. Наконецъ, дружелюбіемъ и предупредительностью исполнены и ихъ взаимныя отношенія. Было заведено правило, по которому, при ударѣ звонка они уходятъ въ классъ не

прежде, какъ отряхнувъ снѣгъ другъ съ друга, и надо видѣть, съ какой готовностью они смахиваютъ этотъ снѣгъ съ своихъ товарищей.

Но выпуская ихъ на дворъ и позволяя имъ дѣлать, что хотятъ, мы, какъ ни много это имъ кажется, только отчасти исполняемъ передъ ними нашъ долгъ. На педагогахъ лежитъ положительная задача—организовать игры и занятія на воздухѣ. Было бы очень жаль, если бы это было истолковано такъ, что дѣтей нужно заставлять играть, хотя бы въ самыя интересныя игры. Совсѣмъ нѣтъ. Слѣдуетъ только снабдить ихъ приборами для игры и орудіями для работы, да, если встрѣтится надобность, обучить пожелавшихъ играть. А затѣмъ, и въ игрѣ, и въ забавѣ надо предоставить ихъ самимъ себѣ, собственной находчивости и иниціативѣ.

VI.

Но перемѣна очень мала. Что такое 25—30 минутъ, когда живешь полной жизнью? Постоянно видишь, что звонокъ прерываетъ возню не только не наигравшихся дѣтей, но даже и такихъ, которыя не разошлись, какъ слѣдуетъ. И тутъ намъ очень приходится жалѣть, что такъ мало „пустыхъ“ уроковъ. „Пустымъ“ урокомъ будетъ тотъ, когда у учениковъ нѣтъ занятій: воспитанники неправославнаго вѣроисповѣданія во время урока Закона Божія, изучающіе одинъ изъ новыхъ языковъ во время урока изъ другого новаго языка, наконецъ, классъ, когда по какой-нибудь причинѣ учитель не пришелъ на занятія,—вотъ лица, которыя имѣютъ сейчасъ „пустой“ урокъ. Казалось бы, свободное время вполнѣ принадлежитъ имъ, какъ и ученикамъ, которые послѣ уроковъ имѣютъ право идти домой. На дѣлѣ совсѣмъ другое. У насъ установился взглядъ, что учениковъ не слѣдуетъ оставлять безъ дѣла. Школьное „дѣло“ это—ученіе, и вотъ мальчики идутъ въ одну комнату, разсаживаются по скамьямъ и начинаются занятія. Они приглашаются вынуть книги, тетради и читать или „учить что-нибудь къ слѣдующему разу“. Далѣе, такъ какъ идутъ занятія, то, какъ на всякомъ урокѣ, отъ нихъ требуется щепетильная тишина, нарушеніе которой не остается безъ возмездія. Испытываешь крайнюю жалость, когда видишь, что дѣти, подростки и юноши сидятъ чиннымъ образомъ за своими столами, точно идетъ урокъ, а не перерывъ въ занятіяхъ, молча смотрятъ въ свои книги и тетради, чуть слышнымъ шепотомъ переговариваются о самыхъ необходимыхъ предметахъ и то недолго, ибо сейчасъ же можно получить замѣчаніе: „не мѣшайте другимъ“.

О живой, веселой, остроумной болтовнѣ и рѣчи быть не можетъ;

мысль пропѣть что-нибудь, хоромъ или въ одиночку, если и придетъ кому-нибудь, то навѣрное самой „отчаянной“ головѣ и даже товарищами будетъ встрѣчено какъ нѣчто въ высшей степени дикое и неприличное. Такъ и хочется спросить, что это? Отдыхъ, или суровое наказаніе, и если это не наказаніе, то почему оно имѣетъ всѣ признаки наказанія? Вѣдь и такъ называемые „безобѣдники“ совершенно столько же стѣснены въ своей свободѣ, также сидятъ по мѣстамъ, также не смѣютъ рта разинуть, перемѣнить мѣста и проч. Если еще у арестуемыхъ за что бы то ни было учениковъ такой режимъ имѣетъ свое оправданіе—сдѣлать ученику его вынужденный досугъ непріятнымъ, то часы „пустыхъ“, какъ мы говоримъ уроковъ, даже и этого не имѣютъ за себя. До чего эта безцѣльная высидка гнететъ учениковъ, показываетъ то, какъ чутко относятся они къ самому пустѣйшему его облеченію, вродѣ разрѣшенія читать постороннія книги, заниматься разговорами, садиться рядомъ, съ кѣмъ вздумаешь и т. п.

Вотъ тутъ-то и кажется, почему бы не давать ученикамъ полной свободы во время этихъ часовъ; конечно, при условіи, что ученики не заняты какой-нибудь содержательной работой—въ присутствіи другого преподавателя или по его указанію. Они могли бы идти на дворъ, могли бы, оставаясь въ запасной комнатѣ, дѣлать все, что вздумается, даже пѣть, если пожелаютъ, и все это совершенно свободно. Что касается меня, то я убѣжденъ, что ихъ можно было бы оставлять даже совсѣмъ однихъ, показавъ имъ, что имъ довѣряютъ, и давъ понять, что отъ ихъ выдержки зависитъ и дальше пользоваться той же свободой. Чѣмъ болѣе люди будутъ чувствовать себя взрослыми, тѣмъ солиднѣе станутъ они себя держать, а взывать для поддержанія порядка къ чувству собственнаго достоинства класса и болѣе педагогично, и гораздо болѣе соотвѣтствуетъ характеру отношеній старшихъ къ младшимъ, и, наконецъ, гораздо выгоднѣе чѣмъ взывать къ чувству страха.

Вотъ все, что мы имѣли сказать по поводу постановки ученическаго отдыха въ промежутки между школьными занятіями. Мы видѣли, что постановка эта крайне неудовлетворительна и что въ интересахъ учениковъ слѣдуетъ сдѣлать въ ней нѣкоторыя легко допустимыя измѣненія. Хотя при разсмотрѣніи разбираемаго вопроса интересъ изложенія сосредоточивался преимущественно на ученикахъ младшаго возраста, потому что на нихъ недостатки существующаго порядка отражаются гораздо замѣтнѣе, но мы считаемъ необходимымъ желать большей свободы распоряжаться собою и взрослымъ,

ученикамъ. Мы думаемъ, что надзоръ въ томъ видѣ, какъ онъ ведется у насъ, особенно тяжело ложится именно на старшіе классы. Налагая такія стѣсненія, которыхъ юноши этого возраста не испытываютъ ни въ какой другой обстановкѣ, онъ непоправимо коверкаетъ молодое чувство собственнаго достоинства, которое особенно нѣжно и требуетъ самаго бережнаго ухода у только что начинающей ознавать себя личности.

В. Селенкинъ.

Очерки по психологіи дѣтства.

III.

Развитіе ассоціаціонныхъ процессовъ въ душевной жизни дѣтей

Теперь мы должны перейти къ другому вопросу, не менѣе важному и не менѣе трудному, чѣмъ только что нами разобранный, а именно къ вопросу о дѣтскихъ ассоціаціяхъ, который тѣснымъ образомъ связанъ съ явленіями игры. Вглядываясь въ особенности дѣтской игры и сравнивая ихъ съ играми взрослыхъ, мы наталкиваемся на слѣдующее явленіе: дѣти относятся къ игрѣ съ изумительнымъ увлеченіемъ; они углубляются въ нее настолько, что совершенно забываютъ окружающую дѣйствительность, и игра пріобрѣтаетъ для нихъ значеніе дѣйствительности.

Этотъ фактъ давно уже былъ подмѣченъ всѣми, занимавшимися вопросами дѣтской психологіи, и причины его многократно обсуждались въ психологической литературѣ. Многіе психологи, отмѣчая указанныя явленія, приписывали ихъ необыкновенной силѣ и живости дѣтской фантазіи. Но, вдумываясь въ тѣ факты, которыми они думали подтвердить этотъ выводъ, приходится признать, что толкованія ихъ были во многихъ отношеніяхъ недостаточными.

Чтобы не показаться голословнымъ, я приведу здѣсь примѣръ, который поможетъ намъ разобраться въ вопросѣ о силѣ дѣтскаго воображенія. Предположимъ, что ребенокъ играетъ со своими пальцами. Онъ называетъ ихъ мальчиками, а случайно попавшуюся подъ руку коробочку обращаетъ въ домикъ, гдѣ будто-бы живутъ эти мальчики. Всовывая одинъ изъ пальцевъ въ коробку, онъ опрокидываетъ ее себѣ на руку, и вотъ палецъ этотъ уже не мальчикъ, а превращается въ воображеніи ребенка въ дядю съ шляпой на головѣ. Далѣе превращеніе идетъ такими же быстрыми шагами: дядя обращается въ собаку, собака—въ лошадку и т. д. Защитники дѣтской фантазіи объясняютъ весь этотъ процессъ игры, ничтожность матеріала, необходимаго для ребенка, чтобы создать иллюзію пред-

мета быструю смѣну образовъ, возникающихъ въ его сознаніи не обыкновенной яркостью и богатствомъ дѣтскаго воображенія.

Проанализируемъ приведенный нами примѣръ. Почему ребенокъ отожествляетъ свой палецъ то съ мальчикомъ, то съ дядей, то съ собакой? Что тутъ служитъ у него исходнымъ пунктомъ для такой странной смѣны представленій? Очевидно, эта смѣна совершается на основаніи одного только сходнаго признака—движенія. Такимъ образомъ, смѣна представленій, неожиданный, на первый взглядъ, переходъ отъ одного къ другому объясняется узостью исходнаго пункта ассоціацій.

Но откуда возникаетъ такая узость? Для исключительнаго преобладанія въ сознаніи одной какой-нибудь стороны предмета можно предположить двѣ причины: во-первыхъ, неспособность даннаго лица схватить предметъ въ его цѣломъ и, во-вторыхъ, намѣренное сосредоточеніе вниманія на какомъ-нибудь отдѣльномъ признакѣ явленія. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со слабостью вниманія, неспособнаго еще къ построенію сложнаго образа, во второмъ—съ отвлеченіемъ, какъ результатомъ работы дисциплинированнаго вниманія.

Такая постановка вопроса станетъ для насъ еще яснѣе, если мы иллюстрируемъ ее примѣрами. Для перваго случая возьмемъ примѣръ изъ области психологическаго эксперимента, а именно опыты съ тахистоскопомъ. Тахистоскопъ есть аппаратъ, при помощи котораго испытуемому даются мгновенныя зрительныя впечатлѣнія, напр. слова и буквы. При опытахъ съ этимъ аппаратомъ испытуемые зачастую изъ нѣсколькихъ, одновременно данныхъ буквъ способны уловить только одну. Чѣмъ объяснить это явленіе? Слабостью вниманія, которое при извѣстной краткости впечатлѣнія способно схватить только одинъ какой-нибудь элементъ даннаго сложнаго впечатлѣнія.

Теперь представимъ себѣ, что какой-нибудь ученый разбирается въ явленіяхъ извѣстной исторической эпохи. Онъ пользуется при этомъ множествомъ документовъ, которые, однако, имѣютъ для него не одинаковую цѣнность. На основаніи извѣстныхъ признаковъ онъ избираетъ нѣкоторые изъ нихъ, игнорируя другіе. Но и въ избранныхъ документахъ не всѣ факты кажутся ему достовѣрными и важными. Снова происходитъ работа выбора, пока, наконецъ, изслѣдователь пе останавливается на нѣсколькихъ фактахъ, служащихъ для него исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшей работы мысли. Тутъ передъ нами картина долгой произвольной работы отвлеченія.

Возвращаясь къ нашему предмету, мы изъ всего сказаннаго легко можемъ заключить, что быстрая и неожиданная часто смѣна пред-

ставленій, которую мы подмѣчаемъ въ дѣтскихъ играхъ, ясно обнаруживаетъ слабость психики, которой не хватаетъ силы для того чтобы схватить явленіе во всемъ его объемѣ.

Если мы подробнѣе остановимся на этомъ вопросѣ, то намъ придется прежде всего выяснить, что слѣдуетъ понимать подъ терминомъ „богатство воображенія“, и въ какой мѣрѣ это понятіе приложимо къ характеристикѣ дѣтскаго воображенія.

Въ выраженіи „богатство воображенія“ слѣдуетъ различать двѣ стороны: во-первыхъ, подъ богатымъ воображеніемъ подразумѣваютъ такое воображеніе, которое характеризуется полнотой и яркостью воспроизведенныхъ образовъ; во-вторыхъ, подъ „богатствомъ воображенія“ понимаютъ часто и количество образовъ, быструю ихъ смѣну.

Толкователи дѣтской психической жизни часто утверждаютъ, что дѣтямъ присущъ и тотъ, и другой видъ воображенія, что они обладаютъ и яркостью, и значительнымъ количествомъ свободно воспроизводимыхъ образовъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ непосредственными фактами, а съ очень вольнымъ ихъ толкованіемъ. Какіе факты мы имѣемъ передъ собой? Прежде всего слова ребенка, который въ игрѣ называетъ разные предметы (мальчикъ, собака и т. д.). Мы же на основаніи этого заключаемъ, что ребенокъ дѣйствительно связываетъ съ этими словами соотвѣтствующія представленія, и что эти представленія обладаютъ извѣстной степенью яркости и полноты. Но имѣемъ ли мы право дѣлать такія категорическія заключенія? Имѣются факты, ясно доказывающіе, что справедливость такихъ толкованій во многихъ случаяхъ сильно подвержена сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, если дѣло касается дѣтей очень ранняго возраста, то можно съ увѣренностью сказать, что произносимыя ими слова для нихъ не имѣютъ ровно никакого смысла. Мы часто можемъ наблюдать, что четырехмѣсячный младенецъ произноситъ слова: мама, дядя и т. п., причемъ эти слова выражаютъ только настроеніе ребенка, его чувства и желанія, а не тѣ объективныя представленія, которыя соединяетъ съ ними взрослый.

Для иллюстраціи этой мысли я позволю себѣ привести факты, заимствованные изъ моихъ собственныхъ наблюденій. Мнѣ пришлось вести продолжительныя наблюденія надъ однимъ ребенкомъ съ перваго дня его жизни. На пятомъ мѣсяцѣ жизни этотъ младенецъ началъ повторять отдѣльныя слова, какъ-то: папа, мама, дядя, тетя и т. д., причемъ, повидимому, не соединялъ съ ними ровно никакого значенія. На восьмомъ мѣсяцѣ этотъ ребенокъ перенесъ тяжелую болѣзнь, послѣ которой число произносимыхъ членораздѣльныхъ словъ замѣтно сократилось. Остались только два слова, которыя произносились младенцемъ настолько ясно и отчетливо, что сомнѣваться въ

ихъ фонетическомъ составѣ было невозможно; эти слова были: „тетя“ и „дядя“. Изучая условія, при которыхъ произносились эти слова, я убѣдился, что главное значеніе при появленіи того или другого слова имѣлъ, съ одной стороны, звуковой составъ слова, а съ другой—настроеніе, въ какомъ находился ребенокъ въ данный моментъ.

Состоянію спокойному, пріятному соотвѣтствовало слово болѣе мягкое по своему звуковому составу („тетя“); состояніе возбужденія, усилія сопровождалось произнесеніемъ болѣе энергичныхъ звуковъ („дядя“). Этотъ примѣръ лишній разъ показываетъ, что первыя слова у дѣтей имѣютъ чисто эмоціональный и волевой характеръ, и что надо съ большой осторожностью относиться къ толкованію дѣтскихъ словъ, за которыми иногда не скрывается никакихъ образовъ.

Если мы перейдемъ къ болѣе старшимъ дѣтямъ, въ возрастѣ отъ 2—3 лѣтъ, то тутъ, конечно, мы уже будемъ имѣть полное право предполагать во многихъ случаяхъ, что дѣти употребляютъ слово осмысленно и сознательно, связывая съ ними извѣстные образы. Но каковы будутъ эти образы? Вглядываясь внимательно въ то, какія стороны предметовъ привлекаютъ вниманіе дѣтей, какіе признаки ихъ запоминаются ими и даютъ поводъ къ игрѣ, мы невольно приходимъ къ заключенію, что образы эти и воспоминанія о предметахъ у дѣтей весьма неполны и неотчетливы. Да это и понятно, если принять во вниманіе все, что говорилось нами уже раньше о быстрой смѣнѣ образовъ, которая замѣчается въ игрѣ ребенка. Эта быстрая смѣна, которая принимается нѣкоторыми психологами за признакъ богатства фантазіи, есть не что иное, какъ неустойчивость вниманія, неспособнаго фиксировать какое-нибудь представленіе болѣе или менѣе продолжительное время. Между тѣмъ фиксація вниманія на одномъ предметѣ въ теченіе извѣстнаго времени является главнѣйшимъ условіемъ законченности и полноты образа.

На это можно было бы возразить, что встрѣчаются и взрослые люди, мысли которыхъ смѣняются необыкновенно быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются извѣстной законченностью. Такъ, напримѣръ есть лица, которыя очень быстро могутъ создать нѣсколько разнообразныхъ проектовъ, вполнѣ разработанныхъ и направленныхъ къ одной и той же цѣли. Не обладаютъ ли и дѣти такой же способностью?

Если мы внимательнѣе присмотримся къ этому явленію, то очень скоро замѣтимъ разницу въ смѣнѣ представленій у взрослаго, создающаго почти одновременно нѣсколько проектовъ, и у ребенка, изобрѣтающаго извѣстную игру. Между смѣняющимися образами у взрослаго есть всегда извѣстное внутреннее сродство, общность многихъ сторонъ. У ребенка общность представленій слѣдующихъ другъ

за другомъ, чисто внѣшняя, основанная на одномъ какомъ-нибудь признакѣ. Поэтому то, по мѣрѣ развитія, переходъ ребенка отъ одной игры къ другой становится все рѣже, что, несомнѣнно, является признакомъ возростающей устойчивости вниманія.

Намъ придется остановиться еще на одной особенности дѣтской психики, съ особенной силой выступающей въ дѣтскихъ играхъ. Извѣстно, что дѣти отдаются игрѣ со страстнымъ увлеченіемъ. Они не только вѣрятъ въ игру, какъ въ дѣйствительность, но способны за игрой забыть всякую самую печальную дѣйствительность. Эта способность къ отвлеченію составляетъ ту особенность дѣтской природы, въ которой многіе видятъ проявленіе дѣтской самодѣятельности.

Въ сущности, такой выводъ есть результатъ некритичности тѣхъ философовъ, которые раздѣляютъ это воззрѣніе. Дѣло въ томъ, что забвеніе дѣйствительности, погруженіе въ мечтанія есть не что иное, какъ иллюзорность нашихъ представленій о жизни. Большее или меньшее преобладаніе иллюзій въ психической сферѣ зависитъ отъ развитія знаній. Мечтатели и фантазеры, часто встрѣчающіеся и среди взрослыхъ, отличаются обыкновенно легкомысліемъ и неспособностью заинтересоваться окружающимъ. Вслѣдствіе этого у нихъ не можетъ образоваться достаточнаго количества координированныхъ ассоціацій, исходя изъ которыхъ они могли бы объяснить себѣ окружающую дѣйствительность, и такъ какъ ассоціаціи лежатъ въ основѣ процесса пониманія, то эти люди просто не понимаютъ дѣйствительности и продолжаютъ жить иллюзіями.

То же самое мы наблюдаемъ у дѣтей. То, что у нѣкоторыхъ взрослыхъ является результатомъ неспособности къ точному наблюденію, у дѣтей происходитъ вслѣдствіе недостатка опыта, знанія, ассоціацій, уясняющихъ реальную жизнь. Такимъ образомъ, если про нѣкоторыхъ взрослыхъ и можно сказать, что фантазія ихъ настолько сильна и богата, что заставляетъ дѣйствительность отступать на задній планъ, то про дѣтей слѣдуетъ сказать, что передъ возникающими образами фантазіи у нихъ нечему отступать на задній планъ, такъ какъ представленіе о дѣйствительности у нихъ еще совсѣмъ не выработано. Съ другой стороны, мы уже знаемъ, что образованіе чувствъ у дѣтей совершается раньше, чѣмъ образованіе круга представленій, вслѣдствіе чего и дѣтскія ассоціаціи первоначально имѣютъ въ значительной степени субъективный характеръ, что сильно отражается на иллюзорности дѣтскаго пониманія дѣйствительности.

Во всемъ, что говорилось до сихъ поръ о дѣтскихъ играхъ, ясно обнаруживается важность вопроса объ ассоціаціяхъ, той роли, ко-

торую онѣ играютъ въ дѣтской психической жизни, о ходѣ ихъ развитія и характерѣ ихъ у дѣтей. Такимъ образомъ мы въ настоящее время поставлены лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ, къ разбору котораго насъ принуждаютъ еще соображенія методологическаго характера. Дѣло въ томъ, что ассоціаціонный процессъ участвуетъ рѣшительно во всѣхъ явленіяхъ нашей душевной дѣятельности. Онъ играетъ роль при воспріятіи, узнаваніи, сужденіи, мышленіи, вниманіи. Онъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ памятью и высшими разсудочными процессами. Поэтому изученіе ассоціацій можетъ служить удобнымъ исходнымъ пунктомъ для анализа остальныхъ явленій психическаго міра, отъ разсмотрѣнія которыхъ намъ уже легко будетъ перейти къ болѣе спеціальнымъ вопросамъ дѣтской психологіи, какъ то: силѣ и продолжительности запоминанія, особенностямъ дѣтскаго интереса и вниманія, развитію волевыхъ процессовъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ изученію развитія ассоціацій у дѣтей, необходимо установить точно самое понятіе ассоціаціи, которое не достаточно еще выяснено и въ общей психологической литературѣ, не говоря уже о дѣтской психологіи, въ которой работали до сихъ поръ не только спеціалисты-психологи, но часто и дилетанты.

Самое понятіе ассоціаціи разрабатывалось въ теченіе очень долгаго времени, и терминъ этотъ имѣетъ очень продолжительную исторію. Въ философской литературѣ слово ассоціація употребляется впервые Локкомъ, въ XVII в., но явленія ассоціаціи были подмѣчены гораздо раньше, еще въ древности. Уже Аристотель указывалъ, что мысли наши возникаютъ не какъ попало, а въ извѣстномъ порядкѣ. Онъ намѣтилъ и главнѣйшіе виды ассоціаціи, говоря, что мысли слѣдуютъ другъ за другомъ по тремъ причинамъ: во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда между двумя представленіями замѣчается нѣкоторое сходство; во-вторыхъ, когда предметы, къ которымъ относятся наши мысли, воспринимались нами въ пространственной или временной смежности, и, въ-третьихъ, когда предметы эти понимаются нами какъ нѣчто противоположное другъ другу.

Намѣчая далѣе главнѣйшіе пункты развитія ученія объ ассоціаціи, мы должны послѣ Аристотеля остановиться подробнѣе на Локкѣ. Локкъ, какъ уже было сказано, впервые ввелъ терминъ „ассоціаціи“ въ философскую литературу. Но самъ онъ понималъ подъ ассоціаціями лишь случайныя связи идей, имѣющія характеръ такъ называемыхъ случайныхъ неразрывныхъ ассоціацій. Самъ Локкъ даетъ въ своихъ сочиненіяхъ примѣры такихъ ассоціацій. Такъ, онъ говоритъ, что врачъ, произведшій надъ нами болѣзненную операцію,

неизмѣнно вызываетъ въ насъ невольное непріятное чувство. Это является въ его глазахъ типичнымъ примѣромъ ассоціаціи. Ассоціаціями же Локкъ объясняетъ происхожденіе суевѣрій и разныхъ нелѣпыхъ представленій. Такимъ образомъ, мы видимъ, что онъ былъ очень еще далекъ отъ признанія ассоціаціи основнымъ закономъ душевной жизни.

Въ XVIII вѣкѣ терминъ этотъ пріобрѣтаетъ въ англійской литературѣ болѣе широкое значеніе, которое остается за нимъ и до настоящаго времени Такое значеніе ему придалъ Юмъ, который утверждалъ, что ассоціація есть основной законъ душевной жизни, принимающій участіе во всѣхъ рѣшительно психическихъ процессахъ. Онъ же установилъ и четыре вида ассоціаціи: по сходству, смежности, контрасту и причинности.

Одновременно съ этимъ терминъ ассоціаціи проникаетъ и въ нѣмецкую философскую литературу, гдѣ онъ ведетъ свое начало отъ Лейбница, заимствовавшаго и самое слово, и его (болѣе узкое) пониманіе у Локка, подъ вліяніемъ полемики о прирожденности идей. Нѣмецкіе философы, въ противоположность англійскимъ, выводившимъ всю психическую жизнь изъ опыта, утверждали, что въ человѣческой психикѣ есть явленія, происхожденіе которыхъ нельзя объяснить вліяніемъ опыта. Это—высшіе разсудочные процессы, которые прирождены человѣку. Такимъ образомъ въ нѣмецкой философіи установилось въ XVIII в. дѣленіе содержанія душевной жизни на явленія, возникающія подъ вліяніемъ опыта и процессы независимые отъ него. Къ числу первыхъ явленій относятся такія, какъ память, воображеніе и т. д.; къ числу вторыхъ—способность сужденія, отвлеченія, обобщенія и т. п. Ясно, что, стоя на такой точкѣ зрѣнія, нѣмецкіе психологи прежняго времени не могли принять термина „ассоціація" въ его широкомъ значеніи, такъ какъ самое понятіе ассоціаціи подразумѣваетъ вліяніе предшествующаго опыта на послѣдующій. И дѣйствительно, въ нѣмецкой литературѣ ассоціація долго разсматривается только какъ одинъ изъ законовъ памяти и воображенія и не распространяется на другіе психическіе процессы. На этомъ основаніи нѣмцы отвергаютъ ассоціацію причинности, такъ какъ причина есть апріорная форма разума и свободна поэтому отъ вліянія ассоціацій.

Это пониманіе ассоціаціи представляетъ собой коренное различіе между англійской и нѣмецкой психологіей XVIII и начала XIX в.

Въ началѣ XIX в. въ нѣмецкой и англійской психологіи произошли измѣненія, которыя отразились на пониманіи ассоціаціи и сблизили между собой эти двѣ точки зрѣнія.

Съ одной стороны, Джемсъ Милль въ Англіи окончательно укрѣ-

пилъ за ассоціаціей право считаться основнымъ закономъ душевной жизни. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Милль указываетъ, что ассоціація участвуетъ во всѣхъ психическихъ процессахъ, при анализѣ которыхъ ясно обнаруживается всеобъемлющее значеніе ассоціаціонныхъ явленій.

Съ другой стороны, и въ Германіи появилось ученіе, въ которомъ замѣтно обнаружилось стремленіе расширить терминъ ассоціаціи. Это стремленіе впервые широко обнаружилось въ сочиненіяхъ Гербарта. Гербартъ отлично понималъ недостатки нѣмецкой психологіи, изъ которыхъ главнымъ въ его глазахъ являлась грубость анализа душевныхъ явленій. Онъ указалъ своимъ современникамъ на то, что недостаточно еще подраздѣлить душевные процессы на явленія интеллекта, воли и чувства, какъ это практиковалось въ тогдашней нѣмецкой психологіи: необходимо еще присмотрѣться къ тому, изъ чего слагаются эти процессы. Самъ Гербартъ, на основаніи своего анализа, приходитъ къ выводу, что вся наша душевная жизнь состоитъ изъ представленій (ощущеній), которыя и являются простѣйшими элементами нашей психики. Эти элементы могутъ сочетаться между собой, образовывать сцѣпленія, ряды, связи—и изъ этихъ комбинацій получается все содержаніе нашей душевной жизни. Гербартъ въ своихъ сочиненіяхъ часто употребляетъ выраженія: сцѣпленія, ряды, связь представленій. Самыя эти слова, равно какъ и случаи, при которыхъ Гербартъ ихъ употребляетъ, наводятъ насъ на мысль, что въ своемъ пониманіи ассоціаціи онъ уже сильно приближался къ англійскимъ психологамъ. Уступая, однако, вліянію родной литературы, Гербартъ не рѣшался еще прямо высказать мысль, что ассоціація лежитъ въ основѣ всѣхъ душевныхъ явленій. Слово „ассоціація“ онъ употреблялъ только, когда рѣчь шла о процессахъ памяти, но самую память онъ считалъ основой всякой душевной дѣятельности и тѣмъ самымъ наталкивалъ своихъ послѣдователей на пониманіе ассоціаціи въ духѣ англійской психологіи.

Всѣ эти историческія теченія въ ученіи объ ассоціаціи находятъ свой откликъ и въ современной литературѣ. Такъ, въ криминальной антропологіи слово „ассоціація“ нерѣдко употребляется до сихъ поръ еще въ Локковскомъ смыслѣ случайной и часто нелѣпой связи идей. Въ богословской литературѣ на ассоціацію и теперь еще часто смотрятъ какъ на спеціальный законъ памяти, который не имѣетъ значенія для высшихъ разсудочныхъ процессовъ; наконецъ, въ экспериментальной психологіи законамъ ассоціаціи отводится одно изъ главныхъ мѣстъ, такъ всѣ изслѣдованія ясно доказали ихъ всеобъемлющее значеніе.

Если мы отъ опредѣленія ассоціаціи перейдемъ къ разсмотрѣнію

ея видовъ, то вопросъ этотъ окажется еще болѣе труднымъ, чѣмъ вопросъ о самомъ терминѣ. Между тѣмъ на классификацію ассоціацій насъ наталкиваютъ задачи дѣтской психологіи. Дѣло въ томъ, что въ однихъ сочиненіяхъ о дѣтской душевной жизни говорится о болѣе раннемъ возникновеніи одного вида ассоціацій, въ другихъ—другого. Поэтому прежде, чѣмъ рѣшать, какого рода ассоціаціи въ дѣйствительности возникаютъ раньше всего, необходимо разсмотрѣть, сколько и какія формы ассоціацій слѣдуетъ намъ различать вообще.

Аристотель, говоря о порядкѣ возникновенія представленій, намѣтилъ три вида ассоціацій: сходства, смежности и контраста. Послѣ него воззрѣніе на число видовъ ассоціаціи мѣнялось, при чемъ вплоть до XVIII в. число ассоціацій все возростаетъ. Такъ, напримѣръ, кромѣ трехъ указанныхъ видовъ ассоціаціи, начинаютъ различать еще ассоціацію причинности, ассоціацію между сущностью и явленіемъ, между предметомъ и свойствами и т. д. Такое стремленіе къ увеличенію числа ассоціацій на первыхъ порахъ вполнѣ понятно. Ближе присматриваясь къ извѣстному явленію, люди находятъ съ одной стороны все большее число подходящихъ сюда фактовъ, а съ другой стороны, начинаютъ подмѣчать различія между этими фактами, подведенными подъ одну группу. Отсюда естественно является стремленіе къ болѣе дробной классификаціи.

Съ половины XVIII в. въ психологической литературѣ обнаруживается однако обратное стремленіе. Психологи этого времени стараются свести ассоціаціи къ возможно меньшему числу видовъ. Это стремленіе также понятно и естественно вытекаетъ изъ хода развитія науки. Установивъ дробную классификацію, ученые продолжаютъ анализировать явленія, разгруппированныя извѣстнымъ образомъ. Этотъ дальнѣйшій, болѣе глубокій анализъ вскорѣ обнаруживаетъ, что разновидность явленій, отнесенныхъ къ разнымъ группамъ, не такъ уже велика, что можно подмѣтить общія черты въ этихъ явленіяхъ и на основаніи ихъ произвести новую группировку, при которой будутъ приняты во вниманіе эти немногія общія черты. Въ исторіи многихъ наукъ замѣчаются такія измѣненія классификацій: первоначально устанавляется грубая классификація, затѣмъ все болѣе дробная, и, наконецъ, принципъ данной классификаціи признается негоднымъ и производится другая группировка, на основаніи другихъ принциповъ.

Уже во второй половинѣ XVIII в. было нѣсколько попытокъ упростить ученіе объ ассоціаціи и остановиться на небольшомъ ихъ числѣ. Такъ, Юмъ уже не признавалъ ассоціаціи по контрасту, считая ее однимъ изъ видовъ ассоціаціи по сходству. Но Юмъ призна-

валъ еще существованіе особаго вида ассоціаціи—причинности. Джемсъ Милль доказалъ, что и этотъ видъ ассоціаціи можно разсматривать, какъ частную форму ассоціаціи по смежности.

Одновременно съ этимъ и въ нѣмецкой психологіи замѣчается стремленіе сократить число ассоціацій и свести ихъ къ одному виду—ассоціаціи по смежности. Стремленіе это съ большой ясностью обнаруживается въ половинѣ XIX в.

Первый вопросъ, возникающій по этому поводу сводится къ слѣдующему: откуда появилось это стремленіе свести всѣ ассоціаціи къ одному виду и почему этой единственной формой является именно ассоціація по смежности?

Выясняя исторію ученія объ ассоціаціяхъ, мы указывали, что можно отмѣтить два теченія въ развитіи психологіи: первое, признающее ассоціацію основнымъ закономъ душевной жизни, и второе, противополагающее законамъ ассоціаціи законы разума. Послѣднее направленіе основывало свои положенія на томъ, что ассоціаціонная связь—есть связь, возникшая подъ вліяніемъ внѣшняго опыта, слѣдовательно, находящаяся въ зависимости отъ нашей физической организаціи. Законы же разума, какъ апріорныя формы познанія, не стоятъ ни въ какой связи съ нашимъ тѣломъ. Съ этой точки зрѣнія всѣ душевныя болѣзни, зависящія отъ болѣзненныхъ процессовъ въ мозгу, представляютъ собой нарушенія ассоціаціонной дѣятельности. Разумъ же, какъ независимый отъ тѣла и состоянія мозга, никогда не можетъ быть ни поврежденъ, ни разрушенъ.

Послѣдователи перваго направленія, признававшіе всеобъемлющее значеніе ассоціацій и внѣшняго опыта, вмѣстѣ съ тѣмъ допускали и то, что всѣ наши душевные процессы находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ нашей физической природы. Поэтому то ассоціаціонная психологія на первыхъ порахъ нашла себѣ сторонниковъ главнымъ образомъ среди матеріалистовъ. Эти ученые, признавая ассоціацію главнымъ закономъ душевной жизни, старались установить параллель между физіологическими законами мозговыхъ возбужденій и психологическимъ закономъ смѣны представленій (Гертли). Стараясь найти аналогію между мозговыми и умственными процессами, они неизбѣжно должны были придти къ вопросу: существуютъ ли въ мозгу процессы, имѣющіе что нибудь общее съ ассоціаціей по сходству? Несомнѣнно, что между ассоціаціей по смежности и передачей возбужденія отъ одного центра другому есть нѣкоторая аналогія. Сходство же не имѣетъ параллельныхъ процессовъ въ мозгу. Отсюда и явилось стремленіе всѣ законы ассоціаціи свести къ закону смежности.

Кромѣ этого, вполнѣ естественнаго стремленія послѣдовательно

провести свою точку зрѣнія, послѣдователи ассоціаціонной психохологіи потому еще настаивали на своемъ положеніи, что сведеніе всѣхъ явленій припоминанія къ одному общему закону давало возможность болѣе простого и легкаго объясненія этихъ процессовъ.

Но какимъ образомъ возможно доказать вторичность ассоціаціи сходства? Для этого существуетъ нѣсколько объясненій, изъ которыхъ самымъ первымъ по времени является теорія Мааса. Онъ доказывалъ, что ассоціація сходства есть частный видъ ассоціаціи по смежности на основаніи слѣдующихъ разсужденій. Если отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое сходство, то придется опредѣлить его, какъ частичное тожество. Установить сходство между предметами—значитъ подмѣтить тожественные элементы въ этихъ предметахъ. Допустимъ, что намъ даны два сложныхъ впечатлѣнія: АВС и DВЕ. Впечатлѣнія эти сходны потому, что въ число элементовъ, составляющихъ каждое изъ нихъ, входитъ тожественный обоимъ элементъ В. Въ силу этого каждое изъ этихъ впечатлѣній обладаетъ способностью вызывать въ нашей памяти воспоминаніе о другомъ. Такіе случаи обыкновенно разсматриваются, какъ ассоціаціи сходства, но Маасъ объясняетъ весь этотъ процессъ, какъ ассоціацію по смежности. Вѣдь для того, чтобы одно впечатлѣніе вызвало воспоминаніе о другомъ, сходномъ съ нимъ, необходимо, чтобы наше вниманіе сосредоточилось на болѣе или менѣе продолжительное время на тожественномъ признакѣ. Но сосредоточеніе вниманія на одной какой-нибудь части предмета сопровождается всегда невниманіемъ къ другимъ его сторонамъ, которыя поэтому въ данные моменты воспринимаются нами неясно и даже какъ будто совершенно исчезаютъ изъ сознанія. Такимъ образомъ, на короткое время въ нашемъ сознаніи, вмѣсто сложнаго впечатлѣнія АВС, господствуетъ одно только В, и вслѣдъ за этимъ, на мѣсто элементовъ АС, у насъ возникаетъ представленіе элементовъ ДЕ, связанныхъ съ признакомъ В ассоціаціей по смежности. Такимъ образомъ, подробно анализируя весь этотъ сложный процессъ, мы замѣчаемъ, что онъ распадается на нѣсколько болѣе простыхъ процессовъ ассоціаціи по смежности.

Теорія Мааса повторялась во многихъ психологическихъ сочиненіяхъ. Ее пробовали приложить къ объясненію другихъ случаевъ ассоціаціи сходства, и попытки эти продолжаются еще до сихъ поръ. Противники этой теоріи указывали на нѣсколько случаевъ, для которыхъ объясненіе Мааса, повидимому, неприложимо. Примѣромъ этого могутъ служить такія метафорическія сравненія, какъ уподобленіе ребенка цвѣтку и т. п. Гдѣ здѣсь тѣ тожественные элементы, которые являются исходнымъ пунктомъ ассоціаціи? Повидимому, между этими двумя предметами нѣтъ никакого реальнаг

сходства. Но, говоря о сходствѣ между представленіями, мы должны помнить, что съ психологической точки зрѣнія, сходство есть не столько то общее, что, существуетъ во внѣшнихъ предметахъ, сколько общее между тѣми впечатлѣніями, которыя мы получаемъ отъ воспринимаемыхъ вещей. Говоря другими словами, сходство есть нѣчто въ значительной степени субъективное и связанное поэтому съ тѣми чувствами, которыя возникаютъ въ насъ по поводу тѣхъ или другихъ предметовъ. Такимъ образомъ, хотя между объективными представленіями ребенка и цвѣтка нѣтъ никакихъ сходныхъ признаковъ, тѣмъ не менѣе уподобленіе одного предмета другому происходитъ на почвѣ чувства, вызываемаго и тѣмъ и другимъ, и представляющаго собой тотъ элементъ тожества, который необходимъ для образованія ассоціаціи.

Болѣе трудными для объясненія являются случаи, когда мы можемъ наблюдать не весь ассоціаціонный процессъ, а лишь конечные его пункты, т. е. когда мы имѣемъ дѣло съ сокращеннымъ процессомъ. Примѣромъ такого рода случаевъ мы можемъ взять случаи узнаванія какого-нибудь лица по его портрету. На первый взглядъ здѣсь передъ нами несомнѣнный фактъ ассоціаціи сходства, взятой помимо ассоціаціи смежности. Тѣмъ не менѣе сторонники теоріи Мааса и эти случаи объясняютъ какъ процессъ смежности. Они указываютъ, во-первыхъ, что не всѣ люди умѣютъ узнавать портреты, что это—искусство, подобное чтенію, которому необходимо учиться, чтобы умѣть пользоваться. При обученіи чтенію у учащагося устанавливается, благодаря заучиванію, рядъ ассоціацій по смежности между извѣстными звуками и буквами, при помощи которыхъ онъ овладѣваетъ процессомъ чтенія. Точно такія же ассоціаціи должны образоваться у людей, которые хотятъ усвоить себѣ искусство распознавать картины. Обыкновенно мы такъ и поступаемъ: разглядываемъ портретъ, приближаемъ его къ лицу оригинала, сравниваемъ и устанавливаемъ такимъ образомъ между этими двумя предметами прочную ассоціацію по смежности.

Но иногда, несмотря на всѣ старанія, невозможно бываетъ доказать, что узнаваніе произошло именно такимъ путемъ, при помощи ассоціацій по смежности. Такъ, напримѣръ, указываютъ, что между образомъ человѣка и портретомъ его часто слишкомъ большая разница въ величинѣ, чтобы такое сближеніе могло имѣть мѣсто, и тѣмъ не менѣе портретъ вызываетъ въ насъ воспоминаніе объ оригиналѣ. На это можно возразить, что о каждомъ человѣкѣ мы имѣемъ нѣсколько представленій. Возьмемъ, напримѣръ, удаляющуюся фигуру. Сначала она представляется намъ одной величины, затѣмъ, но мѣрѣ удаленія, постепенно уменьшается и достигаетъ,

наконецъ, такихъ размѣровъ, какъ изображаніе ея на картинѣ. Такимъ путемъ устанавливается ассоціація по смежности между этимъ образомъ и картиной, а затѣмъ, черезъ посредство послѣдовательнаго ряда образовъ удаляющагося человѣка, которые представляютъ собой промежуточныя звенья ассоціаціи, мы связываемъ обыкновенное представленіе человѣка, созерцаемаго нами вблизи, съ изображеніемъ на портретѣ. Такимъ образомъ, при взглядѣ на портретъ передъ нами быстро проходитъ весь этотъ длинный рядъ образовъ, въ результатѣ чего и является фактъ узнаванія. Но констатировать въ нашемъ сознаніи всю эту ассоціаціонную цѣпь со всѣми ея звеньями нѣтъ ни малѣйшей возможности, а, слѣдовательно, нѣтъ, повидимому, и никакого основанія предполагать, что процессъ этотъ произошелъ именно такимъ образомъ.

Послѣдователи теоріи ассоціаціи по смежности слѣдующимъ образомъ разрѣшаютъ это недоумѣніе. Каждому психическому процессу, а слѣдовательно, каждому представленію человѣческаго лица, соотвѣтствуетъ извѣстное мозговое возбужденіе, которое можетъ то усиливаться, то ослабѣвать. Допустимъ, что мы воспринимаемъ послѣдовательно рядъ образовъ извѣстнаго лица, но воспринимаемъ ихъ не съ одинаковой степенью вниманія. Вначалѣ, когда данное воспріятіе является для насъ болѣе или менѣе новымъ, мы относимся къ нему съ полнымъ интересомъ, который съ теченіемъ времени ослабѣваетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ и мозговое возбужденіе, соотвѣтствующее данному воспріятію. Но вотъ лицо, которое находилось въ одной съ нами комнатѣ, удаляется и, удаляясь, обращается къ намъ съ вопросомъ. Это обращеніе къ намъ снова усиливаетъ наше вниманіе къ данному воспріятію, и параллельно съ этимъ усиливается соотвѣтствующее ему мозговое возбужденіе. Въ описанномъ случаѣ мы имѣемъ рядъ представленій, воспринимаемыхъ съ разной степенью вниманія, и рядъ мозговыхъ процессовъ, постепенно ослабѣвающихъ и затѣмъ опять усиливающихся. Тутъ каждому, самому слабому возбужденію соотвѣтствуетъ все-таки извѣстный образъ.

Но предположимъ, что весь этотъ процессъ повторился у насъ въ мозгу въ болѣе слабой степени. Тогда не каждое изъ возбужденій мозга будетъ настолько сильно, чтобы вызвать извѣстное психическое состояніе. Въ такомъ случаѣ нѣкоторыя изъ представленій, соотвѣтствовавшія прежде наиболѣе слабымъ мозговымъ процессамъ, останутся подъ порогомъ сознанія, и мы съ психической стороны получимъ не полный рядъ звеньевъ ассоціаціи, а только тѣ ея части, которымъ при воспріятіи соотвѣтствовали наиболѣе интенсивныя возбужденія мозга. Многія же возбужденія, которыя

при воспріятіи были еще достаточно сильны, чтобы вызвать извѣстное представленіе, возобновятся только въ формѣ чисто физіологическихъ процессовъ.

Изъ всего этого видно, что вопросъ о сведеніи ассоціаціи сходства на ассоціацію смежности связанъ съ предположеніемъ существованія въ мозгу извѣстныхъ физіологическихъ явленій, которымъ когда-то соотвѣтствовали душевные процессы, но которыя, вслѣдствіе своей слабости, утратили способность вызывать образы сознанія. Если бы можно было какъ-нибудь усилить этотъ физіологическій процессъ, мы получили бы полную возможность возстановить и психическую сторону этого явленія во всемъ его послѣдовательномъ развитіи. Эта гипотеза заставляетъ насъ глубже вникнуть въ сущность ассоціаціонныхъ процессовъ и указываетъ на необходимость подробнаго изученія физіологическихъ мозговыхъ процессовъ. Главнѣйшими защитниками этой теоріи являются Джэмсъ Милль и Леманъ.

Но на ряду съ теоріей, по которой всѣ формы ассоціацій сводились къ ассоціаціи смежности, были и попытки доказать самостоятельность ассоціаціи сходства и даже необходимое ея участіе въ процессѣ ассоціированія по смежности. Представителями этой теоріи являются Гамильтонъ, Бэнъ и Геффдингъ.

Свою мысль послѣдователи этого ученія подтверждаютъ слѣдующими соображеніями. Возьмемъ простѣйшій примѣръ связи представленій по смежности, а именно — ассоціацію какого-нибудь цвѣта, хотя бы краснаго, съ его названіемъ. Связь эта образуется, благодаря тому, что мы одновременно воспринимаемъ данный цвѣтъ и слышимъ слово: красный. Встрѣчая впослѣдствіи этотъ цвѣтъ, мы, при видѣ его, невольно припоминаемъ и названіе. Это несомнѣнно—ассоціація по смежности. Но для того, чтобы она могла образоваться, необходимо, чтобы мы обладали способностью *узнавать* данный цвѣтъ. Всякая ассоціація по смежности предполагаетъ узнаваніе исходнаго пункта ассоціаціи. Въ чемъ же состоитъ процессъ узнаванія? Въ воспроизведеніи полученныхъ прежде образовъ, сходныхъ съ даннымъ впечатлѣніемъ, причемъ исходнымъ пунктомъ для воспроизведенія представленій служитъ именно это сходство. Такимъ образомъ, типичной формой чистой ассоціаціи по сходству является узнаваніе.

Защитники теоріи ассоціаціи смежности, какъ основной формы воспроизведенія, указываютъ на то, что самое узнаваніе невозможно безъ ассоціаціи смежности. Предположимъ, напримѣръ, что мы встрѣчаемъ какого-нибудь знакомаго на улицѣ и тотчасъ же узнаемъ его. Какъ слѣдуетъ понимать такой случай? Защитники ассоціаціи сходства утверждаютъ, что это есть случай непосредственнаго припоминанія. Но послѣдователи теоріи смежности иначе толкуютъ этотъ

примѣръ. Они говорятъ, что въ данномъ случаѣ процессъ узнаванія совершается не сразу, не непосредственно: видъ даннаго лица вызываетъ въ насъ, въ силу закона смежности, представленія о той обстановкѣ, въ которой мы видѣли этого человѣка, о словахъ, сказанныхъ имъ въ нашемъ присутствіи и т. д. Только тогда, когда въ нашемъ умѣ промелькнетъ рядъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ образовъ или чувствъ, связанныхъ по смежности съ даннымъ воспріятіемъ, происходитъ узнаваніе.

Противники этой теоріи возражаютъ на это, что бываютъ случаи (правда, весьма рѣдкіе), когда мы, при видѣ какого-нибудь лица вспоминаемъ, что оно намъ знакомо, но рѣшительно не можемъ сказать, когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ мы его видѣли. Эти случаи непосредственнаго узнаванія, казалось бы, подтверждаютъ теорію самостоятельнаго существованія ассоціаціи сходства.

Но самое существованіе такихъ случаевъ, столь важныхъ въ разрѣшеніи этого спора, является весьма сомнительнымъ, по мнѣнію сторонниковъ теоріи смежности. Они указываютъ, что непосредственность такого узнаванія только видимая. Побочныя представленія несомнѣнно существуютъ, но они такъ мимолетны и смутны, что не поддаются опредѣленію. Несмотря на это, узнаваніе возможно только при условіи ихъ существованія.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ и разсужденій, приводимыхъ въ защиту той и другой теоріи, ясно вытекаетъ, что рѣзкое разграниченіе обѣихъ этихъ формъ ассоціаціи—чисто искусственное. Въ дѣйствительности оба эти процесса связаны очень тѣсно. Чистой ассоціаціи по сходству нѣтъ. Но и въ процессѣ ассоціированія по смежности не маловажную роль играетъ сознаніе сходства нѣкоторыхъ частей даннаго предмета съ частями пережитыхъ прежде впечатлѣній. Но такъ какъ сходство есть не что иное, какъ частичное тожество, то Вундтъ и его школа вовсе не употребляютъ слова сходство въ примѣненіи къ элементамъ ассоціаціонныхъ процессовъ и говорятъ только объ ассоціаціяхъ смежности и тожества. Такъ, напримѣръ, такіе случаи ассоціаціи, понимаемые обыкновенно какъ ассоціаціи сходства, какъ возникновеніе представленія о рядѣ знаковъ — + — при видѣ ряда знаковъ × + ×,—при подробномъ анализѣ, какъ уже было показано, распадаются на ассоціацію смежности и тожества. Въ цѣломъ, характеръ этого процесса зависитъ отъ того, на какую сторону его преимущественно обращено наше вниманіе. Если оно останавливается, главнымъ образомъ, на знакомыхъ элементахъ—процессъ пріобрѣтаетъ характеръ ассоціаціи по сходству; если перевѣсъ остается за новыми элементами—мы имѣемъ передъ собой ассоціацію по смежности.

Александръ Нечаевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Принципы умственнаго развитія и примѣненіе ихъ въ средней школѣ.

(*Окончаніе*).

Считая излишнимъ входить здѣсь въ подробное и всестороннее обсужденіе вопроса о наилучшей постановкѣ занятій въ средней школѣ *), я позволю себѣ высказать лишь нѣкоторыя практическія соображенія относительно веденія дѣла обученія, въ особенности въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Прежде всего—относительно системы балловъ, или отмѣтокъ. Введенная въ классное употребленіе, какъ средство для поощренія и возбужденія энергіи учениковъ, какъ наиболѣе легкій, скорый и дешевый способъ для ихъ наградъ и наказаній, она въ послѣднее время утратила свое первоначальное назначеніе, приняла характеръ исключительно карательнаго учрежденія и практикуется преимущественно, какъ средство для побужденія и наказанія лѣнивыхъ учениковъ. Разсматриваемая даже какъ система наградъ и наказаній для учащихся, она не выдерживаетъ критики: награда, въ какой-бы формѣ она ни была выражена, должна слѣдовать за какія-либо особыя, выдающіяся качества, труды и занятія, а потому должна быть явленіемъ рѣдкимъ и исключительнымъ; нормальная-же дѣятельность и трудъ есть долгъ, сознаніе исполненія котораго вызываетъ душевное спокойствіе и удовлетвореніе: оно и должно служить постояннымъ стимуломъ и наградой для всякой дѣятельности. Неправильное-же примѣненіе системы наградъ парализуетъ это настроеніе и вселяетъ ложныя понятія и взгляды на жизнь. Кромѣ того, примѣненіе наградъ всегда должно быть весьма строго согласованно съ требованіями справедливости, малѣйшія уклоненія отъ которой могутъ возбуждать недовольство, зависть, недоброжелательство и т. п. нехорошія чув-

*) Вопросъ этотъ въ болѣе общемъ видѣ разсмотрѣнъ мною въ статьѣ „О преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній“ („Отголоски“, № 296 и 298, 1901 г.).

ства. Подобныя явленія и наблюдаются въ дѣйствительности при широкомъ примѣненіи балловой системы при обученіи въ средней школѣ.

Педагогическое-же значеніе балловой системы, какъ учрежденія преимущественно карательнаго, еше болѣе отрицательное: во 1-хъ, несправедливо и жестоко за малѣйшіе пробѣлы и недочеты въ знаніяхъ, которые нерѣдко проявляются помимо воли, желанія и усердія учащагося, налагать на него позорное клеймо въ видѣ дурной отмѣтки, которая на долгое время остается въ его учебномъ формулярѣ и позоритъ его въ глазахъ воспитателей, родителей и товарищей; во 2-хъ, вызываемый этой системой страхъ и опасенія учащихся за свои успѣхи и дальнѣйшее благополучіе производятъ такой гнетъ душевнаго состоянія ихъ, при которомъ они не могутъ успѣшно пользоваться всѣми своими духовными способностями, и иногда впадаютъ даже въ болѣзненное состояніе; въ 3-хъ, какъ стимулъ для возбужденія активнаго вниманія учащихся, страхъ не можетъ имѣть мѣста въ нормальной системѣ воспитанія и долженъ быть замѣненъ другими, положительными средствами, основанными на естественной любознательности ихъ, развитіи въ нихъ хорошихъ привычекъ, а также на содержаніи и постановкѣ самого преподаванія; въ 4-хъ примѣненіе балловой системы, какъ легкаго средства для контроля и наказаній, нерѣдко совершенно извращаетъ взгляды преподавателей на свою задачу, заставляетъ ихъ ограничивать дѣятельность чисто формальной стороной дѣла преподаванія и игнорировать примѣненіе болѣе разумныхъ педагогическихъ пріемовъ воспитанія и обученія, и въ 5-хъ, наконецъ, съ этой системой тѣснымъ образомъ связана и ею объясняется потеря почти половины всего класснаго времени, которое непроизводительно расходуется на выспрашиваніе учениковъ. Признать-же за балловой системой только одно формальное значеніе — какъ способа оцѣнки успѣховъ учащихся въ теченіе извѣстнаго періода времени — невозможно, такъ какъ для этого нѣтъ никакой надобности подвергать ихъ ежедневному экзамену, непроизводительно тратить на это значительное количество класснаго времени и держать учениковъ въ постоянномъ страхѣ и волненіи. Въ познаніяхъ учениковъ преподаватель легко можетъ убѣдиться и гораздо вѣрнѣе оцѣнить ихъ иными способами, безъ производства ежедневныхъ экзаменовъ, отвѣты на которыхъ весьма часто бываютъ совершенно случайны и далеко не всегда могутъ свидѣтельствовать о степени знаній, вниманія и усердія учащихся.

Устранивъ это зло и получивъ въ экономіи значительное количество свободнаго класснаго времени, можно употребить его болѣе продуктивно и расположить занятія учащихся такимъ образомъ

чтобы преслѣдовались не формальныя только стороны преподаванія, но чтобы дѣйствительно ученики учились и научались въ классѣ, чему слѣдуетъ, подъ руководствомъ и при помощи своихъ преподавателей. Для этого совершенно недостаточно чисто формальнаго объясненія урока и повѣрки познаній учащихся, но необходимо, чтобы преподаватель употребилъ всѣ зависящія отъ него мѣры и средства къ тому, чтобы ученики при его помощи дѣйствительно поняли и усвоили данный матеріалъ. Средства къ тому многочисленны и разнообразны, и выборъ ихъ зависитъ отъ свойствъ изучаемаго предмета, возраста и развитія учащихся, а также отъ искусства, опытности и усердія преподавателя: пользованіе наглядными пособіями, простота, послѣдовательность и картинность объясненій, повтореніе и пересказъ по наводящимъ вопросамъ, хоровые отвѣты, группировка и конспектированіе урока, соотвѣтствующія ему письменныя упражненія учащихся и т. п. занятія могутъ содѣйствовать уясненію и запоминанію учебнаго матеріала на столько, что центръ тяжести обученія дѣйствительно будетъ сосредоточенъ на классныхъ занятіяхъ учащихся, и домашнія ихъ работы будутъ для нихъ не обременительны и легко выполняемы безъ всякой посторонней помощи. При такихъ условіяхъ у учащихся окажется достаточное количество свободнаго внѣкласснаго времени, которое они могутъ употреблять на чтеніе различныхъ книгъ и пособій и на пополненіе своихъ знаній.

Понятно, что успѣхъ всякихъ домашнихъ занятій учащихся во многомъ будетъ зависить отъ той обстановки, въ которой они живутъ, и отъ того вниманія, которое оказываютъ имъ родители: послѣдніе во всякомъ случаѣ должны предоставить имъ достаточныя средства и удобства для домашнихъ занятій, оказывать вниманіе къ поддержанію ихъ стремленія къ самоусовершенствованію, укрѣплять въ нихъ привычку къ труду и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей и наблюдать, чтобы ихъ дѣти не пріучались расходовать все время внѣклассной ихъ жизни на удовольствія, забавы и бездѣлье.

Не разсматривая подробно всѣхъ видовъ классныхъ упражненій учащихся, я остановлюсь нѣсколько на письменныхъ работахъ ихъ. По моему мнѣнію, этотъ видъ упражненій имѣетъ за собою большія преимущества: во 1-хъ, они вызываютъ такую смѣну занятій, при которой вниманіе учащихся менѣе разсѣивается и личныя работы каждаго сосредоточиваютъ познавательныя способности на данномъ упражненіи; во 2-хъ, такимъ путемъ, когда назначенная работа составляетъ продолженіе и дополненіе даннаго урока, понятна и посильна учащимся, наилучшимъ образомъ уясняются и закрѣпляются

въ памяти учащихся новыя свѣдѣнія; въ 3-хъ, при этихъ занятіяхъ преподаватель имѣетъ полную возможность оказать свое содѣйствіе и помощь болѣе слабымъ ученикамъ и такимъ образомъ поднять ихъ успѣхи, и въ 4-хъ, наконецъ, наблюдая за этими работами, онъ легче и правильнѣе можетъ оцѣнить дѣйствительныя познанія своихъ учениковъ и степень ихъ развитія и сообразовать съ ними дальнѣйшія ихъ занятія. Необходимо только поставить эти упражненія въ такія условія, чтобы работы давались посильныя и ученики получали всѣ средства и помощь для правильнаго ихъ выполненія, чтобы они не имѣли повѣрочнаго, экзаменаціоннаго характера: тогда ученики будутъ выполнять ихъ въ спокойномъ состояніи духа, съ полнымъ вниманіемъ и по собственной инициативѣ и личнымъ побужденіямъ будутъ усваивать и воспринимать гораздо болѣе того, что они могли бы пріобрѣсти подъ страхомъ дурныхъ отмѣтокъ и угрозой наказаній.

Многіе предметы преподаванія, если не большая часть ихъ, допускаютъ возможность такой постановки занятій и введенія классныхъ письменныхъ упражненій учащихся. Преподаваніе математики главнымъ образомъ на нихъ должно основываться, такъ какъ простое слушаніе отвлеченныхъ выводовъ и формулъ и наблюденіе за работой учителя или спрашиваемыхъ учениковъ недостаточны для того, чтобы закрѣпить въ умѣ учащихся весь послѣдовательный ходъ логическихъ разсужденій, запомнить выводы и формулы и научиться прилагать ихъ къ дѣлу: необходимо каждому самому самостоятельно продѣлать все это на бумагѣ, и тогда только можно убѣдиться въ достаточномъ усвоеніи сообщеннаго матеріала. Какъ въ низшихъ, такъ и въ старшихъ классахъ представляется полная возможность сосредоточить всѣ занятія по математикѣ преимущественно на письменныхъ работахъ учащихся, которыя они легко и съ большою пользою могутъ исполнять въ классѣ подъ руководствомъ и при помощи учителя. Нужно только давать необходимыя предварительныя разъясненія и располагать эти работы въ строгой системѣ и порядкѣ, чтобы учащіеся не затруднились ихъ рѣшеніемъ. При этомъ не только нѣтъ никакой надобности лишать ихъ возможности пользоваться всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи учебными пособіями и руководствами, но, напротивъ, необходимо рекомендовать имъ отыскивать необходимыя справки, чтобы лучше уяснить себѣ учебный матеріалъ и выполнять работу болѣе увѣренно и сознательно: такимъ путемъ легче всего и болѣе сознательно могутъ постепенно закрѣпиться и въ памяти необходимыя свѣдѣнія. Особенно это важно при работахъ учениковъ старшихъ классовъ: вмѣсто того, чтобы заставлять учениковъ дѣлать какія-либо вычисленія и

преобразованія на память, при неувѣренности во взятыхъ основныхъ формулахъ и намѣченномъ планѣ работы, гораздо полезнѣе будетъ предоставить имъ возможность найти и провѣрить всѣ данныя для работы и исполнить ее вполнѣ увѣренно и сознательно. При такой постановкѣ дѣла возможно и самый матеріалъ для письменныхъ упражненій учащихся разнообразить и расширять, и не ограничиваться, какъ теперь, такими работами, которыя имѣютъ чаще всего видъ механическихъ вычисленій.

Русскій языкъ также даетъ очень богатый матеріалъ для письменныхъ упражненій учащихся: зрительный и объяснительный диктантъ, письмо выученнаго наизусть, полные отвѣты на данные вопросы, переписка правилъ, выводовъ и главныхъ положеній урока, группировка и констатированіе его и самостоятельныя работы разныхъ видовъ и на разныя темы—все это даетъ обширный матеріалъ для классныхъ письменныхъ работъ учащихся: почти каждый новый урокъ здѣсь возможно дополнительно разрабатывать и усваивать при помощи письменныхъ упражненій.

Переписка въ тетради того матеріала, который долженъ быть закрѣпленъ въ памяти учащихся, а также резюмированіе и констатированіе уроковъ, въ видѣ-ли диктуемыхъ главныхъ положеній, правилъ и выводовъ, или въ видѣ отвѣтовъ на данные вопросы, а также въ видѣ самостоятельныхъ выводовъ и заключеній могутъ съ успѣхомъ примѣняться также на урокахъ географіи, исторіи, физики и другихъ предметовъ обученія въ средней школѣ.

Новые и древніе языки также даютъ весьма обширный матеріалъ для классныхъ письменныхъ работъ учащихся; отчасти онъ можетъ касаться записыванія словъ и фразъ и формулированія важнѣйшихъ правилъ и выводовъ; главнымъ-же образомъ эти работы должны состоять въ самостоятельныхъ переводахъ съ иностраннаго языка на русскій. Насколько я понимаю, главная цѣль обученія иностраннымъ языкамъ должна заключаться въ достиженіи пониманія этихъ языковъ, въ умѣньи пользоваться ими для чтенія книгъ иностранной литературы; изученіе-же разговорнаго языка едва-ли достижимо при тѣхъ условіяхъ времени и обстановки обученія, при которыхъ находится большинство учащихся въ общеобразовательной школѣ: класснаго времени недостаточно для того, чтобы учащіеся могли здѣсь хорошо усвоить разговорный иностранный языкъ, а обстановка ихъ домашней жизни, за рѣдкими исключеніями, также мало благопріятствуетъ этому. Поэтому я полагаю, при изученіи иностранныхъ языковъ въ общеобразовательной школѣ необходимо ограничить свою задачу изученіемъ грамматическаго ихъ строя и усвоеніемъ литературнаго языка при посредствѣ переводовъ и чтенія ино-

странныхъ книгъ: при достаточномъ навыкѣ въ этомъ, чего легк достигнуть при правильной постановкѣ занятій, учащіеся впослѣдствіи легко могутъ усвоить и разговорный языкъ, когда попадутъ въ такія условія, гдѣ онъ будетъ имъ необходимъ. Съ этой задачей и нужно сообразовать весь ходъ обученія иностраннымъ языкамъ и располагать устныя и письменныя упражненія учащихся такимъ образомъ, чтобы они вели прежде всего къ пониманію языка, а не къ умѣнью говорить и писать на немъ: первая задача легко достижима, а погоня за обѣими цѣлями нерѣдко кончается только безполезной потерей времени. Поэтому упражненія учащихся должны быть здѣсь направлены къ усвоенію словъ, фразъ, грамматическихъ правилъ и литературныхъ произведеній иностраннаго языка съ цѣлью понять ихъ и перевести на русскій языкъ. Классныя письменныя упражненія при этихъ занятіяхъ должны играть большую роль, закрѣпляя въ памяти изучаемый матеріалъ и содѣйствуя самостоятельному и сознательному усвоенію его. Необходимо и здѣсь самостоятельные классные переводы учащихся поставить въ такія условія, при которыхъ они могли-бы свободно пользоваться необходимыми пособіями: словаремъ и грамматикой и, въ случаѣ надобности, обращаться за содѣйствіемъ и помощью къ своему преподавателю.

Самостоятельныя классныя работы учащихся, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ практическихъ пріемовъ для правильной постановки занятій въ школѣ, давая возможность учащимся наилучшимъ и болѣе легкимъ способомъ воспринимать и закрѣплять въ сознаніи и памяти необходимый учебный матеріалъ, въ то же время лучше всего поддерживаютъ ихъ активное вниманіе и стремленіе къ самообразованію, даютъ возможность преподавателю вести одновременныя занятія съ цѣлымъ классомъ и въ то же время позволяютъ ему обращать свое вниманіе на индивидуальныя особенности учащихся, оцѣнивать ихъ достоинства и недостатки, степень ихъ развитія и познаній, содѣйствовать наилучшему развитію способностей и знаній наиболѣе одаренныхъ учениковъ и оказывать помощь въ занятіяхъ слабыхъ и малоспособныхъ, пріучать всѣхъ къ самодѣятельности и сознательному труду и воспитывать въ желаемомъ направленіи.

Исключивъ изъ круга дѣятельности и занятій въ средней школѣ недовѣріе, погоню за постояннымъ контролемъ и уловленіемъ учащихся и обративъ все свое вниманіе на возможно болѣе экономное и продуктивное использованіе класснаго времени на развитіе учащихся и пріобрѣтеніе ими наибольшаго количества знаній и навыковъ, легко можно будетъ поставить дѣло обученія такимъ образомъ, что учащіеся не только не будутъ тяготиться своими занятіями, но, напротивъ, будутъ стремиться къ нимъ и по собственной иниціативѣ

и желанію достигнуть значительно большихъ успѣховъ, чѣмъ какіе достигаются путемъ принужденія, страха и наказаній.

Установивъ принципъ отвѣтственности преподавателей за успѣхи обученія и направивъ ихъ дѣятельность такимъ образомъ, чтобы не формально только исполнялись ихъ учительскія обязанности, а изыскивались и практиковались всѣ возможныя мѣры и средства къ облегченію для учащихся усвоенія ими учебнаго матеріала,—кромѣ весьма важныхъ учебныхъ результатовъ, мы получимъ не менѣе цѣнныя и воспитательныя послѣдствія: тогда, при правильныхъ и нормальныхъ отношеніяхъ, исчезнетъ всякая рознь и холодность въ отношеніяхъ учащихъ и учащихся, недовѣріе и страхъ послѣднихъ предъ своими воспитателями; они легко привыкнутъ видѣть въ нихъ не строгихъ судей и карателей за лѣность, невнимательность и другіе проступки школьной жизни, которые чаще всего вызываются и объясняются не произвольнымъ развитіемъ ихъ дурныхъ наклонностей, а ненормальной постановкой самаго дѣла воспитанія и обученія, отъ нихъ не зависящей, и будутъ относиться къ нимъ, какъ къ своимъ постояннымъ благожелателямъ и ближайшимъ руководителямъ, дѣятельность которыхъ направлена исключительно въ интересахъ ихъ развитія и усовершенствованія. При такихъ условіяхъ легко будетъ выполнять и воспитательныя задачи, внушая учащимся правильные взгляды и понятія, развивая добрыя чувства и хорошія привычки. То довѣріе и уваженіе, которое легко могутъ завоевать преподаватели при нормальной постановкѣ дѣла обученія, дастъ имъ возможность употреблять въ пользу свое вліяніе на учащихся, направлять ихъ на путь добра, правды и чести и своими совѣтами и убѣжденіями застраховать многихъ изъ нихъ отъ ошибокъ и увлеченій въ дальнѣйшей жизни.

Тогда исчезнутъ—съ одной стороны—легкомысліе, излишняя самоувѣренность и резонерство, которыя развиваются при случайномъ легкомъ успѣхѣ, а съ другой — безпомощность и неувѣренность въ своихъ силахъ, страхъ всякой инціативы и самостоятельнаго труда и неумѣнье взяться за него, характеризующія учащихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые даже по окончаніи курса въ нихъ и полученіи общаго образованія по весьма обширной программѣ нерѣдко встрѣчаютъ большія затрудненія при дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и при вступленіи на путь практической жизни: отсутствіе привычки къ самостоятельному труду и правильной оцѣнки своихъ познаній и силъ нерѣдко, парализуетъ дальнѣйшіе успѣхи въ жизни даже наиболѣе способныхъ и успѣвающихъ питомцевъ средней школы.

Констатируемый мною фактъ неудовлетворительной и ненор-

мальной постановки учебнаго дѣла во многихъ изъ русскихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію: на него давно уже указываютъ общество и печать, а въ послѣднее время и Министерство Народнаго Просвѣщенія признало нужнымъ сдѣлать въ средней школѣ коренныя преобразованія. Намъ, педагогамъ, я думаю, не только не слѣдуетъ отрицать его и закрывать глаза на то, что всѣ видятъ, но необходимо, напротивъ, прежде другихъ и внимательнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ и принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры къ его упорядоченію.

Почему же въ нашихъ общеобразовательныхъ школахъ въ рукахъ спеціалистовъ-педагоговъ нерѣдко получается такъ много неудавшихся, отсталыхъ, лѣнивыхъ и испорченныхъ учениковъ? Матеріалъ для своихъ занятій они сами выбираютъ и бракуютъ негодный, не допуская въ школѣ малоразвитыхъ, неспособныхъ и неподготовленыхъ учениковъ; и обученіе въ общеобразовательной школѣ не должно составлять привилегію только избранныхъ и особенно одаренныхъ способностями юношей. Почему же обученіе весьма часто не идетъ успѣшно и доставляетъ учащимся и ихъ родителямъ непреоборимыя затрудненія? Обыкновенно причину неудачи усматриваютъ въ личныхъ качествахъ самихъ учащихся, которые трактуются, какъ негодные, лѣнивые, неспособные, апатичные и злонамѣренные, и въ недостаткѣ вниманія и помощи въ дѣлѣ обученія со стороны ихъ родителей. Но не логичнѣе ли отнести эту причину прежде всего къ неискусству самихъ мастеровъ педагогическаго дѣла, которымъ однимъ принадлежитъ и должна принадлежать активная роль въ дѣлѣ обученія? Вліяніе и помощь семьи въ періодъ до-школьной и школьной жизни учащихся, несомнѣнно, весьма важны; но роль ея касается, главнымъ образомъ, воспитанія дѣтей и заботъ о благоустройствѣ внѣшней обстановки ихъ жизни. Обученія же ихъ какъ по содержанію программы, такъ и относительно плана, послѣдовательности и методовъ занятій, всецѣло находится въ рукахъ школы. Поэтому и отвѣтственность за эти занятія должна прежде всего лежать на самой школѣ.

С. Громеницкій.

Къ сексуальному вопросу въ педагогіи.

I.

Въ предлагаемой статьѣ мы намѣрены разсмотрѣть сексуальный вопросъ: 1) съ точки зрѣнія программъ, что, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, почти равносильно разсмотрѣнію вопроса о сходствѣ или различіи воспитанія того и другого пола; 2) съ точки зрѣнія состава школы, т. е. должно-ли обученіе быть совмѣстнымъ для обоихъ половъ въ школахъ всѣхъ типовъ, или только нѣкоторыхъ, или, наоборотъ, училища разнаго типа должны существовать отдѣльно для каждаго пола; сюда же относится и вопросъ о томъ, должно-ли дѣлаться различіе между полами при выборѣ преподавателей для разныхъ учебныхъ заведеній и для домашняго обученія; 3) какое вниманіе должно быть посвящено въ школѣ или дома этому вопросу, какъ одному изъ важнѣйшихъ явленій физической и моральной природы, т. е. какое мѣсто должно быть отведено изученію этого вопроса при обученіи наукамъ естественнымъ и при моральномъ воспитаніи?.

Цѣль воспитанія и обученія опредѣляетъ и весь характеръ системы. Чѣмъ яснѣе цѣль воспитанія и обученія, тѣмъ программа къ достиженію ея будетъ отличаться большей простотой въ смыслѣ ясности, что именно должно входить въ нее и въ какомъ объемѣ и что должно быть совершенно исключено. Если мы замѣчаемъ на практикѣ значительную неустойчивость и колебаніе при выработкѣ программъ узко-утилитарныхъ школъ, то это происходитъ единственно потому, что у насъ нѣтъ школъ, въ которыхъ, кромѣ узко-утилитарной цѣли, не преслѣдовалась бы еще какая-нибудь другая, большею частью обще-образовательная. Не говоря уже о коммерческихъ и техническихъ училищахъ, въ которыхъ предметы общеобразовательнаго характера являются столь же преобладающими, какъ въ такъ называемыхъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, реальныхъ и классическихъ гимназіяхъ, даже военныя училища

узко утилитарны только по названію. Въ кадетскихъ корпусахъ, юнкерскихъ, артиллерійскихъ и морскихъ училищахъ преобладающими также являются общеобразовательные предметы. Причина этого явленія весьма понятна, такъ какъ у насъ на школьной почвѣ происходитъ, такъ сказать, борьба различныхъ вѣдомствъ. Ребенокъ съ дѣтства предназначается родителями, или всѣ, желающіе получить образованіе даннаго типа, уже давно предназначены основателями школы въ данной мѣстности къ той или другой карьерѣ: къ университету, къ военному или духовному званію и проч. Если бы эта своеобразная вербовка будущихъ сочленовъ разными вѣдомствами происходила не такъ рано, то, вѣроятно, могла бы образоваться единая общеобразовательная школа, по окончаніи того или другого класса которой могла бы начаться спеціализація въ школѣ узко-утилитарной. Даже ротная школа не чужда стремленій къ постороннимъ цѣлямъ, желая сдѣлать изъ солдата не только воина, но до нѣкоторой степени и распространителя знаній въ народѣ. То же нужно сказать о ремесленныхъ училищахъ для мальчиковъ, кулинарныхъ и швейныхъ школахъ для дѣвочекъ, различныхъ школахъ искусства и т. д. Предметы утилитарнаго характера тамъ доминируютъ, но и общеобразовательные предметы не исключены изъ програмы.

Повидимому, даже программы школъ, не задающихся никакими спеціальными или утилитарными цѣлями, тоже представляютъ значительное разнообразіе, какъ, напримѣръ, реальная и классическая школа. Но это происходитъ оттого, что сами предметы образованія вообще могутъ часто быть разсматриваемы съ двухъ точекъ зрѣнія: утилитарной, удовлетворяющей взглядамъ нѣкоторыхъ на педагогическій процессъ и его нужды, и несомнѣнно-общеобразовательной, когда необходимость изученія даннаго предмета въ правильномъ педагогическомъ процессѣ всѣми признана. Такъ, взглядъ педагогики колебался и колеблется въ этомъ отношеніи въ вопросѣ о роли древнихъ языковъ, естествознанія (кромѣ физики) и др. Напротивъ, необходимость изученія математики признана всѣми европейскими школами, кромѣ развѣ школъ при католическихъ женскихъ монастыряхъ. Взгляды эти особенной устойчивостью не отличаются, какъ мы можемъ видѣть на судьбѣ латинскаго языка и естествознанія въ Россіи въ разныя эпохи. Взгляды на эти дисциплины измѣнялись, правда, у насъ въ зависимости отъ политическихъ теченій, но даже съ чисто-педагогической точки зрѣнія этотъ вопросъ тоже никогда не могъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ. Тѣ, которые полагаютъ, что изученіе природы путемъ книжныхъ описаній можетъ замѣнить живое ея изученіе, считаютъ естествознаніе въ средней

школѣ важнѣйшимъ общеобразовательнымъ предметомъ, согласно съ общимъ воззрѣніемъ, что изученіе внѣшней природы необходимо для правильнаго педагогическаго процесса; тѣ же, которые думаютъ, что выученное изъ книжки естествознаніе не только будетъ забыто, но и нисколько не повліяетъ на выработку міросозерцанія, считаютъ въ средней школѣ преподаваніе естественныхъ наукъ безполезнымъ. Точно также одни придаютъ изученію древнихъ языковъ (грамматикѣ и строю ихъ) важное значеніе для развитія ума, наравнѣ съ математикой, а ознакомленію съ древними литературами, будто-бы достижимому путемъ изученія древнихъ грамматикъ, важное эстетическое значеніе. Въ этомъ случаѣ изученіе древнихъ языковъ въ средней школѣ для всѣхъ необходимо. Другіе думаютъ, что древніе языки нужны только для университетскихъ филологовъ, а что сами по себѣ они ни умственнаго, ни эстетическаго развитія не даютъ. Въ такомъ случаѣ, изученіе древнихъ языковъ должно быть совершенно изгнано изъ всякой средней школы.

При желаніи и въ настоящее время создать единую общеобразовательную школу единственный исходъ—это съ одной стороны образовать спеціальные курсы или школы узко-утилитарнаго характера, куда могли бы поступить лица, получившія уже общее образованіе въ томъ объемѣ, который для данной утилитарной цѣли можетъ быть признанъ достаточнымъ; съ другой—всѣ предметы, объ общеобразовательномъ характерѣ которыхъ вопросъ въ педагогическомъ мірѣ оказывается нерѣшеннымъ, внести въ общеобразовательную школу факультативно. Для нашей цѣли, впрочемъ, неважно, всѣми или не всѣми данный предметъ признается общеобразовательнымъ, такъ же, какъ не важно и то, заслуживаетъ ли та или другая дисциплина, признаваемая въ данную эпоху общеобразовательной всѣми педагогами, названія таковой.

Мы не можемъ считаться здѣсь съ абсолютной истинностью воззрѣній на каждую дисциплину. Мы будемъ признавать вполнѣ истиннымъ не только то, что признается всей европейской педагогіей, но также и то, что нѣкоторой частью ея признается сомнительнымъ или даже вовсе отвергается, разъ другая часть ея признаетъ это за истину. Современная разница воззрѣній на вопросъ, чему учить, такъ же, какъ и возможныя перемѣны во взглядахъ въ будущемъ, не можетъ измѣнить нашихъ выводовъ.

Важно только одно. Цѣль воспитанія съ педагогической точки зрѣнія—это способствовать природѣ воспитываемаго достигнуть возможнаго для него физическаго и нравственнаго совершенства, и притомъ въ гармоническомъ сочетаніи физическихъ и духовныхъ

силъ. Государство, церковь, общество часто вносятъ политику въ процессъ воспитанія, особенно обученія, но педагогія сама по себѣ чужда политики. Педагогическій процессъ не состоитъ въ выработкѣ патріота, христіанина, воина, купца, дворянина и т. д. Правильный педагогическій процессъ такъ же чуждъ выработки гражданина-патріота или христіанина-католика, какъ онъ чуждъ воспитанія въ традиціяхъ даннаго званія или данной индустріальной спеціальности, какъ онъ чуждъ выработкѣ ученаго. Эти вещи предоставляются личнымъ наклонностямъ, средѣ, семьѣ, жизненной борьбѣ или книгѣ и академіи. Общеобразовательное воспитаніе должно заключаться только въ томъ, чтобы, достигнувъ возможнаго совершенства и гармоніи силъ, юноша въ состояніи былъ поступать правильно во всѣхъ жизненныхъ случаяхъ, точно такъ, какъ общее образованіе должно дать возможность разобраться въ своихъ наклонностяхъ при выборѣ факультета, если получившій образованіе желаетъ сдѣлаться ученымъ. Цѣль педагогики—выработка человѣка, стоящаго на данномъ уровнѣ культуры, достигнутой человѣчествомъ, и только.

Это—взглядъ всякой педагогики, и для насъ имѣетъ силу абсолютной истины. Какъ же достигается эта цѣль? Оставляя въ сторонѣ воспитаніе въ раннемъ дѣтствѣ, мы можемъ сказать, что европейская педагогика считаетъ важнѣйшимъ факторомъ хорошаго воспитанія—общее образованіе. Правда, относительно дисциплинъ, посредствомъ изученія которыхъ достигается общее образованіе, существуютъ разногласія, въ зависимости отъ различной оцѣнки, дѣлаемой этимъ дисциплинамъ. Общеобразовательныя школы устраиваются подъ вліяніемъ господствующихъ воззрѣній, и въ ихъ программы вносятся въ разныя эпохи различныя дисциплины. Но важно только одно, что нѣтъ различныхъ педагогикъ для мужчины и женщины. Общее образованіе имѣетъ въ виду просто человѣка и, слѣдовательно, за духовно-половую функцію считаться не можетъ. Какъ не можетъ существовать различныхъ религій для мужчины и для женщины, хотя религія можетъ налагать различныя обязанности на мужчину и женщину,—какъ не можетъ существовать различной нравственности для мужчины и женщины, хотя половой кодексъ можетъ существенно разниться въ сферѣ обязанностей, такъ не можетъ существовать половой педагогики, хотя обязанности образованнаго мужчины и образованной женщины могутъ быть весьма несходны. Ибо педагогика, какъ религія и мораль, имѣетъ въ виду просто человѣка, какъ таковаго.

Даже тѣ, которые общее образованіе не считаютъ необходимой частью воспитанія, тоже не признаютъ половой педагогики. Графъ

Толстой, считающій, что для выработки высоко-культурнаго міровоззрѣнія достаточно читать, безъ предвзятыхъ мыслей, Евангеліе, восточные народы, полагающіе, что для достиженія возможнаго совершенства вполнѣ достаточно изучать священныя книги (Талмудъ, Коранъ, Лао-Дзи и пр.), тотъ французскій педагогъ 17 ст., который считалъ, что для организаціи наилучшаго воспитанія можно ограничиться изученіемъ одной только книги, а именно Les aventures de Télémaque Фенелона, рижскій педагогъ, объявившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журналѣ „Гимназія", что воспитать можно единственно на „Тарасѣ Бульбѣ", и всякіе другіе приверженцы педагогическихъ панацей не признавали, однако, сексуальнаго раздѣленія въ педагогикѣ. Да и на практикѣ современная Россія, въ сущности. отрицаетъ принципъ раздѣленія.

При устройствѣ женскихъ гимназій высшее образованіе женщинъ не имѣлось въ виду. Не думали также, что женщины будутъ стремиться къ какой-либо торговой или общественной дѣятельности, кромѣ педагогической. Этимъ только объясняется, что программы женскихъ гимназій не вполнѣ совпадаютъ съ программами мужскихъ. Полагая, напримѣръ, что древніе языки дисциплинируютъ умъ, дѣлая его особенно способнымъ къ воспріятію высшихъ университетскихъ знаній, система гр. Толстого не включила древніе языки въ число предметовъ преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ. Но, напримѣръ, въ Англіи и въ Америкѣ польза отъ изученія древнихъ языковъ признавалась преимущественно эстетическая, а потому древніе языки включены въ общеобразовательную программу какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Изученіе латинской грамматики въ Америкѣ считается необходимымъ для пониманія грамматики англійской, а потому латинская граматика (а не римская литература) обязательна какъ для народнаго учителя, такъ и для учительницы. Въ той же Америкѣ полное общее образованіе не считается необходимымъ для изученія факультетскихъ наукъ, а потому поступленіе въ университеты, какъ и другія высшія учебныя заведенія совсѣмъ не обусловливается непремѣннымъ знаніемъ древнихъ языковъ.

Изъ этого можно только заключить, что наши общеобразовательныя школы не совсѣмъ общеобразовательны. Можетъ быть, впрочемъ, эта разница происходитъ отъ примѣси постороннихъ факторовъ, какъ, напримѣръ, политическаго, который всегда былъ различенъ для воспитанія разныхъ половъ.

Науки, спеціально изучаемыя по требованію различія половъ, должны считаться прикладными, узко-утилитарными, а не общеобразовательными и, какъ таковыя, должны быть предметомъ из-

ученія въ особыхъ школахъ или факультативно въ общеобразовательныхъ. Такъ, богословскія и военныя науки, конечно, должны изучаться только въ мужскихъ школахъ, разъ женщина не можетъ быть священникомъ и офицеромъ, а гигіена материнства и ребенка—только въ женскихъ.

Конечно, и прикладныя науки, напримѣръ, на факультетахъ университетовъ, могутъ изучаться съ общеобразовательными цѣлями, но въ видахъ экономіи не имѣетъ смысла допускать туда, гдѣ эти науки изучаются, лицъ, которыя завѣдомо останутся передъ обществомъ неоплатными должниками. Такъ, не имѣетъ никакого смысла допускать иновѣрцевъ въ православныя духовныя учебныя заведенія (выраженіе такого желанія возможно; такъ, мы видѣли въ въ Америкѣ нѣсколькихъ евреевъ на теологическомъ факультетѣ). По той же причинѣ будетъ нерасчетливо допускать женщинъ въ университеты, кромѣ медицинскихъ факультетовъ, разъ онѣ не въ состояніи вернуть обществу расходы, не будучи допускаемы ни къ профессорской, ни къ судебной дѣятельности. Но когда женщина будетъ въ принципѣ допущена къ какой-либо дѣятельности, ей должна быть доставлена возможность изученія соотвѣтствующихъ факультетскихъ наукъ.

Иное дѣло общее образованіе. Оно само себѣ довлѣетъ. Обязанность давать его всякому лежитъ на обществѣ, хотя бы лицо, получившее его, не имѣло никакого намѣренія выходить изъ предѣловъ индивидуальной дѣятельности. И оно должно быть даваемо всякому въ такой мѣрѣ, въ какой онъ пожелаетъ и окажется способнымъ воспринять. При недостаткѣ средствъ у общества оно должно быть предметомъ конкурренціи желающихъ и способныхъ.

Физическое и умственное развитіе мужчинъ и женщинъ регулируются одинаковыми факторами. Съ другой стороны, педагогическій процессъ не ставитъ свою цѣль въ зависимость отъ пола, имѣя въ виду совершенствованіе человѣка вообще. Слѣдовательно, средства воспитанія должны быть тождественны для обоихъ половъ. И то, что цѣлесообразно для воспитанія мальчика, должно быть цѣлесообразнымъ для воспитанія дѣвочки, и наоборотъ.

Не только самый циклъ общеобразовательныхъ школьныхъ дисциплинъ выбирается съ такимъ расчетомъ, чтобы обезпечить ихъ воздѣйствіе въ желательномъ смыслѣ, но не меньшую роль играетъ и объемъ каждой изъ нихъ, потому что не при всякомъ объемѣ преподаванія дисциплина сохраняетъ общеобразовательную силу. Такъ, если признавать общеобразовательную силу за изученіемъ языковъ, то необходимо, чтобы minimum знанія даннаго языка не былъ ниже умѣнія читать книгу на этомъ языкѣ. Знать немножко по-фран-

цузски и ничего не знать по-французски съ общеобразовательной, да и практической, точки зрѣнія совершенно одинаково безполезно. Французская книга и выраженныя въ ней мысли останутся запечатанными письмами и для знающаго немножко по-французски и для того, кто этому языку вовсе не учился. Чтеніе книги природы не облегчится для того, кто заучитъ номенклатуру животныхъ или растеній; положеніе человѣка въ пространствѣ не станетъ ничуть яснѣе оттого, что будутъ зазубрены наизусть названія географическихъ именъ, или будутъ приняты на вѣру нѣкоторыя истины математической географіи; столь же мало можно ожидать пониманія положенія его во времени отъ знанія историческихъ датъ о томъ, какъ или когда царь Иванъ побилъ царя Петра. Знаніе закона Бойля или Архимеда не дѣлаетъ человѣка болѣе образованнымъ, если онъ не знаетъ объясненія необходимости этихъ законовъ, какъ не дѣлаетъ его болѣе образованнымъ механическое умѣніе извлекать квадратный корень или знаніе наизусть славянскихъ молитвъ. Точно также этимологическая грамотность, основанная на простомъ заучиваніи орѳограммъ и условныхъ правилъ орѳографіи, даже удаляетъ человѣка отъ образованности, ибо вводитъ въ его міровоззрѣніе новое суевѣріе, котораго не имѣетъ человѣкъ, пишущій по слуху и навыку.

Словомъ, объемъ школьныхъ дисциплинъ также важенъ въ образовательномъ смыслѣ, какъ и самый выборъ ихъ. Подъ объемомъ данной науки мы разумѣемъ, конечно, не объемъ, опредѣляемый количествомъ страницъ, а количествомъ логически-обоснованныхъ идей.

Въ этомъ отношеніи учебныя заведенія даннаго типа для женщинъ значительно уступаютъ заведеніямъ того же типа для мужчинъ: стоитъ сравнить учебники, изданные для женскихъ гимназій по какому-нибудь предмету, съ учебниками по тому же предмету для гимназій и реальныхъ училищъ. Мы затрудняемся дать этому факту безспорное объясненіе. Казалось бы, что, если данный предметъ признанъ общеобразовательнымъ въ данномъ объемѣ, то или нѣтъ надобности напрасно затруднять юношей, заставляя ихъ работать больше, чѣмъ необходимо, или нельзя, безъ ущерба для основной цѣли, понижать этотъ объемъ для дѣвицъ, разъ признано желательнымъ дать имъ образованіе той же высоты. Сравнивая программы по одному и тому же предмету гимназическаго курса для юношей и дѣвицъ, мы замѣчаемъ, что для послѣднихъ опущены какъ разъ тѣ именно вещи, усвоеніе которыхъ требуетъ большаго напряженія мысли, а не детали, имѣющія утилитарное, а не общеобразовательное значеніе. Пропускъ такихъ деталей могъ бы быть

объясненъ тѣмъ, что при учрежденіи женскихъ гимназій о возможности высшаго образованія для женщинъ не думали. А можно допустить, что эти детали необходимы именно для продолженія изученія даннаго предмета въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, нельзя въ университетѣ слушать физику, не говоря о высшей математикѣ, безъ знанія тригонометріи (по крайней мѣрѣ, ученія с функціяхъ). Но это предположеніе уже опровергается тѣмъ, что *въ послѣднее время* изъ курса алгебры исключено въ женскихъ гимназіяхъ ученіе о логариѳмахъ, хотя возможность для женщинъ высшаго образованія именно въ послѣднее время стало фактомъ.

Но, можетъ быть, общее образованіе женщинъ вовсе нежелательно доводить до такой высоты, какъ образованіе мужчинъ? Этому предположенію противорѣчитъ, во-первыхъ, то, что общее образованіе имѣетъ цѣлью доведеніе воспитываемаго до возможнаго совершенства, въ зависимости отъ его возраста, способностей и другихъ наличныхъ факторовъ. Съ другой стороны, курсъ женскихъ гимназій разсчитанъ на столько же лѣтъ обученія и на такой же возрастъ, какъ курсъ мужскихъ; циклъ предметовъ тотъ же; даже названіе заведенія то же, а въ послѣднее время равноправность женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ мужскими подтверждается тѣмъ фактомъ, что доступъ къ высшему образованію женщинъ облегченъ открытіемъ для нихъ высшихъ учебныхъ заведеній Слѣдовательно, ихъ общее образованіе въ женскихъ гимназіяхъ этимъ самымъ признано законченнымъ, т. е. достигшимъ наибольшей для даннаго возраста высоты. Высшіе курсы женщинъ, по крайней мѣрѣ—въ теоріи, не отличаются отъ высшихъ курсовъ мужчинъ. А если иногда отличаются на практикѣ, то только потому, что профессора вынуждены считаться съ недостаточнымъ (низшимъ, чѣмъ у студентовъ) *общимъ* образованіемъ женщинъ. Итакъ, мысль о нежелательности максимальнаго общаго образованія для женщинъ, въ виду приведенныхъ доводовъ, отпадаетъ. Если такая мысль и мелькала въ головѣ у составителей, особенно у понижателей, общеобразовательныхъ программъ для женщинъ, то она должна быть, по крайней мѣрѣ теперь, признана нецѣлесообразной, и программы должны быть немедленно уравнены въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ другое гипотетическое объясненіе: способности женщинъ признаются болѣе низкими, чѣмъ у мужчинъ, по природѣ, а слѣдовательно, возможность полученія ими такого же высокаго общаго образованія, какъ мужчинами, признается недостижимой. Разница въ программахъ оказывается уступкой ихъ болѣе низкимъ способностямъ.

Вопросъ о томъ, одинаковы ли умственныя способности обоихъ половъ, никѣмъ еще не былъ рѣшенъ въ окончательной формѣ. Есть, правда, большая вѣроятность предположить, что умъ женщины уступаетъ уму мужчины, хотя бы въ силу того, что жизнь женщины въ теченіе вѣковъ протекала при обстановкѣ меньшей умственной дѣятельности, умъ ея меньше развивался, а потому долженъ стоять ниже ума мужчинъ. Личныя наблюденія автора этой статьи надъ дѣвочками и мальчиками одного и того же возраста, изучавшими одни и тѣ же предметы, подтверждаютъ это предположеніе. Таково же и мнѣніе большинства мужчинъ и даже женщинъ. И все-таки наблюденія такого рода должны быть признаны недостаточными, какъ не гарантированныя научностью метода наблюденія. Это скорѣй—результаты впечатлѣній, чѣмъ строго обставленныхъ наблюденій.

Но допустимъ, что это неоспоримый фактъ, что женщина ниже мужчины въ умственномъ отношеніи. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что и требованія общаго образованія должны быть понижены для женщины? Во-первыхъ, при такомъ взглядѣ совершенно нелогично допускать женщинъ къ высшему образованію, разъ онѣ неспособны достигнуть того уровня общаго образованія, который признается необходимымъ для полученія высшаго. Вѣдь извѣстная минимальная степень общаго образованія для полученія высшаго вызывается необходимостью, а не капризомъ; иначе, почему бы не допускать къ высшему образованію мужчинъ, выдержавшихъ испытаніе по программамъ женскихъ, а не мужскихъ гимназій? Зачѣмъ заставлять вообще насильно мужчинъ быть образованнѣе, когда иной стремится не къ общему образованію, а къ высшему спеціальному? Почему же такая уступка дѣлается женщинамъ только? Кажется, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ никакая courtoisie неумѣстна.

Во-вторыхъ,—и это самое главное—никто не отрицаетъ, что процентъ женщинъ, не уступающихъ въ умственныхъ способностяхъ среднему мужчинѣ, довольно велики, такъ же, какъ и процентъ мужчинъ, уступающихъ въ умственныхъ способностяхъ средней женщинѣ. Можно быть сколько угодно увѣреннымъ, что умныхъ мужчинъ больше, чѣмъ умныхъ женщинъ но рѣшительно никто не отрицаетъ факта существованія умныхъ женщинъ и глупыхъ мужчинъ. Изъ этого несомнѣннаго факта слѣдуетъ только необходимость разныхъ программъ и разной высоты типовъ школъ: однѣ для болѣе способныхъ, а другія—для менѣе способныхъ, какъ отчасти и существуетъ. Если, напримѣръ, признано, что для полученія высшаго академическаго образованія необходимо предварительное максимальное общее образованіе, то безъ этого образованіе будетъ безполезно

допускать къ высшему образованію всякаго, кто не удовлетворяетъ этому требованію но полъ тутъ не при чемъ.

Мы, напримѣръ, думаемъ, что при такихъ единственно-раціональныхъ требованіяхъ высшее образованіе будетъ больше распространено среди мужчинъ, чѣмъ женщинъ; но предрѣшать этотъ вопросъ рѣшительно нѣтъ надобности. Нѣтъ никакого смысла въ томъ, чтобы не допускать данное лицо къ занятію какими угодно высшими науками только за „долгій волосъ", но и совершенно несправедливо дѣлать женщинамъ такія уступки, которыхъ не дѣлаютъ мужчинамъ. Нужно такое-то общее образованіе, такъ оно нужно всякому; не нужно—такъ не нужно никому. Кажется, выхода нѣтъ, по крайней мѣрѣ, справедливаго и обоснованнаго. Если женщины окажутся менѣе способны, чѣмъ мужчины, то ихъ будетъ учиться въ гимназіяхъ меньше, если—наоборотъ, то больше. Но обязанности женщины и права ея предъ дверьми университета не должны быть меньше мужскихъ.

Мы разбираемъ въ этой главѣ сексуальный вопросъ только съ точки зрѣнія правильнаго проведенія педагогическаго процесса и утверждаемъ, что процессъ этотъ не отличается сексуально по существу, а потому не долженъ быть регулируемъ на разныхъ основаніяхъ. Способы воспитанія и важнѣйшія изъ нихъ программы образованія для мужчинъ и женщинъ должны быть идентичны. Съ точки зрѣнія программъ образованія одну группу представляютъ болѣе способные люди, другую—менѣе способные, а не одну—мужчины, другую—женщины. Права и обязанности по отношенію къ высшему образованію вытекаютъ прямо изъ условій развитія педагогическаго процесса, а не чего иного, и, слѣдовательно, также должны быть идентичны для обоихъ половъ.

Въ такомъ случаѣ, скажутъ, и дальнѣйшее право на общественную дѣятельность мужчины и женщины должно быть также совершенно одинаково. Конечно, *право* должно быть совершенно одинаково. Но не слѣдуетъ смѣшивать права съ осуществленіемъ права. Осуществленіе права на общественную дѣятельность у женщины будетъ необходимо съужено. Этого не можетъ измѣнить никакой феминизмъ. Въ извѣстный періодъ жизни замужней женщины (лѣтъ до 40—45) она не можетъ быть столь же надежнымъ работникомъ, сколько мужчина, или женщина незамужняя, или уже отрожавшаяся. Тамъ, гдѣ требуется регулярная дѣятельность, замужняя женщина, не перешедшая сорокалѣтняго возраста, будетъ помѣхой дѣлу, а не помощью. Если женщина періодически должна вовсе прерывать свою общественную дѣятельность на 5—6 мѣсяцевъ (считая послѣдніе мѣсяцы беременности и нѣсколько недѣль послѣ родовъ), то общество

имѣетъ право воздерживаться отъ пользованія услугами такихъ дѣятельницъ. Да и въ періодъ кормленія женщина тоже плохой работникъ, такъ какъ вынуждена часто отлучаться, чтобы накормить ребенка. Нужно ли прибавлять, что на это нельзя возражать, что многія женщины, хотя и вполнѣ здоровыя, держатъ кормилицъ. Защищать женскую работоспособность, опирающуюся на такой возмутительно-рабскій институтъ, какъ институтъ кормилицъ, т. е. фактически признать за женщиной образованной право воспитать своего ребенка, обрекая на вѣрную смерть (90% обычная смертность пріютскихъ дѣтей) ребенка другой женщины, необразованной, нельзя ни для какого феминизма. Женщина имѣетъ такое же право, какъ мужчина, игнорировать домашнее хозяйство до извѣстной степени, отказываясь ради общественной дѣятельности вести его лично, но ношеніе ребенка и кормленіе его есть физіологическая обязанность, вытекающая изъ права замужества.

Что касается дѣвицъ, вдовъ, пожилыхъ женщинъ и случайно безплодныхъ, то, при одинаковомъ съ мужчинами образованіи или вообще при одинаковой и одинаково успѣшной работоспособности, онѣ имѣютъ вполнѣ одинаковое съ мужчинами право на работу. Нужно замѣтить, однако, еще такое обстоятельство. Если заработная плата женщинъ, занимающихся физическимъ трудомъ, меньше платы мужчинъ, то, можетъ быть, это удовлетворительно объясняется сравнительнымъ слабосиліемъ женщинъ. Но въ трудѣ, не требующемъ физическихъ силъ, женщина не имѣетъ права довольствоваться за тотъ же трудъ меньшей заработной платой.

Такимъ образомъ, ясно, что школа и жизнь въ дѣлѣ распредѣленія образованія, способовъ его проведенія, правъ, имъ даваемыхъ, и дѣятельности, изъ него вытекающей, не имѣютъ рѣшительно никакого основанія дѣлать какое-либо различіе, кромѣ того, которое зависитъ не отъ людей, между тѣмъ и другимъ поломъ. Школа имѣетъ еще меньше основаній, чѣмъ жизнь, на такое различеніе, а слѣдовательно, никакого различія въ программахъ обученія между мужчинами и женщинами не должно быть.

Различеніе это основывается на невѣрныхъ обобщеніяхъ часто наблюдаемыхъ фактовъ превосходства умственныхъ способностей мужчинъ, а то и на обыкновенномъ суевѣріи.

Само собою разумѣется, что въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для мужчинъ и женщинъ должны быть тождественныя программы. Хотя высшія учебныя заведенія преслѣдуютъ преимущественно не общеобразовательныя цѣли, а практическія или ученыя, но и эти цѣли не терпятъ сексуальнаго раздѣленія. Если для того, чтобы сдѣлаться ученымъ историкомъ, математикомъ, юристомъ, филосо-

фомъ и проч. необходимо изучить предварительно извѣстный циклъ наукъ въ извѣстномъ объемѣ, то ни женщина, ни мужчина не могутъ приняться за самостоятельныя изслѣдованія, не удовлетворивши этому предварительному условію. А если тотъ или другой предметъ или тотъ или другой обширный курсъ по этому предмету не вызывается необходимостью, то и мужчинамъ нѣтъ надобности терять время на безполезныя вещи. То же нужно сказать и о высшемъ техническомъ образованіи: если всѣ данные предметы и въ данномъ объемѣ необходимы для медика, судьи, адвоката, учителя, инженера, архитектора и т. д. (полагая, что всѣ эти роды дѣятельности признаны доступными и для женщины), то они необходимы каждому желающему посвятить себя этой дѣятельности, и притомъ въ данномъ объемѣ, независимо отъ пола. Всякія уступки женщинамъ оскорбительны для нихъ, и во всякомъ случаѣ столь же нецѣлесообразны и несправедливы, какъ и напрасное обремененіе мужчинъ.

II.

Если общеобразовательныя программы не должны отличаться сексуально, то возникаетъ вопросъ, нужно ли сохранять обычай открывать разныя учебныя заведенія тождественнаго типа для каждаго пола въ отдѣльности?

Съ точки зрѣнія экономической и правильнаго соревнованія между обоими полами рѣшеніе вопроса въ пользу совмѣстнаго обученія не подлежитъ сомнѣнію. Самыя маленькія поселенія, гдѣ контингентъ учащихся такъ малъ, что не позволяетъ содержать двухъ отдѣльныхъ школъ, могли бы имѣть школу для обоего пола. Въ низшихъ училищахъ въ деревняхъ такъ обыкновенно и практикуется, но открытіе среднеучебнаго заведенія нерѣдко затрудняется именно тѣмъ, что приходится, за недостаточностью контингента учащихся, либо открывать два весьма убыточныхъ заведенія, либо вовсе отказаться отъ обладанія среднимъ учебнымъ заведеніемъ. Но допустимъ, что городъ можетъ открыть два заведенія, по одному для каждаго пола. И тогда совмѣстное обученіе принесло бы большую выгоду, позволяя открыть одно заведеніе для болѣе способныхъ, съ болѣе широкой программой (гимназической, напримѣръ, достаточной для подготовленія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), другое—съ болѣе низкой, хотя *съ столь-же продолжительнымъ* курсомъ, — для менѣе способныхъ дѣтей обоего пола.

Если мѣстныя воззрѣнія таковы, что является желательнымъ для однихъ образованіе одного характера, а для другихъ другого (напримѣръ, классическое и реальное), то и эта потребность можетъ

быть удовлетворена для города, который въ состояніи имѣть только два заведенія, а не три или четыре, если будетъ допущено совмѣстное обученіе безъ различія пола.

Но самая важная выгода не въ этомъ, а въ томъ, что игнорированіе пола дало бы возможность приблизить школьное образованіе къ единственно вполнѣ цѣлесообразному индивидуальному обученію. Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ нами подробно на страницахъ другого журнала („Пед. Сборникъ"), но мы считаемъ нелишнимъ резюмировать здѣсь вкратцѣ высказанныя тамъ положенія.

Плодотворность обученія находится въ сильной зависимости отъ количества лицъ, обучающихся единовременно въ одномъ помѣщеніи у одного преподавателя. Идеаломъ является обученіе строго-индивидуальное, т. е. одного лишь ученика у учителя, такъ какъ только при этомъ условіи вполнѣ гарантируется постоянное вниманіе ученика и учителя, какъ главная основа успѣшности. Помимо громаднаго сокращенія времени, т. е. классныхъ часовъ, только при индивидуализаціи обученія возможно полное приспособленіе учителя къ индивидуальнымъ особенностямъ ученика и дѣйствительно сердечныя отношенія. Но такъ какъ строго-индивидуальное обученіе по своей дороговизнѣ было бы доступно лишь ничтожному меньшинству, то приходится прибѣгать къ обученію конгрегаціональному (школѣ). Всякое конгрегаціонное обученіе, хотя бы только двухъ-трехъ человѣкъ разомъ, уступаетъ индивидуальному. Но, конечно, вредъ конгрегаціональнаго обученія при очень небольшомъ числѣ учениковъ одинаковыхъ познаній и одинаковаго развитія ничтоженъ. Онъ становится замѣтнѣе, когда число учащихся достигнетъ нѣкотораго сравнительно небольшого предѣла, 5—20 человѣкъ, въ зависимости отъ возраста, самого изучаемаго предмета и другихъ факторовъ. Съ переходомъ черезъ этотъ предѣлъ вредъ дѣлается все болѣе и болѣе ощутительнымъ и, наконецъ, доходитъ до другого предѣла, когда успѣшность обученія совершенно уничтожается. Этотъ предѣлъ уже давно перейденъ въ нашихъ очень многолюдныхъ школахъ. Тогда преподаватель совершенно не въ состояніи контролировать вниманіе учениковъ, слѣдить за процессомъ усвоенія и вынужденъ ограничиваться только наблюденіемъ такъ или иначе достигнутыхъ результатовъ, т. е. изъ учителя сдѣлаться экзаменаторомъ. Школа такимъ образомъ превращается въ экзаменаціонный (спрашивательный) постоянно дѣйствующій институтъ, вынужденный вдобавокъ для достиженія хоть сколько-нибудь правильной оцѣнки основываться на теоріи вѣроятностей при вызовѣ учениковъ, по просту говоря, ловить ихъ. Ученики, въ свою очередь, изобрѣтаютъ средства къ тому, чтобы обмануть расчеты преподавателей, отгадывая вѣроятность шан-

совъ быть вызванными. Мѣсто сердечныхъ отношеній и приспособленій къ индивидуальнымъ особенностямъ учащихся заступаетъ нивеллировка, которая является результатомъ не какого-либо извнѣ проведеннаго режима, а прямымъ слѣдствіемъ конгрегаціональной системы обученія.

Школа вынуждена уклоняться отъ прямой обязанности учить и взваливаетъ это на чужія плечи, а именно на самоучители (таковы почти всѣ наши учебники) и на репетиторовъ, т. е. учителей, проводящихъ принципъ индивидуальнаго преподаванія, т. е. вернуться къ тому, съ чего бы слѣдовало начать. Такимъ образомъ, школа является только стимуломъ обученія, палкой, а учительскій трудъ помощь въ усвоеніи, возлагается на репетитора, который отчасти можетъ быть замѣненъ самоучителемъ, такъ что фактически дѣйствуютъ только или индивидуальное обученіе или автодидактизмъ, какъ необходимые коррективы школы.

Третій принципъ проводить знанія—академическій, гдѣ лекторъ, имѣя дѣло съ взрослыми, не имѣетъ основанія опасаться невниманія, не заботится безпрерывно о томъ, насколько преподанное усвоено и можетъ игнорировать индивидуальныя особенности каждаго изъ слушателей.

Будущіе коррективы школы будутъ заключаться въ реорганизаціи школьнаго дѣла въ смыслѣ паденія конгрегаціональнаго обученія даже незрѣлыхъ учащихся, обученіе которыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ будетъ индивидуализировано (конечно, не въ строгомъ смыслѣ, а въ смыслѣ группировки, смотря по возрасту и предмету, по 5—20 человѣкъ) или академизировано, т. е. число слушателей ничѣмъ ни будетъ ограничено, кромѣ размѣровъ помѣщенія. Это положеніе будетъ проведено тогда въ жизнь, когда будутъ уничтожены аттестаты дипломы, свидѣтельства и всякая другая бумажность.

Возможность индивидуализаціи или, точнѣе, мелкой группировки, кромѣ отсутствія необходимости посвящать большое число часовъ ежедневнымъ занятіямъ для дѣтей младшаго возраста, и возможность академизаціи, при которой вовсе не будетъ почти необходимости создавать нѣсколько заведеній даже для очень большого количества однородныхъ слушателей, въ большой мѣрѣ будетъ облегчена при совмѣстномъ обученіи обоихъ половъ.

Пока мы разсматривали вопросъ о совмѣстномъ обученіи съ точки зрѣнія экономической и съ точки зрѣнія соревнованія половъ и правильной оцѣнки дѣйствительныхъ силъ того и другого пола. Разсмотримъ теперь вопросъ о взаимодѣйствіи половъ при совмѣстномъ обученіи и разныя pro и contra.

Главное опасеніе къ допущенію совмѣстнаго обученія заключается

въ томъ, что, постоянно сталкиваясь въ школѣ, работая вмѣстѣ и будучи постоянно на виду другъ у друга, учащіеся могутъ развиться въ половомъ отношеніи раньше нынѣшняго. А условія современной цивилизаціи таковы, что желательно сохраненіе этого чувства въ дремлющемъ состояніи какъ можно долѣе.

Раннее развитіе полового чувства, конечно, большое зло, но не слѣдуетъ думать, что раздѣльно-сексуальная школа дѣйствительно много помогаетъ этому требованію условій нашей цивилизаціи, если-бы даже допустить, что совмѣстное обученіе можетъ вызвать это чувство раньше нынѣшняго, чего мы, впрочемъ, вовсе не допускаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, сохраненіе половой чистоты и воздержаніе среди мужской половины далеко не простирается до того возраста, до котораго это требуется нашей жизнью. Вступленіе въ бракъ, безъ риска для благосостоянія семьи, дѣлается большею частью возможнымъ для современнаго юноши только около 25 лѣтъ, т. е. послѣ отбытія воинской повинности или завершенія образованія. Но какими учрежденіями поддерживается эта „чистота“, мы всѣ очень хорошо знаемъ, и число юношей между 17 и 25 годами, числящихся „холостыми“, у которыхъ отмѣтка въ документѣ фактъ, а не фикція, въ современной Европѣ такъ ничтожно, что объ этомъ не стоитъ говорить серьезно. Въ 13—15 лѣтъ, а у дѣвушекъ года на два позже, наступаетъ половая зрѣлость, и возникшее чувство или должно быть удовлетворено или сдерживаемо усиліями воли. Присутствіе или отсутствіе лицъ противоположнаго пола тутъ почти не играетъ роли. Возрастъ половой зрѣлости зависитъ отъ климата, расы, индивидуальныхъ особенностей и, пожалуй, воздѣйствія на воображеніе посредствомъ *соотвѣтствующихъ* разговоровъ, зрѣлищъ и описаній, но не того, часто или нечасто мы встрѣчаемъ лицъ другого пола. Лицезрѣніе противоположнаго пола въ его обыденной жизни или вовсе не можетъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ, или можетъ дѣйствовать такъ только въ томъ случаѣ, когда воображеніе уже занято соотвѣтствующими образами. Въ обыденной-же обстановкѣ присутствіе другого пола совершенно безопасно. Въ каждой семьѣ вмѣстѣ воспитываются братья и сестры, и это рѣшительно никому не внушаетъ никакихъ опасеній. Дѣти и молодые люди обоего пола постоянно играютъ между собой, встрѣчаются другъ съ другомъ въ гостяхъ, на балахъ и т. д., гдѣ они не только смотрятъ другъ на друга, но и входятъ въ болѣе близкое общеніе, напримѣръ, разговариваютъ, причемъ нерѣдко касаются вопросовъ хотя и не предосудительнаго, но все-же полового характера: различія характера мужчинъ и женщинъ, любви между разнородными полами и пр. Во время танцевъ прикасаются другъ къ другу, обнимаютъ другъ

друга, и это, по справедливости, никому не внушаетъ никакихъ опасеній; а, между тѣмъ, танцы вѣдь несомнѣнно гораздо болѣе располагаютъ къ „влюбленію“, чѣмъ простое сидѣніе въ одной комнатѣ. Совмѣстное пребываніе мальчиковъ и дѣвочекъ въ школѣ въ сущности не представляетъ даже такого слабаго общенія половъ, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ. Оно не превышаетъ по своему вліянію на половое чувство совмѣстнаго пребыванія половъ въ церкви, въ концертѣ или даже на публичныхъ гуляніяхъ въ саду или на улицѣ. Если совмѣстныя игры обоихъ половъ безпрепятственно допускаются на дачѣ, на пикникахъ, то почему-же такія-же игры въ школѣ должны вызывать какія-либо опасенія и недовѣріе? Тѣмъ менѣе можно относиться недовѣрчиво къ совмѣстному пребыванію въ классѣ, гдѣ навѣрное, безъ всякихъ регламентовъ, установился-бы обычай сидѣнія одного пола на правыхъ скамьяхъ, другого—на лѣвыхъ. Болѣе нелѣпаго опасенія возникновенія любовныхъ интригъ, чѣмъ въ этомъ именно общеніи, представить себѣ невозможно. Половая чистота зависитъ отъ чистоты воображенія, а воображеніе такъ-же мало можетъ быть возбуждаемо обычнымъ явленіемъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, если это являніе спеціально расчитано на возбужденіе воображенія въ этомъ направленіи), какъ мало можетъ вызвать такое, въ сущности удивительное явленіе, какъ дождь, чувства удивленія и пораженности. Насколько обычныя явленія неспособны дѣйствовать на воображеніе, доказывается тѣмъ, что даже нагота противоположнаго пола не вызываетъ эмоцій въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруженіе наготы составляетъ не исключеніе, а правило. Не только въ Японіи мужчины и женщины купаются вмѣстѣ, но и у насъ въ Россіи можно наблюдать то же самое въ захолустьяхъ. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ баняхъ баньщикъ очень часто появляется по своимъ надобностямъ въ женскомъ отдѣленіи и этимъ никого не смущаетъ. Въ тѣхъ приморскихъ мѣстностяхъ, гдѣ лживое цивилизованіе нравовъ не ввело института раздѣльныхъ купаленъ и даже вообще купаленъ, женщины и мужчины раздѣваются для купанія въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга и даже не смотрятъ другъ на друга, не изъ скромности или условнаго приличія, а по отсутствію любопытства, которое безсильно вызвать обычное явленіе. Но чуть устанавливаются купальни, раздѣльныя для мужчинъ и женщинъ, какъ среди первыхъ уже являются охотники полюбоваться черезъ щель въ стѣнѣ запретнымъ зрѣлищемъ, и уже, конечно, помыслы у этихъ саврасовъ самые нечистые. Въ Норвегіи и Финляндіи въ мужскихъ баняхъ моютъ посѣтителей дѣвушки и, какъ явленіе обычное, ни у кого оно никакихъ дурныхъ помысловъ само по себѣ не вызываетъ, ни къ какимъ фривольностямъ не ведетъ

и рѣшительно никого не смущаетъ. Д-ръ Нансенъ, разсказывая, какъ прекрасно его вымыла передъ самымъ отъѣздомъ изъ Норвегіи хорошенькая баньщица, и не думаетъ прибавлять въ скобкахъ что-нибудь апологетическое или хоть honny soit qui mal y pense.

Мы не думаемъ утверждать, что между учащимися въ одной и той-же школѣ мужского и женскаго пола явленія „влюбленія", даже флирта, а въ рѣдкихъ случаяхъ, т. е. не болѣе частыхъ, чѣмъ въ данной средѣ встрѣчается и въ жизни,—даже полное нарушеніе цѣломудрія, никогда не могутъ встрѣчаться. Но школа тутъ рѣши-шительно не при чемъ. Молодые люди будутъ влюбляться, и даже еще чаще, при встрѣчахъ на улицѣ, въ домахъ, на балахъ, безразлично, учатся-ли они въ одной и той-же комнатѣ или въ зданіяхъ, расположенныхъ въ разныхъ концахъ города. Это совершенно естественно, и ничего дурного эти „влюбленія" не представляютъ. Наоборотъ, они могутъ дѣйствовать даже облагораживающе на характеръ, особенно мужской, задерживая болѣе низменное проявленіе того-же чувства. То же нужно сказать и о невинномъ флиртѣ, который, представляя искусственное отношеніе между полами, все-таки можетъ имѣть и облагораживающее вліяніе, удовлетворяя легкою возбудительностью потребность общенія половъ у очень многихъ субъектовъ, которые безъ него настраивали-бы свое воображеніе настолько сильно, что оно не могло-бы быть успокоено иначе, какъ чисто-физіологически. Флиртъ (мы понимаемъ его въ смыслѣ англійскаго flirt) это чай или кофе цивилизованнаго человѣка, которое въ значительной степени удерживаетъ его отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, отъ которыхъ дикарь совсѣмъ неспособенъ воздержаться.

Мы увѣрены, что влюбленія и флиртъ учащихся кончались-бы такъ-же, какъ вообще въ жизни, и притомъ съ такою-же пропорціональностью результатовъ, т. е. у младшихъ полнымъ забвеніемъ послѣ разлуки, у старшихъ — или тѣмъ-же, или бракомъ чрезъ извѣстное время, въ зависимости отъ темперамента, характера и обстоятельствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло-бы кончаться и худо, но совмѣстное обученіе въ школѣ не только-бы не содѣйствовало такому исходу, но, несомнѣнно, оказало-бы гораздо большее противодѣйствіе, чѣмъ всякія другія положенія въ жизни.

Напротивъ того, товарищескія отношенія между мальчиками и дѣвочками оказываются весьма сильнымъ препятствіемъ къ развитію половой любви какъ моральнаго, такъ и физіологическаго характера. Прототипомъ этихъ отношеній являются отношенія между братьями и сестрами и вообще между мальчиками и дѣвушками, воспитанными случайно въ такихъ близкихъ отношеніяхъ другъ къ другу.

Братская любовь, которая вѣдь есть не что иное, какъ сильное чувство дружбы, не предполагающая необходимо родства по крови, а только совмѣстное воспитаніе въ семьѣ, не располагаютъ вовсе къ брачнымъ отношеніямъ. Эта черта подмѣчена многими беллетристами, да едва-ли кто-нибудь не вспомнитъ изъ своего опыта случаевъ, когда бракъ между, скажемъ, сыномъ и воспитанницей, не удавался, вопреки желанію родителей. Воспитанные вмѣстѣ обыкновенно очень любятъ другъ друга, но не тою любовью, которая кончается бракомъ. Готовые умереть другъ за друга, они, такъ сказать, испытываютъ другъ къ другу физіологическое отвращеніе въ половомъ смыслѣ. Отвращеніе—это, конечно, не совсѣмъ то слово. Но понять это чувство не трудно, если провести аналогію между нашимъ несравненно большимъ уваженіемъ къ человѣческому тѣлу или крови, чѣмъ къ тѣлу и крови какого бы то ни было животнаго, и полнымъ отвращеніемъ къ человѣческому мясу, какъ возможной пищѣ. Каннибализмъ вызываетъ у насъ не только чувство ужаса, но и чувство гадливости, отвращеніе не только къ каннибалу, но и къ его блюду.

Облагораживающее вліяніе на мальчиковъ, которое имѣетъ присутствіе дѣвочекъ въ школѣ, засвидѣтельствовано многими англійскими школами, какъ, напримѣръ, Bedales-School (недалеко отъ Лондона), американскими *), школой École des Roches **) близь Парижа и нашимъ собственнымъ опытомъ въ Россіи въ народныхъ школахъ, гдѣ совмѣстное обученіе встрѣчается очень часто. По свидѣтельству г. Бэдли, директора Бидэльской школы, оно прежде всего обнаруживается, съ одной стороны, въ отсутствіи жеманства въ разговорахъ, а съ другой—въ полномъ ихъ приличіи (good form). Всякое нарушеніе этого приличія (bad form) осуждается общественнымъ мнѣніемъ школьниковъ, а потому не встрѣчается. Такая же сдержанность обнаруживается и въ поступкахъ, вызывается чувство чести и рыцарское отношеніе какъ къ дѣвочкамъ, такъ и между мальчиками. Хорошее или дурное мнѣніе среди товарищей противоположнаго пола имѣетъ большее вліяніе на поведеніе, чѣмъ мнѣніе своего собственнаго пола. Уничтожая жеманство и застѣнчивость, совмѣстное воспитаніе въ то же время уничтожаетъ грубость и нахальство. Оно воспитываетъ характеръ въ золотой серединѣ естественности и сдержанности.

---

*) A. Note for Parents. J. H. Badley, 1900, перев. Н. Жаринцевой въ журналѣ „Воспитаніе и обученіе", май 1901 г.

**) Брошюры Dr. Mary Wood Allen „Teaching Truth". „Child Confidence reworded" и другіе.

***) Edmond Demolins, L'èducation nouvelle.

Игры братьевъ и сестеръ вмѣстѣ всегда носятъ болѣе приличный характеръ, нисколько не вредя непосредственному веселію, чѣмъ игры однихъ братьевъ или однихъ сестеръ. То же самое наблюдается и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ играхъ принимаютъ участіе и чужія дѣти разнаго пола. Дѣвочки сами по себѣ болѣе склонны къ сантиментальности во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ мальчики, а послѣдніе—къ большей грубости, жестокости, драчливости и т. п., чѣмъ первыя. Совмѣстныя игры умѣряютъ эти недостатки въ томъ и другомъ полѣ. Дѣвочки пріобрѣтаютъ отъ грубости мальчиковъ нѣкоторую смѣлость и, теряя излишнюю женственность, пріобрѣтаютъ нѣкоторую мужественность, отсутствіе которой составляетъ крупный дефектъ женскаго характера. Мальчики становятся менѣе порывисты, менѣе грубы и пріобрѣтаютъ значительную долю женственности.

Въ стѣнахъ класса соревнованіе половъ гораздо болѣе дѣйствительно, чѣмъ соревнованіе лицъ того же пола.

Товарищескія отношенія лицъ разныхъ половъ въ нравственномъ отношеніи бываютъ особенно благотворны для мужской половины. Создается атмосфера приличнаго общества. Обязательное приличіе разговора создаетъ и соотвѣтственное направленіе мысли, такъ какъ взаимодѣйствіе мысли и слова не бываетъ достаточно сильнымъ только у дѣтей очень мечтательныхъ, каковыхъ еще мало.

Можетъ показаться на первый взглядъ парадоксальнымъ, если мы скажемъ, что раздѣленіе половъ при воспитаніи, преимущественно же въ школѣ, представляетъ именно ту опасность, которой хотятъ избѣгнуть этимъ раздѣленіемъ. Раздѣленіе половъ—главная причина болѣе ранняго пробужденія полового чувства. Достигшія значительной зрѣлости дѣти, какъ извѣстно, не только не избѣгаютъ грязныхъ разговоровъ при младшихъ товарищахъ, но даже охотно прибѣгаютъ къ нимъ, демонстрируя этимъ свое превосходство. Всякое преимущество даетъ возможность дѣлаться героемъ въ глазахъ тѣхъ, которые этимъ преимуществомъ не обладаютъ. Дѣти въ особенности, но далеко не одни дѣти, хвастаютъ, выставляя на показъ не только то, что считается достоинствомъ, но и то, что считается порокомъ,—лишь бы слушатели не обладали этимъ достоинствомъ или этимъ порокомъ, или обладали имъ не въ той мѣрѣ, въ какой имъ обладаетъ хвастающій разсказчикъ. Самые грязные, часто даже фантастическіе разговоры весьма обычны среди школьниковъ. Даже противоестественнымъ порокамъ, отъ которыхъ несвободны восемь десятыхъ школьниковъ, дѣти обучаются другъ у друга. Даже дѣвичьи школы не совершенно невинны въ этомъ отношеніи. Если между дѣвочками грязные разговоры и грязная практика встрѣчается

несравненно рѣже, то это не столько объясняется большею строгостью моральнаго кодекса по отношенію къ женскому полу или, вѣрнѣе, меньшею вольностью, допустимою среди нихъ, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что половая зрѣлость дѣвушекъ наступаетъ значительно позже половой зрѣлости юношей (обыкновенно года черезъ два *послѣ* наступленія періодическихъ болѣзней). Дѣвушки школьнаго возраста, поэтому, по природѣ чище мальчиковъ.

Грязные разговоры между мальчиками практикуются преимущественно въ школѣ, и внѣшкольныя дѣти несравненно чище школьныхъ. Чѣмъ больше разобщенность половъ, тѣмъ душнѣе атмосфера, тѣмъ болѣе въ ней міазмовъ. Недаромъ именно въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитанницы пьютъ коньякъ, курятъ, выкрадываются на маскарады и влюбляются въ каждаго мужчину, какой только проникаетъ за высокія стѣны института, тогда какъ въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ даже куреніе представляетъ въ высшей степени рѣдкое явленіе.

Уничтожить атмосферу грязныхъ разговоровъ это значитъ гораздо больше сохранить и чистое воображеніе нашихъ дѣтей. А это лучше всего достигается совмѣстнымъ воспитаніемъ.

Вся задача сексуальнаго воспитанія заключается преимущественно въ томъ, чтобы очистить рѣчь и воображеніе отъ грязи, а не въ томъ, чтобы задержать половое развитіе. Единственное, чего можно достигнуть, это не дать искусственно вызвать дремлющія до наступленія зрѣлости чувства. Искусственно вызванныя, они по необходимости будутъ носить самый низменный характеръ. Ощущенія, такимъ образомъ вызванныя, носятъ всегда мѣстный характеръ и слѣдовательно съ органической потребностью имѣютъ очень мало общаго. Поэтому естественное или противоестественное удовлетвореніе, независимо отъ моральнаго вреда, бываетъ и физіологически вредно. Такъ бываетъ и при удовлетвореніи другихъ ощущеній, а между ними и чувствами въ сущности большое различіе. Чувство голода, какъ органическая потребность, можетъ быть удовлетворено только здоровой пищей, способной перевариваться и всасываться въ кровь. Ощущеніе же голода можетъ быть устранено, даже если наглотаться глины. Чувство жажды отлично утоляется и теплой водою, хотя ощущеніе жажды отъ теплой воды проходитъ не сейчасъ. Напротивъ того, ощущеніе жажды быстро проходитъ въ первый моментъ и отъ морской воды и отъ снѣга, но чувство жажды не только этимъ не утоляется, но даже увеличивается черезъ самое короткое время еще сильнѣе.

Настоящее чувство не можетъ быть вызвано искусственно, какъ нельзя искусственно вызвать появленіе молочныхъ или постоянныхъ

зубовъ, или дать зрѣніе щенку, насильно раскрывая ему вѣки. Не то съ мѣстными ощущеніями. Ихъ можно вызвать даже механически. Извѣстны случаи, когда половыя ощущенія вызывались даже у грудныхъ дѣтей, конечно, чисто механически. Такимъ же механическимъ, хотя и болѣе утонченнымъ, аппаратомъ является воздѣйствіе на воображеніе путемъ разговоровъ или картинъ. Вотъ эти воздѣйствія всякаго характера для того, чтобы вызвать не вызываемыя органическою потребностью мѣстныя ощущенія, точно такъ же, какъ и удовлетвореніе такихъ ощущеній, мы и называемъ грязными. Воспитаніе домашнее и школьное, въ особенности первое, можетъ и должно уберечь дѣтей отъ грязи. Только „грязь" бываетъ преждевременна, до достиженія половой зрѣлости, или несвоевременна, послѣ наступленія этого періода. Въ первомъ случаѣ это равносильно кормленію новорожденнаго пищею взрослыхъ, во второмъ—искусственному возбужденію аппетита у человѣка сытаго. Въ томъ и въ другомъ случаѣ это вредно и неестественно (грязно), а въ послѣднемъ еще и безнравственно. Задержать же естественное развитіе не въ нашей власти, и никакое воспитаніе тутъ ничего не сдѣлаетъ. По счастію, оно и не опасно ни для души, ни для тѣла.

Но самой поразительной уступкой сексуально-педагогическому суевѣрію слѣдуетъ признать господствующій въ нашемъ отечествѣ порядокъ недопущенія женщинъ даже на тѣ факультеты университетовъ, циклъ наукъ которыхъ (факультетовъ) признается пригоднымъ для женщинъ, стремящихся къ высшему образованію, и вытекающее отсюда устройство спеціально-женскихъ высшихъ школъ: медицинскихъ, филологическихъ и физико-математическихъ. Наши университеты вовсе не такъ переполнены, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ выбрасывать громадныя суммы на открытіе спеціально-женскихъ высшихъ школъ въ городахъ, гдѣ женщины могли бы посѣщать уже имѣющіеся тамъ университеты. Было бы несравненно цѣлесообразнѣе на эти средства открыть еще нѣсколько совмѣстныхъ высшихъ школъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ основаніе высшихъ учебныхъ заведеній особенно необходимо. Еще можно оправдать недопущеніе женщинъ къ высшему образованію въ тѣхъ государствахъ, гдѣ и спеціально для нихъ никакихъ высшихъ школъ не создано. Но у насъ этого нѣтъ. Въ вопросѣ о высшемъ женскомъ образованіи мы одно время шли даже во главѣ европейскихъ государствъ, а стремленіе къ нему у русскихъ женщинъ и теперь выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой странѣ. Большинство женщинъ въ заграничныхъ университетахъ и теперь русскія. Но между тѣмъ какъ за-границей, какъ только вопросъ о допущеніи женщинъ въ университеты былъ рѣшенъ въ принципѣ, онъ былъ разрѣшенъ

вполнѣ разумно и экономично: двери университетовъ просто распахнули передъ женщинами, и все тутъ. А у насъ сочли нужнымъ, при нашемъ недостаткѣ высшихъ учебныхъ заведеній, тратить большія суммы на особыя заведенія для высшаго образованія женщинъ, такъ себѣ, ad maiorem „prudentiae“ (точнѣе: superstitionis) gloriam.

Для чего это? Вѣдь кромѣ суевѣрной боязни общенія половъ никакого довода тутъ не придумаешь.

И добро бы мы были послѣдовательны въ этомъ отношеніи. Такъ вѣдь этого вовсе нельзя сказать. Мы допускаемъ совмѣстныя занятія студентовъ и студентокъ въ академіи художествъ, въ консерваторіяхъ и вообще въ школахъ, посвященныхъ искусству. Разные курсы коммерческаго характера, возникшіе въ послѣднее время тоже допускаютъ оба пола къ совмѣстному слушанію. Отчего же не допускать женщинъ въ университеты? Чтобы молодые люди, посвятившіе себя наукѣ, не влюблялись другъ въ друга? Такъ вѣдь артистическія натуры гораздо болѣе склонны къ романтическимъ похожденіямъ, чѣмъ занимающіеся наукой, и уже разумнѣе было бы не допускать совмѣстнаго пребыванія художниковъ и художницъ, музыкантовъ и музыкантшъ и пр.

Но допустимъ, что романтизмъ дѣйствительно процвѣталъ бы среди студентовъ и студентокъ болѣе, чѣмъ теперь, когда они не сталкиваются въ аудиторіяхъ. Такъ что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь законъ не запрещаетъ курсисткамъ выходить замужъ, а студентамъ, хотя уставъ и не разрѣшаетъ жениться безъ особого разрѣшенія, но кому же неизвѣстно, что въ этомъ разрѣшеніи никому не отказываютъ. Такъ чего же боятся? Флирта? Нужно совершенно не понимать или игнорировать условія аудиторій, чтобы допустить возникновеніе его именно въ аудиторіи, когда мы его почти не замѣчаемъ въ церкви, въ концертахъ, театрахъ и проч. Въ аудиторіяхъ нѣтъ ни времени, ни возможности посвящать сколько-нибудь вниманія сосѣду. Кромѣ того, строгость нравовъ нашей учащейся женской молодежи какъ у насъ, такъ и повсемѣстно за-границей, гдѣ только учатся русскія дѣвушки, настолько общепризнана и удостовѣрена многолѣтнимъ опытомъ, что дѣйствовать вопреки этому опыту должно почитаться грубѣйшимъ суевѣріемъ. Что касается мужчинъ, то въ *этомъ* отношеніи наша учащаяся молодежь самая благовоспитанная въ свѣтѣ.

Лишне прибавлять, что сексуальный вопросъ для преподавательскаго персонала разрѣшается совершенно такимъ же образомъ, какъ и для учащихся. Это слѣдуетъ уже изъ того, что, при совмѣстномъ обученіи половъ, несоблюденіе этого принципа было бы равносильно лишенію одного изъ половъ права на преподавательскую дѣятель-

ность. Понятно, что и цензъ долженъ предъявляться учителямъ и учительницамъ совершенно одинаковый. Одинаковы должны быть и ихъ права и вознагражденіе за трудъ.

Уже и теперь учительницы являются весьма значительнымъ элементомъ учительскаго сословія. Въ народныхъ школахъ онѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр., въ Соединенныхъ Штатахъ) даже количественно преобладаютъ. Но, къ сожалѣнію, это дѣлается нерѣдко въ видахъ экономіи, а не одинаковости права на трудъ и одинаковой пригодности къ учительскому дѣлу. Такимъ образомъ, мы отнюдь не думаемъ выразить мысль, что женщины на этомъ поприщѣ пригоднѣе мужчинъ, какъ часто дѣлаютъ феминисты, основываясь на количественномъ перевѣсѣ учительницъ въ такихъ высоко стоящихъ по народному образованію странахъ, какъ Америка. Мы, напротивъ того, думаемъ, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ, что *въ общемъ* у учительницъ дѣло обученія, если не воспитанія, идетъ хуже, чѣмъ у учителей. Но если даже признать наше личное мнѣніе вполнѣ вѣрнымъ, то все-таки въ этомъ нельзя найти никакого оправданія для ограниченія педагогической дѣятельности женщинъ. Если учительницамъ будутъ предъявлены требованія, тождественныя съ требованіями, предъявляемыми учителямъ, и если имъ будетъ уплачиваться такое же вознагражденіе, то тогда дѣло покажетъ, какой полъ имѣетъ преимущество и какой будетъ преобладать количественно. Но этотъ вопросъ можетъ и въ будушемъ интересовать лишь статистику. Дѣлу же достанутся лишь болѣе способныя лица безразлично какого пола.

Именно въ виду необычайности, появленіе учительницы въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (такіе случаи, въ виду недостатка въ учителяхъ французскаго языка, кое-гдѣ бывали) оказывается не совсѣмъ удобнымъ. Нѣкоторые ученики оказываются чрезвычайно неблаговоспитанными и жеваную бумагу на урокахъ учителей замѣняютъ въ этомъ случаѣ нерѣдко выкрикиваніемъ какого-нибудь скабрезнаго слова. Это, къ сожалѣнію, факты. Но этимъ не нужно смущаться. Создается такая возможность именно отсутствіемъ того благотворнаго начала порядочности, который можетъ быть внесенъ лишь совмѣстнымъ обученіемъ и необычайностью явленія. Когда въ школѣ произойдетъ смѣшеніе половъ, какъ среди учащихся, такъ и среди учащихъ, и это войдетъ въ обыкновеніе, такія явленія станутъ такъ же невозможны, какъ теперь въ семьѣ или въ церкви.

К. Житомирскій.

(*Окончаніе будетъ*).

Статья „vivat universitas“, доставленная въ редакцію въ концѣ іюня, была напечатана безъ авторской корректуры, вслѣдствіе чего въ нее вкралось нѣсколько досадныхъ опечатокъ. Изъ нихъ просимъ исправить нижеуказанныя, какъ извращающія смыслъ соотвѣтственныхъ мѣстъ:

Стр. 176 сред. Слѣдуетъ читать: „а затѣмъ *помножьте* эту сумму дѣла и ученія на столько десятковъ тысячъ“ (вмѣсто „относите“). Тамъ же: „разрѣшила себѣ не *созрѣвшая*, такъ сказать, интеллигенція“ (вм. „уставшая“).

Стр. 177 св. „при мысли, *что* онъ, не *дѣлая* дѣла, сталъ паразитомъ“ (вм. „то... дѣлалъ“).

Стр. 179 сред. „потворствуя врожденному умственному симплизму“ (вм. „враждебному“). Далѣе читать: „... какъ бы это выразить, скажемъ, по нѣмецки?“ Далѣе: „въ чемъ причина *его* гибели?“ (вм. „погибели“).

Стр. 180 стр. 12. „эти пути *всюду* одни и тѣ же“ (вм. „суть“). Далѣе, къ концу абзаца: „не только разрыхляется *почва*“ (вм. „тѣло“).

Стр. 182 стр. 8. „родная, *неоцѣнимая* дочь“ (вм. „но цѣнимая“). Далѣе: „великое дѣло, *ради него* можно и должно жертвовать жизнью“ (вм. „даже“).

Стр. 184 сред. „важный шагъ—*не* къ „успокоенію“ студентовъ, *а* къ направленію“ (вм. „и... и“).

Стр. 185 стр. 6. „*Не* всѣмъ извѣстно“ (вм. „но“).

Стр. 186 стр. 11. „*безотчетно представляемъ* себѣ ихъ“ (вм. „безучастно предоставляемъ“. Далѣе: „*не* добрс противоположно злу, *а* другое зло (скупость—расточитель*ности*)“ вм. „и...и...ность“.

Стр. 187 стр. 3. „развивается“ (вм. „разбивается“).

Стр. 190 стр. 14 сн. „мои глаза, вѣдь, *по прежнему* будутъ видѣть его“ (вм. „напряженно“).

Стр. 192 стр. 13 сн. „пятна мерзлой крови еще долго останавливали на себѣ вниманіе прохожихъ. *Правда, что* и до и послѣ этого“ (вм. „полицейскихъ“).

Стр. 194 сред. „увеличивающіе процентъ *ихъ приверженцевъ*“ (вм. „на приверженность“).

Стр. 196 стр. 7 „послѣдовательно сопровожда*вшее* баснослов*ный ростъ ея численности*“ (вм. „—вшейся баснословной численностью роста“). Далѣе: „Häutung“ (вм. „Häufung“).

Стр. 197 внизу „университетскій—единственный *т. ск.* срочный“ (вм. „т. е.“).

Vivat universitas *).

Прошу понимать эти слова въ ихъ самомъ скромномъ, буквальномъ смыслѣ, а не въ томъ радостномъ, ликующемъ, какой они имѣютъ во всестуденческой пѣснѣ; для этого смысла теперь не время.

Не радостныя, не ликующія чувства наполняютъ насъ при мысли объ университетѣ. За все истекшее нынѣ полугодіе онъ всего только разъ видѣлъ свою молодежь; студенты всего только разъ посѣтили его залы, и посѣтили для того, чтобы разстаться съ ними и перестать быть самими собою. Съ тѣхъ поръ въ немъ царитъ пустота: тихо въ аудиторіяхъ, тихо въ читальняхъ и кабинетахъ. Хотѣлось бы вѣрить, что это—лишь тишина нивы въ зимнюю пору, дремлющей подъ покровомъ снѣга въ ожиданіи весенняго солнца. Но уныніе невольно беретъ верхъ надъ надеждой и подсказываетъ другое зловѣщее сравненіе. А наша университетская молодежь, что съ нею стало? Кое-кого намъ, профессорамъ, удалось удержать около себя, благо на частныя бесѣды всеобщій интердиктъ не былъ распространенъ; но вѣдь это лишь единицы. Другіе нашли себѣ пріютъ за-границей, въ тѣхъ счастливыхъ университетахъ, которые сочли возможнымъ подѣлиться своимъ избыткомъ съ выходцами чужой страны; но и это лишь десятки или сотни. Телеграфъ обязательно доставляетъ намъ свѣдѣнія о томъ, что въ томъ или другомъ заграничномъ университетѣ „пріемъ *русскихъ* студентовъ прекращенъ". Что дѣлать! Свои дѣти ближе чужихъ, это разъ; а затѣмъ—какъ ни извилистъ мозгъ

---

*) Университетскій вопросъ въ его настоящемъ фазисѣ—крайне сложный и, какъ это видно изъ ссылки почтеннаго автора на статью проф. Савича, помѣщенную въ газетѣ „Право", предлагаемая вниманію читателей статья проф. Зѣлинскаго не исчерпываетъ вполнѣ вопроса о причинахъ прекращенія занятій въ университетахъ. Тѣмъ не менѣе мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто на страницахъ нашего журнала статьѣ весьма талантливаго и авторитетнаго профессора, въ которой самая существенная сторона вопроса очень ярко освѣщена и выяснена, можно сказать, съ полной объективностью.

Ред.

западнаго человѣка, а этого онъ никогда въ толкъ не возьметъ, съ какой стати русская молодежь стучится въ заграничныя лабораторіи, отнимая мѣсто и воздухъ у тамошнихъ уроженцевъ, между тѣмъ какъ въ Россіи роскошно обставленные физическіе, химическіе и др. институты служатъ только сторожамъ да паукамъ. Да, противъ этого никто ничего не найдетъ сказать; спасибо и на томъ, что хоть тѣ десятки да сотни удалось пристроить. А остальные? А тѣ тысячи и десятки тысячъ, которые вслѣдствіе финансоваго или иныхъ стѣсненій должны были остаться въ Россіи, и среди которыхъ тѣ немногіе счастливые теряются, какъ капля въ морѣ? А вся, можно сказать, наша молодая интеллигенція, будущій показатель нашей культуры?... Да что тутъ спрашивать? Она у насъ на глазахъ, мы всѣ видимъ, что она дѣлаетъ. Что она дѣлаетъ? Да именно то, что рѣшила дѣлать: ничего.

За все полугодіе ничего не дѣлаетъ... Стоитъ вдуматься въ значеніе этихъ словъ. Обыкновенно представляютъ себѣ дѣло такъ, будто полгода, такъ сказать, вычеркнуто изъ жизни человѣка. Думаю, что и въ этомъ освѣщеніи наше явленіе достаточно внушительно. Сообразите, что такое полгода въ жизни человѣка, да еще человѣка развивающагося, припомните, что вы успѣли сдѣлать, чему сами успѣли научиться за полгода; а затѣмъ относите эту сумму дѣла и ученія на столько десятковъ тысячъ, сколько у насъ теперь десятковъ тысячъ ничего не дѣлающихъ студентовъ. И замѣтьте, что этотъ чудовищный полугодовой отдыхъ разрѣшила себѣ не уставшая, такъ сказать, интеллигенція, а интеллигенція нашего молодаго народа, которую и безъ того всѣ попрекаютъ ея отсталостью; разрѣшила себѣ именно въ тотъ моментъ, когда горестныя послѣдствія этой отсталости обнаружились со столь ужасающей, столь ошеломляющей силой. Да и въ этомъ освѣщеніи явленіе внушительно; а все же въ дѣйствительности оно является еще гораздо болѣе серьезнымъ. Мы только что допустили, что это полугодіе лишь вычеркнуто изъ жизни нашей молодежи, постарались свести его къ нулю; но это фикція. Въ человѣческой жизни нулевыхъ эпохъ не бываетъ; каждая представляетъ изъ себя либо положительную, либо отрицательную величину. А что проведенная „безъ дѣла“ часть жизни—именно отрицательная величина, это прекрасно сознаетъ и нашъ народъ: вспомните, какого рода нравственный привкусъ слышится въ словѣ „бездѣльникъ“. Нѣтъ, какъ это ни грустно, а мы сочли бы еще счастьемъ для себя, если бы наша молодежь просто заснула сномъ Эпименида въ январѣ текущаго года и проснулась бы въ августѣ совершенно такой же, какой была въ прошломъ декабрѣ. Но это невозможно: дѣло жизни шло своимъ чередомъ; проведенное безъ

дѣла полугодіе не могло не оставить слѣда въ душѣ юноши. Я не говорю о томъ, что пріобрѣтенный за прошлую осень запасъ знаній успѣлъ улетучиться, такъ что въ дѣйствительности русскій студентъ отсталъ отъ своихъ западныхъ коллегъ не на полгода, а, по крайней мѣрѣ, на годъ: есть и другія послѣдствія, которыхъ и измѣрить нельзя. Человѣкъ, увы! приспособляется ко всему, не исключая и бездѣлья. Если въ теченіе первыхъ недѣль юноша, оставленный безъ занятій, и чувствовалъ пробѣлъ въ своей жизни, то за полгода зіяющая скважина замкнулась, пробѣлъ сталъ неощутимымъ. Если ему вначалѣ было неловко при мысли, то онъ не дѣлалъ дѣла, сталъ паразитомъ общественнаго организма, то теперь и это прошло; продолжительное бездѣлье по своему перевоспитываетъ человѣка, незамѣтно сообщая ему тотъ складъ ума, при которомъ оно только и можетъ быть выносимымъ.

Да, невеселую картину представляетъ наша молодая интеллигенція въ этомъ грозномъ 1905 году. И нельзя оторвать отъ нея своихъ мыслей; хотѣлось бы уразумѣть смыслъ происходящаго, понять, какъ и отчего все явилось, и куда мы идемъ.

II.

„Какъ все это явилось?“ Для большинства людей этотъ вопросъ какъ-то самъ собою превращается въ слѣдующій: кто во всемъ этомъ виноватъ? И многіе на него склонны отвѣтить коротко и легко: виноваты вы, профессора.

... Моя тема обширна, и я радъ поэтому, что съ вопросомъ о виновности профессоровъ могу покончить въ немногихъ словахъ: его съ исчерпывающей полнотой разобралъ проф. С. Е. Савичъ („Право“ 1905 № 11 и 12). Отсылая читателя къ его статьѣ, позволю себѣ лишь вкратцѣ резюмировать его соображенія. Обвиненія противъ профессоровъ имѣютъ обыкновенно одну изъ слѣдующихъ формъ:

1) Они сами „забастовали“, постановивъ въ засѣданіяхъ своихъ совѣтовъ не открывать учебныхъ заведеній. Отвѣтъ: своими постановленіями они не отказывались отъ возобновленія занятій, а выразили лишь свое убѣжденіе, что при господствующемъ среди студентовъ настроеніи таковыя неосуществимы.—Отъ себя прибавлю еще слѣдующее, будучи увѣренъ въ сочувствіи почтеннаго коллеги: если понятія „студенты“ и „забастовка“ могли совмѣститься только вслѣдствіе какого-то рокового недоразумѣнія (о чемъ скажу ниже), то понятія „профессоръ“ и „забастовка“ подавно несовмѣстимы: въ профессорской коллегіи „забастовка“ возможна лишь въ формѣ

массового выхода въ отставку, а не въ формѣ отказа отъ работы съ одновременнымъ полученіемъ содержанія „за прогулъ".

2) Они косвенно вызвали студенческую забастовку своей извѣстной запиской, т. наз. „запиской 342-хъ" (которую теперь правильнѣе было бы назвать „запиской" 1.500). Отвѣтъ: эта записка, составленная и подписанная до 9 янв., констатировала лишь необходимость общегосударственныхъ реформъ для правильнаго хода также и учебнаго дѣла и не содержала ни малѣйшаго намека на что-либо похожее на забастовку.

3) Какъ ближайшіе руководители молодежи, они отвѣтственны за ея образъ мыслей и дѣйствій. Отвѣтъ: ссылка на уставъ 1884 г. и дальнѣйшія дѣйствія учебной администраціи, направленныя къ подрыву профессорскаго авторитета и ко взаимному отчужденію обѣихъ университетскихъ корпорацій.

III.

Въ послѣднемъ пунктѣ какъ бы заключается уже и указаніе на истинныхъ виновниковъ университетской исторіи: виновато правительство. Виновато оно вдвойнѣ: своимъ отношеніемъ и къ общегосударственнымъ, и спеціально къ университетскимъ нуждамъ. Пренебрегая закономъ несимпатичнаго намъ, но несомнѣнно умнаго государственнаго дѣятеля Бисмарка—„нельзя продолжительно управлять страной противъ воли большинства ея интеллигенціи"—оно возбудило противъ себя почти поголовно все русское общество, самой чуткой и отзывчивой частью котораго было и есть русское студенчество; отнимая у университетовъ автономію, оно ихъ лишило ихъ общественнаго характера и сдѣлало однимъ изъ рычаговъ общеправительственной машины, обращая ихъ этимъ въ ближайшую мишень общественнаго и, стало быть, студенческаго недовольства.

Такова, вкратцѣ, формулировка фундаментальнаго обвиненія, взводимаго на правительство; есть, кромѣ того, довольно много обвиненій второстепеннаго характера, среди которыхъ особенно выдается нареканіе на нерѣшительную политику министерства народнаго просвѣщенія въ дѣлѣ университетской реформы. Опроверженія этихъ обвиненій по существу мнѣ прочесть не довелось, и я не думаю, чтобы оно было возможно; единственное, на что я могу указать, это опроверженіе, называемое въ діалектикѣ „прескрипціоннымъ". Въ нашемъ случаѣ оно гласитъ такъ: обвиняя правительство, вы этимъ самымъ обвиняете народъ, такъ какъ каждый народъ имѣетъ то правительство, котораго онъ заслуживаетъ. Опроверженіе это легко вы-

смѣять хотя бы слѣдующимъ вопросомъ: стало быть, въ 1899 г. русскій народъ заслуживалъ режима П. Н. Боголѣбова, а въ 1901 г. ген. Ванновскаго?": но расшатать его трудно, не подымаясь въ высоты политической метафизики. Предпочитаю, поэтому, его обойти: не ставлю вопроса о виновности, ставлю вопросъ лишь о причинѣ. Само собою разумѣется, что эта причина имѣетъ въ свою очередь свою причину, это ясно для каждаго; откажемъ себѣ, однако, въ мрачномъ удовольствіи искать этой причины въ чьей-либо злой волѣ, послѣдуемъ доброму и мудрому почину проф. кн. С. Н. Трубецкого въ его памятной рѣчи, произнесенной у ступеней престола. Это не будетъ значить, что мы записываемся въ сторонники политическаго детерминизма: отказываясь отъ изслѣдованія чьей бы то ни было злой воли, мы оставляемъ за собой право, когда это понадобится, взывать къ доброй волѣ всѣхъ и каждаго.

Ну что-жъ, причина, такъ причина. Стало быть—она найдена? Превратная политика правительства за послѣднюю четверть вѣка—это и есть причина университетской неурядицы?

Да... и нѣтъ. Самъ языкъ насъ вводитъ въ заблужденіе, потворствуя враждебному умственному симплизму современнаго человѣка: беззаботная славянская муза не воспитала въ насъ сознанія различія между опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ наименованіемъ. Найдена причина... какъ бы это выразить? скажемъ по-нѣмецки? Ein Grund? Да. Der Grund? Нѣтъ.

Стекляный шаръ упалъ со стола и разбился: въ чемъ причина погибели? Въ той силѣ, которая столкнула его со стола? Да, конечно. Но та же сила столкнула съ того же стола и желѣзный шаръ, а онъ остался цѣлъ. Итакъ, наша сила была лишь одной изъ причинъ. Другой была хрупкость самого шара; лишь вмѣстѣ взятыя два эти условія создадутъ—при равенствѣ прочей обстановки—полную причину, den Grund, случившагося несчастья. Старинное, схластическое дѣленіе: внѣшняя и внутренняя причина. Но забывать о немъ не годится.

Слѣдующее размышленіе насъ еще болѣе въ этомъ убѣдитъ.

IV.

Движеніе, охватившее въ настоящее время Россію, носитъ названіе освободительнаго; въ немъ намъ не отказываетъ и западная печать, вообще неласково относящаяся къ нашему государству и нашей націи. Дѣйствительно, его цѣли—народное представительство, неприкосновенность личности, свобода слова, свобода союзовъ—тѣ

же, которыя намѣчала себѣ въ различныя времена и жизнь западныхъ народовъ, тѣ же, которыя стали мало-по-малу условіями всего ихъ политическаго строя. Ничего новаго мы тутъ Европѣ не сказали, да и не имѣли въ виду сказать: мы просто пошли по ея стопамъ. Глядя на благоустроенность у своихъ сосѣдей и сравнивая съ ней безпорядокъ въ собственномъ домѣ, мы почувствовали естественное желаніе перенести къ себѣ то, что сослужило имъ такую хорошую службу.

До сихъ поръ, повторяю, все естественно, все для европейски организованной головы понятно; идемъ дальше. Указывая намъ цѣль, къ которой мы стремимся, тотъ же Западъ, въ силу тѣхъ же законовъ политическаго развитія, указалъ намъ и пути, по которымъ къ нимъ слѣдуетъ стремиться. Эти пути суть одни и тѣ же, что и не удивительно, такъ какъ они совпадаютъ съ тѣми, которые указалъ бы всякій свѣдущій политикъ по чисто теоретической конструкціи. Первый путь—это просвѣщеніе при его возможно широкомъ и возможно глубокомъ дѣйствіи. Оно и понятно: если патріархальная форма правленія и возможна при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія народа, то европейски организованное государство съ его сочетаніемъ свободы и законности немыслимо безъ огромнаго штата просвѣщенныхъ дѣятелей и безъ субстрата грамотной народной массы. А затѣмъ, второй путь—это прямая пропаганда освободительныхъ идей, формы которой разнообразны, въ зависимости отъ общихъ условій жизни. Этотъ второй путь обыкновенно встрѣчаетъ препятствія со стороны правительства—это въ порядкѣ вещей и даже необходимо во избѣжаніе скороспѣлости; но столь же естественно и то, что эти препятствія тормозятъ только нѣкоторыя, а не всѣ формы политической пропаганды, да и то только до поры до времени; да и сама работа просвѣщенія такова, что ею не только разрыхляется тѣло, не только создается способность къ воспріятію освободительныхъ идей, но и сообщаются сѣмена этихъ послѣднихъ.

Такъ шло дѣло на Западѣ; такъ оно идетъ и у насъ. Нельзя отказать передовой части нашего общества въ величайшей заботливости о нуждахъ просвѣщенія; школа и печать, эти два могущественнѣйшіе его рычага, всегда пользовались ея исключительнымъ вниманіемъ. Медленно и вѣрно увеличивался запасъ знаній, росло по мѣрѣ возможности число грамотныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась и политическая правоспособность народа. Параллельно съ этимъ движеніемъ происходила и дѣятельная пропаганда освободительныхъ идей; она всплыла на поверхность въ послѣдніе годы, дала знать о себѣ въ резолюціяхъ дворянскихъ, земскихъ, думскихъ собраній, профессіональныхъ союзовъ и съѣздовъ и т. д., краснорѣчиво свидѣтельствуя о направленіи общества и доказывая правительству,

что, оставаясь на прежнемъ пути, оно будетъ имѣть противъ себя почти всю русскую интеллигенцію.

И вдругъ, среди всѣхъ этихъ понятныхъ, разумныхъ, цѣлесообразныхъ явленій—всеобщая студенческая забастовка, т. е. поголовный отказъ молодой интеллигенціи отъ того, въ чемъ ея сила, отъ просвѣщенія, отъ науки! Что это такое? Представимъ себѣ на минуту, что черезъ 1.000 лѣтъ исторія нашей эпохи будетъ извѣстна такъ же отрывочно, какъ теперь извѣстна исторія многихъ эпохъ древности; можно поручиться, что историкъ того времени найденное въ своихъ источникахъ свидѣтельство о забастовкѣ 1905 г. истолкуетъ такъ: „ужаснувшись прогрессивнаго настроенія интеллигентной молодежи, правительство въ числѣ другихъ реакціонныхъ мѣръ закрыло всѣ университеты и другія высшія учебныя заведенія, чтобы, упраздняя высшее образованіе, вновь низвести подданныхъ до уровня невѣжественнаго и слѣпо послушнаго стада“. И врядъ ли кто будетъ оспаривать правильность его заключенія.

Вотъ тутъ-то и приходится вспомнить о вышеприведенной разницѣ между внѣшней и внутренней причиной. Фактъ тотъ, что *студенческая забастовка не встрѣчала себѣ аналогіи въ освободительныхъ движеніяхъ западно-европейскихъ государствъ*. Гдѣ бы вы ни изучали ихъ,—въ Англіи, Франціи, Германіи—нигдѣ вы не найдете, чтобы стремящаяся къ свободѣ молодежь прибѣгала къ забастовкѣ, т. е. къ добровольному отказу на неопредѣленное время отъ того, что составляетъ ея силу въ борьбѣ съ поработительными тенденціями правительства. „Ну, что же“, скажутъ, „вотъ и мы свое слово сказали“. Было бы чѣмъ гордиться, если бы дѣло шло о какомъ-нибудь радіи или о рентгеновскихъ лучахъ; если же западная интеллигенція не додумалась до студенческой забастовки, то, очевидно, не потому, что у нея для этого открытія мозговъ не хватило, а по иной причинѣ. Эту причину и надлежитъ обнаружить; вмѣстѣ съ тѣмъ мы обнаружимъ и одно изъ фундаментальныхъ различій между западно-европейскимъ и нашимъ студенчествомъ, или, что одно и то же, между западно-европейскимъ и нашимъ обществомъ.

V.

Намъ говорятъ: „Мы стремимся къ свободѣ; ради нея мы принесли въ жертву полгода—а понадобится, такъ и больше—своего научнаго развитія“. Допустимъ, что разсчетъ правиленъ (т. е. что эта жертва, дѣйствительно, можетъ содѣйствовать достиженію той цѣли), и спросимъ дальше: если такъ, то почему же Западъ никогда подобной жертвы не приносилъ? Менѣе вашего дорожилъ онъ сво-

бодой? Исторія достаточно доказываетъ противное. Нѣтъ, конечно; если стать на вашу точку зрѣнія, то можно будетъ отвѣтить только одно: потому, что эта жертва показалась бы ему чрезмѣрной.

Да и въ этомъ отвѣтѣ будетъ много правды—также и съ объективной точки зрѣнія. Дѣйствительно, отношеніе западнаго человѣка къ наукѣ совершенно другое, чѣмъ у насъ. Вся культурная жизнь Запада была медленнымъ созиданіемъ науки; для него она—плоть отъ его плоти и кровь отъ его крови, родная, но цѣнимая дочь. Свобода—о да, это великое дѣло, даже можно и должно жертвовать жизнью... жизнью, согласенъ, но не наукой. Иное дѣло—смерть въ чистомъ полѣ, или на баррикадахъ, или даже на плахѣ, иное—обрекать себя на медленное умственное оскудѣніе въ пассивномъ протестѣ. Вотъ на это-то послѣднее западный человѣкъ оказывается неспособнымъ: у насъ, повидимому, складъ ума другой. Что дѣлать: не даромъ мы прожили безъ малаго тысячу лѣтъ исторической жизни, не зная науки; антинаучная закваска и понынѣ сильна въ нашемъ обществѣ. Родной дочерью она намъ никогда не была; мы наняли ее къ себѣ работницей, видя, что она хорошо служила сосѣдямъ, но мы и относились къ ней, какъ къ наемницѣ, отказывая ей при каждомъ удобномъ случаѣ. А при такомъ отношеніи къ наукѣ и студенческая забастовка становится понятной: и ея возможность у насъ, и ея невозможность на Западѣ.

Будемъ, однако, осмотрительнѣе. Мы установили выше большую заботливость общества—нашего русскаго общества—объ интересахъ просвѣщенія, т. е. той же науки; какъ же вяжется эта заботливость съ допущенной только что его антинаучной закваской?

Само собою разумѣется, что, говоря объ обществѣ, мы не должны забывать разнообразія оттѣнковъ даже въ его преобладающей, передовой группѣ; но, помня о немъ, мы имѣемъ право сосредоточиваться на той его части, настроеніе которой сказалось въ изслѣдуемой нами студенческой забастовкѣ. А въ ней дѣйствительно указанныя противорѣчія совмѣщаются; совмѣщаются потому, что они—противорѣчія кажущіяся. Оно заботилось о наукѣ, да; но пусть оно скажетъ по совѣсти: наука ли, какъ таковая, была ему нужна? Нѣтъ, оно требовало науки съ *направленіемъ*. Въ этомъ заключается опять таки разница между нашимъ и западно-европейскимъ обществомъ: не даромъ у насъ былъ проведенъ въ общественномъ сознаніи принципъ классификаціи наукъ, никогда не снившійся ни Аристотелю, ни Конту, ни Спенсеру—ихъ дѣленіе на „передовыя“ и „ретроградныя“. Вѣра, что наука, какъ таковая, какъ отраженіе истины въ человѣческомъ умѣ, возвышаетъ и освобождаетъ человѣка, слабо держится въ нашемъ обществѣ: прежде чѣмъ довѣриться какой-нибудь

наукѣ или части таковой, оно хочетъ знать, куда она его поведетъ, направо или налѣво? Научные критеріи при оцѣнкѣ отступали на задній планъ передъ направленіями; была заведена особая цензура, въ родѣ правительственной, но конечно, въ обратномъ направленіи и болѣе умная, а потому и болѣе вредная. Поставленная между правительствомъ и обществомъ, какъ предметъ ревнивой заботливости того и другого, русская наука очутилась въ положеніи того античнаго сибарита, у котораго пожилая подруга выщипывала всѣ черные, а молодая—всѣ сѣдые волосы; будемъ благодарить Бога, что она не облысѣла въ конецъ.

Къ рѣдкимъ въ нашемъ отечествѣ очагамъ чистой, не направленской науки принадлежали университеты. Профессора русскихъ университетовъ (и родственныхъ заведеній), къ чести для нихъ и къ счастью для русской науки—полноправные граждане европейской ученой республики. Пользуясь трудами своихъ западныхъ коллегъ, пребывая съ ними въ постоянномъ общеніи, обогативъ общенаучную сокровищницу и собственными вкладами—не столь незначительными, какъ у насъ принято думать—они естественно прониклись и духомъ чистой научности, согласно которому истинность и только истинность является мѣриломъ достоинства научнаго сочиненія, а отнюдь не постороннія, направленскія соображенія. Могу сказать по совѣсти, что таковъ былъ господствующій духъ въ нашихъ университетахъ. Конечно, отдѣльныя исключенія встрѣчались; но они насъ ничуть не тревожили. Я и самъ видѣлъ и слышалъ, какъ впечатлительная молодежь толпилась вокругъ такого исключенія—какого нибудь молодого приватъ-доцента, возмѣщавшаго избыткомъ направленской благонадежности свои научные недочеты; но я видѣлъ также, какъ эта самая молодежь вскорѣ затѣмъ, раскусивъ лектора, отшатнулась отъ него. И мы молили тогда только объ одномъ: чтобы учебная администрація дала спокойно совершиться этому естественному процессу и не задержала его своимъ грубо-полицейскимъ вмѣшательствомъ.

Впрочемъ, сказанное только что относится къ болѣе спокойнымъ временамъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. Психологія критическихъ временъ иная; о ней даетъ понятіе дрянная во всѣхъ другихъ отношеніяхъ книжечка г. Гегидзе „Въ университетѣ“, на которую я ссылаюсь только потому, что она выдержала нѣсколько изданій и, стало быть, пришлась по вкусу кое-кому. Надо было во что бы то ни стало оклеветать университетъ и убѣдить молодежь, что проходимая въ немъ чистая, научная въ европейскомъ смыслѣ этого слова наука „не нужна“. И это удалось. Въ этомъ самомъ 1905 г. я слышалъ изъ устъ одного научно-ничтожнаго направленца

публично произнесенную хлесткую фразу про „профессоровъ въ вицъ-мундирахъ, читавшихъ никому не нужные курсы“; ему аплодировали. Да, клевета удалась; но она удалась потому, что попала на удобную почву, на то, что я назвалъ выше „антинаучной закваской нашего общества“.

Понятно теперь, почему студенческая забастовка, невозможная на западѣ, оказалась вполнѣ возможной у насъ?

VI.

Въ оконченномъ только что разсужденіи я допустилъ правильность приводимаго забастовщиками разсчета, что, принеся упомянутую интеллектуальную жертву, они добьются или скоро добьются искомой цѣли. Я могъ это допустить: дѣйствительно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что убѣжденіе въ его правильности у большинства студентовъ искренно, а при такихъ условіяхъ вопросъ объ его объективной обоснованности психологически безразличенъ.

Самъ по себѣ онъ, однако, чрезвычайно важенъ; если присмотрѣться къ нему ближе, онъ самъ собою распадается на два, первый: правда ли, что студенческая забастовка можетъ оказаться дѣйствительнымъ средствомъ въ политической борьбѣ? Второй: если нѣтъ— то какъ могла возникнуть въ средѣ студентовъ такая иллюзія?

Первый вопросъ, конечно, важнѣе; само собою разумѣется, что, если бы удалось убѣдить забастовщиковъ въ практической безполезности ихъ затѣи, то былъ бы сдѣланъ важный шагъ— и къ „успокоенію“ студентовъ, и къ направленію ихъ силъ на другіе, болѣе разумные пути. Все же я этого вопроса здѣсь подробно обсуждать не буду, такъ какъ его обсужденію посвящена вся первая половина вышеназванной статьи проф. С. Е. Савича. Признавая за молодежью право откликаться на запросы политической жизни, авторъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ неосновательность приводимыхъ въ пользу забастовки аргументовъ. Если промышленная забастовка еще имѣетъ нѣкоторый смыслъ, нанося матеріальный вредъ работодателю и заставляя его этимъ идти на уступки, то студенческая забастовка наноситъ ущербъ не власти, противъ которой она направлена, а обществу. Говорятъ, что она увеличиваетъ общественное недовольство, направляя его противъ правительства; первое правильно, но только это недовольство направляется не противъ правительства, а какъ это вполнѣ естественно—противъ виновниковъ забастовки. Говорятъ, что она своей грандіозностью должна обратить на себя вниманіе Европы и этимъ косвенно повліять на правительство, но, оставляя въ сторонѣ рискованность этой политики, съ точки зрѣнія націо-

нальной чести, факты доказываютъ намъ, что Европа, придавая огромное значеніе политическому объединенію общества и экономическому—пролетаріата, относится съ самымъ обиднымъ равнодушіемъ къ студенческимъ забастовкамъ, видя въ нихъ одно ребячество и больше ничего. Отъ себя прибавлю, что она навѣрное даже учитываетъ ихъ въ свою пользу, хотя и негласно. Но всѣмъ извѣстно, что, когда у насъ строилась сибирская желѣзная дорога, то это повліяло косвеннымъ образомъ на посѣщаемость нѣмецкихъ техническихъ школъ, а одна изъ нихъ (саксонскій Technicum Minweida) даже выпустила объявленіе съ указаніемъ на то, что въ могущественномъ, сосѣднемъ государствѣ открылось новое поле для нѣмецкой работы.

Итакъ, русское студенчество не только заплатило несоразмѣрно дорогую цѣну за то, чего оно хотѣло достигнуть,—оно, заплативъ, ни на шагъ не приблизилось къ этой своей цѣли, а скорѣе отдалилось отъ нея. Но какъ же—перехожу ко второму вопросу—какъ же могла распространиться въ его средѣ увѣренность, что, объявляя забастовку, оно не компрометируетъ освободительное движеніе, а способствуетъ ему?

Ставя этотъ вопросъ, мы касаемся самаго больного мѣста нашего общественнаго организма.

VII.

Въ немъ, впрочемъ, опять таки не одинъ, а два вопроса: одинъ касается самаго возникновенія того несообразнаго мнѣнія, другой—его принятія столь подавляющимъ большинствомъ студентовъ; первый касается иниціаторовъ забастовочнаго движенія, второй—примкнувшей къ нимъ массы.

О первыхъ я говорить не буду; я не имѣю чести ихъ знать и сомнѣваюсь даже, чтобы они находились среди студентовъ. Да собственно говоря, вопросъ по отношенію къ нимъ и не можетъ быть поставленъ въ формулированныхъ выше словахъ; „какъ могла у нихъ возникнуть увѣренность, что, затѣвая забастовку, они способствуютъ освободительному движенію?“—да почемъ мы знаемъ, что эта увѣренность у нихъ была? Почемъ мы знаемъ, что они желали способствовать освободительному движенію? Я лично прямо убѣжденъ въ противномъ—убѣжденъ, что звонъ вѣчевого колокола былъ бы похороннымъ звономъ для ихъ власти.

Оставимъ ихъ; перейдемъ къ нашей дѣйствительно молодой молодежи съ ея искренностью, впечатлительностью, отзывчивостью. Какъ могла она послѣдовать за тѣми, которые звали ее на путь интеллектуальнаго самоубійства?

Рѣшеніе это было равнодѣйствующей цѣлаго ряда составляющихъ, отчасти интеллектуальнаго, отчасти волевого характера; ихъ изученіе не совсѣмъ легко, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостаточной отчетливости и сознательности психическихъ процессовъ у тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Все же кое что, думается мнѣ, можетъ быть установлено.

Прежде всего, придется тутъ назвать коренное недоразумѣніе, вытекающее изъ особенностей самого языка. Языкъ представляетъ намъ отвлеченныя понятія попарно по закону полярности: мы говоримъ о добрѣ и злѣ, о здоровьи и болѣзни, о свободѣ и неволѣ и т. д. и безучастно предоставляемъ себѣ ихъ, какъ противоположныя другъ другу состоянія нашего естества, между тѣмъ на дѣлѣ это не такъ; тѣ состоянія, которыя мы обозначаемъ положительными наименованіями, суть лишь состоянія равновѣсія между двумя противоположными другъ другу, но одинаково отрицательными состояніями, и добро противоположно злу, и другое зло (скупость—расточительность и т. д.), и не свобода противоположна неволѣ, а другая неволя; мудрость эта старинная, аристотелевская—его знаменитое virtus in medio; съ его времени она успѣла войти даже въ хрестоматію, но увы! все еще не успѣла войти въ сознаніе людей. Особенно это касается тѣхъ двухъ понятій, которыя мы поставили послѣдними: понятій „свобода“ и „неволя“. Иллюзія полярности естественно ведетъ къ тому, что человѣкъ, возненавидѣвъ состояніе неволи, въ которомъ онъ находится въ данное время, старается какъ можно дальше отъ него уйти—и этимъ впадаетъ въ другую, часто гораздо болѣе тяжелую, неволю. Прекрасно доказываютъ это событія первой французской революціи, вызвавшія со стороны извѣстнаго англійскаго либерала Берка памятное замѣчаніе, что французы „переступили черезъ свободу“ (во французской передачѣ: ont traversé la liberté). Въ немъ ясно сказывается правильное представленіе о свободѣ, какъ о состояніи равновѣсія между двумя крайностями неволи; и я думаю, что напомнить объ этомъ глубокомъ словѣ особенно умѣстно теперь, когда мы сами, забывъ о примѣрахъ многострадальной Франціи, собираемся „переступить черезъ свободу“.

Но, конечно, для того, чтобы не переступать черезъ свободу, надобно знать ея предѣлы съ той и другой стороны; если она есть перигей политическаго маятника между двумя апогеями, то нужно дать себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ этотъ перигей находится. Послѣдствіемъ такого взгляда на дѣло будетъ положительное къ нему отношеніе и старательное взвѣшиваніе пригодности или непригодности дѣйствующихъ политическихъ силъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія полярной теоріи задача упрощается до нельзя; разъ свобода есть

противоположная нашей неволѣ крайность, то всякое удаленіе отъ этой неволи будетъ приближенімъ къ желанной свободѣ. Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія разбивается настоящій *культъ протеста*: все хорошо, въ чемъ выражается протестъ противъ существующаго режима, этотъ протестъ пересталъ быть средствомъ къ достиженію другой цѣли, онъ самъ становится цѣлью, и участье въ немъ разсматривается какъ долгъ гражданина. Само собою разумѣется, что дѣйствіе этой иллюзіи полярности еще усиливается вслѣдствіе положительнаго незнанія, въ которомъ пребываетъ громадное большинство общества и поголовно все студенчество относительно принциповъ и формъ политической свободы. Очень немногимъ, сравнительно, удалось провести болѣе или менѣе значительное время въ конституціонныхъ государствахъ, внимательно присматриваясь къ ихъ политической жизни. Изъ газетъ тоже ничему нельзя было научиться: онѣ иногда разсказывали о парламентскихъ скандалахъ во Франціи или Австріи, но исправно обходили своимъ вниманіемъ именно самыя здоровыя стороны конституціонной жизни именно въ самыхъ здоровыхъ конституціонныхъ странахъ, въ Германіи и Англіи. И конечно, только этимъ полнымъ незнаніемъ условій политической свободы можно объяснить такую странность, какъ требованіе всеобщаго избирательнаго права тамъ, гдѣ нѣтъ даже всеобщей грамотности.

Итакъ, подъ вліяніемъ съ одной стороны—иллюзіи полярности, съ другой—незнанія фактическихъ условій политической свободы развивается чисто отрицательное отношеніе къ политикѣ, развивается то, что я назвалъ выше культомъ протеста. Искатель свободы привѣтствуетъ всякое движеніе, причиняющее затрудненіе правительству, не спрашивая, куда оно грозитъ его завести, не останавливаясь ни передъ ужаснымъ, ни передъ смѣшнымъ. Ни передъ смѣшнымъ... полезно помнить, что одно общество взрослыхъ людей, именующее себя педагогическимъ, не постыдилось выразить сочувствіе даже „забастовавшимъ“ гимназистамъ: какъ ни какъ, а всетаки протестъ. Дальше, кажется, идти нельзя? Нѣтъ можно: то вѣдь, всетаки, были восьмиклассники. Но вотъ въ одной корреспонденціи изъ Пятигорска, напечатанной въ „Нашей Жизни“ и ускользнувшей, конечно, отъ вниманія ея почтеннаго редактора, разсказывается о „забастовкѣ“ въ тамошней *прогимназіи* и критикуется политическая отсталость родителей, подчиняющихся распоряженіямъ администраціи, „а не народа и въ данномъ случаѣ учениковъ“. Буквально! Положительно, въ великой землѣ нашей порядка нѣтъ: приходите княжить надъ нами, граждане-подростки!

Говоря о культѣ протеста, нельзя упустить и третьей силы, бла-

гопріятствующей его развитію—силы, неосмотрительно вскормленной самимъ правительствомъ. Заботясь прежде всего о престижѣ власти, оно въ своемъ отношеніи къ интеллигенціи руководилось формулой: „кто не за меня, тотъ противъ меня“. Естественнымъ рикошетомъ явилась отъ интеллигенціи формула: „кто противъ правительства, тотъ за меня“. Необходимость для различныхъ оттѣнковъ оппозиціи искать опоры другъ въ другѣ повела къ тому, что сплачивающіе ее элементы были выдвинуты на первый планъ: всѣ чувствовали сознательно или безсознательно, что они объединены лишь на почвѣ протеста, между тѣмъ какъ выставленіе положительныхъ программъ повело бы къ распаденію. Отсюда понятно и преувеличенное значеніе, придаваемое этому протесту; продолжительность же этого ненормальнаго положенія интеллигенціи повела къ тому, что для многихъ—какъ уже было сказано—этотъ протестъ изъ средства превратился въ цѣль. Правильность этого объясненія подтверждается событіями послѣднихъ недѣль. Бывшая оппозиція, призванная рескриптомъ 18 февраля къ участію въ дѣлѣ реорганизаціи страны, приступила къ тому, что очень некрасиво было названо „выработкой платформъ“. Когда не такъ давно на съѣздѣ одного союза интеллигентовъ представители крайней партіи внесли предложеніе, чтобы, въ виду разнообразія положительныхъ программъ, борьба съ правительствомъ была признана цѣлью союза, это предложеніе было съѣздомъ отвергнуто. Это—столь же знаменательное, сколь и отрадное явленіе. Конечно, профессіональные союзы интеллигенціи, какъ первичныя ячейки общественной организаціи, должны были сдѣлаться первыми очагами политическаго движенія; но эта роль только временная замѣна организаціи политическихъ партій. Когда эта организація состоится—профессіональные союзы выдѣлятъ изъ себя политику и останутся тѣмъ, чѣмъ имъ быть надлежитъ—именно профессіональными союзами, вѣдающими свои профессіональныя дѣла и интересы.

Резюмирую: воспріимчивость большинства студентовъ къ идеѣ забастовки объясняется *прежде всего* распространеннымъ въ обществѣ и, стало быть, въ студенчествѣ *культомъ протеста*. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, будучи подготовленъ общей всѣмъ народамъ „иллюзіей полярности“ въ примѣненіи къ понятію политической свободы, развился у насъ подъ вліяніемъ, съ одной стороны, незнанія фактическихъ условій этой свободы, съ другой—превратной политики правительства, толкавшей всѣ несогласныя съ его воззрѣніями партіи въ общій лагерь оппозиціи.

VIII.

Идемъ дальше.

Второй въ числѣ составляющихъ, давшихъ въ качествѣ равнодѣйствующей студенческую забастовку, мы должны признать распространенность въ нашемъ обществѣ извѣстной формы мышленія, которую я позволилъ бы себѣ назвать „мистическимъ коллективизмомъ“. Его формула гласитъ такъ: „истина открывается коллективной работѣ массы, выражаясь въ ея единодушно объявленной волѣ“. Въ его основѣ лежитъ двойная слабость. Во-первыхъ, слабость объективная: человѣкъ чувствуетъ себя некомпетентнымъ въ томъ вопросѣ, который ему приходится рѣшать, онъ не находитъ точки опоры въ собственномъ знаніи, собственной мысли, и поэтому безвольно подчиняется силѣ тяготѣнія, направляющей его туда, гдѣ онъ видитъ или предполагаетъ коллективную волю. Во-вторыхъ, слабость субъективная: онъ забываетъ о томъ, что тѣ, которые составляютъ эту коллективную волю, такія же слабыя единицы, какъ и онъ самъ, что и онѣ не имѣютъ никакой опоры въ собственномъ знаніи и собственной мысли. Агностическая, т. ск., подкладка этого мистицизма можетъ быть установлена эмпирическимъ путемъ: мы нигдѣ не встрѣчаемся съ нимъ тамъ, гдѣ люди дѣйствуютъ въ полномъ знаніи своего дѣла. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло сводится къ борьбѣ интересовъ: если проектируемая мѣра полезна для всѣхъ—она принимается единогласно; если полезна для однихъ и вредна для другихъ—вопросъ зависитъ отъ численнаго преобладанія той или другой партіи. И само собою разумѣется, что на практикѣ, въ политической жизни, вторые случаи куда чаще первыхъ; если не считать чисто формальныхъ резолюцій, то я не запомню ни одного случая, когда бы какое-нибудь предложеніе прошло въ западно-европейскомъ парламентѣ едино-(или почти едино-)гласно. Самые благодѣтельные законы—вродѣ закона о страхованіи рабочихъ въ германскомъ рейхстагѣ—и тѣ были проведены лишь большинствомъ голосовъ.

Теперь прошу сравнить, кто помнитъ, цыфровыя отношенія между сторонниками и противниками забастовки въ январьскихъ и февральскихъ сходкахъ с. г.: за забастовку сотни и тысячи, противъ—единицы. Возможно ли сомнѣваться, что въ этомъ единодушіи сказалось дѣйствіе мистическаго коллективизма? Не сомнѣваюсь, что этотъ выводъ удивитъ многихъ: вѣдь именно это единодушіе выставлялось, какъ доказательство разумности и цѣлесообразности забастовки! Да, конечно: для незнакомаго съ конституціонной жизнью это—заключеніе очень заманчивое. Но я прошу меня извинить, если я не только не раздѣляю этой иллюзіи, но и дѣлаю какъ разъ обратное заключеніе

не даромъ провелъ я шесть самыхъ воспріимчивыхъ лѣтъ изъ своей жизни въ конституціонныхъ государствахъ. Если бы забастовка была разумной мѣрой, если бы сознаніе ея цѣлесообразности было результатомъ взвѣшиванія доводовъ за и противъ нея—то она прошла бы большинствомъ стольких-то сотенъ противъ стольких-то въ каждомъ учебномъ заведеніи такъ же, mutatis mutandis, какъ и законъ о страхованіи рабочихъ въ Германіи.

Изслѣдуемый нами мистическій коллективизмъ ведетъ къ различнаго рода послѣдствіямъ въ одержимыхъ имъ средахъ и именно по этимъ послѣдствіямъ можетъ быть узнаваемъ. Сосредоточусь на трехъ изъ нихъ.

Первое—это болѣзненное *стремленіе къ единодушію* и соотвѣтственная болѣзненная боязнь „раскола". Оно и понятно. Кто по объективнымъ критеріямъ познаалъ истину, у кого она явилась результатомъ серьезной умственной работы, для того это единодушіе ненужно: ненужно теоретически, такъ какъ онъ и безъ него знаетъ, какого ему держаться мнѣнія, и ненужно практически, такъ какъ для проведенія требуемой мѣры въ жизнь вполнѣ достаточно и большинства. Въ совершенно другомъ положеніи находится тотъ, для котораго это единодушіе является единственнымъ критеріемъ истинности предлагаемаго мнѣнія: для него наличность раскола естественно является разрушеніемъ его единственной опоры. — И подчасъ это стремленіе къ единодушію сказывается въ прямо смѣхотворной формѣ: это—когда васъ упрашиваютъ „отказаться отъ своего мнѣнія" въ угоду желанному единодушію и производятъ въ „обструкціонисты", если вы не находите возможнымъ принести требуемое sacrificium intellectus. Называю эту форму смѣхотворной; дѣйствительно, какая кому польза отъ того, что я объявлю черное бѣлымъ? Мои глаза, вѣдь, напряженно будутъ видѣть его, какъ черное, требуемаго единодушія въ дѣйствительности все равно не будетъ. Нѣтъ, конечно; но оно будетъ на бумагѣ, а обаяніе бумажныхъ истинъ все еще велико среди насъ, несмотря ни на какіе Мукдены и Цусимы.

Второе послѣдствіе, вытекающее изъ перваго, это—*нетерпимость къ диссидентамъ*. И здѣсь поучительно сравненіе съ западно-европейской парламентской жизнью. Каждый политическій дѣятель проникнутъ сознаніемъ, что его противникъ имѣетъ такое же право на свои убѣжденія, какъ и самъ онъ на свои; уваженіе къ политическому противнику—прямой долгъ джентльмена. Во время перерывовъ лидеры партій или фракцій дружелюбно переговариваются между собою относительно общихъ дѣйствій—да и, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ такихъ двухъ партій, которымъ при извѣстной политической конъюнктурѣ не приходилось бы дѣйствовать сообща, такъ что тамъ сама жизнь пріучила

политиковъ видѣть въ своихъ противникахъ возможныхъ союзниковъ. Но и помимо того: существованіе болѣе или менѣе крупныхъ диссидентскихъ партій признается не только неизбѣжнымъ, но и благотворнымъ явленіемъ. Когда въ Даніи, въ девяностыхъ годахъ, выборы привели къ разгрому консервативной партіи, либеральная печать первая выразила свое сожалѣніе, что ея партія въ лицѣ своей противницы лишилась естественнаго критика и контролера своихъ дѣйствій. Такъ разсуждаютъ тамъ, гдѣ мистическій коллективизмъ отсутствуетъ, и существуетъ сознательное отношеніе къ дѣлу, трезвое взвѣшиваніе доводовъ за и противъ; а у насъ? У насъ меньшинство „воплощенной укоризной" стоитъ передъ глазами большинства, его стараются затравить, извести, уничтожить. Мистическій характеръ изслѣдуемаго коллективизма сказывается особенно ярко въ пріемахъ этой травли, въ томъ furor theologicus, который овладѣваетъ большинствомъ противъ его побѣжденныхъ противниковъ; видно, что оно считаетъ ихъ образъ мыслей не разногласіемъ, а своего рода нечестіемъ, и видитъ въ нихъ не противниковъ, а еретиковъ. А это въ свою очередь вліяетъ на усиленіе бумажнаго единодушія: мало того, что каждый, въ силу своей умственной слабости, ищетъ опоры для своего шатающагося мнѣнія въ коллективномъ мнѣніи массы—онъ просто-на-просто боится оказаться въ меньшинствѣ, памятуя тѣ серьезныя непріятности нравственнаго и даже матеріальнаго характера, которыя у насъ грозятъ меньшинству.

Третье послѣдствіе, самое поразительное изъ всѣхъ и наиболѣе ярко свидѣтельствующее о мистическомъ характерѣ нашего явленія—это *недовѣріе къ знанію и жизненному опыту* и вытекающее изъ него упраздненіе даже самаго демократическаго изо всѣхъ цензовъ—ценза возраста. Уже давно наша университетская молодежь ставитъ къ своимъ „гражданамъ-профессорамъ" категорическое требованіе, чтобы они безапелляціонно преклонились передъ ея коллективной интуиціей. Доводовъ при томъ, разумѣется, не приводится никакихъ, но зато очень энергическія квалификаціи умственнаго и нравственнаго характера на случай отказа. И это даже не самое замѣчательное. Конечно, и молодой человѣкъ могъ бы понять, что тѣ тридцать лѣтъ, которыя отдѣляютъ отъ него профессора, должны были прибавить нѣкоторый плюсъ къ его умственному развитію, и что, примѣняя означенныя квалификаціи ко всей профессорской корпораціи, т. е. ко всей научной Россіи, онъ оскорбляетъ либо науку, либо Россію, либо ту и другую вмѣстѣ. Но это, въ сущности, уже рефлексія; непосредственное же чувство, конечно, не подскажетъ юношѣ, какъ онъ самъ, лѣтъ черезъ тридцать, будетъ судить о своихъ нынѣшнихъ увлеченіяхъ. Нѣтъ, есть гораздо болѣе замѣчательные

факты. Есть приватъ-доценты и даже профессора, которые, будучи спрошены молодежью о своемъ мнѣніи, отвѣчали приблизительно такъ: „да что вы, господа, меня спрашиваете? Не вамъ у меня, а мнѣ у васъ учиться!", которые рискуютъ публично проводить такую теорію, что дѣла у насъ только тогда наладятся, когда „и приватъ-доценты, и профессора будутъ говорить, мыслить и чувствовать заодно со студентами" (а не наоборотъ, упаси Богъ).—Есть люди, объясняющіе эти парадоксы заискиваніемъ, популярничаніемъ; есть другіе, видящіе въ нихъ пароксизмъ трусости. Я лично ни съ тѣмъ, ни съ другимъ толкованіемъ несогласенъ: не вижу основанія заподозрѣвать искренность почтенныхъ коллегъ и a priori убѣжденъ въ ихъ гражданскомъ мужествѣ. Нѣтъ, какъ психологъ-любитель, я съ давнихъ поръ интересуюсь явленіями мистическаго коллективизма и безъ всякаго колебанія ставлю свой діагнозъ именно въ указанномъ смыслѣ.

IX.

Сокращаю свой анализъ. На вопросъ, что заставило студенчество примкнуть къ иниціаторамъ забастовочнаго движенія, я отвѣтилъ: во-первыхъ, традиціонный у насъ культъ протеста, во-вторыхъ, всегда обратно пропорціанальный знаніямъ и опытности мистическій коллективизмъ. Пропуская моменты второстепеннаго характера, прямо перехожу къ послѣднему изъ нихъ: къ умѣлой инсценировкѣ самого движенія.

Умѣлость инсценировки сказывается, главнымъ образомъ, въ двухъ пунктахъ: въ выборѣ момента и въ выборѣ органа движенія. Что касается перваго, то тутъ долго разсуждать не приходится: всѣмъ памятно, чѣмъ въ нашей столицѣ ознаменовалось 9 января, когда сотни людей пали на ея улицахъ, и пятна мерзлой крови въ зимнемъ снѣгу еще долго останавливали на себѣ вниманіе прохожихъ полицейскихъ, а до и послѣ этого не сотни людей, а десятки тысячъ легли на далекихъ поляхъ Манджуріи, но...

Оставимъ это „но"; есть вещи, о которыхъ, при всемъ стремленіи къ научкой объективности, спокойно разсуждать невозможно.

Не всегда судьба такъ благосклонна къ иниціаторамъ забастовочнаго движенія, но зато они никогда ничѣмъ не рискуютъ. Не выгорѣло дѣло сегодня—оно просто идетъ на смарку, выжидается болѣе счастливый день и моментъ. Тогда дѣлается вторая, затѣмъ третья потуга, пока, наконецъ, не достигается желанная цѣль. Совокупность же этихъ потугъ и есть то, что технически называется „раскачиваніемъ" студенчества.

Конечно, для того, чтобы эта вѣрная, безпроигрышная игра стала

возможной, требуется соотвѣтственный органъ студенческаго движенія: къ счастью, этотъ органъ имѣется, и онъ обладаетъ всѣми требуемыми достоинствами. Имя ему—студенческая сходка. Лучшаго ничего и придумать нельзя было: усиліями—съ одной стороны—правительства, съ другой—крайней оппозиціи здѣсь созданъ могучій рычагъ для поднятія на ноги всей многотысячной массы русскаго студенчества.

Начать съ того, что сходка окружена ореоломъ запрета. Студентъ, посѣщающій сходку, сознаетъ, что онъ этимъ самымъ уже поступилъ въ оппозицію, что за нимъ слѣдятъ, быть можетъ, тайные агенты правительства въ студенческихъ мундирахъ, что онъ отнынѣ, кто знаетъ, уже записанъ въ неблагонадежные. А между тѣмъ придти на сходку ужъ очень соблазнительно: на ней студентъ чувствуетъ себя гражданиномъ, она даетъ ему право, въ которомъ правительство ему упорно отказываетъ—право участвовать своимъ голосомъ въ устройствѣ собственной судьбы. Конечно, это—чистая иллюзія: вѣдь созывается сходка органомъ, въ выборѣ котораго онъ не участвовалъ, въ моментъ когда онъ этого не требовалъ, по дѣлу, котораго онъ не намѣчалъ; ни въ одной конституціонной странѣ студенчество не согласилось-бы собираться при такихъ илотскихъ условіяхъ. Но въ томъ-то и дѣло, что у насъ нѣтъ никакого понятія о политической свободѣ, нѣтъ даже чутья таковой, и что на фонѣ той черной неволи, въ которой мы прожили столько вѣковъ, и красная неволя сходитъ за свободу.

Повторяю: миражъ гражданской свободы зоветъ студента на сходку, а здѣсь онъ однимъ ужъ своимъ появленіемъ въ собственномъ сознаніи становится членомъ оппозиціи, чувствуетъ на себѣ недовѣрчивое око власти, и самъ дѣлается склоннымъ отвѣчать ему недовѣріемъ. Это принципіальное оппозиціонное чувство настолько сильно, что возникаетъ въ силу ассоціаціи самопроизвольно даже въ исключительныхъ случаяхъ разрѣшенной сходки: здѣсь оно даже усугубляется чувствомъ одержанной побѣды, такъ какъ само разрѣшеніе, конечно, толкуется, какъ признакъ слабости власти.—При всемъ томъ является, обыкновенно, такое меньшинство студентовъ (600—800 изъ 4000 слишкомъ), какое ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ не осмѣлилось бы вершать дѣла совокупности; но въ этомъ отношеніи у насъ вошла въ традицію юридическая фикція, согласно которой студентъ, не явившійся на сходку, этимъ самымъ отказался отъ своего права участвовать въ рѣшеніи даннаго дѣла. А между тѣмъ, ясно, что среди явившагося меньшинства процентъ сочувствующихъ инициаторамъ гораздо больше, чѣмъ среди совокупности студентовъ: инициаторы, конечно, всѣ свои силы мобилизируютъ, между тѣмъ какъ

неявившіеся именно потому и не явились, что не сочувствовали имъ. Но это далеко еще не все; сочувствующіе не только явились въ своемъ полномъ составѣ — они явились организованными группами, съ заранѣе обдуманнымъ планомъ. При такихъ условіяхъ понятно, что они являются хозяевами сходки: изъ нихъ, или подъ ихъ вліяніемъ избирается предсѣдатель, которому уже смѣло можно соблюдать внѣшнюю корректность въ руководительствѣ преніями; своихъ ораторовъ они награждаютъ дружными апплодисментами, производящими, при отсутствіи организаціи у ихъ противниковъ, впечатлѣніе, если не единодушія, то подавляющаго большинства; ораторовъ противной партіи запугивали столь-же дружными свистками. Прибавьте къ этому тяжелый, спертый воздухъ, отъ котораго кое-кому даже дурно дѣлается—на людныхъ сходкахъ упавшій въ обморокъ студентъ, выносимый товарищами изъ зала, явленіе и обычное, и эффектное; прибавьте однообразное, но раздражающее „трибунское" краснорѣчіе иниціаторовъ и ихъ приспѣшниковъ; прибавьте утомительную продолжительность сходки, вслѣдствіе которой многіе начинаютъ уходить... Кто уходитъ и кто остается? Догадаться не трудно. Иниціаторамъ на руку эти уходы, увеличивающіе процентъ на приверженность; они охотно затягиваютъ сходку, расчитывая такимъ образомъ взять „изморомъ" ея участниковъ. Наконецъ объявляется голосованіе: тутъ напряженіе достигаетъ своего предѣльнаго пункта. Голосованіе конечно, открытое, т. е. такое, при которомъ голосующій всецѣло подчиненъ давленію окружающихъ, и сплоченной группѣ, даже если она въ меньшинствѣ, почти обезпечена побѣда надъ неорганизованнымъ большинствомъ. Тутъ многіе, явившіеся съ тѣмъ, чтобы голосовать противъ забастовки, подаютъ голосъ за нее: кто увлеченъ, кто запуганъ; одинъ голосъ вѣдь ничего не значитъ, а между тѣмъ такъ пріятно быть въ большинствѣ! И многимъ на слѣдующій день становится стыдно, что они дали увлечь себя, и подали голосъ, собственно говоря, противъ убѣжденія.

Я характеризую здѣсь студенческую сходку вообще, а не спеціально ту, которая рѣшила забастовку въ нашемъ университетѣ въ февралѣ с. г. Относительно этой сходки я имѣю основанія думать, что забастовка прошла бы при всякой, даже самой европейской организаціи собранія; невропатическій характеръ сходки выразился тутъ не въ самомъ постановленіи, а въ условіяхъ, которыми оно было обставлено въ отношеніи голосовъ за и противъ и еще кое въ чемъ.

X.

Я отвѣтилъ, какъ могъ, на вопросъ о причинахъ настоящаго университетскаго кризиса; смѣю надѣяться, что мой отвѣтъ будетъ

признанъ, по крайней мѣрѣ, безпристрастнымъ. Остается отвѣтить на дальнѣйшій вопросъ: куда же мы идемъ? Гдѣ выходъ изъ того невозможнаго положенія, въ которое наши университеты попали въ началѣ текущаго года?

Одно, мнѣ кажется, ясно—а именно, близорукость тѣхъ, которые все склонны объяснить дѣйствіемъ одной только „крамолы", какъ они выражаются. „Крамола" у насъ, конечно, тоже есть, какъ и въ другихъ государствахъ; если же она тамъ безсильна, а у насъ торжествуетъ, то ясно, что суть вовсе не въ ней. А поэтому и мѣры, направленныя противъ этой „крамолы", никакой пользы принести не могутъ. Вообще оздоровленіе нашего университетскаго дѣла въ рукахъ не столько правительства, сколько общества; все же кое-что зависитъ и отъ правительства, а что именно, то я постараюсь развить въ нижеслѣдующемъ. Такъ какъ то, что я имѣю сказать, не болѣе, какъ краткое резюме того, что говорится и пишется во всѣхъ заинтересованныхъ кругахъ, то я не подлежу упреку въ томъ, будто я выступаю непрошеннымъ союзникомъ правительства, т. е. въ совершенно несвойственной и ненавистной мнѣ роли.

Главное—это то, чтобы правительство твердо и неуклонительно продолжало слѣдовать по пути тѣхъ реформъ, которыя должны приблизить государственный строй Россіи къ строю прочихъ европейскихъ государствъ. Пусть русское общество въ лицѣ не дѣтей, а отцовъ получитъ возможность подавать свое рѣшающее мнѣніе въ общегосударственныхъ вопросахъ; тогда протестъ дѣтей, если онъ и не смолкнетъ, станетъ протестомъ уже не противъ правительства, а противъ зрѣлой части общества и этимъ самымъ будетъ осужденъ на безсиліе.

Намѣченыя нреформы, независимо отъ своей прямой цѣли, поведутъ еще къ тремъ, непосредственно важнымъ для интересующаго насъ вопроса послѣдствіямъ. Во-первыхъ, они поведутъ къ политической организаціи общества; изъ нынѣшней оппозиціи, обнимающей почти всю русскую интеллигенцію и объединенной только идеей протеста, выдѣлятся партіи, сплотившіяся во имя положительныхъ, творческихъ началъ. Это само собою поведетъ къ ослабленію того культа протеста, въ которомъ мы признали выше одну изъ главныхъ причинъ университетскаго кризиса. Изъ этихъ партій одна или нѣсколько, соединившись, станутъ правительствующими; это само собою отниметъ у слова и понятія „правительство" тотъ характеръ жупела, который оно имѣетъ нынѣ въ глазахъ либеральной оппозиціи, и опять-таки поведетъ къ политическому оздоровленію этой послѣдней. Нынѣ она съ легкимъ сердцемъ привѣтствуетъ все, что причиняетъ затрудненія правительству, въ безсознательной увѣренности, что расхлебывать

кашу придется не ей; это легкомысліе само собою пройдетъ, когда каждая партія будетъ сознавать, что, разжигая въ свою пользу неудовольствіе противъ правительства, она этимъ самымъ приближаетъ къ себѣ терновый вѣнецъ власти. Исторія недавняго прошлаго въ Германіи являетъ намъ поучительный примѣръ такой метаморфозы: я разумѣю остепененіе соціалъ-демократической партіи, послѣдовательно сопровождавшейся баснословной численностью роста. Противники насмѣшливо-добродушно назвали это явленіе „die Häufung der Socialdemokratie"; полагаю, что такая же Häufung предстоитъ и нашей либеральной оппозиціи.

Во-вторыхъ, реформы поведутъ къ тому, что выдвинутся способные и знающіе люди, которые теперь оттолкнуты бюрократическимъ строемъ государственной жизни съ его неизбѣжнымъ „корупціоннымъ подборомъ" и либо бездѣйствуютъ, либо отдались отрицательной дѣятельности на пользу пресловутому протесту. Объ этомъ пунктѣ можно не распространяться — и безъ того ясно для всѣхъ, сколько выиграетъ страна, привлекши къ своей службѣ своихъ лучшихъ сыновъ. И если кое-какимъ почтеннымъ и непочтеннымъ бездарностямъ придется отойти въ мракъ заслуженной неизвѣстности, то это будетъ не потеря, а лишь двойная выгода.

Въ-третьихъ, вмѣстѣ съ парламентскою жизнью распространится и знаніе ея требованій во всѣхъ слояхъ населенія; явится чувство *отвѣтственности* за поданное мнѣніе, совершенно отсутствующее, увы, въ окружающей насъ политической кутерьмѣ. Люди научатся подавать свой голосъ не по чувству психическаго тяготѣнія къ предполагаемому большинству, а въ соотвѣтствіи съ той цѣлью, которую они намѣтили, и съ тѣми средствами, которыхъ они признали пригодными. А это въ свою очередь поведетъ къ ослабленію того, что я назвалъ выше „мистическимъ коллективизмомъ".

Что касается спеціально университетскаго вопроса, то тутъ все или почти все требующееся заключается въ одномъ словѣ: автономія. Само правительство убѣдилось въ невозможности положенія, созданнаго уставомъ 1884 г., когда въ 1901 предложило университетамъ знаменитые 18 вопросовъ въ видахъ выработки новаго университетскаго устава. Если представить себѣ, что эти вопросы обсуждались лѣтомъ въ коммиссіяхъ отдѣльныхъ университетовъ, опять осенью въ цѣломъ рядѣ засѣданій университетскихъ совѣтовъ, затѣмъ въ общей коммиссіи университетскихъ дѣятелей, отчасти назначенныхъ, отчасти выборныхъ, и что затѣмъ все дѣло заглохло, то можно будетъ только руками развести. Какой же примѣръ подаетъ правительство народу, обращаясь такъ расточительно съ умственнымъ капиталомъ страны?—Наше положеніе было бы го-

раздо лучше, если бы тогда же въ 1902 г. согласованный сводъ выработанныхъ совѣтами проектовъ новаго устава получилъ дальнѣйшее движеніе. Такъ какъ этого тогда не случилось, то это слѣдуетъ наверстать теперь.

Что же касается непосредственнаго правительственнаго воздѣйствія на нынѣшнюю забастовку, то, судя по опытамъ послѣднихъ лѣтъ, трудно ожидать отъ него какой нибудь пользы.

XI.

Содѣйствовать прекращенію нынѣшней студенческой забастовки и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить возникновеніе таковыхъ въ будущемъ можетъ только общество. И тутъ мы обращаемся къ нему, въ лицѣ каждаго его члена, съ одной элементарной просьбой: имѣть мужество собственнаго мнѣнія. Многіе въ настоящее время не рѣшаются говорить или писать противъ забастовки не потому, чтобы хоть сколько-нибудь вѣрили въ ея цѣлесообразность, а потому, что предполагаютъ въ большинствѣ интеллигенціи сложившееся мнѣніе въ пользу ея и боятся идти наперекоръ ему. Пусть же они будутъ увѣрены, что такихъ, какъ они, множество; мы имѣемъ здѣсь повтореніе сказки Андерсена о новомъ нарядѣ короля. Если бы всѣ имѣли мужество собственнаго мнѣнія—никогда не могла бы возникнуть дикая въ глазахъ европейца теорія, будто можно содѣйствовать прогрессу упраздненіемъ высшаго образованія. Придетъ время—при лучахъ новаго солнца вся эта забастовка покажется ночнымъ кошмаромъ, и тогда будутъ удивленно спрашивать себя, какъ они могли не сознавать ея очевидной нелѣпости.

Наканунѣ своего призванія къ участію во власти общество должно доказать свою способность къ нему: европейскія формы правленія требуютъ европейски настроенныхъ людей: необходимость же непрерывнаго хода высшаго образованія—аксіома европейски настроеннаго человѣка. Никогда Европа не признаетъ равноправнымъ себѣ государство, въ которомъ университеты и другія высшія учебныя заведенія пустуютъ. Конечно, „мѣста“ будутъ заполняться по прежнему; какіе-нибудь дипломы недоучкамъ сфабриковать можно. Были у насъ уже зауряд прапорщики, зауряд-врачи; будутъ заурядъ-преподаватели, заурядъ-адвокаты, заурядъ-инженеры. И станемъ мы сами заурядъ-націей.

Кому это выгодно?

Надъ этимъ призадуматься стоитъ. Изъ всѣхъ стоящихъ на очереди вопросовъ университетскій-единственный, т. е., срочный: въ пер-

выхъ же дняхъ сентября студенчеству придется высказаться о томъ, желаетъ ли оно быть таковымъ въ наступающемъ 1905—06 академическомъ году, или хочетъ нанести русскому просвѣщенію и русскому народу новое, еще болѣе тяжелое пораженіе. Рѣшеніе студенчества будетъ сочтено, по справедливости, отголоскомъ настроенія русскаго интеллигентнаго общества и, стало быть, показателемъ политической зрѣлости этого послѣдняго.

Θ. Зѣлинскій.

Къ дефектамъ средней школы.

(Записки педагога).

Давящій режимъ и распущенность.

Разумно поставленная школьная дисциплина имѣетъ очень важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія: вѣдь наши дѣти въ теченіе многихъ лѣтъ настолько сильно связаны со школой, что училище и его интересы являются почти доминирующими въ ихъ жизни.

Особенно значеніе дисциплины велико въ дѣлѣ развитія характера, индивидуальности человѣка и въ воспитаніи его активной воли.

Кромѣ того, дисциплина пріучаетъ къ порядку, а порядокъ—душа дѣла, такъ какъ успѣхъ всякаго дѣла много зависитъ отъ порядка.

Но дурно поставленная дисциплина не только не даетъ указанныхъ выше благотворныхъ результатовъ, а какъ разъ оказываетъ противоположное дѣйствіе, воспитывая въ людяхъ пассивность, безличіе, ослабляя способность къ самообладанію и дѣлая ихъ рабами своихъ случайныхъ желаній и окружающихъ людей. Къ сожалѣнію, въ значительно большей части нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній постановка дисциплины совершенно не согласуется съ требованіями разума. Здѣсь, какъ я уже упомянулъ въ предыдущей статьѣ, господствуютъ два крайнихъ направленія—давящій режимъ и распущенность. Обѣ эти системы приводятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ: убиваютъ въ учащихся свободную волю и обезличиваютъ ихъ, готовя отечеству контингентъ слабовольныхъ, нервныхъ, неуравновѣшенныхъ или инертныхъ и равнодушныхъ къ добру и злу гражданъ.

Это происходитъ оттого, что при суровомъ направленіи учащимся мало приходится упражняться въ активной дѣятельности: ее подавляютъ стѣсненія и страхъ; а при распущенности ослабляются

сдерживающіе мозговые центры, вслѣдствіе привычки учащихся немедленно исполнять свои мимолетныя желанія, хотя бы они были неразумны, и легко, безъ сопротивленія, подчиняться рефлексамъ.

Большинство нашихъ педагоговъ совершенно равнодушно относится къ такимъ „пустымъ" вопросамъ воспитанія, какъ развитіе сильной воли и индивидуальности.

Цѣлью школьной дисциплины у насъ обыкновенно ставятъ возвышеніе въ глазахъ учащихся „престижа власти" и поддержаніе внѣшняго порядка, необходимаго при учебныхъ занятіяхъ и строго требуемаго начальствомъ.

Но равнодушіе къ своему дѣлу начальствующихъ лицъ, большинства воспитателей и учителей, невѣжественность ихъ въ педагогическомъ отношеніи, рутинерство, отсутствіе солидарности между ними привели къ тому, что и этихъ скромныхъ цѣлей воспитанія нашей средней школѣ достигнуть въ большинствѣ случаевъ не удалось.

Наша средняя школа съ ея бездушной системой и царствомъ несправедливости и лжи сумѣла лишь воспитать въ учащейся молодежи отрицательное и даже враждебное отношеніе къ власти вообще и къ авторитету своихъ наставниковъ въ частности.

Дѣло въ томъ, что уваженіе къ авторитетамъ и власти можно добиться только путемъ водворенія въ школѣ законности, справедливости и любви (отсутствіемъ чего долго славилась наша школа), а не путемъ требованія повиновенія „безъ разсужденій", требованія, поддерживаемаго страхомъ единицъ, карцера, уменьшеніемъ балла по поведенію и, наконецъ, исключеніемъ изъ училища. До чего дошла „безсердечность" и безтактность нашихъ педагоговъ, хорошо иллюстрируетъ слѣдующій фактъ, сообщенный въ № 1 газеты „Уральская Жизнь" за 1905 годъ. Въ Красноуфимскѣ была привлечена къ суду ученица мѣстной гимназіи за разбитіе стеколъ въ квартирѣ начальницы. Судъ нашелъ обвиненіе не подтвердившимся. Даже такой цѣли школьной дисциплины, какъ поддержаніе необходимаго при учебныхъ занятіяхъ порядка, далеко не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и не у всѣхъ преподавателей удалось добиться.

Постоянные школьные инциденты и конфликты между учащимися и начальствомъ учебныхъ заведеній, о которыхъ то и дѣло сообщали газеты (хотя по „независящимъ обстоятельствамъ" далеко не всегда), краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что даже самый суровый режимъ не можетъ подавить враждебнаго неповиновенія учащихся своимъ наставникамъ.

Вслѣдствіе сильной враждебности современнаго русскаго обще-

ства къ давящему режиму поддерживать его въ школьной жизни становится все труднѣе и труднѣе.

Педагоги суроваго направленія очень часто не могутъ нынѣ выдерживать соединеннаго враждебнаго натиска общества и учащихся и начинаютъ отступать; но такъ какъ многолѣтнее служеніе господствующей школьной системѣ сдѣлало ихъ неспособными вести учебно-воспитательное дѣло на началахъ, указываемыхъ педагогикой, то у нихъ стали опускаться руки, и въ нашей школѣ мало-по-малу воцарилась распущенность. Въ 1903 году знаменитый циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія во всеуслышаніе заявилъ, что распущенность стала чуть ли не господствующимъ направленіемъ нашихъ учебныхъ заведеній, и что многіе „педагоги" средней школы не въ состояніи ясно разграничить два понятія,—„распущенность" и „сердечное отношеніе" къ учащимся. Этотъ циркуляръ есть офиціальное признаніе банкротства господствовавшей учебной системы и полной деморализаціи современной общеобразовательной школы.

Къ счастью, какимъ-то чудомъ у насъ еще остались среднія учебныя заведенія, гдѣ преобладаютъ преданные дѣлу и понимающіе его педагоги въ лицѣ директоровъ, преподавателей и воспитателей. Въ этихъ школахъ нѣтъ ни бездушной суровости, ни дикой и печальной распущенности. Но долго ли школы эти въ состояніи будутъ держаться противъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій современной жизни? Стоитъ только уйти по какой-либо причинѣ изъ такой школы директору или быть переведеннымъ изъ нея по распоряженію начальства „для пользы службы" двумъ, тремъ педагогамъ, и разложеніе ея немедленно начнется.

Постараюсь теперь познакомить читателей съ внутренней жизнью средней школы „суроваго" и „распущеннаго" направленій.

Въ школахъ со строгимъ режимомъ директоръ учебнаго заведенія является не столько педагогомъ-работникомъ и главнымъ блюстителемъ закона и справедливости, сколько представителемъ и олицетвореніемъ личной власти, важнымъ чиновникомъ и блюстителемъ чинопочитанія. Предъ его волей должно все и вся преклоняться даже тогда, когда требованія его не согласуются съ уставомъ и дѣйствующими въ школѣ правилами (примѣры такихъ требованій мною были приведены въ предыдущихъ статьяхъ), а потому неисполненіе приказанія директора, хотя бы явно незаконнаго, считается однимъ изъ сильнѣйшихъ преступленій въ средней школѣ *).

---

*) Вотъ еще примѣръ: несмотря на прямой смыслъ закона и разъясненія Министерства Народнаго Просвѣщенія, что помощники классныхъ наставниковъ, какъ служащіе по учебно-воспитательной части, пользуются вакаціями, директора многихъ гимназій и реальныхъ училищъ возлагаютъ

Инспекція и преподаватели въ видахъ охраненія „престижа власти“ обязаны требовать отъ учащихся *безпрекословнаго* повиновенія какъ распоряженіямъ директора, такъ и приказаніямъ всѣхъ должностныхъ лицъ учебнаго заведенія, на томъ основаніи, что всѣ эти лица, хотя и въ разной степени, но облечены властью.

Внѣшнее выраженіе учащимися почтительности доведено до крайности: отъ учениковъ требуется, чтобы они кланялись въ училищѣ начальствующимъ лицамъ, воспитателямъ и преподавателямъ не одинъ только разъ, при первой встрѣчѣ, но каждый разъ, хотя бы встрѣчались въ училищѣ нѣсколько разъ въ день. При этомъ, если идетъ директоръ, инспекторъ или преподаватель, то ученики обязаны остановиться и сдѣлать поклонъ, а ученицы—реверансъ. Помощникамъ классныхъ наставниковъ и надзирательницамъ обязаны тоже каждый разъ кланяться, но уже не останавливаясь. При входѣ въ перемѣну должностныхъ лицъ въ какой-нибудь классъ учащіеся, оставшіеся въ классѣ, должны встать, хотя бы уже не разъ кланялись этому лицу въ теченіе дня. Представьте себѣ, какъ „свободно“ должны себя чувствовать дѣти во время перемѣнъ, выйдя изъ класса, чтобы освѣжиться послѣ урока. Не успѣетъ ученикъ или ученица нѣсколько очнуться отъ класснаго напряженія, какъ они, забывъ по разсѣянности поклониться проходящему начальству, уже попадаютъ въ провинившіеся и получаютъ замѣчанія, а иногда наказаніе за непочтительность къ начальству (подъ выраженіемъ „начальство“ учащіеся обыкновенно разумѣютъ и воспитателей и преподавателей). Многіе ученики и ученицы, чтобы не „влетѣть“ и „то и дѣло“ не кланяться проходящимъ начальствующимъ лицамъ, предпочитаютъ въ перемѣны не выходить изъ класса. Я зналъ реалиста, который

на помощниковъ во время вакацій разныя служебныя командировки и порученія и при томъ не только не оплачиваютъ ихъ трудовъ, какъ всегда требовало Министерство, но не покрываютъ даже тѣхъ расходовъ (напримѣръ, на извозчика), которые приходится нести командированному по дѣламъ училища чиновнику. Такъ какъ эти воспитатели получаютъ грошовое содержаніе, а потому имъ приходится для прокормленія себя еще заботиться о постороннихъ заработкахъ, то подобныя незаконныя порученія начальства являются особенно возмутительными, такъ какъ обращаются какъ бы въ штрафъ или поборъ съ наименѣе обезпеченныхъ въ пользу болѣе сильныхъ. Мнѣ приходилось видѣть слабыя попытки со стороны вѣчно оскорбляемыхъ и обсчитываемыхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ протестовать противъ такого нарушенія закона; но начальство отвѣчало:—„Что вы все указываете на законъ, мало ли что законъ! Вы должны повиноваться“, или: „Ваши разсужденія имѣютъ видъ неблаговиднаго протеста. Вамъ никто не мѣшаетъ уйти на другую службу, гдѣ бы ваши таланты лучше оплачивались!“

за 7 лѣтъ пребыванія въ реальномъ училищѣ не болѣе 10 разъ выходилъ въ перемѣну изъ своего класса, чтобы пройти по коррherbidору. Болѣе благоразумные изъ помощниковъ классныхъ наставниковъ и классныхъ надзирательницъ не требуютъ отъ учащихся этихъ постоянныхъ выраженій „преданности и уваженія"; но конечно, такія послабленія допускаются не при начальствѣ.

Ученики и ученицы обязаны привѣтствовать поклономъ при встрѣчѣ на улицѣ также и лицъ педагогическаго персонала другихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, особенно гг. директоровъ и инспекторовъ. Но только „особые" любители изъ педагоговъ рѣшаются требовать подобнаго почтенія со стороны постороннихъ учениковъ; большей же частью это требованіе не исполняется.

При строгомъ режимѣ лица педагогическаго персонала тогда только считаются вполнѣ удовлетворяющими своему назначенію, когда они неукоснительно соблюдаютъ въ отношеніи младшихъ по должности сослуживцевъ строгую субординацію и чинопочитаніе, а въ отношеніи учениковъ и ученицъ не могутъ быть обвинены въ снисходительности.

Особенно цѣнится повиновеніе „безъ разсужденій".

Разсужденія и возраженія младшихъ чиновъ, т. е. надзирательницъ, помощниковъ классныхъ наставниковъ считаются столь же неумѣстными, какъ и учащихся, такъ какъ предполагается, что эти чины во всякомъ случаѣ глупѣе и менѣе знающи въ дѣлѣ обученія и воспитанія, чѣмъ старшіе чины, потому что въ такихъ школахъ почти всѣми принято за аксіому, что съ повышеніемъ по службѣ связано и повышеніе умственныхъ способностей того или иного лица:

— Вы забываете, что я инспекторъ и, слѣдовательно, понимаю лучше васъ!

Такія фразы въ педагогическомъ мірѣ не рѣдкое явленіе.

Въ учебныхъ заведеніяхъ съ „серьезнымъ" направленіемъ (для многихъ педагоговъ „строгій" и „серьезный"—синонимы) директоръ держитъ себя гордо и малодоступно, а иногда даже и надменно (смотря по чину и по положенію обращающихся къ нему) какъ въ отношеніи подчиненныхъ ему лицъ, такъ и учащихся и ихъ родителей.

Появленіе въ училищѣ или гимназіи такого директора понижаетъ жизнедѣятельность школы; тогда все какъ бы подавляется и затихаетъ. Если директоръ идетъ во время перемѣны по корридорамъ,— громкій гулъ ученическихъ голосовъ ослабѣваетъ и переходитъ почти въ жужжаніе, учащіеся шарахаются въ стороны и разступаются, а многіе поспѣшно уходятъ въ свои классы, чтобы не по-

пасть за что нибудь подъ выговоръ; инспекція „подтягивается“ и начинаетъ энергичнѣе бѣгать и покрикивать на учениковъ, останавливать ихъ отъ болѣе свободныхъ движеній, громкихъ разговоровъ и смѣха и разгонять группирующихся школьниковъ, такъ какъ группировка ихъ напоминаетъ ужасное и преступное дѣйствіе „скопомъ и заговоромъ“. Если директоръ входитъ въ учительскую,—учителя прекращаютъ свободную бесѣду и смѣхъ; нѣкоторые почтительно привстаютъ, а болѣе храбрые мѣняютъ свои непринужденныя позы на болѣе подобающія въ присутствіи начальства.

При входѣ директора въ классъ, во время урока, ученики и учителя начинаютъ волноваться; при этомъ и ходъ урока нерѣдко измѣняется: учитель, объяснявшій предъ входомъ начальства урокъ, бросаетъ объясненіе и начинаетъ „спрашивать“ и, наоборотъ, спрашивавшій урокъ приказываетъ ученику садиться на мѣсто и начинаетъ объяснять новый урокъ. Все это продѣлывается съ цѣлью выставить передъ начальствомъ „товаръ лицомъ“, показывается то, что лучше въ данный моментъ, т. е. если учитель подготовился, какъ слѣдуетъ, къ уроку, то онъ начинаетъ объясненіе урока, а если ученики хорошо знаютъ урокъ, а учитель на себя не надѣется, то спрашиваются ученики.

Личность директора, т. е. его привычки, вкусы, слабости, настроеніе, слова, замѣчанія и проч. служатъ предметомъ тщательныхъ наблюденій со стороны педагогическаго персонала. Все это дѣлается должностными лицами или съ цѣлью предохраненія себя отъ гнѣва и недовольства начальства, или съ цѣлью угожденія, смотря по личнымъ качествамъ этихъ лицъ и ихъ направленію.

Особенно бываютъ тревожны тѣ дни, когда директоръ приходитъ „не въ духѣ“, что по разнымъ внѣшнимъ (прическа, характеръ покашливанія и т. п.) и инымъ примѣтамъ узнается во всей гимназіи, начиная со сторожей и учениковъ и кончая инспекторомъ. Въ такіе дни весьма крѣпко держащееся въ большинствѣ нашихъ среднихъ школъ чинопочитаніе и субординація какъ бы нѣсколько ослабѣваютъ: общая опасность сближаетъ людей.

Инспекторъ проще и снисходительнѣе обращается тогда не только съ лишенными правъ помощниками классныхъ наставниковъ, но и со сторожами. Всюду слышатся вопросы: „гдѣ онъ?“, „что дѣлаетъ директоръ?“ „правда ли, онъ собирается куда-то ѣхать?“

При строгомъ режимѣ ученики не знаютъ границъ между дозволеннымъ и недозволеннымъ, такъ какъ, кромѣ запрещеннаго ученическими правилами, имъ воспрещается очень многое, что съ точки зрѣнія простыхъ смертныхъ людей вовсе не считается предосудительнымъ. При этомъ большею частью ученикамъ не объяс-

няется, какія имѣются разумныя основанія для того или иного требованія, а говорятъ приблизительно такъ:

— Я вѣдь сказалъ, чтобы вы не смѣли этого дѣлать!

— Инспекторъ (или директоръ) этого терпѣть не можетъ.

— Какъ ты смѣешь драться въ моемъ присутствіи? (Какъ будто предосудительность драки зависитъ только отъ присутствія начальства).

Усердіе начальства подавлять всякое проявленіе индивидуальности, всякое свободное движеніе ученика доходитъ часто до абсурда.

Вотъ стоитъ „у стѣны" ученикъ III класса, отличающійся вообще скромностью и благонравіемъ. Оказывается, что онъ очищалъ отъ мѣла блузу товарища, а инспекторъ, не выносящій среди учениковъ даже въ перемѣну никакихъ экстраординарныхъ и свободныхъ движеній, крикнулъ на него: „что ты тамъ безобразничаешь?" Ученикъ началъ было объяснять, что онъ дѣлалъ, но инспекторъ, дѣйствующій въ этихъ случаяхъ большею частью полумашинально, разсердился и поставилъ ученика въ уголъ, сопровождая приказаніе словами: „Поразсуждай еще!"

Вотъ два ученика оставлены „безъ обѣда" за то, что, гуляя въ общественномъ саду,—„громко разговаривали и смѣялись".

Во время перемѣнъ у такого начальства стоитъ у стѣны въ видѣ наказанія по нѣскольку учениковъ. Одни изъ нихъ провинились тѣмъ, что взяли другъ друга за плечи, другіе за то, что „безъ ума" пробѣжали по корридору, третьи за то, что громко звали товарищей, четвертые—за неумѣстный смѣхъ" и т. п.

Въ женскихъ гимназіяхъ со строгимъ режимомъ такія провинности влекутъ еще болѣе строгое наказаніе и даже „убавку поведенія".

При строгой военной дисциплинѣ и солдатамъ иногда командуютъ—„вольно". Учащимся же въ средней школѣ даже въ перемѣны не позволяется чувствовать себя, хоть сколько-нибудь, посвободнѣе. Конечно, тяжесть постоянныхъ тисковъ особенно мучительна для живыхъ и бойкихъ дѣтей съ сангвиническимъ темпераментомъ. Если указанные здѣсь невинные проступки учениковъ, совершенные во время перемѣнъ, вызываютъ со стороны начальства репрессаліи, то нарушеніе „ученическихъ" правилъ карается еще болѣе сурово.

При этомъ „строгое" начальство не любитъ входить въ болѣе тщательное разсмотрѣніе причинъ, вызвавшихъ то или иное нарушеніе „правилъ", такъ какъ оправданія и объясненія большинства

учениковъ заранѣе считаются ложными; объясненія же родителей и квартиросодержателей принимаются подъ строгимъ сомнѣніемъ.

Недовѣріе къ ученикамъ со стороны учебнаго начальства имѣетъ нѣкоторое основаніе. Дѣло въ томъ, что учащіеся, испытавши на опытѣ, что отъ начальства нельзя ожидать справедливости и вниманія къ ихъ личности и что гораздо выгоднѣе „не попадаться“, „отпираться“ и „проводить“, употребляютъ всю свою живую изобрѣтательность на развитіе въ себѣ этихъ отрицательныхъ качествъ, и многіе въ этомъ отношеніи доходятъ до виртуозности и проводятъ начальствующихъ лицъ и педагоговъ артистически. Изъ „ловкихъ“ попадаются только немногіе и какъ-нибудь случайно, а наказанія несутъ преимущественно ученики менѣе ловкіе или болѣе правдивые.

Взысканія налагаются, судя по степени важности проступковъ, по принятой градаціи, причемъ провинности въ большинствѣ случаевъ разсматриваются, такъ сказать „абстрактно“, внѣ обстоятельствъ и личности ученика.

Тутъ нельзя услыхать такихъ рѣшеній:

— Да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія.

— Виновенъ, но заслуживаетъ полнаго снисхожденія.

Попался, значитъ виновенъ, а виновенъ, значитъ, надо наказать, судя по серьезности проступка.

Смягченіе дѣлается только для тѣхъ, кто еще не попадался, хотя и былъ извѣстенъ начальству, какъ ученикъ дурного поведенія, или „въ уваженіе“ къ заслугамъ родителей; въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно подыскиваются со стороны начальства смягчающія вину обстоятельства. Подобное снисходительное отношеніе къ дѣтямъ вліятельныхъ родителей чрезвычайно возмущаетъ учениковъ противъ начальства.

Приведемъ примѣры болѣе „серьезныхъ“ нарушеній дисциплины и отношенія къ этимъ нарушеніямъ суровыхъ педагоговъ.

Ученикъ въ учебное время попался начальству на улицѣ послѣ 6 или 7 часовъ вечера.

Ученикъ не выучилъ урока.

Ученикъ не былъ въ классѣ.

Ученикъ шелъ по улицѣ въ теплой шапкѣ, а не въ форменной фуражкѣ.

Въ первый разъ эти провинности могутъ еще вызвать только „строгое“ замѣчаніе или сравнительно небольшое наказаніе, напримѣръ, оставленіе въ училищѣ послѣ уроковъ. Но во второй разъ послѣдуетъ болѣе строгое взысканіе,—карцеръ, обязательство сидѣть

въ училищѣ въ праздничный день, убавка отмѣтки за поведеніе, а за невыученный урокъ—единица.

Оправданія вродѣ того, что послѣ 7 часовъ ученикъ вышелъ изъ дому за лѣкарствомъ для больного, не выучилъ урока или не былъ въ классѣ по-болѣзни, мало смягчаютъ наказанія, такъ какъ принимаются недовѣрчиво. Если заявленія учениковъ удостовѣряются даже письмомъ отъ родителей, то и тогда ученикъ не всегда освобождается отъ дисциплинарнаго наказанія или единицы, а „въ подозрѣніи" обязательно остается; быть же „въ подозрѣніи" начальства это значитъ въ будущемъ подвергаться „придиркамъ" или болѣе строгимъ взысканіямъ за проступки. Давящій режимъ отражается своеобразно и на такомъ дѣлѣ, какъ отношеніе учащихся къ своимъ религіознымъ обязанностямъ. Въ такихъ школахъ ученикамъ подъ страхомъ суроваго наказанія вмѣняется въ непремѣнную обязанность посѣщать въ теченіе учебнаго года всѣ вечернія и утреннія богослуженія, совершаемыя въ училищной церкви. Пропускъ хотя бы двухъ богослуженій въ мѣсяцъ считается преступленіемъ. Ни дальность разстоянія отъ училищной церкви до квартиры ученика, ни вечерняя осенняя темнота, ни грязь, ни морозъ, ни опасность для ребенка одиночнаго вечерняго путешествія чрезъ городъ—ничто не можетъ смягчить суроваго требованія. Религіозное чувство почти исключительно поддерживается и внѣдряется страхомъ наказанія. Здѣсь стараются совмѣстить несовмѣстимое—любовь къ Богу воспитать оставленіемъ безъ обѣда и карцеромъ. И это вопіющее направленіе во многихъ мѣстахъ еще терпится.

Сами директора и гг. классные наставники обыкновенно освобождаютъ себя отъ обязанности „неукоснительно" посѣщать каждое богослуженіе, но возлагаютъ „неудобоносимое иго" на дѣтей и... безправныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ. Учащіеся хорошо понимаютъ, почему такъ религіозны изъ всѣхъ педагоговъ одни только эти безправные воспитатели. Принятые въ училищной церкви „порядки" сразу характеризуютъ, какого направленія данная школа. При строгомъ режимѣ ученики собираются задолго до начала богослуженія, такъ какъ начальство требуетъ, чтобы учащіеся присутствовали съ самаго начала богослуженія. Служба въ церкви тянется долго. Учащіеся, вопреки церковному уставу, обязаны во время многихъ пѣснопѣній за всенощной и обѣдней стоять на колѣняхъ, такъ что колѣнопреклоненіе совершается въ церкви и въ воскресные дни настолько же часто, какъ и во время великаго поста.

Я видѣлъ въ одной церкви особаго „махальнаго" (ученика), который съ клироса мановеніемъ руки ставилъ на колѣни всѣхъ молящихся учениковъ, директора, инспектора и помощниковъ классныхъ

наставниковъ. Должностныя лица, не падающія на колѣни въ тѣхъ случаяхъ, когда колѣнопреклоненными молятся всѣ ученики и начальство, получаютъ отъ директора замѣчаніе за вольнодумство. Были и такіе случаи, что ссылку провинившагося на церковный уставъ, не требующій въ этотъ моментъ преклоненія колѣнъ, директоръ отвѣчалъ:—„Вы, милостивый государь, забываете, что подобныхъ сужденій я допускать не могу. Критика распоряженій начальства неумѣстна“.

Священники въ такихъ школахъ главнымъ средствомъ привлеченія учениковъ къ посѣщенію церкви считаютъ репрессивную помощь начальства школы, а не слово убѣжденія. Я зналъ священника-законоучителя, который „докладывалъ“ ревизору статистическія данныя о посѣщеніи учениками богослуженій, при чемъ эта статистика велась подъ его наблюденіемъ во время богослуженій!

Еще тяжелѣе и возмутительнѣе для чувства православнаго христіанина существующее для учениковъ обязательство исповѣдываться непремѣнно у гимназическаго законоучителя. Авторитетъ многихъ законоучителей, какъ и прочихъ наставниковъ, въ современной школѣ часто стоитъ въ глазахъ учениковъ очень невысоко; ученики относятся къ такимъ воспитателямъ недовѣрчиво и даже враждебно; и вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ установлена обязательная исповѣдь у законоучителя! Послѣдствія этого обстоятельства настолько грустны и всякому честному человѣку понятны, что и говорить о нихъ излишне.

Перейду теперь къ школамъ, гдѣ преобладаетъ распущенность.

Въ распущенныхъ школахъ такъ же, какъ и въ школахъ со строгимъ режимомъ, воспитательная часть (если только поддержаніе исключительно внѣшней дисциплины, практикующееся въ нашихъ школахъ, достойно названія воспитанія) почти всецѣло возложена на помощниковъ классныхъ наставниковъ.

Но положеніе этихъ воспитателей въ учебныхъ заведеніяхъ того и другого направленія различно.

При строгомъ режимѣ начальство мало вмѣшивается въ отношенія учениковъ и помощниковъ классныхъ наставниковъ: оно только начальствуетъ, т. е. требуетъ и предписываетъ. Но зато помощники классныхъ наставниковъ всегда имѣютъ нравственную поддержку отъ начальства въ отношеніяхъ ихъ съ учениками.

Въ такихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ помощники классныхъ наставниковъ представляютъ изъ себя въ жизни учащихся большую силу, сурово-давящую или разумно-воспитательную, смотря по личнымъ качествамъ этихъ должностныхъ лицъ. Стоящіе на высотѣ своего дѣла помощники наставниковъ (конечно, съ большимъ

рискомъ для себя) могутъ значительно смягчать суровость строгаго режима, а слѣдовательно, и облегчать участь многихъ учащихся.

При господствѣ же въ школѣ распущенности, положеніе этихъ воспитателей бываетъ очень тягостно. Начальствующія лица не оказываютъ имъ никакой поддержки, принимаютъ всегда сторону учениковъ и очень часто отмѣняютъ распоряженія помощниковъ классныхъ наставниковъ въ угоду ученикамъ, особенно дѣтямъ „вліятельныхъ“ родителей, хотя бы ученики были вполнѣ неправы и допустили какой-нибудь возмутительный поступокъ. Трое учениковъ VII класса, подъ предводительствомъ генеральскаго сынка, сняли съ петель классную дверь и бросили ее на полъ. Грохотъ паденія двери произвелъ переполохъ. Директоръ спросилъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, кто это сдѣлалъ, и когда ему указали на виновныхъ, то директоръ началъ доказывать воспитателю, какъ опасно наказывать невиновнаго, что если воспитатель сомнѣвается въ виновности ученика, то лучше это дѣло оставить. Воспитатель сказалъ, что въ этомъ случаѣ сомнѣнію нѣтъ мѣста, но директоръ, не обращая вниманіе на возраженіе, продолжалъ говорить въ томъ же духѣ... И ученикамъ не было сдѣлано никакого замѣчанія.

Другой случай. Ученики VI класса нанесли во время урока оскорбленіе учителю словами и дѣйствіемъ, забросавъ его разными отбросами. Учитель сказалъ инспектору. Для разбора явился въ классъ директоръ. Ученики ложно сказали ему, что ничего подобнаго не было, что учитель оклеветалъ ихъ, что они требуютъ съ его стороны извиненія. Несчастнаго, безхарактернаго педагога заставили извиниться предъ учениками! Помощникъ класснаго наставника, въ бесѣдѣ съ сослуживцами доказавшій, что ученики были неправы, получилъ выговоръ за разговоры, не относящіеся къ прямымъ обязанностямъ *). Вину за каждое крупное нарушеніе дисциплины со стороны учащихся, за всякое безобразіе, допускаемое распущенными дѣтьми и юношами, начальство обыкновенно возлагаетъ на помощниковъ классныхъ наставниковъ. Дѣло въ томъ, что директоръ и инспекторъ въ распущенныхъ школахъ изъ страха предъ окружнымъ начальствомъ обыкновенно не прочь были бы „подтянуть“ гимназію, но изъ трусости предъ учениками, по лѣности или неумѣнію не могутъ этого сдѣлать, а потому стараются „загребать жаръ“ чужими руками, сваливая свои обязанности на безправныхъ

---

*) Нужно замѣтить, что замѣчанія со стороны начальства подчиненнымъ лицамъ „за неумѣстные разговоры“ очень частое явленіе, хотя бы эти разговоры происходили и въ свободное отъ занятій время. Подъ неумѣстными разговорами разумѣется критика порядковъ учебнаго заведенія.

подчиненныхъ. Помощники классныхъ наставниковъ въ такихъ школахъ испытываютъ гнетъ какъ со стороны начальства, такъ и со стороны худшихъ по поведенію учениковъ. Чувство самозащиты заставляетъ этихъ должностныхъ лицъ „приспособляться". Приспособленіе же главнымъ образомъ заключается въ томъ, что они стараются не быть тамъ, гдѣ замѣчаютъ подготовленіе со стороны учениковъ къ какому-нибудь нарушенію дисциплины или безобразію, и переносятъ наблюденіе въ болѣе спокойный пунктъ. Когда начальство дѣлаетъ имъ выговоръ за то, что они „плохо наблюдаютъ", помощники отговариваются тѣмъ, „что они были во время происшествія" въ другомъ мѣстѣ для водворенія тамъ порядка, и школа такимъ образомъ мало-по-малу становится безнадзорной. Тогда прекращается общность работы педагогическаго персонала по наблюденію за учениками, и большинство начинаетъ заботиться только о томъ, чтобы лично себя обезопасить со стороны буйныхъ учениковъ-заправилъ. Горе тому, кто не сумѣетъ защитить себя отъ учениковъ своимъ ли тактомъ, или уступками въ ихъ пользу!

Заправилами въ школѣ дѣлаются самые распущенные, самые испорченные изъ учениковъ, а помощниками этихъ учениковъ наиболѣе безвольные и безхарактерные изъ ихъ товарищей.

Иго этихъ элементовъ всего тяжелѣе ложится на тихихъ и трусливыхъ преподавателей, не умѣющихъ обуздать своевольныхъ и распущенныхъ школьниковъ и на скромныхъ и трудящихся учениковъ, не сочувствующихъ безобразіямъ. Учителямъ-мученикамъ достается и отъ учениковъ, и отъ начальства школы. Школьное начальство, не смѣя или не умѣя усмирить распущенныхъ учениковъ и боясь отвѣтственности за безпорядки предъ начальствомъ, всячески старается давить должностныхъ лицъ, которыхъ не возлюбили ученики, чтобы заставить ихъ уйти изъ учебнаго заведенія. Начальство при распущенномъ направленіи особенно боится гласности и изо всѣхъ силъ старается скрывать отъ внѣшняго міра школьные инциденты и конфликты. Лицамъ, такъ или иначе причастнымъ къ редакціи какой-либо мѣстной или столичной газеты или журнала, оказывается особое вниманіе и предупредительность.

Понятно, что оба направленія, господствующія въ нашей школѣ, т. е. давящее и распущенное, встрѣчаются не всегда, такъ сказать, въ чистомъ видѣ: есть не мало учебныхъ заведеній только съ преобладаніемъ того или другого направленія.

За время моей службы мнѣ пришлось быть въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ господствовала полная распущенность.

Въ одномъ изъ этихъ учебныхъ заведеній директоръ былъ очень заинтересованъ въ увеличеніи количества учениковъ, такъ какъ по-

стоянно уменьшающееся число ихъ угрожало закрытіемъ учебнаго заведенія, а во второмъ случаѣ директоръ былъ лѣнивъ и очень трусливъ, постоянно заискивалъ предъ учениками, „популярничалъ“ съ ними и ихъ родителями, въ послѣднемъ случаѣ исключительно только предъ вліятельными изъ нихъ и предъ тѣми, которые были „боевого направленія“ и часто приходили объясняться къ начальству гимназіи. Я зналъ одну даму, которая буквально наводила страхъ въ теченіе трехъ лѣтъ на директоровъ, инспекторовъ и классныхъ наставниковъ мѣстныхъ гимназій и реальнаго училища, являясь по временамъ поговорить по поводу учащихся ея сыновей. Дѣти ея были невозможны по поведенію, но исключать ихъ не смѣли, боясь ихъ воинственной маменьки. Нельзя повѣрить, сколько за эти три года начальство выслушало отъ нея дерзостей и горькихъ истинъ.

Единственно, съ кого начальство этихъ двухъ учебныхъ заведеній старалось взыскивать и кого стремилось подтянуть, такъ это инспекцію, въ лицѣ ея младшихъ представителей. Но это подтягиваніе не давало желательныхъ результатовъ, такъ какъ помощники классныхъ наставниковъ, не видя поддержки отъ начальства и зная, что всякое ихъ дѣйствіе, предпринятое противъ проявленій ученической распущенности, будетъ по просьбѣ учениковъ отмѣнено, обыкновенно избѣгали столкновеній съ учениками и держались въ сторонѣ. Они предпочитали лучше выслушать несправедливое замѣчаніе начальства, чѣмъ быть для этого начальства „козлами отпущенія“. И распущенность все росла и росла въ этихъ двухъ школахъ, пока слухъ о ней не дошелъ до Петербурга, и оттуда не было принято рѣшительныхъ мѣръ...

Укажу теперь на главнѣйшіе признаки и особенности тѣхъ школъ, въ которыхъ преобладаетъ распущенность. Большинства сообщенныхъ мною фактовъ я былъ самъ свидѣтелемъ.

Прежде всего въ распущенныхъ школахъ бросается въ глаза внѣшность учениковъ.

Здѣсь царствуетъ мода. Ученики богатыхъ родителей щеголяютъ въ папахахъ, шапочкахъ, носятъ цѣнныя цѣпочки съ брелоками, дорогія запонки, невозможнаго фасона пояса, курточки и пр. Ученицы носятъ дорогіе головные уборы, кружева, бархатныя шубки, дорогія накидки и пр. Я не принадлежу къ ярымъ поклонникамъ „формы“, но полагаю, что выработанная на разумныхъ основаніяхъ форма должна быть одинаково обязательна для всѣхъ учащихся. Исключеніе допустимо скорѣе для нуждающихся, чѣмъ для состоятельныхъ. Преклоненіе же предъ модой и стремленіе выдаваться предъ прочими цѣнностью своего костюма есть продуктъ буржуазнаго

строя жизни и съ этической точки зрѣнія—явленіе нежелательное. Учащіеся модники и модницы имѣютъ большое вліяніе на многихъ изъ товарищей и подругъ, и мода начинаетъ господствовать въ школѣ; учащіеся привыкаютъ гордиться внѣшностью и богатствомъ, развиваютъ въ себѣ тщеславіе и научаются жить пустыми интересами.

Ученическая форма должна быть проста, недорога, гигіенична и не бросаться въ глаза своимъ мишурнымъ блескомъ; но ее необходимо соблюдать, чтобы ограничить стремленіе въ дѣтяхъ къ роскоши. Мнѣ кажется, что прежняя „дореформенная" форма гимназистовъ болѣе соотвѣтствовала своему назначенію: черные сюртуки и пиджаки съ синими нашивками на бортахъ были лучше во всѣхъ отношеніяхъ нынѣшнихъ мишурно-блестящихъ мундировъ.

Второй признакъ распущенности—безпорядочное посѣщеніе учащимися школы и большой пропускъ ими уроковъ.

Если при давящей системѣ начальство относится придирчиво къ единичному случаю непосѣщенія ученикомъ или ученицей гимназіи, то при распущенности за посѣщеніемъ учениками школы не существуетъ почти никакого наблюденія, особенно въ старшихъ классахъ. Ученики часто не являются въ гимназію или училище по недѣлѣ и болѣе; многіе изъ нихъ пропускаютъ каждую недѣлю по дню и по два, приходятъ въ школу не къ началу занятій, а послѣ перваго или второго урока и уходятъ раньше положеннаго времени. Въ годовыхъ отчетныхъ вѣдомостяхъ о пропущенныхъ учениками урокахъ нерѣдко показываются ложныя цыфры. Я самъ былъ свидѣтелемъ, когда скидка эта въ годовомъ отчетѣ равнялась 3.000—10.000 урокамъ. Скидывали для того, чтобы начальству не бросалась въ глаза очень большая разница противъ нормы.

Битье стеколъ въ училищѣ и въ квартирахъ лицъ педагогическаго персонала (преимущественно у начальства)—очень распространенное явленіе въ среднихъ школахъ, причемъ при строгомъ режимѣ это „битье" бываетъ сравнительно рѣдко и большею частью въ квартирахъ начальства или учителей, а при распущенномъ направленіи кромѣ того и въ самой школѣ во время перемѣнъ и занятій. Въ первомъ случаѣ, т. е. при суровомъ порядкѣ, бьютъ стекла изъ мести или ненависти, а во второмъ изъ удальства или желанія посмѣяться надъ начальствомъ и воспитателями, выказать имъ презрѣніе, а иногда „такъ себѣ", подъ вліяніемъ рефлексивнаго побужденія.

Въ такихъ школахъ битье стеколъ иногда принимаетъ характеръ спорта. Бьютъ въ классахъ и залахъ стекла навылетъ или только „одно" стекло. Виновныхъ почти никогда не оказывается; если же

кто и попадется, то все объясняется случайностью, и деньги за стекло платитъ весь классъ, складываясь по копейкѣ. Недорого, а весело! Я зналъ учебное заведеніе, гдѣ въ зиму разбивалось далеко за сотню стеколъ. Инспекторъ объяснялъ это явленіе—плохимъ качествомъ стекла! Разбиваются, конечно, стекла и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ дисциплина поставлена болѣе или менѣе правильно, и разбиваются не всегда ужъ „нечаянно"; но во-первыхъ, „въ семьѣ не безъ урода", среди сотенъ людей всегда найдутся исковерканныя плохимъ воспитаніемъ дѣти и юноши, а, во-вторыхъ, битье стеколъ въ этихъ школахъ не носитъ характера постоянности и не повторяется часто. Табакъ, карты и вино занимаютъ очень видное мѣсто въ жизни учащихся распущенной школы. Курятъ во время перемѣнъ и уроковъ въ ватеръ-клозетахъ, корридорахъ, сторожкахъ; инспекція старается не заглядывать въ клозеты и сторожку, которые обращаются въ ученическіе клубы и курильни. Здѣсь не только во время перемѣнъ, но и во время уроковъ постоянно находятся курящіе и бесѣдующіе ученики; нѣкоторые изъ нихъ просиживаютъ въ этихъ импровизированныхъ клубахъ по два и по три урока. Въ „клубахъ" курятъ не только старшіе ученики, но даже и ученики младшихъ классовъ, начиная съ перваго. Отравленіе никотиномъ происходитъ въ широкихъ размѣрахъ. Если есть курящіе ученики и въ тѣхъ школахъ, гдѣ куреніе преслѣдуется, то тамъ куритъ только сравнительно незначительный процентъ учениковъ, и имъ удается отравлять себя изрѣдка. Безнаказанность и подражаніе въ распущенныхъ школахъ дѣлаютъ то, что въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ куритъ чуть не большинство юношей и дѣтей и отравленіе никотиномъ совершается въ теченіе всего дня. Плохо воспитаніе, которое держится однимъ только запрещеніемъ, но и такое воспитаніе лучше, чѣмъ полная распущенность.

Употребленіе учениками пива и вина также значительно больше распространено въ школахъ распущенныхъ. Если въ „строгихъ" школахъ многіе ученики пьютъ, то тамъ это дѣлается особенно скрытно, преимущественно въ секретныхъ комнатахъ пивныхъ и трактировъ или у какого-нибудь ученика, родители котораго по невѣжеству или другимъ причинамъ покровительствуютъ такому времяпрепровожденію учащагося юношества. Въ распущенныхъ же школахъ или, какъ нынѣ иронически говорятъ педагоги „стараго направленія", въ школахъ „сердечнаго отношенія", алкоголизмъ принимаетъ прямо угрожающіе размѣры. Въ такихъ школахъ то и дѣло, то здѣсь, то тамъ совершаются ученическія попойки. Пьютъ и въ училищѣ на урокахъ, на спѣвкахъ, на литературныхъ вече-

рахъ. Напившихся въ училищѣ начальство тайно удаляетъ домой подъ предлогомъ болѣзни ученика.

Такіе факты я могу подтвердить.

Къ сожалѣнію, бываютъ случаи, что ученики напиваются даже въ квартирахъ у „популярничающихъ“ преподавателей. А „выпиваніе“ педагоговъ въ компаніи съ учениками явленіе не очень ужъ рѣдкое. Вошедшіе въ послѣдніе десять, пятнадцать лѣтъ военныя прогулки и образовательныя экскурсіи во многихъ учебныхъ заведеніяхъ сопровождались винопитіемъ въ такомъ размѣрѣ, что многіе ученики и педагоги возвращались домой „навеселѣ“, и даже болѣе того. Плоды такого отношенія школы къ алкоголизму бываютъ очень горьки. Я зналъ немало спившихся учениковъ среднихъ школъ и студентовъ, начавшихъ пить въ гимназіи и реальномъ училищѣ, которые совершенно сгубили себя чрезъ вино и не могли продолжать образованія. Денежная игра въ карты въ такихъ школахъ тоже довольно распространенное зло. Я зналъ случаи, когда ученики во время уроковъ у „подходящихъ“ учителей проигрывали въ карты десятки рублей. Въ этой школѣ денежная игра была настолько распространена, что увлекшихся ею юношей заставляла воровать деньги у родителей и даже составить преступное сообщество, которое занималось нѣсколько мѣсяцевъ воровствомъ у ювелировъ. Начальство этой школы, сгубившее своимъ управленіемъ многихъ дѣтей, считалось въ округѣ хорошимъ и получало почетныя награды!

Классная дисциплина въ деморализованныхъ школахъ, особенно у преподавателей тихихъ и трусливыхъ, не сумѣвшихъ себя самостоятельно поставить, совершенно отсутствуетъ. Ученики приносятъ въ классъ крысъ, мышей, птицъ и выпускаютъ ихъ во время уроковъ у забитыхъ преподавателей и при этомъ производятъ шумъ и переполохъ. Начинается бѣготня, смѣхъ, бросанье въ учителя мѣломъ, объѣдками яблокъ, мяса и пр. Учитель въ ужасѣ или негодованіи выбѣгаетъ изъ класса. Это именуется „вышибаніемъ“ учителя. Вышибаніе нерѣдко подготовляется заранѣе. Совѣщанія учениковъ на эту тему ведутся иногда за недѣлю или за двѣ. Способы вышибанія различны: кошачьи концерты, вытье, бомбардировка, разсыпаніе по классу нюхательнаго табаку, сдвиганіе къ учителю партъ и проч. и проч. Несчастные преподаватели, не смѣя прибѣгнуть къ защитѣ школьнаго начальства, обращаются въ какихъ то мучениковъ дикаго произвола. Личность ихъ не застрахована ни отъ какихъ самыхъ дикихъ оскорбленій. Я зналъ случаи, когда многіе ученики не разъ позволяли себѣ въ классѣ бранить учителя скверными словами, и преподаватель объ этомъ молчалъ.

Въ распущенныхъ учебныхъ заведеніяхъ оскорбленіе учениками словомъ и дѣломъ своихъ наставниковъ и воспитателей—явленіе обычное. Нѣкоторыя лица педагогическаго персонала буквально не могутъ безнаказанно пройти въ перемѣну среди учениковъ.

Впрочемъ, лѣтомъ мимо такихъ школъ, во время перемѣнъ, опасно проходить и гражданамъ города, такъ какъ они рискуютъ получить по своему адресу обиду не только словомъ, но и дѣломъ.

Я могъ бы перечислить еще очень много прямо поразительныхъ событій и фактовъ изъ жизни нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ, свидѣтельствующихъ о полной (весьма значительнаго числа школъ) деморализаціи этихъ учебныхъ заведеній, но думаю, что и сказаннаго достаточно.

Каждый читатель, вѣроятно, самъ знаетъ немало печальныхъ случаевъ и примѣровъ проявленія распущенности въ среднихъ школахъ. Я одно время былъ склоненъ винить въ этомъ главнымъ образомъ родителей учащихся и наше общество; но теперь, послѣ разительныхъ примѣровъ исправленія нѣкоторыхъ распущенныхъ школъ подъ вліяніемъ разумныхъ воспитательныхъ мѣръ, убѣдился, что въ этомъ повинны не одни только родители и общество, но въ значительной степени и школа. Въ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія вліяніе семьи, общества и школы такъ связано и перепутано между собою, что наиболѣе правильная постановка воспитанія будетъ тамъ, гдѣ работаютъ заодно, со взаимнымъ довѣріемъ, семья, общество и школа.

Senex.

Коммерческое образованіе въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія.

(Очеркъ изъ исторіи русской школы).

Необходимость коммерческаго образованія для экономическаго преуспѣянія страны сознается въ Россіи едва ли не ранѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ европейскомъ государствѣ. Въ 1760 г. при Высочайшемъ дворѣ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы, была учреждена т. н. „коммиссія коммерціи“, на обязанности которой было возложено разсмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ положеніе русской торговли и промышленности и намѣтить способы для ихъ дальнѣйшаго развитія. Коммиссія прежде всего обратилась къ посадскимъ обществамъ и предложила имъ доставить свѣдѣнія объ ихъ экономическихъ нуждахъ. Въ дѣлахъ названной коммиссіи сохранилось 69 донесеній изъ разныхъ посадовъ. Всѣ донесенія единогласно констатируютъ упадокъ коммерціи и благосостоянія посадскихъ жителей и указываютъ разныя причины, большею частью случайныя и временныя, приведшія коммерцію къ такому упадку и кризису. Среди всѣхъ донесеній особенное вниманіе обращаетъ на себя донесеніе архангелогородскаго посада, которое, не ограничиваясь случайными причинами, раскрываетъ основныя причины переживавшагося кризиса. Упадокъ русской торговли архангелогородское купечество объясняетъ прежде всего незнаніемъ коммерческаго искусства и почти полнымъ отсутствіемъ просвѣщенныхъ купцовъ. Все указанное донесеніе не что иное, какъ энергичная апологія образованія, какъ главнѣйшаго залога духовнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Рисуя мрачную картину полнаго невѣжества русскаго купечества и указывая, какъ гибельно отражается на веденіи торговыхъ операцій отсутствіе самыхъ элементарныхъ профессіональныхъ знаній, авторы донесенія приходятъ къ естественному

выводу, что необходимо послѣдовать примѣру „просвѣщенныхъ политическихъ націй“, которыя прилагаютъ всевозможныя старанія къ распространенію просвѣщенія во всѣхъ слояхъ народа. Только путемъ правильнаго школьнаго образованія русское купечество можетъ стать на ту же ступень, на которой стоитъ купечество просвѣщенныхъ народовъ. Авторы донесенія не ограничиваются одними общими пожеланіями: смотря на дѣло практически, они прилагаютъ къ донесенію своему „проектъ учрежденія гражданской гимназіи въ г. Архангельскѣ“, составленный извѣстнымъ архангельскимъ гражданиномъ Василіемъ Крестининымъ. Какъ съ донесеніемъ архангелогородскаго посада, такъ и съ проектомъ Крестинина мы знакомимся по любопытной статьѣ г. Кизеветтера „Школьные вопросы нашего времени въ документахъ прошлаго вѣка“.

Исходя изъ практическихъ соображеній, Крестининъ проектируетъ профессіональную школу, ближайшею задачею которой является излѣченіе тѣхъ недуговъ коммерціи, на которые указываютъ авторы приведеннаго донесенія. Но авторъ къ своемъ проектѣ не придерживается узко-профессіональныхъ принциповъ Петровской эпохи: онъ признаетъ необходимымъ на ряду съ профессіональными задачами дать въ школѣ мѣсто и общему гуманитарному образованію. Сообразно этому проектъ намѣчаетъ слѣдующій составъ гимназическаго курса: правописаніе и исправное сочиненіе писемъ, ариѳметика, бухгалтерія простая и итальянская, географія политическая и коммерческая, правовѣдѣніе, исторія древняя и новая, иностранные языки (нѣмецкій, голландскій, французскій) и навигація. Правда, общеобразовательный элементъ представленъ въ проектѣ, какъ видимъ, довольно слабо сравнительно съ профессіональнымъ, но знаменательно уже одно признаніе необходимости общаго образованія „для произведенія добраго купца и добраго гражданина“, признаніе профессіональнаго образованія цѣннымъ лишь въ соединеніи съ образованіемъ общественно-гуманитарнымъ. Разсматривая проектъ Крестинина съ этой точки зрѣнія, мы должны въ немъ признать первый проектъ коммерческаго училища современнаго типа *).

---

*) Разсматриваемый проектъ имѣетъ связь съ современными коммерческими училищами по Положенію 1896 г. еще и въ томъ отношеніи, что въ немъ проводятся такіе идеи, которыя въ первый разъ отчасти осуществлены были положеніемъ 1896 г., напр., участіе общества во внутренней жизни школы, надѣленіе педагогическаго персонала самостоятельной иниціативой въ установленіи порядка и пріемовъ преподаванія, видоизмѣненіе школьнаго устава примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и пр. Многія положенія проекта, какъ безплатность обученія, установленіе тѣсной связи школы, какъ культурнаго центра, съ мѣстной и общественной жизнью и др., составляютъ pia desideria и для нашего времени.

Проектъ Крестинина постигла обычная участь: онъ погибъ въ безднахъ петербургской канцеляріи; но идеи, положенныя въ основаніе этого проекта, объ экономическомъ значеніи образованія и о возможности коммерческихъ успѣховъ только при условіи обширнаго распространенія среди нашего купечества спеціально-коммерческихъ знаній, эти идеи нашли сочувствіе въ русскомъ торгово-промышленномъ классѣ. Въ томъ же XVIII в., немного времени спустя послѣ вышеупомянутой „коммиссіи коммерціи“, въ которую представленъ былъ проектъ Крестинина, вопросъ о коммерческой школѣ получилъ практическое примѣненіе. Въ 1772 г. Демидовымъ въ Москвѣ при воспитательномъ домѣ основано было первое коммерческое училище. Это училище въ 1799 г. было перенесено въ Петербургъ и съ этого времени находилось подъ управленіемъ четвертаго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Въ 1804 г. основывается Московское коммерческое училище на Остроженкѣ. Оба эти училища сохранились до сихъ поръ и находятся въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. Въ томъ же 1804 г. въ Москвѣ основывается частный коммерческій пансіонъ, открытый Арнольдомъ при участіи нѣкоторыхъ лицъ московскаго купечества. Въ 1806 г. этотъ пансіонъ, по образцу гамбургской Handels-akademie, былъ уже переименованъ въ Московскую практическую академію. Спустя нѣкоторое время въ 1810 г. въ Москвѣ положено было начало Обществу любителей коммерческихъ знаній, которое и беретъ подъ свое покровительство вновь открытую академію *). Съ самаго начала курсы наукъ, преподаваемыхъ въ указанныхъ коммерческихъ училищахъ, представляли собою смѣсь наукъ общеобразовательныхъ и спеціально-коммерческихъ.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о коммерческомъ образованіи ко времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія. Новое министерство, вѣдѣнію котораго подлежали образовательные интересы всѣхъ сословій, ознаменовало свою дѣятельность прежде всего изданіемъ устава гимназій, которымъ положено было начало правильному среднему образованію (1804 г.). Уставъ этотъ былъ составленъ Фусомъ по образцу французскихъ лицеевъ. Гимназіи по этому уставу имѣли реально энциклопедическій характеръ. Курсъ гимназій продолжался четыре года, но поступать въ нихъ можно было только по окончаніи курса уѣздныхъ училищъ, которыя играли роль прогимназій. Въ составъ наукъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ по этому уставу, входили: математика (18 ур.), исторія, географія и

*) См. Глѣбовъ и Ивановъ. Исторія Московской практической Академіи коммерческихъ наукъ. М. 1862 г.

статистика (18), философія, изящныя науки и политическая экономія (20), естествовѣдѣніе, технологія и коммерческія науки (16), латинскій яз. (16), французскій (16), нѣмецкій (16) и рисованіе (4). Чтобы понять причины, по которымъ коммерческія и другія спеціальныя науки вошли въ курсъ предметовъ, преподаваемыхъ въ общеобразовательныхъ гимназіяхъ, нужно обратить вниманіе на состояніе русскаго общества въ это время и на господствовавшіе въ немъ взгляды на образованіе. Это общество не понимало цѣли и назначенія одного общаго образованія и требовало отъ него практическаго примѣненія. При господствѣ въ этомъ обществѣ сословнаго раздѣленія и сословныхъ интересовъ оно естественно требовало, чтобы образованіе носило сословный характеръ, чтобы во вновь основываемыхъ школахъ соблюдены были сословные интересы. Многіе передовые люди того времени, напр., Д. Мартыновъ, И. Пнинъ и др. настаивали на сословныхъ школахъ. Послѣдній, напр., въ „Опытѣ о просвѣщеніи относительно Россіи“ (изд. 1804 г.) предлагаетъ основать особыя училища для земледѣльцевъ (земледѣльческія школы), для мѣщанъ (промышленныя), для купцовъ (коммерческія) и для дворянъ (кадетскіе корпуса). Особенно энергично высшій классъ—дворянство—протестовалъ противъ общесословныхъ гимназій. Правительство шло тогда впереди общества, и потому гимназіи по уставу 1804 г. получили общесословный и общеобразовательный характеръ. Только уступая общественному мнѣнію, духу времени, правительство вводитъ въ курсъ этихъ общеобразовательныхъ школъ преподаваніе нѣкоторыхъ спеціальныхъ предметовъ. Такимъ образомъ учебный планъ устава 1804 г. выясняется довольно просто: съ одной стороны, взятъ курсъ французскихъ лицеевъ настолько точно, что въ него не ввели даже преподаванія Закона Божія, съ другой стороны, для удовлетворенія сословно-профессіональныхъ стремленій русскаго общества въ этотъ курсъ введены—для земледѣльцевъ „естественная исторія съ приноровленіемъ оной къ начальнымъ основаніямъ сельскаго и лѣсного хозяйства“, для мѣщанъ технологія, для купцовъ коммерція. Вполнѣ понятно, что эти три предмета были необязательными. Относительно дворянъ предполагалось, что они, получивши общее образованіе въ гимназіяхъ, закончатъ его потомъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ смотритъ на этотъ уставъ и министръ нар. просв. гр. А. К. Разумовскій (1810—1816) въ письмѣ къ Роммелю отъ 12 февр. 1812 г., когда тотъ высказалъ ему свое удивленіе о множествѣ реальныхъ наукъ, вошедшихъ въ учебный планъ. „Считаю нужнымъ познакомить Васъ, пишетъ министръ, съ видами, которые господствовали при составленіи теперешняго учебнаго плана. Были вклю-

чены въ него политическія, торговыя и технологическія науки, потому что не всякій можетъ имѣть случай продолжать ученье въ университетахъ и гимназіяхъ, куда поступаютъ дѣти всѣхъ сословій, дворянскаго, купеческаго, ремесленнаго и др.; тѣ изъ нихъ, кои должны закончить свое ученіе гимназіею или по состоянію своему не нуждаются въ болѣе обширныхъ свѣдѣніяхъ, имѣютъ случай получить понятіе о вышеупомянутыхъ предметахъ, насколько они пригодны для извѣстнаго сословія". Какъ бы то ни было, специальные предметы вошли въ курсъ общеобразовательной школы. Преподаваніе естествовѣдѣнія начиналось въ третьемъ классѣ; въ четвертомъ (старшемъ) классѣ оно раздѣлялось на естественную исторію, технологію и науку о торговлѣ; каждая изъ этихъ наукъ преподавалась по четыре часа (ст. 24 уст.). Коммерческія науки должны были преподаваться не только теоретически, но отчасти и практически. Въ зимнее время учитель съ частью своихъ учениковъ долженъ былъ осматривать въ городѣ фабрики, мануфактуры и мануфактуры художниковъ, ибо рисунки и описанія не могутъ дать яснаго и достаточнаго о томъ понятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство начало заботиться и объ учебникахъ. Попечитель Московскаго учебнаго округа Муравьевъ поручилъ составленіе элементарнаго учебника по торговлѣ профессору Московскаго университета Гейму.

Однако преподаваніе коммерческихъ и специальныхъ наукъ было непродолжительно въ гимназіяхъ. Вводя либеральный уставъ 1804 г., правительство не считалось съ отсталостью общества, чѣмъ и обрекало на неудачу свою смѣлую реформаторскую попытку. Уставъ этотъ не могъ привиться къ русскому обществу и неизбѣжно долженъ былъ подвергнуться измѣненіямъ согласно съ духомъ того времени. Кромѣ того и само правительство скоро (послѣ 1812 г.) радикально измѣнило свою политику. Во главѣ министерства народнаго, просвѣщенія стали такіе извѣстные теперь гонители просвѣщенія, какъ Магницкій, Руничъ и др. Эти борцы реакціи, исходя изъ фанатическихъ религіозныхъ воззрѣній, стали смотрѣть на образованіе, какъ на средство для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Приноравливаясь къ консервативному направленію правительства, они стали гонителями просвѣщенія вообще. Цѣлью ихъ было остановить начавшееся развитіе Россіи. Они дѣйствовали на правительство указаніемъ того вреда, который приноситъ школа, дѣйствуя на своихъ воспитаниковъ развращающимъ образомъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Наиболѣе яркимъ выразителемъ этой группы реакціонеровъ былъ Жозефъ-де-Местръ, который въ своемъ сочиненіи Quatre chapitres sur la Russie предлагаетъ разныя средства, чтобы ограничить распространеніе наукъ въ Россіи. Здѣсь онъ между

прочимъ говоритъ о наукахъ, особенно вредныхъ въ политическомъ отношеніи, которыя могутъ быть толкуемы по личнымъ вкусамъ и наклонностямъ всякаго и которыя поэтому должны быть изгнаны изъ школъ. Въ число этихъ наукъ, неблагонадежныхъ съ политической точки зрѣнія, попала и коммерція. Взгляды Ж. де-Местра, находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ съ гр. Разумовскимъ, легли въ основаніе политики министерской во вторую половину царствованія Императора Александра I; ими руководствовались и въ царствованіе Николая I, и благодаря имъ, дѣйствительно, при Николаѣ I число учащихся въ гимназіяхъ и университетахъ значительно сократилось.

Другая группа реакціонеровъ, напротивъ, не отвергая въ принципѣ образованія и необходимости его, старалась воспользоваться имъ въ достиженіи своихъ цѣлей. Образованіе стало не средствомъ для воспитанія человѣка, какъ предполагаетъ уставъ 1804 г., а цѣлью для достиженія политическихъ стремленій даннаго времени. Съ точки зрѣнія этихъ стремленій и совершилась политическая переоцѣнка предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ. Скоро нашли, что въ цѣляхъ политическаго воспитанія русскаго юношества необходимо классическое образованіе. Главнымъ поборникомъ этого взгляда явился гр. Уваровъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія. Дѣятели этого рода стали прежде всего указывать на тотъ вредъ, который приноситъ государству энциклопедическое образованіе, даваемое въ гимназіяхъ. Несмотря на защиту устава 1804 г. со стороны нѣкоторыхъ лицъ, какъ, напр., попечителя московскаго учеб. окр. кн. Оболенскаго и директора Прокоповича-Антонскаго, въ мартѣ 1819 г. ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія постановилъ исключить изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ гимназіяхъ, преподаваніе политической экономіи, начальныхъ основаній наукъ, относящихся до торговли, и основанія технологіи.

Свѣдѣнія о характерѣ преподаванія въ школахъ того времени мы можемъ почерпнуть изъ „Школьныхъ воспоминаній“ М. П. Погодина (Вѣст. Евр. 1868 г. кн. 8) относительно Московской губернской гимназіи въ 1814—1820 г. Естественную исторію, пишетъ Погодинъ, преподавали, если не удовлетворительно, то по крайней мѣрѣ порядочно; для каждаго ея отдѣла существовала особая толстая тетрадь, которую воспитанники выучивали наизусть и въ классѣ разсказывали слово въ слово. Важнѣе было то, что учителъ показывалъ въ классѣ образцы по каждому отдѣлу. Преподаваніе технологіи было очень утомительно, но все таки знакомство съ номенклатурой приносило пользу. О преподаваніи собственно коммерческихъ наукъ свѣдѣній не сохранилось. Въ другихъ мѣстахъ не удовлетво-

рялись, впрочемъ, постановкою преподаванія коммерческихъ наукъ въ гимназіяхъ и старались о томъ, чтобы улучшить это преподаваніе. Такъ, при Смоленской гимназіи въ 1804 г. учрежденъ былъ спеціальный классъ коммерческихъ наукъ на пожертвованныя средства, оказавшіяся недостаточными для открытія отдѣльнаго коммерческаго училища. Въ классѣ этомъ преподавались коммерческая географія, гражданская архитектура, купеческія выкладки и бухгалтерія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, сочиненіе купеческихъ писемъ и коммерческія свѣдѣнія съ раздѣленіемъ дѣлъ на банкирскія, собственныя и коммиссіонерныя, а также и англійскій языкъ. Кромѣ того, въ Таганрогѣ существовало спеціальное коммерческое училище, состоявшее въ вѣдѣніи министерства народ. просвѣщ., но очень не многолюдное—въ 1824 г. въ немъ было только 30 учениковъ.

Измѣненія въ уставѣ 1804 г. носили временный характеръ. Правительство дѣятельно готовилось къ новой школьной реформѣ, которая и произведена была уставомъ 1828 г. Въ основу новой школьной реформы положенъ былъ принципъ сословности. Гимназіи по этой реформѣ предназначались главнымъ образомъ для дворянъ. Уѣздныя же училища „въ особенности предназначены для того, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей доставить тѣ свѣдѣнія, кои по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ могутъ быть имъ наиболѣе полезны". Доступъ въ гимназіи лицамъ другихъ сословій, кромѣ дворянскаго, затруднялся всякими средствами: требованіемъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ лицъ податного сословія, увеличеніемъ платы за право ученія и т. п. Особенно объ изгнаніи разночинцевъ изъ гимназіи заботился гр. Уваровъ и внесъ въ комитетъ министровъ записку (31 іюля 1845 г.) о средствахъ устранить изъ гимназій дѣтей купцовъ, мѣщанъ и другихъ лицъ податного сословія. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ этихъ мѣръ, проведеніе которыхъ въ жизнь министерства народнаго просвѣщенія во все царствованіе имп. Николая I считало главною своею обязанностью, число разночинцевъ и вообще учащихся съ каждымъ годомъ уменьшалось. Такимъ образомъ, министерство, провозгласивши вначалѣ принципъ общесословности въ школѣ, во второй четверти девятнадцатаго столѣтія энергично стало устранять весь торгово-промышленный классъ въ Россіи отъ средняго и высшаго образованія. Между тѣмъ въ это время мѣщане, купцы и вообще лица податного сословія, можетъ быть, даже больше дворянства, стали сознавать пользу школьнаго образованія, видя въ немъ единственное средство выйти изъ своего угнетеннаго положенія. Поэтому съ этого времени купцы, мѣщане и др. начинаютъ употреблять всѣ

мѣры, чтобы какъ-нибудь обойти эти запретительные законы и попасть не въ низшую школу, которую имъ предлагало правительство, а въ гимназію и университетъ, отъ которыхъ оно такъ тщательно ихъ устраняло.

Въ уѣздныхъ училищахъ, которыя по уставу 1828 г. предназначались главнымъ образомъ для купцовъ, преподавались общеобразовательные предметы; для спеціальнаго же образованія разрѣшалось учреждать при этихъ училищахъ дополнительные курсы (§ 58—65)

Послѣдніе учреждались съ разрѣшенія министра по представленію смотрителя училища и по разсмотрѣнію сего представленія директоромъ гимназіи и университетомъ. Эти курсы находились въ чисто внѣшней связи съ уѣздными училищами. Курсы эти могли быть устраиваемы по два и по три раза въ недѣлю, но не иначе какъ въ вечернее время. Преподаваніе на этихъ курсахъ возлагалось на учителей уѣздныхъ училищъ и смотрителей. Ученики къ слушанію дополнительныхъ курсовъ допускались не прежде, какъ по окончаніи положеннаго уставомъ ученія. Слушателями курсовъ могли быть, съ вѣдома училищнаго начальства, и постороннія лица. Такіе курсы могли учреждаться не только правительствомъ, но и частными лицами и обществами. „Они учреждаются, гласилъ уставъ, не всѣ вмѣстѣ, но по одному или по два и болѣе, смотря по нуждамъ средствамъ и удобности; присемъ принимаются въ особенное уваженіе изъявляемыя значительнѣйшими жителями желанія. Главнѣйшіе изъ сихъ дополнительныхъ курсовъ, которые имѣютъ предметомъ способствовать успѣхамъ въ оборотахъ торговли и въ трудахъ промышленности, могутъ быть слѣдующіе: 1) общія понятія объ отечественныхъ узаконеніяхъ, порядкѣ и формахъ судопроизводства, особенно по дѣламъ, относящимся къ торговлѣ; 2) основанія коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи; 3) основанія механики съ приложеніемъ оной къ обыкновеннѣйшимъ искусствамъ; основанія технологіи, рисованіе, приспособленное къ искусствамъ и ремесламъ, и важнѣйшія правила архитектуры, особенно же все, принадлежащее къ части каменнаго мастера; 4) сельское хозяйство и садоводство“.

Успѣха эти дополнительные курсы не имѣли по причинѣ слишкомъ большихъ канцелярскихъ препятствій при ихъ открытіи, по недостатку, особенно въ провинціи, подготовленныхъ учителей для преподаванія спеціальныхъ предметовъ и т. д. Кромѣ того, населеніе, вѣроятно, лучше правительства понимало, что безъ достаточной общеобразовательной подготовки нѣтъ смысла приступать къ спеціальнымъ наукамъ. На практикѣ эти дополнительные курсы развились въ направленіи, противоположномъ видамъ правительства. Въ большей части предметомъ ихъ служили языки, преимущественно

латинскій и нѣмецкій. Это занятіе языками имѣло цѣлью удовлетворить выражавшейся во многихъ мѣстахъ потребности помѣщать дѣтей въ гимназіи по окончаніи ими курса въ уѣздномъ училищѣ. Кромѣ того случалось, что на дополнительныхъ курсахъ преподавался какой-нибудь одинъ языкъ — нѣмецкій, французскій или латинскій, или же латинскій съ французскимъ вмѣстѣ, или латинскій и нѣмецкій вмѣстѣ съ алгеброй, или же, наконецъ, мѣстные языки. Сравнительно очень рѣдко преподавались, для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей въ промышленномъ, торговомъ, землевладѣльческомъ и другихъ отношеніяхъ, науки торговыя, бухгалтерія, англійскій яз., минералогія, геогнозія, законовѣдѣніе и даже кораблестроительное искусство.

Мало принесла практической пользы для коммерческаго образованія и другая попытка министерства присоединить курсы коммерческіе къ классической гимназіи. Сначала такое соединеніе было случайно, будучи вызвано стремленіемъ жителей промышленныхъ городовъ къ спеціальному образованію. При осмотрѣ въ 1834 г. архангельской гимназіи попечитель Петербургскаго учебнаго округа, кн. Дондуковъ-Корсаковъ, доносилъ министру: „здѣсь (въ Архангельскѣ) все исполнено духомъ промышленности и торговли: рыбная ловля, работа на фабрикахъ и мануфактурахъ—вотъ естественные мѣстные предметы дѣятельности и источники богатства. Посему неудивительно, что познанія, пріобрѣтаемыя архангелогородскимъ юношествомъ въ курсѣ гимназическаго ученія, не укореняются въ нихъ, и даже многіе изъ жителей не считаютъ ихъ нужными: ибо только послѣдующее приложеніе къ жизни развертываетъ начала, полученныя въ школѣ, и силу знанія изъ памяти, такъ сказать, переводитъ въ руки. Поэтому въ Архангельской гимназіи должны быть преподаваемы коммерція, часть химіи и технологіи, бухгалтерія и англійскій яз., ибо архангельскіе капиталисты находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ англичанами по торговлѣ“. Вслѣдствіе того при Архангельской гимназіи положено было преподавать англійскій яз. и бухгалтерію, на что городское общество назначило изъ своихъ суммъ ежегодно 1.700 руб. асс., а именно 1.200 руб. на англійскій яз. и 500 руб. на бухгалтерію. Но введеніе бухгалтеріи не состоялось за неутвержденіемъ приговора общества министромъ внутреннихъ дѣлъ Преподаваніе же англійскаго яз. введено было въ 1834 г. Дальнѣйшее развитіе дополнительнаго курса при Архангельской гимназіи послѣдовало только въ 1841 г. Положеніемъ 16 мая учрежденъ былъ при ней для желающихъ реальный курсъ, въ програму котораго вошли: естествовѣдѣніе, товаровѣдѣніе, бухгалтерія, коммерческая ариѳметика, наука о торговлѣ, русское коммерческое

законовѣдѣніе, англійскій яз. и упражненіе въ коммерческой переписке на русскомъ и иностранномъ языкахъ. Преподаваніе англійскаго языка начиналось со второго, а прочихъ предметовъ съ четвертаго класса и распредѣлено было между двумя учителями. Ученики реальнаго отдѣленія освобождались отъ латинскаго яз.; на расходы по устройству его назначено было ежегодно по 1.200 руб. сер. изъ технической суммы министерства финансовъ.

Въ 1834 г. Высочайше повелѣно было учреждать въ Петербургѣ 4-ю (Ларинскую) гимназію, въ своекоштные пансіонеры которой дозволено было принимать не только дѣтей дворянъ и чиновниковъ, но также купцовъ и негоціантовъ, проживающихъ преимущественно на Васильевскомъ островѣ; учебные же предметы были приспособлены къ мѣстному назначенію гимназіи и особенно усилено преподаваніе новыхъ иностранныхъ языковъ. Открытіе гимназіи послѣдовало въ 1836 г. Учебный планъ ея былъ слѣдующій: къ общему курсу присоединенъ дополнительный, который предположено было начинать съ третьяго класса для воспитанниковъ, не намѣревавшихся поступать въ высшія учебныя заведенія. Онъ состоялъ изъ англійскаго языка, естествовѣдѣнія, технологіи, коммерческой ариѳметики, линейнаго и архитектурнаго черченія, коммерческаго права, бухгалтеріи и каллиграфіи. Воспитанники дополнительнаго курса, распредѣленнаго по всѣмъ классамъ, освобождались отъ латинскаго и греческаго языка. Расходы отнесены были на счетъ сбора съ учащихся; но такъ какъ желавшихъ слѣдовать означенному курсу оказалось въ 1837 г. не болѣе пяти человѣкъ, то введены были сначала только англійскій яз., естествовѣдѣніе и коммерческая ариѳметика. Спустя два года по тѣмъ же причинамъ, т.-е. по недостатку средствъ, отмѣнено было преподаваніе естествовѣдѣнія и коммерческой ариѳметики; остался лишь англійскій яз. Въ 1844 г. министръ согласился, чтобы реальный курсъ въ Ларинской гимназіи ограничивался на будущее время англійскимъ языкомъ, черченіемъ и рисованіемъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы родители молодыхъ людей, обучавшихся этимъ предметамъ, принимали на свой счетъ всѣ издержки но найму учителей. Распредѣленіе же предметовъ главнаго гимназическаго курса, по коему преподаваніе новѣйшихъ языковъ въ первыхъ двухъ классахъ было усилено, а преподаваніе древнихъ начиналось съ третьяго класса, оставлено было безъ измѣненія. Въ 1849 г прекратилось и преподаваніе англійскаго яз. въ Ларинской гимназіи по недостатку желавшихъ обучаться ему.

Указанные случаи введенія спеціальныхъ предметовъ въ курсъ гимназическаго преподаванія были единичными явленіями; но въ концѣ 30-хъ годовъ спеціализація гимназическаго образованія ста-

новится, такъ сказать, фактомъ общимъ. Два обстоятельства способствовали этому. Прежде всего министръ финансовъ гр. Е. К. Канкринъ (1823—1844) считалъ прямою задачею министерства финансовъ содѣйствовать развитію спеціальнаго образованія въ Россіи. Съ этою цѣлью онъ основалъ въ 1825 г. Технологическій институтъ въ Петербургѣ, а въ 1836 г. сообщилъ гр. Уварову, что вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада его о средствахъ къ усиленію и умноженію фабрикъ и къ развитію черезъ то полезныхъ отраслей промышленности въ Россіи состоялось Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, отдѣленій реальныхъ школъ, а при университетахъ, взамѣнъ означенныхъ отдѣленій, публичныхъ лекцій техническихъ наукъ. Однако устройство реальныхъ отдѣленій при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія нѣсколько замедлилось. Министръ сперва потребовалъ мнѣній по этому предмету отъ попечителей учебныхъ округовъ, которые должны были представить, по соглашенію съ генералъ-губернаторами, доклады о потребностяхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Всѣ эти отзывы переданы были на предварительное разсмотрѣніе Главнаго Правленія училищъ. Въ 1838 г. гр. Уваровъ доложилъ Государю, что онъ вошелъ въ соглашеніе съ министромъ финансовъ объ учрежденіи въ Москвѣ гимназіи съ тремя реальными отдѣленіями и такихъ же отдѣленій при другихъ гимназіяхъ, а также уѣздныхъ училищахъ.

Другая причина образованія такихъ реальныхъ курсовъ вытекала изъ указаннаго уже постояннаго стремленія министерства сократить число разночинцевъ въ гимназіи, сдѣлавши ихъ чисто дворянскими учебными заведеніями, или, выражаясь словами самого министра, „всѣ эти мѣры клонились къ тому, чтобы удержать низшія сословія государства въ предѣлахъ соразмѣрности съ гражданскимъ ихъ бытомъ въ отношеніи къ образованію ихъ дѣтей и побудить ихъ ограничиваться уѣздными училищами и обученіемъ, въ этихъ заведеніяхъ даваемымъ“. Къ этому министерство неоднократно побуждалось высочайшими рескриптами самого императора Николая I—19 авг. 1827 г. и 9 мая 1837 г. Послѣдній рескриптъ указываетъ на несоблюденіе правилъ пріема лицъ податного сословія (безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ своихъ обществъ) особенно часто въ заведеніяхъ частныхъ и т. н. реальныхъ училищахъ (здѣсь разумѣютъ школы, состоявшія въ вѣдѣніи министерства финансовъ и частныя школы помѣщиковъ). Въ этихъ послѣднихъ заведеніяхъ съ преподаваніемъ наукъ, свойственныхъ земледѣльческой, фабричной и заводской промышленности, нерѣдко соединяются и науки высшей словесности, и между тѣмъ допускаются въ нихъ къ обученію безъ

различія какъ свободные, такъ и крѣпостные. Симъ смѣшеніемъ состояній нарушается порядокъ соразмѣрности, въ степеняхъ ученія вообще установленный, и вводится противорѣчіе въ гражданскомъ положеніи лица съ умственнымъ его образованіемъ. Министръ въ циркулярѣ своемъ 31 дек. 1840 г. также указываетъ нарушеніе этихъ правилъ и приглашаетъ попечителей учебныхъ округовъ представить свои мнѣнія о томъ, какія мѣры слѣдовало бы принять правительству, чтобы устранить упомянутое явленіе. Къ числу другихъ мѣръ для устраненія лицъ низшаго сословія отъ гимназическаго образованія, предпринятыхъ министерствомъ гр. Уварова (напр., постепенное увеличеніе платы за ученіе и пр.), принадлежитъ и эта—учрежденіе при гимназіяхъ реальныхъ курсовъ и реальныхъ классовъ, куда, по мнѣнію ихъ инициаторовъ, должны были поступать дѣти, принадлежащія къ низшему сословію. Прежде всего реальные курсы были учреждены при третьей московской гимназіи. Цѣлью открытія этой гимназіи было „какъ вообще удовлетвореніе усиливающейся потребности въ образованіи юношества, такъ въ особенности преподаваніе въ семъ центральномъ пунктѣ нашей промышленности техническаго курса наукъ". Гимназія имѣла два курса—главный, или собственно реальный и особый, или классическій. Реальный назначался преимущественно для дѣтей купеческаго и мѣщанскаго сословій и другихъ свободныхъ состояній, классическій для дѣтей дворянъ родовыхъ и личныхъ, канцелярскихъ служителей и художниковъ. Этотъ послѣдній курсъ подготовлялъ молодыхъ людей къ вступленію въ университетъ и, слѣдовательно, вполнѣ соотвѣтствовалъ курсу общаго гимназическаго ученія. Конечно, на волю родителей предоставлено было избирать то или другое отдѣленіе для своихъ дѣтей. Не возбранялось также ученикамъ классическаго курса трехъ низшихъ классовъ переходить въ реальный; переходъ же изъ реальнаго въ классическій не могъ быть допускаемъ. Отъ дѣтей купеческаго и мѣщанскаго сословія и другихъ податныхъ состояній, желавшихъ поступить на классическій курсъ, требовались увольнительныя отъ обществъ свидѣтельства, а ученики реальнаго курса не обязаны были представлять ихъ. Аттестаты раздѣлялись на три разряда, соотвѣтственно степени пріобрѣтенныхъ учениками познаній. Дѣти дворянъ родовыхъ и личныхъ и вообще всѣхъ сословій, имѣвшихъ право на поступленіе въ государственную службу, окончивъ ученіе въ третьей гимназіи по реальному или классическому курсу и получивъ свидѣтельство объ этомъ, пользовались при опредѣленіи своемъ на службу правами учениковъ всѣхъ другихъ гимназій, т. е. по порядку производства въ чины причисляемы были ко второму разряду; дѣти купцовъ

1 и 2-й гильдій, окончившія курсъ реальныхъ наукъ и получившія аттестатъ 1-го разряда, пользовались преимуществами коммерческихъ училищъ и Московской практической академіи, а дѣти купцовъ 3-й гильдіи и мѣщанъ, получившія такіе же аттестаты, освобождены были отъ тѣлеснаго наказанія и сверхъ того послѣднія изъ нихъ отъ рекрутства со взносомъ за сію повинность 500 руб. асс. при наступленіи очереди. Что касается распредѣленія уроковъ третьей гимназіи, то по классическому курсу оно согласовалось съ положеннымъ по уставу 1828 г. числомъ уроковъ только по языкамъ греческому и латинскому и по статистикѣ. Менѣе уроковъ противъ общаго устава было назначено по Закону Божію, физикѣ, русскому языку, исторіи, чистописанію, рисованію, черченію и французскому языку, болѣе же по математикѣ и нѣмецкому языку. Особенностью преподаванія въ этой гимназіи было то, что преподаваніе новыхъ языковъ въ теченіе почти цѣлаго года ограничивалось простымъ заучиваніемъ фразъ и упражненіемъ въ разговорѣ, а грамматическія формы и притомъ въ самомъ краткомъ объемѣ были сообщаемы уже въ концѣ года. Учебный планъ реальнаго курса былъ слѣдующій: Законъ Божій ($13^1/_2$ час.), математика ($43^1/_2$), бухгалтерія (3), коммерческое законовѣдѣніе (3), естествовѣдѣніе (6), физика ($4^1/_2$), химія (6), технологія и товаровѣдѣніе ($4^1/_2$), русскій языкъ и словесность ($25^1/_2$), исторія (12), географія и статистика (15), французскій яз. ($25^1/_2$), нѣмецкій яз. ($25^1/_2$), чистописаніе (15), черченіе и рисованіе (27). Такимъ образомъ въ реальномъ курсѣ сокращено количество часовъ по всѣмъ общеобразовательнымъ предметамъ въ пользу предметовъ спеціальныхъ.

Въ томъ же 1839 г. учреждено было и положеніе о реальныхъ классахъ при гимназіяхъ въ Тулѣ, Вильнѣ и Курскѣ и при уѣздныхъ училищахъ въ Ригѣ и Керчи. Классы эти содержались на сумму, назначенную въ пособіе техническимъ предпріятіямъ и состоявшую въ распоряженіи министерства финансовъ. Въ 1842 г. учреждено реальное отдѣленіе при Бѣлостокской гимназіи. Затѣмъ при Нижегородской гимназіи открыты были реальные классы коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи (1849 г.); въ Новочеркасской войсковой гимназіи—сельскаго хозяйства и практическаго счетоводства, преподаваніе которыхъ возложено было на учителя математики; при Иркутской гимназіи дополнительный курсъ бухгалтеріи; въ Таганрогской гимназіи введено было преподаваніе коммерціи, бухгалтеріи и итальянскаго яз., причемъ необходимая для сего сумма была отнесена на счетъ казны, такъ какъ городъ не могъ принять ее на себя; кромѣ того, открыты были землемѣрные курсы въ Кіевѣ, Витебскѣ и Могилевѣ.

Въ Варшавскомъ округѣ, училища котораго при переходѣ въ министерство народнаго просвѣщенія получили новый уставъ (1840 г.), тоже была открыта реальная гимназія, служившая опять-таки новымъ видоизмѣненіемъ реальныхъ курсовъ. Она отличалась отъ реальнаго отдѣленія третьей московской гимназіи только тѣмъ, что имѣла седьмой дополнительный классъ. Въ число учебныхъ предметовъ ея входили: механика, химія, составленіе смѣтъ и счетовъ, сочиненіе писемъ, хозяйственная бухгалтерія. Четырехклассныя или такъ называемыя обводовыя училища Варшавскаго округа раздѣлялись на приготовительныя, т. е. такія, курсъ коихъ соотвѣтствовалъ первымъ четыремъ классамъ гимназіи, и на реальныя, имѣвшія направленіе техническое, коммерческое или агрономическое, въ которыхъ предметы по мѣрѣ необходимости и мѣстныхъ обстоятельствъ преподавались по программамъ, представляемымъ на утвержденіе министра.

Относительно всѣхъ этихъ реальныхъ курсовъ должно замѣтить, что успѣха они не имѣли, и потому въ скоромъ времени всѣ были закрыты. Это былъ только еще одинъ неудачный опытъ отвлечь общество отъ стремленія къ общему образованію. Въ такомъ неопредѣленномъ видѣ гимназіи дотянули до эпохи реформъ. Эта эпоха въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ извѣстно, ознаменовалась ожесточенной борьбой между классиками и реалистами. Молодое русское поколѣніе, увлекавшееся въ то время естествознаніемъ, настаивало на реальномъ образованіи; наоборотъ, старое поколѣніе, воспитанное на идеалистической философіи, находило, что общее образованіе можетъ быть исключительно только на классической основѣ. Уставъ 1864 г. старается удовлетворить обѣ партіи, давая мѣсто гимназіямъ классическимъ и реальнымъ по различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, хотя и надѣляетъ классическія гимназіи большими правами, чѣмъ гимназіи реальныя. Впрочемъ мы совершенно напрасно стали бы въ реальной гимназіи искать сходства съ реальными курсами, реальными отдѣленіями и реальными классами Николаевской эпохи. Въ новой реальной гимназіи не было намека на какія-либо практическія потребности и профессіональныя задачи,—это было въ полномъ смыслѣ общеобразовательное заведеніе на естественно-научной почвѣ. Эти реальныя гимназіи, въ противоположность реальнымъ отдѣленіямъ и реальнымъ классамъ, пользовались полнымъ сочувствіемъ русскаго общества. Къ сожалѣнію, существованіе этихъ гимназій было весьма кратковременно. Крушеніе великихъ реформъ началось со школы. Въ 1871 г. уже былъ изданъ новый уставъ гимназій, которымъ было положено начало существующему съ разными поправками до сихъ поръ типу классической гимназіи. Вводя новый ненавистный обществу типъ

средней школы, инициаторъ ея гр. Толстой не оставилъ, повидимому, въ пренебреженіи и реальнаго образованія, которымъ такъ дорожило русское общество. Но отъ реальной гимназіи по уставу 1864 г. осталось одно только названіе, форма, какъ, впрочемъ, и отъ всѣхъ другихъ реформъ. Реальныя училища по уставу 15 мая 1872 г. не имѣютъ ничего общаго съ реальными гимназіями: они являются лишь реставраціею реальныхъ отдѣленій при гимназіи по уставу 1848 года въ самостоятельномъ видѣ. Даже и цѣли ихъ одинаковы—установить соотвѣтствіе между гражданскимъ положеніемъ лица и умственнымъ его состояніемъ. Приноравливая курсъ первыхъ трехъ классовъ реальныхъ училищъ къ программамъ уѣздныхъ училищъ, уставъ предназначаетъ реальныя училища главнымъ образомъ для дѣтей торгово-промышленнаго сословія. Поэтому въ реальныхъ училищахъ дается „общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній“ для успѣховъ нашей торговли и промышленности. Съ этою цѣлью по уставу пятый и шестой классы реальныхъ училищъ могли состоять изъ двухъ отдѣленій—основного и коммерческаго. При старшемъ основномъ отдѣленіи допускалось открывать, смотря по потребностямъ, дополнительный классъ съ тремя разрядами—общимъ, для подготовки къ высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ, механико-техническимъ и химико техническимъ для средняго техническаго образованія. До настоящаго времени реальныя училища влачатъ свое жалкое существованіе чего-то недодѣланнаго, отнюдь не выполнивъ той задачи, которую возлагалъ на нихъ ея инициаторъ, несмотря на всѣ усилія министерской бюрократіи и на нѣкоторыя измѣненія въ программахъ. Прежде всего министерству пришлось разочароваться въ назначеніи реальныхъ училищъ для промышленныхъ цѣлей. Всѣ пристройки къ реальнымъ училищамъ, сдѣланныя въ цѣляхъ приданія имъ практическаго характера, не пользовались сочувствіемъ общества. Поэтому въ 1888 году механико-техническія и химико-техническія отдѣленія при реальныхъ училищахъ были закрыты, какъ не принесшія ожидаемой пользы по совершенному отсутствію желающихъ обучаться на этихъ отдѣленіяхъ; изъ основного отдѣленія исключены были химія и механика, и нѣсколько увеличены были курсы по общеобразовательнымъ предметамъ; дополнительный седьмой классъ былъ оставленъ. Послѣ такихъ поправокъ основное отдѣленіе утрачивало свой практическій характеръ и приближалось къ типу общеобразовательныхъ реальныхъ школъ. Практическое направленіе ихъ можно усматривать только развѣ въ усиленныхъ занятіяхъ рисованіемъ и черченіемъ. Что же касается коммерческаго отдѣленія (съ V кл.), то спеціально коммерческаго тамъ было только

такъ называемое книговодство и письмоводство (8 ур.) и усиленное преподаваніе новыхъ языковъ взамѣнъ рисованія, черченія и нѣсколькихъ уроковъ математики. Такимъ образомъ, реальныя училища не сдѣлались ни полноправными средними реальными школами, ни школами специально-профессіональными. Понятно поэтому, что второй съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію (въ 1895 – 96 г.г.) призналъ реальныя училища не вполнѣ удовлетворительными; по его мнѣнію, коммерческія отдѣленія должны быть закрыты, программы по всѣмъ предметамъ должны быть передѣланы; аттестаты должно выдавать только послѣ седьмого дополнительнаго класса и открыть окончившимъ курсъ болѣе свободный доступъ въ высшія учебныя заведенія. Иными словами, онъ проектировалъ вмѣсто реальныхъ училищъ (по уст. 1872 г.) общеобразовательную реальную гимназію, чуждую всякихъ профессіональныхъ цѣлей. Что касается русскаго общества, то оно также цѣнило реальныя училища постольку, поскольку они давали общее образованіе и подготовляли къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Извѣстно, сколько надо было употреблять училищному начальству дипломатіи, угрозъ и обѣщаній, чтобы набрать пять-десять учениковъ на коммерческое отдѣленіе. Во мнѣніи министра финансовъ отъ 13 декабря 1903 года за № 17.731, представленномъ Государственному Совѣту по вопросу объ управленіи коммерческими школами, находимъ, между прочимъ, слѣдующія данныя, относящіяся къ исторіи коммерческихъ отдѣленій при реальныхъ училищахъ. Число учащихся на коммерческихъ отдѣленіяхъ всегда было весьма ограничено: въ 1885 г., напр., въ 36 такихъ отдѣленіяхъ количество учениковъ едва доходило до 245, т. е. приходилось менѣе чѣмъ семь учениковъ на два класса такихъ отдѣленій. Содержаніе каждаго такого отдѣленія стоило казнѣ 2.200 р., другими словами, на обученіе одного ученика государство тратило 323 руб.; присоединивши къ этой цыфрѣ плату за право ученія, взимаемую въ размѣрѣ 40—60 руб. съ ученика, мы получимъ, что обученіе одного ученика коммерческаго отдѣленія при реальномъ училищѣ стоило ежегодно отъ 363 до 383 руб. Съ теченіемъ времени положеніе этихъ отдѣленій, несмотря на всѣ усилія лицъ начальствующихъ, еще болѣе ухудшалось. Въ 1897 г., напр., всѣхъ реальныхъ училищъ было 112, а по коммерческому отдѣленію кончило лишь 195 учениковъ. Теперь большинство этихъ коммерческихъ отдѣленій при реальныхъ училищахъ уже прекратило совсѣмъ свое существованіе. Такимъ образомъ, современныя реальныя училища, лишенныя всѣхъ своихъ первоначальныхъ пристроекъ, являются какъ бы средними подготовительными школами для высшихъ учебныхъ заведеній вопреки своему основному предназначенію отвлекать

молодежь отъ высшаго образованія въ пользу средняго профессіональнаго. Это обстоятельство не было выпущено изъ вниманія министерствомъ. Поэтому въ 1897 г., съ цѣлью уменьшить наплывъ реалистовъ въ высшія учебныя заведенія, оно предписало допускать въ седьмой дополнительный классъ, дающій права, только учениковъ имѣющихъ не менѣе $3^1/_2$ въ среднемъ выводѣ, и направлять оканчивающихъ курсъ преимущественно на государственную службу. Въ послѣднее время съ этою же цѣлью, какъ извѣстно, проектированы министерствомъ новаго типа шестиклассныя училища съ законченнымъ курсомъ.

Подводя итоги столѣтней почти непрерывной дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ области коммерческаго образованія, мы должны признать, что результаты этой дѣятельности были весьма незначительны и до настоящаго времени остаются безо всякаго вліянія на подъемъ нашей отечественной торговли и промышленности. Прежде всего въ этой дѣятельности приходится отмѣчать тотъ любопытный фактъ, что коммерческое образованіе подъ флагомъ министерства народнаго просвѣщенія не подвинулось впередъ и не принесло никакихъ плодовъ, несмотря на сознаніе всего общества и главнымъ образомъ торгово-промышленнаго міра необходимости этого образованія для экономическаго процвѣтанія страны. Это общество, громко выражая необходимость коммерческаго образованія и давая, съ своей стороны, средства на открытіе коммерческихъ школъ (напр., одесское купечество въ 1862 г.), однако не хотѣло отдавать своихъ дѣтей въ коммерческія отдѣленія среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Причина этого явленія, конечно, заключается и въ томъ, что коммерческіе интересы и вообще сфера экономической жизни общества по самому существу своему чужда министерству народнаго просвѣщенія. Естественно, что и коммерческое образованіе никогда не могло стоять на должной высотѣ въ министерскихъ школахъ: отсутствіе подготовленныхъ преподавателей, учебниковъ, пособій, а главнымъ образомъ интереса къ чуждому дѣлу дискредитировали эти коммерческіе курсы, классы и отдѣленія въ глазахъ общества. Но этого мало. Главнѣйшею причиною неуспѣшной дѣятельности министерства была попытка его сдѣлать коммерческое образованіе орудіемъ своей домашней политики. Стремясь сдѣлать общее образованіе удѣломъ только привилегированныхъ классовъ, министерство народнаго просвѣщенія предназначало коммерческое и вообще спеціальное образованіе для среднихъ классовъ, для торгово-промышленнаго сословія. Въ теченіе долгаго времени министерство народнаго просвѣщенія, какъ мы видѣли, энергично боролось съ стремленіемъ къ просвѣще-

нію со стороны купцовъ и мѣщанъ, ставя разныя препятствія поступленію купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей въ общеобразовательныя среднія школы и насильно загоняя ихъ въ коммерческія отдѣленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство зорко слѣдило, чтобы въ этихъ отдѣленіяхъ и вообще въ спеціальныхъ школахъ или, какъ называли ихъ при Николаѣ I, въ реальныхъ училищахъ не давали мѣста общему образованію Замѣчателенъ слѣдующій законъ относительно постановки общаго образованія въ такихъ реальныхъ училищахъ. Имѣя первоначально цѣлью своею только распространеніе техническихъ знаній устроители этихъ училищъ въ силу необходимости расширяли програму своихъ заведеній, доводя ихъ до степени общеобразовательныхъ. Вскорѣ это расширеніе остановлено было указомъ 9 мая 1837 г., которымъ предписывалось, чтобы въ такъ называемыхъ реальныхъ училищахъ „кругъ словесныхъ наукъ приведенъ былъ въ мѣру училищъ уѣздныхъ и приходскихъ, съ исключеніемъ всего, что принадлежитъ кругу училищъ высшихъ и среднихъ и не относится прямо и непосредственно къ наукамъ техническимъ". Такъ детально проводило министерство свою политику — „отвести дѣтей низшихъ сословій отъ прохожденія гимназическаго курса". Это было безпримѣрнымъ насиліемъ надъ обществомъ, и жизнь разрушала это насиліе: всѣ коммерческіе курсы, классы и отдѣленія оказались мертворожденными. Вся эта политика министерства народнаго просвѣщенія, хотя и остановила ростъ просвѣщенія въ Россіи, но не заставила общество идти по пути узко-профессіональной школы. Вообще, отличительною особенностью этого, какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ проектовъ министерства, является полное игнорированіе общественныхъ требованій и запросовъ. Поэтому-то вся исторія русской школы до самаго послѣдняго времени представляетъ собою исторію пассивной, а иногда и активной борьбы общества съ государственною школою.

Отношеніе министерства народнаго просвѣщенія къ коммерческому и вообще реальному образованію сказалось и на современной постановкѣ дѣла коммерческаго образованія въ Россіи.

Новая эра коммерческаго образованія у насъ началась съ того времени, какъ въ Россіи, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ, коммерческія школы перешли въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Въ 1896 г. издано было министерствомъ финансовъ упомянутое выше Положеніе о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, которое, какъ мы указывали, занимаетъ исключительное мѣсто въ исторіи русской школы. потому что въ немъ впервые русское общество получило возможность участвовать въ организаціи школьнаго дѣла. Результаты этого Положенія превзошли всякія ожиданія. Со

времени изданія Положенія не прошло еще и десяти лѣтъ, а въ Россіи уже насчитывается около двухсотъ коммерческихъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ 65 среднихъ коммерческихъ училищъ. Многія изъ этихъ училищъ обладаютъ прекрасными зданіями, кабинетами и разнаго рода пособіями. Видно, что основатели этихъ училищъ считали ихъ своимъ дѣломъ и не жалѣли средствъ на ихъ оборудованіе. Все это создано самимъ обществомъ, почти безо всякихъ денежныхъ затратъ со стороны правительства. Надо при этомъ замѣтить, что дѣло развитія систематическаго коммерческаго образованія находится еще только въ началѣ. Многія училища недавно открылись и не имѣютъ полнаго числа классовъ, объ открытіи другихъ училищъ возбуждаются ходатайства. Коммерческая школа захватываетъ собою не только торгово-промышленные классы, но и другія сословія русскаго общества. Конечно, этотъ небывалый успѣхъ у насъ коммерческой школы въ значительной мѣрѣ обусловливается недостаткомъ учебныхъ заведеній, всеобщимъ недовольствомъ школами министерства народнаго просвѣщенія, постановкою учебно-воспитательнаго дѣла въ коммерческихъ училищахъ, отношеніемъ ихъ къ обществу и пр., и пр.; но нельзя отрицать и того, что этотъ успѣхъ обусловленъ главнымъ образомъ потребностью современныхъ торгово-промышленныхъ классовъ въ коммерческомъ образованіи. Распространяя среди этихъ классовъ общее реальное и спеціально-коммерческое образованіе, коммерческая школа является залогомъ нашего будущаго экономическаго преуспѣянія.

Если мы сравнимъ наши коммерческія школы съ соотвѣтствующими заграничными, то увидимъ большую разницу являющуюся результатомъ указаннаго отношенія министерства народнаго просвѣщенія къ реальному и коммерческому образованію. Соотвѣтствующія нашимъ среднимъ коммерческимъ училищамъ французскія Écoles supérieures de commerce или германскія Höhere Handelshochschulen являются строго спеціальными коммерческими учебными заведеніями съ двухъ или трехлѣтнимъ курсомъ; въ нихъ поступаютъ лица уже пріобрѣтшія общее реальное образованіе въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Россіи же, гдѣ реальное образованіе находится въ загонѣ, гдѣ купцы и мѣщане искусственно устранялись въ продолженіе многихъ лѣтъ отъ общаго образованія, понятно, подготовленныхъ учениковъ для спеціальныхъ коммерческихъ школъ не могло быть. Поэтому наши коммерческія училища являются школами смѣшаннаго типа съ семи или восьмилѣтнимъ курсомъ, такъ какъ они даютъ общее реальное и спеціально коммерческое образованіе. Попытка Положенія 1896 г. по западно-европейскому образцу дать въ Россіи мѣсто трехклассным спеціальнымъ коммерческимъ учи-

лицамъ не имѣла никакого успѣха. То же самое произошло и съ низшею коммерческою школою. Положеніе 1896 г. устанавливаетъ типы трехклассной и одноклассной торговой школы, но на практикѣ развился только первый типъ торговой школы, потому что для второго не оказалось подготовленнаго контингента учениковъ. Это затрудненіе въ значительной степени испытываютъ даже и трехклассныя торговыя школы. Сюда по Положенію должны были поступать дѣти, окончившія двухклассную сельскую школу министерства народнаго просвѣщенія. Но этихъ школъ въ Россіи такъ недостаточно, окончившихъ въ нихъ курсъ такъ мало, что желающихъ поступить въ торговыя школы дѣтей, окончившихъ двухклассную сельскую школу, совсѣмъ не оказалось. Пришлось нашимъ торговымъ школамъ самимъ заботиться о томъ, чтобы имѣть учениковъ, получившихъ достаточное для прохожденія курса общее образованіе. Здѣсь лежитъ причина, почему при торговыхъ школахъ всегда устраиваются одногодичные, двухгодичные, а иногда и четырехгодичные приготовительные классы, и почему наши торговыя школы на практикѣ явились не только спеціальными, но и общеобразовательными низшими учебными заведеніями съ четырехъ и даже шестилѣтнимъ курсомъ. Такимъ образомъ, въ силу неизбѣжныхъ условій, являющихся результатомъ отношенія министерства народнаго просвѣщенія къ общему реальному образованію наши современныя коммерческія школы должны были въ значительной степени сдѣлаться общеобразовательными учебными заведеніями, такъ что въ нѣкоторомъ родѣ функціи министерства народнаго просвѣщенія перешли въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Хотя это только временное явленіе, и наши коммерческія школы устроятся по западно-европейскому оригиналу, когда въ странѣ будетъ поставлено общее реальное и народное образованіе на должную высоту, тѣмъ не менѣе это обстоятельство даетъ поводъ нашимъ внутреннимъ политиканамъ постоянно говорить о ненормальномъ положеніи дѣла народнаго образованія, о необходимости соединить всѣ учебныя заведенія въ вѣдѣніи одного министерства народнаго просвѣщенія, чтобы оно вездѣ могло проводить однообразную политику.

Мы уже видѣли, въ чемъ состоитъ эта политика министерства народнаго просвѣщенія, и какъ вредно она отозвалась уже на коммерческомъ образованіи. Особенно эта политика можетъ быть гибельна теперь для нашего отечества, разореннаго войною и кризисами. Вся наша надежда въ будущемъ на подъемъ экономической производительности страны можетъ быть осуществлена только подъ условіемъ самаго широкаго распространенія общаго и спеціальнаго образованія. Въ такое время ставить вопросъ о народномъ образо-

ваніи въ зависимость отъ старыхъ счетовъ между собою нашихъ вѣдомствъ и канцелярій значитъ сознательно стремиться къ собственной гибели. Вопросъ о школьномъ и внѣшкольномъ образованіи теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, долженъ быть насущнымъ вопросомъ каждаго государственнаго учрежденія, каждаго общества, даже болѣе—каждаго гражданина. Народное образованіе ради самого образованія, а не ради политическихъ соображеній—вотъ что должно быть цѣлью дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. И всѣ другія министерства и учрежденія ради собственныхъ своихъ интересовъ должны быть помощниками ему въ этомъ дѣлѣ, потому что пора уже усвоить азбучную истину, что ни военное искусство, ни земледѣліе, ни промышленность, ни торговля никогда не будутъ процвѣтать въ странѣ безъ народнаго образованія.

А. Сахаровъ.

Вопросъ о просвѣщеніи татаръ *).

Имя татаръ носятъ нѣсколько народовъ монгольскаго происхожденія, говорящихъ на тюркскихъ языкахъ и исповѣдывающихъ исламъ. Всѣхъ татаръ около 3-хъ мил. По мѣсту своего жительства они раздѣляются на три большія группы: а) *азіатскую*, въ которой до 100 тысячъ душъ, б) *кавказскую*, заключающую въ себѣ до 1.200,000 тыс. и в) *европейскую*, въ которой до полутора милліона. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ татары казанскіе, живущіе въ окрестностяхъ Казани, на пространствѣ отъ верхней Оки до Урала, астраханскіе и крымскіе. Такимъ образомъ, въ преобладающемъ большинствѣ татары живутъ въ Европейской Россіи, на ея востокѣ и юго-востокѣ, въ области Волги и Урала, и на югѣ въ Крыму. Несмотря на очень давнюю, продолжающуюся уже нѣсколько вѣковъ, совмѣстную жизнь съ русскими, татары составляютъ въ Россіи отдѣльный національный міръ, нашедшій подъ ея скипетромъ спокойное и совершенно обособленное существованіе въ религіозномъ, образова-

---

*) Печатая эту статью въ виду большой освѣдомленности автора въ разсматриваемомъ вопросѣ, редакція считаетъ нужнымъ оговориться, что не раздѣляетъ нѣкоторыхъ его взглядовъ. По мнѣнію редакціи, въ начальныхъ татарскихъ школахъ, особенно въ первые годы, преподаваніе должно вестись на родномъ языкѣ татаръ, хотя изученію русскаго языка, какъ языка государственнаго, должно быть отведено очень видное мѣсто. Что касается преобразованія татарскихъ школъ въ школы, близкія по типу къ нашимъ начальнымъ школамъ, то это, по мнѣнію редакціи, нежелательно въ силу того, что наши начальныя школы сами нуждаются въ коренныхъ реформахъ. Признавая въ высшей степени желательнымъ сближеніе татарскаго населенія съ русскимъ, редакція полагаетъ, что оно возможно не при помощи мѣръ внѣшняго характера, а при условіи, если среди образованной части татарскаго населенія самостоятельно возникнетъ движеніе въ пользу такого сближенія, на почвѣ реформы татарскихъ школъ. *Ред*

тельномъ и бытовомъ отношеніяхъ. У татаръ *своя* оригинальная *религія*, вполнѣ удовлетворяющая невысокимъ идеаламъ плотскаго человѣка и привлекающая къ себѣ поклонниковъ перспективою вѣчныхъ чувственныхъ наслажденій за гробомъ. У татаръ *свое духовенство* съ представителями разныхъ степеней значенія и достоинства, смотря по широтѣ правъ на учительство народное, — духовенство, обязанное распространять и утверждать исламъ какими бы то ни было путями и способами. У татаръ свои особыя зданія для религіознаго культа, *свои мечети*, въ которыхъ каждый день по пяти разъ совершается *намазъ*, или общая молитва. У нихъ *свои* религіозныя *святыни*, изъ которыхъ важнѣйшія, что въ Меккѣ и Désmedinѣ, каждый мусульманинъ долженъ посѣтить хоть одинъ разъ въ жизни. У татаръ *свои*, очень древнія, конфессіональныя, *школы*, низшія и высшія (мектэбе и медресе), гдѣ всѣ юные мусульмане мужескаго и женскаго пола должны усвоить, вмѣстѣ съ арабской письменностью, и сущность мусульманства, какъ самой совершенной и универсальной религіи. У татаръ *своя*, унаслѣдованная отъ арабовъ, хотя и совсѣмъ устарѣвшая и примитивная *образованность, своя письменность и литература*, наконецъ, *своя исторія*, которая помнитъ всѣ главныя событія въ жизни мусульманскаго міра и объединяетъ послѣдователей ислама въ одну громадную, многомилліонную семью. Наиболѣе твердымъ устоемъ, объединяющимъ эту семью, служитъ мусульманская религія. У магометанъ она лежитъ въ основѣ семьи, общества и государства. Подчиняя себѣ всѣ явленія жизни, опредѣляя всѣ разнообразныя отношенія своихъ послѣдователей, исламъ дѣлаетъ мусульманскій міръ неподвижнымъ, какъ бы застрахованнымъ отъ всѣхъ постороннихъ воздѣйствій. отъ вліяній времени, мѣста и народности. Учиться грамотѣ и пріобрѣтать познанія у магометанъ значитъ учиться только Закону Божію, а этотъ законъ, между прочимъ, внушаетъ своимъ послѣдователямъ, чтобы они считали все не мусульманское „міромъ вражды“ (даръ - уль - харбъ) и вели съ нимъ постоянную борьбу, а все, что относится къ мусульманству, поддерживали и распространяли какими бы то ни было средствами, даже огнемъ и мечомъ. По убѣжденію исповѣдниковъ ислама, со временемъ онъ непремѣнно долженъ сдѣлаться міровою религіей, стать духовнымъ достояніемъ всего человѣчества, которое найдетъ въ немъ отвѣты на всѣ запросы ума и сердца, откроетъ ключи отъ всѣхъ тайнъ міра и жизни. Въ дѣйствительности исламъ представляетъ пеструю смѣсь религіозныхъ воззрѣній язычества, іудейства и христіанства. Возвышаясь, съ одной стороны, до установленія вѣры въ Бога единаго, всемогущаго и милосерднаго, въ безконечную загробную жизнь человѣка

и въ ожидающее его возданіе за добрыя и злыя дѣла, предписывая частыя молитвы и омовенія, посты и жертвы милосердія и запрещая употребленіе вина, исламъ, съ другой стороны, признавъ Магомета величайшимъ глашатаемъ небесной истины, допускаетъ ученіе о *фатализмѣ*, или слѣпую вѣру въ божественную судьбу, которая не оставляетъ мѣста личной свободѣ человѣка и слагаетъ съ него нравственную отвѣтственность за дѣла и мысли. Потворствуя низменнымъ наклонностямъ человѣческой природы, особенно сильнымъ у людей тропическаго климата, исламъ нисходитъ до разрѣшенія своимъ послѣдователямъ *многоженства* и возбуждаетъ ихъ пламенное воображеніе обѣщаніемъ въ будущей жизни прекраснаго чувственнаго рая, населеннаго обольстительными и вѣчно-юными гуріями, которыя будутъ услаждать „правовѣрныхъ" послѣ ихъ смерти. Если мы вдумаемся въ особенности этой, столь снисходительной къ человѣку религіи, если примемъ въ соображеніе, что духовные вожди татаръ, или муллы пользуются громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ на своихъ пасомыхъ, и если будемъ помнить, что образованность магометанъ, издавна живущихъ у насъ особнякомъ отъ всего остальнаго, „неправовѣрнаго" міра, имѣетъ узкій конфессіональный характеръ, то поймемъ, почему татары отличаются такою беззавѣтною преданностью вѣрѣ своихъ отцовъ, почему держатся за нее всѣми силами своей фанатической души и не поддаются никакимъ постороннимъ воздѣйствіямъ, ни миссіонерскимъ, ни научно-посвѣтительнымъ. Однако, какъ бы ни были татары консервативны и упорны, какъ бы тщательно ни оберегали они себя отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній и какъ бы ни было трудно распространять въ ихъ средѣ европейское просвѣщеніе и культуру, не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣстѣ съ другими инородцами русскаго востока они рано или поздно должны сблизиться, а потомъ и слиться съ господствующимъ и преобладающимъ государственнымъ населеніемъ. Чѣмъ скорѣе наступитъ это сближеніе и сліяніе, тѣмъ лучше какъ для татаръ, такъ и для русскихъ. Самою исторіею на русскихъ возложенъ долгъ ввести инородцевъ востока въ общую культурную жизнь европейскаго человѣчества. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли по отношенію къ татарамъ, необходимо снять съ нихъ умственныя оковы магометанства и вывести ихъ умъ, скутанный мракомъ суевѣрныхъ, почти миѳическихъ представленій, принимаемыхъ ими однако за абсолютную истину, на болѣе свѣтлый путь положительнаго, научнаго изслѣдованія и знанія. Если до сихъ поръ въ этомъ направленіи нами почти ничего не достигнуто, то имѣются очень серьезныя причины этого обстоятельства. Главная изъ нихъ — та, что всѣ мѣры, какія доселѣ принимаемы были нами

въ цѣляхъ просвѣтительнаго воздѣйствія на татаръ, очень незначительны и недостаточно интенсивы по своему качественному и количественному содержанію. Со времени подчиненія казанскихъ татаръ Россіи и до конца минувшаго вѣка, т. е. въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій, всѣ мѣры просвѣщенія татаръ имѣли исключительно *миссіонерскій* характеръ: всѣ были глубоко убѣждены, всѣмъ казалось аксіомой, что необходимо прежде всего обратить татаръ въ христіанскую вѣру, а потомъ они легко и скоро не только сблизятся, но и сольются съ русскими, постепенно утративъ всѣ свои отличительныя національныя черты. Опытъ трехъ вѣковъ однако не оправдалъ этого ожиданія: татары до сихъ поръ почти вовсе не обнаруживаютъ нравственнаго тяготѣнія ни къ европейскому просвѣщенію вообще, ни къ христіанской религіи въ особенности. Привыкнувъ въ теченіе цѣлаго ряда историческихъ періодовъ встрѣчать со стороны русскихъ опыты лишь миссіонерскаго по отношенію къ себѣ воздѣйствія, татары прониклись твердымъ убѣжденіемъ, что и всѣ другіе способы культурнаго и просвѣтительнаго вліянія на нихъ со стороны русскихъ представляютъ не что иное, какъ искусственные, обходные маневры, основная и конечная цѣль которыхъ—обращеніе татаръ въ христіанство. Между тѣмъ послѣднее представляетъ собою чрезвычайно рѣзкій контрастъ исламу, и исповѣдники его, въ силу логической необходимости, испытываютъ крайнее затрудненіе, переживаютъ глубокое психическое колебаніе, когда пытаются уразумѣть, что религія духа выше религіи плоти, что Богъ троиченъ въ лицахъ, что одному изъ лицъ божественной ипостаси необходимо было принять на себя человѣческую плоть и страданіями на крестѣ искупить людей отъ грѣха и смерти и что спасеніе и вѣчная жизнь возможны только для людей, увѣровавшихъ въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія, какъ Бога. Всякія религіозныя убѣжденія составляютъ драгоцѣннѣйшую святыню человѣческаго духа, и отказаться отъ нея, измѣнить ей — дѣло величайшей трудности. Особенно труденъ этотъ отказъ для мусульманина, склоняемаго къ принятію христіанства: эта религія своимъ идеализмомъ очень высоко поднимается надъ исламомъ, существенно отличаясь отъ него и непостижимостью своихъ догматовъ, и недосягаемостью своей морали. Для мусульманина значительно ближе и понятнѣе другая религія, не столь отвлеченная и высокая, болѣе близкая къ землѣ, религія іудейская, и переходъ въ нее, если бы потребовала его исторія, для мусульманъ былъ бы, безъ сомнѣнія, гораздо легче. Но жизнь, очевидно, направляется къ тому, чтобы въ среду мусульманскаго міра принесено было Евангеліе, которое привело бы этотъ міръ въ послушаніе себѣ. О томъ, когда наста-

нетъ для указанной цѣли удобное время, нельзя, конечно, сказать что-либо опредѣленное. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что наступленію такого времени должно предшествовать пробужденіе у мусульманъ свободной мысли и отрѣшеніе ихъ отъ тѣхъ предразсудковъ и заблужденій, которые теперь имѣютъ силу въ ихъ сознаніи лишь потому, что освѣщены религіозной печатью ислама.

Все, что было сказано до сихъ поръ объ отношеніяхъ татаръ къ русскимъ, приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Мѣры къ образованію татаръ должны имѣть не случайный и спорадическій, а постоянный, опредѣленный и систематическій характеръ.

2. Необходимо до той или иной благопріятной поры совершенно отдѣлить примѣненіе къ татарамъ воздѣйствій религіозно-миссіонерскаго характера отъ распространенія въ ихъ средѣ русскаго школьнаго образованія: пусть миссіонерская пропаганда и школьное просвѣщеніе направляются въ татарскія селенія двумя, совершенно обособленными, хотя, быть можетъ, и параллельными путями.

3. Необходимо, чтобы о наиболѣе важныхъ распоряженіяхъ учебной администраціи, относящихся къ начальнымъ, теперь исключительно вѣроисповѣднымъ, школамъ татаръ, предварительно извѣщаемы были *магометанскія духовныя собранія* (своего рода консисторіи), которыя обязательно сообщали бы объ этихъ распоряженіяхъ всѣмъ подчиненнымъ имъ, „указнымъ“ муллам, къ исполненію.

На пути принятія мѣръ по школьному образованію татаръ мы неизбѣжно и прежде всего встрѣчаемся съ ихъ духовными, или конфессіональными школами, представляющими собою могущественное орудіе, которымъ поддерживается и воспитывается религіозная нетерпимость татаръ и бытовая ихъ обособленность. Эти школы, между которыми различаются низшія, или мектэбе и высшія, или медресе, представляютъ оригинальный по своей примитивности памятникъ восточной педагогической старины. Такъ какъ о названныхъ школахъ уже было писано, то здѣсь излишне о нихъ распространяться. Для тѣхъ же, кого занимаетъ этотъ вопросъ, позволимъ себѣ указать на три слѣдующія, намъ извѣстныя, работы:

1. „*Медресе Туркестанскаго края*“, ст. *Ѳ. М. Керенскаго* въ „Журналѣ М. Народнаго Просвѣщенія“ за 1892 г., ноябрь, стр. 18—52.

2. „*О татарскихъ духовныхъ школахъ*,“ ст. *А. Анастасіева* въ журналѣ „Русская Школа“ за 1893 г., декабрь, стран. 126—137 и

3. „*Вятскіе инородцы и ихъ школы*“, ст. того же автора въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1904 г., іюнь, стран. 75—103.

Знакомство съ названными статьями должно привести читателя

къ заключенію, что магометанскія духовныя школы не могутъ служить для окружающаго населенія надежными проводниками началъ русскаго просвѣщенія и русской гражданственности, такъ какъ находятся въ полномъ завѣдываніи и распоряженіи невѣжественныхъ и фанатическихъ муллъ, которые въ преобладающемъ большинствѣ совсѣмъ не знаютъ русскаго языка, а если и знаютъ, то обыкновенно не преподаютъ его, ссылаясь на то, что татары отнюдь не желаютъ вводить русскій языкъ въ кругъ предметовъ школьнаго преподаванія и что для этого языка нѣтъ и не должно быть мѣста въ программѣ вѣроисповѣдныхъ школъ, и безъ того будто бы очень обширной...

Не входя пока въ болѣе подробное сужденіе о томъ, при какихъ условіяхъ татарскія духовныя школы могутъ принести пользу дѣлу русскаго просвѣщенія, обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ по образованію татаръ, какія установлены учебною администраціей.

А. 26 марта 1870 года Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія изданы слѣдующія правила о мѣрахъ къ образованію татаръ-магометанъ:

1. Въ мѣстностяхъ со сплошнымъ татарскимъ населеніемъ учреждать на счетъ казны сельскія и городскія училища. Учителями въ этихъ училищахъ до того времени, пока между татарами не окажется достаточнаго числа лицъ, основательно знающихъ русскій языкъ, могутъ быть и русскіе, хорошо говорящіе по-татарски, а обученіе производится примѣнительно къ такому порядку. Общимъ для всѣхъ инородцевъ въ составѣ ихъ образованія должно быть слѣдующее: а) орудіемъ первоначальнаго обученія для каждаго племени должно быть родное нарѣчіе его; б) учителя инородческихъ школъ должны быть изъ среды соотвѣтствующаго племени инородцевъ, и при томъ хорошо знающіе русскій языкъ, или же русскіе, владѣющіе соотвѣтствующимъ инородческимъ нарѣчіемъ, и в) должно быть обращено вниманіе на образованіе женщинъ, такъ какъ племенное нарѣчіе и племенныя особенности инородцевъ преимущественно сохраняются и поддерживаются матерями. Татарамъ предоставляется приглашать въ эти училища, на свой счетъ, законоучителя своей вѣры, который занимался бы своимъ предметомъ въ опредѣленные часы по обоюдному съ учителемъ русскаго языка соглашенію. Татарскія мѣстныя общества избираютъ изъ своей среды почетнаго блюстителя для каждаго училища.

2. Облегчить дѣтямъ татаръ-магометанъ поступленіе въ общія училища учрежденіемъ, гдѣ окажется надобность и возможность, приготовительныхъ классовъ при общихъ начальныхъ народныхъ училищахъ съ единственною цѣлью наученія дѣтей русскому раз

говорному языку. Съ другой стороны, дабы облегчить дѣтямъ какъ татаръ-магометанъ, такъ и вообще инородцевъ-нехристіанъ прохожденіе курса въ означенныхъ училищахъ, освободить (независимо, само собою разумѣется, отъ посѣщенія уроковъ Закона Божія) всѣхъ таковыхъ дѣтей въ сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищахъ отъ чтенія по церковно-славянскимъ книгамъ. Расходы по устройству въ этихъ училищахъ преподаванія закона магометанской вѣры должны быть принимаемы на себя мѣстными магометанскими обществами или родителями обучающихся въ этихъ заведеніяхъ дѣтей.

3. Располагать мѣстныя магометанскія общества къ учрежденію на собственныя средства, классовъ русскаго языка при мектэбе и медресе, съ тѣмъ, чтобы въ эти классы, впредь до приготовленія учителей изъ татаръ-магометанъ, были назначаемы учителя изъ русскихъ, хорошо знающихъ татарское нарѣчіе, съ возложеніемъ на нихъ обязанности обучать дѣтей русскому языку, т. е. разговору, чтенію и письму и началамъ ариѳметики, т. е. счисленію и первымъ четыремъ дѣйствіямъ надъ простыми числами, путемъ практическимъ; въ медресе курсъ русскаго языка могъ бы быть расширенъ посредствомъ сообщенія главнѣйшихъ грамматическихъ правилъ, а курсъ ариѳметики чрезъ присоединеніе первыхъ четырехъ дѣйствій надъ числами именованными и дробными. Обученіе въ русскихъ классахъ какъ при мектэбе, такъ и при медресе сначала вводить на мѣстномъ татарскомъ нарѣчіи, или при помощи его, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ дальнѣйшее преподаваніе, по мѣрѣ того, какъ дѣти будутъ усвоивать себѣ устную русскую рѣчь, продолжать преимущественно и, наконецъ, исключительно на одномъ русскомъ языкѣ. Посѣщеніе особыхъ классовъ, учрежденныхъ при мектэбе, должно быть обязательно для всѣхъ учащихся въ этихъ послѣднихъ и при медресе для юношей до шестнадцатилѣтняго возраста. При этомъ, въ видахъ устраненія со стороны татаръ всякаго подозрѣнія относительно духа этого преподаванія, не препятствовать лицамъ, завѣдывающимъ мектэбе и медресе или обучающимъ въ нихъ, присутствовать, если пожелаютъ, на урокахъ въ русскихъ школахъ. Наконецъ, не дозволять открытія новыхъ мектэбе и медресе иначе, какъ съ обязательствомъ имѣть при нихъ учителей русскаго языка на счетъ магометанскихъ обществъ.

4. Въ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ будутъ учреждены особыя начальныя училища для дѣтей татаръ-магометанъ, устраивать при этихъ училищахъ смѣны для обученія дѣвочекъ; тамъ же, гдѣ вмѣсто особыхъ училищъ будутъ заведены русскіе классы при мектэбе и медресе, устраивать на счетъ казны училища и для дѣвочекъ.

5. Главный надзоръ какъ за отдѣльными училищами для татаръ-

магометанъ, такъ и за русскими классами при мектэбе и медресе возложить на инспекторовъ начальныхъ народныхъ училищъ.

Б. 30-го декабря 1890 года г. министромъ народнаго просвѣщенія утверждены особыя правила для производства испытаній и выдачи свидѣтельствъ въ знаніи русскаго языка кандидатамъ на должности а) членовъ Оренбургскаго магометанскаго духовнаго собранія, б) высшаго приходскаго духовенства (ахуновъ, хатыповъ) въ городахъ, в) муллъ, состоящихъ при казачьихъ войскахъ (за исключеніемъ Оренбургскаго) и вообще по военному вѣдомству и сельскихъ муллъ и муллъ при Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ.

Какъ ни малочисленны распоряженія, изданныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ цѣляхъ распространенія среди татаръ русскаго образованія и языка, но если бы эти распоряженія имѣли болѣе широкое осуществленіе и находили болѣе благопріятную почву для примѣненія въ надлежащей полнотѣ и точности, то дѣло просвѣщенія татаръ можно бы считать твердо и цѣлесообразно направленнымъ. Къ сожалѣнію, не то оказалось въ дѣйствительности, въ жизни.

Первое изъ указанныхъ распоряженій объ учрежденіи на счетъ казны сельскихъ и городскихъ училищъ въ мѣстностяхъ со сплошнымъ татарскимъ населеніемъ осуществлено лишь отчасти: начальныя школы для татаръ открыты въ очень-очень немногихъ мѣстахъ, въ количествѣ, несоразмѣрно маломъ по сравненію съ тѣмъ, какое вызывается потребностями школьнаго образованія татаръ и какое, по всей вѣроятности, предполагалось Правилами 1870 года. Начальныя училища не учреждались для татаръ при всѣхъ благопріятныхъ, такъ сказать, льготныхъ условіяхъ со стороны правительства,—не учреждались, несмотря на то, что упомянутыя Правила придаютъ родному языку инородцевъ значеніе „орудія первоначальнаго образованія" и въ учителя начальныхъ школъ рекомендуютъ инородцевъ соотвѣтствующаго племени, хорошо знающихъ русскій языкъ, или же русскихъ, владѣющихъ инородческимъ языкомъ. Если гдѣ-гдѣ среди татарскаго населенія и открывались начальныя школы, то лишь *въ селеніяхъ* и чрезвычайно рѣдко въ городахъ. Даже въ такомъ большомъ городѣ, какимъ является Казань, эта бывшая татарская столица и умственный центръ русскаго мусульманства,—даже въ этомъ городѣ послѣ обнародованій Правилъ 1870 года едва ли учреждены были въ теченіе почти 35 лѣтъ двѣ-три начальныя русско-татарскія школы. О другихъ меньшихъ городахъ, каковы, напр., уѣздные съ громаднымъ окрестнымъ населеніемъ магометанъ, нечего и говорить: едва ли въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ недавно открытыми и по одному русско-татарскому училищу. Въ

немногихъ сельскихъ училищахъ, открытыхъ среди сплошного татарскаго населенія, обучались въ небольшомъ числѣ только *мальчики*, а дѣвочки въ такія школы вовсе и не поступали, потому что татары, живущіе, по крайней мѣрѣ, въ области Волги и Камы, не допускаютъ совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола. Такимъ образомъ, доброе желаніе, выраженное въ Правилахъ 1870 года, относительно образованія женщинъ, которыя по преимуществу „сохраняютъ и поддерживаютъ племенное нарѣчіе и племенныя особенности инородцевъ", осталось не приведеннымъ въ исполненіе.

Не лучшая судьба постигла и вторую мѣру, рекомендованную правилами 1870 года „относительно облегченія дѣтямъ татаръ поступленія въ общія начальныя училища чрезъ учрежденіе при нихъ *приготовительныхъ классовъ*, которые единственною цѣлью должны имѣть обученіе татарскихъ дѣтей русскому разговорному языку". Въ томъ случаѣ, если бы дѣти, прошедшія упомянутый классъ, захотѣли потомъ пройти и слѣдующія, нормальныя отдѣленія начальной школы, Правила 1870 года разрѣшаютъ такимъ дѣтямъ обучаться закону магометанской вѣры, но съ тѣмъ, чтобы расходы по преподаванію этого предмета принимали на себя или магометанскія общества, или родители учащихся; кромѣ того, названныя правила освобождаютъ татарскихъ дѣтей отъ школьныхъ уроковъ церковно-славянскаго чтенія. Несмотря на указанныя льготы, приготовительные при общихъ начальныхъ училищахъ классы для обученія дѣтей татаръ русскому разговорному языку все же нигдѣ, сколько намъ извѣстно, не учреждались.

Что касается третьей, для образованія татаръ, мѣры, устанавливаемой Правилами 1870 года и рекомендующей располагать магометанскія общества къ учрежденію, на собственныя средства, *классовъ русскаго языка при мектэбе и медресе*, то извѣстно, что инспектора народныхъ училищъ, ревизуя мусульманскія школы, дѣлали неоднократно попытки склонить татаръ къ открытію не только классовъ русскаго языка при мектэбе и медресе, но и особыхъ русско-татарскихъ училищъ среди магометанскаго населенія. Извѣстно также, что на земскихъ собраніяхъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ живутъ татары, гласные не одинъ разъ высказывали желаніе объ открытіи въ татарскихъ селеніяхъ начальныхъ училищъ. Но представители татарскаго населенія какъ инспекторамъ училищъ, такъ и земскимъ гласнымъ заявляли и продолжаютъ заявлять, что у татаръ есть уже свои школы, и потому нѣтъ никакой надобности ни въ учрежденіи при мектэбе и медресе классовъ русскаго языка, ни въ открытіи особыхъ русско-татарскихъ училищъ. Затѣмъ, открытіе новыхъ мектэбе и медресе, вопреки Правиламъ 1870 года въ дѣйствительности вовсе не

обусловливается обязательствомъ имѣть при нихъ учителей русскаго языка съ содержаніемъ на счетъ магометанскихъ обществъ.

Обученіе татарскихъ дѣвочекъ какъ „въ смѣнахъ“ при начальныхъ, городскихъ и сельскихъ училищахъ, такъ и въ особыхъ, устраиваемыхъ на счетъ казны, школахъ,—обученіе, составляющее четвертую для образованія татаръ мѣру по Правиламъ 1870 года, можно сказать, еще не начиналось, какъ объ этомъ уже было замѣчено.

Надзоръ за всѣми начальными училищами и классами съ обучающимися въ нихъ дѣтьми татаръ-магометанъ, въ силу пятаго пункта разсматриваемыхъ Правилъ, представляетъ собою уже совершившійся и осуществляемый фактъ: инспектора народныхъ училищъ давно посѣщаютъ и осматриваютъ татарскія конфессіональныя школы и послѣ осмотровъ располагаютъ мѣстное населеніе открывать при нихъ классы русскаго языка и отдѣльныя русско-татарскія школы. Указанные осмотры сдѣлались у насъ болѣе постоянными послѣ мѣстнаго распоряженія учебной администраціи, въ силу котораго инспектора народныхъ училищъ обязываются, во-первыхъ, ежегодно посѣщать магометанскія школы, между прочимъ, для того, чтобы пріучить мѣстное населеніе къ мысли о подчиненности татарскихъ школъ органамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и, во-вторыхъ, представлять окружному начальству полугодовые отчеты объ этихъ осмотрахъ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что теперешній надзоръ инспекторовъ за магометанскими школами не имѣетъ существеннаго значенія, потому что не приноситъ имъ пользы и нисколько не измѣняетъ къ лучшему школьнаго положенія, установившагося вѣками. Проникнутые глубокой нетерпимостью, татарскіе муллы и ихъ пасомые относятся съ полнымъ недовѣріемъ къ русскому человѣку вообще и къ русскому чиновнику въ особенности, а потому совѣты и замѣчанія инспектора по школьному дѣлу обыкновенно пропускаютъ мимо ушей. Если же онъ позволитъ себѣ обнаружить извѣстную настойчивость въ своихъ требованіяхъ, то фанатическое населеніе оказываетъ ему открытое противодѣйствіе, выражая его не только въ грубыхъ и гнѣвныхъ словахъ, но и путемъ внѣшняго насилія (изгнанія и побоевъ), какъ показало разбиравшееся на послѣднихъ годахъ въ окружномъ судѣ дѣло одного изъ школьныхъ инспекторовъ Казанскаго учебнаго округа. Для татарскихъ школъ инспектора народныхъ училищъ, при современныхъ условіяхъ едва ли въ состояніи сдѣлать что либо особенно полезное. Правда, они могутъ видѣть обстановку этихъ школъ, собрать статистическія о нихъ свѣдѣнія и дать содержателямъ совѣты объ улучшеніи школьныхъ помѣщеній, но... и только, а много ли въ этомъ

пользы? Для того, чтобы понять учебную и воспитательную организацію татарской школы и дать учащимъ лицамъ какія-либо педагогическія указанія и разъясненія, инспектора не располагаютъ самымъ существеннымъ для этой цѣли средствомъ, т. е. знаніемъ татарскаго языка и пониманіемъ особенностей быта и міросозерцанія татаръ, какъ народа, имѣющаго свою религію и письменность, свои школы, свою исторію и культуру. Но положимъ, что инспекторъ при помощи переводчиковъ узнаетъ такъ или иначе отличительныя черты учебно-воспитательной постановки въ данной школѣ, употребивъ на это часа два-три времени, и добытыя свѣдѣнія дадутъ ему содержаніе для отчета по осмотру. Въ такомъ случаѣ инспектору почти нечего дѣлать при послѣдующихъ осмотрахъ данной школы и нечего вносить въ свой ревизіонный отчетъ, кромѣ повторенія раньше изложенныхъ подробностей. Тогда какъ посѣщеніе инспекторомъ обычной начальной школы всегда для нея очень полезно и даже необходимо, потому что инспекторъ — желанный здѣсь гость, какъ опытный руководитель педагогическаго дѣла и полноправный администраторъ, отъ котораго зависитъ улучшеніе всѣхъ сторонъ жизни и дѣятельности училища,—въ школѣ мусульманской онъ пока только безмолвный, очень мало понимающій и безправный наблюдатель.

Послѣднее изъ приведенныхъ выше распоряженій Министерства Народнаго Просвѣщенія, утверждающее особыя права для производства испытаній и выдачи свидѣтельствъ въ знаніи русскаго языка лицамъ высшаго магометанскаго духовенства до сельскихъ муллъ включительно, должно быть признано весьма полезнымъ какъ въ цѣляхъ правильнаго веденія муллами записныхъ книгъ и переписки, такъ и по оказанію помощи татарамъ въ разъясненіи затрудненій, какія испытываются ими вслѣдствіе незнанія русскаго языка и грамоты. Что касается распространенія русскаго языка черезъ магометанскія школы муллами, сдавшими установленный экзаменъ по названному предмету, то въ этомъ направленіи послѣдними ничего не сдѣлано, да едва ли на ихъ помощь въ этомъ дѣлѣ и можно разсчитывать. Причина указаннаго явленія заключается не только въ религіозной нетерпимости и въ нерасположеніи муллъ ко всему русскому, но и въ недостаточномъ знакомствѣ ихъ съ русскимъ языкомъ, экзаменъ по которому опредѣляется лишь программою начальной школы, тогда какъ слѣдовало бы установить правило, чтобы упомянутый экзаменъ производился по программѣ, по крайней мѣрѣ, двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

Мы довольно подробно разсмотрѣли мѣры, рекомендуемыя Правилами 1870 года,—разсмотрѣли съ возможнымъ безпристрастіемъ, sine ira et studio и, кажется, имѣемъ основаніе сказать, что послѣ

обнародованія этихъ Правилъ татары едва ли сколько нибудь подвинулись впередъ на пути сближенія съ русскими, и что вопросъ о просвѣщеніи ихъ, какъ и 35 почти лѣтъ тому назадъ, оказывается лишь поставленнымъ на очередь къ разрѣшенію, но практически въ дѣйствительности еще не имѣвшимъ надлежащаго осуществленія.

Сознавая, что просвѣщеніе татаръ принадлежитъ къ числу очень трудныхъ и сложныхъ задачъ нашего времени, такъ какъ на каждомъ шагу сопряжено съ необходимостью коллизій, обусловливаемыхъ нетерпимостью и крайнимъ консерватизмомъ татаръ, а въ тоже время соглашаясь и съ тѣмъ, что дѣло просвѣтительнаго воздѣйствія на татаръ со стороны русскаго правительства и общества не можетъ оставаться въ прежнемъ положеніи, мы находимъ не лишнимъ указать къ обсужденію и сообразному съ нимъ примѣненію слѣдующія мѣры, желательныя въ цѣляхъ упомянутаго воздѣйствія на татаръ:

1. Необходимо озаботиться подготовкой учителей для начальныхъ татарскихъ училищъ.

2. Пришло время приступить къ постепенному обращенію татарскихъ духовныхъ школъ въ училища обычнаго типа, — мектэбе обращать въ одноклассныя начальныя школы съ четырехлѣтнимъ курсомъ обученія, а медресе — въ двухлассныя съ шестилѣтнимъ курсомъ.

3. Настоитъ нужда въ составленіи цѣлесообразныхъ учебныхъ руководствъ и пособій для начальныхъ татарскихъ училищъ.

Разсмотримъ теперь частныя условія, при которыхъ только что указанныя мѣры могли бы быть осуществлены.

Одною изъ существенныхъ причинъ, по которымъ мѣры къ образованію татаръ, рекомендованныя Правилами 1870 года, остаются безъ исполненія, является, безъ сомнѣнія, отсутствіе учителей изъ магометанъ, которые способны были бы вести учебныя занятія на русскомъ языкѣ въ начальныхъ школахъ для татаръ. Число учителей магометанъ, подготовляемыхъ спеціальными школами, которыхъ въ Россіи, сколько намъ извѣстно, всего лишь три, такъ незначительно, такъ ничтожно, что ихъ, этихъ учителей, далеко не достаетъ для начальныхъ русско-татарскихъ училищъ. Стало быть, русскіе классы при медресе и особенно при мектэбе могли бы имѣть развѣ только *русскихъ* учителей, хорошо знающихъ татарскій языкъ, какъ это и рекомендуется Правилами. Но, во-первыхъ, такихъ учителей неоткуда взять, а во-вторыхъ, если бы они и нашлись, то можно сказать съ увѣренностью, что фанатическое мусульманское населеніе не только не приметъ содержаніе ихъ на свои средства, но и близко не допуститъ ихъ къ своимъ школамъ. Вообще до болѣе благопріятнаго и, вѣроятно, еще далекаго времени

нужно совсѣмъ отказаться отъ мысли проводить образованіе въ среду татаръ при посредствѣ учителей изъ русскихъ. Такимъ образомъ, пока въ наличности не будетъ образованныхъ муллъ, этихъ главныхъ руководителей подростающихъ татарскихъ поколѣній, пока не будетъ подговленныхъ учителей изъ татаръ для начальныхъ школъ ихъ, пока, наконецъ, въ татарскихъ деревняхъ не появятся хотя немногіе, даже съ элементарнымъ общимъ образованіемъ, люди, которые докажутъ своимъ единоплеменникамъ, что научное образованіе, измѣняя человѣка вообще и, несомнѣнно, въ лучшую сторону, можетъ и не колебать его отношеній къ религіи и другимъ національнымъ особенностямъ,—до тѣхъ поръ весьма важный вопросъ о культурномъ общечеловѣческомъ просвѣщеніи татаръ и о сближеніи ихъ съ русскими не получитъ надлежащаго практическаго разрѣшенія. Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ: откуда же взять образованныхъ муллъ и достаточно подготовленныхъ учителей изъ татаръ, способныхъ вести начальное школьное обученіе на русскомъ языкѣ?—Ни тѣхъ, ни других въ данный моментъ, разумѣется, взять негдѣ; отвѣтомъ на поставленный вопросъ можетъ быть лишь необходимость немедленнаго принятія новыхъ соотвѣтствующихъ мѣръ. Настоитъ прежде всего неотложная нужда поставить кандидатовъ на должность муллы въ такія условія, при которыхъ они, одновременно съ мусульманскимъ конфессіональнымъ образованіемъ, получали бы въ своихъ школахъ и общее образованіе. Въ то же время необходимо открыть учебныя заведенія, которыя выпускали бы подготовленныхъ учителей-магометанъ для начальныхъ татарскихъ училищъ, причемъ эти учебныя заведенія должны быть не только педагогическими, но и общеобразовательными, которыя могли бы удовлетворять соотвѣтствующимъ потребностямъ всѣхъ татаръ, стремящихся къ русскому просвѣщенію.

Такъ какъ кандидаты на должность муллы проходятъ въ школахъ-медресе мусульманское вѣроученіе въ продолженіе лѣтъ десяти и болѣе, и такъ какъ этимъ кандидатамъ потомъ все же приходится подвергаться гдѣ либо на сторонѣ, при русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, особому спеціальному экзамену по русскому языку для пріобрѣтенія полнаго права на званіе муллы, то, естественно, курсъ преподаваемыхъ въ медресе наукъ нуждается въ измѣненіи, путемъ введенія въ эти школы новыхъ учебныхъ программъ, близкихъ къ тѣмъ, что установлены для двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Если бы свѣдѣній по магометанскому вѣроученію, какія будутъ давать преобразованныя въ этомъ смыслѣ медресе, оказалось недостаточно для кандидатовъ на должность муллы, то послѣдніе могутъ докан-

чивать свою спеціальную подготовку въ теченіе лѣтъ двухъ, не болѣе, подъ руководствомъ свѣдующихъ мударрисовъ.

Что касается учебныхъ заведеній для подготовки учителей изъ татаръ и для распространенія общаго образованія среди ищущихъ его мусульманъ, то лучшими учебными заведеніями этого типа должны быть признаны, со стороны цѣлесообразности и удобствъ учрежденія, городскія русско-татарскія училища, поставленныя по программамъ обученія въ соотвѣтствіе съ городскими русскими училищами по Положенію 1872 года, но съ двухлѣтними при нихъ педагогическими курсами. Начальныя русско-татарскія училища, открываемыя въ селеніяхъ, гдѣ живутъ только татары, дѣйствуютъ не всегда успѣшно, привлекая учащихся въ незначительномъ количествѣ. Это явленіе объясняется прежде всего тѣмъ, что большинство дѣтей школьнаго возраста посѣщаютъ мѣстную конфессіональную школу (мектэбе) и потому не могутъ обучаться одновременно и въ русско-татарскомъ училищѣ. Затѣмъ, разсматриваемый фактъ зависитъ и отъ того, что родители учащихся, думая посылать послѣднихъ не въ мектэбе, а въ русско-татарскую школу, опасаются возбудить чрезъ это неудовольствіе противъ себя со стороны вліятельныхъ и фанатическихъ, крайне не расположенныхъ ко всему русскому, одноплеменниковъ своей деревни. Въ лучшихъ съ этой стороны условіяхъ находятся городскія начальныя училища для татаръ, комплектующіяся учениками изъ деревень: родители такихъ учениковъ, отправивъ ихъ для обученія на сторону, въ городъ и такимъ образомъ убравъ подальше отъ глазъ своихъ фанатическихъ односельчанъ, тѣмъ самымъ освобождаются отъ ихъ укоровъ, непріязненныхъ взглядовъ и замѣчаній. Городскія начальныя училища для татаръ имѣютъ преимущество предъ такими же сельскими и съ точки зрѣнія педагогической: школьникамъ изъ татаръ городъ представляетъ множество случаевъ и полную возможность вступать въ сношенія съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, а чрезъ это легче, скорѣе и прочнѣе усвоивать русскій языкъ и вообще пріобрѣтать привычку къ общенію съ русскими людьми. Разумѣется, чѣмъ меньше въ городѣ татаръ, тѣмъ больше у школьника должно быть практики въ разговорной русской рѣчи. Нужно ли еще распространяться о томъ, что соприкосновеніе учениковъ-татаръ съ господствующею народностью и знакомство ихъ съ *разумными* обычаями и взглядами русскаго населенія само собою должны благотворно вліять на культурное ихъ развитіе?—Если городъ, какъ мѣсто для учрежденія русско-татарскихъ училищъ, имѣетъ преимущество передъ деревнею, то городскія русско-татарскія училища типа русскихъ училищъ, по Положенію 1872 года, какъ уже сказано, должны быть признаны луч-

шими учебными заведеніями для распространенія среди татаръ законченнаго начальнаго образованія, такъ какъ, выполняя задачу начальныхъ училищъ и при томъ съ большимъ достоинствомъ, названныя училища въ то же время могутъ служить надежными поставщиками достаточно подготовленной для борьбы съ мусульманскою тьмою мирной арміи учителей начальныхъ татарскихъ училищъ. Упомянутыя учебныя заведенія могутъ быть учреждаемы въ такихъ городахъ, гдѣ удобства и цѣлесообразность существованія русско-татарскаго городского училища не оставляютъ мѣста для сомнѣній. Такимъ городомъ, напр., въ *Вятской* губерніи можетъ быть признанъ *Малмыжъ*. Большинство жителей этого города—русскіе. Татаръ въ немъ такъ мало, что они не имѣютъ даже мечети, устройство коей разрѣшается закономъ всего лишь для 200 душъ мужескаго пола. Между тѣмъ, въ окружающихъ г. Малмыжъ восьми волостяхъ татаръ считается до 60 тысячъ. При такихъ условіяхъ городское русско-татарское училище въ Малмыжѣ, можно быть увѣреннымъ, не останется безъ учащихся. Пришедшіе изъ деревень ученики названнаго училища, по окончаніи въ немъ курса, и возвращаться станутъ опять въ родныя татарскія селенія,—одни, какъ учителя своихъ одноплеменниковъ, а другіе, какъ образованные крестьяне. Заслуживаетъ особаго вниманія тотъ фактъ, что существующее въ г. Малмыжѣ русско-татарское одноклассное, съ тремя отдѣленіями, начальное училище въ минувшемъ году привлекало въ свои ветхія стѣны до 80 учащихся татарскихъ дѣтей. по преимуществу изъ окрестныхъ селеній. Не убѣдительно ли говоритъ указанный фактъ за то, что городское четырехклассное русско-татарское училище, разумно устроенное, достаточно приспособленное къ требованіямъ національности учениковъ и хорошо обставленное, вполнѣ можетъ расчитывать на устойчивость и плодотворность своего существованія?

Расходы по содержанію желательнаго къ учрежденію городского четырехкласснаго русско-татарскаго училища должны быть отнесены по преимуществу на средства казны и отчасти мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ одновременныхъ расходахъ на постройку зданія подъ училище и первоначальное его оборудованіе (на этотъ предметъ потребуется до 10 тысячъ), мы предполагаемъ, что на годовое содержаніе училища нужна будетъ сумма въ 9.700 р. по слѣдующему расчету:

1. На содержаніе дома и прислуги, на библіотеку и учебныя пособія. . . . . 1.500 р.
2. На содержаніе 40 казенно-коштныхъ воспитанниковъ по 70 р. на каждаго. . . . . 2.800 „

3. На содержаніе учителя-инспектора	750 „
4. На содержаніе второго учителя	615 „
5. На содержаніе трехъ помощниковъ учителей въ младшихъ классахъ, по 375 р. каждому	1.125 „
6. На содержаніе вѣроучителя-муллы	360 „
7. Въ дополнительное содержаніе двоимъ помощникамъ учителей за исполненіе обязанностей по надзору за учениками и по веденію хозяйства (экономіи). . .	400 „
8. На канцелярію	150 „
9. На педагогическіе двухлѣтніе курсы ежегодно по . .	2.000 „
Итого . . .	9.700 р.

По первому пункту („содержаніе дома“ и проч.) взята довольно значительная сумма въ виду того, что татарское городское училище не можетъ существовать безъ общежитія, приспособленнаго къ національнымъ особенностямъ обучающихся. Благодаря общежитію и удешевленному въ немъ содержанію, въ училище могутъ поступать дѣти и очень бѣдныхъ деревенскихъ родителей, что чрезвычайно важно въ интересахъ дѣла. — Казенныхъ ученическихъ стипендій предположено только 40 въ виду того, что могутъ быть еще стипендіи общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Кромѣ того, учениковъ младшихъ классовъ лучше снабжать не стипендіями, а пособіями, которыя служили бы для нихъ подспорьемъ при содержаніи на собственныя средства въ частныхъ наемныхъ квартирахъ.— Содержаніе учителю-инспектору, какъ лицу съ образованіемъ спеціальнымъ (изъ учительскаго института) и завѣдывающему училищемъ, опредѣлено въ 750 руб., конечно, при готовой квартирѣ. Содержаніе второму учителю, для одного изъ старшихъ отдѣленій училища, какъ имѣющему званіе учителя городского, по Положенію 1872 года, училища, опредѣлено въ 615 р. примѣнительно къ содержанію учителей русскихъ городскихъ училищъ. Помощники учителей, для первыхъ четырехъ отдѣленій училища, должны быть— двое изъ татаръ, прошедшихъ курсъ татарской учительской школы, и одинъ изъ русскихъ, окончившій курсъ обученія въ учительской семинаріи. Какъ таковымъ, годовое содержаніе опредѣлено въ 375 р. каждому. Помощники учителей, принявъ на себя обязанности по надзору за учениками и веденію хозяйству, могутъ воспользоваться дополнительнымъ за этотъ трудъ содержаніемъ изъ общей на указанный предметъ суммы въ 400 р. Содержаніе вѣроучителю-муллѣ опредѣлено въ 360 р. Весьма важно, чтобы при училищѣ была мечеть, какъ убѣдительное доказательство того, что училище имѣетъ

въ виду лишь просвѣтительную, а не миссіонерско-христіанскую задачу Педагогическіе курсы проектируются двухлѣтними въ томъ соображеніи, что основательное, теоретическое и практическое ознакомленіе учениковъ-инородцевъ съ условіями правильнаго веденія учебно-воспитательнаго дѣла въ начальной школѣ не представляется возможнымъ въ періодъ времени, меньше двухъ лѣтъ.

Совершенно такія же городскія русско-татарскія училища необходимо будетъ открывать и въ другихъ городахъ, которые находятся въ близкомъ растояніи отъ татарскихъ поселеній и представляютъ собою пункты, удобные для того, чтобы имѣть въ нихъ училища для подготовки учителей въ татарскія начальныя школы.

Перейдемъ теперь къ разъясненію условій примѣненія второй вышеуказанной мѣры.

Существующія у татаръ духовныя школы мектэбе и медресе не имѣютъ, какъ извѣстно, опредѣленной организаціи: для обученія въ нихъ не установлено одного какого либо періода времени, не существуетъ ограниченной нормы учениковъ примѣнительно къ числу учащихъ лицъ, не выработано точныхъ учебныхъ программъ и т. д. Въ виду этого преобразованіе татарскихъ конфессіональныхъ школъ примѣнительно къ типамъ существующихъ русскихъ начальныхъ училищъ должно быть ничѣмъ инымъ, какъ установленіемъ въ нихъ необходимаго порядка, введеніемъ въ мектэбе и медресе опредѣленной организаціи, ясно выраженныхъ правилъ воспитанія и обученія, чего до настоящаго времени названнымъ школамъ недоставало. Такъ, для мектэбе, какъ одноклассной начальной школы, долженъ быть установленъ четырехлѣтній курсъ обученія, а для медресе, какъ школы двухклассной, курсъ шестилѣтній. Первый годъ обученія въ мектэбе долженъ имѣть значеніе подготовительнаго, въ теченіе котораго дѣти болѣе всего должны быть упражняемы въ разговорной русской рѣчи, а въ концѣ, сверхъ того, научены читать и писать по-русски, или, говоря иначе, пройти первую часть букваря. Со второго года обученія и до конца курса слѣдуетъ проходить въ мектэбе программу русскихъ начальныхъ училищъ, за исключеніемъ конечно, программъ по Закону Божію и церковно-славянскому чтенію, при чемъ уроки разговорной рѣчи должны имѣть мѣсто во всѣ годы обученія. Въ медресе слѣдуетъ проходить программу двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Названныя школы (медресе) могутъ быть учреждаемы въ составѣ и двухъ классовъ, и одного второго, смотря по мѣстнымъ удобствамъ.

При наличности въ одноклассной школѣ одного учителя число учениковъ въ четырехъ отдѣленіяхъ, при соотвѣтствующихъ размѣрахъ и устройствѣ помѣщенія, можетъ равняться, какъ минимальное,

60, а какъ максимальное—75. При большемъ числѣ учениковъ долженъ быть назначенъ въ школу учительскій помощникъ. Въ двухъ отдѣленіяхъ второго класса медресе учениковъ должно быть отъ 30 до 45.

Что касается учебныхъ программъ, то необходимо составить ихъ такимъ образомъ, чтобы, во-первыхъ, мусульманское вѣроученіе, какъ предметъ школьнаго преподаванія, занимало въ нихъ первое мѣсто и чтобы, во вторыхъ, русскому языку принадлежало, послѣ вѣроученія, доминирующее значеніе. Преобразованіе татарскихъ духовныхъ школъ въ указанномъ направленіи можетъ быть осуществлено безъ особыхъ затрудненій при слѣдующихъ условіяхъ:

1. Воспитательное и учебное дѣло въ начальныхъ татарскихъ школахъ должно быть разъяснено въ такой регламентаціи, которая исключала бы всякое подозрѣніе какихъ либо иныхъ цѣлей преобразованія, кромѣ просвѣтительныхъ.

2. Проектъ положенія и программъ для преобразуемыхъ школъ долженъ быть выработанъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія при участіи членовъ магометанскихъ духовныхъ собраній и другихъ мусульманъ съ высшимъ университетскимъ образованіемъ.

3 Важнѣйшія распоряженія министра народнаго просвѣщенія по татарскимъ начальнымъ школамъ должны быть направляемы черезъ магометанскія духовныя собранія на имя школьныхъ вѣроучителей-муллъ.

4. Преобразуемыя школы вмѣстѣ съ теперешними арабскими названіями (мектэбе и медресе) должны сохранить всѣ тѣ особенности своего устройства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ нравственно-разумнаго и гуманнаго воспитанія и которыя не мѣшаютъ нормальному теченію учебныхъ занятій. Таковы—а) предоставленіе въ учебномъ курсѣ школы надлежащаго значенія мусульманскому вѣроученію, на которое слѣдуетъ назначить до шести недѣльныхъ уроковъ въ мектэбе и до десяти въ медресе; б) недопущеніе совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, которые должны учиться въ разныхъ школахъ, и в) раздѣленіе дневныхъ занятій въ школахъ на утреннія и послѣобѣденныя, причемъ въ пятницу и послѣ обѣда въ четвергъ учебныхъ занятій не должно быть.

5. Содержаніе личнаго состава учащихъ лицъ въ преобразованныхъ школахъ должно быть принято, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, всецѣло или на счетъ мѣстныхъ земствъ, или на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, чтобы установленіемъ новыхъ школьныхъ налоговъ не вызвать неудовольствій въ татарскомъ населеніи, въ общемъ мало состоятельномъ, даже бѣдномъ. Для мектэбе представляется желательнымъ слѣдующій штатъ: а) годовое

жалованье вѣроучителю-муллѣ—60 р., б) учителю — 360 р. и учительскому помощнику (въ школахъ, гдѣ учащихся будетъ болѣе 75) 240 р., в) на отопленіе и наемъ сторожа—до 140 р. и г) на учебники и пособія до 50 р. Что касается медресе, то къ суммѣ въ 850 р., потребной на содержаніе перваго класса, необходимо прибавить на содержаніе второго класса до 650 р. въ томъ числѣ—вѣроучителю 40 р., учителю второго класса — 400 р. и на остальныя школьныя нужды—210 р. Такимъ образомъ, на содержаніе мектэбе потребуется въ годъ отъ 610 до 650 р., а на содержаніе медресе—отъ 1.260 до 1.500 руб.

6. Что касается помѣщеній для начальныхъ татарскихъ училищъ, то зданія, занимаемыя теперь мектэбе и медресе, могутъ идти въ преобразованныхъ школахъ по большей части развѣ только подъ общежитія или ночлежныя помѣщенія для бѣднѣйшихъ учениковъ. Затѣмъ, должны быть устроены новыя зданія для классовъ и учительскихъ квартиръ на средства земствъ, казны и сельскихъ обществъ. Послѣднимъ необходимо предоставить въ этомъ дѣлѣ наибольшія льготы посредствомъ безвозвратныхъ или безпроцентныхъ денежныхъ ссудъ и безплатнаго отпуска лѣса изъ ближайшихъ казенныхъ дачъ.

7. Преобразованіе конфессіональныхъ мусульманскихъ школъ въ училища обычнаго типа необходимо начать со школъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ магометанскій фанатизмъ не обнаруживается въ рѣзкихъ формахъ. Таковы, напр., мѣстности, которыя населены мусульманами—*башкирами*, или въ которыхъ татары—близкіе сосѣди съ русскими.

8. Очень желательно, чтобы для руководства учебно воспитательнымъ дѣломъ въ татарскихъ начальныхъ школахъ назначаемы были особые инспектора преимущественно изъ лучшихъ учителей татарскихъ учительскихъ школъ и русско-татарскихъ городскихъ училищъ, о которыхъ говорено было выше, или изъ образованныхъ мусульманъ, прошедшихъ, по крайней мѣрѣ, полный курсъ гимназіи или реальнаго училища. Во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы инспекторъ понималъ татарскій языкъ и свободно владѣлъ имъ, а также достаточно знакомъ былъ съ общимъ міросозерцаніемъ и особенностями быта татаръ. На каждый районъ, въ которомъ имѣется отъ 50 до 75 мусульманскихъ школъ (мектэбе и медресе), необходимо назначить особаго инспектора. Всѣ инспектора татарскихъ школъ должны быть подчинены непосредственно мѣстнымъ директорамъ народныхъ училищъ.

9. Тамъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ окажется удобнымъ, могутъ

быть примѣняемы, въ дѣлѣ школьнаго образованія татаръ, и тѣ мѣры, которыя рекомендуются правилами 1870 года.

Вопросъ о выработкѣ для школы хорошихъ учебниковъ, очень важный самъ по себѣ, безотносительно къ какимъ либо точно опредѣленнымъ условіямъ, имѣетъ особенно важное значеніе у насъ въ Россіи, потому что едва ли еще гдѣ нибудь такъ мало хорошо подготовленныхъ къ своему дѣлу учителей. Тѣмъ большую важность получаетъ этотъ вопросъ, когда дѣло касается распространенія школьнаго образованія среди русскихъ инородцевъ. Между тѣмъ для нихъ-то и очень мало выработано у насъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя обезпечивали бы имъ возможность разумнаго и успѣшнаго знакомства съ государственнымъ языкомъ. Татары въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія: для нихъ не составлено почти ни одной вполнѣ цѣлесообразной книжки такого рода. Дѣломъ выработки учебниковъ для татаръ, какъ и для другихъ инородцевъ, у насъ озабочены не спеціальныя коллегіи, а отдѣльныя лица, по большей части начальные учителя изъ инородцевъ. Разумѣется, единство метода и изложенія требуютъ, чтобы учебникъ составленъ былъ однимъ лицомъ, обладающимъ, при достаточной научной подготовкѣ, и продолжительнымъ преподавательскимъ опытомъ; но общія требованія, а равно и отличительныя условія, которыя предъявляются къ хорошему учебнику, должны быть устанавливаемы особою коллегіей свѣдущихъ лицъ; она же, эта коллегія, должна in corpore разсматривать и исправлять заготовленные къ печати учебники. Такими коллегіями въ данномъ случаѣ у насъ могли бы быть *педагогическіе совѣты татарскихъ учительскихъ школъ*; въ составъ этихъ совѣтовъ входятъ учителя не только изъ русскихъ, но и изъ образованныхъ татаръ. Ученому комитету Министерства Народнаго Просвѣщенія должно принадлежать окончательное одобреніе учебныхъ руководствъ и пособій какъ для напечатанія, такъ и для употребленія въ школахъ. Для татарскихъ училищъ нѣтъ надобности составлять новые учебники по всѣмъ предметамъ начальнаго школьнаго курса. Такъ какъ преподаваніе въ нихъ уже со второго учебнаго года по всѣмъ предметамъ, кромѣ магометанскаго вѣроученія, должно быть производимо на русскомъ языкѣ, то въ названныхъ школахъ могутъ быть употребляемы лучшія изъ руководствъ, составленныхъ для русскихъ училищъ, по такимъ предметамъ, каковы обученіе письму и начальная ариѳметика. Особенная нужда испытывается въ составленіи вполнѣ пригодныхъ руководствъ лишь по магометанскому вѣроученію и по ознакомленію татарскихъ дѣтей съ русскимъ языкомъ. Учебникъ по вѣроученію долженъ заключать въ себѣ, въ доступномъ изложеніи,

важнѣйшія свѣдѣнія по мусульманской религіи, обязательныя къ усвоенію для каждаго изъ „правовѣрныхъ“. Кругъ этихъ свѣдѣній, опредѣленіе котораго необходимо предоставить собранію оффиціальныхъ въ Россіи представителей ислама, долженъ соотвѣтствовать заранѣе выработанной программѣ и числу уроковъ мусульманскаго вѣроученія въ начальныхъ школахъ. Для обученія татаръ-школьниковъ русскому языку должны быть составлены слѣдующія руководства: 1. Уроки изъ русской рѣчи для татаръ, 2. Азбука, 3. Уроки начальной русской грамматики для татаръ, 4. Книги для класснаго чтенія, по одной для каждаго учебнаго года, начиная со второго и 5. Словари татарско русскій и русско-татарскій (краткіе, въ одной книжкѣ). Лучшимъ методомъ для обученія живому иностранному языку считается „натуральный“, или, правильнѣе, *наглядный*; онъ и долженъ быть примѣняемъ, но безъ крайностей и педантизма, какъ при первоначальномъ обученіи татаръ разговорному русскому языку, такъ и при составленіи руководства подъ заглавіемъ „Уроки русской рѣчи для татаръ“ (см. выше). Что касается „Азбуки“ и „Книгъ для класснаго чтенія“, то при всѣхъ прочихъ достоинствахъ, онѣ болѣе всего должны быть свободны отъ недостатка, которымъ отличаются книги, составленныя для обученія инородцевъ русскому языку и. какъ типическія въ этомъ родѣ, книги, напр., Вольпера: замѣченный недостатокъ—необыкновенная сухость статей, зависящая отъ крайняго и своеобразнаго ихъ, такъ сказать, матеріализма. Если судить по этимъ книгамъ о русскихъ людяхъ, то необходимо признать, что русскаго человѣка могутъ интересовать предметы и заботы лишь конкретнаго міра, лишь эфемерной, самой прозаической дѣйствительности. Въ этихъ книгахъ почти вовсе не отводится мѣста произведеніямъ поэтическаго, моральнаго и религіознаго содержанія... Словари, которыхъ у насъ совсѣмъ не употребляютъ при начальномъ обученіи инородцевъ русскому языку, представляютъ собою необходимыя справочныя книги даже для учениковъ начальной школы, овладѣвшихъ техникой чтенія.

Мы изложили лишь важнѣйшія изъ личныхъ соображеній по вопросу о школьномъ образованіи татаръ и думаемъ, что болѣе подробная разработка этого вопроса можетъ быть сдѣлана лишь по авторитетнымъ указаніямъ самой жизни, опыта, времени.

Д. А. А—въ.

Нѣсколько словъ объ ученическихъ библіотекахъ въ городскихъ училищахъ.

Въ городскихъ, по Положенію 72 года, училищахъ, въ ряду факторовъ учебно-воспитательнаго дѣла та или иная постановка чтенія книгъ учащимися изъ ученической библіотеки училища является одной изъ важнѣйшихъ сторонъ учебно-воспитательной дѣятельности. Важность этого фактора едва ли кто будетъ оспаривать хотя бы по одному тому, что книга, и прежде всего изъ училищной, ближайшей къ ученику библіотеки, формируетъ умственно-нравственный обликъ ученика, т. е. она способна какъ закрѣпить и пополнить свѣдѣнія ученика по тѣмъ учебнымъ предметамъ, которые онъ проходитъ въ школѣ, такъ и заложить въ его душу тѣ основы нравственности, въ широкомъ смыслѣ этого слова, которыя лягутъ прочнымъ фундаментомъ во всей дальнѣйшей жизни ученика. Исходя изъ сказаннаго, мы, учащіе въ городскихъ училищахъ, должны, конечно, удѣлять внѣклассному чтенію книгъ учениками самое серьезное вниманіе.

Теперь разсмотримъ въ общихъ чертахъ, какъ это важное дѣло обстоитъ нынѣ въ городскихъ училищахъ (имѣемъ въ виду училища Казанскаго учеб. округа), и какъ таковое, по нашему скромному мнѣнію, должно стоять на самомъ дѣлѣ, чтобы быть по отношенію къ учащимся дѣломъ наивозможно продуктивнымъ.

Въ городскихъ училищахъ обыкновенно библіотечное дѣло ведется такъ. Если въ училищѣ практикуется классная система преподаванія, то чаще всего завѣдываніе ученической библіотекой поручается одному изъ учителей, который и производитъ выдачу книгъ всѣмъ учащимся въ опредѣленные недѣльные сроки, обыкновенно каждому классу разъ въ недѣлю. Если же практикуется предметная система, то библіотечное дѣло беретъ на себя обыкновенно учитель

русскаго языка и выдачу книгъ производитъ тѣмъ же порядкомъ, что и въ первомъ случаѣ. Конечно, за библіотечное дѣло учителю-библіотекарю полагается должное вознагражденіе, отъ 30 до 75 руб. въ годъ, смотря по богатству училища спеціальными средствами. Въ нѣкоторыхъ же изъ училищъ библіотечное дѣло чередуется между всѣми преподавателями погодно.

Такой порядокъ веденія дѣла, по нашему мнѣнію, едва ли можно назвать нормальнымъ. Ненормаленъ онъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

При количествѣ учащихся въ городскомъ училищѣ, цыфра котораго колеблется отъ 100 человѣкъ до 200, въ нѣкоторыхъ же доходитъ до 300,—учителю-библіотекарю приходится выдавать книги, въ силу понятныхъ причинъ, спѣшно, лишь бы аккуратно отмѣтить выдачу и возвратъ книги и мелькомъ обслѣдовать внѣшнюю опрятность возвращаемыхъ книгъ. Вопросъ—какая книга подходяща въ данный моментъ данному ученику, какую слѣдуетъ ему выдать,—рѣшить библіотекарю и некогда и прямо нѣтъ возможности.

Что библіотекарю некогда выбирать подходящую каждому ученику книгу, весьма понятно: выдача производится или въ большую перемѣну или же послѣ уроковъ, т. е. или въ короткій промежутокъ времени (большая перемѣна—$^1/_2$ ч.), или же въ такое время (послѣ классовъ), когда преподаватель-библіотекарь замѣтно утомленъ, и его невольно влечетъ скорѣе попасть въ домашнюю обстановку, отдохнуть, а потому и поскорѣе закончить „добавочное" библіотечное дѣло. И при данномъ условіи выборъ книги обыкновенно предоставляется самому ученику, т. е. какая ему почему-либо „нравится" книга, ту онъ и беретъ. Правда, что въ ученическихъ библіотекахъ книгъ съ нежелательнымъ направленіемъ не существуетъ,—обыкновенно, всѣ книги—полезныя, отвѣчающія нормальнымъ потребностямъ учениковъ; но въ то же время никто, конечно, не станетъ отрицать того факта, что не всякая хорошая книга отвѣчаетъ возрасту и развитію ученика, однимъ словомъ,—его потребности въ чтеніи въ данный моментъ. Вотъ поэтому-то, какъ мы убѣдились изъ наблюденій, чтеніе учениковъ въ городскихъ училищахъ является безсистемнымъ и, что всего печальнѣе, поверхностнымъ, благодаря чему оно и не оказываетъ того желательнаго вліянія на умственно-нравственный ростъ ученика, какое желательно было бы видѣть.

Что у учителя-библіотекаря, помимо недосуга, нѣтъ возможности поставить библіотечное чтеніе нормально, — тоже понятно. При классной системѣ веденія дѣла, ему, если не три четверти учащихся въ школѣ, то навѣрное не менѣе двухъ третей ихъ мало знакомы, т. е. онъ только нѣсколько знаетъ ихъ духовное „я" по ле-

тучимъ и случайнымъ отзывамъ своихъ сослуживцевъ и, конечно, при такомъ условіи лишенъ возможности указывать имъ подходящій матеріалъ для чтенія. При предметной же системѣ, т. е. когда библіотечное дѣло поручается учителю русскаго языка, вполнѣ допустима,—да она замѣчается на самомъ дѣлѣ,—едва ли желательная односторонность, именно: невольная склонность рекомендовать ученикамъ книги преимущественно литературно - беллетристическаго характера, причемъ книгамъ прочихъ отдѣловъ удѣляется мало вниманія. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ тушуется чисто дѣловая сторона книги, т. е. возможность путемъ чтенія ея закрѣпить разностороннія познанія ученика, а также обогатить мысль и новыми познаніями.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, какъ обстоитъ библіотечное дѣло въ городскихъ училищахъ теперь. Какъ видитъ читатель, организація его далеко не совершенна. Каковой, по нашему мнѣнію, должна быть эта организація,—постараемся, по силѣ разумѣнія, отвѣтить.

Извѣстно, что ученическія библіотеки при городскихъ училищахъ не отличаются своей громоздкостью,—обыкновенно, число книгъ въ каждой изъ нихъ не превышаетъ 300—400 названій; библіотеки болѣе обширныя—рѣдкость. Конечно, для каждой библіотеки имѣется систематическо-хронологическій каталогъ, т. е. списокъ книгъ по отдѣламъ и по времени ихъ пріобрѣтенія въ библіотеку. Такъ какъ во главѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ городскомъ училищѣ стоитъ педагогическій совѣтъ, то и дѣломъ чтенія книгъ учениками долженъ руководить прежде всего онъ, а потомъ каждый изъ учащихъ въ отдѣльности. По нашему мнѣнію, совѣтъ вполнѣ способенъ и долженъ составить для имѣющейся въ его вѣдѣніи библіотеки особый каталогъ, именно,—распредѣленіе имѣющихся въ библіотекѣ книгъ по отдѣленіямъ городского училища, т. е. выбрать изъ библіотеки подходящій матеріалъ для 3-го отдѣленія (допускаемъ, что 1-го класса нѣтъ), потомъ 4, 5 и, наконецъ, 6-го; распредѣленіе это должно исчерпывать, по возможности, весь библіотечный матеріалъ. Далѣе, остается только каждый отдѣлъ сдать на руки учителю соотвѣтствующаго отдѣленія, который и будетъ руководить чтеніемъ учениковъ своего класса. Имѣя на рукахъ хорошо знакомую ему группу учениковъ, человѣкъ въ 30—40, а въ старшихъ отдѣленіяхъ и того меньше, учитель можетъ производить выдачу книгъ своимъ ученикамъ безъ установки пресловутыхъ сроковъ, а по мѣрѣ прочтенія книгъ учениками и въ каждый учебный день. Это дѣло у него не будетъ отнимать много времени, ибо ежедневная выдача сведется всего къ какимъ нибудь 5—6 книжкамъ. Еще не явится она обременительной для учителя и потому, что будетъ для него интерес-

ной: при данномъ условіи, онъ будетъ имѣть возможность, хотя бы кратко, бесѣдовать съ учениками о прочитанномъ ими, а также давать имъ извѣстныя указанія по поводу чтенія выдаваемыхъ книгъ.

Далѣе, едва-ли будетъ обременительнымъ для учителя,—по крайней мѣрѣ, двухъ старшихъ отдѣленій,—посовѣтовать каждому ученику завести тетрадку, въ которой можно записывать взятыя для прочтенія книги, съ краткой помѣткой содержанія каждой изъ нихъ и съ наброскомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя книга оставила въ его душѣ. Веденіе такихъ записей, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ ставить въ обязанность ученикамъ, ибо таковое обязательство скорѣе всего породитъ поверхностное, формальное отношеніе къ дѣлу, а не серьезно-вдумчивое и любовное, каковое допустимо лишь при наличности свободы при выполненіи этого на видъ, хоть и небольшого, но важнаго дѣла. Эти замѣтки,—пусть будутъ онѣ и не безукоризненны въ отношеніи орѳографическо-стилистическомъ,—должны имѣть громадный воспитательный смыслъ по отношенію къ учащимся: онѣ постепенно пріучатъ ихъ внимательно относиться къ книгѣ, давать себѣ посильный отчетъ въ прочитанномъ; и потомъ, къ концу школьнаго курса, имъ ясно будетъ, какое духовное богатство, помимо изученныхъ учебныхъ предметовъ, дала имъ родная школа. Мы увѣрены, что при такой постановкѣ дѣла у учениковъ, по выходѣ изъ школы, долго не заглохнетъ стремленіе пополнять свое духовное богатство новымъ литературнымъ матеріаломъ и уже по выработанной въ школѣ привычкѣ относиться къ таковому съ должнымъ вниманіемъ и разборомъ. Конечно, это живое дѣло во имя успѣшной постановки его потребуетъ прежде всего живого отношенія къ нему учителя: онъ, напримѣръ, долженъ интересоваться записками учениковъ, время отъ времени прочитывать ихъ и дѣлать по поводу ихъ тѣ или иныя указанія; однимъ словомъ,—учитель долженъ поставить себя въ глазахъ учениковъ критикомъ-руководителемъ въ дѣлѣ чтенія.

Вотъ, по нашему мнѣнію, какъ можно было бы поставить библіотечное дѣло въ городскихъ училищахъ На сколько намѣченная нами организація совершенна судить, конечно, не намъ; но, смѣемъ думать, что она всетаки совершеннѣе практикуемой нынѣ. Между прочимъ, что касается вознагражденія за трудъ руководительства чтеніемъ, то оно, конечно, можетъ дробиться между всѣми учащими, да, вообще, это дѣло болѣе чѣмъ второстепенное...

Въ заключеніе скажемъ, что весьма желательны примѣрныя внѣклассныя чтенія выдающихся литературныхъ произведеній всѣми

учениками, вмѣстѣ съ учителемъ: помимо общаго просвѣтительнаго значенія, учитель имѣетъ полную возможность показать на нихъ воочію, *какъ слѣдуетъ, должно читать книгу*. Правда, что таковыя чтенія при нѣкоторыхъ школахъ ведутся, но, къ сожалѣнію, въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, и о характерѣ ихъ веденія тоже что-то ничего не слышно въ нашей педагогической литературѣ, о чемъ тоже нельзя не пожалѣть.

Ѳ. Рушниковъ.

Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1904 году.

(*Продолженіе*).

Земства *Рязанской* губерніи за все время существованія земскихъ учрежденій никогда не выдѣлялись широкою дѣятельностью, а въ тяжелыя для земства времена рязанцы еще болѣе притихали. Поэтому естественно, что въ періодъ министерства Плеве, захватившаго и первую половину 1904 года, въ Рязанской губерніи въ сферѣ народнаго образованія не произошло ничего особеннаго, и свѣдѣній изъ этой губерніи было немного.

Наиболѣе существеннымъ является устройство рязанскимъ губернскимъ земствомъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ. Постановленіе объ этомъ сдѣлано было очереднымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ сессіи 1903 года, которое, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, открыло губернской управѣ на это кредитъ въ 4.000 руб.

Въ виду этого губернская управа намѣревалась лѣтомъ 1904 года организовать общеобразовательные курсы для сельскихъ учителей и учительницъ въ гор. Рязани, при земской учительской семинаріи.

Озабочиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальнымъ обезпеченіемъ курсистовъ во время пребыванія ихъ въ Рязани, управа предполагала отвести для нихъ безплатное помѣщеніе при упомянутой семинаріи и состоящей при ней женской школѣ. Кромѣ того проѣздъ учителей и учительницъ, которыхъ должны были командировать на курсы уѣздныя земства какъ по желѣзнымъ и грунтовымъ дорогамъ, такъ и на пароходахъ принимать на счетъ губернскаго земства. Курсы предполагались для 120-ти лицъ, избранныхъ уѣздными управами по соглашенію съ мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, состоялись ли эти курсы или нѣтъ.

Губернское земское собраніе 1904 г. возбудило немаловажное ходатайство для учащихъ въ земскихъ школахъ.

По закону, учителя, прослужившіе не менѣе 10-ти лѣтъ, имѣютъ право безплатно учить своихъ дѣтей мужского пола въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, дочери же совершенно лишены этихъ правъ; между тѣмъ въ настоящее время давать образованіе дочерямъ въ такой же степени необходимо, какъ и сыновьямъ. Но если бы такой законъ и существовалъ, то онъ мало улучшилъ бы дѣло, такъ какъ учебныя заведенія этого вѣдомства находятся далеко не во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ. Какъ разъ именно въ такомъ положеніи находятся учителя Рязанской губерніи, гдѣ нѣтъ ни одного женскаго учебнаго заведенія министерства народнаго просвѣщенія; на Маріинскую же гимназію и епархіальное училище законъ не распространяется. Въ виду этого губернское собраніе постановило ходатайствовать: 1) о распространеніи права безплатнаго обученія на дочерей народныхъ учителей, прослужившихъ 10 лѣтъ, и 2) о распространеніи этого права на учебныя заведенія не одного министерства народнаго просвѣщенія, но и другихъ вѣдомствъ.

Но не въ этомъ только нуждаются учителя и учительницы Рязанской губерніи, о чемъ можно судить хотя бы по Ряжскому уѣзду. Тамъ вообще болѣе чѣмъ печально современное состояніе начальныхъ народныхъ училищъ. Изъ 31 школы только одна треть помѣщается въ хорошихъ зданіяхъ, а всѣ остальныя находятся въ этомъ отношеніи въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: однѣ школы страдаютъ отъ тѣсноты, другія—отъ грязи и сырости, третьи—отъ холода.

На это явленіе неоднократно уже обращалъ вниманіе училищный совѣтъ, чуть ли не ежегодно заканчивающій свой отчетъ земскому собранію указаніемъ на плохое матеріальное положеніе школъ. Завѣдующій хозяйственной частью земскихъ школъ ряжскаго земства, гласный, врачъ М. А. Игнатьевъ, въ своемъ годичномъ отчетѣ говоритъ, что состояніе школъ уѣзда въ полномъ смыслѣ слова можно назвать критическимъ, и если земство не захочетъ обратить на это дѣло свое вниманіе, то тѣмъ самымъ приговоритъ его къ естественной смерти. Для иллюстраціи сказаннаго въ отчетѣ г. Игнатьева приводятся слѣдующіе факты: за немногими счастливыми исключеніями, школы, выстроенныя крестьянскими обществами, представляютъ изъ себя низкія деревянныя или кирпичныя зданія, причемъ деревянныя стоятъ обыкновенно на поддержкахъ безъ всякаго фундамента. Потолки низки, окна малы, такъ что свѣта недостаточно. Полы вездѣ одиночные и потому холодные. Деревянныя стѣны плохо проконопачены, а кирпичныя—сыры и холодны. Печи сложены кое-какъ, грѣютъ плохо и сильно дымятъ. Въ двухъ школахъ классныя комнаты одновременно служатъ для церковной сторожки.

Въ другой школѣ квартира учителя не имѣетъ даже отдѣльнаго выхода наружу, такъ что семья учителя принуждена проходить черезъ классы даже во время занятій. Въ третьей школѣ учитель помѣщается въ крохотномъ полутемномъ чуланчикѣ, въ которомъ едва можно было поставить сундукъ и столъ учителя. Въ одномъ селѣ школа совсѣмъ не располагаетъ квартирой для учителя, живущаго поэтому на другомъ концѣ села. Все это зависитъ отъ того, что вся хозяйственная часть школъ, за исключеніемъ снабженія ихъ книгами и учебными пособіями, лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ.

Въ другихъ уѣздахъ давно уже сознали необходимость болѣе активнаго участія земства въ дѣлѣ оборудованія школьныхъ зданій, при которомъ не должны имѣть мѣсто вышеприведенные факты.

Вопросъ этотъ стоитъ на очереди и въ мѣстномъ земствѣ, и нужно надѣяться, что уѣздное земское собраніе разрѣшитъ его въ благопріятномъ для успѣха школьнаго дѣла смыслѣ.

Въ сосѣдней съ Рязанской *Владимірской* губерніи предполагавшіеся лѣтомъ 1903 года общеобразовательные курсы для народныхъ учителей не могли быть устроены губенскимъ земствомъ вслѣдствіе запоздавшаго разрѣшенія на нихъ отъ министерства. Въ 1904 году земское собраніе также постановило устроить курсы. Управа приняла всѣ мѣры, чтобы избѣжать прошлогоднихъ препятствій.

Прошеніе о разрѣшеніи курсовъ на 7-е іюня было послано черезъ директора народныхъ училищъ еще 4-го марта. 8-го марта губернская земская управа получила отъ директора слѣдующее извѣщеніе: „На отношеніе отъ 4-го марта за № 1.230 имѣю честь сообщить, что на предполагаемыхъ къ устройству въ текущемъ году общеобразовательныхъ курсахъ для учащихъ лицъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ было бы весьма желательно ввести чтенія богословскія или религіозно-философскія, для каковыхъ и пригласить особаго лектора“. Управа приняла это предложеніе директора. Не получая отвѣта на разрѣшеніе курсовъ до самаго послѣдняго срока, управа послала въ концѣ мая попечителю округа телеграмму, на которую получился отвѣтъ, что вопросъ о курсахъ находится на разсмотрѣніи въ министерствѣ. Ожидая запозданія разрѣшенія, управа заблаговременно озаботилась запросить лекторовъ, согласятся ли они начать занятія не 7-го іюня, а позднѣе; также собрала свѣдѣнія объ адресахъ разъѣзжавшихся на каникулы учителей, чтобы въ случаѣ утвержденія курсовъ немедленно ихъ найти. Отвѣтъ черезъ директора начальныхъ училищъ получился только 5-го іюля слѣдующаго содержанія: „Г. попечитель округа при предложеніи отъ 25-го

іюня с. г. за № 13.640 препроводилъ ко мнѣ подлинникъ отношенія департамента народнаго просвѣщенія отъ 3-го іюня с. г. за № 17.142 по дѣлу объ устройствѣ общеобразовательныхъ курсовъ для учащихъ въ земскихъ училищахъ Владимірской губерніи, изъ котораго видно, что ученый комитетъ программы по „Исторіи русской литературы" и „Введеніе въ естествознаніе" считаетъ непригодными для владимірскихъ общеобразовательныхъ курсовъ; остальныя программы признаны удовлетворительными. Кромѣ того, ученый комитетъ высказился противъ допущенія на курсы учащихъ лицъ, „не имѣющихъ полнаго общеобразовательнаго ценза", каковыхъ представилъ владимірскій уѣздный училищный совѣтъ". Надо замѣтить, что программа по „Введенію въ естествознаніе" была представлена та же самая, что утверждена была въ прошломъ году, только съ незначительными измѣненіями, введенными по указанію самого министерства.

Изъ этого можно видѣть, къ какимъ способамъ прибѣгаетъ бюрократія, чтобы только подольше удержать тьму. Губернское земство униженно соглашается даже на „богословскія или религіозно-философскія чтенія"; но видя это, учебная бюрократія находитъ иные тормазы: она воспрещаетъ курсы по исторіи, по естествознанію, хотя въ 1903 году разрѣшала эти предметы и по той же программѣ, по которой земство просило въ 1904 году.

Кромѣ постановленія о курсахъ, Владимірское губернское земское собраніе сдѣлало постановленіе объ устройствѣ горячихъ завтраковъ для учениковъ земскихъ школъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ производились опыты съ устройствомъ приварковъ для учениковъ, и въ распоряженіи губернской управы накопился небезынтересный матеріалъ по этому вопросу. Почти всѣ учителя и учительницы, организовавшіе завтраки, отмѣчаютъ, что горячая пища значительно улучшила самочувствіе учениковъ, что въ свою очередь отразилось на ихъ успѣхахъ; на-ряду съ этимъ замѣчено болѣе исправное посѣщеніе учениками школы и общее улучшеніе физическаго состоянія учащихся. Такъ, учительница Ефимьевскаго земскаго училища сообщаетъ, что „раньше вслѣдствіе недоѣданія и сухояденія многіе ученики во время послѣобѣденныхъ занятій обнаруживали вялость, утомленіе, во время перемѣны не принимали участія въ играхъ, жаловались на головныя боли и проч. Съ тѣхъ же поръ, какъ имъ стали давать горячую пищу, они чувствуютъ себя бодро, съ видимымъ желаніемъ принимаются за работу и часто заявляли желаніе поучиться лишній часъ". Губернское собраніе, разсмотрѣвъ докладъ управы, постановило:

1) необходимо участіе въ этомъ дѣлѣ губернскаго земства, причемъ половина расхода должна падать на мѣстныя средства или на счетъ уѣзднаго земства; 2) пособіе на горячіе завтраки должно выдаваться по расчету въ 25 к. на каждаго пользующагося завтраками учащагося, приходящаго въ школу не ближе, чѣмъ за одну версту отъ нея; 3) на организацію завтраковъ на изложенныхъ основаніяхъ требуется ассигновка въ 3.400 р., которые израсходовать изъ капитала на народное образованіе; 4) въ 1904 г. произвести опытъ съ организаціей горячихъ завтраковъ исключительно на средства губернскаго земства, гдѣ не найдется мѣстныхъ средствъ по расчету въ 50 к. на каждаго учащагося, а гдѣ найдутся средства,—то 25 к. на учащагося.

Чтобы не возвращаться болѣе къ губернскому городу Владиміру, скажемъ еще, что здѣсь на общемъ собраніи Общества взаимопомощи учащихъ и учившихъ губерніи обсуждался докладъ К. К. Черносвитова объ учительскомъ судѣ чести.

Съ организаціей суда, предложенной докладчикомъ, собраніе согласилось. Нѣкоторые изъ учащихъ высказали пожеланіе, чтобы къ суду чести привлекались и рѣшенію его подчинялись законоучители, такъ какъ большинство недоразумѣній въ учительской средѣ приходится на отношенія между учителемъ и законоучителемъ. Это совершенно вѣрно, но какъ привлечь къ такому суду законоучителей? Они вѣдь дѣйствуютъ противъ учителей тайно или такими способами, противъ которыхъ ничего не подѣлаешь, а „тайные дѣятели“ никогда открыто не выступаютъ...

На экстренномъ *Ковровскомъ* уѣздномъ земскомъ собраніи слушалось нѣсколько докладовъ управы по поводу опротестованныхъ губернаторомъ и отмѣненныхъ губернскимъ присутствіемъ постановленій очередного земскаго собранія. Собраніе постановило обжаловать нѣкоторыя постановленія присутствія въ правительствующій сенатъ.

Между прочимъ, губернаторомъ было отказано въ утвержденіи устава вновь открываемой земствомъ въ с. Хозниковѣ безплатной народной библіотеки-читальни. По принятому собраніемъ проекту устава, въ помощь завѣдующему библіотекой лицу организуется при библіотекѣ совѣтъ для хозяйственнаго завѣдыванія библіотекой. По мнѣнію губернатора, согласно правиламъ 15-го мая 1890 года никакихъ совѣтовъ при библіотекахъ допускаемо быть не должно. Какъ видно изъ доклада управы, при составленіи проекта-устава хозниковской библіотеки былъ принятъ во вниманіе утвержденный 3-го апрѣля 1903 г. губернаторомъ уставъ мягковской безплатной народной библіотеки Владимірской губ., гдѣ для хозяйственнаго завѣ-

дыванія при библіотекѣ существуетъ особый совѣтъ, а также имѣлось въ виду разъясненіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшее въ удовлетвореніе ходатайства саратовскаго губернскаго земства, о томъ, что къ образованію при безплатныхъ народныхъ библіотекахъ особыхъ совѣтовъ для хозяйственнаго завѣдыванія препятствій не имѣется. Земское собраніе постановило на отказъ губернатора въ утвержденіи устава принести жалобу министру внутреннихъ дѣлъ.

Но врядъ ли изъ этого вышелъ какой-либо толкъ, принимая во вниманіе, что это обжалованіе было еще при Плеве.

Не ограничиваясь совершенно основательнымъ протестомъ противъ губернатора, ковровское собраніе сдѣлало и еще рядъ интересныхъ постановленій.

Такъ, оно постановило принять участіе вмѣстѣ съ городомъ въ содержаніи открываемой въ г. Ковровѣ женской прогимназіи, на каковую надобность вмѣстѣ съ другими средствами обратить и тѣ суммы, которыя доселѣ отпускались земствомъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. Въ томъ же собраніи было отклонено ходатайство мѣстнаго училищнаго совѣта о выпискѣ въ земскія школы журнала кн. Мещерскаго „Дружескія Рѣчи", какъ органа, чуждаго земскимъ интересамъ, и рѣшено возбудить ходатайство передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ измѣненіи программы издаваемаго „Вѣстника Владимірск. Губ. Земства" съ превращеніемъ его въ еженедѣльную земскую народную газету. Находя дѣятельность существующихъ коллегіальныхъ совѣщательныхъ учрежденій при управѣ, врачебнаго и экономическаго совѣтовъ, весьма полезной и необходимой, собраніе постановило учредить при управѣ также совѣтъ по народному образованію съ участіемъ гласныхъ, инспектора народныхъ училищъ и учителей земскихъ школъ, а также расширить составъ экономическаго совѣта приглашеніемъ къ участію въ немъ уполномоченнаго министерства земледѣлія по сельскохозяйственной части и представителей отъ крестьянъ по одному отъ каждой волости по выбору волостнаго схода. Въ своемъ рѣшеніи земское собраніе пошло лишь навстрѣчу пожеланіямъ самихъ крестьянъ. Какъ видно изъ доклада управы, на одномъ изъ волостныхъ сходовъ Ковровскаго уѣзда, однимъ крестьяниномъ былъ поставленъ вопросъ о желательности присутствія представителя отъ волости на засѣданіяхъ экономическаго совѣта и доведенія до свѣдѣнія послѣдняго о неотложныхъ нуждахъ крестьянъ, которымъ могла бы быть оказана помощь со стороны земства; но вопросъ этотъ на волостномъ сходѣ былъ снятъ съ обсужденія земскимъ начальникомъ на томъ основаніи, что ему, земскому начальнику, неизвѣстно, суще-

ствуетъ ли экономическій совѣтъ, гдѣ онъ существуетъ и какова его программа.

Отъ Владимірской мы перейдемъ къ *Московской* губерніи, причемъ сообщимъ данныя лишь по нѣкоторымъ уѣзднымъ земствамъ, не касаясь губернскаго.

Послѣдніе въ 1904 году пережили рядъ тяжелыхъ моментовъ, причемъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ былъ Д. Н. Шиповъ.

Въ 1904 году его земская слава достигла своего апогея, чего не могъ переварить Плеве, не утвердившій Шипова предсѣдателемъ губернской земской управы.

Это гоненіе со стороны Плеве окружило Шипова ореоломъ славы и вызвало сочувствіе не только въ земскихъ сферахъ, но и въ широкихъ слояхъ русскаго общества. Но вслѣдъ за смертью реакціоннаго министра выяснилось, что бюрократія по свойственной ей близорукости преслѣдовала человѣка не только абсолютно безопаснаго, но даже защитника старыхъ, отжившихъ славянофильскихъ традицій, очень скоро оттолкнувшихъ отъ Шипова всѣхъ представителей прогрессивныхъ теченій.

Плеве, повторяемъ, не понялъ этого и въ лицѣ Шипова видѣлъ въ Московскомъ губернскомъ земствѣ сосредоточіе крамолы, которую и стремился задушить при посредствѣ, между прочимъ, г. Зиновьева. Такого рода обстоятельства сильно затормозили работу какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ земствъ Московской губерніи въ 1904 году. Повидимому, разгромъ земскихъ учрежденій Плеве задумалъ начать именно съ Московской губерніи. Въ уѣздныхъ земствахъ оживленіе началось лишь въ очередныхъ собраніяхъ, происходившихъ послѣ смерти министра.

Такъ, въ *Рузскомъ* уѣздномъ земскомъ собраніи тотчасъ по его открытіи предсѣдатель уѣздной земской управы, А. В. Цыбульскій сдѣлалъ краткое сообщеніе по поводу ревизіи земскихъ учрежденій Московской губерніи, произведенной сенаторомъ Зиновьевымъ. Уѣздная управа не могла представить по этому вопросу подробнаго доклада собранію въ виду того, что ей не было сообщено о результатахъ ревизіи Рузскаго земства, хотя въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 29-го іюня опубликованъ всеподданѣйшій рапортъ т. с. Зиновьева. Не имѣя въ рукахъ подробнаго, фактическаго матеріала, изложеннаго въ обширномъ печатномъ трудѣ производившимъ ревизію земствъ т. с. Зиновьевымъ, нельзя конечно отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ тѣмъ указаніямъ, которыя можно было бы почерпнуть, если бы печатный трудъ, въ которомъ изложенъ отчетъ о ревизіи нашего земства, былъ препровожденъ

въ уѣздную управу для доклада земскому собранію. Признавая существенно важнымъ имѣть подробныя свѣдѣнія о результатахъ ревизіи Рузскаго земства, предсѣдатель управы предложилъ собранію: возбудить ходатайство въ установленномъ порядкѣ передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о томъ, чтобы печатный трудъ о результатахъ ревизіи земствъ Московской губерніи, произведенной т. с. Зиновьевымъ, былъ препровожденъ въ уѣздную управу для доклада предстоящему очередному или экстренному земскому собранію. Рѣчь г. Цыбульскаго встрѣтила полное сочувствіе со стороны гласныхъ, и земское собраніе единогласно постановило возбудить предлагаемое г. Цыбульскимъ ходатайство.

Въ началѣ 1904 года въ Рузѣ, въ зданіи земской управы, состоялось подъ предсѣдательствомъ инспектора народныхъ училищъ Московской губерніи 5-го района М. М. Щепкина открытіе общества вспомоществованія учащимъ и учившимъ начальныхъ школъ Рузскаго уѣзда.

Предсѣдатель собранія ознакомилъ присутствующихъ съ уставомъ Общества и предложилъ желающимъ записываться членами. Всѣ учащіе и учившіе въ количествѣ 43-хъ человѣкъ (многіе не были по дальности разстоянія отъ города) записались дѣйствительными членами со взносомъ 2 рублей въ годъ, а нѣкоторыя лица, не принадлежащія къ учительской корпораціи, членами-соревнователями съ такимъ же взносомъ. Когда выяснилось наличное число членовъ, собраніе приступило къ выборамъ предсѣдателя общества и членовъ правленія. Предсѣдателемъ выбранъ кн. П. Д. Долгоруковъ большинствомъ 47 голосовъ противъ 4-хъ. Членами правленія выбраны пять учителей и одна учительница, а кандидатами къ нимъ два учителя и двѣ учительницы. Правленіе Общества изъ среды свое выбрало казначея и членовъ ревизіонной коммиссіи. По окончаніи выборовъ собраніе выразило М. М. Щепкину благодарность за его содѣйствіе и участіе къ Обществу и просило его послать кн. П. Д. Долгорукову коллективную телеграмму за своею подписью, въ которой собраніе, принося князю свою благодарность, проситъ его принять на себя званіе предсѣдателя Общества и почетнаго члена его. Телеграмма эта и была немедленно отправлена.

Въ *Дмитровскомъ* уѣздѣ, въ интересахъ болѣе правильной постановки дѣла народнаго образованія, земство постановило въ прошлогоднюю очередную сессію, по докладу управы, образовать постоянный „школьный совѣтъ“ изъ 5 гласныхъ и 5 попечителей по выбору земскаго собранія и 10 учащихъ по назначенію управы.

Постановленіе это было опротестовано губернаторомъ. Собравшійся же впервые „школьный совѣтъ“ безъ участія учащихъ не

нашелъ себя въ правѣ приступать къ какимъ бы то ни было работамъ по народному образованію, исходя изъ того, что это противорѣчило бы взгляду земскаго собранія, учреждавшему „школьный совѣтъ" съ непремѣннымъ участіемъ учителей, а не безъ нихъ.

Земская управа, идя на встрѣчу давно назрѣвшей потребности въ привлеченіи учащихъ къ активному участію въ школьномъ дѣлѣ, которое имъ поручено на мѣстахъ, пользуясь предоставленнымъ ей закономъ правомъ на основ. ст. 72, 97 и 105 Полож. о земск. учр., созвала учащихъ для обсужденія вопроса о дальнѣйшемъ пополненіи книгами школьныхъ библіотекъ. На „совѣщаніи", помимо управы, присутствовали предводитель дворянства гр. М. А. Олсуфьевъ и инспекторъ народныхъ училищъ И. И. Молчановъ. Предсѣдатель управы И. А. Грушка, довелъ до свѣдѣнія собранія (присутствовало до 60-ти учащихъ которымъ въ эти дни въ управѣ читались лекціи по психологіи, устраиваемыя Обществомъ взаимопомощи) всѣхъ земскихъ служащихъ, что выработанный въ 1901 году на педагогическихъ курсахъ примѣрный списокъ желательныхъ для школьныхъ библіотекъ книгъ почти уже использованъ, а потому необходимо его пополнить, тѣмъ болѣе, что за истекшій періодъ времени немало допущено новыхъ книгъ. По мнѣнію гр. М. А. Олсуфьева, прежде составленія новаго списка является наиболѣе цѣлесообразнымъ разрѣшить принципіальный вопросъ о постановкѣ чтенія въ школѣ и дома, его роли и задачахъ. „Что читать" и „какъ читать"—вотъ кардинальные вопросы, которые должны быть прежде всего всесторонне выяснены педагогическимъ персоналомъ земскихъ школъ, и затѣмъ уже на основаніи извѣстныхъ руководящихъ принциповъ и долженъ быть подобранъ соотвѣтствующій матеріалъ. Собраніе, вполнѣ раздѣляя мнѣніе гр. М. А. Олсуфьева, въ этомъ же засѣданіи выработало въ этихъ цѣляхъ программу вопросовъ для разсылки во всѣ школы. Управа разослала эту „программу",—въ ней 18 вопросовъ.

Собраніе *Можайскаго* учительскаго Общества взаимопомощи высказалось за объединеніе дѣятельности всѣхъ Обществъ Моск. губ. преслѣдующихъ задачи взаимопомощи учащимъ.

Цѣль объединенія— расширеніе сферы дѣятельности Обществъ и осуществленіе такихъ видовъ помощи, которые непосильны каждому Обществу въ отдѣльности. Одною изъ ближайшихъ задачъ объединенной дѣятельности обществъ можетъ служить устройство интерната въ Москвѣ для обученія дѣтей членовъ. Насколько необходимо устройство такого интерната, видно изъ того, что въ настоящее время содержаніе дѣтей на частныхъ квартирахъ обходится Обществомъ на 50% дороже того, что стоило бы содержаніе ихъ въ собственномъ интернатѣ. Собраніе постановило просить Общество

улучшенія быта учащихъ г. Москвы взять на себя по соглашенію съ другими Обществами детальную разработку вопроса объ объединеніи 14-ти Обществъ Моск. губ. Это объединеніе можетъ выразиться, по мнѣнію собранія, въ слѣдующей формѣ. Организуется „центральное общество“ въ Москвѣ. Во главѣ его стоитъ общее собраніе изъ делегатовъ отдѣльныхъ Обществъ, избираемыхъ своими общими собраніями, въ количествѣ не менѣе пяти отъ каждаго Общества. Собраніе центральнаго О-ва избираетъ изъ своей среды правленіе. Всѣ О-ва, входящія въ составъ центральнаго О-ва, сохраняютъ свою самостоятельность и ежегодно дѣлаютъ извѣстный % отчисленія отъ своихъ средствъ въ кассу центральнаго О-ва. На собраніи былъ еще поднятъ вопросъ о ненормальныхъ условіяхъ въ жизни преподавателей женской прогимназіи, содержимой на средства можайскаго благотворительнаго О-ва. Собраніе поручило своему представителю возбудить въ этомъ О-вѣ вопросъ объ урегулированіи взаимоотношеній между учащими прогимназіи и администраціей О-ва.

Наболѣвшій вопросъ объ объединеніи уѣздныхъ учительскихъ обществъ взаимопомощи былъ въ 1904 г. близокъ къ разрѣшенію.

Отъ предсѣдателя губернской земской управы было получено согласіе на созывъ представителей всѣхъ уѣздныхъ обществъ взаимопомощи для обсужденія вопроса объ объединеніи обществъ въ той или иной формѣ. Между прочимъ, *Волоколамское* общество намѣрено было поставить на разрѣшеніе совѣщанія слѣдующіе вопросы: 1) желательно ли объединеніе лишь обществъ взаимопомощи учащихъ и учившихъ между собою или всѣхъ обществъ, т. е. и земскихъ служащихъ вообще; 2) въ случаѣ объединенія, какая организація обществъ предпочтительнѣе: а) губернское общество взаимопомощи по образцу Ярославской, Воронежской губ. и др.; б) губернское общество взаимопомощи съ филіальными отдѣленіями по уѣздамъ, или с) союзъ самостоятельныхъ обществъ взаимопомощи. Кромѣ того волоколамское общество высказывало пожеланіе, чтобы уѣздныя общества „представили совѣщанію примѣрные уставы объединенныхъ обществъ, какъ то уже и сдѣлало клинское общество взаимопомощи земскихъ служащихъ“.

Въ *Клинскомъ* уѣздѣ въ 1904 г. состоялся съѣздъ учащихъ. Засѣданія съѣзда происходили подъ предсѣдательствомъ инспектора народныхъ училищъ при участіи представителей земской управы, нѣкоторыхъ гласныхъ и попечителей школъ. Было прочитано на съѣздѣ 12 докладовъ и подвергнута обсужденію довольно обширная программа вопросовъ. По поводу этихъ вопросовъ съѣздъ высказалъ слѣдующія пожеланія: 1) чтобы всѣ наказанія въ начальныхъ шко-

лахъ были по возможности отмѣнены; 2) нормальное число учениковъ на одного учителя не должно превышать 40; 3) желательно учрежденіе общества взаимопомощи учителей независимо отъ существующаго общества взаимопомощи служащихъ въ клинскомъ земствѣ; 4) по вопросу о народныхъ чтеніяхъ было высказано пожеланіе, чтобы книги для народныхъ чтеній брались изъ каталога для народныхъ библіотекъ и читаленъ, и чтобы управа при выборѣ картинъ для чтенія считалась съ мнѣніемъ ведущихъ чтенія, какъ лицъ, наиболѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ; 5) желательно участіе врача въ жизни школы. Съѣздъ былъ довольно многолюдный; несмотря на необходимость соблюденія многихъ излишнихъ формальностей и разнаго рода ограниченій, требуемыхъ существующими правилами о созывѣ подобныхъ съѣздовъ и веденія на нихъ преній, съѣздъ прошелъ все-таки оживленно и оставилъ о себѣ хорошее впечатлѣніе.

На устройство съѣзда было ассигновано клинскимъ земскимъ собраніемъ 500 руб.

Въ с. Анискинѣ, *Богородскаго* уѣзда скромно, но задушевно праздновался 25-тилѣтній юбилей учительской дѣятельности учительницы начальной школы В. Н. Стрѣльцовой.

Участвовавшій въ чествованіи извѣстный земскій статистикъ, бывшій народный учитель В. В. Петровъ отъ имени корпораціи учителей и учительницъ сказалъ юбиляршѣ теплую, прочувствованную рѣчь, въ которой отдалъ должное В. Н., какъ честной, энергичной и дѣятельной работницѣ на нивѣ народнаго просвѣщенія, въ теченіе 25-ти лѣтъ воспитывавшей сотни дѣтей въ духѣ истины и того высокаго идеала, проповѣдникомъ котораго былъ покойный Н. К. Михайловскій; при этомъ было поднесено юбиляршѣ полное собраніе сочиненій Михайловскаго. Кромѣ того, учащимъ персоналомъ въ складчину собрана небольшая сумма денегъ, которую отправили въ уѣздную земскую управу съ просьбою принять деньги на устройство по усмотрѣнію управы народной библіотеки въ одномъ изъ селъ уѣзда, гдѣ наиболѣе есть нужда въ библіотекѣ. Депутація отъ бывшихъ учениковъ привѣтствовала г-жу Стрѣльцову рѣчью, послѣ которой поднесла сердечно написанный адресъ въ изящной папкѣ и сочиненія любимаго ими Диккенса. Получены были письма отъ знакомыхъ, учениковъ и привѣтствіе отъ члена уѣзднаго училищнаго совѣта. Передъ началомъ ученія юбиляршу привѣтствовала депутація отъ мѣстныхъ крестьянъ.

Въ *Смоленскомъ* губернскомъ земствѣ намѣчался весьма интересный проектъ относительно начальнаго народнаго образованія, который, кажется, потерпѣлъ крушеніе.

Во второй половинѣ 1904 года сообщалось, что, согласно поста-

новленію губернскаго земскаго собранія, при губернской земской управѣ созывается совѣщаніе лицъ, соприкасающихся съ дѣломъ народнаго образованія въ губерніи, для обсужденія всего строя начальнаго народнаго образованія въ Смоленской губерніи.

Созывъ этого совѣщанія вызванъ былъ желаніемъ губернскаго земскаго собранія не только выяснить подробности современной, весьма разнообразной по отдѣльнымъ уѣздамъ организаціи школьнаго дѣла, но и выработать положенія, при которыхъ дѣло это могло бы быть поставлено во всѣхъ уѣздахъ на однихъ общихъ для всей губерніи принципахъ съ цѣлью скорѣйшаго достиженія общедоступности начальнаго школьнаго обученія въ Смоленской губ. Заключенія совѣщанія будутъ сообщены уѣзднымъ земскимъ собраніямъ нынѣшней очередной сессіи и внесены на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія.

Затѣмъ появилось такое странное извѣстіе.

Губернскою земскою управой созвано совѣщаніе для обсужденія, какъ говорится въ пригласительныхъ повѣсткахъ, всего строя начальнаго народнаго образованія въ губерніи изъ лицъ, близко соприкасающихся съ дѣломъ и дорожащихъ его успѣхами. Изъ 48 человѣкъ, приглашенныхъ на совѣщаніе, явились только 20. Изъ народныхъ учителей ни одинъ не приглашенъ. Занятія совѣщанія будутъ происходить при закрытыхъ дверяхъ.

Что сей сонъ означаетъ? И кто виновникъ превращенія широкой земской мѣры въ бюрократическую канцелярскую волокиту? Къ сожалѣнію, намъ это неизвѣстно. Неужели сама земская управа поусердствовала въ этомъ вопросѣ? Не хочется вѣрить этому. Нужно думать, что и въ данномъ случаѣ оказано было давленіе.

Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Смоленская губернская управа въ 1904 году сама проявила иниціативу относительно расширенія программы педагогическихъ курсовъ для народныхъ учителей. Внося эту программу на разсмотрѣніе уѣздныхъ земствъ, губернская управа писала, что опыты состоявшихся въ 1904 г. курсовъ, въ программу которыхъ, кромѣ чисто педагогическихъ занятій, введены были еще лекціи по исторіи русской литературы, оказались очень удачными, такъ какъ, по единодушнымъ отзывамъ слушателей курсовъ и руководителей ихъ, такая постановка курсовыхъ занятій вызывала у курсистовъ глубокій интересъ и принесла имъ несомнѣнную пользу. Въ виду этого губернская управа просила уѣздныя собранія высказаться, желательно ли расширить программу будущихъ курсовъ введеніемъ въ нее лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ, и если желательно, то по какимъ именно, или же собраніе находитъ болѣе

цѣлесообразнымъ устройство однихъ образовательныхъ курсовъ, безъ чисто педагогическихъ занятій.

Въ *Новгородскомъ* губернскомъ земствѣ постановленіе собранія сессіи 1903 года, присоединившагося къ рѣшенію старорусскаго земскаго собранія о прекращеніи съ 1904 года выдачи пособія церковно-приходскимъ школамъ въ суммѣ 4.700 рублей, было представлено въ порядкѣ ст. 94 пол. о земск. учр. министру внутреннихъ дѣлъ.

Новгородскій губернаторъ извѣстилъ губернскую управу, что начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства увѣдомилъ его, что постановленіе земства о прекращеніи пособія было вызвано стѣсненнымъ положеніемъ земства и заботой объ интересахъ мѣстнаго населенія, экономическое положеніе котораго подорвано неурожаями послѣднихъ лѣтъ и наводненіями, повредившими заливные покосы, а потому и требуетъ сокращенія земскихъ расходовъ. Вслѣдствіе чего начальникъ главнаго управленія затруднился входить съ представленіемъ объ отмѣнѣ за нарушеніемъ мѣстныхъ интересовъ постановленія новгородскаго губернскаго земскаго собранія.

Сообщая объ этомъ губернской земской управѣ, губернаторъ съ своей стороны извѣщаетъ послѣднюю, что съ его стороны не встрѣчается препятствій къ дальнѣйшему исполненію постановленій старорусскаго уѣзднаго и новгородскаго губернскаго уѣздныхъ собраній о прекращеніи выдачи пособія церковно-приходскимъ школамъ.

Въ общемъ собраніи Новгородскаго педагогическаго кружка, Н. К. Кульманомъ былъ сдѣланъ докладъ на тему: „Общеобразовательные курсы для народныхъ учителей въ связи съ историческимъ очеркомъ народнаго образованія въ Россіи“.

Во время обсужденія характера курсовъ было указано, что мѣстное губернское земство, весьма сочувственно относясь къ идеѣ общеобразовательныхъ курсовъ, уже два года подрядъ вноситъ въ смѣту ассигновки на этотъ предметъ, но въ прошломъ году курсы не состоялись, потому что разрѣшеніе было получено послѣ того срока, въ который оно испрашивалось, а въ нынѣшній годъ курсы прямо не разрѣшены. Присутствовавшій въ засѣданіи директоръ народныхъ училищъ заявилъ, что учебный округъ и министерство народнаго просвѣщенія относятся къ курсамъ сочувственно, и что курсы не разрѣшены по постороннимъ причинамъ, вслѣдствіе отзыва администраціи, которая, вѣроятно, въ свою очередь имѣла соотвѣтствующія указанія отъ своего начальства.

Изъ этого заявленія ровно ничего невозможно понять. И учебный округъ, и министерство народнаго просвѣщенія, оказывается, сочувствуютъ курсамъ, но тутъ замѣшались какія-то „постороннія при-

чины", о которыхъ онъ, директоръ, не знаетъ. Эти причины—„отзывъ администраціи", который, *вѣроятно*, имѣетъ указаніе отъ своего начальства. Разберитесь въ этомъ!

Въ 1904 году исполнилось 10 лѣтъ существованія новгородскаго общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ губерніи.

Правленіе общества всегда старалось придать своей дѣятельности самую широкую гласность, печатая отчеты и разныя статьи, посвященныя интересамъ общества, въ „Вѣстникѣ Новгородскаго Земства", который разсылается во всѣ школы губерніи. Число учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Новгородской губерніи, постепенно увеличиваясь, приблизилось въ 1903—4 учебномъ году къ 1.000 (921 чел.). Сумма годичныхъ взносовъ отъ дѣйствительныхъ членовъ общества, довольно высокая въ первыя 8 лѣтъ его существованія, имѣла постоянную тенденцію къ пониженію и въ 1900—1901 учебномъ году опустилось до 166 р. при 129 членахъ, но черезъ два года число членовъ уже удвоилось (244), а сумма взносовъ утроилась (468 р.).

Изъ отчетовъ общества за минувшее десятилѣтіе видно, что оно приходило на помощь своимъ членамъ главнымъ образомъ выдачей единовременныхъ пособій и содержаніемъ интернатовъ для дѣтей членовъ, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ Новгорода и Череповца. Десять лѣтъ назадъ сумма пособій изъ средствъ общества равнялась 460 р.; теперь она увеличилась до 1.515 р. въ годъ; всего за 10 лѣтъ обществомъ издержано на пособія и интернаты 9.658 р., отъ дѣйствительныхъ же членовъ поступило взносовъ за тотъ же періодъ времени только 4.123 р. Десятилѣтняя практика общества взаимопомощи показала, что самая острая нужда въ учительскомъ быту встрѣчается тогда, когда учителю приходится разрѣшать вопросъ объ образованіи своихъ дѣтей. Разбросанные по отдаленнымъ глухимъ уголкамъ обширной Новгородской губерніи, вдали отъ центровъ, народные учителя при разрѣшеніи вопроса о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей весьма часто бываютъ поставлены въ безвыходное положеніе. Въ правленіе общества поступаетъ ежегодно много прошеній съ просьбой оказать пособіе на воспитаніе дѣтей или о принятіи ихъ въ интернатъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще они повторяются. До сихъ поръ благодаря щедрымъ пожертвованіямъ земствъ и частныхъ лицъ правленіе имѣло возможность удовлетворить эти просьбы. А что будетъ дальше, предвидѣть трудно. Въ 1904 году такихъ просьбъ поступало особенно много.

Земскіе служащіе *Тихвинскаго* земства—учителя, врачи и др., а также и частныя лица тепло провожали бывшаго предсѣдателя

уѣздной земской управы извѣстнаго земскаго дѣятеля С. Г. Бередникова, оставлявшаго земскую службу. Учителями былъ поднесенъ глубоко прочувствованный адресъ, покрытый многими подписями.

Въ адресѣ указано, что С. Г. нашелъ въ уѣздѣ около 10-ти школъ, а оставляетъ уѣздъ почти со 100 школами. Онъ заботился не только о количествѣ, но и о качествѣ школъ. Въ учителѣ онъ видѣлъ не наемника, а сотрудника въ дѣлѣ народнаго образованія, и учителя всегда шли къ нему со своими запросами и нуждами и уходили отъ него удовлетворенными. Указывалось также на его заботы о внѣшкольномъ образованіи, и въ концѣ выражалась надежда, что онъ не навсегда уходитъ изъ тихвинскаго земства и что удастся еще поработать съ нимъ. С. Г. былъ глубоко растроганъ и сказалъ, что это—одна изъ самыхъ счастливыхъ минутъ его жизни, такъ какъ онъ видитъ, что его поняли такъ, какъ онъ объ этомъ всегда мечталъ.

Въ *Крестецкомъ* земствѣ во второй половинѣ 1904 г. происходили занятія школьной коммиссіи при мѣстной земской управѣ съ участіемъ учителей.

За 43 года жизни земства—это первый опытъ привлеченія учащихъ къ участію въ постановкѣ школьнаго дѣла. Въ школьную коммиссію управой были приглашены 15 учителей, двѣ учительницы (третья часть учительскаго персонала), двое гласныхъ земства и инспекторъ народныхъ училищъ. Программа занятій состояла изъ 15-ти вопросовъ, которые касались исключительно хозяйственной стороны школьнаго дѣла.

Изъ постановленій коммиссіи отмѣтимъ: 1) приглашеніе на земское собраніе по дѣламъ школьнаго хозяйства съ правомъ совѣщательнаго голоса трехъ лицъ изъ учительскаго персонала по выбору управы; 2) устройство уѣзднаго учительскаго съѣзда и порайонныхъ съѣздовъ учителей; 3) увеличеніе содержанія учителей съ 240 руб. на 300, независимо отъ образовательнаго ценза, и содѣйствіе земства матеріальною помощью при воспитаніи дѣтей народнаго учителя; 4) введеніе въ школѣ для дѣвочекъ преподаванія рукодѣлія, главнымъ образомъ, шитью предметовъ домашняго обихода; 5) признаніе, что на количество поступающихъ въ школу дѣтей учебнаго возраста и на аккуратность посѣщенія вліяетъ главнымъ образомъ малокультурность и бѣдность населенія, бездорожица, особенно весною и осенью, плохая одежда, домашнія работы и плата за обученіе; 6) нормальнымъ началомъ учебныхъ занятій является 1-е сентября, нормальный возрастъ—8 лѣтъ. По окончаніи занятій учителя горячо благодарили предсѣдателя земской управы А. П. Храповицкаго за его починъ въ дѣлѣ учрежденія школьной коммиссіи, открыв-

шей возможность учителямъ выражать нужды и влiять на постановку школьнаго дѣла.

Въ томъ же земствѣ Предводитель дворянства на ходатайство управы о разрѣшенiи открытiя шести новыхъ школъ согласно постановленiю земскаго собранiя сессiи 1903 года не изъявилъ своего согласiя на открытiе школъ, какъ предсѣдатель училищнаго совѣта, по праву, данному ему ст. 3.478 XI т. Св. Зак. (изд. 1893 г.), мотивируя свой отказъ стѣсненностью средствъ земскихъ плательщиковъ и войною.

Первый мотивъ не подтверждается въ бумагѣ никакими данными и тѣмъ болѣе оригиналенъ, что смѣта крестецкаго земства, составленная съ превышенiемъ $3^0/_0$ нормы, утверждена губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствiемъ и теперь фактически прiостановлена предсѣдателемъ училищнаго совѣта въ части, касающейся открытiя новыхъ школъ. Какое отношенiе имѣютъ къ открытiю школъ военныя дѣйствiя, тоже остается невыясненнымъ со стороны предводителя дворянства. Училищный совѣтъ, большинство котораго составляли земскiе начальники, постановилъ до окончанiя военныхъ дѣйствiй на Дальнемъ Востокѣ не давать разрѣшенiй на открытiе народныхъ чтенiй съ волшебнымъ фонаремъ и потому не вошелъ въ разсмотрѣнiе каждаго отдѣльнаго ходатайства о разрѣшенiи чтенiй и о допущенiи чтецами учащихъ въ начальныхъ школахъ.

Этотъ произволъ земскихъ начальниковъ во главѣ съ предводителемъ дворянства Желѣзновымъ былъ, конечно, обжалованъ уѣздною земскою управою, и губернскiй училищный совѣтъ отмѣнилъ совершенно незаконное постановленiе вышедшаго изъ предѣловъ власти знаменитаго уѣзднаго предводителя дворянства.

И. П. Бѣлоконскiй.

(*Окончанiе будетъ*).

Учебники законовѣдѣнія.

I.

Въ послѣдніе годы въ обществѣ получило значительное развитіе сознаніе необходимости знакомиться каждому съ правомъ, съ дѣйствующими законами, съ правами и обязанностями какъ частныхъ, такъ и должностныхъ лицъ, съ основаніями, которыми опредѣляются отношенія власти къ обывателю и обывателя къ власти. Сознаніе это получило довольно яркое выраженіе и въ литературѣ. Доказательству этой мысли, какъ и указанію тѣхъ пріемовъ, которые должны примѣняться къ дѣлу популяризаціи права, было посвящено большое число статей, замѣтокъ, разсужденій. Обсужденіе этого предмета находило мѣсто и на страницахъ „Русской Школы“*).

Та-же тема вызвала въ ученыхъ обществахъ нѣсколько докладовъ, касавшихся юридической безпомощности крестьянъ и популяризаціи права, какъ одной изъ мѣръ къ ея ослабленію. Весьма единодушно устанавливалась необходимость широкаго распространенія свѣдѣній о правѣ, законахъ. Признано, что и просто грамотный человѣкъ долженъ располагать подходящимъ пособіемъ для этой цѣли.

Какъ предметъ преподаванія, право оставалось почти исключительно въ программахъ профессіональныхъ школъ: коммерческихъ училищъ, торгово-промышленныхъ школъ, мореходныхъ классовъ, землемѣрныхъ училищъ и пр. Съ предпринятымъ же обсужденіемъ вопросовъ средней школы, не разъ высказывались сужденія о необходимости ввести его и въ программу школъ общеобразовательныхъ. Нѣкоторыя земства проектировали учрежденіе начальныхъ школъ высшаго типа,—и въ тѣхъ программахъ, которыя при этомъ начертывались, неизмѣнно стояло законовѣдѣніе.

---

*) См. мои статьи: „О преподаваніи и популяризаціи права“ („Р. Ш.“ №№ 9—10 за 1899 г.); „Значеніе и цѣли преподаванія законовѣдѣнія“ („Р. Ш.“ №№ 5—6 за 1900 г.).

При такихъ условіяхъ, естественно, должны были возникать въ литературѣ опыты общедоступнаго изложенія права какъ въ видѣ популярныхъ книжекъ, предназначающихся для широкой публики, такъ и въ видѣ учебниковъ, имѣющихъ въ виду извѣстныя категоріи учащихся, требованія школьныхъ программъ, прямыя педагогическій цѣли. Пополненіе литературы въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, и произошло вмѣстѣ съ развитіемъ самой идеи широкаго преподаванія и популяризаціи права. Литература наша получила, несомнѣнно, нѣкоторое развитіе въ этомъ отношеніи, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ.

Что-же представляетъ собою популярно-юридическая литература? Какихъ областей она касается, какимъ образомъ ихъ излагаетъ, какими пріемами пользуется для распространенія въ населеніи понятій о правѣ, свѣдѣній о законахъ? Рѣчь идетъ объ области знанія, представляющей большія трудности для популярнаго изложенія, обнаруживающіяся въ недостаточномъ развитіи этой литературы и въ болѣе образованныхъ западно-европейскихъ странахъ *). Въ какой-же степени овладѣли мы настоящимъ дѣломъ? Что представляютъ собою русскіе опыты изложенія права?—Разберемъ послѣдовательно на страницахъ „Русской Школы" всю подразумѣвающуюся здѣсь литературу, кромѣ тѣхъ опытовъ, конечно, которые принадлежатъ лично намъ. Пока-же коснемся собственно учебниковъ законовѣдѣнія, относительно которыхъ намъ приходилось высказываться о необходимости составлять ихъ такимъ образомъ, чтобы они одновременно служили и цѣлямъ учебнымъ, и интересамъ популяризаціи права,—были доступны и болѣе широкой публикѣ.

II.

„*Общедоступное законовѣдѣніе, относящееся до крестьянскаго быта*". Составлено въ объемѣ программы преподаванія „главнѣйшихъ законовъ, относящихся до крестьянскаго быта, въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ I разряда". *И. Демкинъ*. Спб. 1899 г. 75 к.—„*Общедоступное законовѣдѣніе, относящееся преимущественно до крестьянскаго быта и сельскаго хозяйства*". Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. (Мнѣніемъ ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, утвержденнымъ г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ 26-го декабря 1900 г., признано, что можетъ быть съ пользою при-

---

*) См. объ этомъ въ упомянутой выше статьѣ моей „О преподаваніи и популяризаціи права".

нято въ качествѣ руководства въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ).—1901 г. 75 к.

Какъ видно, настоящая книжка является учебникомъ для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Предметъ ея—законы, касающіеся массы населенія, крестьянъ,—той части населенія, о необходимости популяризаціи права для которой и говорится обыкновенно больше всего. Очень естественно и считать эту книжку вообще популярно-научною, предназначающеюся для широкой публики.

Въ предисловіи къ книжкѣ г. Демкина и указывается именно ея назначеніе, какъ опыта общедоступнаго изложенія права. Руководство свое онъ выставляетъ при этомъ здѣсь, какъ „первый шагъ" въ этомъ направленіи. Не дѣлая никакихъ ссылокъ на источники и пособія, которыми пользовался при составленіи своей книжки, г. Демкинъ, однако, указываетъ въ примѣчаніи на стр. 78 перваго изданія „Общедоступнаго законовѣдѣнія": „Въ порядкѣ изложенія предметовъ вѣдомства сельскаго схода составитель слѣдуетъ Н. П. Дружинину, автору „Общепонятнаго законовѣдѣнія" (Москва, 1898 г.). Къ этому, прекрасному во многихъ отношеніяхъ, руководству составитель отсылаетъ всѣхъ желающихъ нѣсколько подробнѣе ознакомиться съ компетенціей сельскихъ сходовъ". Ссылки на другіе—принадлежащіе намъ же—опыты въ направленіи общедоступнаго изложенія права г. Демкинъ могъ бы, однако, сдѣлать не одинъ разъ, а также указать, что самой упоминаемой нашей книжкѣ онъ „слѣдуетъ" въ смыслѣ значительно болѣе широкихъ и болѣе близкихъ заимствованій. Но—страннымъ образомъ—во второмъ изданіи книжки г. Демкина не оказывается и приведенной ссылки весьма ограничительнаго свойства *).

Книжка г. Демкина, отличаясь въ весьма малой степени самостоятельностью въ первомъ изданіи и представляя собою нѣчто болѣе развитое во второмъ, пополненная въ немъ, кромѣ того, значительнымъ числомъ самостоятельно написанныхъ страницъ,—является въ общемъ руководствомъ, составленнымъ путемъ, во всякомъ случаѣ, толковыхъ заимствованій. Заимствованія сдѣланы такимъ образомъ, что въ нихъ обнаруживается, все-таки, знакомство автора съ предметомъ, который онъ излагаетъ. Такимъ образомъ, книжка „Общедоступное законовѣдѣніе" представляетъ нѣчто цѣльное, стройное. Авторъ, видимо, способенъ составить и нѣчто самостоятельное. Остается указать на тѣ ошибки, которыя онъ сдѣлалъ, вольно или невольно, собственно во второмъ изданіи „Общедоступнаго законовѣдѣнія".

---

*) Я указалъ на это въ свое время въ газетѣ „Курьеръ".

На стр. 10 о крестьянахъ говорится такимъ образомъ, какъ будто всѣ они были крѣпостными, освобожденными отъ помѣщичьей зависимости 19 февраля 1861 г. Тотъ же смыслъ имѣютъ разсужденія на стр. 57, касающіяся ближайшимъ образомъ отмѣны крѣпостной зависимости. Самая эта зависимость выражалась, по словамъ автора, въ томъ, что „крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, на которой жили, то есть, не вправѣ были оставлять ее безъ дозволенія помѣщика этой земли, ихъ господина". Весьма неопредѣленными, далѣе, оказываются указанія на тотъ подневольный трудъ, которымъ были обязаны крѣпостные крестьяне, какъ признакъ ихъ зависимости. Существо и широта ограниченій, лежавшихъ на крѣпостныхъ крестьянахъ, такимъ образомъ, остались невыясненными. Наконецъ, не точнымъ является указаніе, что 19 февраля 1861 г. крестьяне получили „полныя права личной свободы". Извѣстно, что на крестьянахъ осталось много ограниченій, до сихъ поръ сохраняющихся.

На стр. 64, на которой приводятся свѣдѣнія, между прочимъ, о бывшихъ удѣльныхъ крестьянахъ, заимствуемыя изъ нашей книжки „Общепонятное законовѣдѣніе", говорится, что крестьяне удѣльные были переведены на выкупные платежи въ 1863 г. и съ того времени стали называться крестьянами-собственниками. Здѣсь же о крестьянахъ, бывшихъ государственныхъ, говорится, что они были переведены на выкупные платежи въ 1886 г. Между тѣмъ, на стр. 111, на которой авторъ говоритъ отъ себя, приводится такое замѣчаніе: „Въ 1883 г., на выкупные платежи были переведены всѣ крестьяне; однимъ изъ нихъ (крестьянамъ бывшимъ помѣщичьимъ и удѣльнымъ) выкупные платежи были разсрочены на 49 лѣтъ, другимъ (крестьянамъ государственнымъ)—на 44 года". Ошибка представляется весьма существенной, въ виду большой важности, которую имѣютъ срокъ, съ котораго крестьяне разныхъ разрядовъ начали вносить выкупные платежи, и время, когда они сдѣлаются собственниками выкупаемой земли.

На стр. 89, представляющей заимствованіе стр. 197 перваго изданія нашего „Общепонятнаго законовѣдѣнія", повторена весьма существенная ошибка, вкравшаяся тогда въ нашу книгу: выходитъ, что и жалобы на приговоры о тѣлесномъ наказаніи передаются земскимъ начальникомъ только тогда, когда они постановлены волостнымъ судомъ съ нарушеніемъ предѣловъ его власти. Между тѣмъ, лицамъ, присужденнымъ къ тѣлесному наказанію, предоставляется закономъ прямое право жалобы въ уѣзный съѣздъ въ обычномъ порядкѣ,—чрезъ земскаго начальника.

Курсъ законовѣдѣнія Практическое руководство къ изученію законовъ и пользованію ими". В. А. Долбина. Спб. 1896 г. 1 руб.

Настоящая книжка входитъ въ серію „учебниковъ, составленныхъ по порученію департамента земледѣлія". Она предназначается именно для среднихъ земледѣльческихъ училищъ. Но, согласно съ требованіями програмы, въ настоящій курсъ введены свѣдѣнія, входящія въ составъ всѣхъ тѣхъ отдѣловъ Свода Законовъ, которые имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ общегражданскимъ и сельскохозяйственнымъ интересамъ. Въ виду же этого, авторъ основательно придаетъ своей книгѣ и „болѣе широкое назначеніе". Онъ предполагаетъ, что она окажется „далеко не лишнею для сельскихъ хозяевъ и вообще для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя, по роду своей дѣятельности, поставлены въ необходимость имѣть настольную юридическую книгу, уясняющую ихъ правовые интересы и облегчающую нахожденіе въ Сводѣ Законовъ тѣхъ или другихъ узаконеній, сообразно данному случаю". Такимъ образомъ, настоящій учебникъ прямо выдвигается авторомъ какъ популярно-юридическая книжка для широкой публики.

Несомнѣнно, что книга г. Долбина въ значительной степени и удовлетворяетъ тому назначенію, которое онъ ей придалъ, и является полезнымъ пособіемъ для многихъ и разнообразныхъ лицъ, сталкивающихся съ закономъ въ области сельскохозяйственныхъ отношеній. Вначалѣ въ ней дается понятіе объ обществѣ, государствѣ, о законѣ, обычаѣ, источникахъ познанія права. Затѣмъ авторъ излагаетъ законы, касающіеся устройства и дѣятельности разныхъ учрежденій, начиная съ высшихъ и кончая низшими. Далѣе, онъ излагаетъ: русскіе гражданскіе законы, уголовные законы, судопроизводство, уголовное и гражданское, финансовые законы. Заключительная глава посвящена законодательству, относящемуся къ сельскому хозяйству и землевладѣнію. Заканчивается настоящій курсъ алфавитнымъ указателемъ, облегчающимъ справки.

Характерною чертою книги является именно изложеніе законовъ, подчасъ довольно близкое къ самому тексту послѣднихъ,—не освѣщенное теоретически въ той хотя-бы небольшой степени, въ которой это было бы необходимо. Оттого оно является довольно сухимъ. Можно опасаться, что вслѣдствіе этого книга г. Долбина не возбуждаетъ достаточнаго интереса въ читателѣ къ тому предмету, котораго касается. Какъ бы и не расчитывая на это, авторъ,—по примѣру, впрочемъ, почти всѣхъ другихъ, занявшихся составленіемъ учебниковъ,—не указываетъ никакихъ пособій къ дальнѣйшему изученію права. Это составляетъ первый и, безъ сомнѣнія, важный недостатокъ книги.

Прочіе недостатки касаются неправильнаго изложенія постановленія закона.

Едва ли правильно то дробное раздѣленіе учрежденій по роду дѣятельности, которое установляетъ авторъ, говоря на стр. 18 о дѣятельности законодательной, судебной, военной, церковной, правительственной. Не можетъ быть оправдано отступленіе отъ основного раздѣленія властей на законодательныя, судебныя и административныя,—съ распредѣленіемъ уже учрежденій, вѣдающихъ дѣла управленія, на правительственныя, въ смыслѣ осуществленія высшей власти управленія, на административныя въ тѣсномъ смыслѣ слова, и на военныя, и на церковныя, какъ извѣстные виды учрежденій административныхъ, выполняющихъ спеціальныя задачи управленія. Невѣрно указаніе на существованіе при государственномъ совѣтѣ кодификаціоннаго отдѣла, упраздненнаго еще въ 1893 г., съ образованіемъ въ составѣ государственной канцеляріи отдѣленія Свода Законовъ.

Существенное недоразумѣніе вызываетъ замѣчаніе на стр. 37: „Съ отмѣной крѣпостной зависимости для владѣльческихъ крестьянъ, и съ постепеннымъ уничтоженіемъ подобной зависимости для государственныхъ крестьянъ и пр. разрядовъ сельскаго податного населенія, явилась необходимость, во избѣжаніе чрезмѣрнаго развитія мѣстной административной системы, дать массѣ сельскаго свободнаго класса такое устройство, при которомъ сохранялась бы строгая подчиненность этого класса ближайшимъ органамъ управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ сплоченіе его въ однородную массу, связанную единствомъ обязанностей и интересовъ“. О какой зависимости государственныхъ крестьянъ и прочихъ разрядовъ сельскаго населенія здѣсь говорится? Можно было бы предположить, что имѣется въ виду то положеніе, напримѣръ, государственныхъ крестьянъ, которое они занимали до преобразованія ихъ быта въ 1838—1839 гг. по проектамъ графа П. Д. Киселева. Но въ дальнѣйшемъ идетъ изложеніе именно того устройства, которое было дано крѣпостнымъ крестьянамъ въ 1861 г. Такимъ образомъ, подразумѣвается и считается какъ бы состояніемъ зависимости то положеніе, которое государственные крестьяне и прочіе разряды крестьянъ, кромѣ крѣпостныхъ, занимали до распространенія на нихъ законоположеній, созданныхъ для помѣщичьихъ крестьянъ, находясь въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ. Но это совершенно неправильно, какъ извѣстно. Положеніе государственныхъ крестьянъ по законамъ 1838—1839 гг., отличалось въ большей степени независимостью отъ усмотрѣнія ближайшихъ властей и подчиненіемъ закону, нежели то положеніе, которое получили крѣпостные крестьяне по освобожденіи отъ помѣщичьей власти

и прочіе разряды сельскихъ обывателей по распространеніи на нихъ законоположеній о крестьянахъ крѣпостныхъ.

На стр. 39 дается поясненіе, изъ котораго оказывается, что въ книгу сдѣлокъ и договоровъ при волостномъ правленіи вносятся крестьянскія духовныя завѣщанія, „словесно передъ сходомъ изложенныя завѣщателемъ",—между тѣмъ какъ ни волостной, ни сельскій сходъ, ни волостной судъ не имѣютъ никакого отношенія къ этого рода дѣламъ.

О волостномъ судѣ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскіе начальники, на той же страницѣ говорится, какъ о собираемомъ волостнымъ старшиной,—тогда какъ законъ именно ограждаетъ этотъ судъ отъ вліянія волостного старшины, запрещая ему даже присутствовать при разбирательствѣ дѣлъ.

Подвѣдомственность волостному суду въ прочихъ губерніяхъ неправильно обоснована на признакѣ „податного состоянія". Къ податнымъ сословіямъ принадлежали по этому признаку, по смыслу разсужденій автора, мѣщане и крестьяне. Но подвѣдомственность волостному суду устанавливается нынѣ лишь для крестьянъ и только тѣхъ мѣщанъ, посадскихъ и ремесленниковъ, которые постоянно проживаютъ въ селеніяхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ виду отмѣны подушной подати, законъ 29 марта 1893 г., опредѣляющій, лица какихъ сословій могутъ приписываться къ крестьянскимъ обществамъ, называетъ мѣщанъ, рабочихъ, ремесленниковъ и сельскихъ обывателей „бывшими податными состояніями".

На стр. 43 и 44 авторъ объясняетъ реформу земскаго самоуправленія 1890 г. тѣмъ, что, благодаря ей, „дѣятельность земскихъ учрежденій поставлена въ живой связи съ ходомъ правительственной власти въ губерніяхъ, и по этой причинѣ земскія учрежденія подчинены постоянному контролю администраціи". Далѣе, на стр. 44 городскую реформу 1892 г. авторъ объясняетъ тѣмъ, что въ городовомъ положеніи 1870 г. отсутствовала „связь между этими учрежденіями и общею правительственною властью". Такимъ образомъ, вмѣсто изложенія дѣйствующаго права, получается критика прежняго и восхваленіе существующаго. Но авторъ забываетъ, что литература и земскія учрежденія какъ разъ выражали мысль о необходимости возвращенія къ началамъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. Между тѣмъ, если допускать критику и восхваленіе, то нельзя игнорировать подобнаго рода источники.

Весьма смутно и нескладно слѣдующее объясненіе (стр. 51): „Кассаціонныя рѣшенія ежегодно издаются въ особыхъ оффиціальныхъ сборникахъ; но при громадномъ числѣ рѣшеній и вслѣдствіе расположенія ихъ по порядку нумеровъ, безъ систематизаціи по со-

держанію, пользованіе ими доступно только спеціалистамъ юридической профессіи“. Громадное число рѣшеній не можетъ дѣлать ихъ недоступными; отсутствіе систематизаціи можетъ только затруднять справки съ ними. Но чтобы отъ этого кассаціонныя опредѣленія были доступны только „спеціалистамъ юридической профессіи“,—это, безъ сомнѣнія, утвержденіе и нескладное, и лишенное надлежащей основательности.

На стр. 52 говорится: „Такъ какъ бракъ есть таинство, то въ юридическомъ отношеніи онъ можетъ быть предметомъ изученія лишь въ отношеніи“... Изученіе явленій въ юридическомъ отношеніи не ограничивается тѣмъ, что данное явленіе подлежитъ опредѣленію еще и со стороны религіозной: наука избираетъ свободно предметы для своего изученія. Съ нѣкоторыми ограниченіями законодательство считается; но тогда и нужно указывать именно на это, а не на науку.

На стр. 56 приводится указаніе на право родителей заключать дѣтей „въ тюрьму за дурное поведеніе и непочтительность“,—но безъ добавленія, что это возможно только по приговору суда: такое указаніе можетъ приводить только къ недоразумѣніямъ. Необходимо было бы и то добавленіе, что на дѣлѣ родители никогда не прибѣгаютъ къ этому праву, дѣйствительно выраженному въ законахъ гражданскихъ и обставленному указанными ограниченіями въ законахъ судопроизводственныхъ

На стр. 62 право собственности подраздѣляется на „государственное и частное“. Но что такое „государственное право собственности“, авторъ не поясняетъ и, такимъ образомъ, возбуждаетъ существенное недоразумѣніе въ читателѣ.

„Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи“. Курсъ законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ. На основаніи утвержденной Военнымъ Министромъ программы составленъ по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1889 г. 1 р.

Цѣлью преподаванія „началъ законовѣдѣнія“, вводившихся въ программу кадетскихъ корпусовъ въ концѣ 80 гг., было „своевременное сообщеніе юношамъ, оканчивающимъ здѣсь общее образованіе, правильныхъ и ясныхъ понятій о тѣхъ отношеніяхъ, въ коихъ каждый человѣкъ неизбѣжно находится въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, равно какъ и о томъ, что власть и законъ представляютъ существеннѣйшіе элементы всякаго организованнаго общежитія“. Изложеніе этихъ понятій и составляетъ назначеніе настоящей книжки. Такимъ образомъ, этотъ опытъ популяризаціи права долженъ получить характеръ философскій, умозрительный. Только подзаглавіе говоритъ о томъ, что рѣчь можетъ идти въ немъ и объ изложеніи собственно законовъ.

Дѣйствительно, первыя страницы говорятъ о природѣ человѣка, противопоставляемой существованіемъ духовной стороны природѣ животнаго,—онѣ указываютъ на существованіе въ человѣкѣ „невещественной силы, дѣйствующей черезъ мозгъ—по объясненію автора—и называемой душою“; далѣе, онѣ говорятъ о познавательной способности человѣка, объ его потребностяхъ, и объ условіяхъ общежитія, требующихъ для своего поддержанія и сохраненія закона нравственнаго и закона положительнаго. Затѣмъ, послѣ этихъ,—мѣстами, туманныхъ,—объясненій, авторъ излагаетъ ученіе о нравственности, установляетъ нравственныя обязанности человѣка (къ Богу, къ себѣ, къ другимъ людямъ), указываетъ нравственныя добродѣтели (мудрость, справедливость, мужество, умѣренность). Въ дальнѣйшемъ, излагается общее ученіе о правѣ, съ указаніемъ важнѣйшихъ постановленій нашего законодательства относительно правъ личности, права собственности, договорнаго права, права наслѣдованія. Касаясь этихъ предметовъ подъ рубрикою „право субъективное“, авторъ излагаетъ понятія о законѣ, обычаѣ и правѣ науки, какъ о правѣ объективномъ. Далѣе, изложеніе касается формъ общежитія,—семьи, гражданскаго общества (сословій и классовъ), наконецъ, къ государству. Выясняются признаки государства (территорія, народъ, верховная власть) и установляется понятіе о дѣятельности законодательной, административной и судебной. Кромѣ общихъ понятій, во всѣхъ случаяхъ приводятся постановленія дѣйствующаго русскаго законодательства о разсматриваемыхъ предметахъ, но безъ точныхъ ссылокъ на законъ и его источники.

Разсматриваемая книжка читается довольно легко, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, представляющихъ собою попытки выполнить требованія программы,—и имѣетъ значеніе, выводящее ее изъ предѣловъ предначертанной цѣли—служить учебникомъ для извѣстныхъ школъ. Она является пособіемъ не безполезнымъ для ознакомленія съ правомъ читателя, обладающаго нѣкоторою школьною подготовкою и склоннаго къ серьезному чтенію.

Недостаткомъ книжки является отсутствіе какихъ-либо указаній на литературу, которыми могъ бы воспользоваться читатель, получившій интересъ къ предмету, котораго книжка касается.

„*Общія начала законовѣдѣнія*“. По порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, составилъ *А. Мушниковъ*, профессоръ военно-юридической академіи. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ настоящей книжки является авторомъ и только что разсмотрѣннаго труда: „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи“. Это есть сокращенное изданіе послѣдней книги. Изъ „Основныхъ понятій о нравственности, правѣ

и общежитіи“ выпущены разныя подробности философскаго свойства; оставлено же преимущественно то, что вводитъ въ изученіе русскаго законодательства: ученіе о правѣ, о формахъ общежитія, о государствѣ. При этомъ имѣются въ виду, какъ нуждающіяся въ подобномъ пособіи, собственно лица, поступающія въ учреждаемыя при юнкерскихъ училищахъ военно-училищныя отдѣленія, такъ какъ въ младшихъ классахъ этихъ отдѣленій прохожденію курса русскихъ законовъ должно предшествовать, по программѣ, изложеніе общихъ началъ законовѣдѣнія. Но несомнѣнно, что настоящая книжка получаетъ и болѣе широкое значеніе,—можетъ служить вообще для ознакомленія съ правомъ лицъ, нуждающихся въ извѣстныхъ свѣдѣніяхъ изъ этой области.

„*Русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права*“. Курсъ законовѣдѣнія для младшаго класса военныхъ училищъ. На основаніи утвержденной военнымъ министромъ программы, составленъ по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1891 г. 1 р. 75 к.

Настоящее пособіе, представляя собою, какъ видно, учебникъ, имѣетъ значеніе и для дальнѣйшаго ознакомленія съ правомъ лицъ, получившихъ основныя понятія о немъ изъ книжекъ, только что разсмотрѣнныхъ. Вмѣсто общихъ понятій, здѣсь излагаются ближайшимъ образомъ законы, относящіеся къ государственному праву (основные законы объ учрежденіяхъ, о состояніяхъ) и праву гражданскому (имущественное право, обязательственное, авторское, наслѣдственное). Изложеніе отличается нѣкоторою сухостью.—Но оно свободно отъ тѣхъ ошибокъ, которыя обыкновенно такъ часты въ опытахъ этого рода. Весьма важнымъ, хотя и очень краткимъ, добавленіемъ являются тѣ страницы книги, на которыхъ излагаются свѣдѣнія изъ международнаго права. Отсутствіе особыхъ опытовъ популярнаго изложенія послѣдняго придаетъ особое значеніе настоящей части разсматриваемой книжки. Международное право излагается, какъ мы увидимъ ниже, и въ нѣкоторыхъ другихъ учебникахъ законовѣдѣнія; но здѣсь изложеніе его отличается и большими подробностями, и большими достоинствами.

К. Ельницкій. „*Основы законовѣдѣнія*“. Въ объемѣ курса кадетскихъ корпусовъ и примѣнительно къ программѣ, утвержденной военнымъ министромъ для этихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1894 г. 50 к.

Настоящая книжка составлена по той же программѣ и предназначается для тѣхъ же школъ—кадетскихъ корпусовъ,—какъ и книжка „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи“. И нужно признать, что она является лучшимъ опытомъ въ этомъ родѣ. Изло-

женіе автора живѣе, проще, яснѣе, въ большей мѣрѣ проникнуто идеей. Книжка способна оказать и воспитательное вліяніе на читателя, и дать ему довольно много существенныхъ свѣдѣній о правѣ, и возбудить въ немъ интересъ къ дальнѣйшему его изученію. Тѣмъ болѣе приходится пожалѣть, что и г. Ельницкій не даетъ никакихъ указаній на литературу предмета, которыми могъ бы воспользоваться заинтересованный имъ читатель. Авторъ какъ бы видитъ читателей въ лицѣ единственно своихъ учениковъ-воспитанниковъ Сибирскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ онъ преподаетъ законовѣдѣніе—могущихъ легко получить отъ него непосредственно нужныя свѣдѣнія. Онъ забываетъ, что книжка его можетъ попасть въ руки и обыкновеннаго читателя, ищущаго знакомства съ правомъ.

Несомнѣнная способность къ общедоступному изложенію правовыхъ понятій и свѣдѣній, знаніе предмета и обнаруживающійся собственный интересъ къ нему—всѣ эти свойства, проявившіяся въ авторѣ настоящей книжки, побуждаютъ желать, чтобы онъ сдѣлалъ опытъ популяризаціи права для большой публики, не стѣсняясь никакими предустановленными предѣлами, программами. Мы увѣрены, что г. Ельницкій способенъ былъ бы дать лучшій опытъ въ этомъ родѣ.

„*Учебникъ законовѣдѣнія для военныхъ и юнкерскихъ училищъ*“. Составилъ экстра-ординарный профессоръ Александровской военно-юридической академіи и преподаватель Михайловскаго артиллерійскаго училища А. С. Лыкошинъ. Спб. 1902 г. 1 р. 75 к.

Настоящій учебникъ составленъ по программѣ для военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Въ отличіе же отъ разсмотрѣнной выше книги „Русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права“, онъ заключаетъ въ себѣ, помимо тѣхъ же отдѣловъ, изложеніе уголовныхъ законовъ какъ общихъ, такъ и военныхъ,—и также и изложеніе военнаго судопроизводства. Составитель имѣлъ въ виду, между прочимъ, необходимость для строевого офицера въ подобномъ пособіи. Но—несомнѣнно, что книга можетъ послужить съ пользою и для всякаго, такъ какъ въ ней изложены, большею частью, общіе законы страны. Самое изложеніе отличается достаточною простотою и систематичностью. При изложеніи законодательства приняты во вниманіе новѣйшія узаконенія, обнародованныя до 1 августа 1901 г. Въ этомъ, между прочимъ, существенное преимущество его передъ разсмотрѣнной выше первой книгой, предназначавшейся для военныхъ училищъ. Вообще, „Учебникъ законовѣдѣнія“ является цѣннымъ вкладомъ въ популярно юридическую литературу.—Но въ немъ нѣтъ ссылокъ на литературу вообще.

„*Курсъ морского торговаго законовѣдѣнія для мореходныхъ клас-*

совъ". Составилъ *В. Струкгофъ*. Изданіе второе, дополненное. Первое изданіе опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія рекомендовано для преподавателей законовѣдѣнія въ мореходныхъ классахъ, а постановленіемъ общаго собранія Императорскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству удостоено награды большою серебряною медалью имени Императора Александра II. Принято мореходными классами Спб. рѣчнаго яхтъ-клуба. Спб. 1896 г. 75 к.

Настоящая книжка предназначается для ознакомленія учениковъ мореходныхъ классовъ съ спеціальнымъ отдѣломъ законодательства. Авторъ и излагаетъ этотъ отдѣлъ—русское морское торговое право—вмѣстѣ съ началами международнаго морского права. Изложеніе имѣетъ практическій характеръ и но цѣли, и по пріемамъ. Будущимъ шкиперамъ и штурманамъ требуется преподать постановленія, имѣющія для нихъ ближайшее руководящее значеніе. Постановленія эти и излагаются довольно близко къ подлиннику, съ точнымъ указаніемъ самихъ статей закона, въ которыхъ они выражены. Практическій характеръ изложенія выражается и въ томъ, что въ концѣ книги приведены (изъ Свода Законовъ) образцы различныхъ бумагъ, обращающихся въ морскомъ торговомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, эта наибольшая часть не имѣетъ общаго значенія. Значеніе ея, однако, не ограничивается одними шкиперами и штурманами. Излагаемая часть законодательства не можетъ не представлять интереса и для лицъ, имѣющихъ отношеніе къ заграничной торговлѣ, экспортирующихъ товары или получающихъ ихъ изъ-за границы. Она заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, имѣющихъ существенное значеніе для нихъ, свѣдѣній, изложенныхъ притомъ въ формѣ весьма удовлетворительной, позволяющей легче усвоить эти свѣдѣнія, нежели при ознакомленіи съ морскимъ торговымъ правомъ непосредственно по источникамъ его познанія, по Своду Законовъ. А такъ какъ международное морское право заключено въ источники менѣе доступные, то значеніе настоящей книжки, излагающей его, дѣлается еще болѣе существеннымъ. Что же касается до общихъ свѣдѣній о законѣ и основныхъ положеній дѣйствующаго общаго русскаго права, то хотя они и изложены во вступленіи, но чрезвычайно кратко. Въ этой части допущена притомъ и такая ошибка: безъ всякихъ предварительныхъ замѣчаній о земскомъ начальникѣ, какъ о судебной власти, на стр. 18 говорится объ обжалованіи его рѣшеній и приговоровъ, и при этомъ учрежденіе, предназначающееся для разбора подобныхъ жалобъ, названо „уѣзднымъ съѣздомъ земскихъ начальниковъ", что невѣрно даже и по отношенію къ административному присутствію съѣзда, и тѣмъ менѣе по отношенію къ судебному присутствію, въ которое

входятъ у. чл. о. с. и городскіе судьи. Недостаткомъ является отсутствіе не только указателя, но и оглавленія.

А. Д. Солодовниковъ. Преподаватель Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. *„Законовѣдѣніе“*. Часть первая. (*Введеніе, общая часть, государственное право, вещное право, обязательственное право, семейное право, наслѣдственное право*). Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія одобрено для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Москва. (Годъ изданія не обозначенъ). 1 р.

Являясь учебникомъ, настоящая книжка содержитъ въ себѣ изложеніе понятій и свѣдѣній, имѣющихъ, какъ видно по подзаглавію, общее значеніе, для всѣхъ одинаково интересныхъ, всѣхъ въ одинаковой степени касающихся. Она представляетъ собою, поэтому, вполнѣ опытъ популяризаціи для широкой публики права. И нужно признать, что это—очень старательно и съ знаніемъ дѣла составленное пособіе, обнаруживающее въ авторѣ способность общедоступнаго изложенія права. Дѣйствующее законодательство излагается съ теоретическимъ его освѣщеніемъ,—и постановленія его, безъ сомнѣнія, могутъ быть усваиваемы по настоящей книжкѣ основательнѣе, тверже, нежели въ томъ случаѣ если бы изложеніе имѣло болѣе практическій характеръ и было ближе къ подлиннику.

А. Д. Солодовниковъ. „Законовѣдѣніе“. Часть 2-ая. Выпускъ I. Торговое право.— Пособіе для воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Москва. 1901 г. 75 к.

Въ настоящей 2-ой части „Законовѣдѣнія“ изложены понятія и свѣдѣнія: о торговлѣ, объ источникахъ торговаго права (законѣ, обычаѣ), о субъектахъ торговаго права,—физическихъ лицахъ (купцѣ, приказчикахъ) и юридическихъ (товариществахъ). Далѣе, излагается ученіе объ объектахъ торговаго права (товарѣ, деньгахъ, цѣнныхъ бумагахъ). Наконецъ, въ заключеніе авторъ разсматриваетъ торговыя сдѣлки (товарныя сдѣлки, фондовыя сдѣлки, сдѣлки на трудъ). Изложеніе всѣхъ затрогиваемыхъ предметовъ отличается научностью, соединенною съ ясностью, простотою, общедоступностью. Въ строгой научной системѣ предлагаются читателю всѣ тѣ свѣдѣнія и постановленія, которыя входятъ въ область русскаго торговаго права. Въ виду же этого, какъ и того, что самыя излагаемыя въ книгѣ свѣдѣнія не имѣютъ спеціальнаго интереса и необходимы вообще для лицъ обширнаго торговаго класса,—нужно признать, что и настоящій трудъ г. Солодовникова является весьма полезнымъ вкладомъ въ общую популярно-юридическую литературу.

„*Краткій учебникъ торговаго права и судопроизводства*“. *В. Вальденбергъ*. Изданіе второе. Спб. 1901 г. 75 к.

Настоящая книжка равна по объему только что разсмотрѣнному пособію г. Солодовникова. Но она обнимаетъ больше матеріала, чѣмъ послѣднее. Кромѣ того, что излагается г. Солодовниковымъ двѣ трети содержанія посвящены въ ней вексельному праву и торговому судопроизводству. Слѣдовательно, то, что излагается въ книжкѣ г. Солодовникова, г. Вальденбергомъ излагается короче. Краткость обусловливаетъ собою и меньшую теоретичность изложенія, принятаго г. Вальденбергомъ. Его изложеніе имѣетъ болѣе практическій характеръ. Онъ излагаетъ не только торговое законодательство, но касается и практики сената по торговымъ дѣламъ, поступающимъ въ него изъ коммерческихъ судовъ. Изложеніе г. Вальденберга также отличается научностью, простотою, ясностью и правильностью. Оно обнаруживаетъ въ авторѣ и знаніе дѣла, и способность передать другимъ это знаніе.—Представляя собою нѣчто своеобразное и отличное отъ пособія, принадлежащаго г. Солодовникову, книжка г. Вальденберга является полезнымъ вкладомъ въ учебную литературу того предмета, которому посвящена.—Являясь учебникомъ для заведенія одного и того же разряда и характера—для коммерческаго училища—книжка эта такъ же, какъ и пособіе г. Солодовникова, можетъ служить и по содержанію, и по изложенію, полезнымъ руководствомъ вообще для лицъ торговаго класса.

Законовѣдѣніе. Выпускъ I. Записки по государственному праву. Составилъ ординарный проф. Императорскаго Новороссійскаго университета и преподаватель Одесскаго коммерческаго училища Императора Николая I. Изд. 2, 1901 г. В. II. 70 к. *Н. Е. Чижовъ*.—Записки по гражданскому праву. Изд. 3, 1901 г. 60 к. В. III. Записки по торговому праву. 1901 г. 60 к. В. IV. Записки по вексельному праву. Изд. 3, 1903 г. 60 к.

Въ видѣ настоящихъ выпусковъ, мы имѣемъ новое пособіе, предназначающееся для учениковъ Одесскаго коммерческаго училища. Весь курсъ законовѣдѣнія для этого училища, однако, ими не заканчивается. Печатаются еще четыре выпуска, изъ которыхъ одинъ посвящается международному праву и другой—праву финансовому.

Настоящій курсъ законовѣдѣнія предпринятъ авторомъ послѣ 15-лѣтняго преподаванія этого предмета въ Одесскомъ коммерческомъ училищѣ. Въ теченіе этого времени г. Чижовъ успѣлъ живо убѣдиться въ необходимости для своихъ учениковъ въ соотвѣтствующемъ учебникѣ. За это время онъ былъ въ состояніи и подготовиться къ изданію руководства, которое способно было бы удовлетворить эту

потребность. Ему предстояло лишь облечь въ письменную форму свои устные уроки.

Едва ли, однако, его „Законовѣдѣніе“ дѣйствительно заполнило тотъ пробѣлъ, который ощущался въ преподаваніи этого предмета въ коммерческихъ училищахъ. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ, несомнѣнно, меньшую цѣну, нежели тѣ учебники законовѣдѣнія для коммерческихъ школъ, которые мы разсмотрѣли выше. Трудъ г. Чижова—чисто компилятивный. Авторъ сокращенно пересказываетъ „источники“ въ видѣ болѣе обширныхъ трудовъ по тѣмъ или другимъ отдѣламъ права, которымъ посвящаются отмѣченные выше выпуски „Законовѣдѣнія“. Пересказъ этотъ, однако, не приспособляется къ пониманію учениковъ,—и его нельзя предпочесть самымъ источникамъ. Въ послѣднихъ соотвѣтствующіе отдѣлы права изложены доступнѣе. Не будучи доступнѣе, „Законовѣдѣніе“ г. Чижова не отличается и достоинствомъ источниковъ въ отношеніи научности и независимости. Его книга все-таки учебникъ для средней школы, для котораго требовалось (и было получено) оффиціальное одобреніе.

При такихъ условіяхъ, являясь далеко не удовлетворительнымъ учебникомъ, „Законовѣдѣніе“ г. Чижова, въ видѣ настоящихъ выпусковъ, имѣетъ еще меньшее значеніе для обыкновеннаго читателя, для лицъ, нуждающихся въ опытахъ популяризаціи права, для самообразованія.

Въ такомъ видѣ представляется учебно-юридическая литература. Очевидно, что она развита далеко не достаточно. Разсмотрѣнные учебники предназначаются большею частью только для одного вида школъ,—коммерческихъ и военныхъ школъ. Цѣлый рядъ школъ не располагаетъ надлежащими пособіями. Съ распространеніемъ же преподаванія права, недостатокъ учебниковъ законовѣдѣнія обнаружится въ еще болѣе сильной степени. Въ виду этого, нельзя не признать желательнымъ принятія соотвѣтствующихъ мѣръ къ составленію необходимыхъ книжекъ. Такими мѣрами должны явиться конкурсы, объясняемые возможно широко, привлекающіе къ дѣлу всѣ способныя силы *).

Н. Дружининъ.

---

*) На этотъ путь стало уже, между прочимъ, маріупольское уѣздное земство, желая имѣть соотвѣтствующее пособіе для начальныхъ школъ.

Буквенный методъ обученія грамотѣ въ новѣйшей обработкѣ.

(По поводу „Обученія грамотѣ“ М. Тростникова).

Въ методической литературѣ по обученію грамотѣ до сего времени, по крайней мѣрѣ, одинъ пунктъ считался у насъ достаточно прочно установленнымъ и въ послѣднее время вообще не подвергался сомнѣніямъ, это—что *звуковой* методъ—наилучшій изъ всѣхъ, наиболѣе разумный и естественный. Не отвергалась принципіально также и необходимость начинать дѣло съ такъ назыв. *звуковыхъ упражненій*; разность во взглядахъ касалась лишь практической постановки этихъ упражненій. Но вотъ недавно г. М. Тростниковъ категорически заявилъ, что звуковой методъ—одно сплошное недоразумѣніе, и что всѣ звуковыя упражненія при обученіи грамотѣ не только не нужны для дѣла, излишни, но прямо вредны, только мѣшаютъ успѣху учащихся. Самымъ естественнымъ и разумнымъ слѣдуетъ считать, по утвержденію г. Тростникова, *методъ буквенный* въ той обработкѣ, какую онъ ему придаетъ *). Исходнымъ пунктомъ для г. Тростникова послужили, повидимому, основанія теоретическія, какъ будто не лишенныя даже и научной видимости, именно: невозможность передать буквенно всѣ оттѣнки звукового слова, несоотвѣтствіе между звуковымъ и буквеннымъ составомъ слова. Но на самомъ дѣлѣ онъ такъ мало останавливается на этомъ вопросѣ, такъ мало обсуждаетъ его (чуть не съ перваго же слова считаетъ вопросъ рѣшеннымъ: „итакъ, будемъ считать доказаннымъ...“), что невольно закрадывается сомнѣніе: ужъ не американцы-ли вызвали весь этотъ шумъ?..

Чтобы видѣть, въ чемъ состоитъ новый методъ г. Тростникова

*) См „Русская Школа“, 1904, кн. VII—VIII и IX: „Обученіе грамотѣ“ М. Тростникова.

и что въ немъ новаго и стараго, я постараюсь передать его коротко, но по возможности словами самого автора.

Способъ письма-чтенія. Учитель прямо знакомитъ учащихся съ буквами, напр., *а*, *о*, *у*, *с*, *ы*. Для этого онъ „показываетъ сначала одну засушенную осу, потомъ нѣсколько, дальше показываетъ у осы усы, спрашиваетъ, у кого еще есть усы. Послѣ этого онъ пишетъ на доскѣ буквы *а*, *о*, *у*, *ы*, *с*, или выбираетъ ихъ изъ разрѣзной азбуки на планку“. Дѣти учатся писать эти буквы въ тетрадяхъ. Когда они этому научатся, учитель пишетъ на доскѣ, напр., слово *оса*, спрашиваетъ, изъ какихъ буквъ оно состоитъ, какая буква первая, вторая, третья; заставляетъ повторить, а потомъ написать и прочесть написанное. То же дѣлаетъ и со словами *осы*, *усы* и т. п. Когда дѣти научатся писать *всѣ* буквы, станутъ *безошибочно списывать* написанныя на доскѣ слова, учитель переходитъ тогда къ слѣдующему упражненію: произноситъ слово, спрашиваетъ, какими буквами оно должно быть написано, пишетъ его на доскѣ, ученики пишутъ въ тетрадяхъ и потомъ прочитываютъ. Такъ идетъ дѣло до конца.

Способъ чтенія-письма: 1) *аналитическій*. „Учитель пишетъ на доскѣ или набираетъ изъ разрѣзной азбуки, положимъ, слово *усы*, читаетъ и указкой показываетъ *у-с-ы*, заставляя дѣтей показать *у-с-ы*. Подъ этимъ словомъ пишетъ *осы* и продѣлываетъ то же самое; требуетъ указать различныя и сходныя части словъ и снова заставляетъ ихъ читать по слогамъ *ус-ы*, *о-сы*“. Дальше пишутся одно подъ другимъ и сравниваются слова: *осы* и *оса*, при чемъ дѣти сами догадываются, какъ произносится буква *а*. Въ такомъ же родѣ ведутся занятія надъ словами: *оса* и *роса*, *рана* и *рама*, *рано* и *рало* (?), *рама* и *дама* и т. д. Такъ дѣло идетъ до конца, пока не будутъ усвоены всѣ буквы. Но можно идти и болѣе сокращеннымъ путемъ, говоритъ г. Тростниковъ: называть буквы и переходить къ чтенію словъ“.

2) *Синтетическій*. „На первомъ урокѣ учащійся усвоиваетъ буквы: *а*, *о*, *у*, *ы*. Потомъ изучается буква *с*, читаются слоги изъ этой буквы съ гласными и слова: *оса*, *усы*“. Далѣе показываются новыя буквы и идетъ чтеніе новыхъ словъ. „Такъ, просто, безъ всякихъ мудрствованій ведется обученіе чтенію“, говоритъ г. Тростниковъ. Нужно только помнить, что „нельзя переходить къ новой буквѣ и чтенію новыхъ словъ, пока дѣти прочно не усвоятъ данныхъ словъ и не будутъ безошибочно читать слоговъ, входящихъ въ составъ словъ. Это—первое и самое важное условіе для успѣха чтенія“. „А усвоеніе этихъ слоговъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, дается дѣтямъ безъ особаго труда—стоитъ только учителю

показать, какъ ихъ читать, и обученіе грамотѣ обойдется безъ шипѣнья, свистѣнья и т. п.“

Вотъ и весь методъ г. Тростникова. Онъ, дѣйствительно, до чрезвычайности простъ и несложенъ (но не въ изложеніи самого автора), особенно въ своей синтетической формѣ. Чего проще? Вотъ тебѣ буквы а вотъ и указка, слѣди за мною: *ба*, *бе*, *бо*, *ва*, *ве*. *во*, и т. д. Особенно рекомендуетъ г. Тростниковъ этотъ послѣдній пріемъ *для домашняго обученія*, если у ученика „память хорошо развита“. Точь-въ-точь смотрѣли такъ и дѣды наши въ доброе старое время.

И вообще говоря, отъ пріемовъ г. Тростникова вѣетъ какой-то глубокой стариной. Недаромъ самъ онъ такъ сближаетъ ихъ съ пріемами Жакото.

Но не въ этомъ, конечно, дѣло; лучше доброе старое, чѣмъ новое плохое. Нужно, стало быть, точнѣе разобраться, въ чемъ собственно оригинальная особенность предлагаемаго г. Тростниковымъ метода по сравненію съ методомъ звуковымъ, и затѣмъ уже оцѣнить ее по достоинству.

Прежде всего, какія задачи ставитъ г. Тростниковъ учителю и ученику, намѣчая имъ работу и располагая ее въ извѣстной послѣдовательности? Ученикъ заучиваетъ буквы *о*, *с’*, *а*, *у*, *ы*, научается даже писать ихъ, т. е. запоминаетъ буквы и ихъ звуковое значеніе (съ зрительными образами ассоціируютъ соотвѣтственные имъ звуковые). Потомъ онъ видитъ, какъ учитель написалъ и прочиталъ слово *оса*; онъ узналъ въ этомъ письменномъ словѣ свои знакомыя буквы, узналъ, что онѣ составляютъ звуковое слово *оса* и при помощи указки учителя (учитель читаетъ и указываетъ: о-с-а) догадался, что произносимое имъ слово *оса* состоитъ изъ звуковыхъ частей *о’*, *с’*, *а’*; наконецъ, онъ догадался, что буквы *с’* и *а’*, если онѣ стоятъ вмѣстѣ, читаются *—са*. По этому плану работа идетъ и далѣе, пока учащійся не усвоитъ *всего* алфавита. Затѣмъ къ ней прибавляется еще *специальный* звуковой анализъ: учитель относительно каждаго взятаго имъ слова спрашиваетъ ученика: какими буквами надо написать это слово?—Совершенно очевидно, что всѣ эти упражненія ведутъ къ тому, что учащійся научается *звуковому анализу* и *звуковому синтезу*, но только не прямымъ, а окольнымъ путемъ, *по догадкѣ*: ему сообщаютъ сперва элементы (буквы и звуки), и по нимъ онъ долженъ анализировать цѣлое. Положимъ, ему помогаютъ въ этомъ дѣлѣ зрительныя впечатлѣнія (буквы), но анализъ производитъ собственно учитель, а ученикъ только слѣдуетъ за указкою учителя; и только когда пройденъ весь алфавитъ, учитель начинаетъ спрашивать своего ученика: какими „буквами“ написать дан-

ное слово? Что подъ „буквами" здѣсь разумѣются *звуки*, это само собою понятно: не можетъ быть рѣчи о зрительной памяти по отношенію къ такимъ словамъ, которыхъ еще не читали и не писали учащіеся.

Этихъ же самыхъ знаній по методу звуковому (аналитико-синтетическому) достигаютъ болѣе разумнымъ и болѣе *прямымъ* путемъ: начинаютъ съ очевиднаго для всѣхъ факта (рѣчь, слово), анализируютъ этотъ фактъ до простыхъ элементовъ (звуковъ), возвращаютъ этимъ элементамъ ихъ прежнее слитное (рефлекторное, автоматическое) произношеніе, набираютъ взятое слово буквами (опять звуковой анализъ), наконецъ читаютъ набранное (въ слитномъ произношеніи). Догадываться и угадывать—пріемъ, не допустимый при какомъ бы то ни было обученіи—здѣсь учащемуся не приходится: ему дается наглядное и послѣдовательное знаніе, которымъ онъ и долженъ пользоваться какъ при чтеніи, такъ и при письмѣ (набираніе буквами). Вѣдь нельзя спорить противъ такого очевиднаго факта, что въ основѣ письма у нихъ лежитъ *звуковой* анализъ, а въ основѣ чтенія—*звуковой* синтезъ: дайте въ руки школьнику псалтырь, и онъ докажетъ это вамъ нагляднѣйшимъ образомъ; здѣсь же вы убѣдитесь, что къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ письмо историческое (титла), онъ примѣняетъ совсѣмъ иные пріемы чтенія, приравнивающіе такіе случаи обычному познанію зрительныхъ объектовъ („узнаваніе", „названіе").

Про синтетическій методъ, особенно рекомендуемый г. Тростниковымъ при обученіи такихъ дѣтей, которые обладаютъ хорошею памятью (какою?), говорить нѣтъ надобности, потому что ничего новаго г. Тр—въ въ него не внесъ, а въ своемъ прежнемъ видѣ (съ „звукосліяніемъ", и безъ него) этотъ методъ нашелъ уже достаточную оцѣнку и въ теоріи, и на практикѣ.

Но какія же соображенія заставили г. Тростникова звуковому методу предпочесть буквенный? Такихъ соображеній онъ указываетъ *два*: 1) письменное изображеніе словъ не соотвѣтствуетъ въ точности ихъ устному произношенію, т. е. ихъ звуковому составу, и 2) звуковой анализъ и звуковой синтезъ невозможны *фонетически*, т. е. противорѣчатъ самой природѣ звуковъ нашего языка.

Начнемъ съ перваго соображенія. Приведя доводы мои въ пользу существенной важности и основного значенія при обученіи грамотѣ изученія прежде всего звукового состава рѣчи *), г. Тростниковъ продолжаетъ далѣе: „Все это справедливо, и приведенными указа-

*) См. „Культурно-историческія основы генетическаго метода обученія грамотѣ". „Русская школа", 1898, VII, 163, 164.

ніями вполнѣ пригодно было бы пользоваться, если бы читать нужно было такъ, какъ говоримъ. Но ни того, ни другого (?) нѣтъ, а потому всѣ эти, повидимому, очень основательныя соображенія г. Кл. Тихомирова сами собой должны пасть". Пишется: *въ садъ*, а читается: *ф сат*; пишется *сегодня*, а читается *сивотни*, пишется *добраго*, а читается *доброва* и т. д. Вообще г. Тростниковъ думаетъ даже, что „наша письменность, какъ извѣстно (?), не отстала въ этомъ отношеніи отъ англійской и французской". Итакъ, все дѣло въ томъ, что буквенный составъ письменнаго слова не символизируетъ въ точности всѣхъ оттѣнковъ звукового слова, а слѣдовательно—обычно говорятъ въ такихъ случаяхъ—письменное слово не можетъ вполнѣ репродуцировать слова звукового.

Но въ возраженіи этомъ, по существу своему далеко не новомъ, кроется очевидное недоразумѣніе. Пишется *сегодня*, а читается *сивотни*... Но почему же „*сивотни*, а не *севодня*, *севонни*, *севодни*, *сенни*, *сянни*, *сяння* и т. д.? Почему читается—*доброва*, а не *добрава*, *добрыва*, *добрива*, *добрева* и т. п.? Я того мнѣнія, что, пока дѣти учатся грамотѣ (т. е. читать и писать), они не должны читать ни *сивотни*, ни *сенни*, ни *доброва* ни *добрива*, ни *чилавѣкъ* ни *чилаѐкъ*, но всегда—*сегодня*, *добраго*, *человѣкъ* и т. п. Почему? Во-первыхъ, потому что они учатся не только *читать*, но и *писать*, а потому звуковые образы читаемыхъ словъ у нихъ должны по возможности соотвѣтствовать тѣмъ, которые фонетически передаются письмомъ. Вѣдь трудно въ самомъ дѣлѣ научить правильно писать слово *сегодня*, когда оно будетъ произноситъся всегда *сенни*! Намъ скажутъ: а письмо французское, англійское? Пишутъ же тамъ совсѣмъ не такъ, какъ говорятъ!—Да, это правда, но у нихъ письмо *историческое*, у насъ же за исключеніемъ какой-нибудь буквы *ѣ*, почти сплошь *фонетическое*. Возьмемъ для примѣра хотя бы англійскую букву *а*; вотъ какъ она читается: far (фар), than (зэн), near (нійр), bear (бэр), vase (веес), walk (уок), nay (нее), pleased (плійзт), thread (сред) и т. п. Сколько разныхъ звуковъ обозначаетъ одна и та же буква *а*? Сколько здѣсь правилъ, исключеній и просто приключеній, если подводить всѣ эти случаи подъ фонетическія нормы! Ничего подобнаго у насъ въ русскомъ письмѣ.—Во-вторыхъ, школа должна не только научить *читать*, она должна также научить *говорить*. *Сивотни*, *сенни*, *сянни*, *добрива*, *чилаэкъ*—все это не *языкъ*, а *говоры*. Говоровъ существуетъ безъ числа: что ни человѣкъ, то свой говоръ, своя особая манера выговора, произношенія, интонаціи; языкъ же одинъ, одинъ русскій литературный языкъ, для котораго *регуляторомъ* является языкъ письменный.

Впрочемъ, предоставимъ на этотъ разъ слово самому г. Трост-

никову. Какому языку должна обучать школа—разговорному, или литературному, задается онъ вопросомъ въ другой своей статьѣ, и вотъ какъ отвѣчаетъ на него: „Устный языкъ, правильнѣе сказать, устныя нарѣчія (такъ какъ языка устнаго, собственно говоря, быть не можетъ), находится постоянно въ процессѣ развитія и измѣненія, имѣетъ свои отличительныя особенности, извѣстныя только тѣмъ, которые на немъ говорятъ... Словомъ, живой языкъ, какъ бы онъ ни былъ образцовымъ, трудно передается на письмѣ (не знаешь, какими знаками обозначить такую рѣчь), а *еще труднѣе читается* и *понимается*... Въ другомъ совершенно положеніи находится письменный (т. е. литературный) языкъ. Этотъ языкъ, языкъ образцовой прозы, и долженъ служить предметомъ усвоенія и подраженія... Школа можетъ и должна учить только родному (въ данномъ случаѣ русскому) *литературному* языку. Обученіе это должно состоять прежде всего въ томъ, чтобы учащійся понималъ письменный (литературный) языкъ въ его устномъ произношеніи; умѣлъ читать сознательно написанныя на немъ книги, а также умѣлъ излагать свои мысли устно и письменно на этомъ языкѣ... Необходимо начать обученіе съ пониманія литературной рѣчи въ ея устномъ произношеніи и письменномъ начертаніи“ *). Такъ школа всегда и поступаетъ, причемъ для лучшаго закрѣпленія въ памяти языка литературнаго пользуется услугами самой письменности. Обучая грамотѣ, мы обучаемъ въ то же время и литературной рѣчи. Ученики привыкли говорить *сенни*, *сянни*, *сивотни*; въ школѣ ихъ прежде всего научаютъ говорить *сегодня*; такъ это слово и буквами записываютъ. И только впослѣдствіи, когда старая привычка совсѣмъ ужъ забыта, и читать они научились, ихъ пріучаютъ къ болѣе мягкому выговору: *севодня*. И умѣлый учитель не встрѣчаетъ здѣсь никакихъ затрудненій: дѣло у него идетъ легко и плавно.

Перехожу ко второму возраженію г. Тростникова. Ни звуковой анализъ, ни звуковой синтезъ, говоритъ онъ, невозможны. Почему же? Да потому, видите-ли, что гласныя—это не звуки, а *слоги*; только согласный звукъ въ этихъ слогахъ (придыханіе тонкое) такъ слабъ, что *нашъ слухъ не распознаетъ его*. „Когда мы произносимъ *а*, *о*, *у*, *ы*, *э*, *и*, то нашъ слухъ не распознаетъ согласнаго звука, такъ онъ слабъ, а только его окраску. Но когда мы соединяемъ какой-либо ясно распознаваемый согласный, тогда онъ даетъ себя чувствовать, препятствуя сліянію яснаго согласнаго съ гласной окраской... Нельзя также и разлагать слоговъ на звуки: нельзя сказать, что слогъ, положимъ, *ра* состоитъ изъ звуковъ *ръ* и *а* (т. е.

---

*) „Введеніе въ методику русскаго языка, какъ учебнаго предмета“. „Русская Школа“, 1904, I, 135, 136.

а съ тонкимъ дыханіемъ—*'а*), потому что того гласнаго звука, который входитъ въ составъ слога *ра*, отдѣльно произнести невозможно. Произнося отдѣльно *а* (*'а*), мы произносимъ не звукъ, а слогъ=*'а*. Слѣдовательно, нѣтъ ни сліянія звуковъ въ слоги, ни разложенія слоговъ на звуки, а есть только чередованіе согласныхъ звуковъ съ какой-либо гласной окраской: 'а, ра, рьа, ла, льа; 'о, ро, рьо; ло, льо и т. п.". Вотъ и вся аргументація г. Тростникова, а затѣмъ онъ выражается ужъ весьма рѣшительно: „Итакъ, будемъ считать доказаннымъ" и т. д.

Но позвольте: откуда же мы узнаемъ, что *а*, *о*, *у* и т. д. не звуки, а *слоги*, разъ слухъ нашъ *не улавливаетъ* присутствія передъ ними этого гипотетическаго согласнаго? Гдѣ поводъ къ такому предположенію, гдѣ основаніе, гдѣ доказательство? Вѣдь нельзя же въ области научнаго мышленія предаваться маниловскимъ фантазіямъ! У финикіянъ и у грековъ передъ гласными явственно замѣтенъ былъ придыхательный звукъ *h*, отвѣчаетъ на это г. Тростниковъ. Не буду спорить, особенно о финикіянахъ: можетъ быть, это и такъ; но у грековъ придыханіе *тонкое*, кажется, обозначало только то, что здѣсь не слѣдовало дѣлать придыханія *густого*. Во всякомъ случаѣ за разрѣшеніемъ такого живого вопроса, вопроса о свойствахъ нашего живого языка, я не послѣдую за г. Тростниковымъ на такое далекое кладбище. Да и вопросъ совсѣмъ не въ томъ необходимъ-ли дыхательный толчокъ для произнесенія гласной; толчокъ такой, разумѣется, необходимъ, но чтобы онъ былъ *всегда* согласнымъ *звукомъ*, который именно и мѣшаетъ „звукосліянію",—это одни голыя ни на чемъ не основанныя предположенія.

Съ точки зрѣнія физіологической, для произнесенія всякаго звука въ отдѣльности или цѣлаго звукового комплекса необходимъ толчокъ воздуха; напримѣръ, чтобы сказать *а'*, *о'*, *у'*, требуется каждый разъ толчокъ воздуха; слоги *ба*, *ра*, *пра* и т. п. произносятся тоже *однимъ* толчкомъ или *одной* непрерывной струей воздуха; то же самое бываетъ и при произнесеніи *заразъ* цѣлаго слова, какъ бы велико оно ни было. Но если мы произнесемъ слово по слогамъ, напримѣръ, о—са, у—сы, тогда нужно будетъ уже столько толчковъ воздуха, на сколько слоговъ распадется у насъ это слово; то же будетъ, если слово выговаривается по отдѣльнымъ звукамъ, напримѣръ, о-с-а, с-о-л-о-м-а. Существенное различіе всѣмъ этимъ случаямъ придаетъ различная наличность въ нихъ психическихъ процессовъ. Всякое устное слово сдѣлалось для насъ совершенно *автоматической координаціей*, гдѣ рядъ артикуляціонныхъ движеній превратился въ рядъ автоматическій, и достаточно только волевой энергіи коснуться начальнаго элемента этого ряда, какъ она сама собою

пробѣжитъ, прогрессивно возростая, и по прочимъ составнымъ частямъ его. Когда мы произносимъ заразъ, напримѣръ, слово *солома*, тогда психо-физiологическому процессу можно придать такой схематическiй видъ: *имп.* СОЛОМА; когда же слово произносится по слогамъ, то процессъ имѣетъ видъ: *имп.* СО, *имп.* ЛО *имп.* МА; наконецъ, если мы каждый звукъ будемъ дѣлать актомъ особаго волевого усилiя, каждый звукъ произносить сознательно, тогда процессъ приметъ такой видъ: *пмп.* С, *имп.* О, *имп.* Л, *имп.* О, *имп.* М, *имп.* А. Сколько сознательныхъ импульсовъ воли, столько и толчковъ воздуха. Важно не то, произносится-ли гласный звукъ совмѣстно съ предшествующимъ согласнымъ или безъ него; но—предметомъ *сколькихъ* импульсовъ или волевыхъ актовъ бываетъ произносимый звуковой комплексъ. Для образованiя импульса требуется совсѣмъ не „мгновенiе“, какъ мы привыкли обычно думать, а значительное время, и вотъ это-то время исключаетъ всякую иллюзiю „слiянiя“ звуковъ. Современная психологiя даетъ намъ для рѣшенiя этого вопроса даже цыфровыя данныя. Я приведу важнѣйшiя изъ нихъ.

Среди многочисленныхъ опытовъ съ такъ называемыми реакцiями (простыми и сложными) немало было произведено и такихъ, гдѣ объектами для познанiя избирались слова устныя и письменныя. Простая реакцiя, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ: на какой-нибудь органъ ощущенiя заставляютъ дѣйствовать внѣшнее раздраженiе, предпославъ ему за нѣсколько времени (за 2—3 сек.) сигналъ, подготовляющiй напряженiе вниманiя, а въ моментъ воспрiятiя раздраженiя просятъ произвести заранѣе точно опредѣленное и подготовленное движенiе, напримѣръ, рукой. При этомъ въ зависимости отъ того, какой характеръ будетъ имѣть *подготовка* вниманiя, возможны два вида реакцiи: если вниманiе будетъ направлено на ожидаемое чувственное впечатлѣнiе, тогда получается такъ называемая *сенсорная* реакцiя; если же вниманiе будетъ направлено на ожидаемое дѣйствiе, то получится такъ называемая *мускульная* реакцiя. Время сенсорной реакцiи распредѣляется между слѣдующими пятью элементарными процессами, изъ коихъ два (первый и послѣднiй) чисто физiологическаго характера, а средние три—психо-физическаго, именно: 1) передача внѣшняго раздраженiя отъ чувственнаго органа до головного мозга, 2) вступленiе впечатлѣнiя въ поле сознанiя, или перцепцiя, 3) вступленiе его въ точку вниманiя, или апперцепцiя, 4) возбужденiе волевой энергiи, которая производитъ въ центральномъ органѣ регистрирующее движенiе (импульсъ), и 5) проведенiе возникшаго такимъ образомъ моторнаго напряженiя до соотвѣтствующихъ мускуловъ и приростъ энергiи въ послѣднихъ. Составъ реакцiи мускульной нѣсколько проще: здѣсь процессъ апперцепцiи внѣшняго

впечатлѣнія, вѣроятно, совсѣмъ исчезаетъ, а перцепція совпадаетъ по времени съ импульсомъ: движеніе является здѣсь рефлективно, вслѣдъ за впечатлѣніемъ, а не подъ вліяніемъ воли. Время сенсорной реакціи равняется приблизительно 0,210—0,290 сек., а мускульной—0,120—0,190 сек.; слѣдовательно, разница между этими формами реакціи составляетъ около 0,1 сек. А если принять во вниманіе, что перцепція всегда связана съ импульсомъ и апперцепція впечатлѣнія обычно является уже въ то время, когда началось движеніе, то окажется, что разница во времени между сенсорной и мускульной реакціями зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ послѣдней нѣтъ на-лицо *импульса*, который несомнѣнно есть въ первой. Такимъ образомъ, *время простѣйшаго импульса* равняется около 0,1 сек. или 100σ (σ=0,001″).

Съ другой стороны, мы знаемъ, что однородныя послѣдовательныя ощущенія, если они не раздѣлены извѣстнымъ промежуткомъ времени, сливаются въ одно общее или непрерывное ощущеніе (напримѣръ, рядъ отдѣльныхъ звуковъ сливается въ одинъ непрерывный звукъ). Промежутокъ этотъ, необходимый для раздѣльнаго воспріятія послѣдовательныхъ ощущеній, неодинаковъ для различныхъ органовъ чувствъ; для слуха онъ долженъ быть не менѣе 16σ (0,016″). Теперь спрашивается, какъ смотрѣть на ощущенія звуковыхъ комплексовъ (слоговъ и словъ): будутъ-ли это ощущенія раздѣльныя, или же непрерывныя? Мнѣ кажется, тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній: комплексы эти произносятся однимъ толчкомъ воздуха, и, слѣдовательно, это ощущенія непрерывныя, т. е. такія, между которыми промежутки менѣе 16σ.—За то же говорятъ и другія данныя: во всѣхъ опытахъ, производившихся разными психологами, получался всегда одинъ и тотъ же результатъ, что на познаніе и прочтеніе одной буквы требуется столько же и даже немного болѣе времени, чѣмъ на познаніе и прочтеніе краткаго слова (изъ 3—4 буквъ). Такъ, напримѣръ, въ опытахъ Cattell'я познаніе и прочтеніе буквы требовало 409σ, а для познанія и прочтенія краткаго слова достаточно было 388σ; одинъ только актъ познанія буквы требовалъ—120σ, познаніе слова—130σ; прочтеніе буквы или названіе ея требовало 140—170σ, а для прочтенія краткаго слова было достаточно даже немного меньшаго времени. Возьмемъ примѣръ: для познанія и прочтенія буквы N требовалось 333σ, для А—345, для М—333, для Е—352, итого 1363σ; между тѣмъ слово Name узнавалось и читалось въ теченіе 312σ.

Всѣ эти данныя достаточно убѣдительно говорятъ, что „звукосліяніе", какъ *сознательно-волевой актъ*, безусловно невозможно и именно по той причинѣ, что на импульсъ потребно такое сравни-

тельно огромное время (100σ), которое разрушаетъ всякую иллюзію сліянія звуковъ. Напр., *б'* и а' нельзя путемъ отдѣльнаго произношенія звуковъ слить въ *ба* вовсе не по той причинѣ, что *а* при отдѣльномъ произношеніи имѣетъ призвукъ *h* и произносится, какъ *hа* (греческое ἁ) и что этотъ призвукъ мѣшаетъ слiянiю *б'* съ *а*); мѣшаетъ этому сліянію не призвукъ, а волевой *импульсъ*, требующій для себя непомѣрно большого времени (100σ), которое далеко превышаетъ тотъ максимумъ, при которомъ звуки воспринимаются еще слитными (16σ).

Приведенныя выше величины времени, необходимаго на познаніе и прочтеніе буквы и краткаго слова, далеко превышаютъ время простой реакціи какъ мускульной, такъ и сенсорной. Но это происходитъ отъ того, что познаніе буквы и слова, не говоря уже о прочтеніи ихъ, представляетъ процессъ болѣе сложный, чѣмъ простая реакція. Если поставить опытъ такъ, что внѣшнимъ впечатлѣніемъ, которое даетъ поводъ къ движенію, будетъ звуковое (устное) или письменное слово, а реагирующее движеніе производится тогда, когда это слово *узнано*, то къ простой реакціи здѣсь присоединяется *познаніе слова*, и такая реакція обычно называется „словесною реакціею". Процессъ еще болѣе осложнится, если, напр., узнанное письменное слово воспроизводитъ по ассоціаціи соотвѣтствующее звуковое слово; тогда реагирующимъ движеніемъ можетъ быть уже не движеніе руки, а артикуляція или произнесеніе слова; такая реакція называется ассоціативной. Изъ сравненія величинъ времени этихъ постепенно усложняющихся реакцій получается, что на познаніе слова требуется приблизительно 120—130σ, время же ассоціаціи доходитъ до 720σ; изъ этого числа собственно на воспроизведеніе представленія требуется 600—620σ, а на его познаніе—120—130σ. Величины эти, какъ сказано, не измѣняются замѣтно и въ томъ случаѣ, если вмѣсто краткихъ словъ будутъ даны отдѣльныя буквы.

Приведенныя данныя нѣсколько отвлекли насъ въ сторону отъ нашего прямого предмета. Но я намѣренно уклонился въ эту область, потому что методъ реакцій служитъ лучшимъ средствомъ для экспериментальнаго анализа волевыхъ процессовъ, къ числу которыхъ относится и чтеніе. Всѣ эти цыфровыя величины, какъ бы ни были онѣ относительны, даютъ намъ такую рельефную картину психическаго процесса и взаимнаго отношенія различныхъ его моментовъ, предъ которою блѣднѣютъ всѣ умозрительныя гаданія, хотя бы иногда и остроумныя.

Наконецъ, удивляетъ въ разсужденіяхъ г. Тростникова еще и то, что онъ *видимо* споритъ о словахъ. „Сказанное г. Кл. Тихомировымъ въ защиту аналитико-синтетическаго изученія *звукового* состава рѣчи,

говоритъ онъ, — можетъ быть отнесенъ только къ аналитико-синтетическому изученію буквеннаго состава письменной рѣчи. Допустимъ, что можно произвести звуковой анализъ, положимъ, надъ словомъ *березъ*, произносимомъ *бирезъ*. Получимъ звуки: бь-и-рь-о-зь-э. Дѣйствительно, изъ звуковъ: бь-и-рь-о-зь-э очень легко составить, лучше сказать, по звукамъ бь-и-рь-о-зь-э легко догадаться о словѣ, состоящемъ изъ звуковъ: бь-и-рь-о-зь-э, лучше сказать изъ слоговъ би-ре-зѣ. Но чѣмъ съ большей точностью дѣти произведутъ этотъ звуковой анализъ и синтезъ надъ устнымъ словомъ, тѣмъ труднѣе имъ будетъ прочесть слово, состоящее изъ буквъ: б-е-р-е-з-ѣ. Можно ли въ такомъ случаѣ согласиться съ Кл. Тихомировымъ, что послѣ аналитико-синтетическаго изученія звукового состава словъ переходъ къ чтенію и письму не представляетъ уже ровно никакой трудности?"

Но, во первыхъ, почему *бирезъ*, а не *бярёзъ*, *бярози* и т. п.? Очевидно, г. Тростниковъ и здѣсь опять позабылъ свои разсужденія о томъ, что устная рѣчь (говоръ) чрезвычайно индивидуальна, что ее нельзя даже записать, что изученію въ школѣ подлежитъ рѣчь литературная. Стало быть, и анализировать нужно не *берёзъ*, *бярёзъ*, *бярози*, а именно слово *берёзъ* (хотя ни одинъ мало-мальски толковый учитель для *начальнаго* анализа этого слова не возьметъ, какъ не беретъ его на этой ступени и самъ г. Тростниковъ).

Слогъ *рё* г. Тростниковъ разлагаетъ на *рь о* и именно этотъ анализъ называетъ *звуковымъ*, а разложеніе на *р* и *е* — буквеннымъ. Что всякая согласная передъ мягкой гласной произносится мягко, смягчается, это, конечно, всякій знаетъ; но почему послѣ *рь* должно слѣдовать *о*, а не *ё*, это понятно. Звукъ *ё* несомнѣнно имѣется въ нашей рѣчи (елка, ежъ, емкій, елкій, ерзалъ) и произошелъ онъ не отъ смягченія *о*, но составляетъ особенность *е* ударяемаго (ёжъ—ежи, ежевика; перо—пёрышко; метла—мётлы; верста—вёрсты; березнякъ—берёза, берёста—берестяной). Какое же основаніе въ словѣ *берёза* разлагать слогъ *рё* на *рьо*, а не на *рьё*, или просто на *р* и *ё*, потому что само собою подразумѣвается, что мягкая гласная даетъ мягкую окраску предшествующей согласной? Въ чемъ же тогда разница между звуковымъ и „буквеннымъ" анализомъ *устнаго* слова?

Ни къ чему не ведетъ и то указаніе,—конечно, справедливое,— что наша рѣчь заключаетъ въ себѣ гораздо больше элементарныхъ звуковъ, чѣмъ это дано въ нашей письменной азбукѣ. Пусть буквенный составъ письменнаго слова не символизируетъ собою въ точности звукового состава устнаго слова, какъ на этомъ въ особеннсти настаивали Эрдманъ и Доджъ; пусть мы дѣлимъ устное слово, въ угоду буквенному изображенію его, не на *мельчайшіе* звуковые эле-

менты, а только на мелкіе комплексы; пусть назовемъ такой анализъ не звуковымъ, а „буквеннымъ“, въ томъ смыслѣ, что звуковыя части, на которыя мы разобьемъ устное слово, не будутъ въ точности соотвѣтствовать дѣйствительнымъ, *послѣднимъ* элементамъ звукового слова. Развѣ дѣло отъ этого измѣнится? Развѣ анализъ слова, какъ слухо-моторнаго комплекса, не будетъ работою въ области именно слухо моторной? Когда г. Тростниковъ беретъ слово, котораго дѣти еще *не видѣли* написаннымъ или напечатаннымъ, и спрашиваетъ своихъ учениковъ: какими буквами оно должно быть написано?“ — неужто онъ производитъ *зрительный* анализъ *зрительнаго цѣлаго* (письменнаго слова), котораго дѣти еще не знаютъ, и которое является для нихъ только *искомымъ*?.. Игра словъ дѣла никогда не измѣнитъ, и убѣдительна она только для тѣхъ, чья мысль привыкла убаюкиваться подъ легкій шумъ словесной зыби.

Что буквенный составъ письменнаго слова не символизируетъ въ точности звукового или слухо-моторнаго состава устнаго слова, это— мысль не новая: она давно и многими повторялась, а въ послѣднее время съ особою полнотою и настойчивостью развивали ее психологи Erdmann и Dodge, видѣвшіе въ ней одно изъ неоспоримыхъ доказательствъ своей теоріи чтенія по „общимъ оптическимъ образамъ“. Фактъ этотъ безспорный, онъ у всѣхъ на глазахъ; но гдѣ ключъ къ нему, какъ его понимать—вотъ вопросъ. Отвѣтъ на него мы найдемъ въ современныхъ психологическихъ изслѣдованіяхъ процесса чтенія, а наблюдательный педагогъ отыщетъ въ своемъ школьномъ опытѣ массу фактовъ, иллюстрирующихъ результатъ этихъ изслѣдованій.

Психологія различаетъ два вида чтенія—апперцепирующее и ассимилятивное. Различіе это основано на томъ, что въ одномъ случаѣ въ процессѣ преобладаютъ, играютъ главную роль объективные элементы, т. е. внѣшнія впечатлѣнія отъ письменнаго слова, которыя и становятся предметомъ нашего активнаго вниманія, активнаго познанія (апперцепируются); во второмъ случаѣ внѣшнія впечатлѣнія бываютъ какъ бы мимолетными, вниманія своего мы на нихъ не сосредоточиваемъ активно, но взамѣнъ того усиливаются элементы репродуктивные, и притомъ не тѣ, что вызываются непосредственно внѣшними впечатлѣніями (первичная репродукція), а именно репродуктивные элементы второй степени (вторичная репродукція), подсказываемыя, такъ сказать, этой первичной репродукціей. Весь этотъ процессъ есть процессъ *ассимиляціи*, процессъ не просто даже „усвоенія“, а скорѣе „поглощенія“ объективныхъ впечатлѣній сохраняемыми въ насъ слѣдами прежняго опыта, и протекаетъ онъ при пассивномъ вниманіи. Выразительнымъ примѣромъ апперцепирую-

щаго чтенія можетъ служить чтеніе начинающихъ, вообще обучающихся грамотѣ, а у взрослыхъ—чтеніе такихъ незнакомыхъ для нихъ словъ, гдѣ даже и слоги представляютъ непривычное для нихъ сочетаніе звуковъ. Примѣръ чтенія ассимилятивнаго—привычное бѣглое чтеніе, когда мы схватываемъ слова, какъ говорятъ, на-лету и оттого часто видимъ то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ (ошибочная ассимиляція). При обычныхъ же условіяхъ чтенія (привычнаго) апперцепція и ассимиляція непрерывно смѣняютъ другъ друга въ зависимости отъ объективныхъ и субъективныхъ условій этого весьма сложнаго процесса.

Теперь понятно, что когда школьникъ, обучающійся грамотѣ, читаетъ: *се*годня, котор*аго*, *въ* са*дъ*, на б*е*р*е*зѣ и т. п., то чтеніе его носитъ всѣ слѣды апперцепирующаго процесса, опредѣляемаго преимущественно объективными впечатлѣніями и первичными репродукціями. Напротивъ, когда читаютъ: сивотни, каторава, на бирезѣ и т. п., то такое чтеніе обнаруживаетъ уже несомнѣнное преобладаніе ассимиляцій, какъ результатъ предшествующаго долгаго опыта. Часто чтеніе, вслѣдствіе долгой привычки, превращается въ простое „узнаваніе“ и „называніе“ зрительныхъ объектовъ; но судить по этимъ случаямъ о первоначальномъ составѣ процесса чтенія и дѣлать отсюда какіе-либо выводы по вопросу объ обученіи грамотѣ было бы огромною ошибкою.

Я выразилъ въ началѣ сомнѣніе: не американцы-ли увлекли г. Тростникова своимъ буквеннымъ методомъ? Оригинальные во всемъ, они оказались оригинальными и въ обученіи грамотѣ и поставили его какъ разъ обратно европейскому: европейцы заучиваютъ сначала буквы и затѣмъ изъ нихъ составляютъ слова, американцы же, наоборотъ, заучиваютъ вначалѣ слова, а потомъ уже постепенно знакомятся и съ отдѣльными буквами. Вотъ какъ излагаетъ одна американская учительница примѣрный урокъ первыхъ шаговъ обученія грамотѣ *). „Въ школу приносится (лучше всего кѣмъ-либо изъ дѣтей), скажемъ для примѣра, кузнечикъ. Дѣти разсматриваютъ его. Учительница спрашиваетъ: „Что намъ принесли?“ Отвѣтъ: „Намъ принесли кузнечика“. Это пишется на доскѣ. Такимъ же образомъ составляются другія предложенія о кузнечикѣ, вродѣ, напр.: кузнечикъ темнаго цвѣта, онъ живетъ въ травѣ, кузнечикъ прячется подъ камнями, его глаза блестятъ, онъ умѣетъ высоко прыгать и т. д. Черезъ нѣсколько дней дѣти выучиваются узнавать въ этихъ фразахъ слово *кузнечикъ* и, можетъ быть, нѣсколько другихъ часто

---

*) *Е. Янжулъ.* Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. СПБ. 1901 г. стр. 60 и слѣд.

повторяющихся словъ. Такія предметныя бесѣды съ записью фразъ продолжаются около 2 недѣль; потомъ слѣдуетъ выборка словъ изъ этихъ предложеній, причемъ заучиваются ежедневно 2—4 слова. Выборка продолжается 7—8 недѣль; затѣмъ рекомендуется недѣль 5 заниматься сравненіемъ писанныхъ и печатныхъ словъ; наконецъ, приступаютъ къ выдѣленію буквъ изъ словъ, пользуясь для этой цѣли звуковымъ сходствомъ словъ и располагая послѣднія столбцами, напр.:

cat	fan	pin
rat	man	tin
hat	ran	fin и т. д.

Въ школахъ Нью-Іорка требуется изучить въ первое полугодіе не менѣе 125 словъ. Обученіе по такому методу идетъ очень медленно; но американцы предпочитаютъ въ данномъ случаѣ не спѣшить, а зато усвоить пройденное прочно, обстоятельно. Какъ на существенныя преимущества своего метода, они указываютъ на слѣдующее: 1) такимъ путемъ дѣти пріучаются сразу произносить узнанное слово, а потому чтеніе ихъ чуждо такихъ недостатковъ, какъ протяжность, монотонность; 2) меньшій бываетъ, по ихъ мнѣнію, рецидивъ безграмотности.

И г. Тростниковъ, пріемы котораго во многомъ напоминаютъ американскую практику, признаетъ за своимъ методомъ эти же самыя преимущества: отсутствіе протяжности и монотонности при чтеніи и меньшій рецидивъ безграмотности. Что чтеніе не будетъ протяжнымъ, если не заставлять учениковъ *тянуть* звуки, это еще понятно (повидимому, г. Тростниковъ еще не знаетъ, что протяжное чтеніе отошло въ область преданій во всякой порядочно поставленной школѣ); но почему уменьшится рецидивъ безграмотности, если будутъ обучать грамотѣ по его методу, этого уже никакъ нельзя понять. Да и въ Америкѣ-то этотъ рецидивъ меньше вовсе не отъ метода, а отъ соціальныхъ условій жизни, которая такъ тамъ слагается, что безъ грамоты и чтенія жить нельзя. Но возьмите и перенесите въ Россію американскій методъ вмѣстѣ съ *американскимъ же письмомъ*—и результатъ не замедлитъ обнаружиться: наша деревня, рѣдко видящая книгу, съ отличнымъ успѣхомъ забудетъ даже и американскую науку.

Что американцы начинаютъ обученіе грамотѣ съ заучиванія *словъ*, это совершенно понятно и естественно: письмо ихъ не фонетическое, а *историческое*: у нихъ что ни слово, то особое чтеніе (примѣръ приведенъ выше). Можно-ли обучать дѣтей такому чтенію фонетически? Вѣдь это значило бы набивать ихъ головы массою вся-

кихъ правилъ, исключеній, прямо приключеній, съ которыми не легко справиться и взрослому человѣку. А главное—всѣ эти правила будутъ храниться совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ будутъ искать во время чтенія: недоумѣніе-то возникаетъ въ области *зрительныхъ* впечатлѣній, а ключъ къ нимъ хранитъ память *слуховая*. Американцы избрали болѣе длинный, болѣе трудный путь, но зато болѣе надежный: они заучиваютъ письменные образы словъ, подобно японцамъ, китайцамъ и т. п. Но если это понятно и естественно для англійскаго письма, которое явилось продуктомъ сложныхъ историческихъ условій, то письму русскому, почти сплошь фонетическому, это совсѣмъ не свойственно Русское правописаніе лишь въ немногихъ сравнительно случаяхъ не подсказывается звуковымъ составомъ слова (таковы: буква *ѣ* въ корнѣ и во флексіяхъ, *и* и *і* и т. п.); но что оно не подсказывается *говоромъ*, что наша обыденная устная рѣчь слишкомъ далека иногда отъ ея письменнаго начертанія, такъ это совсѣмъ другое дѣло, явленіе неизбѣжное и непоправимое, потому что всякому свойственъ свой особый говоръ. Поэтому не бросать намъ нужно звуковый методъ, а только упорядочить, очистить отъ ненужныхъ и вредныхъ наслоеній, провѣрить его пріемы строго научною критикою, выяснить его научныя основанія. А такихъ наслоеній найдется немало, и главнѣйшее изъ нихъ *звукосліяніе* въ смыслѣ сознательнаго волевого дѣйствія. Въ Германіи, напр., уже обратили вниманіе на то, что начальная школа слишкомъ увеличиваетъ число *заикъ*, а статистика обнаружила, что процентъ заикающихся дѣлаетъ сразу быстрый скачекъ вверхъ именно *послѣ перваго года обученія*, въ послѣдующіе же годы возростаетъ уже незначительно. И вотъ это даетъ поводъ нѣкоторымъ педагогамъ (Hutzmann) вводить въ обученіе грамотѣ разныя сложныя артикуляціонныя упражненія, опять-таки разрушающія быстроту и плавность движеній автоматическихъ. А вѣдь ларчикъ-то просто открывается: „звукосліяніе“ невозможно, какъ сознательный волевой актъ; сознательный синтезъ возможенъ лишь въ области представленій, но не воли.

Кл. Тихомировъ.

Нѣсколько словъ по поводу методическаго руководства В. П. Вахтерова „На первой ступени обученія".

Появившаяся въ 1903-мъ году книга В. П. Вахтерова „На первой ступени обученія. Методическое руководство къ обученію по „Русскому букварю" автора представляетъ, по нашему мнѣнію, цѣнный вкладъ въ нашу до сихъ поръ еще столь скудную популярно-педагогическую литературу. Начать съ того, что названная книга по своему содержанію представляетъ несравненно больше, нежели простое „руководство къ букварю"

Взятую имъ методическую тему авторъ разсматриваетъ съ довольно широкой точки зрѣнія и ставитъ на почву педагогическихъ, психологическихъ, отчасти и историческихъ основъ. Да и помимо этого самая тема. т. е. вопросъ объ обученіи грамотѣ вообще и звуковомъ методѣ въ частности, хотя и принадлежитъ къ числу методическихъ вопросовъ, можетъ быть, наиболѣе разработанныхъ въ русской педагогической литературѣ, все же заключаетъ въ себѣ много темныхъ мѣстъ и не мало спорныхъ пунктовъ, всестороннее освѣщеніе которыхъ столь же интересно съ точки зрѣнія психологическаго анализа, какъ и важно для учителя-практика.

Краткій перечень главнѣйшихъ педагогическо-методическихъ вопросовъ, на которыхъ останавливается авторъ въ своей книгѣ, можетъ убѣдить читателя въ справедливости сказаннаго.

Начавъ съ изложенія психологическихъ основъ процессовъ чтенія и письма какъ въ вполнѣ развитомъ ихъ состояніи (т. е., какъ они совершаются у человѣка вполнѣ грамотнаго), такъ и въ зачаточномъ (т. е. у начинающаго учиться грамотѣ ребенка), авторъ обращается къ исторіи развитія письменности. Въ связи съ историческимъ ходомъ развитія письменности и на основаніи его, онъ выдвигаетъ основные принципы раціональной методики грамоты. Переходя затѣмъ къ исторіи развитія этой методики, В. П. останавливается подробно на современномъ аналитико-синтетическомъ звуковомъ ме-

тодѣ и даетъ мотивированное изложеніе особенностей своего способа обученія грамотѣ.

Параллельно съ этимъ, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, дается понятіе о строеніи органа рѣчи, о физической природѣ слога, о различіи между гласными и согласными также съ точки зрѣнія физическаго образованія звука и т. д.

Изъ отдѣльныхъ частно-методическихъ вопросовъ подробно разработанъ способъ исправленія неправильнаго произношенія у дѣтей, вопросъ о сліяніи звуковъ въ прямомъ слогѣ, особенно разрывныхъ мгновенныхъ согласныхъ. Въ методикѣ письма авторъ довольно долго останавливается (собственно говоря. выходя изъ своей темы) на правописаніи, на значеніи его и способахъ обученія правильному письму и приводитъ сдѣланныя имъ интересныя статистическія изслѣдованія различныхъ видовъ орѳографическихъ упражненій съ точки зрѣнія достигаемыхъ ими результатовъ.

Правда, большинство названныхъ общихъ вопросовъ затронуты по необходимости только слегка, но все же съ достаточной полнотой для элементарнаго руководства; изложеніе просто, ясно, живо и вполнѣ доступно. Содержаніе книги усваивается легко, несмотря даже на недостаточную послѣдовательность и систематичность въ расположеніи матеріала нѣкоторыхъ отдѣловъ.

Благодаря всему этому, а также значительной извѣстности, которой пользуется авторъ, какъ умѣлый руководитель ряда лѣтнихъ учительскихъ курсовъ, можно расчитывать на широкое распространеніе его книги среди народныхъ учителей, а также въ качествѣ руководства для учениковъ и ученицъ учительскихъ семинарій. Вотъ это-то соображеніе и побудило насъ, послѣ подробнаго разсмотрѣнія выдвигаемыхъ авторомъ методическихъ положеній и дѣлаемыхъ практическихъ выводовъ, высказать возникшія у насъ при этомъ недоумѣнія, — вытекающія отчасти изъ теоретическихъ соображеній, отчасти же изъ нѣкоторыхъ данныхъ опыта.

Если представляемыя нами возраженія и не покажутся читателямъ достаточно вѣскими и убѣдительными, то они все же могутъ навести нѣкоторыхъ изъ начинающихъ педагоговъ на мысль о томъ, что методическія руководства не только не представляютъ изъ себя собранія правилъ, или рецептовъ, которымъ они должны безъ дальнѣйшихъ соображеній механически слѣдовать, но даже содержатъ сравнительно мало безусловныхъ положеній, а имѣютъ цѣлью главнымъ образомъ и прежде всего возбудить ихъ собственную мысль въ направленіи возможно глубокаго и серьезнаго изслѣдованія—методическихъ вопросовъ какъ общихъ, такъ и частныхъ, вплоть до отдѣльныхъ мельчайшихъ пріемовъ обученія.

Скажемъ съ самаго начала, что наши недоумѣнія касаются исключительно вопросовъ частно-методическаго характера, такъ какъ основныя педагогическія и методическія положенія автора могутъ считаться въ настоящее время общепризнанными и врядъ-ли могутъ вызвать какое-либо возраженіе или возбудить сомнѣніе.

Главная мысль книги заключается въ томъ неоспоримомъ положеніи, что выводы методики должны основываться не только на свойствахъ изучаемаго предмета, но столько же, если не болѣе, на психической природѣ ученика; этотъ принципъ, что здѣсь собственно и интересно, авторъ пытается провести во всей его полнотѣ на практикѣ и построить на немъ всѣ свои какъ общіе, такъ и частные методическіе пріемы.

Точно также не можетъ подлежать сомнѣнію и справедливость требованія В. П. Вахтерова устанавливать возможно тѣсныя логическія связи между всѣми воспріятіями ребенка, требованія, которое онъ даже кладетъ въ основу своего руководства, называя совокупность рекомендуемыхъ имъ пріемовъ „методомъ естественныхъ связей“.

Наконецъ, кто же станетъ возражать противъ рѣшающаго и всеобъемлющаго значенія принципа самодѣятельности, на которой онъ настаиваетъ?

Наши недоумѣнія начинаются лишь тогда, что, впрочемъ, и естественно, когда отъ общихъ основаній и принциповъ авторъ переходитъ къ выводу изъ нихъ частныхъ методическихъ положеній и пріемовъ, составляющихъ особенности предлагаемаго имъ способа обученія грамотѣ.

Важнѣйшія особенности способа В. П. Вахтерова, какъ мы его понимаемъ, заключаются въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, онъ отвергаетъ необходимость и даже цѣлесообразность такъ называемыхъ предварительныхъ звуковыхъ упражненій и, во-вторыхъ, считаетъ нужнымъ ввести искусственные пріемы звукосліянія.

Первое положеніе авторъ доказываетъ при посредствѣ слѣдующей аргументаціи. Мысль о возможности дѣлить слова на нѣкоторое, сравнительно небольшое число недѣлимыхъ элементовъ-звуковъ имѣетъ значеніе, представляетъ интересъ и могла явиться у изобрѣтателей алфавита только въ связи съ мыслью о возможности изображать каждый изъ этихъ звуковъ особымъ знакомъ.

Дѣленіе словъ на звуки помимо этой цѣли само по себѣ значенія не имѣетъ, почему интересовать дѣтей не можетъ, кажется имъ безцѣльнымъ и безсмысленнымъ занятіемъ. Всякихъ же занятій такого рода слѣдуетъ въ школѣ избѣгать.

Кромѣ того, запомнить данный звукъ гораздо легче при помощи зрительнаго образа, т. е. въ связи съ соотвѣтствующей буквой. Слѣдовательно, звуковыя упражненія не должны предшествовать изученію дѣтьми алфавита, а вестись исключительно одновременно и параллельно съ прохожденіемъ буквъ, ознакомленіе съ которыми должно начаться съ первыхъ же уроковъ.

Исходя изъ этихъ принциповъ, В. П. Вахтеровъ слѣдуетъ такому порядку обученія. Уже на самой первой ступени при дѣленіи рѣчи на слова, онъ, выбравъ для этой цѣли слова однозвучныя (союзы, предлоги), тотчасъ фиксируетъ ихъ буквами, съ цѣлью дать дѣтямъ понятіе о томъ, что слова можно изображать извѣстными знаками; съ тою же цѣлью на слѣдующей ступени — разложеніе словъ на слоги—фиксируются буквами однозвучные слоги (а—у), и, наконецъ, при первомъ же переходѣ къ звуковому анализу фиксируются звуки; такимъ образомъ дѣти тотчасъ получаютъ возможность написать (составить изъ подвижныхъ буквъ) и прочесть первое же разложенное ими на звуки слово.

Хотя мы съ своей стороны не можемъ признать, что при умѣломъ веденіи звуковыя упражненія производятъ на дѣтей такое удручающее впечатлѣніе, и не разъ убѣждались, что образованіе, напр., слова изъ данныхъ имъ звуковъ чрезвычайно нравится дѣтямъ и возбуждаетъ въ нихъ живое удовольствіе, все же мы должны согласиться съ В. П. Вахтеровымъ въ томъ, что дѣти проявляютъ большій интересъ при переходѣ отъ чисто звуковыхъ упражненій къ манипуляціямъ съ буквами, т. е. къ чтенію и письму. Однако, вся кажущаяся заманчивость рекомендуемыхъ В. П. первыхъ уроковъ, въ смыслѣ ихъ занимательности для маленькихъ учениковъ, все же не можетъ убѣдить насъ въ томъ, что прилагаемые имъ пріемы окажутъ дѣйствительно благотворное вліяніе на процессъ обученія грамотѣ по существу, въ смыслѣ ли ускоренія его, или же облегченія дѣтямъ усвоенія сущности процессовъ чтенія и письма.

Книга В. П. Вахтерова не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что авторъ, подобно большинству методистовъ, признаетъ, что въ сложномъ актѣ чтенія и письма наиболѣе трудными моментами для начинающихъ представляется разложеніе на звуки и сліяніе звуковъ, сравнительно съ которыми усвоеніе алфавита является дѣломъ очень второстепеннымъ. Такой взглядъ автора подтверждается и тѣмъ фактомъ, что именно упражненіямъ въ этихъ процессахъ онъ удѣляетъ на своихъ урокахъ особенно много времени и вниманія. Но мы знаемъ, что лучшій путь для преодолѣнія серьезнаго препятствія состоитъ прежде всего въ изолированіи трудностей, въ борьбѣ

съ каждой изъ нихъ по возможности отдѣльно, а затѣмъ въ установленіи цѣлесообразной постепенности, при помощи которой крупный шагъ разбивается на болѣе мелкіе шаги, трудная ступень на отдѣльныя подготовительныя ступени.

Какого же рода постепенность можетъ облегчить изолированный отъ всякаго рода другихъ осложненій процессъ звукового анализа? В. П. Вахтеровъ признаетъ, что существеннѣйшей подготовительной для этого ступенью должно служить знакомство съ отдѣльными звуками. Предварительное знакомство дѣтей со всѣми составляющими данное слово звуками въ отдѣльности онъ считаетъ достаточнымъ для того, чтобы они могли разложить это слово на звуки. На этомъ основаніи послѣ звукового анализа слоговъ ау, уа (гдѣ дѣленіе на звуки совпадаетъ съ дѣленіемъ, на слоги) онъ знакомитъ дѣтей съ звукомъ с (выдѣливъ его отъ обратнаго слога ус) и тотчасъ предлагаетъ имъ для анализа слова „оса“, т. е. почти сразу прямой слогъ. Дѣйствительно, если признать такимъ образомъ основой анализа знакомство дѣтей съ отдѣльными звуками, то естественно желаніе заставить дѣтей запомнить ихъ, а, слѣдовательно, цѣлесообразно возможно скорѣе фиксировать ихъ буквами.

Но вѣдь слова, или, скорѣе, слоги (такъ какъ сліяніе звуковъ происходитъ только въ нихъ) отличаются, какъ извѣстно, не только разнообразіемъ входящихъ въ нихъ звуковъ. Не менѣе существенное различіе представляетъ и самое строеніе слога, т. е. число составляющихъ его звуковъ, равно какъ и болѣе или менѣе тѣсное ихъ сліяніе. Между тѣмъ какъ В. П. придаетъ первенствующее значеніе первому отличію, намъ кажется, что съ точки зрѣнія относительной трудности звукового анализа (и синтеза) болѣе существеннымъ является второе, т. е. самое строеніе слога. Отсюда и постепенность въ звуковыхъ упражненіяхъ съ нашей точки зрѣнія должно заключаться не только въ послѣдовательномъ введеніи новыхъ звуковъ, а главнымъ образомъ слоговъ, все болѣе и болѣе трудныхъ въ смыслѣ своего строенія, т. е. начавъ съ однозвучнаго слога (не требующаго и не допускающаго разложенія), слѣдовало бы переходить постепенно къ двузвучному обратному слогу, далѣе къ прямому и затѣмъ уже къ все болѣе осложняющимся слогамъ съ такъ называемымъ нарощеніемъ согласныхъ. Опытъ въ большинствѣ случаевъ подтвердитъ, что дѣти даже послѣ ознакомленія ихъ, напр., со звуками с, а, м, не сумѣютъ въ большинствѣ случаевъ на самой первой ступени обученія разложить слово „сама“ (не говорю уже о звуковомъ анализѣ при тѣхъ же условіяхъ слоговъ съ нарощеніемъ, какъ-то: „шла“ „срокъ“ и т. п.), между тѣмъ какъ они безъ особаго затрудненія справятся со словами ум, ус, ах, ох и т. п. (изъ обрат-

ныхъ слоговъ), даже безъ всякаго предварительнаго знакомства съ составляющими ихъ звуками.

На основаніи такихъ соображеній, мы считаемъ цѣлесообразнѣе посвящать первыя упражненія на урокахъ грамоты (непосредственно слѣдующія за разложеніемъ рѣчи на слова и слова на слоги) не послѣдовательному изученію отдѣльныхъ звуковъ и различныхъ ихъ комбинацій (эту работу мы отодвигаемъ до слѣдующей степени— прохожденіе букваря), а анализу и синтезу сперва обратнаго слога, а затѣмъ прямого (разумѣется, для этихъ упражненій дѣтямъ предлагаются не отдѣльные слоги, а цѣлыя слова). Главная наша задача при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы ребенокъ понялъ самое строеніе слога извѣстнаго типа (главнымъ образомъ прямого, какъ самаго важнаго и труднаго) независимо отъ того, изъ какихъ именно звуковъ онъ состоитъ.

Думаю, что многіе учителя подтвердятъ наше наблюденіе, что, овладѣвъ разложеніемъ и сліяніемъ двухъ, трехъ слоговъ, ребенокъ уже сравнительно легко справляется со всѣми остальными слогами того же типа, а этого не могло бы быть, если бы ключъ къ звуковому анализу представляло знакомство съ отдѣльными звуками. Намъ представляется здѣсь какъ бы нѣкоторая аналогія съ изученіемъ въ ариѳметикѣ, съ одной стороны, чиселъ, а съ другой,— дѣйствій.

Придавая, такимъ образомъ, первенствующее значеніе самому строенію слоговъ, мы тѣмъ не менѣе нисколько не отвергаемъ необходимости прежде, чѣмъ приступать къ анализу словъ, дать понятіе дѣтямъ о звукѣ вообще и познакомить ихъ съ отдѣльными звуками человѣческой рѣчи, съ тѣми преимущественно, которые признаются наиболѣе удобными для первоначальныхъ упражненій. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ утвержденіемъ американскаго психолога Джемса (котораго цитируетъ В. П. Вахтеровъ), что отыскать въ комплексѣ то, чего не знаешь въ отдѣльности, чрезвычайно трудно. Разумѣется, ребенокъ легче различитъ въ гранитѣ кварцъ, слюду и полевой шпатъ, если онъ знаетъ эти минералы.

Однако, здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ знакомствомъ дѣтей съ тѣмъ или инымъ звукомъ. Намъ кажется, что для этого необходимо, чтобы дѣти нѣсколько разъ слышали и сами произносили данный звукъ отдѣльно; но какую же помощь при этомъ можетъ оказать буква? В. П. Вахтеровъ говоритъ, что она поможетъ запомнить данный звукъ. А развѣ есть необходимость запоминать звуки сами по себѣ помимо ихъ отношенія къ буквамъ? Впрочемъ, рѣшеніе вопроса о томъ, поскольку

слѣдуетъ останавливаться на изученіи отдѣльныхъ звуковъ, зависитъ, какъ мы уже отчасти говорили выше, главнымъ образомъ отъ того пути, какимъ мы поведемъ анализъ словъ, будетъ ли онъ заключаться въ отыскиваніи въ словѣ знакомыхъ звуковъ, или въ разложеніи слова не недѣлимыя части звука, въ выдѣленіи звуковъ, или въ разложеніи слоговъ.

Такъ, въ вышеприведенномъ примѣрѣ можно приступить къ анализу гранита, или отыскивая въ немъ знакомые намъ минералы, или же сосредоточивъ свое вниманіе на вопросѣ о томъ, изъ какихъ отдѣльныхъ разнородныхъ частей составленъ гранитъ.

Мы думаемъ, что лучшій путь заключался бы въ соединеніи обоихъ принциповъ, почему наилегчайшій способъ усвоенія дѣтьми звукового состава словъ, по нашему мнѣнію, заключается въ упражненіи ихъ въ полномъ анализѣ и синтезѣ звуковыхъ комплексовъ, постепенно усложняющихся по своему строенію и образованныхъ изъ сравнительно небольшого числа звуковъ, до извѣстной степени знакомыхъ дѣтямъ, т. е. такихъ. которые имъ приходилось слышать и произносить отдѣльно. Но осуществить такой способъ возможно, по нашему мнѣнію, только на чисто звуковыхъ упражненіяхъ, такъ какъ введеніе на этой ступени параллельно съ звуковыми еще и зрительныхъ элементовъ въ видѣ буквъ, не прибавивъ ничего, какъ намъ кажется, для облегченія дѣтямъ усвоенія сущности звукового процесса, внесло бы въ этотъ и безъ того критическій моментъ много лишнихъ осложненій и даже путаницы. Не говоря уже о томъ, что при предлагаемомъ нами порядкѣ обученія потребовалось бы введеніе сразу столькихъ буквъ, что уже одно запоминаніе ихъ явилось бы для дѣтей серьезнымъ препятствіемъ, главное осложненіе заключалось бы, по нашему, въ томъ, что дѣтямъ пришлось бы въ такомъ случаѣ оперировать сразу не только надъ звуковыми, но также и надъ буквенными комплексами, что, какъ извѣстно, не одно и то же. Однако, можетъ быть, В. П. Вахтеровъ до извѣстной степени сознательно пренебрегаетъ этими дополнительными трудностями, имѣя въ виду всю важность уясненія дѣтямъ той основной идеи, о которой онъ говоритъ, т. е. цѣли звукового анализа?

Но мы, съ своей стороны, позволяемъ себѣ усумниться въ томъ, чтобы на этой первой ступени обученія дѣти могли сознательно овладѣть этой идеей; да и, наконецъ, сознаніе того, что буквы соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ недѣлимымъ частямъ словъ—звукамъ (идея сама по себѣ весьма цѣнная), нисколько не помогаетъ дѣтямъ признать за такую недѣлимую часть слова, напр., весь слогъ „ма“, слѣдовательно, фактически нисколько не облегчитъ имъ звукового анализа. Такого рода смѣшеніе со стороны дѣтей тѣмъ болѣе воз-

можно, что самый пріемъ В. П. Вахтерова обозначать тѣми же знаками сперва цѣлыя слова (а, у союзы и предлоги), далѣе слоги (въ словѣ а—у) и наконецъ звуки (а, у) долженъ вносить въ понятія дѣтей въ этомъ отношеніи уже извѣстную путаницу *).

Вторую важную особенность способа В. П. Вахтерова составляетъ примѣненіе искусственныхъ пріемовъ звукосліянія, которые признаются имъ необходимыми, или, скорѣе, неизбѣжными. Особенность эта, какъ увидимъ ниже, находится въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ предлагаемымъ имъ ходомъ обученія грамотѣ.

Вопросъ о звукосліяніи, по словамъ В. П. Вахтерова, принадлежитъ къ числу спорныхъ, и хотя книга „На первой ступени обученія"—вноситъ довольно много для его освѣщенія, все же мы не можемъ считать, что она окончательно разрѣшаетъ его.

Вполнѣ признавая цѣлесообразность рекомендуемаго нѣкоторыми методистами и получившаго широкое распространеніе на практикѣ пріема, заключающагося въ томъ, что дѣти первое время тотчасъ же сливаютъ (или скорѣе возстановляютъ) всякое только что разложенное ими слово и только послѣ ряда подобныхъ упражненій переходятъ къ синтезу новыхъ словъ, В. П. находитъ его недостаточнымъ и признаетъ, какъ мы уже говорили, неизбѣжность искусственныхъ пріемовъ звукосліянія.

Мы думаемъ, что съ своей точки зрѣнія онъ совершенно правъ, т. е., что при намѣченномъ имъ ходѣ обученія, безъ этихъ искусственныхъ пріемовъ врядъ ли можно обойтись; но будутъ ли они также необходимы и при всякомъ иномъ порядкѣ обученія, въ этомъ мы не можемъ не усумниться.

Хотя, говоря о сліяніи, необходимо различать, имѣютъ ли дѣти дѣло со звуковыми, или буквенными комплексами, т. е. собственно съ чтеніемъ, все же какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ происходитъ только звукосліяніе. Второй случай представляетъ для дѣтей значительныя добавочныя трудности потому, что процессу звукосліянія долженъ предшествовать процессъ узнаванія буквъ и припоминанія соотвѣтствующихъ звуковъ. Правда, трудности эти значительны и являются для насъ, напр., серьезнымъ аргументомъ за предварительныя звуковыя упражненія,—все же онѣ, такъ сказать, вторичнаго свойства, и дѣти, какъ намъ кажется, сущность процесса постигаютъ уже, упражняясь надъ звуками. В. П. Вахте-

*) Многіе изъ вышеназванныхъ вопросовъ разсматриваются съ психологической точки зрѣнія въ интересной статьѣ Кл. Тихомирова. „Опытъ психологіи грамоты". „Русск. Шк." 1900 г. Мартъ и апрѣль. Статья эта также содержитъ въ себѣ рядъ возраженій противъ вышеизложенныхъ методическихъ положеній В. П. Вахтерова.

ровъ, наоборотъ, изслѣдуя вопросъ о звукосліяніи, разсматриваетъ этотъ процессъ въ болѣе сложной его формѣ, такъ, какъ онъ совершается на буквахъ, т. е. во время чтенія и, если можно такъ выразиться, скороспѣлаго чтенія, не основаннаго на хорошо проработанныхъ звуковыхъ упражненіяхъ. Изъ приведенныхъ въ его руководствѣ примѣровъ видно, что дѣти прямо учатся сливать на буквахъ, т. е. читая. („На первой ступ. обуч." стр. 193: „Чтеніе словъ безъ предварительнаго разложенія на звуки"). Правда, параллельно ведутся и звуковыя упражненія—сліяніе звуковъ; но авторъ нигдѣ не касается вопроса о вліяніи этихъ упражненій на процессъ чтенія (по буквамъ). Главное затрудненіе этого сліянія—чтенія В. П. Вахтеровъ видитъ въ томъ, что дѣти слишкомъ медленно узнаютъ буквы для того, чтобы достаточно быстро привести свой органъ рѣчи въ положеніе, необходимое для слитнаго произношенія звуковъ; это затрудненіе особенно отражается на сліяніи мгновенныхъ согласныхъ.

Самый процессъ сліянія В. П. представляетъ себѣ такъ: ребенокъ, увидавъ первую букву и узнавъ ее, начинаетъ произносить соотвѣтствующій звукъ, тянетъ его до тѣхъ поръ, пока узнаетъ вторую букву и произноситъ второй звукъ уже слитно съ первымъ. Согласно руководству В. П. Вахтерова дѣти читаютъ на одномъ изъ первыхъ уроковъ слова „осу" такимъ образомъ. Учитель выставляетъ на доску букву за буквой, и дѣти по мѣрѣ ихъ появленія должны произносить соотвѣтствующіе звуки слитно: о, ос, осу. (Здѣсь, по нашему мнѣнію, самое сліяніе ведется неправильно: въ словѣ осу „о" вовсе не сливается съ звукомъ „с", иначе пришлось бы читать „ос-у" или „ос-су"). Понятно, что такимъ путемъ естественнымъ образомъ можетъ произойти только сліяніе длительныхъ согласныхъ, которые можно тянуть, сліяніе же мгновенныхъ безъ помощи искусственныхъ пріемовъ произойти не можетъ.

Однако, можно себѣ представить, что названный процессъ совершается въ головѣ ребенка и инымъ путемъ. Онъ разсматриваетъ весь выставленный передъ нимъ буквенный комплексъ—слогъ и, только узнавъ всѣ буквы, т. е. припомнивъ соотвѣтствующіе имъ звуки, сливаетъ ихъ мысленно и произноситъ весь слогъ сразу. Въ этомъ случаѣ центръ тяжести лежитъ въ умѣніи сливать звуки, а чтеніе содержитъ, какъ мы уже говорили, только сильно замедляющій этотъ процессъ добавочный моментъ узнаванія буквъ. По мѣрѣ того, какъ оптическій образъ слоговъ становится для ребенка все болѣе и болѣе привычнымъ, онъ уже не разлагаетъ его на буквы, не припоминаетъ и не сливаетъ соотвѣтствующіе имъ отдѣльные звуки, а сразу узнаетъ слогъ, какъ цѣлое. (Намъ кажется, что,

между прочимъ, и для ускоренія этого процесса не слѣдуетъ разбивать слогъ при выставленіи его на доскѣ).

Допуская возможность такой послѣдовательности въ процессѣ чтенія у начинающаго, мы вновь возвращаемся къ уже высказанной нами мысли, что дѣти должны учиться сливать на звукахъ. Введеніе же буквъ прежде, нежели они сколько нибудь овладѣли звукосліяніемъ, можетъ лишь затруднить ихъ и является, какъ намъ кажется, одной изъ причинъ необходимости искусственныхъ пріемовъ.

Недостаточное, съ нашей точки зрѣнія, вниманіе В. П. Вахтерова собственно къ звуковому процессу проявляется, какъ намъ кажется, между прочимъ въ томъ, что онъ постоянно выдвигаетъ зрительные образы, постоянно имѣетъ въ виду зрительную память учениковъ, и въ значительной степени игнорируетъ стоящіе на первомъ планѣ слуховые. Онъ вездѣ приглашаетъ дѣтей „присмотрѣться" даже къ положенію рта при произнесеніи того или иного звука, но никогда не требуетъ, чтобы они „прислушались".

Помимо преждевременнаго, съ нашей точки зрѣнія, введенія буквъ, способъ В. П. вызываетъ необходимость искусственныхъ пріемовъ сліянія, даже на чисто звуковыхъ упражненіяхъ, еще и отсутствіемъ, какъ намъ кажется, послѣдовательности при введеніи слоговъ различнаго строенія, о чемъ мы уже говорили выше по поводу анализа. Синтезъ прямого слога, не подготовленный упражненіями надъ слогами обратными, кажется намъ такой же неразрѣшимой задачей для начинающаго, какъ и анализъ его. При болѣе же систематичномъ въ этомъ отношеніи подборѣ матеріала для звуковыхъ упражненій, мы, на основаніи нашего личнаго, правда, очень ограниченнаго опыта, рѣшаемся утверждать, что дѣти, при помощи лишь одного обратнаго синтеза только что разложенныхъ словъ, безъ особаго труда научаются сливать звуки, а затѣмъ и читать безъ какихъ бы то ни было искусственныхъ пріемовъ звукосліянія (кромѣ развѣ слоговъ, содержащихъ мягкія іотированныя гласныя я, ю). При этомъ, насколько намъ приходилось наблюдать, переходъ отъ обратнаго синтеза (сліянія только что разложеннаго слова) къ образованію новыхъ словъ изъ данныхъ звуковъ совершается безъ труда какъ бы само собой.

Однако, мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, чтобы совершающійся процессъ былъ дѣйствительно звукосліяніемъ. Можетъ быть, это просто „угадываніе" слова по даннымъ звукамъ, подобное тому, которое совершалъ (въ примѣрѣ, цитируемомъ В. П. Вахтеровымъ) двухлѣтній ребенокъ со словомъ „молоко". Но что же изъ этого? Дѣйствительно ли такъ существенно необходимо, какъ

утверждаетъ В. П., чтобы дѣти умѣли сознательно совершать самый процессъ сліянія? Вѣдь важно только, чтобы при видѣ извѣстнаго буквеннаго комплекса они произносили соотвѣтственные звуки слитно, чтобы они ясно понимали (на чемъ настаиваетъ и В. П. Вахтеровъ), что значитъ произнести данные звуки „отдѣльно" и „вмѣстѣ".

Необходимость искусственныхъ пріемовъ звукосліянія — В. П. Вахтеровъ подтверждаетъ еще и тѣмъ косвеннымъ доводомъ что несмотря на всѣ сопряженныя съ нимъ трудности, оно практикуется большинствомъ учителей.

Мы думаемъ, что этому явленію можно подыскать нѣсколько причинъ помимо ихъ настоятельной необходимости.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Учителя очень часто (о чемъ упоминаетъ и В. П. Вахтеровъ) слишкомъ мало обращаютъ вниманіе на обратный синтезъ словъ и вообще на сліяніе при звуковыхъ упражненіяхъ, иногда даже вовсе упускаютъ его, занимаясь исключительно анализомъ, слѣдовательно, подготовляютъ дѣтей преимущественно къ письму; приступая же къ прохожденію букваря, впадаютъ въ обратную крайность: требуютъ прямо чтенія новыхъ словъ, т. е. исключительно синтеза (притомъ въ наиболѣе сложной его формѣ), не подготовленнаго анализомъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, чтеніе на первыхъ порахъ словъ, предварительно написанныхъ дѣтьми (составленныхъ изъ подвижныхъ буквъ), представляютъ изъ себя неоцѣненную подготовительную ступень къ чтенію новыхъ словъ.

Кромѣ того, серьезной причиной, затрудняющей маленькимъ ученикамъ процессъ сліянія-чтенія, является, по нашему мнѣнію, недостаточно цѣлесообразный подборъ или, скорѣе, распредѣленіе матеріала, предлагаемаго начинающимъ чтецамъ.

Съ такимъ распредѣленіемъ мы встрѣчаемся въ громадномъ большинствѣ общеупотребительныхъ азбукъ и букварей.

Съ нашей точки зрѣнія наиболѣе удобнымъ распредѣленіемъ матеріала было бы расположеніе его вполнѣ соотвѣтственно послѣдовательности звуковыхъ упражненій — т. е. на основаніи степени трудности звукового строенія словъ.

Насколько намъ извѣстно, этотъ принципъ проведенъ съ наибольшей послѣдовательностью при расположеніи матеріала въ „Новой Азбукѣ" Л. Н. Толстого, что является, по нашему мнѣнію, одной изъ причинъ, почему дѣти съ такой охотой читаютъ эту замѣчательную книгу; къ сожалѣнію, авторъ ея, какъ извѣстно, совершенно отвергаетъ необходимость постепенности другого рода и даетъ всѣ буквы сразу. Расположеніе этого же типа мы встрѣчаемъ, между прочимъ, и въ букварѣ Яковлевой „Начало" (изд. Тверского губ.

зем.); составители же большинства изъ общепринятыхъ азбукъ и букварей придерживаются при расположеніи матеріала, какъ мы уже говорили, совершенно иныхъ принциповъ и вводятъ съ самаго начала не только слова, составленныя изъ прямыхъ слоговъ (нерѣдко даже трехсложныя), но даже изъ слоговъ съ наращеніемъ согласныхъ (ушла, росла и т. п.), чтеніе которыхъ на этой ступени сильно затрудняетъ дѣтей.

Изложивъ такимъ образомъ наши недоумѣнія, равно какъ и нѣкоторыя несогласія со взглядами почтеннаго автора книги „На первой ступени обученія", — мы вовсе не думаемъ утверждать, чтобы разсматриваемые вопросы мы считали окончательно и безповоротно рѣшенными въ извѣстномъ направленіи даже для себя.

Повторяемъ, что много моментовъ того сложнаго акта, который совершается въ душѣ ребенка, когда онъ учится грамотѣ, представляются намъ еще темными, требующими всесторонняго научнаго освѣщенія прежде, нежели возможно будетъ установить дѣйствительно наилучшій способъ обученія. Поэтому и цѣль нашего изложенія состоитъ скорѣе въ томъ, чтобы направить мысли начинающихъ учителей на эти сложные вопросы, нежели въ желаніи содѣйствовать ихъ разрѣшенію.

В. Рутценъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Педагогическая библіотека подъ редакціей **А. П. Нечаева**. Выпускъ I. Габріэль Компейре. Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе. Спб. 1903. Выпускъ II. Габріэль Компейре. Песталоцци и элементарное воспитаніе. Спб. 1904. Выпускъ III. Педагогика и Педологія. Спб. 1904.

Въ самое послѣднее время и у насъ, слава Богу, начинаютъ, кажется, сомнѣваться въ томъ, что для педагога—главное „нутро", что paedagogi nascuntur. Мало по малу начинаютъ понимать, что существуетъ *наука педагогика* и что человѣку, посвятившему себя воспитанію дѣтей, необходимо познакомиться и съ исторіей этой науки, и съ теоретическими и практическими положеніями ею выработанными. Усиленно начинаютъ поговаривать объ учрежденіи во всѣхъ нашихъ университетахъ каѳедръ по педагогикѣ. Пока же что всякій интересующійся этою областью прежде всего столкнется съ страшною бѣдностью нашей педагогической литературы и позавидуетъ невольно нашимъ богатымъ сосѣдямъ на Западѣ, гдѣ выходятъ сотни педагогическихъ журналовъ и безконечное количество отдѣльныхъ трудовъ.

Между тѣмъ какъ разъ теперь, когда затянувшійся до нельзя переходный періодъ средней школы болѣзненно даетъ себя чувствовать, теперь, когда только лѣнивый не поучаетъ педагога, теперь дѣятелямъ школы особенно важно имѣть подъ собою твердую научную почву, чтобы быть въ состояніи трезво и авторитетно отнестись ко всему новому и, съ другой стороны, не открывать давно открытаго. Въ виду всего сказаннаго мы не можемъ не привѣтствовать появленія новой „Педагогической библіотеки", къ тому же издаваемой столь энергичнымъ и талантливымъ работникомъ, какимъ является редакторъ ея А. П. Нечаевъ *). Первый выпускъ представляетъ переводъ Л. В. Степановой работы Габріэля Компейре: „Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе". Великому англійскому философу вообще у насъ посчастливилось, такъ что почти всѣ его труды имѣются въ русскомъ переводѣ и литература, посвященная ему, тоже довольно солидна; тѣмъ не менѣе книга Компейре

*) Ср. его „Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей", Изд. 2-е и „Современная экспериментальная психологія".

является далеко не лишнею для насъ, такъ какъ въ живой и доступной формѣ трактуетъ спеціально о педагогическихъ идеяхъ Спенсера. Второй выпускъ посвященъ великому учителю учителей Песталоцци. Труды швейцарскаго педагога изданы въ Педагогической библіотекѣ Адольфа и Тихомірова и недавно даже вышли вторымъ изданіемъ; біографія его, нѣсколько односторонняя, появилась въ серіи Павленкова. Что касается работы Компейре (пер. С. М. Виноградовой), то, несомнѣнно, она страдаетъ нѣкоторой расплывчатостью въ изложеніи, пожалуй, даже мѣстами недостаточною глубиною взгляда, тѣмъ не менѣе сослужитъ свою службу при первоначальномъ ознакомленіи съ жизнью и взглядами Песталоцци. Совсѣмъ особое мѣсто въ этой серіи занимаетъ третій выпускъ „Педагогика и педологія". Онъ состоитъ изъ введенія и статьи, посвященной основателю педологіи Стэнли Холлу *), принадлежащихъ перу самого редактора, затѣмъ даетъ намъ въ русскомъ переводѣ рѣчь профессора Цюрихскаго университета Меймана, произнесенную въ 1900 г. на Цюрихскомъ школьномъ съѣздѣ и трактующую о возникновеніи и цѣли экспериментальной педагогики. Эти статьи, очевидно, должны были подготовить интересующихся къ открытію педагогическихъ курсовъ въ нашей столицѣ. Подробности о нихъ читатель найдетъ тутъ же на стр. 80—106. Выпуски по цѣнѣ вполнѣ доступны (50 к.).

Г. Зоргенфрей.

Е. А. Чебышева-Дмитріева. Вопросы начальной школы и педагогическіе очерки. Спб. 1905. Стр. 250. Ц. 1 р.

Названное сочиненіе содержитъ рядъ небольшихъ и живо написанныхъ очерковъ, касающихся по преимуществу различныхъ сторонъ начальной школы. Дѣятели и дѣятельницы на этомъ поприщѣ, несомнѣнно, съ интересомъ прочтутъ книжку, такъ какъ въ ней обсуждаются близкіе имъ вопросы, надъ которыми каждому преподающему приходилось задумываться и такъ или иначе рѣшать, вопросы ежедневной, будничной практики: о письменномъ изложеніи въ школѣ, о грамматикѣ, о курсѣ исторіи, о предметныхъ урокахъ, объяснительномъ чтеніи. Такъ какъ авторъ—дѣятель начальной школы, много думавшій о своемъ дѣлѣ и много видавшій начальныхъ школъ, русскихъ и заграничныхъ, то, понятно, его сужденія и взгляды заслуживаютъ того, чтобы ихъ взвѣсить и принять во вниманіе дѣятелямъ и дѣятельницамъ элементарныхъ школъ.

Для лицъ, не имѣющихъ непосредственныхъ отношеній къ начальной школѣ и не заинтересованныхъ практически такой или иной постановкой въ ней отдѣльныхъ предметовъ преподаванія, наибольшій интересъ въ разсматриваемой книжкѣ представятъ очерки о начальныхъ парижскихъ училищахъ, маленькихъ парижанахъ и о школахъ Вѣны, Цюриха и Женевы. Очень живо

---

*) Статья эта была напечатана въ „Русской Школѣ".

и съ хорошимъ фактическимъ матеріаломъ, почерпнутымъ изъ личныхъ наблюденій, описаны парижскія школы и дѣти О школахъ Вѣны, Цюриха и Женевы данъ лишь довольно бѣглый очеркъ. Статья о маленькихъ англичанахъ слишкомъ коротка и бѣдна содержаніемъ, личныхъ впечатлѣній не видно, а по книжкамъ такую коротенькую статью не стоило и составлять.

Въ рядъ статей о начальной школѣ вкраплено нѣсколько общепедагогическихъ статеекъ, очень короткихъ („Дѣти и театръ", „Беллетристика для дѣтей"), одна по исторіи педагогики (о школѣ янсенистовъ) и одна о школьныхъ вопросахъ на международномъ женскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ. И эти послѣднія статьи такъ или иначе касаются начальныхъ школъ, а потому вся книжка носитъ характеръ цѣлостности и единства.

П. Каптеревъ.

Справочныя изданія по внѣшкольному образованію, составленныя Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ: 1) „Внѣшкольное образованіе". Цѣна 2 руб. 360 стр. 2) „Публичныя лекціи и народныя чтенія". Ц. 25 коп. 40 стр. 3) „Библіотеки (общественныя и народныя) и книжная торговля". Ц. 50 к. 94 стр. Изд. т—ва „Знаніе". Спб. 1905 г.

Въ русской литературѣ до сихъ поръ не было подробнаго и исчерпывающаго справочнаго изданія по внѣшкольному образованію въ Россіи. Трудъ извѣстныхъ знатоковъ народнаго образованія заполнитъ этотъ пробѣлъ и представитъ возможность всѣмъ лицамъ, работающимъ на поприщѣ народнаго образованія, свободно, быстро и широко находить въ изданіяхъ гг. Фальборка и Чарнолускаго необходимыя свѣдѣнія. Чтобы составить такое капитальное изданіе, необходимо было затратить массу времени, труда, кропотливаго труда, нужна колоссальная настойчивость.

Въ первой книгѣ „Внѣшкольное образованіе" заключается систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, справочныхъ свѣдѣній и пр.: о цензурѣ и печати (извлеченіе изъ устава о цензурѣ и печати, о цензурѣ внутренней, о цензурѣ книгъ иностранныхъ, о духовной цензурѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія, объ изданіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства н. п., о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ, извлеченіе изъ уложенія о наказаніяхъ), о типографіяхъ, литографіяхъ и т. д. и о книжной торговлѣ, общественныхъ публичныхъ библіотекахъ, различныхъ типахъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ (правила о безплатныхъ народныхъ читальняхъ 1870 г. и 1890 г., о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ въ Царствѣ Польскомъ), книжной торговлѣ, музеяхъ, выставкахъ и съѣздахъ, театрѣ, публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ, лотереяхъ, публичныхъ лекціяхъ и чтеніяхъ, народныхъ чтеніяхъ, курсахъ для взрослыхъ, систематическомъ домашнемъ чтеніи; благотворительныхъ обществахъ и кассахъ; обществахъ, имѣю-

щихъ отношеніе къ дѣлу народнаго образованія (ученыхъ обществахъ, просвѣтительныхъ и педагогическихъ обществахъ, обществахъ народныхъ развлеченій, обществахъ попеченія о дѣтяхъ, литературно-музыкально-драматическихъ и т. п. обществахъ и кружкахъ, ученыхъ и спеціальныхъ обществахъ), обществахъ трезвости, обществахъ изученія мѣстностей, клубахъ и общественныхъ собраніяхъ, народныхъ домахъ и клубахъ, собраніяхъ рабочаго населенія и т. п. учрежденіяхъ, сельско-хозяйственныхъ обществахъ и товариществахъ, потребительныхъ обществахъ, пожарныхъ обществахъ, приходскихъ попечительствахъ при православной церкви, церковныхъ братствахъ и обществахъ хоругвеносцевъ, попечительствахъ о народной трезвости.

Приведенное краткое содержаніе книги указываетъ, что составители его включили все, что касается и имѣетъ отношеніе къ дѣлу внѣшкольнаго образованія народа.

Въ концѣ книги помѣщены списки: справочно библіографическихъ изданій по народной литературѣ, дѣтской литературѣ и др.; справочно-библіографическихъ изданій и указаній, не помѣщенныхъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ книги; списокъ просвѣтительныхъ и педагогическихъ коммиссій по устройству народныхъ чтеній въ Россіи; списокъ обществъ народныхъ развлеченій; списокъ обществъ попеченія о дѣтяхъ и содѣйствія ихъ физическому развитію; списокъ нѣкоторыхъ ученыхъ и спеціальныхъ обществъ; списокъ обществъ изученія мѣстностей; списокъ общественныхъ публичныхъ библіотекъ; списокъ музеевъ; списокъ земскихъ книжныхъ складовъ; списокъ фирмъ, издающихъ дешевыя изданія; списокъ фирмъ, изготовляющихъ наглядныя учебныя пособія, волшебные фонари и картины къ нимъ и торгующихъ ими.

Особенно подробно и исчерпывающе составлены списки разныхъ просвѣтительныхъ и т. п. обществъ, публичныхъ библіотекъ, музеевъ, книжныхъ земскихъ складовъ, причемъ относительно многихъ изъ этихъ учрежденій имѣются указанія о времени основанія ихъ и о цѣляхъ, которыя они преслѣдуютъ.

Въ спискѣ фирмъ, издающихъ дешевыя книги, пропущены слѣдующія издательскія фирмы: „Современная научно-образовательная библіотека“ Маріи Малыхъ, Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ (С.-Петербургъ, издано 28 хорошихъ книгъ на малорусскомъ языкѣ), „Всеобщая библіотека“ Г. Ѳ. Львовича, „Жизнь и Правда“ (Москва), „Научно образовательная библіотека“ (Москва), Историческая коммиссія Учебнаго отдѣла Общества распространенія техн. знаній, Московское педагогическое общество, Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ, П. Д. Путилова, Распопова (Одесса). Названіе этихъ фирмъ мы считаемъ здѣсь необходимымъ привести, такъ какъ онѣ выпускаютъ въ свѣтъ дешевыя и хорошія книги, притомъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Не можемъ не высказать сожалѣнія, что составители, приводя списокъ справочныхъ изданій по безплатнымъ народнымъ библіотекамъ-читальнямъ и

по библіотечному дѣлу вообще, не указали книгъ и сочиненій о положеніи библіотекъ и состояніи библіотечнаго дѣла *за-границей*. Составители даже не помѣстили въ этомъ спискѣ такихъ сочиненій: д-ръ Э. Шульце—„Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни" и Л. Б. Хавкиной „Библіотеки, ихъ организація и техника".

Въ списокъ справочныхъ изданій по народному образованію не включенъ „Каталогъ картинъ, брошюръ и книгъ, имѣющихся въ коммиссіи по устройству народныхъ чтеній „Общества для содѣйствія народному образованію въ Ярославской губерніи. Опытъ систематизаціи". Этотъ каталогъ составленъ очень умѣло и при участіи профессора А. А. Кизеветтера (отдѣлъ исторіи).

Двѣ другія книги „Публичныя лекціи и народныя чтенія" и „Библіотеки и книжная торговля" представляютъ изъ себя отдѣльныя главы изъ книги „Внѣшкольное образованіе". Составители выпустили ихъ особымъ изданіемъ съ цѣлью предоставить возможность по дешевой цѣнѣ пріобрѣтать справочное изданіе всякому, кто только интересуется отдѣльными видами внѣшкольнаго образованія—библіотеками или народными чтеніями—и нуждается въ справочныхъ изданіяхъ по этимъ предметамъ.

Безусловно книги г.г. Фальборка и Чарнолускаго такія цѣнныя справочныя изданія, что онѣ необходимы въ каждомъ просвѣтительномъ учрежденіи для всѣхъ дѣятелей по внѣшкольному образованію народа. Онѣ получатъ широкое распространеніе.

А. А. Локтинъ.

М. Ѳ. Суперанскій. Бытъ учащихъ въ начальныхъ школахъ Симбирской губерніи. Симбирскъ. 1905 г.

„Сборъ отъ продажи этой брошюры (въ 25 коп. цѣной) полностью поступитъ въ пользу Общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ Симбирской губерніи". Мы нарочно—прежде всего—списываемъ съ обложки брошюры это оповѣщеніе. Наше многосторонне суровое время только еще болѣе обострило и всегда серьезный вопросъ о народномъ учителѣ и о важности союзничества между учащими. Всякое дополненіе къ матеріалу, очерчивающему положеніе у насъ просвѣтительнаго дѣла, должно найти себѣ примѣненіе. Ну, а содержаніе самой брошюры угадывается безъ труда, конечно. И г. Суперанскому приходится какъ бы извиняться въ предисловіи, что онъ, молъ, предложитъ одну „слишкомъ скучную прозу", „мелочи жизни". Читаемъ здѣсь о томъ, что „размѣръ получаемаго учащими содержанія колеблется въ земскихъ школахъ отъ 180 до 300 р. Большинство учащихъ признаютъ, что человѣку одинокому на эти деньги еще можно существовать, но людямъ семейнымъ приходится бѣдствовать, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. А про церковно-приходскія школы сказано: „Почти всѣ мы получаемъ по 10 р. въ мѣсяцъ". Такова сторона матеріальная. Въ другихъ отношеніяхъ педагогамъ—не легче. „При грубости

нашихъ нравовъ, учащимъ приходится выслушивать прямую брань не только отъ мѣстныхъ богатыхъ людей, особенно строителей и попечителей школъ, но даже отъ лицъ, совершенно постороннихъ, случайно попавшихъ въ село". Сами просвѣтители обыкновенно не богаты умственностью, да и къ „самообразованію" ихъ почти нѣтъ путей. Учащіе „мечтаютъ" объ „обязательномъ надѣленіи школъ землею въ количествѣ, необходимомъ для правильнаго полевого хозяйства въ небольшомъ размѣрѣ" и т. д.

А. Налимовъ.

А. Я. Ефименко. Южная Русь. Сочиненія. Т. I и т. II. Изданіе Общества имени Т. Г. Шевченко для пособія учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга уроженцамъ южной Россіи. Цѣна за оба тома 4 руб. 1905 г.

Только что вышедшій изъ печати второй томъ сочиненій г-жи Ефименко заканчиваетъ изданіе Петербургскаго общества имени Т. Г. Шевченко всѣхъ монографій и статей А. Я. Ефименко, посвященныхъ исторіи и литературѣ Малороссіи. Имя автора хорошо извѣстно русскимъ читателямъ какъ по этимъ же статьямъ, появлявшимся въ лучшихъ органахъ нашей ежемѣсячной прессы, такъ и по вышедшимъ отдѣльнымъ изданіемъ его изслѣдованіямъ народной жизни лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Теперь г-жа Ефименко подарила обществу имени Т. Г. Шевченко всѣ написанныя его изслѣдованія южно-русской народной жизни въ ея прошломъ.

Общество съ благодарностью приняло такой цѣнный даръ и немедленно приступило къ печатанію съ тѣмъ, чтобы вся чистая прибыль отъ продажи сочиненій г-жи Ефименко поступила въ фондъ для устройства столовой и общежитія южно-русскимъ учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ города Петербурга. Кому не ясна вопіющая необходимость улучшить условія жизни нашей учащейся молодежи, а потому нельзя не сочувствовать новому предпріятію Общества: въ настоящее время, когда ни концерты, ни вечера не привлекаютъ посѣтителей, путь изданія солидныхъ сочиненій является однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ для пополненія денежныхъ средствъ Общества.

Монографіи г-жи Ефименко отвѣчаютъ современному запросу Малороссіи къ самоопредѣленію и получаютъ особое значеніе для національнаго самосознанія многомилліоннаго народа, живущаго уже третье столѣтіе одной политической жизнью съ Россіей. Широко-образованный изслѣдователь исторической жизни малорусскаго народа, г-жа Ефименко въ своихъ изслѣдованіяхъ даетъ яркую картину всего прошлаго Малороссіи: ея борьбы за независимость, ея усилій создать свои излюбленныя формы соціальной и политической жизни. Особенно талантливо и глубоко написаны въ I-мъ томѣ: „Очерки исторіи правобережной Украйны", „Южно-русскія Братства" и „Малорусское дворянство и его судьба", а во II-мъ томѣ: „Изъ исторіи борьбы Малороссіи съ Польшей", — всѣ эти монографіи даютъ законченныя широкія картины

политической исторіи Малороссіи и ярко обрисовываютъ ея политическіе идеалы — народнаго правопорядка съ федеративнымъ объединеніемъ съ сосѣдними государствами. Изъ отдѣльныхъ монографій, относящихся къ соціальнымъ отношеніямъ населенія Малороссіи въ прошломъ столѣтіи, особенно талантливо написана, во II-мъ томѣ, „Турбаевская катастрофа“; подъ этимъ заглавіемъ описано характерное аграрное движеніе, возникшее въ с. Турбаи изъ естественнаго конфликта народнаго пониманія своихъ правъ на обрабатываемую имъ землю и искусственно создавшихся правъ новыхъ ея владѣльцевъ. Въ этомъ столкновеніи отражается въ конкретныхъ образахъ все то же аграрное движеніе, волнующее наши малорусскія степи на протяженіи двухъ столѣтій и вносящее такой драматическій элементъ въ жизнь всего населенія этой черноземной земледѣльческой области. Много очерковъ и замѣтокъ выясняютъ въ I-мъ томѣ сочиненій г-жи Ефименко юридическія воззрѣнія малорусскаго народа („Копные суды въ лѣвобережной Украйнѣ“, „Народный судъ въ западной Руси“, „Литовско-русскіе данники и ихъ дани“ и т. п.), а во II-мъ томѣ г-жа Ефименко выступаетъ на защиту преслѣдуемаго „малорусскаго слова“ и въ прекрасной статьѣ подъ этимъ заглавіемъ („Малорусское слово“) выставляетъ на видъ всю нелогичность и весь нравственный вредъ преслѣдованія народнаго языка и недопущеніе его въ народную школу. Нѣсколько монографій посвящено спеціально литературнымъ характеристикамъ (Котляревскому, Шевченко, народному философу Сковородѣ).

Такимъ образомъ, собранныя въ два тома сочиненія А. Я. Ефименко даютъ широкое пониманіе всей политической, соціальной и литературной жизни Малороссіи въ ея далекомъ историческомъ и ближайшемъ почти современномъ прошломъ — кончая XIX вѣкомъ. Талантъ и эрудиція автора, конечно, будутъ оцѣнены большимъ кругомъ читателей, но особенный интересъ эти историческія монографіи имѣютъ для учителей въ южной Россіи. По поводу недавно вышедшаго труда г. Грушевскаго *) мы уже говорили, какъ мало изслѣдована исторія Малороссіи и какъ затруднительно положеніе учителя, добросовѣстно желающаго дать своимъ ученикамъ-малороссамъ правильныя свѣдѣнія объ историческомъ прошломъ родного края. Изслѣдованія г-жи Ефименко прекрасно пополняютъ этотъ пробѣлъ, они расширяютъ историческіе горизонты сжатаго конспекта г. Грушевскаго, даютъ новыя точки зрѣнія на національное самоопредѣленіе малороссовъ и со всей силой серьезнаго авторитета науки и публицистическаго таланта автора выясняютъ культурное значеніе Малороссіи въ исторической жизни Россіи и Польши.

Кромѣ того, сочиненія г-жи Ефименко важны, какъ первый вполнѣ научный и самостоятельный трудъ русской женщины въ широкой сферѣ исторіи, археологіи, правовѣдѣнія и литературы. Нельзя не привѣтствовать его съ этой стороны тѣмъ болѣе, что всѣми своими серьезными знаніями А. Я. обязана

*) Грушевскій. „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Петерб. 1904.

исключительно себѣ: никакіе курсы или университеты не облегчили г-жѣ Ефименко ея саморазвитія. Всю жизнь проведя въ провинціи, она сама работала въ мѣстныхъ архивахъ и библіотекахъ, сама набиралась знаній, а что еще важнѣе—сама ихъ продумывала. Оригинальный умъ, широкій синтезъ и писательскій талантъ—вотъ что создало изъ г-жи Ефименко выдающагося автора сочиненій „Южная Русь“. Ихъ широкое распространеніе внесетъ много новаго въ самосознаніе читателей и облегчитъ Обществу имени Т. Г. Шевченко осуществленія его симпатичнаго предпріятія на пользу южно-русской учащейся молодежи.

С. Русова.

А. А. Потебня. Изъ записокъ по теоріи словесности. Цѣна 5 р. изд. М. В. Потебни.

Иногда спящему представляется весьма непріятная картина: ему кажется, что всѣ его чувства не могутъ въ надлежащемъ видѣ познавать самые обычные предметы; непріятность такого состоянія усугубляется еще тѣмъ, что при этомъ обычно возникаетъ какая-то увѣренность, что такое хожденіе въ полутьмѣ остается на всегда,—и вдругъ спящій пробуждается и испытываетъ неизъяснимое чувство радости *при сознаніи* возможности видѣть все въ настоящемъ видѣ, въ полномъ и вѣрномъ;—такъ, думается намъ, должны обрадоваться лица, преподающія теорію словесности какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ высшихъ, когда узнаютъ о выходѣ въ свѣтъ трудовъ покойнаго профессора. Въ самомъ дѣлѣ, для науки прежде всего важенъ методъ, а насколько хорошъ методъ разбора поэтическихъ произведеній, предлагаемый А. Потебнею, читатель самъ можетъ удостовѣриться, прочитавши вышеназванную книгу, не говоря уже о томъ, какою заслуженною извѣстностью пользуются критическіе разборы учениковъ А. А. — проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и А. Горнфельда. Первый изъ нихъ взялъ на себя благодарную задачу—популяризировать труды уважаемаго своего учителя и сдѣлалъ это съ такимъ умѣньемъ, труды его такъ пришлись по вкусу публикѣ, такъ удовлетворяютъ насущной потребности,—что въ одинъ годъ „Синтаксисъ русскаго языка“ разошелся первымъ изданіемъ и увѣнчанъ преміей. Если такой хаосъ въ дѣлѣ преподаванія русскаго синтаксиса отмѣченъ съѣздомъ преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, и общій ихъ голосъ мольбы былъ направленъ къ послѣдователямъ идей А. А. Потебни — написать научный, доступный для средней школы учебникъ — синтаксисъ, то не меньшая, если даже не большая, нужда чувствуется въ хорошемъ учебникѣ въ хорошихъ пособіяхъ, по теоріи словесности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „метафоры“, „метонимы“, „синекдохи“ и т. д. для учащихся? Если къ нимъ не приложить для объясненія основу философскаго языкознанія, представителемъ котораго по-истинѣ считается въ Германіи—геніальный В. Гумбольдтъ, а у насъ А. А. Потебня, то эти термины окажутся такими формаль-

ными, сухими, такими возбуждающими ненависть названіями, что своимъ существованіемъ они приносятъ только отвращеніе и... вредъ! Наконецъ, изложеніе основныхъ понятій о видахъ образнаго и лирическаго искусства немыслимо безъ элементарнаго знанія процесса поэтическаго творчества. Все это въ достаточной степени дается „Записками по теоріи словесности“ А. А. Потебни. Попытаемся въ самомъ краткомъ видѣ передать ея содержаніе.

Начинается вышеназванная книга „Опредѣленіемъ поэзіи“, въ которомъ авторъ старается каждому роду искусства—поэзіи, живописи, скульптурѣ, музыкѣ указать естественныя границы. Приведено множество примѣровъ въ поясненіе изъ различныхъ памятниковъ художественной литературы. Далѣе идетъ глава, носящая названіе: „Слово и его свойство. Рѣчь и пониманіе“. На основаніи тонкаго лингвистическаго и психологическаго разбора свойствъ слова, авторъ усматриваетъ въ немъ—4 элемента и проводитъ между нимъ и поэтическимъ произведеніемъ параллель. Разсмотрѣніе свойствъ слова даетъ поводъ автору съ лингвистической точки зрѣнія коснуться вопроса о субъективности нашего познанія, при чемъ рядъ ссылокъ на „Sprüche“ Гете придаетъ этому вопросу такое освѣщеніе, какого вы не встрѣтите ни въ одной психологіи.

Говорится и о томъ, какъ мы нанимаемъ другъ друга

За этимъ слѣдуютъ въ высшей степени интересныя рубрики какъ по новизнѣ затрогиваемаго вопроса, такъ и по глубинѣ его разрѣшенія.

„Поэтъ и публика, критика, толпа. Стыдливость творчества“.

На основаніи признаній такихъ поэтовъ, какъ — Гете, Пушкинъ, Тургеневъ, Л. Толстой—А. Потебня подходитъ къ темному вопросу — процессу поэтическаго творчества и придаетъ ему такую ясность, опредѣленность, такъ его подробно разбираетъ, что вы какъ-бы сами входите въ эту „святую — святыхъ“ каждаго писателя—въ его процессъ творчества. Дается опредѣленіе субъективному и объективному писателю, опредѣляется свойство поэзіи, въ частности—образа (неподвижность его), указывается на „формальность“ поэзіи.

Въ главѣ: „Поэтичность содержанія. Идеальность въ поэзіи и наукѣ“ авторъ касается стараго, но спорнаго вопроса „искусства для искусства“, объ отношеніи природы къ искусству, замѣчая, что поэзія есть (какъ и наука) толкованіе дѣйствительности, ея переработка для высшихъ цѣлей жизни“.

Выясненію вопроса, что такое типичность, посвящена глава „Видъ поэтической иносказательности“, иллюстрируемая безчисленнымъ множествомъ примѣровъ изъ произведеній А. С. Пушкина; здѣсь же разсматривается, кромѣ того, вопросъ о „мукахъ слова“. Затѣмъ слѣдуетъ глава, разсматривающая вліяніе поэзіи, цѣль въ искусствѣ, чистоту и дидактичность поэзіи. А. Потебня для выясненія сложнаго вопроса—цѣли въ искусствѣ и дидактичности остановился на въ высшей степени интересныхъ признаніяхъ художника Крамского, сдѣланныхъ по поводу картины „Христосъ“. Выясненію и историческому обзору вопроса, что такое „вдохновеніе“, посвящена особая глава

подъ этимъ же заглавіемъ. Далѣе слѣдуютъ главы: поэзія и проза и взаимодѣйствіе наукъ. Одно это заглавіе показываетъ, насколько интересенъ вопросъ, затрагиваемый ими. Замѣчательно цѣльное впечатлѣнія производитъ глава: „Условія процвѣтанія и паденія поэзіи“. Интересному вопросу о совмѣстимости съ цивилизацiей народной поэзіи посвящены главы: „Цивилизація и народная поэзія“ и „поэзія устная и письменная“.

Первый отдѣлъ заканчивается разсмотрѣніемъ вопроса о національности. Авторъ—сторонникъ національизма: націонализмъ, по его мнѣнію, не только съ этической стороны выше космополитизма, но и съ научной точки зрѣнія имѣетъ всѣ права на вѣчное существованіе, а денаціонализація сводится „на дезорганизацію общества, оподлѣніе“.

Изъ отдѣла второго 140 стр. посвящены разсмотрѣнію фигуръ и троповъ. Тонкость анализа, безчисленное множество интересныхъ примѣровъ — говорятъ сами за себя, но мы не можемъ удержаться, чтобы не привести изъ этого отдѣла блестящее опредѣленіе искусства.

Вотъ оно: „Всякое искусство есть образное мышленіе, т. е. мышленіе при помощи образовъ. Образъ замѣняетъ множественное, сложное, трудно уловимое по отдаленности, неясности чѣмъ-то относительно единичнымъ и простымъ, близкимъ, опредѣленнымъ, нагляднымъ. Такимъ образомъ, міръ искусства состоитъ изъ относительно малыхъ и простыхъ знаковъ великаго міра природы и человѣческой жизни. Въ области поэзіи эта цѣль достигается сложными произведеніями въ силу того, что она достигается и отдѣльнымъ словомъ.“ Слѣдовательно, русскій ученый,—судя по этой выдержкѣ, ярко характеризующей *сущность* направленія всѣхъ его работъ, — пришелъ къ тому же закону, къ какому пришелъ профессоръ Вѣнскаго университета Э. Махъ—съ другой стороны, а именно—къ закону сохраненія энергіи.— Далѣе идутъ: басня, пословица и аллегорія. *Гипербола и Иронія.* Нѣсколько десятковъ страницъ, посвященныхъ выясненію вопроса о сущности этихъ фигуръ, въ высшей степени интересны, съ методологической точки зрѣнія. Авторъ, на основаніи анализа языка „великаго писателя земли русской“— Н. В. Гоголя, пришелъ къ заключенію, что основною чертою его творчества является—гипербола, и съ этой точки зрѣнія освѣтилъ всѣ его художественныя произведенія и характеръ самого творца. Намъ приходилось писать работу о Гоголѣ; въ теченіе года мы прочитали всевозможныя пособія, но того, что сказано здѣсь въ „двухъ словахъ“, я не находилъ и въ тысячахъ. Такова сила таланта!

Третій отдѣлъ. Оглавленіе его: 1) Характеръ миѳическаго мышленія, 2) конкретность мышленія, 3) умозаключеніе въ области метафоры, метонимін, синекдохи.

Если даже не обращать вниманія на то, какъ авторъ справился съ этими трудными задачами, то одна уже постановка этихъ новыхъ вопросовъ много значитъ.

Нечего и говорить о томъ, какъ авторъ справился — это выше всякой похвалы.

Книга заканчивается приложеніемъ, куда входятъ слѣдующія главы:

1) Общія свойства эпоса. Объ Одиссеѣ.

2) Отрывки изъ перевода Одиссеи.

3) Миѳъ и слово.

4) Объ участіи языка въ образованіи миѳовъ.

5) Религіозный миѳъ.

6) Заговоры.

7) Простѣйшая форма обряда и чаръ.

8) Языкъ и языки.

9) Вступительная лекція 1881—2 г.—Указатель.

Изъ этихъ главъ особенно выдаются: „Миѳъ и слово", „Заговоры", Вступительная лекція".

Намъ извѣстно, что въ приложеніи проектировалось раньше издательницей помѣстить статьи о Толстомъ, Достоевскомъ и Одоевскомъ, но онѣ почему-то не помѣщены. Надѣемся, что и онѣ вскорѣ увидятъ свѣтъ, тѣмъ болѣе, что цѣнность ихъ содержанія такова, что и при другихъ талантливыхъ критическихъ статьяхъ о вышеназванныхъ писателяхъ онѣ поразятъ читателя смѣлостью обобщеній.

„Записки по теоріи словесности"—должны быть настольной книгой для всякаго образованнаго человѣка.

Б. А. Лезинъ.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Съ 18 портретами. Томъ II, вып. I. СПБ. 1905.

Второй томъ „Литературныхъ характеристикъ" проф. Бороздина посвященъ главнѣйшимъ теченіямъ русской общественной мысли и ея представителямъ отъ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ, нашедшихъ себѣ отраженіе въ западничествѣ и славянофильствѣ. Первая статья, о Бѣлинскомъ, не отличается новизной матеріала. Это не больше, какъ удачная группировка извѣстныхъ уже данныхъ. Такой же характеръ носитъ и вся глава „Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики", въ которой авторъ разсматриваетъ дѣятельность Бѣлинскаго, Грановскаго, Добролюбова и Писарева. Слѣдующія статьи посвящены двумъ самымъ яркимъ представителямъ западничества,—Герцену и Грановскому; къ сожалѣнію, въ нихъ отсутствуетъ цѣльность. Очерки не даютъ намъ сущности доктрины западничества; впрочемъ, самъ авторъ называетъ ихъ только „характеристиками". А между тѣмъ, включивъ сюда очерки о Герценѣ, Грановскомъ и Бѣлинскомъ, можно было бы представить сущность всего западничества, которому Герценъ далъ философское обоснованіе, Грановскій—историческое истолкованіе, Бѣлинскій—литературное выраженіе и широкую популяризацію. Хотя очерки А. К. Бороздина и выясняютъ основные взгляды

этихъ представителей западничества, но роль каждаго не очерчена съ достаточною ясностью, а въ общемъ всѣ очерки о западничествѣ не проникнуты стремленіемъ дать болѣе или менѣе полную картину. Такимъ же отсутствіемъ цѣльности страдаютъ очерки о представителяхъ славянофильства,—семействѣ Аксаковыхъ, Хомяковѣ, Кирѣевскомъ, Самаринѣ.

Въ очеркѣ о послѣднемъ не выяснена роль его, какъ систематизатора славянофильства. Въ статьѣ объ И. Аксаковѣ, хотя и упоминается о его стремленіи сблизиться съ молодежью, съ цѣлью проповѣди славянофильства, но роль его, какъ извѣстнаго популяризатора, тоже оставлена безъ должнаго вниманія.

Довольно интереснымъ является очеркъ о Кавелинѣ и объ отношеніи его къ крестьянскому вопросу и статья „Славянофилъ особаго типа". Этимъ именемъ г. Бороздинъ называетъ Данилевскаго, котораго относитъ къ націоналистамъ, неправильно отнесеннымъ къ славянофиламъ. Хотя міросозерцаніе Данилевскаго было сродно идеямъ славянофильства и послѣднія оказали большое вліяніе на выработку его идеаловъ, но его нельзя назвать въ полномъ смыслѣ славянофиломъ. Къ нему скорѣе подходитъ данное Бороздинымъ названіе „націоналиста". Большимъ пробѣломъ въ книгѣ Бороздина является отсутствіе статьи, разсматривающей взгляды такъ называемыхъ „почвенниковъ"—Страхова, Леонтьева и др., которыхъ многіе неправильно считаютъ преемниками славянофильства. Разсмотрѣніе ихъ взглядовъ въ связи съ славянофильствомъ не только представило бы извѣстный интересъ, но оказалось бы необходимымъ.

Вообще, слишкомъ обширныя цитаты, занимающія по нѣскольку страницъ подрядъ и плохо связанныя другъ съ другомъ, производятъ впечатлѣніе спѣшной компилятивной работы. Съ другой стороны, въ общей суммѣ очерки представляютъ собраніе интереснаго матеріала, разбросаннаго по различнымъ трудамъ и изданіямъ; подборъ ихъ сдѣланъ умѣло, и многіе изъ нихъ очень характерны, а потому книга можетъ имѣть большое значеніе для учениковъ средней школы, желающихъ познакомиться съ этими теченіями въ русской литературѣ. Проповѣдь „вредности" Писарева, Чернышевскаго, Герцена отживаютъ свой вѣкъ, и широкое знакомство ученика съ русской литературой,—основными ея теченіями — безусловная задача современной школы. При отсутствіи же подходящаго труда книга Бороздина, въ которой впервые сдѣлана попытка собрать статьи о видныхъ представителяхъ русской литературы сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, окажетъ большую пользу въ этомъ дѣлѣ. Напечатана она нѣсколько небрежно, отъ портретовъ можно требовать лучшаго, цѣна (1 р. 75 к.) недорогая.

А. И. Яцимирскій.

———

Ф. Мартинъ. Три царства природы: зоологія, ботаника, минералогія. Популярно-научное руководство по естествовѣдѣнію. Приспособленный и дополненный для русскихъ читателей переводъ съ нѣм. И. М. Эйзена, подъ ред. А. М. Никольскаго. Съ 54 таблицами, напечатанными красками и содержащими 1125 рис. и 305 гравюръ въ текстѣ. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Цѣна 8 р., въ перепл. 8 р. 75 коп.

Написать книгу въ 1167 страницъ (70 листовъ) дѣло не изъ легкихъ, особенно, если книга содержитъ много справочнаго матеріала изъ какой-нибудь обширной научной области. Книга Мартина въ этомъ отношеніи представляетъ, дѣйствительно, нѣчто выдающееся, что можно увидѣть хотя бы изъ того, что одинъ алфавитный указатель русскихъ названій занимаетъ 34 страницы въ 4 столбца каждая (свыше 6800 названій). Уже одно это обиліе матеріала даетъ достаточно основаній для того, чтобы удѣлить этой книгѣ нѣкоторое вниманіе, а взявъ въ расчетъ еще и цѣль этого изданія, указанную въ предисловіи редакторомъ, профессоромъ А. М. Никольскимъ, мы должны будемъ согласиться, что критика не можетъ пройти молчаніемъ такого выдающагося явленія общедоступной литературы.

Проф. А. М. Никольскій находитъ, что книга Мартина, „оригинально задуманная и своеобразно разработанная, можетъ служить пособіемъ опытному естествовѣду — учителю и руководителю экскурсій и настольной книгой для любознательнаго читателя. Въ ней описаны животныя и растенія по группамъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они могутъ попадаться настоящему экскурсанту... какъ они группируются въ природѣ и вокругъ человѣка. Кромѣ описаній животныхъ, растеній и минераловъ, Мартинъ даетъ общій очеркъ каждаго изъ этихъ царствъ, приводитъ основы системы животныхъ, растеній и минераловъ, въ общихъ чертахъ излагаетъ исторію земной коры, описываетъ вымершихъ животныхъ и въ заключеніе даетъ описанія породъ домашнихъ животныхъ и сортовъ плодовъ и ягодъ. Благодаря популярному изложенію, удобопонятному языку и многочисленнымъ иллюстраціямъ. . книга пригодна не только для спеціалистовъ, но и для каждаго, интересующагося изученіемъ окружающей насъ природы“. Переводчикомъ и редакторомъ прибавлены двѣ главы: животный міръ окраинъ Россіи и растительный міръ окраинъ Россіи.

Таковъ обширный матеріалъ этой книги. Изложенъ онъ въ общемъ одинаково, почти вездѣ въ объемѣ обычныхъ учебниковъ для средней школы. Начинается онъ краткимъ описаніемъ анатоміи человѣка и характеристикою расъ и относящихся къ нимъ племенъ. Первая представляетъ совершенно элементарный, сжатый очеркъ, описаніе же человѣческихъ расъ болѣе подробное. Немного странно, что авторъ не выставилъ тѣхъ выдающихся отличій хотя бы, напр., скелета, которыя могутъ считаться характерными для человѣка. Слѣдующій отдѣлъ:—о домашнихъ животныхъ составленъ немного неправильно. Домовыя животныя не отдѣляются отъ домашнихъ, даже нѣтъ и самаго названія „домовое“ животное; и мышь оказываются живот-

ными домашними. Неудивительно поэтому, что рядомъ съ млекопитающими домашними и домовыми, рядомъ съ таковыми же птицами и птицами комнатными (длинный списокъ) мы находимъ рыбъ (караси), пчелу, крестовика и вновь длинный рядъ насѣкомыхъ и клещей. Въ главѣ о птицахъ послѣ обычныхъ для учебниковъ описаній видовъ птицъ вставлена глава объ уходѣ за комнатными птицами, о болѣзняхъ ихъ и лѣченіи. На все это пошло около 70 страницъ. Поэтому птичій лѣчебникъ, а также отчасти и наставленія, относящіяся къ уходу за птицами не много помогутъ любителю даже въ обыкновенныхъ случаяхъ, не говоря уже о случаяхъ особенныхъ. Мы не будемъ однако останавливаться на всѣхъ главахъ; замѣтимъ только, что описаніямъ отдѣльныхъ животныхъ предпосылаются краткіе очерки общаго характера, имѣющіе какое-нибудь отношеніе къ разбираемымъ животнымъ. Такъ, главѣ о паразитныхъ членистоногихъ предпосланъ очеркъ явленій паразитизма, главѣ о животныхъ, обитающихъ близъ дома, въ садахъ, на поляхъ и лугахъ,—очеркъ геологическихъ измѣненій земной коры въ предшествовавшія эпохи, очеркъ очень краткій и потому непродуктивно утолщающій книгу. Къ главѣ о лѣсныхъ животныхъ прибавленъ, хотя краткій, но удовлетворительный перечень формъ слѣдовъ, оставляемыхъ конечностями животныхъ на порошѣ.

Пропуская главы: животныя прѣсныхъ водъ и живущія около воды, фауна моря и иноземныя животныя, остановимся на главѣ: животный міръ окраинъ Россіи. Здѣсь частью дано простое перечисленіе животныхъ, если только они были уже описаны раньше, или краткія опредѣленія, если животное встрѣчается въ этой главѣ впервые. Интереснѣе другихъ здѣсь описываются птицы. Слѣдующая глава—„исторія зоологіи“ опять отличается чрезвычайной сжатостью. Здѣсь упоминаются въ качествѣ творцовъ зоологической системы только Аристотель и Линней, и бѣгло говорится о Ламаркѣ, Кювье и другихъ ученыхъ. Тринадцать страницъ затѣмъ занимаетъ голый перечень отрядовъ, классовъ и семействъ. Далѣе идетъ краткое (на двухъ съ половиной страницахъ) изложеніе теоріи Дарвина и десять страницъ ученія о географическомъ распространеніи животныхъ, изъ которыхъ пять заняты характеристикой фаунистическихъ областей. Этимъ и кончается зоологическая часть, занимающая 596 страницъ.

Ботаническая часть въ существенныхъ чертахъ изложена подобнымъ же образомъ. На 50 страницахъ идетъ сначала, можно сказать, одна только терминологія растительныхъ органовъ. По крайней мѣрѣ, первыя 19 страницъ кромѣ объясненія терминовъ, относящихся къ корню, стеблю, листу, цвѣтку, соцвѣтію и плоду ничего не даютъ. Слѣдующія 20 страницъ содержатъ анатомію растеній и физіологію. Остальныя 14 страницъ содержатъ описанія приспособленій для перекрестнаго опыленія, терминологію соцвѣтій и способы распространенія плодовъ и сѣмянъ. Морфологіи въ этомъ очеркѣ совершенно нѣтъ. Послѣ краткаго очерка системъ Линнея, Декандоля и Александра Брауна идетъ уже практическая часть: составленіе ботаническихъ коллекцій. Далѣе

начинается описаніе растеній комнатныхъ (сухопутныхъ и водяныхъ), садовыхъ, огородныхъ, декоративныхъ (травъ, деревьевъ и кустарниковъ), альпійскихъ, сорныхъ, луговыхъ и водяныхъ. Въ этой статьѣ меньше обращается вниманія на опредѣленія, дано больше простора біологическому матеріалу, и нѣкоторыя главы читаются съ интересомъ (альпійскія растенія, луговыя, сорныя растенія). Далѣе идутъ растенія лѣса (общій перечень деревьевъ, кустовъ, травъ и безцвѣтиковыхъ, безъ указанія на какія-нибудь характерныя формаціи). Слѣдующая статья „грибы“ отличается чрезвычайнымъ обиліемъ матеріала (однихъ рисунковъ четыре таблицы). Не будемъ останавливаться на слѣдующихъ двухъ главахъ: колоніальныя растенія и растительный міръ окраинъ Россіи. Эти статьи ничѣмъ не отличаются отъ предыдущихъ.

Минеральное царство занимаетъ всего 84 страницы. Кристаллографія въ настоящемъ смыслѣ слова отсутствуетъ. Нельзя же счесть за кристаллографію тѣ двѣ странички, въ которыхъ говорится безъ всякой связи о нѣкоторыхъ полногранныхъ формахъ, трактуемыхъ притомъ въ чисто геометрическомъ смыслѣ (прямая и косая призмы). Общей идеи, связывающей формы, нѣтъ. Столь же скученъ и безсвязенъ матеріалъ, относящійся къ физическимъ и химическимъ свойствамъ минераловъ. Классификація минераловъ (по Квенштедту и Вейсу) даетъ слѣдующіе классы: 1) силикаты, 2) соли кислородныхъ кислотъ и галоидныя соединенія, 3) самородныя металлическія и неметаллическія тѣла, 4) окислы, 5) сѣрнистыя соединенія и 6) горючія тѣла. Все это занимаетъ шестьдесятъ страницъ. Остальныя 21 страница посвящены очень сжатому, очень краткому и мало вразумительному очерку состава, строенія и исторіи возникновенія земной коры. Въ концѣ книги помѣщены двѣ главы чисто справочнаго характера: породы домашнихъ животныхъ и важнѣйшіе сорта плодовъ и ягодъ. Авторъ разбираемой книги, Ф. Мартинъ, извѣстенъ, какъ систематикъ. Его четырехтомная книга: Naturgeschichte des Thierreichs представляетъ образчикъ сухого систематическаго сочиненія, съ громаднымъ количествомъ родовъ и видовъ, описанныхъ исключительно съ внѣшней стороны. Тотъ же характеръ сохранился и въ разбираемомъ сочиненіи. Если бъ насъ спросили: можно ли по этой книгѣ выучиться ботаникѣ, зоологіи и минералогіи, мы бы должны были отвѣтить: нѣтъ, нельзя. По этой книгѣ можно только познакомиться съ болѣе или менѣе длинными списками живыхъ существъ (достаточно подробно характеризованныхъ съ внѣшней стороны), держащихся по разнымъ (не всегда яснымъ) причинамъ въ какой-нибудь опредѣленной обстановкѣ. Неподготовленный читатель вынесетъ во многихъ случаяхъ довольно неправильное представленіе о нѣкоторыхъ фактахъ. Напр., въ описаніи лѣсныхъ животныхъ сказано, что бѣлкѣ приходится отыскивать себѣ пищу преимущественно на деревьяхъ, но выше перечислены всѣ пищевые матеріалы бѣлки, и древесные продукты тамъ занимаютъ очень скромное мѣсто. Читатель недоумѣваетъ, почему это организація бѣлки приспособлена къ жизни на деревьяхъ, когда она нуждается въ деревьяхъ, по-

видимому, только за тѣмъ, чтобы лущить шишки, да грызть почки и молодые побѣги (остальную перечисленную пищу она могла бы найти на землѣ) Этого сомнѣнія не было бы, если бъ было указано, почему бѣлка *не можетъ* жить нигдѣ, кромѣ лѣса, и почему она *только и можетъ* жить въ лѣсу. Намъ думается, что цѣль и значеніе книги этой не столь многообразны, какъ сказано въ предисловіи. Книга эта—подробный и хорошо составленный справочникъ. Не малую цѣнность ей въ этомъ отношеніи придаютъ рисунки. Въ книгѣ 305 хорошихъ рисунковъ въ текстѣ и 54 таблицы съ рисунками въ краскахъ. Раскраска въ общемъ удовлетворительная. Но нѣкоторые рисунки проигрываютъ потому, что мелки (въ отдѣлѣ ботаническомъ). Нѣкоторые за то отличаются достаточной отчетливостью, напр., рисунки грибовъ и особенно насѣкомыхъ. Покупку этой книги можно рекомендовать въ случаѣ избытка средствъ. На восемь рублей можно купить достаточное количество болѣе продуктивнаго учебнаго матеріала, продуктивнаго въ смыслѣ преобладанія біологическаго изученія природы.

Н. Кричагинъ.

М. Ф. Заменговъ, б. преподаватель Варшавскаго Реальнаго Училища. Сравнительная русско-польско-нѣмецкая фразологія или Сборникъ пословицъ, изрѣченій и поговорокъ на этихъ трехъ языкахъ. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное.—Первое изданіе рекомендовало Уч. Ком. М. Н. Пр. для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ Гимназій (Ж. М. Н. Пр. 1875 г.). Варшава. 1905 г.

Въ предисловіи къ этому *второму* изданію авторъ говоритъ: „предлагаемое второе изданіе фразологіи является не только въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ по отношенію къ тремъ отдѣламъ ея перваго изданія, но также съ прибавленіемъ къ ней *четвертаго* отдѣла, именно: соотвѣтствующихъ пословицъ и поговорокъ на *польскомъ* языкѣ“.

Четвертый, т. е. *польскій* отдѣлъ сборника, является прямымъ результатомъ продолжительной жизни и дѣятельности автора, уроженца Имперіи, въ Варшавѣ и Царствѣ Польскомъ, гдѣ г. Заменгофъ, за тридцатилѣтній промежутокъ со времени перваго изданія, успѣлъ основательно познакомиться съ польскимъ языкомъ и мудростью народной.

Подборъ пословицъ, поговорокъ, изреченій и прибаутокъ сдѣланъ весьма тщательно, хотя, конечно, не вездѣ можно согласиться съ рубрификаціей автора.

Такъ, напр., къ рубрикѣ „*авось*“ отнесена, въ польскомъ отдѣлѣ пословица „Kto oczekiwa, ten zaniedbywa“, соотвѣтствующая нѣмецкой „Aufgeschoben ist nicht aufgehoben“, но не имѣющая ничего общаго съ русскимъ „авось“. Въ рубрикѣ „*баба*“ находимъ: „въ рай за волосы не тянутъ“—выраженіе, находящееся внѣ какой-либо связи съ „бабой“, а

скорѣе подходящее къ рубрикамъ „рай“ или „вѣра“, или „грѣхъ“, или „совѣсть“.

Впрочемъ, такихъ промаховъ немного, и они, можетъ быть, находятъ себѣ объясненіе не столько въ недосмотрахъ автора, сколько въ широкомъ взглядѣ его на пословицу: „пословица—читаемъ мы въ предисловіи къ первому изданію сборника—нерѣдко обнимаетъ многостороннюю мысль или идею, и является читателю то въ одномъ, то въ другомъ видѣ, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сравнить идеи, выраженныя въ своеобразныхъ формахъ“.

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ въ представленіи иного читателя возникаетъ образъ русской бабы, „которую за волосы тянутъ въ рай супружеской жизни“.

Пожелаемъ второму изданію „сборника“ полнаго успѣха и подтвержденія рекомендаціи со стороны Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

И. И. Докукинъ. Новый букварь для обученія чтенію—русскому и ц.-славянскому, правописанію и ариѳметикѣ. Первая половина.

Въ краткихъ замѣткахъ къ „Новому Букварю“ авторъ, основываясь на томъ, что согласный звукъ не можетъ быть отдѣльно произнесенъ безъ гласнаго, возстаетъ противъ разложенія словъ на звуки и сліянія послѣднихъ въ слоги и слова. По его мнѣнію, процессъ разложенія словъ и особенно сліянія звуковъ сопряженъ для учениковъ съ большими мученіями, да и учителю доставляетъ много непріятностей. Желая облегчить трудъ тѣхъ и другихъ, авторъ приноровилъ свой букварь къ обученію „слоговому“. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что г. Докукинъ поступилъ не совсѣмъ правильно, назвавъ свой букварь „новымъ“. Силлабическое обученіе, какъ извѣстно, процвѣтало еще въ отдаленныя времена. Разница состоитъ только въ томъ, что ученики изучаютъ слоги въ словахъ, а не отдѣльно.

Обученіе по „Новому Букварю“ ведется такъ. Учитель на 1-мъ же урокѣ ставитъ на доскѣ изъ разрѣзныхъ буквъ слово „па—па“ и читаетъ его нѣсколько разъ сряду, то же продѣлывается надъ словами „ма—ма“ и „па—па—ша“. При этомъ ученикамъ объясняется, что на концѣ слога стоитъ „а“, но первый звукъ—нельзя прочитать: онъ согласный. Послѣ этого ученики будто бы самостоятельно прочтутъ слова „па ша“, „ма ша“ и пр., такъ какъ изъ изученныхъ словъ они знаютъ три слога—ма, па и ша. Постепенно прибавляя по одному слогу, учитель доводитъ дѣтей до того, что они, не зная ни одной согласной, читаютъ слова изъ знакомыхъ слоговъ. Въ такомъ видѣ рисуетъ намъ авторъ процессъ обученія чтенію.

Разберемся подробнѣе, насколько авторъ достигаетъ цѣли.

Все обученіе по „Новому Букварю“ основано на зрительныхъ и слухо-

выхъ впечатлѣніяхъ. Мыслить дѣтямъ приходится мало, но зато требуется большая память на слоги. Дѣти постоянно должны помнить: вотъ это—„ма, ру, си“ и т. д. Если же ребенокъ позабудетъ, что это „ма, ру, си“, а по его „са, ри, мо“, то онъ долженъ обратиться къ предыдущимъ упражненіямъ, гдѣ крупными буквами напечатаны слоги, по словамъ автора, играющіе роль картинокъ для самостоятельнаго возобновленія въ памяти слоговъ. При этомъ самостоятельномъ обращеніи къ пройденному, по нашему мнѣнію, можетъ произойти слѣдующее: ученикъ можетъ прочитать и твердо заучить: са-ро-ка, ма-ла-ко и пр. (стр. 5). Такимъ образомъ слоги „со, мо, ло“ могутъ крѣпко засѣсть въ его памяти, какъ „са, ма, ла“. Правда, дѣти изучаютъ гласныя и, слѣдовательно, видя послѣ с-о, должны читать „со“. Но кто поручится за это? Почему „со“, а не „са“? Вѣдь, чтобы доказать ребенку неправильность его вывода, слѣдуетъ его заставить протянуть согласный „с“ и быстро прибавить гласный звукъ „о“, а противъ этого-то и направленъ методъ автора. Слѣдовательно, учителю ничего не остается больше дѣлать, какъ сказать безапелляціонно, что это не „са, а „со“. Правда, ученики повѣрятъ, но правда и то, что это придется повторить имъ десять разъ.

Далѣе, какъ авторъ справляется трехбуквеннымъ слогомъ съ согласной на концѣ (пир, ром)? Очень просто. Въ одномъ столбцѣ напечатано: 2 ша-ра, 2 пи-ра, а въ другомъ—1 шаръ, 1 пиръ. Какъ будто выходитъ легко: прочитавши „2 шара“, ученикъ непремѣнно скажетъ 1 шаръ,—„скажетъ“, но не прочитаетъ. Или, почему ученикъ догадается прочитать слово „шарилъ“? Учитель, надѣясь, что ребенокъ, прочитавши ша-ри и видя еще двѣ буквы, правильно дочитаетъ слово, не можетъ ошибиться. Почему бы ученику не прочитать не „шарилъ“, а „шарикъ“ (тѣмъ болѣе, что шарикъ ему гораздо интереснѣе чѣмъ „шарилъ“), или совсѣмъ не дочитывать слова, такъ и оставить „ша-ри“? Что касается слѣдующей буквы, такъ, вѣдь, самъ учитель говорилъ имъ когда-то, что согласную одну нельзя выговорить (см. указ. къ Нов. Букварю). А тутъ какъ разъ она одна и есть; стоитъ за ней еще ъ, но онъ, какъ сейчасъ сказалъ учитель, и звука-то не имѣетъ и все ставится зачѣмъ-то на концѣ. „Двѣ буквы на концѣ“,—раздумается ребенокъ,—одну самъ не выговоришь, другую учитель не велѣлъ читать... значитъ, такъ ихъ и оставить“.

Не придется ли учителю покаяться передъ дѣтьми, что онъ немножко обманывалъ ихъ, что одна-то читается—согласная, хотя трудно, но все-таки ее можно и должно научиться выговаривать. „Давайте-ка, дѣти, учиться выговаривать согласныя: ш, р, м“,—придется сказать ему. Вотъ и звуковой методъ! Такимъ образомъ, на 6—8 урокѣ учитель придетъ къ тому, съ чего слѣдовало бы начать, т. е. къ разложенію словъ на звуки; затѣмъ пойдетъ сліяніе звуковъ и опять все сначала съ 1-го урока.

Преимущество звукового метода передъ силлабическимъ состоитъ еще и въ томъ, что при первомъ ученики, пройдя 12—15 буквъ, уже могутъ напи-

сать простенькое слово изъ 3—4 буквъ. Этого нельзя ожидать отъ дѣтей, которыя обучаются по „слоговому" способу г. Докукина. И, въ самомъ дѣлѣ, чтобы написать слово, напр., „нива", мы должны прибѣгнуть къ анализу его: нельзя же предполагать, чтобы дѣти написали слово только единственно на основаніи закрѣпленныхъ въ памяти зрительныхъ впечатлѣній. А по методу автора ученики приступаютъ къ разложенію словъ на звуки только по прохожденіи всего букваря. Слѣдовательно, письмо опаздываетъ мѣсяца на 2—3. Это крупный недостатокъ букваря г. Докукина.

О грамматическихъ упражненіяхъ, имѣющихся въ букварѣ, можно сказать только нѣсколько словъ. Всѣ упражненія—за неумѣньемъ писать—производятся учениками устно, а поэтому нельзя ожидать отъ нихъ большой пользы: только то, что написано нами, и не одинъ разъ, усваивается прочно. Да и самыя упражненія въ „Новомъ Букварѣ" помѣщены, какъ нарочно, тѣ, которыя основаны на грамматическихъ правилахъ, значеніе которыхъ болѣе или менѣе условно и не находитъ себѣ оправданія въ фонетикѣ языка, напр.: правописаніе окончаній именъ прилагательныхъ въ им. п. множ. ч.. Лучше было бы помѣстить упражненія, способствующія выработкѣ правописанія, обусловливаемаго составомъ слова, нежели такія шаткія правила, какъ правописаніе окончаній глаголовъ во 2-мъ лицѣ ед. ч. наст. и будущ. вр.

Въ концѣ первой половины „Новаго Букваря" помѣщенъ славянскій текстъ, наполненный въ значительной степени малоупотребительными словами: Миропіа, Амплій, Іоиль и пр. Переходъ отъ русскаго чтенія къ славянскому очень легокъ, и торопиться, не пройдя русскаго букваря, къ славянскому языку—совершенно излишне.

Ариѳметическія упражненія, которыя авторъ нашелъ нужнымъ прибавить къ букварю, въ видѣ нагляднаго пособія (кружки) и въ видѣ ариѳметическихъ формулъ,—для дѣтей полезны. Изучаемое предѣльное число 12, а не 10, какъ обыкновенно принято,—имѣетъ за себя основаніе.

О географической картѣ, приложенной къ букварю, можно сказать, что маленькимъ дѣтямъ она вреда не принесетъ.

Съ внѣшней стороны въ букварѣ бросается въ глаза полное отсутствіе картинокъ, отчего отъ страницъ его вѣетъ холодомъ. Упражненія въ чтеніи письменнаго текста, помѣщенныя на обложкѣ, въ каллиграфическомъ отношеніи оставляютъ желать лучшаго исполненія.

По „Новому Букварю" можно выучиться читать сравнительно легко, но нескоро. Поэтому онъ особенно пригоденъ для самыхъ маленькихъ дѣтей, которыя хотятъ учиться дома. Способъ „угадыванья" будетъ имъ очень нравиться, и чтеніе съ 1-го же урока прямо по книгѣ словъ: папа, мама и т. д., безъ изученія трудно запоминаемыхъ какихъ-то буквъ, доставитъ большое удовольствіе. Вообще этотъ букварь пригоденъ тамъ, гдѣ времени болѣе, чѣмъ достаточно. Но въ сельской школѣ онъ непримѣнимъ. По указаннымъ выше причинамъ и въ особенности потому, что сообразно методу автора, письмо

должно начинаться послѣ прохожденія буквъ, едва-ли и опытный сельскій учитель рѣшится вести обученіе грамотѣ по „Новому Букварю".

Появленіе этого букваря, какъ сказано выше, вызвано тѣмъ, что авторъ желалъ избавить учащихъ и дѣтей отъ трудностей, связанныхъ съ разложеніемъ словъ на звуки и сліяніемъ послѣднихъ. Мысль весьма симпатичная! Но г. Докукинъ не принялъ во вниманіе, что въ современной сельской школѣ, гдѣ разсчитана каждая минута, выгоднѣе скорѣе побѣдить трудности, нежели боясь ихъ, растягивать обученіе чтенію—письму на 5—6 мѣсяцевъ.

Во всякомъ случаѣ „Новый Букварь" г. Докукина рѣзко выдѣляется изъ среды чуть не ежедневно появляющихся букварей, въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ ни малѣйшаго права на появленіе въ свѣтъ. По своей оригинальности онъ заслуживаетъ полнаго вниманія учащихъ и родителей, желающихъ обучать дѣтей чтенію дома.

А. А. Ковалевъ.

М. А. Тростниковъ. Первыя упражненія въ русскомъ языкѣ и обученіе грамотѣ. Для инородцевъ.

Въ этой 10-копеечной книжкѣ въ 16 страницъ г. Тростниковъ сжато очерчиваетъ весь ходъ обученія грамотѣ инородцевъ—съ наибольшей экономіей силъ. На первомъ планѣ это дѣловое, практическое руководство для своихъ цѣлей предполагаетъ необходимую наличность нѣкоторыхъ предметовъ, моделей, рисунковъ: берется, напр., муха, стаканъ, изображеніе коровы, модель, цѣпъ и т. п. Научивъ учениковъ сидѣть, сразу же упражняютъ, развивая гибкость ихъ пальцевъ. Желая скорѣе привлечь къ работѣ и слуховыя, и зрительныя, и мышечныя воспріятія ученика въ видахъ чистоты произношенія, г. Тростниковъ съ первыхъ же уроковъ приступаетъ къ ознакомленію съ печатными буквами и къ письменнымъ упражненіямъ—наперекоръ прежнимъ начинаніямъ въ этой учебѣ. Въ глазахъ автора сознательность повышаетъ производительность труда—„списываніе по буквамъ, говоритъ онъ, утомительная, скучная, механическая и совершенно безполезная работа, тогда какъ списываніе цѣлыхъ словъ есть одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ усвоенія правильнаго письма". Г. Тростниковъ совѣтуетъ пользоваться атласомъ Лютца и „Таблицами для нагляднаго обученія" Трейбера, внося и оживленіе и практичность—въ „дальнѣйшія упражненія въ русскомъ языкѣ, письмѣ и чтеніи". Такія занятія принесутъ плоды, по мнѣнію автора—„безъ всякихъ диктовокъ, непроизводительно отнимающихъ дорогое классное время, и безъ всякихъ грамматикъ, не могущихъ оказать существенной помощи и практическому усвоенію языка". Будемъ же ждать методики русскаго языка, по словамъ г. Тростникова—„приготовленной къ печати".

А. Налимовъ.

А. Чеглокъ. Родная природа. Звѣри, птицы и гады Россіи. Цѣна 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Эта книга состоитъ изъ шестнадцати разсказовъ: „Лѣсникъ Николай", „Разбойники лѣса", „Исторія волчьяго семейства", „Несуразный звѣрь", „Отчего я не сдѣлался охотникомъ", „Мой ежикъ", „Сусликъ", „Степной орелъ", „Скопа", „Какъ моя сорока попала въ газету" „Несчастная птица", „Синица", „Водяной", „Баба", „Живой камень" и „Слово знаетъ".

Всѣ эти разсказы напечатаны дешевымъ изданіемъ по 5 к. за каждый, и намъ думается, что это была очень удачная мысль такъ ихъ издать, такъ какъ это навѣрное дастъ имъ болѣе широкое распространеніе, что въ данномъ случаѣ очень желательно. Всѣ разсказы написаны чрезвычайно живо съ полнымъ знаніемъ нравовъ и особенностей описываемыхъ животныхъ и, въ то же время, такъ просто, такъ понятно и доступно для дѣтей, что, навѣрно, заинтересуєтъ ихъ, тѣмъ болѣе, что тонъ разсказовъ очень искрененъ, а описаніе и самихъ животныхъ и особенно окружающей ихъ природы вполнѣ художественны. Всѣ разсказы ведутся отъ лица мальчика-подростка, что даетъ возможность автору прежде всего обратить вниманіе читателей на тѣ особенности описываемаго звѣря, которыя и самого читателя, навѣрное, заинтересовали бы прежде всего. Въ каждомъ разсказѣ есть довольно подробное описаніе взятаго животнаго, его жизни, особенно нрава и гдѣ и какъ, по какимъ примѣтамъ окружающей его природы его можно найти. Это очень цѣнно, такъ какъ невольно заставитъ дѣтей съ большимъ вниманіемъ и интересомъ отнестись ко всему, что они увидятъ сами, то-есть оживить все ихъ окружающее.

Самые интересные расказы—„Скопа" (орелъ), „Живой камень (черепаха)", „Водяной", „Баба", „Ежикъ" и „Несчастная птица" (кукушка). Во всѣхъ разсказахъ встрѣчаются хорошія описанія природы.

Изданы книжки очень хорошо: печать крупная и четкая; при каждой книжкѣ четыре-пять большихъ картинокъ—почти всѣ онѣ сняты съ картинъ извѣстныхъ художниковъ,—есть и Шишкинскія, Маковскаго, Шихта и многія другія.

Н. М

Маленькія героини. Разсказъ съ рисунками. Цѣна 40 к. Москва. 1903 г.

Героизмъ дѣйствующихъ лицъ, маленькихъ дѣвочекъ, проявляется различно. Шоколаденька (такъ прозвали свою сестру два шаловливые мальчика) боится темной комнаты, пауковъ и крысъ, но не теряетъ присутствія духа при дѣйствительной опасности, угрожающей поѣзду: напрягая всѣ силы, своими маленькими ручками она сталкиваетъ съ рельсъ тяжелую шпалу, положенную поперекъ пути ея братьями съ цѣлью остановить поѣздъ. Планъ былъ такой: сѣсть на шпалу съ лоскутками красной матеріи и остановить

поѣздъ. Когда изъ-за поворота показался паровозъ, мальчики въ страхѣ бѣжали, и поѣздъ былъ спасенъ. Шоколаденька, скатившись вмѣстѣ со шпалой подъ откосъ, сильно ушиблась, сломала руку и навсегда сдѣлалась „косоручкой“, но спасла много людей и пріобрѣла любовь и уваженіе братьевъ, понявшихъ, что такое истинное мужество.

Въ разсказѣ „Старый другъ“ дѣвочка, выросшая въ роскоши, изъ любви къ отцу, потерявшему состояніе, примиряется съ бѣдностью и находитъ счастье въ заботахъ объ отцѣ и жертвахъ для него. Старый другъ—это маленькая лошадка, которую дѣвочка рѣшается продать, чтобы получить возможность лѣчить заболѣвшаго отца.

Въ разсказѣ „Лѣшенокъ“ глухонѣмая дѣвочка платитъ добромъ за зло преслѣдовавшимъ и обижавшимъ ее дѣтямъ. Въ разсказѣ „Ямщикъ“ дочь ямщика ѣдетъ ночью съ проѣзжими, чтобы замѣнить больного отца. Все это подвиги незамѣтные, но тѣмъ болѣе трогательные и заслуживающіе уваженія. Написаны разсказы довольно живо, но страдаютъ, въ особенности „Тайна Шоколаденьки“ и „Старый другъ“,—дѣланностью, которая вредитъ общему недурному впечатлѣнію сборника.

А. А. Федоровъ-Давыдовъ.

Царь Іоаннъ Грозный. Повѣсть. Изд. Девріэна. Изданіе вполнѣ переработанное для юношества. Съ 10 иллюстраціями академика исторической живописи К. В. Лебедева. Съ древнимъ планомъ Москвы и планомъ Казани. Цѣна 3 р. 50 коп.

Содержаніе этой большой и интересной повѣсти обнимаетъ періодъ съ послѣднихъ лѣтъ княженія Василія III до взятія Казани Іоанномъ Грознымъ. Составленная по древнимъ лѣтописямъ и историческимъ сочиненіямъ Бестужева-Рюмина, Костомарова, Ключевскаго, Кондакова и др., она даетъ полную и яркую картину Московской Руси съ ея только что окрѣпшимъ единовластіемъ, борьбой знатныхъ боярскихъ родовъ за „мѣста“ и вліяніе при дворѣ. Центральная фигура повѣсти Иванъ Грозный—ребенокъ, отрокъ и царь, какъ живая, встаетъ передъ читателемъ. Лишенный въ нѣжномъ возрастѣ материнской ласки, разлученный съ любимой и нѣжно любившей его кормилицей, впечатлительный, живой, нервный ребенокъ видитъ несправедливость, лесть, грубость, жестокость и самъ грубѣетъ, ожесточается, дѣлается хитрымъ, трусливымъ. Ранніе кутежи, попойки и всякія излишества подтачиваютъ его организмъ, съ дѣтства подверженный эпилептическимъ припадкамъ; а между тѣмъ природный недюжинный умъ и способности при хорошемъ направленіи могли бы сдѣлать изъ Грознаго человѣка, полезнаго своей родинѣ.

Таковъ взглядъ автора на Грознаго царя.

Живо и ярко очерчены въ повѣсти окружающія Ивана Грознаго лица:

фаворитъ его матери Овчина-Телепневъ, митрополитъ Макарій, Сильвестръ и Адашевъ съ ихъ вліяніемъ на Іоанна.

Бытовая сторона московской Руси ярко и исторически вѣрно отражается въ повѣсти, почему послѣдняя можетъ занять почетное мѣсто въ каждой серьезно составленной библіотекѣ для юношества. Издана книга прекрасно и украшена превосходными рисунками.

Левъ Ждановъ. Черноморскіе богатыри. Картина Севастопольской обороны. 60 коп. Петербургъ, Изд. П. П. Сойкина.

Живо и интересно написанная исторія Севастопольской обороны рисуетъ неподготовленность Россіи къ войнѣ, недостатки постановки военнаго дѣла въ смыслѣ вооруженія, продовольствія и санитарнаго состоянія арміи и геройскій духъ защитниковъ въ массѣ и въ отдѣльныхъ личностяхъ. Фигуры героевъ Севастополя обрисованы ярко. Книга прочтется съ интересомъ дѣтьми старшаго возраста и читателями изъ народа.

В. А. Родичъ. Изъ родной старины историческій разсказъ. Библіотека для семьи и школы. Съ рис. И. Г. Гугунова. Изд. „Дѣтск. Чтенія и Педагогическаго листка". Москва, 1903 г. Цѣна 40 к.

Сборникъ содержитъ пять расказовъ: „Нежданное счастье"—выборъ въ невѣсты царю Михаилу Ѳед. Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой; „Желтоводская обитель"—эпизодъ изъ бунта Стеньки Разина (нападеніе мятежниковъ на Желтоводскій Макарьевскій монастырь); „Царскій садовникъ"—дворцовая интрига между садовниками; „Гнѣвъ и милость", разсказъ изъ времени Василія III. Прогнѣвавшись на игумена Бѣлозерскаго монастыря Порфирія, царь заключилъ его подъ стражу въ домѣ придворнаго истопника. Сочувствуя опальному старцу, истомленному горемъ и болѣзнью, жена истопника безъ вѣдома мужа задумываетъ укрыть его на время въ потайномъ боковушкѣ своего дома и этимъ навлекаетъ на мужа гнѣвъ царскій. Къ счастью дѣло разъясняется, и все кончается благополучно.

Дѣйствіе разсказа „Брынская Красавица" происходитъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Князь Трубецкой попался въ руки разбойника Андрея Голована и былъ спасенъ сестрою атамана, тяготившейся жизнью въ разбойничьемъ станѣ и ушедшей послѣ освобожденія князя въ монастырь молить Бога за несчастнаго своего брата-разбойника.

Написаны разсказы съ подражаніемъ старинному складу рѣчи, съ употребленіемъ народныхъ эпитетовъ, старинныхъ оборотовъ, пѣвучимъ былиннымъ размѣромъ. Какъ небольшія картинки изъ жизни прошлаго, разсказы эти могутъ служить иллюстраціей къ урокамъ исторіи.

Изъ трехъ рисунковъ одинъ довольно удаченъ по композиціи и исполненію, остальные же два совершенно неудовлетворительны.

З. П. Лебедевъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ.

Вопросъ о женскомъ образованіи въ Германіи.

Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи особенно занимаетъ нѣмецкихъ педагоговъ и нѣмецкое общество въ послѣднее десятилѣтіе. Женское движеніе въ Германіи все возростаетъ, а съ нимъ вмѣстѣ ростетъ и стремленіе женщины къ высшему образованію. Случаи допущенія женщинъ въ нѣмецкіе университеты все учащаются, женскія гимназіи мало-по-малу открываются, но въ большинствѣ случаевъ подготовка къ высшему образованію все еще остается предоставленной частной иниціативѣ, и многимъ дѣвушкамъ, стремящимся въ университетъ, приходится съ большимъ трудомъ пробивать себѣ къ нему путь. Средняя женская школа, построенная по старинному нѣмецкому идеалу—воспитывать хорошихъ женъ—хозяекъ дома—отжила свой вѣкъ, а новый типъ школы, за исключеніемъ немногихъ попытокъ, еще не созданъ. Около этой школы будущаго идетъ уже нѣсколько лѣтъ ожесточенная борьба партій какъ въ педагогической прессѣ и обществѣ, такъ и въ парламентѣ. Представители консервативной партіи желаютъ сохраненія добрыхъ старыхъ нѣмецкихъ идеаловъ воспитанія; ихъ крайніе противники стремятся, для полнаго уравненія женскаго образованія съ мужскимъ, пересадить цѣликомъ планы мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ въ новую женскую среднюю школу. Существуетъ еще третья партія, вполнѣ признающая право женщины на высшее образованіе, но считающая, что общеобразовательная средняя женская школа должна выработать свой особый планъ, отличающійся отъ плановъ мужской школы, которые нежелательно заимствовать цѣликомъ, во-первыхъ потому, что они далеко не совершенны сами по себѣ, а, во-вторыхъ потому, что необходимо считаться съ особенностями женской натуры, а не подводить всѣ школы подъ одинъ шаблонъ.

До сихъ поръ большая часть дѣвушекъ образованныхъ классовъ обучалась въ такъ называемыхъ „высшихъ школахъ для дѣвицъ" („Höhere Mädchenschulen"), продолжительность курса которыхъ (включаю сюда и низшую ступень—начальную школу) сначала доходила только до 8-и лѣтъ, затѣмъ увеличилась до 9-и и, наконецъ, теперь въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ доведено до 10-и л. (То же самое число лѣтъ обученія получится и у насъ, въ случаѣ, если дѣвушка пройдетъ сначала трехлѣтній курсъ начальной школы, а затѣмъ 7 классовъ гимназіи). Эти школы представляютъ

изъ себя законченное цѣлое и ставятъ себя цѣлью „воспитаніе дѣвушекъ образованной среды, подготовляющее ихъ къ будущему положенію въ домѣ и въ обществѣ“. Съ теченіемъ времени этимъ учрежденіямъ начали ставить и другую цѣль—подготовку къ слѣдующей высшей ступени образованія, подъ которой подразумѣвались учительская семинарія и гимназія (послѣднія начали открываться недавно и носятъ вполнѣ классическій характеръ). Въ реорганизаціи этихъ то Höhere Mädchenschulen и лежитъ центръ тяжести вопроса о высшемъ женскомъ образованіи: должны ли быть реформированы эти уже привившіяся учебныя заведенія, или желательно открытіе гимназій и другихъ среднихъ училищъ для подготовки женщинъ къ вступленію въ университетъ?

На общемъ собраніи „Союза нѣмецкихъ высшихъ женскихъ школъ“, происходившемъ въ октябрѣ 1903 г. въ Данцигѣ, обсуждался вопросъ: „какія требованія современнаго женскаго движенія по отношенію къ высшимъ женскимъ школамъ могутъ быть признаны? Требованія эти сводятся къ двумъ положеніямъ: 1) углубленіе женскаго образованія, подготовляющаго къ назначенію женщины вообще, 2) подготовка женщины къ университетскому образованію. Собраніе союза, на которомъ присутствовало около 300 человѣкъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ (только 17 оказалось противъ) присоединилось къ этимъ требованіямъ и постановило признать необходимость реорганизаціи высшей женской школы въ этомъ направленіи. Затѣмъ избранная заранѣе коммиссія изъ 6-ти членовъ союза, въ число которыхъ вошли г-жа Юнгкъ, учительница высшей женской школы въ Карльсруэ, составившая свой отдѣльный проектъ, д-ръ Вихграмъ, редакторъ журнала Frauenbildung, одинъ директоръ и три учителя высшихъ женскихъ школъ представили записку о желательной реорганизаціи средней школы.

Согласно этой запискѣ 10-тилѣтняя высшая женская школа остается, какъ и прежде, высшимъ (?) общеобразовательнымъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ; но учебный планъ ея расширяется настолько, чтобы она могла служить непосредственнымъ основаніемъ для дальнѣйшей ступени образованія. Указавъ далѣе, что при организаціи этой дальнѣйшей ступени съ одной стороны долженъ быть принятъ во вниманіе возрастъ учащихся дѣвушекъ и особенности ихъ натуры, а съ другой—сохраненъ общій характеръ школы, ея воспитательное вліяніе и дисциплина, составители записки находятъ, что работа о дальнѣйшемъ расширеніи курса не должна нарушать цѣльности плана основной школы.

Поэтому нежелательно ни сокращеніе курса Höhere Mädchenschulen до 7—8 лѣтъ, ни учрежденіе особыхъ гимназій, а только дополненіе средней школы, „надстройка“, состоящая съ основной школой въ органической связи и вмѣстѣ съ тѣмъ дающая ученицамъ непосредственную подготовку къ университету. Сохранивъ десятилѣтній курсъ обученія въ его законченномъ видѣ необходимо „углубить“ его введеніемъ математическихъ наукъ, соотвѣтственнымъ расширеніемъ изученія языковъ и обращеніемъ большаго вниманія на изученіе исторіи.

Дополнительные курсы должны быть трехлѣтними съ обязательнымъ изученіемъ латинскаго языка для подготовки къ университету. Тѣ же ученицы, которыя не готовятся въ университетъ, а желаютъ только расширить и углубить свое общее образованіе, могутъ заниматься на этихъ дополнительныхъ курсахъ отдѣльными предметами по свободному выбору.

Установивъ общія положенія, записка приводитъ и примѣрный учебный

планъ. Измѣненія, вносимыя этимъ планомъ въ существующія программы среднихъ школъ, касаются главнымъ образомъ методическо-дидактической стороны преподаванія; однако, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и въ распредѣленіи учебныхъ часовъ, сообразно съ измѣнившейся постановкой того или другого учебнаго предмета.

Такъ какъ необходимо было ограничиться существующимъ числомъ учебныхъ часовъ—30 ч. въ недѣлю, то пришлось уменьшить уроки рукодѣлія и пѣнія на высшей ступени и низвести число уроковъ Закона Божія до 2-хъ на средней ступени. Зато на математику во всѣхъ классахъ отводится по 4 часа въ недѣлю, причемъ изученіе ариѳметики растягивается на протяженіе всего курса: на высшей ступени ей отводится по одному часу въ недѣлю для систематическаго повторенія. Кромѣ того, на высшей ступени изучается планиметрія, алгебра, стереометрія; начиная съ 7-го класса (4-го снизу), идетъ изученіе физики, для котораго необходимо уже знакомство съ математикой.

Обученіе математикѣ должно было быть поставлено серьезно; все побочное устраняется, обращается вниманіе только на самое существенное, причемъ цѣлью математическаго обученія ставится серьезное дисциплинированіе ума, а не пріобрѣтеніе навыковъ въ вычисленіяхъ, необходимыхъ для домашняго обихода, какъ склонны были смотрѣть на преподаваніе математики сторонники старинной системы женскаго образованія.

Что касается до преподаванія языковъ, оно не должно носить односторонній литературно-эстетическій характеръ, а должно быть построено на болѣе глубокомъ филологическомъ основаніи: на изученіи строенія и развитія родного языка. На высшей ступени школы долженъ быть уменьшенъ слишкомъ большой матеріалъ лирической поэзіи и отведено время для чтенія прозаическихъ сочиненій. Обученіе иностраннымъ языкамъ начинается съ 4-го года школы; сначала изучается французскій языкъ и только на 7-й годъ англійскій. И здѣсь, не упуская изъ виду практическаго знанія языковъ, желательно болѣе серьезное теоретическое изученіе, основанное на сравненіи иностранныхъ языковъ съ роднымъ.

Что касается исторіи, необходимо ввести въ курсъ этого учебнаго предмета изученіе быта и соціальныхъ отношеній и обозрѣніе современной жизни государствъ. Съ этой цѣлью необходимо на 10-й годъ обученія добавить одинъ лишній урокъ исторіи.

Въ добавочныхъ классахъ (Oberbau) число уроковъ въ продолженіе всего трехлѣтняго курса предполагается 27 въ недѣлю, причемъ на латинскій языкъ отводится—6 ч., на Законъ Божій—9 ч., иностранные языки—по 3 ч., на исторію и географію вмѣстѣ—3 ч., естественныя науки—2 ч., на нѣмецкій языкъ 4 часа. На урокахъ родного языка рядомъ съ болѣе серьезнымъ изученіемъ классиковъ предполагается знакомить ученицъ съ выдающимися современными писателями, причемъ обращается вниманіе не только на литературныя достоинства ихъ произведеній, но и на философскія, педагого-психологическія и соціально-этическія идеи, въ нихъ заключающіяся, съ цѣлью „раскрыть глаза ученицъ на великіе вопросы, господствующіе въ настоящее время въ общей духовной жизни нашего народа, и тѣмъ обезпечить истинное національное образованіе“. Однако, этотъ планъ встрѣчаетъ серьезныя возраженія. Такъ, въ статьѣ „По поводу вопроса о реформѣ женскихъ школъ и о женскихъ гимназіяхъ“, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ журнала „Frauenbildung“, г-жа Паула Шлодтманъ возстаетъ противъ всѣхъ поло-

женій записки, принятой собраніемъ въ Данцигѣ. По ея мнѣнію, проектируемая этимъ планомъ „надстройка" не имѣетъ органической связи со всѣмъ зданіемъ, нарушитъ его цѣльность и характеръ основной школы, такъ какъ „фундаментъ несомнѣнно долженъ былъ разсчитанъ соотвѣтственно съ крышей". Нарушая строй существующей школы, новый планъ не даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ серьезной подготовки къ университету, того серьезнаго образованія, которое даетъ гимназія. Во 1-хъ, онъ отличается слишкомъ большой пестротой, отсутствіемъ сосредоточенія на одной или двухъ главныхъ отрасляхъ знанія, какъ это мы видимъ въ гимназическомъ курсѣ, гдѣ въ основу всего обученія положены или латынь — математика, или математика — естествовѣдѣніе. Такая пестрота и многопредметность вредятъ серьезности постановки всего курса, не даютъ именно того, что должна давать законченная школа— метода работы, умѣнья пріобрѣтать знанія; здѣсь пріобрѣтается только большое количество свѣдѣній по различнымъ предметамъ, которыя сами по себѣ особенной цѣны не имѣютъ. Это стремленіе къ поверхностной разносторонности ошибочно. „Тотъ, кто выучился располагать свою работу по опредѣленному плану, кто умѣетъ выдѣлить существенное отъ побочнаго, тотъ скоро найдется, если ему будетъ предстоять и совершенно новая, незнакомая задача". Учебное заведеніе, въ которомъ преподается всего по немногу, но ничто съ достаточной глубиной и въ послѣдовательной связи, никогда не можетъ служить подготовительной школой къ университетскимъ занятіямъ. Спеціальныя свѣдѣнія легко пріобрѣсти, навыки же и привычки къ систематической работѣ даются съ трудомъ; между тѣмъ стремленіе достичь въ каждомъ дѣлѣ возможнаго совершенства необходимо для всякаго человѣка, выбирающаго себѣ опредѣленную профессію, если онъ желаетъ добиться въ ней чего-нибудь значительнаго, это стремленіе должно быть рано пробуждено и рано развиваться, иначе будетъ то же самое, въ чемъ теперь обвиняютъ большинство женщинъ — разбрасываніе, безцѣльность и неустойчивость. Привычка къ поверхностности, которая вырабатывается при такой системѣ, должна вредно отозваться на дальнѣйшихъ университетскихъ занятіяхъ.

Указывая далѣе, что большинство учительскаго собранія въ Данцигѣ, высказавшееся за предлагаемый планъ, далеко еще не выражаетъ мнѣнія всѣхъ педагоговъ, занимающихся вопросомъ женскаго образованія, авторъ говоритъ, что многіе частные союзы высказывались въ другомъ направленіи. Такъ напримѣръ, союзъ „Frauenbildung—Frauenstudium", основавшей уже въ 1893 г. женскую гимназію въ Карльсруэ, предпочитаетъ переходъ изъ седьмого класса высшей школы въ отдѣльную шестиклассную гимназію (тѣ же 13 лѣтъ обученія) съ болѣе серьезно поставленнымъ курсомъ. „Мы не хотимъ никакихъ облегченій", говоритъ г-жа Шлодтманъ въ заключеніе. Если женщина желаетъ посѣщать школу науки, она должна въ школѣ быть подготовлена къ наукѣ, получать подготовку въ гимназіи, т. е. такомъ учрежденіи, которое ставитъ себѣ задачею вышколить къ научной работѣ, въ которомъ отсутствуютъ всякія иныя цѣли, ставящіяся спеціально женской школѣ. Мы согласны выдержать испытаніе огнемъ и водой прежде, чѣмъ насъ допустятъ въ храмъ науки, согласны также бороться, чтобы непризванныя не могли въ него проникнуть".

Рядомъ съ противниками новаго плана высшей женской школы находятся и такіе же горячіе защитники его. Къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, авторъ увлекательно написанной статьи „Отношеніе высшей женской школы къ современному женскому движенію", докторъ Козловскій, старшій учитель въ

Галле. Онъ краснорѣчиво убѣждалъ своихъ коллегъ считаться съ женскимъ движеніемъ, постараться удовлетворить вполнѣ законному стремленію женщины къ высшему образованію Онъ считаетъ, однако, предлагаемую реформу höhere Mädchenschulen вполнѣ соотвѣтствующею требованіямъ времени и подготовку, которую будутъ получать женщины въ этой преобразованной школѣ, вполнѣ достаточной для поступленія въ университетъ. Но для того, чтобы высшая (т. е. средняя по нашему) женская школа стояла на должной высотѣ, необходимо привлечь въ эти школы лучшій учительскій персоналъ, людей съ университетскимъ образованіемъ. Съ этой цѣлью необходимо уравнять въ правахъ женскія учебныя заведенія съ мужскими того же разряда и сравнять вознагражденіе и положеніе учащихъ тѣхъ и другихъ школъ.

Объ этомъ уравненіи правъ учителей былъ ужс поднятъ вопросъ на упомянутомъ выше собраніи въ Данцигѣ союза учителей высшихъ женскихъ школъ, отъ имени котораго была подана петиція въ Прусскую палату депутатовъ. Однако и въ слѣдующемъ году вопросъ этотъ еще не былъ окончательно разрѣшенъ, хотя большинство политическихъ партій и высказалось за него.

Е. Р.

Хроника народнаго образованія.

Положеніе нашего народнаго учителя.—Необычайная патріархальность въ отношеніяхъ начальства къ учителямъ: циркуляръ на счетъ пожертвованій меда, ягодъ и грибовъ въ пользу Краснаго Креста. — Учителя должны вѣрить, что не только китъ проглотилъ Іону, но что и Іона проглотилъ кита.—Увольненія учителя „за недозволенную общественную дѣятельность“.—Учитель долженъ жаждать „истребить“ учащуюся молодежь.—Положеніе учителя въ Уссурійскомъ краѣ.—Неблагонадежность народнаго учителя и послѣднія попытки сохранить его благонадежность.—Гдѣ источникъ учительской неблагонадежности?—Постановленія учительскихъ обществъ: маріупольскаго, иркутскаго, воронежскаго, кунгурскаго, пензенскаго, саратовскаго, а также частныхъ совѣщаній учителей Ковенской и Воронежской губерній и Кузнецкаго уѣзда. — Запрещеніе собраній владимірскаго учительскаго общества.—Запрещеніе учительскихъ съѣздовъ и курсовъ.—Можетъ ли земская управа разслѣдовать правовое положеніе учителей?

Переживаемая нами эпоха отличается одною чрезвычайно характерною особенностью. Во всѣхъ областяхъ нашей жизни на первый планъ выступили вопросы правового характера и притомъ преимущественно вопросы, касающіеся правового положенія личности. . . . .

. . . .

Чѣмъ, какъ не этою приверженностью начальства къ патріархальности и полнымъ непониманіемъ происшедшей въ настроеніи учителей перемѣны можно объяснить возможность изумительнаго циркуляра, который, по словамъ „Русскаго Слова“, не такъ давно разосланъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа директорамъ народныхъ училищъ для дальнѣйшей разсылки его народнымъ учителямъ? Циркуляръ этотъ предписываетъ народнымъ учителямъ вмѣстѣ съ учениками начальныхъ школъ заняться пчеловодствомъ, садоводствомъ, огородничествомъ и собираніемъ ягодъ и грибовъ для пожертвованія меда, сушеныхъ плодовъ, ягодъ и грибовъ и консервированныхъ овощей въ пользу Краснаго Креста. Мы уже не говоримъ о томъ, какой смыслъ имѣетъ все это предложеніе. . . . .

. . . .

Впрочемъ, бываютъ среди учительскаго начальства лица которыя, оставляютъ позади себя даже автора циркуляра о грибахъ и медѣ. Недавно былъ опубликованъ фактъ, который даже насъ, привыкшихъ ко всему, поставилъ въ недоумѣніе, и мы, по правдѣ сказать, даже отказывались бы вѣрить ему, если бы онъ не получилъ подтвержденія въ другихъ сообщеніяхъ о томъ же предметѣ. Вотъ, что сообщаютъ „Сыну Отечества" (№ отъ 5 іюля) изъ Новгорода: „Къ инспектору народныхъ училищъ кирилловскаго и бѣлозерскаго уѣздовъ г. Знаменскому явилась компанія учителей. Сначала говорили о томъ, о семъ, потомъ незамѣтно разговоръ перешелъ на почву религіозную, и инспекторъ задалъ учителямъ такой вопросъ: „Господа, вѣрите-ли вы, что китъ проглотилъ Іону?" Одинъ на это возразилъ: „Какъ же могъ китъ проглотить Іону, когда горло у него слишкомъ узко: онъ не можетъ проглотить крупной рыбы, а не только человѣка". Тогда инспекторъ сказалъ: „Если бы было сказано, что Іона проглотилъ кита, и то вы должны вѣрить". Затѣмъ обращается къ учителямъ и говоритъ: „Господа, если кто этому не вѣритъ, тотъ долженъ заявить, что „я этому не вѣрю",—и я выдамъ документы". Итакъ, народный учитель долженъ вѣрить не только тому, что китъ проглотилъ Іону, но и тому, что Іона проглотилъ кита.

Можно ли идти дальше по данному пути? Можно ли придумать еще что-либо болѣе оригинальное, возложить на учителя еще болѣе своеобразную обязанность? Оказывается—можно! Учитель еще долженъ жаждать „истребить" учащуюся молодежь. Буквально такъ. Вотъ характерный фактъ, подтверждающій сказанное: „Въ мартѣ въ земскую школу въ с. Старый Городъ приходитъ попечительница школы г-жа Волкова и начинаетъ бесѣду съ учительницами г-жами Фирсовой и Тимохиной о неблагонадежности курсистокъ и о враждѣ къ отечеству учащейся молодежи, которую за вредоносность слѣдовало бы, по мнѣнію попечительницы, „истребить"... Учительницы даютъ уклончивые отвѣты. Но болѣе молодая и неопытная Тимохина все-таки возбуждаетъ подозрѣніе попечительницы. Тогда г-жа Волкова чинитъ наединѣ форменный допросъ „съ пристрастіемъ" учительницѣ Фирсовой, заставляя ее угрозами сказать что-либо компрометирующее о товаркѣ. Въ результатѣ—жандармское дознаніе и „политическое дѣло" съ обвиненіемъ Тимохиной по 103 ст. п. 2 Уголовн. Улож. Тимохина, конечно, будетъ оправдана, но она уже лишилась мѣста и до суда должна испытать на себѣ всѣ тягости особаго надзора" („Сынъ Отечества", № 89).

Если предыдущіе факты показываютъ наглядно, чему учитель долженъ вѣрить и чего онъ долженъ жаждать, то нижеслѣдующій фактъ покажетъ съ такою же наглядностью, что учитель не долженъ дѣлать. Оказывается, что всего больше на свѣтѣ учитель долженъ бояться „недозволенной общественной дѣятельности". Именно за такое удивительное преступленіе недавно устраненъ отъ должности въ весьегонскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, земскій учитель А. М. Горшечниковъ, учительствующій уже 20 лѣтъ и пріобрѣвшій общее уваженіе крестьянства. „Недозволенная общественная дѣятельность" Горшечникова заключалась въ томъ, что онъ по просьбѣ крестьянъ читалъ имъ газеты, разъяснялъ имъ Высочайшіе указы и, по просьбѣ крестьянъ одной деревни, составилъ приблизительную форму (а не содержаніе) приговора, пользуясь для этого приговоромъ, опубликованнымъ въ газетѣ „Биржевыя Вѣдомости". („Русскія Вѣдомости" № 167).

Если уже такая „общественная дѣятельность" является для учителя „недозволенною" и влечетъ за собою увольненіе отъ должности, то тѣмъ паче

тотъ же результатъ должно имѣть писанiе учителемъ корреспонденцiй. Впрочемъ, если внутри Россiи учителя не разъ были увольняемы за этотъ грѣхъ, то кажется, еще ни разу такое увольненiе не мотивировалось откровенно указанною причиною, и всегда въ такихъ случаяхъ подыскивались какie-либо иные поводы. Но вотъ въ Уссурiйскомъ краѣ люди откровеннѣе, и тамъ недавно былъ уволенъ учитель Зиберовъ именно прямо за „напечатанiе корреспонденцiй". Впрочемъ, на то Уссурiйскiй край и окраина. Тамъ въ прошломъ учебномъ году по распоряженiю военнаго губернатора Приморской области были уволены два учителя казачьихъ школъ за то, что не встрѣтили его во время объѣзда имъ области. Тамъ возможны и еще болѣе удивительные факты, о которыхъ во внутренней Россiи мы и представленiя имѣть не можемъ. Такъ въ № 21 „Никольскъ-Уссурiйскаго Листа" за настоящiй годъ воспроизведенъ оффицiальный протоколъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: „При проходѣ 21-го февраля 2-ой Восточно-Сибирской горной батарреи, подъ начальствомъ подполковника Перепелкина, чрезъ дер. Сухановку, адиминской волости, былъ такой случай. Подполковникъ Перепелкинъ, явившись въ 12 часовъ дня лично въ мѣстную школу, которая въ то же время служитъ и часовней, сталъ требовать отъ учителя оной, Прокопiя Кима, дабы тотъ распустилъ учениковъ и тѣмъ освободилъ бы помѣщенiе для ночлега. Учитель въ вѣжливой формѣ замѣтилъ Перепелкину, что „здѣсь школа и, какъ сами вы видите, идутъ занятiя". Но послѣднiй настойчиво требовалъ отпуска учениковъ и ругался въ школѣ при мальчикахъ нецензурными словами, а затѣмъ выгналъ дѣтей изъ школы, а учителя приказалъ солдатамъ поставить въ уголъ въ корридоръ, сбросивъ съ него кальсоны и поставивъ двухъ часовыхъ съ обнаженными шашками. Безъ кальсоновъ учитель стоялъ полтора часа, а подъ арестомъ 17 часовъ (освобожденъ былъ въ 8 часовъ утра 22 февраля).

. . . .

. . . .

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на всѣхъ собранiяхъ учительскихъ обществъ, состоявшихся въ настоящемъ году, видное мѣсто въ дебатахъ занималъ вопросъ о правовомъ положенiи учителей. Нѣтъ ничего также удивительнаго и въ томъ, что вездѣ и всюду гг. директора и инспектора народныхъ училищъ пытались не допустить до обсужденiя на этихъ собранiяхъ указаннаго вопроса. И кое-гдѣ имъ это удавалось. Вотъ, напр., какъ это было достигнуто въ Марiуполѣ. Прежде всего докладъ „о правовомъ положенiи народнаго учителя" былъ отнесенъ правленiемъ, предсѣдателемъ котораго состоялъ инспекторъ народныхъ училищъ, на самый конецъ засѣданiй собранiя. Затѣмъ, то засѣданiе собранiя, въ которомъ долженъ былъ слушаться докладъ, было, говоря по просту, „сорвано". Предсѣдатель собранiя вдругъ заболѣлъ и не явился. Когда же собравшiеся члены общества рѣшили все таки читать и обсуждать докладъ, инспекторъ заявилъ, что „лучше всего" считать настоящее собранiе законченнымъ; если же члены хотятъ все-таки продолжать засѣданiе, то они должны испросить новое разрѣшенiе на общее собранiе. Онъ же, инспекторъ, какъ сложившiй съ себя обязанности предсѣдателя правленiя, снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность, хотя въ то же время считаетъ себя нравственно обязаннымъ стоять на стражѣ интересовъ общества. Вслѣдъ затѣмъ инспекторъ поспѣшилъ заявить куда слѣдуетъ о закрытiи собранiя, хотя протоколъ не былъ подписанъ, и передача дѣлъ новому составу правленiя не состоялась („Приазовскiй Край", отъ 10 iюня).

Чаще, однако, всѣ попытки не допустить учителей до обсужденiя вопроса

объ ихъ правовомъ положенiи оканчивались полною неудачею, и общія собранія учительскихъ обществъ имѣли возможность высказаться по этому вопросу. Приведемъ здѣсь постановленія нѣкоторыхъ изъ этихъ обществъ, принятыя въ послѣднее время. . . . .

. . . .

. . . .

Состоявшееся 12—13 іюня общее собраніе членовъ общества взаимопомощи учителей Пензенской губерніи отличалось небывалыми многолюдствомъ и оживленіемъ. Оно приняло, между прочимъ, слѣдующія постановленія: о необходимости скорѣйшаго созыва народныхъ представителей, объ объединеніи школъ всѣхъ вѣдомствъ, о расширеніи устава общества. Вопросъ о всероссійскомъ союзѣ учителей дебатировался очень долго, но окончательное рѣшеніе отложено до экстреннаго собранія, такъ какъ послать на ближайшее собраніе делегатовъ въ Петербургѣ своего представителя общество не успѣло и рѣшило поэтому выждать результатовъ работъ делегатовъ. Въ числѣ постановленій отмѣтимъ еще слѣдующее: возмущенные политикой „Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", перепечатывающихъ изъ разныхъ гнусныхъ изданій всякія клеветы по адресу народныхъ учителей, пензенскіе учителя постановили выразить названному „органу" свое „презрѣніе" („Русскія Вѣдомости", отъ 27 іюня).

. . . .

. . . .

Не менѣе характерны и постановленія частныхъ собраній и совѣщаній народныхъ учителей, которыя по разнымъ поводамъ собирались въ послѣднее, время въ разныхъ концахъ нашего отечества. Такъ въ Ковно учителя подали созвавшему ихъ управляющему пенсіонной учительской кассой министерства народнаго просвѣщенія петицію, въ которой учителя отказываются отъ участія въ кассѣ и просятъ о возвратѣ взносовъ, уравненіи въ правахъ на пенсію съ учителями среднихъ учебныхъ заведеній, увеличеніи содержанія до 600 р. годъ, предоставленіи правъ государственной службы, надѣленіи школъ землей, воспрещеніи земскимъ начальникамъ ревизовать училища, объ устройствѣ суда чести, общеобразовательныхъ курсовъ, волостныхъ учительскихъ библіотекъ съ книгами, разрѣшенными общей цензурой, педагогическихъ съѣздовъ, безплатныхъ общежитій для учительскихъ дѣтей, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, о предоставленіи права безплатныхъ поѣздокъ на земскихъ лошадяхъ, отмѣнѣ процентнаго ограниченія для дѣтей еврейскихъ учителей при поступленіи въ школы, сокращеніи переписки и участіи въ педагогическихъ совѣтахъ дирекціи и строительныхъ коммиссіяхъ (бюллетень Россійскаго Телеграфнаго Агентства отъ 3-го іюня).

. . . .

. . . .

Такъ опасенъ оказывается вопросъ о правовомъ положеніи народнаго учителя. Къ сожалѣнію для гг. инспекторовъ, директоровъ и прочихъ заставить народнаго учителя не думать о своемъ правовомъ положеніи—увы!—невозможно. И потому вопросъ этотъ доставитъ еще много огорченій доброму и попечительному начальству...

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Благія пожеланія, которыми вымощенъ адъ.—Безконечный пересмотръ правилъ о народныхъ библіотекахъ.—Удивительныя „льготы“.—Запрещенія и запрещенія.—Имѣть книгу—уже преступленіе.—Изъ дѣятельности одной народной библіотеки.—Крупное пожертвованіе на библіотечное дѣло.

Въ области народно-библіотечнаго дѣла мы находимся словно въ какомъ-то мертвомъ кругу. Всѣ давно убѣдились, что существующее положеніе этого дѣла совершенно невозможно, что оно требуетъ рѣшительнаго преобразованія и прежде всего возстановленія столь грубо попранной „Правилами 15 мая 1890 года“ законности въ данной области нашей жизни. И все таки мы ни на шагъ не двигаемся впередъ въ этой области. Приходится ограничиваться въ милліонный разъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же благихъ пожеланій, которыя, какъ извѣстно, пригодны только для замощенія ада. По крайней мѣрѣ, справедливость этой поговорки никогда еще не выступала съ такою наглядностью, какъ именно въ народно-библіотечномъ дѣлѣ. Пишемъ мы, пишемъ, говоримъ, говоримъ о томъ, что необходимо, настоятельно необходимо для измѣненія безсмысленнаго положенія нашихъ народныхъ библіотекъ хотя-бы на сносное, а... Васька слушаетъ да ѣстъ, и ровнехонько ничего изъ всѣхъ нашихъ благопожеланій не получается.

Вотъ и сейчасъ предъ нами лежитъ недавно изданный московскимъ отдѣленіемъ русскаго техническаго общества отдѣльной брошюрой докладъ г. Кудрявцева „О существующей и желательной постановкѣ безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ“. Г. Кудрявцевъ очень резонно доказываетъ, что 1) необходимо отмѣнить всякіе каталоги библіотекъ (и разрѣшительные, и запретительные), какъ стѣсняющіе свободу просвѣщенія. Во всѣ библіотеки должны допускаться всѣ вышедшія въ печати книги; 2) необходимо въ интересахъ осуществленія всеобщей доступности народныхъ библіотекъ-читаленъ предоставить всѣмъ жителямъ Россіи право открывать библіотеки явочнымъ порядкомъ; 3) необходимо первоначально идти въ дѣлѣ общедоступной сѣти библіотекъ путемъ экстенсивнымъ, т. е. стремиться доставить каждому населенному мѣсту сначала хоть маленькую библіотеку, которая послужитъ ядромъ большой въ относительно непродолжительномъ будущемъ; 4) для скорѣйшаго достиженія общедоступности библіотекъ, необходимо стремиться къ осуществленію мелкой земской единицы“.

Все это резонно, правильно, основательно,—и все это совершенно ненужно. Ненужно, какъ и всѣ тѣ безчисленныя пожеланія, которыя постоянно высказывались и высказываются нашимъ обществомъ относительно отдѣльныхъ областей нашей жизни. Слишкомъ ужъ ясно стало въ настоящее время, что всѣ такія пожеланія адресуются въ пустое пространство, и никто рѣшительно на нихъ не желаетъ обращать вниманія. Это наглядно, между прочимъ, видно и на судьбѣ добрыхъ пожеланій, которыя высказывались въ теченіе ряда лѣтъ нашими общественными учрежденіями относительно народно-библіотечнаго дѣла. Такъ, еще въ 1901 году тверское губернское земство возбудило ходатайство о томъ, чтобы всѣ книги, не запрещенныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ обращенію въ школьныхъ библіотекахъ, считались разрѣшенными для нихъ, и чтобы въ народныя библіотеки-читальни и въ учительскія библіотеки допускались всѣ книги и произведенія періодической печати, обращающіяся въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ. На это ходатайство министерство народнаго просвѣщенія отвѣтило, что въ 1902 году министерствомъ предпринятъ пересмотръ дѣйствующихъ правилъ о порядкѣ разрѣшенія книгъ и учебныхъ пособій къ обращенію въ

ученическихъ и учительскихъ библіотекахъ народныхъ училищъ и въ народныхъ читальняхъ, и въ особо организованной коммиссіи уже выработанъ проектъ новыхъ правилъ, коимъ имѣется въ виду устранить неудобства существующаго порядка допущенія книгъ для народнаго чтенія. Тогда тверское губернское земское собраніе въ 1903 году возбудило ходатайство о томъ, чтобы этотъ проектъ новыхъ правилъ былъ переданъ на предварительное обсужденіе земскихъ собраній. На это ходатайство чрезъ губернатора полученъ недавно слѣдующій отвѣтъ: „Министерство народнаго просвѣщенія, по обсужденіи послѣдняго ходатайства, не усмотрѣло достаточныхъ основаній къ его удовлетворенію и, по сношеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, представило о семъ на усмотрѣніе комитета министровъ. Нынѣ управляющій дѣлами комитета министровъ выпискою изъ журнала комитета отъ 8-го марта 1905 года увѣдомилъ министерство народнаго просвѣщенія о нижеслѣдующемъ: „Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ означенное представленіе министерства народнаго просвѣщенія и отзывы генералъ-адъютанта кн. Святополкъ-Мирскаго и гофмейстера Булыгина къ управляющему дѣлами комитета, присоединился къ заключенію названныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, которые оба признали привлеченіе земскихъ дѣятелей къ предварительному обсужденію помянутаго проекта желательнымъ, въ виду близкаго соприкосновенія дѣятельности земскихъ учрежденій по народному образованію съ предметомъ проектируемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія правилъ, имѣющихъ цѣлью упростить дѣйствующій порядокъ разрѣшенія къ обращенію въ ученическихъ и учительскихъ библіотекахъ народныхъ училищъ книгъ и учебныхъ пособій. Но для осуществленія такого участія земства въ разсмотрѣніи означеннаго вопроса не представляется необходимости передавать его на обсужденіе земскихъ собраній, какъ о томъ ходатайствуетъ тверское губернское земское собраніе. Державною волею Государя Императора представители земскихъ учрежденій всѣхъ губерній призваны въ особое совѣщаніе, коему поручена разработка предначертаннаго п. 2 именного Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года законопроекта о завѣдываніи мѣстнымъ благоустройствомъ. Означенная работа должна имѣть въ виду пересмотръ всѣхъ связанныхъ съ Земскимъ Положеніемъ узаконеній. По приведеннымъ основаніямъ и съ моего согласія комитетъ положилъ: предоставить министерству народнаго просвѣщенія поставить тверское губернское земство въ извѣстность объ изложенныхъ сужденіяхъ комитета".

Какъ видно изъ этой переписки, пересмотръ правилъ о народныхъ библіотекахъ начатъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще въ 1902 году. Съ тѣхъ поръ прошло уже три года, и пересмотръ этотъ не только еще не оконченъ, но даже совершенно неизвѣстно, когда онъ будетъ оконченъ, такъ какъ онъ поставленъ въ зависимость отъ такой огромной работы, которая затянется на многіе годы. Между тѣмъ, согласно общему мнѣнію и желанію общественныхъ учрежденій—земскихъ и городскихъ и всѣхъ частныхъ просвѣтительныхъ обществъ и лицъ, имѣющихъ дѣло съ народнымъ просвѣщеніемъ, вся „реформа" въ области народнобиблiотечнаго дѣла должна свестись къ возстановленію въ данной области законности, т. е. къ упраздненію противозаконныхъ правилъ 15 мая 1890 года, что, очевидно, можетъ быть выполнено буквально въ полчаса,—составленіемъ и подписаніемъ одной бумаги тѣмъ самымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которымъ были изданы правила 15 мая 1890 года. Очевидно, все дѣло сводится къ тому, что совсѣмъ не имѣется въ виду разрѣшить данный вопросъ единственнымъ путемъ,

который отвѣчаетъ и потребностямъ народно-библіотечнаго дѣла, и требованіямъ закона. Вмѣсто отмѣны противозаконныхъ правилъ 15 мая 1890 года имѣется въ виду издать какія-то новыя правила, которыя имѣютъ цѣлью лишь „устранить неудобства существующаго порядка допущенія книгъ для народнаго чтенія“. Значитъ, все-таки имѣется въ виду „допускать“ и не допускать книги въ народныя библіотеки, т. е. сохранить въ основѣ нынѣшній противозаконный порядокъ ограниченія пополненія народныхъ библіотекъ книгами и свести всю „реформу“ къ устраненію какихъ-либо особенно вопіющихъ нелѣпостей въ этомъ порядкѣ. Едва-ли кому-либо отъ этого станетъ особенно легко и едва-ли кого подобная „реформа“ удовлетворитъ, какъ, конечно, никого не можетъ удовлетворить слѣдующая удивительная „реформа“, которая подготовляется, по словамъ газетъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и которая способна только поразить даже насъ, привыкшихъ ко всему. Именно, по словамъ газетъ, имѣется въ виду осчастливить насъ и народное просвѣщеніе слѣдующими удивительными „льготами“:

„1) Предоставить библіотекамъ, открываемымъ для пользованія публикѣ при начальныхъ училищахъ, на основаніи правилъ 1867 г., право пользоваться каталогомъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, возложивъ на учителей, завѣдующихъ сими библіотеками, обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы ученикамъ были выдаваемы только книги, значащіяся въ каталогѣ для ученическихъ библіотекъ. 2) Книги, уже допущенныя ученымъ комитетомъ народнаго просвѣщенія, могутъ быть пріобрѣтаемы въ народныя библіотеки и выдаваемы читателямъ непосредственнымъ распоряженіемъ завѣдующихъ библіотеками, но съ обязательствомъ немедленно представлять списки пріобрѣтенныхъ книгъ наблюдателю за библіотекой, съ указаніемъ относительно каждой книги о мѣстѣ ея напечатанія и о допущеніи ея ученымъ комитетомъ. 3) Включить въ каталогъ указаніе на то, что въ помянутыхъ училищныхъ библіотекахъ и народныхъ читальняхъ могутъ находиться всѣ допущенныя въ продажу изданія правительственныхъ вѣдомствъ и учрежденій, а также всѣ изданія, одобренныя сими вѣдомствами. 4) Освободить завѣдывающихъ читальнями отъ обязанности, при представленіи списковъ книгъ для разрѣшенія къ употребленію въ читальняхъ и библіотекахъ, присовокуплять отзывы о сихъ книгахъ“.

Итакъ, вотъ чего, оказывается, недоставало нашему народно-библіотечному дѣлу, вотъ въ какихъ „реформахъ“ оно нуждается, чтобы началось его процвѣтаніе. Читая приведенное сообщеніе, невольно думаешь,—не имѣемъ-ли мы дѣло съ мистификаціей, съ поддѣлкой подъ проекты, вырабатываемые петербургскими канцеляріями. Право, все это такъ походитъ на пародію, на сатиру, такъ напоминаетъ знаменитые проекты, сочинявшіеся въ участкѣ у Щедрина. Подумайте: библіотека, открытая по правиламъ 1867 года, получаетъ „право“ пользоваться каталогомъ народной библіотеки, т. е. изъ всего богатства всемірной литературы должна довольствоваться только тѣми немногими книжечками, которыя вошли въ каталогъ народныхъ библіотекъ, и это чудовищное ограниченіе называется „правомъ“ и выставляется въ видѣ облегчительной мѣры. Не менѣе удивительно „право“ пріобрѣтать книги для народныхъ библіотекъ, разъ эти книги разрѣшены для этой цѣли ученымъ комитетомъ,—право, влекущее, однако, за собою тяжелую, безцѣльную, никому не нужную обязанность представлять списки пріобрѣтенныхъ книгъ „съ указаніемъ относительно каждой книги о мѣстѣ ея напечатанія и о допущеніи ея ученымъ комитетомъ“. Петербургскіе чиновники—большіе мастера по

части сочиненія всевозможныхъ препятствій народному просвѣщенію, но, кажется, такія препятствія еще не выставлялись въ видѣ „льготъ" и облегченій...

Съ этими новыми „льготами" и „облегченіями" вполнѣ гармонируетъ и постоянная практика относительно запрещеній тѣхъ или иныхъ книгъ, тѣхъ или иныхъ періодическихъ изданій. Жизнь идетъ, совершаются великія событія, Россія наканунѣ полнаго преобразованія всего ея строя, а въ данной области нашей жизни проявляется все одно и то же: запрещенія и запрещенія. Новѣйшимъ актомъ этого рода является недопущеніе къ обращенію въ кіевской городской безплатной народной читальнѣ имени Пушкина мѣстныхъ газетъ „Кіевскіе Отклики" и „Кіевскія Новости".

Несмотря на всякія гоненія на книгу, какія мы видимъ въ нашей жизни, въ видѣ изъятія изъ публичныхъ библіотекъ многихъ и періодическихъ изданій за прошлые годы, и еще болѣе въ видѣ всевозможныхъ ограниченій, которыми обставлено дѣло пріобрѣтенія книгъ и періодическихъ изданій въ народныя школьныя и учительскія библіотеки, все таки книга сама по себѣ, безотносительно къ ея содержанію, до сихъ поръ не разсматривалась въ качествѣ „запрещенной" вещи, не ставилась на ряду съ взрывчатыми веществами и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и потому книги не конфисковались только потому, что онѣ—книги. Но оказывается, что и такіе факты вполнѣ возможны у насъ. Вотъ характерный въ этомъ отношеніи фактъ, передаваемый корреспондентомъ „Сына Отечества" изъ Баязъ-Аула, Семипалатинской области.

„Весною 1903 года помощникъ павлодарскаго уѣзднаго начальника г. Куртуковъ арестовалъ библіотеку въ 107 книгъ духовнаго содержанія, принадлежащую киргизу Габдулѣ Исабекову, повидимому, полагая, что имѣть книгу—уже составляетъ преступленіе, особенно для какого-то тамъ киргиза. 29 іюля 1903 года Исабековъ обратился къ степному генералъ-губернатору съ просьбою вернуть просителю его библіотеку. На просьбу Исабекова канцелярія генералъ-губернатора отвѣтила бумагою, отъ 8 августа 1903 года, за № 3884: „Канцелярія объявляетъ киргизу степной волости Габдулѣ Исабекову, что по прошенію, въ которомъ онъ жалуется на отобраніе у него 107 книгъ духовнаго содержанія и на воспрещеніе преподавать дѣтямъ мусульманскій законъ и арабскій языкъ, ожидаются отъ военнаго губернатора семипалатинской области необходимыя свѣдѣнія и заключенія". Сообщеніе свое корреспондентъ заканчиваетъ слѣдующими классическими словами: „Нужно-ли прибавлять, что просьба Исабекова и по сей день остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ"? Ну, конечно, прибавлять это совершенно излишне, такъ какъ само собою разумѣется что просьба о возвращеніи противозаконно отнятой у человѣка собственности у насъ неизбѣжно должна оставаться „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ", разъ подобное лишеніе человѣка его собственности совершено кѣмъ-либо въ родѣ „помощника уѣзднаго начальника"...

При подобномъ положеніи у насъ книги, самое обладаніе которой ставитъ человѣка въ положеніе по меньшей мѣрѣ подозрительнаго по части благонамѣренности,—при томъ безправномъ положеніи книги, при которомъ ее, эту собственность частнаго лица, можетъ преспокойно и безнаказанно отнимать у васъ любой полицейскій чинъ, при чемъ вы затѣмъ годами хлопотъ и ходатайствъ не добьетесь возвращенія вамъ этой вашей собственности, при такомъ положеніи вещей можно удивляться вѣрѣ въ силу и зна-

ченіе книги тѣхъ лицъ, которыя при всѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ которыя постановлено у насъ библіотечное дѣло, все же работаютъ съ энергіей въ этой области. Я позволю себѣ по этому поводу привести страничку изъ жизни одной народной библіотеки,—„Ростовской на Дону, безплатной народной библіотеки-читальни имени А. В. Кольцова", какъ эта страничка изложена въ только что появившемся отчетѣ названной библіотеки за 1904 годъ. Совѣтъ библіотеки обратился въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія съ мотивированнымъ ходатайствомъ относительно допущенія въ библіотеку ряда книгъ, отсутствіе которыхъ составляетъ крайне тяжелый недостатокъ каталога разрѣшенныхъ для народныхъ библіотекъ книгъ. И вотъ какой отвѣтъ отъ ученаго комитета за № 169 отъ 18 января 1905 года былъ полученъ совѣтомъ библіотеки:

„При прошеніи отъ 27 ноября совѣтомъ представленъ въ ученый комиаетъ списокъ предположенныхъ къ пріобрѣтенію въ библіотеку 169 изданій. Въ виду возникшихъ при разсмотрѣніи списка этого затрудненій, вслѣдствіе отсутствія въ немъ указаній на полное заглавіе помѣщенныхъ изданій, года и мѣста ихъ напечатанія, именъ издателей и т. п., канцелярія ученаго комитета, по распоряженію предсѣдателя комитета, имѣетъ честь возвратить при семъ упомянутый списокъ для соотвѣтствующихъ дополненій. При семъ канцелярія считаетъ необходимымъ сообщить, что, согласно распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, отъ 19 марта 1897 г. за № 7175, помѣщенному, между прочимъ, и въ каталогѣ книгъ и періодическихъ изданій для безплатныхъ народныхъ читаленъ (изд. 3-е, 1900 г.), представляемые въ ученый комитетъ списки книгъ, предположенныхъ къ пріобрѣтенію въ безплатныя народныя читальни, должны сопровождаться отзывами завѣдывающихъ читальнями и заключеніями по симъ отзывамъ лицъ, наблюдающихъ за читальнями, о степени пригодности значащихся въ спискѣ книгъ для цѣлей читальни".

По поводу этого отвѣта ученаго комитета совѣтъ библіотеки въ своемъ отчетѣ говоритъ: „Отвѣтъ этотъ представляетъ замѣчательное произведеніе петербургскихъ канцелярій. Для каждаго, кто прочтетъ его внимательно, ясно, что лицамъ, близко стоящимъ у дѣла, возбраняется выбирать книги для библіотеки, а формально онъ какъ бы даетъ все же совѣту право надѣяться, что если имъ, совѣтомъ, будетъ исполнена Сизифова работа, то, быть можетъ, представленный списокъ книгъ и будетъ разсмотрѣнъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, что, какъ не Сизифову работу, означаетъ требованіе ученаго комитета указать „полное заглавіе помѣщенныхъ изданій?" Въ спискѣ было указано: „Некрасовъ. Стихотворенія", „В. Короленко. Полное собраніе сочиненій". Какія же требуются дополненія къ этимъ, для каждаго грамотнаго понятнымъ заглавіямъ? Такъ же странно требованіе на необходимость указанія года и мѣста напечатанія книги или—что еще лучше—„имени (?!!) издателя. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ этихъ свѣдѣній добыть нельзя, во-первыхъ, а во-вторыхъ, по существу они не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, то требованіе этихъ дополненій въ переводѣ на общепринятый языкъ означаетъ: „пополнять народныя библіотеки книгами, избранными частными лицами, нельзя и строго воспрещается".

„Такъ же звучатъ и послѣднія строки отвѣта ученаго комитета. Требуется, видите-ли, отзывъ о томъ, что сочиненія Вл. Короленка, Некрасова, Салтыкова, Шпильгагена и др. полезны для читателя. Неужели же кто либо

изъ членовъ ученаго комитета сомнѣвается въ этомъ и неужели это требуетъ еще доказательствъ?

„Да, трудно и тяжело работать на нивѣ просвѣщенія, когда даже то вѣдомство, которое, казалось бы, предназначено содѣйствовать просвѣщенію народа (по крайней мѣрѣ, оно носитъ такое названіе), всякимъ стремленіямъ на этомъ пути ставитъ только преграды.

„Какъ нужно быть благодарнымъ тѣмъ лицамъ, которыя, несмотря на всѣ явныя и тайныя преграды и преткновенія, все-таки не складываютъ рукъ и не щадятъ ни силъ, ни средствъ, чтобы, преодолѣвая всѣ эти безчисленные подводные камни, работать на нивѣ просвѣщенія.

„Трудно, очень трудно дается это теперь, но пусть работники эти не унываютъ. Повѣяло весной и надо надѣяться, что скоро, наконецъ, падутъ эти путы, которыя, какъ паутина, со всѣхъ сторонъ охватываютъ теперь добровольныхъ работниковъ на пользу народнаго просвѣщенія".

Вполнѣ присоединяясь къ этой увѣренности дѣятелей ростовской имени Кольцова народной библіотеки въ наступленіи лучшихъ дней для библіотечнаго дѣла, закончимъ нашу хронику сообщеніемъ очень пріятнаго извѣстія, показывающаго, что люди, которые вѣрятъ въ силу книги и значеніе библіотеки, еще не перевелись на Руси, какъ ни много дѣлалось для того, чтобы поколебать эту вѣру. Фактъ, о которомъ мы хотимъ говорить, имѣлъ мѣсто въ Борисоглѣбскѣ, Тамбовской губерніи. Здѣсь 15 мая на общемъ собраніи членовъ общедоступной библіотеки было выслушано заявленіе члена библіотеки Е. Д. Мягкова о желаніи его выстроить и передать въ собственность библіотеки народный домъ. На постройку дома имъ ассигнуется 100.000 р. Кромѣ того, имъ же жертвуется въ неприкосновенный фондъ библіотеки 20.000 р., проценты съ которыхъ должны идти на текущія нужды библіотеки. Къ постройкѣ народнаго дома жертвователь предполагаетъ приступить съ весны 1906 года. Домъ предполагается изъ несгораемаго матеріала, двухъ этажный, площадью отъ 200 до 250 саж., съ большой двухсвѣтной залой, со сценой и хорами, съ помѣщеніемъ для читальни и книгохранилища, музея, физическаго кабинета и квартиры для администраціи. Кромѣ этихъ помѣщеній, въ народномъ домѣ будутъ отдѣльныя залы для личной библіотеки жертвователя и его коллекцій, которыя послѣ его смерти должны перейти въ собственность библіотеки.

Если у насъ и вообще жертвователи на народное просвѣщеніе являются крайне рѣдкими, особенно, если говорить о значительныхъ пожертвованіяхъ, то на библіотечное дѣло до сихъ поръ почти никто не давалъ крупныхъ пожертвованій, и шагъ Е. Д. Мягкова заслуживаетъ тѣмъ большаго общественнаго вниманія...

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

Отчетъ мужской и женской воскресныхъ школъ Екатеринодарскаго Благотворительнаго Общества съ вечерними классами при мужской школѣ за десять лѣтъ существованія 1893—1903 г.г.

(*Окончаніе*).

Школьныя чтенія съ туманными картинами и школьные праздники.

Необходимость дать учащимся общеполезныя свѣдѣнія, для которыхъ времени во время уроковъ слишкомъ недостаточно, въ первый же годъ существованія воскресной школы побудила совѣтъ школы организовать школьно-праздничныя чтенія (въ праздники, кромѣ воскресеній). Выбранная для веденія чтеній коммиссія рѣшила вести чтенія въ извѣстной послѣдовательности и по выработанной программѣ. Но благія начинанія коммиссіи разбились о чисто практическія неудобства: праздничныхъ дней въ году, кромѣ воскресеній, обыкновенно такъ немного, и одинъ праздникъ отдѣленъ отъ другого такимъ большимъ промежуткомъ времени, что вести чтенія въ связномъ порядкѣ не имѣло никакого смысла и было невозможно. До 1901 года чтенія съ свѣтовыми картинами велись только по праздникамъ; въ 1900—1901 учебномъ году сдѣланъ былъ опытъ веденія чтеній сейчасъ послѣ вокресныхъ занятій, но чтенія эти не пошли, такъ какъ не нашлось желающихъ вести ихъ. Такимъ образомъ, до 1902—1903 года чтенія велись только по праздничнымъ днямъ, причемъ за этотъ промежутокъ времени два раза дѣлалась попытка систематическихъ чтеній по физической географіи, географіи Россіи и по исторіи. Послѣ чтеній съ серьезнымъ содержаніемъ обыкновенно слѣдовало чтеніе какого-либо беллетристическаго произведенія; при этомъ приходилось выборъ чтеній ограничивать тѣми разсказами, къ которымъ имѣлись свѣтовыя картины. Въ началѣ устройства чтеній малолѣтніе не выдѣлялись, а затѣмъ практика натолкнула на необходимость устройства для малолѣтнихъ отдѣльныхъ чтеній, соотвѣтствующихъ ихъ развитію и пониманію. За первые три года статистическихъ свѣдѣній относительно школьно-праздничныхъ чтеній нѣтъ; свѣдѣнія имѣются съ 1896—1897 учебнаго года, когда такихъ чтеній за годъ было 6, посѣтило ихъ въ среднемъ 106 учащихся на каждое чтеніе; въ 1897—1898 учебномъ году чтеній было 8, учащихся въ среднемъ на каждое чтеніе 136; въ 1898—1899 учебномъ году чтеній 6, учащихся въ среднемъ на каждое чтеніе 84; въ 1899—1900 учебн. году чтеній 7, учащихся 113; въ 1900—1901 уч. году чтеній 10, учащихся 66; въ 1901—1902 уч. году чтеній 12, учащихся 85, и, наконецъ, въ десятый годъ существованія школы количество чтеній увеличивается до 40, въ среднемъ же на каждое чтеніе приходилось по 39 учащихся. Въ 1902—1903 учебномъ году преподаватели, желая подготовить учащихся къ празднованію юбилея Н. В. Гоголя, устроили рядъ чтеній его произведеній съ объясненіями; такъ, были прочитаны слѣдующія произведенія: „Сорочинская ярмарка“, „Ночь пе-

*) Всѣ статьи и матеріалы по вопросамъ воскресныхъ школъ редакція покорнѣйше проситъ направлять въ Харьковъ на имя Христины Даниловны Алчевской или Маріи Николаевны Салтыковой.

Ред.

редъ Рождествомъ", „Тарасъ Бульба", „Майская ночь или Утопленница" и „О томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ".

Такое увеличеніе количества чтеній объясняется тѣмъ, что чтенія стали вестись не только по праздничнымъ днямъ, но и по воскресеніямъ послѣ занятій и по субботамъ съ 6-ти часовъ вечера. При этомъ чтенія въ праздники, кромѣ воскресеній, продолжали носить случайный характеръ. Эти чтенія посѣщались какъ учениками, такъ и ученицами школы. Воскресно-вечернія чтенія, а также чтенія по субботамъ велись по опредѣленной программѣ и посѣщались, главнымъ образомъ, учениками школы, такъ какъ ученицамъ поздно вечеромъ небезопасно возвращаться домой на окраины города, вслѣдствіе особеннаго развитія хулиганства въ нашемъ городѣ.

Однимъ изъ преподавателей школы были ведены бесѣды съ 6 октября 1902 года о воздухѣ, о водѣ и вообще о нѣкоторыхъ физическихъ и химическихъ явленіяхъ. Эти чтенія охотно посѣщались учащимися, такъ какъ они всегда сопровождались интересными опытами. Всего такихъ чтеній было десять. Кромѣ того былъ сдѣланъ опытъ чтеній по русской литературѣ; къ сожалѣнію, несмотря на интересность и популярность изложенія преподавателя мѣстной учительской семинаріи И. Т. Ротаря, чтенія эти не пошли; вѣроятно, главная причина была въ томъ, что онѣ велись по субботамъ, когда рабочіе люди такъ же, какъ и въ обыкновенные дни, заняты до поздняго вечера работой.

Еще былъ сдѣланъ опытъ историческихъ чтеній, которыя начались въ концѣ десятаго года существованія школы и продолжались въ слѣдующемъ учебномъ году и были доведены до Петра Великаго. Чтенія-бесѣды по исторіи велись по программѣ, помѣщенной въ сборникѣ „Общее дѣло" Костроминой и на чтеніяхъ раздавались слѣдующія книги и брошюры историческаго содержанія: „Разсказы про старое время на Руси"—Петрушевскаго, „Разсказы изъ русской исторіи"—Водовозова, Павловича, „Родная Старина"—Сиповскаго, историческіе разсказы—Князькова и брошюры подъ редакціей Тимковскаго. Цѣль этой раздачи состояла въ томъ, чтобы дополнить и уяснить происходившую бесѣду. Бесѣды по исторіи въ воскресной школѣ, гдѣ уровень развитія учащихся очень невысокъ,—самыя трудныя для преподавателя. Что долженъ и можетъ дать преподаватель своимъ слушателямъ? Сообщать-ли учащимся эпизодическій курсъ исторіи или постараться связать воедино эпизодическій курсъ съ понятіемъ о закономѣрности историческихъ событій; или, можетъ быть, слѣдуетъ обратить вниманіе на одну какую-нибудь сторону жизни, напр., на положеніе крестьянства или на развитіе идеи государственнаго развитія? Повторяю, дѣло преподаванія исторіи малоразвитымъ учащимся воскресной школы—дѣло очень трудное; въ каждомъ данномъ случаѣ надо умѣть приспособиться къ слушателямъ и тщательно избѣгать сообщать имъ однѣ только историческія сказки и небылицы. Лучше всего выбрать учащихся, серьезно интересующихся или могущихъ заинтересоваться исторіей и вести съ ними историческія занятія отдѣльно отъ остальной массы малоразвитыхъ учащихся. При чтеніяхъ-бесѣдахъ по исторіи не слѣдуетъ пренебрегать историческими картинами, такъ какъ наглядность можетъ оказать огромную помощь для усвоенія предмета. Пособіями для преподавателя служили: „Лекціи по русской исторіи" Ключевскаго, „Лекціи по исторіи" Платонова, „Русская исторія" Трачевскаго и „Русская исторія" Соловьева.

Какіе же выводы можно сдѣлать изъ небольшого опыта веденія чтеній

по вечерамъ въ субботу и въ воскресеніе? Систематическія чтенія-бесѣды по программѣ не должны прекращаться; у лицъ, ведущихъ ихъ, не должна падать энергія отъ плохой ихъ посѣщаемости учащимися, такъ какъ они должны помнить, что главная причина плохой посѣщаемости—отсутствіе свободнаго времени у учащихся.

Въ десятилѣтнемъ отчетѣ приходится отмѣтить еще одинъ фактъ, вліяющій на неустойчивость серьезныхъ чтеній по систематической программѣ въ нашей воскресной школѣ. Это—отсутствіе желающихъ вести таковыя. Какъ это ни странно, а фактъ на-лицо. Чтенія по исторіи велись, напр., два учебныхъ года, а въ слѣдующемъ году за болѣзнью преподавателя почти прекратились, и не находится желающихъ продолжать ихъ; между тѣмъ аудиторія для историческихъ чтеній была создана съ большимъ трудомъ. Необходимо дѣятельно отыскивать подходящихъ работниковъ для воскресной школы; если по какимъ-либо причинамъ школа забываетъ объ этой одной изъ важныхъ своихъ обязанностей, то работники въ рѣдкихъ случаяхъ являются сами. Невольно вспоминаются слова поэта:

Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ
Глубока, глубока...
А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать,
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять;
Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возьметъ;
А слова... на словахъ—
Соколиный полетъ...

Кромѣ чтеній въ нашей школѣ ежегодно устраиваются школьные праздники. Такихъ праздниковъ ежегодно бываетъ четыре: въ годовщину открытія школы 21 ноября, на Рождество, на масленицу и 19-го февраля въ память освобожденія крестьянъ; въ 10-й годъ существованія школы праздниковъ было шесть. Смотря по времени, къ которому пріуроченъ праздникъ, онъ носитъ и соотвѣтствующій характеръ. Такъ, въ годовщину открытія школы устраивается литературно-музыкальное утро, по обычаю посвящаемое памяти какого-либо родного поэта или писателя. Праздникъ въ годовщину школы посвящался памяти Некрасова, Кольцова, Никитина, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Плещеева. Обыкновенно кто-либо изъ преподавателей школы читалъ краткій отчетъ о школѣ, въ популярныхъ выраженіяхъ произносилась рѣчь или о значеніи грамотности, образованія, или о значеніи писателя, поэта, о значеніи воскресныхъ школъ, объ ихъ исторіи, о значеніи хорошей книги. Кромѣ того, преподавателемъ, а иногда кѣмъ либо изъ учащихся читалась популярно-составленная біографія чествуемаго писателя. Учащіеся декламировали стихотворенія. Затѣмъ слѣдовало музыкально-вокальное отдѣленіе, въ которомъ всегда съ большой охотой принимали участіе лучшія мѣстныя музыкальныя силы. На Рождество обыкновенно устраивалась елка для малолѣтнихъ и подростковъ и вечеръ съ литературно-музыкальнымъ отдѣленіемъ и танцами для взрослыхъ. Первый такой народный балъ устроенъ въ девятый годъ существованія школы (27 декабря 1902 года), и насколько онъ былъ удаченъ, показываетъ слѣдующее описаніе, помѣщенное въ книгѣ для записыванія праздниковъ и школьно-праздничныхъ чтеній.

„Второй праздникъ былъ устроенъ 27 декабря съ 6-ти часовъ вечера. Наши гости—ученики и ученицы—входили наверхъ въ ярко освѣщенный залъ, въ которомъ по стѣнамъ были разставлены стулья, а въ углу стояло піанино. Въ корридорѣ въ рядъ стояли столы, накрытые бѣлыми скатертями, освѣщенные лампами и свѣчами. Около каждаго стакана лежала біографія Некрасова, составленная Тихомировымъ, мѣшокъ со сластями и мягкая булка; на тарелкахъ лежалъ сахаръ и лимоны. Самовары кипѣли, и молодыя хозяйки готовы были принять своихъ необычныхъ гостей. Праздникъ открылся пѣніемъ трехъ пѣсенъ ученическимъ хоромъ и литературно-вокальнымъ отдѣленіемъ, въ которомъ участвовали мѣстные любители. Никакой строгой оффиціальной программы не было; все носило простой семейный характеръ: танцы чередовались пѣніемъ, музыкой и декламированіемъ стихотвореній самими учащимися. Сначала учащіеся стѣснялись танцовать и говорили: „пусть учителя начнутъ", а потомъ стали непринужденно веселиться. Когда принесенъ былъ горячій хлѣбъ, то къ чаю были приглашены ученицы. Чай уже былъ разлитъ, и учительницы радушно угощали своихъ гостей. Затѣмъ были приглашены ученики; многіе изъ нихъ стѣснялись подходить, но учителя и учительницы всѣхъ приглашали и угощали; каждая даже самая молоденькая учительница чувствовала себя хозяйкой и сердечно и радушно относилась къ гостямъ. За девять лѣтъ это первый такой радушный, такой сердечный праздникъ, когда, кажется, люди на нѣсколько часовъ забыли о тѣхъ общественныхъ перегородкахъ, которыя ихъ раздѣляютъ, когда люди сдѣлались на самомъ дѣлѣ „братьями". Вотъ почему, вѣроятно, когда одинъ изъ учениковъ продекламировалъ стихотвореніе Плещеева „Всѣ люди братья", то всѣ пришли въ какой-то особенный восторгъ, вѣроятно потому, что каждое слово этого стихотворенія сказаннаго съ глубокимъ чувствомъ, нашло откликъ въ сердцахъ какъ учащихъ, такъ и учащихся. Сколько намъ, учащимъ, пришлось выслушать трогательныхъ благодарностей, сколько было горячихъ пожатій рукъ! Одинъ взрослый ученикъ-каменьщикъ просилъ передать благодарность всѣмъ учителямъ и учительницамъ и прибавилъ: „Я не нахожу словъ выразить свою благодарность". Многія изъ ученицъ, прощаясь, говорили, что онѣ въ первый разъ на такомъ вечерѣ. Настроеніе у всѣхъ было трогательное, душевное. Это былъ рѣдкій праздникъ, на которомъ чувствовалось какое-то необыкновенное нравственное удовлетвореніе, способное вознаградить за тѣ невзгоды, которыя иногда неизбѣжно приходится переносить, работая въ воскресной школѣ. Учащіеся были отпущены въ $11^1/_2$ часовъ; всѣхъ ихъ было 160 человѣкъ. Учащіе же не расходились до двухъ часовъ ночи, соединенные удачей праздника, и вели оживленную бесѣду, танцовали, пѣли. Надо замѣтить, что при этомъ отсутствовала такъ называемая „выпивка и закуска", столь необходимая русскимъ людямъ для „единенія и веселья". Еще подобный праздникъ былъ устроенъ для всѣхъ учащихся въ день празднованія десятилѣтія школы. Подобные праздники, носящіе характеръ дружескаго общенія между преподавателями и учащимися, имѣютъ большое значеніе для школы: учащіе и учащіеся сближаются, и обѣ стороны чувствуютъ себя какъ-бы членами одной и той же семьи.

Иногда учащими устраивались на Рождество дѣтскіе спектакли, но на это тратилось слишкомъ много времени. Эти спектакли доставляли много удовольствія дѣтямъ и подросткамъ, а иногда съ удовольствіемъ смотрѣлись и взрослыми; они также сближали учащихъ и учащихся, но нравственнаго и образовательнаго значенія не имѣли, такъ какъ ставились дѣтскія пьесы, и не оправдывали затраты на нихъ массы времени, а потому мысль объ устройствѣ

ихъ совершенно оставлена. Кромѣ того, преподаватели иногда на Рождество и Пасху собственными силами устраивали для учащихся спектакли; ставились пьесы Островскаго, комедіи Гоголя; но со времени организаціи въ нашемъ городѣ общедоступныхъ спектаклей въ залѣ Дмитріевскаго училища—въ устройствѣ такихъ спектаклей самими преподавателями нѣтъ необходимости, тѣмъ болѣе, что они обыкновенно отвлекали преподавателей отъ ихъ прямыхъ обязанностей. Точно также устройство литературно-музыкальныхъ вечеровъ для народа въ Александро-Невскомъ братствѣ, которые посѣщаются въ громадномъ большинствѣ учащимися нашей школы, освобождаетъ школу отъ обязанности устраивать свои собственные литературно-музыкальные вечера для учащихся.

Весной обыкновенно послѣ Пасхи учащіеся взамѣнъ чтеній группами со своими преподавателями посѣщаютъ городской музей наглядныхъ пособій, гдѣ объясненія любезно давались преподавателемъ реальнаго училища Вл. Ф. Миловидовымъ, статистическій музей, картинную галлерею. Учащіеся также знакомились посредствомъ телескопа съ нѣкоторыми небесными свѣтилами; наблюденія въ телескопъ сопровождались объясненіями. Кромѣ того, за отчетный періодъ были устроены двѣ загородныя прогулки въ лѣсъ съ чаепитіемъ, кашей и т. п. Заканчивая свой отчетъ о школьно-праздничныхъ чтеніяхъ-бесѣдахъ, экскурсіяхъ, прогулкахъ, литературно-музыкальныхъ праздникахъ, невольно ставлю вопросъ: на правильной-ли дорогѣ и въ этомъ отношеніи стоитъ наша школа, и чему можетъ научить насъ прожитое время? Единственный отвѣтъ возможенъ вотъ какой: да, въ этомъ отношеніи школа въ своихъ начинаніяхъ стоитъ на правильной дорогѣ, но только всѣ эти начинанія надо еще больше углубить, осмыслить, а, главное, надо, чтобы эти вспомогательныя образовательныя начинанія не были только случайными начинаніями, вошли бы прочно въ жизнь школы; для этого же необходимы интеллигентные работники въ большемъ количествѣ, чѣмъ они обыкновенно имѣются въ школѣ. А гдѣ ихъ взять?

Библіотека и учебныя пособія.

Одно изъ самыхъ важныхъ средствъ внѣшкольнаго образованія—это хорошая, развивающая, дающая знанія книга. Можно сказать, что это положеніе особенно приложимо къ воскресной школѣ, въ которой внѣклассное чтеніе учащихся имѣетъ главное значеніе и оказываетъ незамѣнимую услугу учащимъ. Важность этого на протяженіи десятилѣтняго существованія школы сознавалась всегда участниками нашей воскресной школы; поэтому совѣтъ школы съ особенной любовью и заботой относился къ дѣлу пополненія своей библіотеки.

Основаніемъ, положившимъ начало библіотеки, послужила передача библіотеки закрывшейся женской воскресной школы, открытой въ 1889 году инспекторомъ народныхъ училищъ, г. Родіоновымъ. Такимъ образомъ, мы получили небольшую библіотеку въ количествѣ 174 названій. Пожертвованіями другихъ лицъ библіотека стала понемногу пополняться, и уже въ концѣ перваго года существованія школы въ ней насчитывалось 300 названій книгъ различнаго содержанія.

Затѣмъ ростъ библіотеки выражается въ слѣдующихъ цыфрахъ: во 2-й годъ существованія школы—817 томовъ, въ 3-й годъ—899 т., въ 4-й годъ—1030 т., въ 5-й годъ—1142 т., въ 6-й годъ—1469 т., въ 7-й годъ—1556 т., въ 8-й годъ—1731 т., за 9-й годъ свѣдѣній не представлено

вслѣдствіе частой перемѣны библіотекарей и, наконецъ, въ 10-й годъ—1496 т. Уменьшеніе числа томовъ въ 10-й годъ существованія школы объясняется массовымъ невозвращеніемъ книгъ учащимися. Вопросъ о причинахъ огромнаго количества пропавшихъ книгъ не разъ служилъ предметомъ оживленныхъ споровъ на совѣтѣ школы, и большинство учащихъ пришло къ такому выводу: невозвращеніе книгъ учащимися всецѣло зависитъ отъ самихъ учащихъ, заботами которыхъ процентъ пропавшихъ книгъ возможно довести до минимума.

Библіотека школы раздѣляется на VIII отдѣловъ:

I—Религіозно-нравственный	86 тт.
II—Педагогическій	84 „
III—Беллетристика	745 „
IV—„Особый“ (беллетристика)	151 „
V—Естествознаніе	79 „
VI—Исторія и біографія	108 „
VII—Географія и этнографія	149 „
VIII—Медицина и справочный	94 „

Каждая вновь пріобрѣтенная книга непремѣнно рецензируется библіотечной коммиссіей и соотвѣтственно рецензіи помѣщается въ рекомендательныя тетради. Такимъ образомъ, всѣ книги библіотеки распредѣлены по возрастамъ и подготовкѣ учащихся и занесены въ шесть рекомендательныхъ тетрадей: I-я—для грамотныхъ взрослыхъ, II-я—для грамотныхъ подростковъ, III-я—для грамотныхъ малолѣтнихъ, IV-я—для малограмотныхъ взрослыхъ, V-я—для малограмотныхъ подростковъ и VI-я для малограмотныхъ малолѣтнихъ.

Такимъ образомъ, трудъ учительницы облегченъ до возможной степени; при такомъ порядкѣ большихъ ошибокъ при выдачѣ книгъ учащимся не можетъ произойти. Изъ всѣхъ отдѣловъ болѣе другихъ обращаетъ на себя вниманіе IV отд., подъ названіемъ „Особый“. Этотъ отдѣлъ основанъ для группового внѣкласснаго чтенія. Каждое названіе книги имѣется въ 10-ти экземплярахъ и выдается въ группу цѣлой серіей. Въ концѣ всѣхъ почти книгъ имѣются вопросы къ книгамъ, которые облегчаютъ трудъ учительницъ при провѣркѣ чтенія; при бесѣдѣ о прочитанномъ даютъ возможность учащимся написать о прочитанной книгѣ, а при малограмотности продумать содержаніе книги.

Особый отдѣлъ основанъ въ 1902 году; говоря откровенно, онъ не находитъ до сихъ поръ особенно широкаго примѣненія во всѣхъ группахъ, но все-таки учащіе пробовали вести групповое чтеніе, и въ большинствѣ случаевъ такое чтеніе очень нравилось ученикамъ и давало хорошіе результаты. Вопросы къ книгамъ составлены такъ, что имѣютъ въ виду самаго малограмотнаго и малоразвитаго читателя; хотя вопросы очень подробны, но они ведутъ мысль и чувство читателя къ усвоенію идеи разсказа.

Мнѣ лично приходилось убѣждаться, съ какой охотой ученики пишутъ отвѣты на вопросы къ книгамъ, и не разъ слышать отъ нихъ заявленія, что только этимъ путемъ можно научиться выражать письменно свои мысли. Нѣкоторые изъ учениковъ очень трогательно и интересно заканчивали свои работы. Напримѣръ, работа о разсказѣ Л. Н. Толстого „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“ закончена такъ: „Очень понятно заглавіе этой книжки — гдѣ любовь, значитъ, тамъ и Богъ. Написалъ эту книжку Левъ Николаевичъ Толстой.

Я не только слышалъ, а и читалъ книжекъ нѣсколько его сочиненія". Или о разсказѣ Франко „Къ свѣту": „Можно понять, что мальчикъ погибъ за стремленіе къ обыкновенному дневному свѣту, но также за стремленіе къ свѣту науки, знанія, образованія, который просвѣщаетъ темнаго человѣка. Разсказъ этотъ грустный, печальный и очень понравился онъ мнѣ". О разсказѣ Вересаева „Страшная смерть невиннаго человѣка": „Эту толпу, убившую доктора, нельзя наказывать, а надо открывать какъ можно больше школъ для того, чтобы совсѣмъ не было неграмотныхъ, темныхъ людей". О книгѣ „Другъ несчастныхъ докторъ Гаазъ": „Такіе люди, какъ Гаазъ, оказываютъ очень хорошее вліяніе на общество. О докторѣ Гаазѣ я думаю, что это былъ человѣкъ, какихъ трудно найти въ наше время; онъ любилъ правду, любилъ своего ближняго, ненавидѣлъ неправду, былъ твердый въ своемъ рѣшеніи, онъ жертвовалъ собой для своего ближняго, но никогда не думалъ о себѣ".

О томъ, къ какимъ положительнымъ результатамъ приводитъ чтеніе книгъ изъ „Особаго Отдѣла", можно видѣть изъ отчета учительницы взрослой малограмотной женской группы. Вотъ, что, пишетъ учительница въ своемъ отчетѣ: „Первое время меня поражало то, что даже хорошо читающія ученицы не только не прочитывали взятую книгу, а иногда даже не брали никакой. Оказывается, что онѣ смотрѣли на такое чтеніе, какъ на дѣло второстепенное, какъ на лишнюю, пожалуй, роскошь. Когда же я стала давать имъ цѣлыя серіи книгъ и на слѣдующее воскресенье бесѣдовать съ ними по поводу прочитаннаго, интересъ къ чтенію сразу оживился и уже не ослабѣвалъ. Этому способствовали также малый объемъ и хорошее содержаніе выдаваемыхъ книгъ, благодаря чему всѣ ученицы помнили прочитанное, сознательно отвѣчали на вопросы и оживленно толковали между собою о прочитанномъ. Вопросы, приложенные къ разсказамъ, имѣли также большой успѣхъ, особенно, если въ нихъ спрашивалось что-либо изъ личныхъ свѣдѣній и наблюденій ученицъ. Обмѣнъ мыслей среди ученицъ вызывалъ въ нихъ въ концѣ концовъ потребность подѣлиться прочитаннымъ и полученнымъ впечатлѣніемъ со всѣми своими подругами. Изъ книгъ, прочитанныхъ всей группой, больше всего понравились: Вересаевъ—„Страшная смерть невиннаго человѣка", Станюковичъ—„Смерть на кораблѣ" и Мантегацца—„Жидъ". Такимъ образомъ, „Особому Отдѣлу" должно принадлежать будущее, на него должны обратить вниманіе тѣ изъ работающихъ въ воскресныхъ школахъ, которые хотятъ развить въ читателяхъ сознательное отношеніе къ книгѣ.

Въ послѣднее время у насъ въ школѣ наблюдается такое явленіе: многіе изъ учащихъ удѣляютъ часть времени отъ обычныхъ занятій для чтенія какого-нибудь разсказа вслухъ своей группѣ. Выборъ такихъ разсказовъ до послѣдняго времени носилъ совершенно случайный характеръ. И вотъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ пойти навстрѣчу этой потребности и устроить систематическій подборъ книгъ по идеямъ, напримѣръ, „Служеніе ближнимъ, родинѣ", „Исполненіе долга" и т. п., спеціально для чтенія въ классѣ. Подобранныя такимъ образомъ книги должны освѣтить на вопросы, что читать и о чемъ бесѣдовать въ группахъ грамотныхъ взрослыхъ подростковъ и малолѣтнихъ и малограмотныхъ группахъ различнаго возраста. Такова ближайшая работа по библіотекѣ, которая должна быть выполнена въ ближайшемъ будущемъ участниками школы.

Учебныхъ пособій въ школѣ очень немного, и съ тѣхъ поръ, какъ городомъ основанъ городской музей наглядныхъ пособій, нѣтъ необходимости

обзаводиться пособіями, тѣмъ болѣе, что школа не имѣетъ для этого средствъ, а при желаніи и нѣкоторой внимательности къ интересамъ своихъ учениковъ, каждый преподаватель можетъ всегда заранѣе запастись необходимыми пособіями изъ городского музея. Изъ необходимыхъ пособій, которыя должны быть всегда подъ рукой, имѣются: географическія карты, картины Животовскаго, глобусъ, минералогическая коллекція. Кромѣ того, школа имѣетъ волшебный фонарь, стереоскопъ съ картинами по географіи и коллекцію по шелководству.

Уроки кройки и рукодѣлія.

Почти съ самаго основанія школы при ней существуютъ уроки кройки и шитья для грамотныхъ учениць, которые не возбраняется посѣщать и неучащимся въ воскресной школѣ, хотя предпочтеніе дѣлается ученицамъ школы. За учебный годъ бываетъ около 30 уроковъ; уроки кройки начинаются съ $9^1/_2$ и продолжаются до $10^1/_2$ час. Занимаются иногда одна, иногда двѣ учительницы; бывали годы, когда уроки кройки происходили не только до занятій, но и послѣ. Если позволяло время и преподавательскій персоналъ, то преподавалась не только кройка, но и различныя рукодѣлія, а также ученицы учились дѣлать искусственные цвѣты.

Ученицы не разъ трогательно выражали благодарность за эти уроки, говоря, что, научившись шить, кроить, дѣлать цвѣты, онѣ имѣютъ возможность заработать себѣ кусокъ хлѣба. Какихъ успѣховъ можно при желаніи достичь въ этомъ отношеніи, показала выставка работъ учениць во время праздника десятилѣтія школы.

Продажа учебниковъ и другихъ учебныхъ пособій.

Съ начала существованія школы каждая учительница получала отъ завѣдующаго хозяйствомъ школы учебники и учебныя пособія и раздавала своимъ ученикамъ, имущимъ за плату, а неимущимъ безплатно. Благодаря такому способу веденія школьнаго хозяйства получилась невозможная путаница и непроизводительная и безпорядочная трата школьныхъ средствъ. Для того, чтобы упорядочить это дѣло, при школѣ заведена съ 1897 г. продажа книгъ и другихъ учебныхъ пособій по номинальной цѣнѣ. Учащіеся охотно стали покупать тетради, ручки, перья и недорогіе учебники, что значительно сократило непроизводительные расходы школы и дало возможность освободившуюся сумму тратить на устройство литературно-музыкальныхъ утръ, на пополненіе библіотеки и вообще на другія болѣе полезныя школьныя учрежденія. Само собой разумѣется, что бѣднѣйшіе учащіеся пользуются по постановленію совѣта безплатно учебниками и прочими учебными принадлежностями.

Стоимость содержанія школы.

Въ началѣ своего существованія воскресная школа содержалась исключительно на средства Благотворительнаго Общества, которое въ настоящее время ассигновываетъ на школу по 300 рублей въ годъ. Въ 1898 году школа получила пособіе отъ духовнаго вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго она находится, 75 руб. и въ 1902 году 100 руб. Въ 1903 году Екатеринодарская городская дума пришла на помощь воскресной школѣ ассигнованіемъ 200 руб., а затѣмъ это пособіе было увеличено до 300 руб.

Стоимость содержанія каждаго учащагося по годамъ выражается въ слѣдующихъ цыфрахъ: 1-й годъ существованія школы 1 р. 9 к.; за 2-й и 3-й

годъ свѣдѣній нѣтъ; 4-й годъ—49 к.; 5 й годъ—54 к.; 6-й—61 к.; 7-й—49 к.; 8-й—86 к.; 9-й—90 к. и 10-й—1 р. 7 к. Слѣдуетъ замѣтить, что значительную стоимость содержанія одного учащагося въ первый годъ существованія школы слѣдуетъ отнести исключительно на неопытное веденіе школьнаго хозяйства, а въ десятый годъ—на увеличеніе стоимости библіотеки, освѣщенія, содержанія вечернихъ занятій, расходовъ на празднованіе десятилѣтія школы, устройство выставки 21-го ноября 1903 года.

Такимъ образомъ, воскресная школа имѣетъ 600 рублей на свое содержаніе, которыхъ далеко недостаточно, такъ какъ смѣта расходовъ на текущій годъ, составленная на основаніи расходовъ за прошлые годы, представляется въ слѣдующемъ видѣ: распорядителю мужской школы съ вечерними занятіями жалованье за 9 мѣсяцевъ 135 р.; сторожамъ Александровскаго училища, гдѣ помѣщается воскресная школа, 135 р.; библіотекарю за 9 мѣсяцевъ 90 р.; учительницѣ кройки 70 р.; освѣщеніе 36 р.; учебники, статистическія карточки, различныя книги для статистики, дневники и т. п. 100 р.; пополненіе библіотеки 100 р.; переплетъ книгъ 50 р.; типографскіе и канцелярскіе расходы 30 р.; устройство праздниковъ и чтеній 50 р. и мелкіе расходы 4 р.; итого 800 р.

Общіе выводы.

Заканчивая обозрѣніе всѣхъ сторонъ жизни нашей воскресной школы, слѣдуетъ поставить себѣ вопросъ, удовлетворяетъ ли школа своему назначенію? Запросы учащихся очень разнообразны и сильно разнятся въ мужской и женской школѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ ученицы предъявляли какія-либо опредѣленныя серьезныя требованія къ преподаванію. Ихъ желанія въ большинствѣ случаевъ очень элементарны и не идутъ дальше „географіи"; вообще онѣ только смутно желаютъ услышать въ школѣ что-нибудь „интересное". Наблюдая жизнь нашей воскресной школы въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, неизбѣжно было придти къ слѣдующему заключенію: въ женской школѣ, за рѣдкими исключеніями, мало кто изъ учащихъ обращалъ вниманіе на воспитательную сторону преподаванія, или, вѣрнѣе, мало кто воспитательную сторону ставилъ во главу угла всего обученія. Между тѣмъ, врядъ ли необходимо распространяться, какое огромное значеніе имѣетъ нравственное воспитаніе будущихъ матерей, которыя такъ или иначе сами должны будутъ сдѣлаться воспитательницами своихъ дѣтей. Ученицъ обучали грамотѣ, имъ давали кое-какія знанія, но рѣдко кто изъ преподавателей затрогивалъ, обсуждалъ и разрѣшалъ съ ними вопросы личной нравственности, вопросы семьи, брака, воспитанія дѣтей и т. п. Иначе говоря, главный недостатокъ въ постановкѣ преподаванія въ женской школѣ—это отсутствіе строго продуманной, систематически проведенной въ жизни школы, воспитывающей программы обученія, въ которой вопросы, могущіе развить нравственно будущихъ матерей и воспитательницъ, занимали бы одно изъ первыхъ мѣстъ. Необходимо воспользоваться стремленіемъ ученицъ къ „интересному" и внести въ преподаваніе, насколько возможно, элементъ нравственнаго и общественнаго воспитанія.

Все вышеизложенное относится къ группамъ подростковъ и взрослыхъ; что же касается малолѣтнихъ ученицъ, то само собою разумѣется, что программа нравственнаго и общественнаго воспитанія должна быть нѣсколько иная; но во всякомъ случаѣ и въ малолѣтнихъ группахъ обученіе, развивающее умственно и нравственно, должно занимать одно изъ первыхъ мѣстъ.

Что касается мужской школы, то здѣсь дѣло обстоитъ нѣсколько иначе.

Запросы учениковъ къ школѣ замѣтно измѣнились. Раньше ихъ желанія почти всегда ограничивались „рихметкой и грамматикой"; въ настоящее время запросы ихъ серьезнѣе и разнообразнѣе. Они попрежнему интересуются практическими знаніями, но рядомъ съ этимъ желаютъ изучать серьезно и систематически физику, исторію, литературу, черченіе, интересуются политической экономіей, физіологіей, біологіей и, главное, что особенно важно, ихъ не удовлетворяютъ тѣ обрывки знаній, которые они получаютъ въ школѣ: имъ необходимо хорошо поставленное, систематическое преподаваніе.

Для того, чтобы удовлетворить этому страстному и серьезному стремленію къ знанію, надо вести преподаваніе въ грамотныхъ группахъ совершенно на другихъ началахъ: необходимо организовать образовательные классы для рабочихъ по образцу классовъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Кромѣ того, такъ какъ продолжительный опытъ нашей воскресной школы показалъ, что вечернія занятія не могутъ вестись безплатнымъ трудомъ преподавателей, то для правильно-организованныхъ вечернихъ классовъ, съ опредѣленными программами, съ опредѣленной продолжительностью курса, необходимо приглашеніе платныхъ преподавателей.

Для того, чтобы провести въ жизнь всѣ намѣченныя выше положенія, необходимо, чтобы среди участниковъ воскресной школы была хорошо сорганизованная, сплоченная группа преподавателей, которые сознавали бы всю серьезность и важность хорошо поставленной и разумно направленной воскресной школы, которые бы съ беззавѣтной и фанатической преданностью систематически проводили въ жизнь школы разумные принципы преподаванія. которые давали бы учащимся дѣйствительное, а не призрачное умственное развитіе и нравственно-общественное воспитаніе. Вотъ задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ необходимо задуматься и приложить всѣ усилія для проведенія ихъ въ жизнь школы въ наступившемъ новомъ десятилѣтіи.

Но во всякомъ случаѣ, несмотря на иной разъ нѣсколько суровую критику прожитаго періода, критику, которая есть лучшій залогъ болѣе свѣтлаго будущаго, во всякомъ случаѣ и наша школа есть живой источникъ, по временамъ только замирающій, источникъ хотя нѣкотораго свѣта для ищущихъ его. Кромѣ того, наша школа, какъ и всякая другая воскресная школа, воспитываетъ не только тѣхъ, кто приходитъ въ нее учиться, но и тѣхъ, что учитъ другихъ. Участіе въ воскресной школѣ гарантируетъ отъ пониженія умственнаго и нравственнаго развитія. Вѣдь всегда надо приходить въ школу подготовленнымъ къ преподаванію, вѣдь надо умѣть не только будить мысль и нравственное чувство учащихся, но надо быть всегда готовымъ дать отвѣтъ на запросы уже проснувшейся мысли, а, можетъ быть, и совѣсти.

———

Заслуги школы не разъ отмѣчались мѣстнымъ обществомъ, такъ: городская дума въ засѣданіи 20 марта 1904 года постановила выразить всѣмъ участникамъ школы благодарность за просвѣтительную и полезную дѣятельность для жителей города Екатеринодара. Школа имѣетъ также дипломъ второй степени, присужденный ей на Всероссійской промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году. Кромѣ того, Екатеринодарскимъ отдѣленіемъ епархіальнаго училищнаго совѣта, въ вѣдѣніи котораго состоитъ школа, также выражена была благодарность всѣмъ учащимъ 21-го марта 1896 года.

Сочувствіе общества къ школѣ выразилось въ пожертвованіи около тысячи рублей для постройки собственнаго зданія.

Позволяемъ себѣ закончить отчетъ пожеланіемъ, чтобы въ будущемъ мѣстныя интеллигентныя силы, дѣйствительно желающія послужить своему родному народу, несли свои знанія и трудъ въ воскресныя школы, гдѣ путемъ упорнаго и подчасъ, можетъ быть, мало интереснаго труда, создается тотъ фундаментъ, въ образѣ истинно грамотнаго рабочаго и крестьянина, безъ котораго невозможна никакая культурная жизнь нашей родины.

Р. Хлѣбникова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ОТЧЕТУ.

Программа группового отчета по воскресной школѣ Екатеринодарскаго Благотворительнаго Общества.

Отчетъ по группѣ № за 190 учебный годъ. (Группа, напр., женская неграмотная взрослая).

1) Который годъ учащіеся группы состоятъ въ воскресной школѣ?

2) Съ какими познаніями образовалась группа:

а) по чтенію: количество пройденныхъ звуковъ, степень бѣглости, плавности, выразительности, сознательности чтенія; умѣніе пересказать прочитанное; объемъ познаній по міровѣдѣнію, географіи, исторіи и литературѣ;

б) по письму: письмо элементовъ, буквъ, умѣніе писать подъ диктовку, какія усвоены грамматическія правила, умѣніе писать самостоятельныя работы;

в) по ариѳметикѣ.

3) Что и какъ проходилось въ теченіе отчетнаго учебнаго года:

а) по чтенію: по какимъ учебникамъ велось обученіе грамотѣ и объяснительное чтеніе? Какія статьи были прочитаны? Были-ли домашнія работы по чтенію, какъ заучиваніе стихотвореній, упражненіе въ чтеніи и т. п.? Хоровое или одиночное чтеніе велось въ группѣ? Былъ-ли логическій разборъ прочитываемыхъ статей и затѣмъ упражненіе въ пересказѣ ихъ? Какія употреблялись пособія для нагляднаго обученія? Были-ли бесѣды по поводу прочитаннаго и о чемъ именно? Была-ли какая-нибудь система въ выборѣ статей и предмета чтенія и какая именно?

б) по письму: употребляемые въ группѣ учебники; велось-ли письмо параллельно чтенію? пройденные элементы, буквы; какъ проходилось письмо; списываніе съ книгъ, диктовка, самостоятельныя письменныя работы? Пройденныя правила правописанія и какъ они проходились? Въ чемъ состояли самостоятельныя письменныя работы? Писались-ли переложенія статей и какихъ именно, а также какія писались самостоятельныя работы?

в) по ариѳметикѣ: когда (въ неграмотныхъ группахъ) начались занятія по ариѳметикѣ? Какіе употреблялись учебники и наглядныя пособія? Въ чемъ состояли занятія по ариѳметикѣ, были-ли домашнія работы и что пройдено?

4) Результаты и успѣшность занятій къ концу учебнаго года:

а) по чтенію: выучились-ли читать и насколько именно? Научились-ли самостоятельно пересказывать прочитанное? Какія познанія пріобрѣтены въ области міровѣдѣнія, географіи, исторіи, литературы и т. п.? Замѣтно-ли вліяніе пріобрѣтенныхъ познаній на общій умственный и нравственный кругозоръ?

б) по письму: выучились-ли писать: списывать съ книги, подъ диктовку или самостоятельно? Какія и насколько твердо усвоены правила правописанія? Насколько лучше стали писать самостоятельныя работы и переложенія и вообще излагать мысли на бумагѣ?

в) по ариѳметикѣ: что изъ пройденнаго въ теченіе года усвоено учащимися?

5) Причины успѣшности или неуспѣшности занятій (возрастъ учащихся, разнообразная степень подготовки, неаккуратность посѣщенія занятій учащими или учащимися, перемѣна учащаго въ группѣ, невозможность выполненія домашнихъ работъ и другія причины).

6) Пользованіе книгами изъ библіотеки: съ какого времени стали выдаваться книги для чтенія, число учащихся, бравшихъ книги, общее число взятыхъ книгъ, максимальное, минимальное и среднее на каждаго учащагося; выборъ книгъ и предпочтеніе, оказываемое учащимися тому или другому роду книгъ; отношеніе внѣкласснаго чтенія книгъ къ классному объяснительному чтенію; провѣрка прочитаннаго.

7) Замѣтны-ли между преподавателями и учащимися болѣе сердечныя и дружескія отношенія, чѣмъ формальныя отношенія учителя къ ученику, отношенія, которыя могли выразиться въ обращеніи учащихся съ просьбой, за совѣтомъ, въ откровенной бесѣдѣ о случившейся бѣдѣ и т. п.

8) Заключеніе и общія замѣчанія (по желанію преподающаго).

Примѣчаніе: Если группа посѣщала вечернія занятія, то необходимо упомянуть объ этомъ и объ отношеніи вечернихъ къ воскреснымъ занятіямъ, а также объ общемъ количествѣ учебныхъ дней въ группѣ.

Замѣтка.

О книгѣ: „Задачи и планы для упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей“ Глазуновой и Разиной, читанная на педагогическомъ собраніи учащихъ въ воскресной школѣ Екатеринодарскаго Благотворительнаго общества *).

Мнѣ кажется, что книгу петербургскихъ учительницъ Глазуновой и Разиной „Задачи и планы для упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей“ можно разсматривать съ слѣдующихъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, насколько цѣлесообразенъ общій методическій планъ, посредствомъ котораго составительницы думаютъ довести учащихся до самостоятельнаго составленія сочиненій на ту или иную тему; во-вторыхъ, насколько предлагаемый матеріалъ по своему содержанію удобенъ и пригоденъ для занятій въ группахъ взрослыхъ и подростковъ различныхъ подготовокъ и, наконецъ, въ-третьихъ, насколько вопросы къ статьямъ и планы статей соотвѣтствуютъ содержанію статей и выясненію главной мысли.

Обученіе искусству излагать свои мысли составительницы рекомендуютъ начинать съ изложенія простыми предложеніями, причемъ вопросы къ статьямъ составляются самимъ учителемъ. Съ этимъ вполнѣ можно согласиться, такъ какъ начинать излагать простыми предложеніями ученику гораздо легче и это болѣе привычная форма его выраженій, что особенно замѣтно при пересказѣ статей; но именно потому, что это—привычная форма изложенія, нѣтъ необхо-

*) Выпускъ I. Ц. 15., выпускъ II 20 коп., Методическія указанія Глазуновой и Разиной. Ц. 40 коп.

димости долго останавливаться на ней, а гораздо лучше, остановившись самое короткое время на изложеніи простыми предложеніями, перейти къ изложенію простыми предложеніями, соединенными союзами (см. задачи и планы курсъ I-й стр. 15 и стр. 18). Это будетъ, такъ сказать, первая ступень начала связной рѣчи, къ выработкѣ которой у своихъ учащихся мы и должны стремиться.

Когда учащіеся усвоятъ способъ изложенія простыми предложеніями и предложеніями, связанными союзами (при этомъ не мѣшаетъ учителю выяснять ученикамъ различіе того и другого способа и степень полезности ихъ), слѣдуетъ перейти къ самостоятельному составленію вопросовъ къ статьямъ, причемъ отдѣлы, въ которыхъ предлагается матеріалъ для составленія вопросовъ въ первомъ курсѣ на стр. 13 и 17 слѣдуетъ соединить вмѣстѣ; при этомъ условіи выборъ матеріала будетъ болѣе разнообразенъ; болѣе значительная остановка на этомъ отдѣлѣ необходима въ виду того, что на умѣнье составлять вопросы къ статьямъ потребуется довольно значительное время.

Отдѣлы:—изложеніе по простымъ предложеніямъ на стр. 13 и на стр. 21, практическое изученіе которыхъ должно представляться въ такомъ видѣ: учитель читаетъ, напримѣръ, разсказъ „Щегленокъ", излагаетъ этотъ разсказъ простыми предложеніями на доскѣ и предлагаетъ ученикамъ изложить его въ тетрадяхъ болѣе пространно, слѣдуетъ исключить по слѣдующимъ основаніямъ: нѣтъ никакого смысла въ подобной работѣ — это будетъ просто плохой пересказъ статьи, и ученики, получая зрительныя впечатлѣнія короткихъ, отрывистыхъ предложеній, рискуютъ прочно усвоить привычку къ изложенію короткими предложеніями, что совершенно нежелательно въ какой бы то ни было школѣ.

Послѣ отдѣла „Составленіе вопросовъ" вполнѣ цѣлесообразенъ переходъ къ изложенію простыми предложеніями, между которыми иногда встрѣчаются сложныя предложенія. Послѣ этого отдѣла составительницы опять помѣстили отд. „Составленіе вопросовъ", что, какъ мнѣ кажется, сдѣлано съ цѣлью повторенія, а, слѣдовательно, и укрѣпленія умѣнья учениковъ справляться съ подобной работой.

Далѣе слѣдуютъ отдѣлы: „Статьи для выписыванія вносныхъ предложеній", „Статьи для обращенія въ разговорную форму", „Статьи въ разговорной формѣ для обращенія въ простую", и этимъ заканчивается знакомство учащихся съ различными *формами* письменной рѣчи, каковую цѣль и ставили себѣ составительницы въ первомъ курсѣ учебника „Задачи и планы".

Овладѣвши различными формами письменной рѣчи, ученики начинаютъ проходить отдѣлъ „Изложеніе по плану", причемъ планъ составляется учителемъ.

Мнѣ кажется, что, слѣдуя намѣченному составительницами методическому плану съ вышеизложенными поправками, учитель очень искусно и умѣло подготовитъ учащихся къ составленію статей по плану, предложенному учителемъ. Мнѣ представляется такая система упражненій по своей цѣлесообразности очень искусно построеннымъ миніатюрнымъ многоэтажнымъ зданіемъ, гдѣ посредствомъ удобной во всѣхъ отношеніяхъ лѣстницы такъ легко переходить изъ одного этажа въ другой, пока, наконецъ, доберешься до верхняго этажа, откуда уже открываются болѣе широкія перспективы.

Такія перспективы открываются *на второмъ курсѣ* „Задачъ и плановъ". Всѣ работы второго курса дѣлятся на 4 группы, и, мнѣ кажется, вполнѣ умѣстно разсмотрѣть эти четыре группъ работъ каждую отдѣльно.

Работы второго курса посвящаются *логическимъ* упражненiямъ, которыя сводятся къ умѣнью охватить и разсмотрѣть содержанiе статей, составить планъ воспринятаго. Подобныя логическiя упражненiя должны привести учащихся къ самостоятельному изложенiю собственныхъ мыслей и впечатлѣнiй.

Методическiй планъ работъ 1-й группы заставитъ учениковъ логически мыслить, научитъ ихъ обозначать ходъ главной мысли и зависимость ея отъ второстепенныхъ, выдѣлять главныя мысли и части статьи отъ второстепенныхъ. Для этого предлагаются три рода упражненiй:

1) изложенiе по данному плану и составленiе плана самостоятельно,

2) изложенiе по главнымъ и второстепеннымъ частямъ и самостоятельное дѣленiе на части и

3) сокращенiе и распространенiе статей (см. метод. указ. стр. 4).

Упражненiя второй группы.

1) Передача разсказа отъ имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ,

2) изложенiе по измѣненному плану,

3) извлеченiе изъ статей и

4) соединенiе двухъ или нѣсколькихъ разсказовъ въ одно цѣлое. Упражненiя этой группы прiучатъ ученика смотрѣть на планъ статей не какъ на обзоръ пройденнаго ими, а какъ на мѣрку, при помощи которой они могутъ такъ или иначе располагать свои мысли.

Съ этой цѣлью изложенiе статей, служащихъ матерiаломъ для упражненiй 2-й группы, ведется по новому плану, отличному отъ того, по которому написана статья. Этотъ новый планъ на этой ступени письменныхъ изложенiй составляется учениками при помощи учителя (см. метод. указ. стр. 6).

Въ третьей группѣ работъ, въ которую входятъ три рода упражненiй:

1) составленiе подобныхъ разсказовъ,

2) описанiя и

3) сравненiе статей (см. метод. указ., стр. 11); отъ ученика требуется уже значительная доля самостоятельной работы, что и служитъ хорошей подготовкой къ самостоятельному изложенiю на тему, при этомъ учениками долженъ быть составленъ планъ для изложенiя, а тема дается учителемъ (см. метод. указ., стр. 14).

Вообще, относительно предлагаемаго плана работъ во второмъ курсѣ можно сказать, что онъ безъ всякихъ измѣненiй можетъ быть принятъ, такъ какъ постепенностью упражненiй онъ вполнѣ можетъ привести учащихся къ умѣнью логически и самостоятельно излагать свои мысли, чувства, впечатлѣнiя,—словомъ, все воспринимаемое ими изъ внѣшняго мiра.

Таковы заключенiя, которыя можно сдѣлать относительно общаго плана письменныхъ упражненiй, предлагаемыхъ въ учебникахъ Глазуновой и Разиной.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнiю того матерiала, который дается въ „Задачахъ и планахъ“, съ точки зрѣнiя пригодности его для пользованiя имъ въ группахъ взрослыхъ и подростковъ въ воскресной школѣ. Считаю необходимымъ сдѣлать оговорку, что врядъ ли есть необходимость разсматривать тотъ же матерiалъ съ точки зрѣнiя удобства прохожденiя его въ малолѣтнихъ группахъ.

Такъ какъ составительницы имѣли въ виду малолѣтнихъ учениковъ начальной школы, то, конечно, выборъ матерiала, особенно для взрослыхъ, довольно затруднителенъ, но все-таки не совершенно невозможенъ.

Изъ отдѣла „Изложеніе простыми предложеніями“ могутъ подойти статьи: „Обезьяна и горохъ“, „Изъ огня да въ полымя“, „Хлѣбъ и Правда свѣтлѣе солнца, яснѣе мѣсяца“.

Изъ отдѣловъ „Изложеніе простыми предложеніями, соединенными союзами“ (стр. 15 и 18)—слѣдующія статьи: „Утро и вечеръ“, „Лѣтомъ и зимой въ лѣсу“, „Неурожайное лѣто“ и „Вороны и ястребъ“.

Изъ отдѣла „Составленіе вопросовъ“ (стр. 13 и 17) подходятъ статьи: „Пожаръ отъ лучины“, „Садъ“, „Бѣшеная собака“, „Утро и Солнце“.

Изъ отдѣла „Изложеніе простыми предложеніями, между которыми иногда встрѣчаются сложныя“, можно выпустить разсказъ „При солнышкѣ тепло, при матери добро.

Въ отдѣлѣ „Статьи для выписыванія вносныхъ предложеній“ (стр. 23) весь предлагаемый матеріалъ пригоденъ для группъ взрослыхъ и подростковъ.

Въ отдѣлѣ „Статьи для обращенія въ разговорную форму“ тоже всѣ статьи пригодны.

Изъ отдѣла „Статьи въ разговорной формѣ для обращенія въ простую“ не подходятъ: „Два пѣтушка“, „Вмѣстѣ тѣсно, а врозь скучно!“

Послѣдній отдѣлъ „Изложеніе по плану“ (выпускъ I, стр. 33) очень хорошо составленъ; всѣ статьи подходятъ для занятій въ воскресной школѣ и могутъ служить матеріаломъ для разработки.

Такимъ образомъ, заканчивая свой бѣглый обзоръ предлагаемаго матеріала для изложеній въ „Задачахъ и планахъ“ (вып. I), можно сказать, что этимъ матеріаломъ съ успѣхомъ можно пользоваться для занятій въ группахъ взрослыхъ и подростковъ различной подготовки въ воскресной школѣ, не говоря уже о малолѣтнихъ.

Совершенно справедливо, что опытный преподаватель можетъ пользоваться только общимъ планомъ для систематическихъ письменныхъ упражненій, матеріалъ же для нихъ можетъ брать изъ принятой книги для чтенія; но надо имѣть въ виду, что обыкновенно въ воскресныя школы поступаютъ люди малоопытные, но движимые желаніемъ поработать для просвѣщенія ближняго и желающіе принести въ школѣ наивозможную пользу; для такихъ преподавателей разбираемая книга Глазуновой и Разиной можетъ служить незамѣнимымъ руководствомъ.

Если разсматривать съ точки зрѣнія подобранныхъ для разработки статей въ группахъ взрослыхъ и подростковъ въ воскресной школѣ 2-й выпускъ „Задачъ и плановъ“, то можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: статьи въ этомъ выпускѣ несомнѣнно еще болѣе подходятъ для этой цѣли; въ этомъ каждый можетъ убѣдиться, кто хотя бѣгло перелистаетъ эту книгу; но и здѣсь есть статьи, неподходящія для взрослыхъ, и все же подходящія для подростковъ.

Разработку статей: „Письмо къ дѣдушкѣ“, „Разборчивая цапля“, „Ласточки“, „Сурка“, „Раскаяніе“, „Жизнь человѣка“, „Праведный судья“, „Гдѣ ночевалъ“, „Всякой вещи свое мѣсто“, „Какъ пишетъ котенокъ“, „Неисправный Костя“, „Дѣтская“ — можно совершенно выпустить по разнымъ причинамъ или вслѣдствіе того, что онѣ предназначаются для малолѣтнихъ, или вслѣдствіе ихъ полной безсодержательности, или даже полнѣйшей неумѣстности. Для примѣра приведу статью на страницѣ 44-й: „Гдѣ ночевалъ“. Какой смыслъ этой статьи? Какъ и въ какомъ направленіи ее слѣдуетъ распространить?

Оканчивая разсмотрѣніе статей 2-го выпуска, считаю нужнымъ оговориться: вполнѣ вѣроятно, что мною перечислены не всѣ неподходящія статьи, да и врядъ ли это уже такъ необходимо, такъ какъ каждый преподаватель въ воскресной школѣ, курсъ которой въ большинствѣ случаевъ продолжается всего 30 учебныхъ дней, серьезно относящійся къ дѣлу, всегда готовится къ урокамъ, а слѣдовательно съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ выбору статей для изложеній.

Мнѣ предстоитъ самая трудная задача: разсмотрѣніе разбираемой книги съ точки зрѣнія разработки статей въ методическомъ отношеніи. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что провѣрку плана статей и провѣрку логическихъ выводовъ цѣлесообразнѣе всего дѣлать на практикѣ, когда всѣ ошибки могутъ быть съ очевидностью выяснены, но все же и безъ практическихъ занятій можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Мнѣ кажется, что въ отдѣлѣ „Изложеніе простыми предложеніями" вопросы составлены такъ, что ученикъ, отвѣчая на нихъ, излагаетъ статью несамостоятельно, а просто какъ бы по памяти, вродѣ того, какъ-бы онъ ее выучилъ наизусть. Не лучше-ли ставить такъ вопросы, чтобы дать возможность ученику самостоятельно подумать и самостоятельно выразить свою мысль? Для примѣра обращу вниманіе на вопросы къ разсказу „Драка" (см. вып. I стр. 10). Не лучше-ли было бы вмѣсто подробныхъ вопросовъ, при отвѣтѣ на которые совершенно нѣтъ мѣста работѣ мысли, а есть только воспроизведеніе статьи по памяти, поставить такой обобщающій вопросъ: какъ собака и кошка дрались, и отчего онѣ разбѣжались? Въ разсказѣ „Галка и голуби" тоже умѣстенъ обобщающій вопросъ: отчего-же галка отъ своихъ отстала и къ чужимъ не пристала? а также вопросъ: чему насъ учитъ эта басня? Вообще, при разработкѣ всякой статьи слѣдуетъ ставить такъ вопросы, чтобы заставлять работать мысль ученика. Вопросы слѣдуетъ по возможности сокращать, такъ какъ путемъ подробныхъ вопросовъ ученикъ просто воспроизводитъ статью по памяти. Сказанное имѣетъ большое значеніе для воскресной школы: у насъ мало времени, и мы должны цѣнить его на вѣсъ золота.

Тѣ же самыя замѣчанія можно сдѣлать и относительно отд. „Составленіе вопросовъ", гдѣ детальные вопросы тоже слѣдовало бы замѣнить обобщающими вопросами. Для примѣра возьму разсказъ „Пожаръ отъ лучины" (стр. 13); стоитъ только прочесть вопросы, которые приведены какъ образецъ, и безъ особеннаго труда можно замѣтить, что авторы при составленіи вопросовъ имѣли цѣлью воспроизведеніе цѣликомъ всей статьи, а врядъ-ли въ этомъ есть необходимость, и не лучше ли просто вмѣсто пяти вопросовъ поставить два: почему произошелъ пожаръ въ избѣ, и какъ его потушили? При такой постановкѣ вопросовъ мысль ученика хотя немного поработаетъ, и пересказъ можетъ получиться совершенно отличный отъ подлинника.

Еще, при теоретическомъ, такъ сказать, разсмотрѣніи методическихъ указаній относительно второго выпуска „Задачъ и плановъ", можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: въ разработкѣ статей второго выпуска не указывается главной мысли статьи, что имѣло-бы значеніе для совершенно неопытныхъ учащихъ; нѣтъ указаній, какъ связывать части статьи, чтобы рельефнѣе выступала идея разсказа. Чтобы уяснить свою мысль, я предложу такой вопросъ: насколько путемъ предложеннаго плана къ разсказу „Архіерей и разбойникъ" (стр. 17. Метод. указ.) усвоится главная мысль его—силою любви

и путемъ прощенія пробуждается совѣсть и въ самомъ погибшемъ человѣкѣ? Къ этому плану такъ и хочется добавить обобщающій вопросъ: отъ какихъ причинъ пробудилась совѣсть у разбойника? Во всякомъ случаѣ почти вся главная работа по разработкѣ статей сдѣлана составительницами, и преподавателю, руководясь ею, придется только немного добавлять или сокращать предлагаемые ими планы статей; кромѣ того, всякій изъ насъ знаетъ, что рѣдко кто изъ учащихъ слѣпо слѣдуетъ методическимъ указаніямъ: они могутъ мѣняться въ подробностяхъ сообразно развитію учащихся и другимъ условіямъ урока.

Мнѣ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. При составленіи вопросовъ къ разсказамъ составительницы совершенно не даютъ такихъ вопросовъ, которые могли бы будить нравственное чувство и совѣсть ученика. Поясню примѣромъ. Къ вопросамъ къ разсказу „Милостыня" (выпускъ I· стр. 10) я бы прибавила слѣдующіе вопросы: хорошо-ли сдѣлалъ Вася? Поступили-ли бы вы такъ же? Къ разсказу „Обезьяна и горохъ"—обдуманно-ли поступила обезьяна? Кому она повредила? Значитъ, каждое дѣло надо исполнять спокойно? Къ разсказу „Когда сытъ, помни голодъ"—хорошо-ли поступила Маша? Жалѣете-ли вы птичекъ? Къ разказу „Храбрый дроздъ"—значитъ, и птички любятъ своихъ дѣтенышей? Такъ будете-ли вы ихъ обижать? Къ разсказу „Правда свѣтлѣе солнца" добавила-бы вопросы: какъ слѣдуетъ понимать этотъ разсказъ? Что хотѣлъ имъ сказать писатель? Подобные вопросы заставили-бы задуматься ученика сначала надъ несложными явленіями жизни и пріучили бы его каждый разсказъ или поступокъ оцѣнивать съ точки зрѣнія правды, справедливости и совѣсти.

Но всѣ вышеизложенныя дополненія и измѣненія легко можетъ сдѣлать каждый преподаватель, и отсутствіе ихъ не создаютъ препятствій для принятія книги Глазуновой и Разиной, какъ пособія для обученія письменному изложенію мыслей учащихся воскресной школы.

Мнѣ остается закончить свое сообщеніе двумя вопросами:

1) Какъ пользоваться книгой „Задачи и планы"? Если средства школы позволяютъ, то слѣдуетъ выписать по нѣсколько книгъ на группу для учениковъ; въ противномъ же случаѣ возможно обойтись однимъ руководствомъ для преподавателя и однимъ пособіемъ для учениковъ; въ послѣднемъ случаѣ преподаватель долженъ прочитывать самъ статьи и широко пользоваться классной доской, записывая вопросы къ статьямъ, планы и т. д. и т. д.

2) Какая должна быть подготовительная работа, прежде чѣмъ начать учить учениковъ письменному изложенію мыслей? Ученики должны быть знакомы съ главнѣйшими правилами правописанія, а такъ какъ эти правила могутъ быть пройдены во время прохожденія букваря, то письменное изложеніе мыслей должно начаться сейчасъ же послѣ окончанія букваря. Затѣмъ грамматическія свѣдѣнія, которыя проходятся въ первый и второй годъ обученія въ воскресной школѣ въ объемѣ книги Тихомирова „Правописаніе до грамматики" можно проходить параллельно съ письменными изложеніями мыслей, подбирая матеріалъ изъ книги „Задачи и планы" такъ, чтобы грамматическія правила иллюстрировались письменными упражненіями въ изложеніи мыслей.

Р. Хлѣбникова.

Хроника профессіональнаго образованія.

Высшія техническія школы. — Вопросъ о расширеніи средняго и низшаго техническаго образованія.—Новыя техническія школы. — Ремесленное образованіе. — Условіе, тормозящее участіе евреевъ въ содержаніи профессіональныхъ школъ.—Профессіональное образованіе для женщинъ.

Перерывъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ особенно усложняетъ возобновленіе ихъ въ техническихъ школахъ въ виду требованія отъ студентовъ выполненія значительнаго числа практическихъ работъ, которыя не могутъ быть выполнены внѣ стѣнъ самихъ заведеній. Какъ сообщаетъ „Слово", совѣтами высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній выработанъ для представленія въ комитетъ министровъ, по одобреніи подлежащими инстанціями, проектъ возобновленія академическихъ занятій осенью текущаго года. Проектъ заключается въ слѣдующемъ: 1) оставить пріемъ на первый курсъ въ прежнемъ количествѣ и на прежнихъ основаніяхъ; 2) предоставить студентамъ, состоящимъ уже на первомъ курсѣ, право сдачи работъ до 1-го октября и затѣмъ, давъ полуторамѣсячный срокъ на подготовку, произвести для желающихъ экзаменаціонныя испытанія изъ главныхъ предметовъ; успѣшно выдержавшіе таковые переводятся на II курсъ; 3) студентамъ II, III и IV курсовъ увеличить срокъ сдачи работъ до 15-го ноября и предоставить право, по выдержаніи испытаній только изъ предметовъ, непосредственно относящихся къ проектамъ и работамъ слѣдующаго курса, приступить къ работѣ, всѣ же остальные экзамены разрѣшить сдавать въ теченіе года въ три срока: зимній, весенній и осенній; 4) студентамъ V курса продлить срокъ для представленія проектовъ до декабря, когда и произвести выпускъ. Начавъ такимъ образомъ занятія и введя ихъ въ нормальное теченіе, проектъ предполагаетъ въ дальнѣйшемъ, оставивъ пріемъ на первый курсъ на нынѣ существующихъ основаніяхъ, ввести предметную систему и слѣдующій порядокъ прохожденія курсовъ. Первый курсъ долженъ быть пройденъ обязательно въ теченіе одного года; экзамены въ три срока: зимній, весенній и осенній и только по главнымъ предметамъ. На полное же прохожденіе двухъ первыхъ курсовъ предоставляется четыре года. На прохожденіе 1, 2, 3 и 4 курсовъ на тѣхъ же основаніяхъ 7 лѣтъ, и наконецъ, на прохожденіе всѣхъ пяти курсовъ 8 лѣтъ. Новое положеніе предполагается ввести съ января 1906 года.

По постановленію совѣта горнаго института, утвержденному министромъ финансовъ, занятія въ институтѣ начнутся въ началѣ сентября текущаго года лишь для студентовъ перваго курса, имѣющихъ поступить нынѣ, и пятаго курса, причемъ послѣднимъ предоставляется держать выпускные экзамены въ декабрѣ сего года. Занятія для остальныхъ студентовъ начнутся 10-го января 1906 г. При этомъ, истекшій 1904 учебный годъ въ число предѣльныхъ лѣтъ пребыванія въ институтѣ засчитанъ не будетъ.

Затѣмъ, пріемъ въ технологическій институтъ Императора Николая I-го будетъ производиться во второй половинѣ августа. На 1 курсѣ института имѣется вакансій: 170 на механ. и 50 на хим. отд. На старшіе курсы, за отсутствіемъ вакансій, пріема не будетъ. Лицъ іудейскаго исповѣданія можетъ быть принято не свыше 3% общаго числа имѣющихъ поступить въ институтъ.

Екатеринославскимъ губ. земствомъ, какъ сообщаетъ „Южн. Кр.“, получено увѣдомленіе о томъ, что возбужденное земскимъ собраніемъ сессіи 1903 года ходатайство объ открытіи при Екатеринославскомъ высшемъ горномъ училищѣ сельскохозяйственнаго отдѣленія отклонено, несмотря на сочувствіе къ ходатайству министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Причиной отклоненія ходатайства послужило стѣснительное положеніе государственнаго казначейства по случаю войны съ Японіей.

„Правит. Вѣстн.“ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о разрабатываемомъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія планѣ болѣе широкой и цѣлесообразной постановки средняго и низшаго техническаго образованія.

Для этой цѣли, по Высочайшему повелѣнію, была учреждена при Министерствѣ въ 1902 г. коммиссія подъ предсѣдательствомъ управляющаго отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ инженеръ-технолога профессора Н. И. Тавилдарова. Въ составъ коммиссіи входили, съ одной стороны, лица, знакомыя съ постановкой профессіональнаго образованія, съ другой—представители различныхъ видовъ промышленности въ лицѣ техниковъ, инженеровъ и т. п.; въ томъ числѣ были представители различныхъ вѣдомствъ. Помимо обширныхъ личныхъ наблюденій и опыта своихъ членовъ, коммиссія располагала большимъ матеріаломъ по возбужденнымъ вопросамъ, въ видѣ отвѣтовъ попечителей учебныхъ округовъ на циркулярные запросы изъ Министерства. Коммиссіей установлено, что наша промышленность имѣетъ большую нужду въ среднихъ техникахъ, какъ ближайшихъ помощникахъ инженеровъ и самостоятельныхъ дѣятеляхъ въ несложныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Въ частности, коммиссія указала на необходимость устройства среднихъ техническихъ училищъ по строительной спеціальности. Такихъ училищъ, не считая школъ десятниковъ, выпускающихъ только мастеровъ, т. е. исполнителей чужихъ предначертаній, въ настоящее время не имѣется; между тѣмъ, спросъ на лицъ, способныхъ производить строительныя работы, весьма великъ, особенно въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большихъ центровъ, гдѣ дипломированные инженеры изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній не могутъ получать достаточнаго вознагражденія и гдѣ большинство построекъ относятся къ типу несложныхъ, нуждающихся именно въ среднихъ техникахъ, а не инженерахъ. Указана необходимость и въ увеличеніи числа сельскохозяйственно-техническихъ училищъ. При этомъ коммиссія установила, что, въ то время какъ сельскохозяйственныя училища, открытыя бывшимъ Министерствомъ Земледѣлія, назначены только для сообщенія познаній по воздѣлыванію и утилизаціи земельныхъ угодій, подобныя училища Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ дополненіе къ этому, должны сообщать свѣдѣнія о дальнѣйшей переработкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства и, наконецъ, должны давать подготовку и по сельскому хозяйству, необходимую для правильной оцѣнки и установки связанныхъ съ нимъ производствъ.

Что касается строя техническихъ училищъ, то коммиссія высказалась за измѣненіе условій пріема въ нихъ и сліяніе двухъ типовъ ихъ — средняго и низшаго—въ одинъ средній. Въ настоящее время для поступленія въ среднее техническое училище требуется окончаніе пяти классовъ реальнаго училища, что сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами. Курсъ этихъ классовъ не представляется законченнымъ. Кромѣ того, лучшіе ученики реальныхъ училищъ естественно предпочитаютъ, проучившись два лишнихъ года или даже, при существованіи высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній съ трехгодичнымъ

курсомъ (московское инженерное училище, коммерческое отдѣленіе рижскаго политехникума) одинъ только лишній годъ,—получить дипломъ высшаго учебнаго заведенія, а не средняго. Поэтому въ среднія техническія училища, въ силу необходимости, поступаетъ наиболѣе слабый элементъ, для котораго продолженіе курса реальнаго училища или гимназіи непосильно. Наконецъ, абитуріенты реальныхъ училищъ и классическихъ гимназій, по своему происхожденію, принадлежатъ къ болѣе обезпеченнымъ классамъ населенія, пренебрегающимъ сравнительно скромной участью средняго техника. Вслѣдствіе этого, контингентъ учащихся въ среднихъ техническихъ училищахъ страдаетъ малочисленностью, такъ что для достиженія необходимаго комплекта приходится прибѣгать къ открытію приготовительныхъ классовъ, куда принимаются ученики низшихъ типовъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, коммиссія пришла къ заключенію о необходимости сближенія среднихъ техническихъ училищъ съ городскими училищами, какъ подготовительными къ нимъ. Курсъ этихъ училищъ законченный и нуждается развѣ только въ небольшихъ пополненіяхъ, чтобы быть признаннымъ совершенно достаточнымъ для указанной цѣли. Самое же главное преимущество городскихъ училищъ заключается въ томъ, что они даютъ весьма прилежныхъ, работоспособныхъ и любознательныхъ учениковъ и могутъ открыть доступъ къ среднему техническому образованію простому народу.

Эта реформа естественно приводитъ къ другой — уничтоженію раздѣленія техническихъ училищъ на среднія и низшія, такъ какъ въ послѣднія поступаютъ, главнымъ образомъ, также оканчивающіе городскія училища, такъ какъ программа ихъ немногимъ отличается отъ программы среднихъ техническихъ училищъ. Въ пользу послѣдней реформы говоритъ и сама фабрично-заводская жизнь, установившая только четыре типа работниковъ: инженера, техника, мастера и мастерового, безъ подраздѣленія этихъ типовъ на разряды. Въ виду этого, коммиссія и постановила слить среднія и низшія техническія училища, путемъ незначительнаго сокращенія курса первыхъ и повышенія курса послѣднихъ, въ одинъ средвій типъ. Общую градацію промышленныхъ учебныхъ заведеній, сообразно съ цѣлями, ими преслѣдуемыми, и контингентомъ принимаемыхъ ими лицъ, коммиссія признала цѣлесообразнымъ установить въ слѣдующей системѣ: 1) Для подготовки искусныхъ рабочихъ и мастеровыхъ — низшія ремесленныя школы и школы ремесленныхъ учениковъ, съ пріемомъ въ нихъ лицъ, окончившихъ курсъ начальныхъ училищъ. 2) Для подготовки мастеровыхъ—ремесленныя училища, въ ученики которыхъ принимаются окончившіе 2-хклассныя сельскія училища. 3) Для подготовки техниковъ—среднія техническія училища съ контингентомъ учащихся изъ окончившихъ курсъ городскихъ 4-хъ классныхъ училищъ. Всѣ эти типы промышленныхъ учебныхъ заведеній поставлены въ связь съ низшей народной школой. Кромѣ того, въ нихъ могутъ переходить и тѣ воспитанники общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые продолжать образованіе по этому пути почему-либо не могутъ.

Обсуждая планъ дальнѣйшаго насажденія промышленнаго образованія въ Имперіи, коммиссія составила подробную таблицу пунктовъ, въ которыхъ желательно открытіе разныхъ типовъ промышленныхъ учебныхъ заведеній. Такихъ пунктовъ намѣчено: въ с.-петербургскомъ учебномъ округѣ — 35, въ московскомъ—73, въ казанскомъ—43, въ оренбургскомъ—23, въ харьковскомъ—27, въ одесскомъ—38, въ кіевскомъ—10, въ виленскомъ—22, въ варшавскомъ—17, въ рижскомъ — 12, въ кавказскомъ — 22, въ западно-

сибирскомъ—9, въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ—8, въ приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ—7 и въ иркутскомъ генералъ-губернаторствѣ—2. Сообразно потребностямъ промышленности и мѣстнымъ ассигнованіямъ, коммиссія распредѣлила всѣ пункты на три очереди. При этомъ имѣлось въ виду, что въ будущемъ могутъ представиться уважительныя причины, напримѣръ, значительныя частныя пожертвованія, которыя могутъ вызвать отступленія отъ намѣченнаго плана.

На состоявшемся въ августѣ минувшаго года совѣщаніи попечителей учебныхъ округовъ предположенія коммиссіи встрѣтили полное сочувствіе. Министръ Народнаго Просвѣщенія и всѣ члены совѣщанія обратили особенное вниманіе на желательность связи среднихъ техническихъ училищъ съ городскими и на предоставленіе возможно большаго участія мѣстной иниціативѣ какъ въ открытіи промышленныхъ учебныхъ заведеній, такъ и въ опредѣленіи типа ихъ, примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ и средствамъ. Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ настоящее время идутъ работы по осуществленію изложеннаго плана. Намѣченная имъ реформа поставлена въ связь съ реформою городскихъ училищъ, каковая также приходитъ къ концу Новое положеніе объ этихъ училищахъ и вообще о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ уже составлено особою коммиссіею, работающей при Министерствѣ.

В. Б—чъ

С.-Петербургское земство и народное образованіе.

(По поводу послѣдняго чрезвычайнаго собранія спб. губернскаго земства).

16—19 мая текущаго года было созвано чрезвычайное собраніе спб. земства по поводу общихъ реформъ русскаго государственнаго строя, народнаго представительства и пр. Какъ видно изъ подготовительныхъ работъ, уже отчасти отмѣченныхъ въ повременной печати, въ связи съ общими реформами, было отведено мѣсто и вопросу народнаго образованія, какъ одному изъ основныхъ двигателей общественной жизни.

Изъ опубликованныхъ свѣдѣній видно, какіе общіе принципы и идеалы хочетъ проводить спб. земство въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія народнаго образованія. На основаніи личнаго опыта по школьному дѣлу, а также имѣющихся данныхъ—отчетовъ земства и другихъ источниковъ, мы позволимъ здѣсь сказать свое слово; сначала кратко остановимся на томъ, что сдѣлано земствомъ по вопросу народнаго образованія, затѣмъ—что въ общемъ оно предполагаетъ сдѣлать дальше.

Въ теченіе почти сорока лѣтъ своей жизни дѣлало и дѣлаетъ земство, что только возможно было выполнить при наличныхъ обстоятельствахъ, разныхъ вѣяніяхъ и тяжеломъ режимѣ господствующей бюрократіи. По послѣднимъ отчетамъ видно, что число дѣтей школьнаго возраста въ Петербургской губерніи оказывается 68.934 чел. Къ 1904 г., въ земскихъ сельскихъ школахъ обучалось 36.378 чел., въ церковно-приходскихъ школахъ 13.051 и въ школахъ грамоты 4.478 чел., всего 53.907 чел., т. е. школу посѣщаютъ только 75% дѣтей школьнаго возраста. По приблизительному разсчету не хватаетъ еще 300 школъ для всеобщаго обученія; теперь имѣется 1.076 школъ. (Докладъ къ чрезвычайному собранію).

Находя это количество далеко недостаточнымъ, авторъ доклада замѣчаетъ, что „наиболѣе важныя изъ причинъ, препятствующихъ распространенію

школъ, находятся въ области самого народнаго образованія и могутъ быть устранены лишь путемъ общаго переустройства государственнаго механизма". Признавая желательнымъ установленіе единства въ дѣлѣ народнаго образованія, авторъ доклада также справедливо замѣчаетъ: „Искуственныя преграды и политическія тенденціи, насильственно включаемыя въ задачи школы, препятствуютъ качественному ея усовершенствованію... Содержаніе недостающихъ для введенія общедоступности обученія 300 школъ обойдется въ 169.500 рублй; но ассигновать эту сумму земство не можетъ, особенно въ настоящее, время, когда нужно помочь семействамъ убитыхъ, раненыхъ на войнѣ и т. п."

На все дѣло народнаго образованія по Петербургской губерніи истрачено было 574.586 р. „Установленіе мелкой земской единицы, говорится въ докладѣ, приблизитъ осуществленіе всеобщаго обученія и будетъ способствовать разрѣшенію чрезвычайно остраго въ настоящее время вопроса о передачѣ всего дѣла народнаго образованія въ сельскихъ мѣстностяхъ въ руки земства". Кажется, что можетъ быть проще и справедливѣе того, что, если земство ведетъ дѣло народнаго образованія на свои средства, то оно и должно быть хозяиномъ его. Но сорокалѣтняя практика убѣждаетъ въ противномъ: отчеты о засѣданіяхъ земства, напечатаные въ повременныхъ изданіяхъ, указываютъ факты неумѣстнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія то инспекторовъ, то лицъ высшей администраціи и др.

Если для С.-Пб. земства будутъ возстановлены справедливыя его права и обязанности, тогда, естественно, дѣло народнаго образованія въ губерніи будетъ развиваться и совершенствоваться дальше на общее благо.

Въ докладѣ къ бывшему собранію сказано: „При этомъ должно будетъ преобразоваться и завѣдываніе школьнымъ дѣломъ на мѣстахъ и общественый контроль за нимъ, поскольку онъ необходимъ въ хозяйственномъ и педагогическомъ отчошеніяхъ". Развивая свои мысли и планы, авторъ доклада далѣе справедливо говоритъ: „Тогда же должны будутъ реорганизоваться училищные и школьные совѣты. Расширеніе учебныхъ программъ начальной школы, учрежденіе школы высшихъ типовъ, установленіе преемственой связи между курсами средней и низшей школы, опредѣленіе границъ школьнаго возраста—все это окажется удобоисполнимымъ". Не забыто въ докладѣ и внѣшкольное образованіе для населенія С.-Петербургской губерніи: „Внѣшкольное образованіе, говорится въ докладѣ, должно быть свободно, для чего необходимо примѣнить явочный порядокъ къ открытію библіотекъ, аудиторій, музеевъ, общеобразовательныхъ курсовъ, чтеній, бесѣдъ, уничтожить стѣсненіе въ торговлѣ книгами, установить свободу печати и т. п." (ibid).

Говоря о дѣятельности С.-Петербургскаго земства по народному образованію, необходимо также сказать слова два о земской учительской школѣ, или семинаріи, на которую земство отпускаетъ тоже солидную сумму изъ своего бюджета.

Въ теченіе 32 лѣтъ семинарія дала не мало дѣльныхъ и полезныхъ учителей и учительницъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время въ этомъ учрежденіи творится что-то неладное. Чтобы убѣдиться въ этомъ, укажемъ для примѣра и иллюстраціи замѣтки въ газетахъ по поводу внутренней жизни въ семинаріи. (См. „Биржевыя Вѣдомости", 9 апрѣля с. г. „Сынъ Отечества" и др.). Отсылая интересующихся къ упомянутымъ сейчасъ замѣткамъ, мы скажемъ, что въ виду ожидаемыхъ общихъ реформъ С.-Петербургскому земству необходимо обновить умственно и нравственно свою семинарію, на которую оно охотно даетъ хорошія средства. Прежде всего въ семинаріи

нужно расширить учебный курсъ, особенно по главнымъ и основнымъ предметамъ; необходимо ослабить тотъ мертвящій методизмъ въ обученіи, который такъ рельефно проглядываетъ, напр., въ программахъ, напечатанныхъ въ юбилейномъ изданіи семинаріи къ ея 25-лѣтію, и въ другихъ фактахъ, на практикѣ. Такое расширеніе учебныхъ плановъ школы дастъ земству болѣе подготовленныхъ въ умственномъ отношеніи учителей. Одно лицо, которое состояло экспертомъ по педагогическому надзору въ столичныхъ городскихъ училищахъ, разсказывало, напр., что когда окончившая курсъ семинаріи поступила городской учительницей, то съ ней нужно было работать не мало надъ тѣмъ, чтобы она отрѣшилась отъ методизма, съ его вредными крайностями, привитыми въ семинаріи.

Кромѣ умственнаго развитія будущихъ учителей для С.-Петербургскаго земства, нужно также обратить вниманіе на нравственную сторону въ ихъ воспитаніи. Въ данномъ случаѣ разумѣется не то воспитаніе, которое обыкновенно у насъ практикуется въ закрытыхъ заведеніяхъ, а какое возможно для молодыхъ людей, поставленныхъ въ условія довѣрія и уваженія къ личности.

Намъ кажется, что для нравственнаго развитія питомцевъ семинаріи на мѣста надзирателей и надзирательницъ нужно опредѣлять лицъ съ высшимъ образованіемъ, которыя внесутъ въ среду юношей болѣе устойчивые идеалы истины и добра. Хотя нынѣшніе надзиратели, окончившіе ту же семинарію, стоятъ ближе къ положенію будущихъ учителей и учительницъ, но дѣйствительность говоритъ другое: молодые люди съ большимъ уваженіемъ относятся къ тѣмъ руководителямъ, которые получили высшее образованіе и имѣютъ за собой научный авторитетъ.

Не касаясь подробно общихъ положеній, выработанныхъ въ особыхъ коммиссіяхъ и засѣданіяхъ Спб. губернскаго земства и утвержденныхъ въ чрезвычайномъ собраніи въ маѣ текущаго года, по народному образованію, мы позволимъ себѣ замѣтить, что положенія эти имѣютъ нѣсколько теоретическій характеръ. Но въ общемъ, нужно признать, что положенія эти раціональны и прогрессивны по своему содержанію. Въ послѣднемъ чрезвычайномъ собраніи Спб. губернское земство, между прочимъ, прямо и рѣшительно высказалось за принципъ всеобщаго, обязательнаго и безплатнаго обученія.

Что же касается практическаго примѣненія этихъ положеній, то, кромѣ сдѣланныхъ уже нами замѣчаній, нельзя не пожелать, чтобы С.-Петербургское земство не забывало своихъ тружениковъ:—учителей и учительницъ; въ теченіе наступающихъ каникулъ не мѣшало бы, напр., спросить ихъ о положеніи школъ и прочихъ нуждахъ на мѣстѣ; потомъ устроить съѣздъ, на которомъ бы они могли высказаться свободно; этимъ, по нашему разумѣнію, будетъ положено разумное начало примѣненія общихъ положеній на практикѣ.

Бывшій земскій педагогъ.

Безплатныя народныя библіотеки въ Курской губерніи *).

„Народная библіотека!
Славы пѣснь тебѣ пою:
Ты—просвѣщенье человѣка,
Тебѣ хвалу я воздаю.
Ты, которой я всецѣло
Преданъ сердцемъ и душой,
Я скажу всегда всѣмъ смѣло:
Въ тебѣ мой истинный покой
И отъ временныхъ страданій
И отъ всѣхъ житейскихъ бѣдъ.
А сколько добрыхъ я познаній
Пріобрѣлъ за много лѣтъ!
Шесть лѣтъ тебя я посѣщаю
И долго буду посѣщать.
Въ часы досуга размышляю:
Полезно книги всѣмъ читать.
Многіе къ тебѣ приходятъ
Со страдальческой душой,
И навѣрно они находятъ
Для души своей покой.
Народу много посѣщаетъ
И доволенъ всякъ собой,
Что, по улицѣ шагая,
Держитъ книгу подъ рукой.
Кто открылъ тебя, не знаю,
Но могу благодарить
И отъ всей души желаю
Ему счастливо пожить".

Одинъ изъ читателей Суджанской народной библіотеки.

Библіотечное дѣло въ Курской губерніи, благодаря содѣйствію Курскаго земства, поставлено сравнительно съ другими земствами хорошо. О постановкѣ народныхъ библіотекъ и о ихъ положеніи ежегодно справочно-педагогическое бюро Курскаго губернскаго земства собираетъ по подробной программѣ свѣдѣнія.

Къ началу 1904 г. въ Курской губ. было 172 народныхъ библіотеки-читальни, въ томъ числѣ 9 городскихъ (въ 7 уѣздныхъ городахъ и 1 въ губернскомъ; въ остальныхъ 7 уѣздныхъ городахъ народныхъ библіотекъ нѣтъ), 57—общества содѣйствія народному образованію, 14—комитета попечительства о народной трезвости, 4—Павленковскихъ (въ Льговскомъ уѣздѣ), 1—частная, а остальныя 87—земскія.

Если мы будемъ выяснять распредѣленіе библіотекъ-читаленъ по уѣздамъ, то оказывается, что въ Суджанскомъ уѣздѣ имѣется ихъ всего болѣе—28, затѣмъ идетъ Старооскольскій (20), Тимской (18) и т. д. Между тѣмъ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ библіотекъ только—2. Открытіе новыхъ библіотекъ въ 1903—1904 г. сильно тормозилось администраціей; положимъ, такіе тормазы были и въ предъидущіе годы. За послѣдній годъ дѣло открытія остановилось изъ-за недостатка наблюдателей. Наблюдателями обыкновенно назначаются

*) Матеріалами для настоящей статьи послужили изданія „Текущая школьная статистика Курскаго Губерн. Земства". 1902—1903 учебный годъ и 1903—1904 г.

священники; въ послѣднее же время администрація находила, что „священники не могутъ совмѣщать обязанности наблюдателя со своими прямыми обязанностями". Благодаря такимъ стѣсненіямъ и земству, и обществу содѣйствія народному образованію пришлось открыть мало читаленъ. Еще до сихъ поръ не пришло разрѣшеніе на открытіе 4-хъ библіотекъ-читаленъ въ Щигровскомъ уѣздѣ.

Въ концѣ 1904 г. предполагалось открыть въ 3-хъ уѣздахъ еще 10 библіотекъ-читаленъ.

Въ Путивльскомъ уѣздѣ земство за послѣдніе 3 года совсѣмъ не открыло ни одной библіотеки-читальни. Въ этомъ уѣздѣ начали существовать болѣе 3-хъ лѣтъ пришкольныя публичныя библіотеки (15), которыя функціонируютъ точно такъ же, какъ и народныя, но только при нихъ нѣтъ читаленъ.

Общее число библіотекъ-читаленъ на всю губернію слишкомъ незначительно, чтобы удовлетворить самыя скромныя требованія крестьянскаго населенія въ книгѣ. Въ среднемъ, по губерніи на одну библіотеку приходится 14.092 человѣка на площадь населенія въ 238,7 квадрат. верстъ. По уѣздамъ среднее число слишкомъ колеблется, достигая въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ максимума 56.657 человѣкъ на площадь въ 757 кв. верстъ. Въ Суджанскомъ уѣздѣ, гдѣ число библіотекъ больше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, одна библіотека приходится на 4.860 человѣкъ жителей и на площадь въ 84,9 квадрат. версты.

Въ Курской губ. число библіотекъ меньше почти въ 2 раза съ небольшимъ, чѣмъ школъ. Конечно, при этомъ не слѣдуетъ забывать, что школа обслуживаетъ только 5% всего населенія, въ лицѣ учащихся дѣтей, тогда какъ библіотеки должны удовлетворять запросы на книгу взрослаго населенія. Только народная безплатная-библіотека-читальня предоставляетъ возможность крестьянскому населенію пополнять свое образованіе внѣ школы. Эта же библіотека можетъ охранить молодое поколѣніе деревни отъ рецидивизма безграмотности. Крестьяне, живущіе въ глухихъ деревушкахъ, находящіеся въ тяжеломъ экономическомъ положеніи, въ состояніи пополнять свое образованіе, получить новыя свѣдѣнія, *только* черезъ книгу. „А гдѣ достать ее въ глуши, если нѣтъ поблизости библіотеки-читальни"? Книга въ крестьянской семьѣ берется изъ библіотеки или школы всегда для всей семьи. „Въ зимніе вечера картина общаго чтенія въ крестьянской семьѣ представляетъ общее явленіе. Кто-нибудь изъ грамотныхъ читаетъ взятую изъ школы, библіотеки, или у кого либо изъ постороннихъ книгу, и вся семья слушаетъ, не проронивъ слова. А между тѣмъ чтецъ самъ сплошь да рядомъ еле разбираетъ текстъ книги. Вѣсть о хорошей книгѣ сейчасъ же распространяется между читателями. Сразу же спросъ на нее поднимается. Очень часто изъ библіотекъ просятъ любимыя книги, имѣющіяся на рукахъ, какъ собственность, большею частью, конечно, изъ лубочныхъ изданій, и задача вытѣсненія лубочной литературы опять-таки лежитъ на народныхъ библіотекахъ. Итакъ, насущнѣйшая потребность въ книгѣ громадна. Способы удовлетворенія этой потребности оставляютъ желать многаго".

Большинство библіотекъ-читаленъ въ Курской губерніи помѣщается при школахъ (60,8%), при волостныхъ правленіяхъ 13%, въ наемномъ помѣщеніи 11,2%, въ прочихъ помѣщеніяхъ 12,1% и только 4 библіотеки имѣютъ собственное помѣщеніе. Далеко не всѣ помѣщенія для библіотекъ удобные, 29% не приспособлены для библіотекъ и отличаются разными неудобствами, такъ какъ помѣщаются въ передней школы, въ амбулаторіи, въ

волостномъ правленіи, въ сельской расправѣ, церковной сторожкѣ и т. п. Обыкновенно подъ библіотекой разумѣется одинъ, два шкафа съ книгами, помѣщающіеся въ волостномъ правленіи, или въ классной комнатѣ. Только около $^1/_3$ библіотекъ можно считать въ то же время и читальнями-библіотеками, т. е. имѣющими отдѣльную комнату при школѣ или другомъ помѣшеніи.

Въ Новооскольскомъ и Корочанскомъ уѣздахъ всѣ библіотеки имѣютъ читальни. За то въ Старооскольскомъ уѣздѣ — ни одной изъ 13 библіотекъ.

Завѣдуютъ народными библіотеками главнымъ образомъ учителя ($^2/_3$); они же выдаютъ и книги. Точно также въ качествѣ завѣдующихъ имѣются священники (11%) и прочія лица.

Какъ завѣдующіе библіотеками, такъ и выдающіе книги работаютъ въ библіотекахъ безвозмездно. Въ нѣкоторыхъ библіотекахъ библіотекари получаютъ незначительное вознагражденіе (отъ 6—36 рублей) въ годъ. Конечно, это—такое незначительное вознагражденіе, что трудъ библіотекаря и завѣдующихъ нужно признать почти даровымъ. И слѣдуетъ отмѣтить одно характерное обстоятельство для Курской губерніи, что въ желающихъ быть библіотекарями нѣтъ недостатка.

Наблюдателями народныхъ библіотекъ въ Курской губерніи обыкновенно назначаютъ священниковъ. „Это и понятно, такъ какъ согласіе священника быть наблюдателемъ въ библіотекѣ-читальнѣ становится непремѣннымъ условіемъ ея открытія“.

Чаще библіотеки функціонируютъ круглый годъ тамъ, гдѣ завѣдующій не уѣзжаетъ на лѣто. Большею частью книги выдаются изъ библіотеки послѣ уроковъ, т. е. въ промежуткѣ между 4—8-ю часами вечера. Въ праздничные дни выдача происходитъ послѣ обѣдни. Библіотеки бываютъ открыты или ежедневно, или три раза въ недѣлю. „Священники-завѣдующіе въ большинствѣ случаевъ открываютъ библіотеку только по праздникамъ утромъ; но вообще строго опредѣленныхъ часовъ нельзя установить въ деревнѣ и многіе завѣдующіе выдаютъ книги, когда просятъ.“

Забота о библіотекѣ лежитъ почти исключительно на завѣдующемъ. Попечительство развивается во всѣхъ уѣздахъ „туго“: они существуютъ только при 18 библіотекахъ-читальняхъ изъ 107, давшихъ свѣдѣнія. Попечители имѣются при 21 библіотекѣ. Благодаря отсутствію коллегіальныхъ учрежденій для хозяйственнаго завѣдыванія библіотеками, конечно, библіотечное дѣло много проигрываетъ

Число библіотекъ въ уѣздахъ Курской губ. изъ года въ годъ все увеличивается. Въ 1901 году ихъ было 77, въ 1902—95, въ 1903—139, въ началѣ 1904—163, не считая 9 городскихъ библіотекъ.

Познакомимся теперь съ читателями народныхъ безплатныхъ библіотекъ въ Курской губерніи. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о читателяхъ въ Курскую уѣздную земскую управу поступаютъ не отъ всѣхъ библіотекъ. Въ 1904 г. дали свѣдѣнія 97 библіотекъ, а въ 1901—только 57. Въ среднемъ, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, число читателей, приходящееся на 1 библіотеку въ 1901 году равнялось 145, въ 1902—142, въ 1903—127, а въ 1904—137. Колебанія же по уѣздамъ довольно значительныя, наприм., въ 1904 году отъ 87 человѣкъ до 312 на библіотеку.

Если принять среднее число читателей, то во всѣхъ 172 библіотекахъ губерніи можно насчитать, принимая во вниманіе городскія библіотеки, болѣе 40.000 читателей.

Главную массу читателей въ 1904 г. составляютъ по прежнему мужчины.

Изъ общаго же числа читателей женщинъ насчитывается около 10%, хотя за послѣдніе годы число женщинъ постепенно увеличивается и въ 1904 г. онѣ составляли уже 11,4%.

За послѣдніе годы замѣчается увеличеніе числа читателей-мужчинъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ на счетъ читателей младшаго возраста; тоже замѣтно и въ группѣ читателей-женщинъ.

По образованію читатели народныхъ библіотекъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на первомъ мѣстѣ стоятъ учащіеся и учившіеся въ земскихъ школахъ ($^2/_3$ общаго числа), потомъ церковно-приходскихъ, министерскихъ; школъ грамоты и другихъ учебныхъ заведеній. Большинство читателей-мужчинъ по своему занятію принадлежатъ къ группѣ земледѣльцевъ-хлѣбопашцевъ (44%). Большинство женщинъ-читательницъ — учащіяся въ школахъ (28%) и занимающіяся домашнимъ хозяйствомъ (20,5%). Ремесленниковъ-мужчинъ насчитывается 12% и т. д.

Ознакомимся теперь съ тѣмъ, что читаютъ читатели народныхъ библіотекъ, изъ какихъ отдѣловъ они берутъ книги. Въ 97 библіотекахъ было выдано подписчикамъ за годъ 102.000 томовъ; болѣе всего, какъ и въ другихъ безплатныхъ библіотекахъ Россійской Имперіи, спрашиваются книги беллетристическаго содержанія. Изъ отдѣла русской беллетристики взято было 44.000 томовъ, т. е. 40% общаго числа книгъ. За русской беллетристикой идетъ отдѣлъ духовно-нравственныхъ книгъ (13,8%). На эти книги большой спросъ бываетъ постомъ, когда многіе читатели просятъ почитать „что-либо божественное“. Больше просятъ изъ духовнаго отдѣла „Житія святыхъ“. На третьемъ мѣстѣ по спросу стоитъ иностранная беллетристика (8,7%), далѣе идутъ отдѣлы: исторія русская (6%), географія (6%), сказки и былины (5,8%), естествознаніе (5,4%), журналы (4,2%); книги изъ остальныхъ отдѣловъ спрашиваются очень мало, такъ какъ по остальнымъ отдѣламъ, въ особенности по сельскому хозяйству и юридическимъ наукамъ, мало книгъ допущено ученымъ комитетомъ въ народныя библіотеки.

Оказывается, въ деревнѣ наиболѣе читаютъ слѣдующихъ классиковъ и извѣстныхъ писателей: Гоголя (2.015 разъ), Л. Толстого (1.847), Бахметеву (1.670), Житія святыхъ, Тургенева (1.643), Немировича-Данченко (1.636), Пушкина (1.334), Мамина-Сибиряка (1.232), Туръ (852), Данилевскаго (772), Жуковскаго (735), Авенаріуса (713), Чехова (696), Григоровича (674), Фурмана (642), Ожешко (599), Гончарова (536), Диккенса (498), Маркъ-Твэна (445), Е. Водовозова (429), В. Короленко (385), В. Гюго (346), Меча (352) и т. д. Остальные писатели спрашивались менѣе указанной послѣдней цыфры. Скажемъ только относительно Лункевича, что его книжки по естествознанію спрашивались 166 разъ.

Что касается выписки періодическихъ изданій въ безплатныя библіотеки-читальни, то число выписываемыхъ изданій слишкомъ незначительно. 27 библіотекъ выписываетъ всего 77 газетъ. Благодаря существованію министерскаго каталога, въ библіотеки выписываются только слѣдующія газеты: „Свѣтъ“ 24 экз., „Сельскій Вѣстникъ“—тоже, „Дружескія Рѣчи“—5 экз., „Русское Слово“—5 экз., „Русское Чтеніе“—5 экз., „Биржевыя Вѣдомости“—7 экз., „Курскія Губернскія Вѣдомости“—2 экз. и „Родная Рѣчь“—1 экз. Изъ приведеннаго видно, что крестьяне Курской губерніи въ народной библіотекѣ газетъ почти не читаютъ.

Журналовъ въ библіотекѣ выписывается больше 190 экземпляровъ. Большимъ распространеніемъ пользуется „Нива“—27 экз., „Русскій Паломникъ“—

25 экз., „Крестьянское Хозяйство“—19 экз., „Читальня Народной Школы“ — 18 экз., „Пчеловодный Листокъ“—18 экз., „Досугъ и Дѣло“—12 экз. и т. д. Почему-то въ курскія библіотеки мало выписывается дѣтскихъ журналовъ: „Дѣтское Чтеніе“, „Дѣтскій Отдыхъ“, „Малютка“. „Всходы“ получаетъ только 10 библіотекъ, хотя этотъ журналъ можно предлагать не только дѣтямъ старшаго возраста, но и взрослымъ. Министерскій каталогъ, конечно, и здѣсь оказалъ свое задерживающее вліяніе: число разрѣшенныхъ для безплатныхъ библіотекъ-читаленъ журналовъ очень незначительно.

Кромѣ безплатныхъ библіотекъ-читаленъ въ Курской губерніи существуютъ еще такъ называемыя пришкольныя библіотеки, изъ которыхъ населеніе также можетъ брать книги. Въ 1903 г. въ 458 такихъ библіотекахъ, отъ которыхъ получены свѣдѣнія, 16.369 подписчикамъ было выдано 105.482 книги (о библіотекахъ Бѣлгородскаго уѣзда свѣдѣній не имѣется). Слѣдовательно, на одну библіотеку приходится болѣе 200 подписчиковъ, а на одного подписчика въ среднемъ число взятыхъ книгъ равно 6,4 книгъ.

Библіотека очень часто обслуживаетъ не одно селеніе, а нѣсколько; такъ, Ольшанская библіотека Старооскольскаго уѣзда представляетъ книги населенію 16 деревень на разстояніи отъ 2 до 13 верстъ. Изъ Кладовской библіотеки Старооскольскаго уѣзда пользуются книгами жители 13 деревень. Интересный способъ практикуетъ Фатежская городская библіотека: она разсылаетъ „*летучія* библіотечки“, состоящіе изъ 30—50 книгъ по сосѣднимъ деревнямъ. Такія библіотечки сдаются надежнымъ лицамъ, изъявившимъ согласіе завѣдывать ими. Приблизительно черезъ мѣсяцъ прочитанная библіотечка возвращалась въ городскую библіотеку и книги въ ней обмѣнивались на новыя. Новый подборъ книгъ въ свою очередь отправляется въ деревню. Такіе ящики съ летучими библіотеками разсылались по Фатежскому уѣзду въ 9 пунктовъ.

Подписчики безплатныхъ библіотекъ-читаленъ въ Курской губерніи часто задерживаютъ и неисправно возвращаютъ книги. Завѣдующіе библіотеками примѣняли даже и строгія мѣры, чтобы книги исправно возвращались, но не смотря на такія мѣры, сами завѣдующіе высказываются за ихъ безполезность. Строгость скорѣй отобьетъ у подписчика охоту къ чтенію и ни въ коемъ случаѣ не можетъ предотвратить небрежнаго отношенія къ книгѣ, которое объясняется просто некультурностью населенія. „Болѣе дѣйствительнымъ воспитательнымъ средствомъ можетъ служить установленіе между библіотекаремъ и подписчиками добрыхъ, простыхъ отношеній, которыя воспитываютъ въ читателяхъ интересъ и сочувствіе къ библіотекѣ и способствуютъ бережному отношенію къ книгѣ. Мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ библіотекахъ возвращеніе книгъ настолько аккуратно, что не приходится вовсе прибѣгать къ какимъ-нибудь репрессивнымъ мѣрамъ.“

Обыкновенно подписчики-крестьяне посѣщаютъ библіотеку не круглый годъ,—на время полевыхъ лѣтнихъ работъ чтеніе прекращается. Такое явленіе, можно сказать, неизбѣжно; оно зависитъ отъ всего уклада крестьянской жизни. Какъ только полевыя работы кончаются, большинство читателей возвращается въ библіотеки. Есть категорія читателей, которая прекращаетъ чтеніе, уходя изъ деревни на заработки въ другія мѣста. Такимъ образомъ главной причиной оставленія подписчиками библіотеки являются лѣтнія полевыя работы и уходъ на заработки.

Бываютъ случаи, и нерѣдкіе, когда библіотеку покидаютъ наиболѣе цѣнные подписчики, которые, перечитавъ и ознакомившись съ небогатымъ книж-

нымъ имуществомъ, не находятъ болѣе въ библіотекѣ матеріала для чтенія, не находятъ тѣхъ книгъ, которыя отвѣтили бы на волнующіе ихъ вопросы, удовлетворили бы ихъ жажду знанія. Это явленіе уже особаго порядка, не зависящее отъ экономическихъ условій деревенской жизни. Чтобы удержать вдумчивыхъ и серьезныхъ деревенскихъ читателей въ народныхъ библіотекахъ Курской губ., какъ и вообще въ другихъ мѣстностяхъ Россіи необходимо освободить библіотеки отъ чрезмѣрной регламентаціи въ выборѣ матеріала для чтенія", пропустить въ эти библіотеки всѣ книги, имѣющіяся на книжномъ рынкѣ.

Не смотря на неблагопріятныя условія, указанное выше крестьянское населеніе Курской губерніи относится къ библіотекамъ весьма сочувственно. „Указанія на бесѣды, которыя велись между читателями и завѣдующими библіотеками, говорятъ какъ объ интересѣ читателя къ научнымъ знаніямъ, такъ и о недоступности допущенныхъ книгъ."

„Взрослые охотно бесѣдуютъ по поводу прочитаннаго, непонятное просятъ разъяснять, особенно въ книгахъ научнаго содержанія." „Обращаются за совѣтами по вопросу о переселеніи, о климатѣ вообще, о природѣ Сибири и юга Россіи." „Просятъ совѣта, что именно надо читать по извѣстной отрасли знанія: по сельскому хозяйству, по садоводству, огородничеству, по литературѣ, по исторіи, по вопросамъ религіи и др." „Многіе спрашиваютъ, вѣрно ли поняли главную мысль автора". „Обращаются за разъясненіемъ книгъ историческаго и географическаго содержанія, просятъ объяснить непонятныя выраженія, помочь сдѣлать общее заключеніе о прочитанномъ."

Намъ приходится еще остановиться на одной причинѣ, мѣшающей распространенію книги въ народѣ и привлеченію большаго числа читателей въ народныя безплатныя библіотеки Курской губерніи. Эта причина заключается въ недостаткѣ книгъ въ библіотекахъ, вызываемомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что библіотеки, благодаря отсутствію матеріальныхъ средствъ, не пополняются новыми книгами; хотя губернское земство ежегодно ассигнуетъ на народныя библіотеки по 25 рублей на каждую, при непремѣнномъ условіи такой же ассигновки со стороны уѣзднаго земства, уѣздныя земства далеко не всѣ идутъ навстрѣчу губернскому въ этомъ начинаніи. Такъ, на 1904 годъ не было ассигновано на народныя библіотеки ничего слѣдующими уѣздными земствами: Обоянскимъ, Жильскимъ, Бѣлгородскимъ, Путивльскимъ, Суджанскимъ и Щигровскимъ. Изъ 28 библіотекъ Суджанскаго уѣзда до сихъ поръ не пополнено ни одной, кромѣ тѣхъ 3, на которыя нашлись мѣстныя средства, даже въ размѣрѣ 5—10 рублей; губернское земство оказываетъ субсидію въ такой же суммѣ.

Вообще библіотеки остальныхъ уѣздовъ пополняются книгами за счетъ суммъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ на 50 рублей каждая. Конечно, пополненіе библіотекъ очень важное дѣло: только при этомъ условіи можно двинуть впередъ библіотечное дѣло. Намъ думается, очень близко то время, когда безплатныя библіотеки получатъ возможность давать всѣ книги, которыя имѣются въ продажѣ. Тогда хорошая и полезная книга проникнетъ въ крестьянскую среду и станетъ разсѣивать ту тьму, которою окруженъ нашъ крестьянинъ.

Въ заключеніе намъ представляется не лишнимъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности Суджанской городской народной библіотеки-читальни, которая по особенностямъ своей организаціи и достигнутымъ результатамъ стоитъ впереди другихъ безплатныхъ библіотекъ курской губерніи.

Суджанская библіотека помѣщается при чайной общества трезвости. Завѣдуетъ ею распорядительница воскресной школы, на помощь которой явились учителя пригородныхъ слободъ. Всѣ работающіе въ библіотекѣ распредѣлили ее между собою по отдѣламъ. Каждый изъ нихъ ознакомился какъ съ имѣющимися уже книгами, такъ и съ вновь выписанными. Кромѣ того журналы также просматривались отдѣльными лицами. Такой порядокъ давалъ возможность вести тщательный опросъ о прочитанномъ, особенно у малолѣтнихъ, и кромѣ того удовлетворительно давать книги взрослымъ.

Благодаря внимательному отношенію работниковъ библіотеки, явилось довѣріе населенія: „Библіотекѣ приходилось по просьбѣ читателей заниматься то выпиской каталоговъ, машинъ, сѣмянъ и т. п., то пріобрѣтеніемъ книгъ, то даже оцѣнкой литературныхъ произведеній. Нечего и говорить, что шумъ, шалости, неприличныя выходки, съ которыми приходилось считаться въ первые два года, сейчасъ не имѣютъ мѣста совсѣмъ: подростки и взрослые одинаково привыкли смотрѣть серьезно на работу въ библіотекѣ. Опросъ, часто служа для руководства при выборѣ книгъ, порой вызывалъ обмѣнъ мыслей, а иногда служилъ поводомъ къ комическимъ сценамъ. Мальчуганъ проситъ дать ему книгу съ приключеніями. Взрослый на минуту подымаетъ голову отъ книги и серьезно произноситъ: „Лучше бы святителя Николая. Озорники!“ Когда наступаетъ время выдачи книги взрослому, незадолго передъ тѣмъ давшему совѣтъ, и онъ выбираетъ книгу Гетчинсона, изъ дверей ожидальни раздается веселый голосъ мальчугана: „Дяденька, лучше бы св. Ксенофонта: вотъ бы вы на насъ не лаяли!“.

Хотя въ библіотекѣ книги выдавались нѣсколькими лицами, всетаки работающимъ въ библіотекѣ не оставалось времени для записи отзывовъ читателей, а потому эта сторона дѣла не организована въ Суджанской библіотекѣ такъ, какъ было желательно. Дѣти брали книги по дѣтской литературѣ съ условіемъ изложить главную мысль книги. Они исполняли это очень охотно и очень удачно. Такъ, о книгѣ Круглова „Счастье“ одинъ мальчикъ пишетъ: „хорошо книга говоритъ, что нельзя жить счастливо только для себя“, или: о книгѣ „Всякому гвоздю свое мѣсто“ другой мальчикъ излагаетъ письменно: „здѣсь написано, что если человѣкъ хочетъ только, то даже и калѣчный можетъ дѣлать доброе дѣло и пользу“.

Въ Суджанской библіотекѣ насчитывается болѣе 900 читателей. Большинство подписчиковъ—учащіеся дѣти и подростки. Спрашиваются, конечно, наиболѣе книги беллетристическаго содержанія, затѣмъ идетъ исторія и т. д. Для характеристики отношенія читателей къ Суджанской библіотекѣ приведемъ еще довольно любопытное стихотвореніе, написанное однимъ подписчикомъ на малорусскомъ языкѣ. Ему же принадлежитъ и стихотвореніе, которое мы поставили эпиграфомъ настоящей статьи. Содержаніе послѣдняго стихотворенія таково:

Прочуявъ я, що ось у тій хати
Кныжки даютъ усимъ читаты,
Пишовъ и я, щобъ кныжку узяты;
А тамъ дви пани у кимнати
Сыдять, чаечекъ соби пьють
И кныжечки усимъ дають,
Прыйшлося довго тамъ стояты,
Мене давай уси пыхаты,
Не знаю, щобъ було со мной,

То спосыби пани той:
Колы давай мене пытаты,
И видкиль я и якось зваты,
И сколько годъ заразъ мени.
Я добре усе сказавъ, іи
Вона оце все запысала
Мини кныжокъ понадовала.
Спасыби я іи сказавъ
И до дому полыгавъ.

Заканчивая свою статью, мы не можемъ не указать на то, что статистика библіотечнаго дѣла справочно-педагогическимъ бюро курскаго земства поставлена хорошо. Оно за послѣдніе годы собираетъ довольно подробныя свѣдѣнія о народныхъ библіотекахъ въ губерніи и разрабатываетъ ихъ; положимъ, въ программу изслѣдованій не входятъ нѣкоторые, по нашему мнѣнію, существенные вопросы, какъ, напр., сколько тратится средствъ на народныя библіотеки уѣздными земствами, разными обществами и частными лицами. Въ статьяхъ „Народныя библіотеки“, печатаемыхъ въ изданіи „Текущая школьная статистика Курскаго губернскаго земства“, нѣтъ свѣдѣній о томъ, сколько губернское земство ассигнуетъ средствъ на народныя библіотеки.

А. А. Локтинъ.

Въ Вологодскомъ обществѣ «Помощь».

(Страница изъ исторіи внѣшкольнаго образованія).

Среди немногочисленныхъ существующихъ теперь просвѣтительныхъ обществъ Вологодское просвѣтительное общество „Помощь“ занимаетъ, несомнѣнно, одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ. Читатели „Русской Школы“ уже неоднократно могли познакомиться съ направленіемъ и размѣрами дѣятельности этого симпатичнаго и прекрасно организованнаго учрежденія; между прочимъ, въ февральской книжкѣ за 1903 годъ былъ помѣщенъ докладъ *), читанный на общемъ собраніи названнаго общества и дающій довольно полную картину десятилѣтней дѣятельности общества „Помощь“ на пользу г. Вологды и Вологодскаго края.

Только два съ половиной года прошло съ тѣхъ поръ, какъ общество „Помощь“ вступило во второе десятилѣтіе своей просвѣтительной работы; однако, и за это короткое время въ жизни общества произошло не мало фактовъ, заслуживающихъ того, чтобы быть отмѣченными; за неимѣніемъ мѣста мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь на нѣкоторые факты.

Прежде всего общество выдѣлило изъ себя за это время новое попечительство (отдѣленіе), а именно—попечительство о внѣшкольномъ образованіи въ губерніи. На обязанности новаго попечительства лежитъ забота объ орга-

---

*) А. А. Тарутинъ. Десятилѣтіе Вологодскаго просвѣтительнаго общества „Помощь“. „Р. Шк.“ 1903, № 2. Докладъ этотъ напечатанъ также въ отчетѣ об-ва за 1902 годъ. Желающіе могутъ получить какъ отчетъ, такъ и уставъ общ-ва безплатно, адресуясь: Вологда, Правленію общества „Помощь“.

низаціи всевозможныхъ просвѣтительныхъ учрежденій въ предѣлахъ губерніи. Вначалѣ попечительство намѣрено было организовать просвѣтительныя учрежденія (библіотеки, аудиторіи, книжныя лавки и пр.) собственными силами и средствами; но скоро пришло къ убѣжденію, что такой способъ дѣятельности нецѣлесообразенъ, и рѣшило прибѣгнуть къ помощи интеллигентныхъ лицъ, живущихъ въ уѣздныхъ городахъ, объединивъ ихъ, въ свою очередь, въ самостоятельныя попечительства „Помощь". Организація мѣстныхъ попечительствъ представлялась тѣмъ болѣе облегченной, что такія учрежденія, какъ библіотека и аудиторія здѣсь уже не имѣютъ характера новизны, и почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ находились дѣятели, одиноко работающіе на поприщѣ внѣшкольнаго образованія. Предположенія попечительства оправдались, и въ настоящее время уже организованы попечительства въ слѣдующихъ городахъ: Вельскѣ, Грязовцѣ и Тотьмѣ и учреждена безплатная библіотека въ г. Ланьскѣ, завѣдываніе которой организовано на коллективныхъ началахъ. Въ ближайшемъ будущемъ предположено организовать попечительство въ Устюгѣ, центральномъ и самомъ культурномъ городѣ на сѣверо-востокѣ губерніи. Здѣсь предполагается предложить мѣстному библіотечному обществу, ведущему городскую безпл. библіотеку и насчитывающему около 250 членовъ, реорганизоваться въ отдѣленіе общ-ва „Помощь".

Что касается сельскихъ мѣстностей, то, считаясь съ ограниченностью своего бюджета, а также съ тѣмъ обстоятельствомъ, что уѣздныя и губернское земства уже давно и дѣятельно занялись устройствомъ по деревнямъ безпл. нар. библіотекъ, общ-во „Помощь" рѣшило ограничиться устройствомъ библіотекъ въ наиболѣе крупныхъ поселеніяхъ, насчитывающихъ не менѣе 500 человѣкъ жителей и, разумѣется, тамъ, гдѣ библіотекъ еще нѣтъ. Въ этомъ направленіи кое-что уже сдѣлано.

Общество надѣется, что въ недалекомъ будущемъ ему удастся сорганизовать въ попечительства передовую интеллигенцію всѣхъ городовъ губерніи, расчитывая при этомъ, что мѣстныя попечительства не останутся глухи къ положенію внѣшкольнаго образованія и въ своихъ уѣздахъ, вліяя на развитіе послѣдняго или непосредственно, или черезъ уѣздныя земства.

Въ октябрѣ прошлаго года общество закончило постройкой собственный каменный „народный домъ", куда и перевело всѣ свои учрежденія. Постройка обошлась въ 40 тысячъ рублей; обширный въ два свѣта зрительный залъ народнаго дома можетъ вмѣстить до 70 человѣкъ; всѣ помѣщенія дома, названнаго „Пушкинскимъ", освѣщаются электричествомъ.

Нельзя не упомянуть также объ участіи общества на областной выставкѣ Сѣвернаго края въ Ярославлѣ осенью 1903 года; общество экспонировало здѣсь свои отчеты и діаграммы и за свою широкую и многостороннюю просвѣтительную дѣятельность получило, наряду съ Харьковскимъ обществомъ грамотности, золотую медаль.

Общество продолжало, какъ и прежде, дѣятельно отзываться на всѣ болѣе или менѣе крупные факты общественной жизни. Такъ, оно постановило учредить въ память А. П. Чехова и Н. Ф. Бунакова (вологжанина) народныя библіотеки и почтило память этихъ славныхъ дѣятелей спеціальными собраніями и докладами.

Въ настоящемъ году общество привѣтствовало адресомъ Московскій университетъ по случаю исполнившагося въ январѣ 200-лѣтія со дня его основанія; общество выразило при этомъ горячія пожеланія, чтобы университетъ дѣятельно служилъ „идеѣ свободной науки въ свободномъ государствѣ" и чтобы

усиліями такихъ разсадниковъ просвѣщенія, какимъ является московскій университетъ, какъ можно скорѣе осуществились „на нашей многострадальной родинѣ иныя формы жизни, покоящіяся на началахъ знанія, права и свободы“.

Но особенно широко отозвалось общество „Помощь“ на возвѣщенное въ концѣ прошлаго года довѣріе къ общественнымъ силамъ страны, вызвавшее отчасти переживаемое нынѣ освободительное движеніе. Въ это время отъ группы членовъ поступило въ правленіе общества заявленіе, указывающее на вызываемую обстоятельствами момента необходимость заявить правительству о нѣкоторыхъ нуждахъ внѣшкольнаго образованія. Правленіе общества, вполнѣ присоединяясь къ указанному заявленію, рѣшило предложить общему собранію членовъ общества возбудить передъ правительствомъ рядъ ходатайствъ по кореннымъ вопросамъ внѣшкольнаго образованія, каковы вопросы о каталогѣ для безплатныхъ библіотекъ и народныхъ аудиторій, о правѣ народныхъ театровъ ставить любую піесу, о допущеніи въ безплатныя библіотеки всѣхъ періодическихъ изданій и пр.

Общее собраніе состоялось 26 ноября 1904 года и привлекло небывалое ранѣе число членовъ и публики; всего присутствовало 200 человѣкъ. Правленіе приготовило къ общему собранію обширный мотивированный докладъ, который мы и позволяемъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ, какъ рисующій яркую картину тѣхъ печальныхъ условій, въ какихъ находится у насъ до сихъ поръ дѣло внѣшкольнаго образованія и просвѣщенія народа вообще. Вотъ этотъ докладъ.

Будучи напередъ увѣрено, что общее собраніе найдетъ возбужденіе всѣхъ вышеуказанныхъ ходатайствъ своевременнымъ, а содержаніе ихъ вполнѣ соотвѣтствующимъ характеру дѣятельности общества и отвѣчающимъ давно назрѣвшимъ нуждамъ внѣшкольнаго образованія народа, правленіе считаетъ тѣмъ не менѣе необходимымъ подробнѣе указать Собранію на то, чѣмъ оно руководилось, выдвигая на очередь вышеуказанные вопросы.

Библіотека, аудиторія и театръ—вотъ тѣ основныя учрежденія, черезъ которыя Общество старается, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, воздѣйствовать на населеніе, на развитіе въ немъ умственныхъ и нравственныхъ силъ или, выражаясь конкретнѣе, содѣйствовать воспитанію въ низшихъ слояхъ населенія болѣе или менѣе опредѣленнаго міровоззрѣнія. Выработка же міровоззрѣнія—альфа и омега не только личнаго развитія, но и общественнаго. Трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ безъ опредѣленнаго міровоззрѣнія могъ сознательно быть полезнымъ семьѣ и обществу; невозможно допустить, чтобы человѣкъ, лишенный этого нормальнаго базиса могъ понимать и цѣнить свои общественныя права и обязанности, понимать свою роль человѣка и гражданина. „Добывайте себѣ этотъ базисъ, восклицаетъ въ одной изъ своихъ статей Николай Михайловскій, добывайте во что бы то ни стало и прежде всего!“ „Цѣлью умственнаго образованія для массы народа, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, должно быть развитіе здраваго смысла, чтобы люди могли составлять здравое сужденіе объ обстоятельствахъ, въ которыхъ находятся“. Но какія же средства существуютъ для пріобрѣтенія этого базиса и этого здраваго смысла, столь нужныхъ для того, чтобы относиться къ жизни наиболѣе сознательно и сдѣлать ее наиболѣе полной и счастливой? Болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: знаніе, наука. Поэтому учрежденія, распространяющія въ массѣ народа знанія, должны заслуживать величайшаго вниманія и поддержки со стороны всѣхъ, кому дороги счастье и прогрессъ родины. Поэтому же, мы ду-

маемъ, и наше общество „Помощь", посильно работающее въ своемъ краѣ надъ распространеніемъ знанія путемъ книги и среди тѣхъ слоевъ населенія, которые въ силу своей экономической необезпеченности лишены возможности пользоваться плодами знанія,—дѣлаетъ великое дѣло и должно распространять свои просвѣтительныя учрежденія возможно шире, обслуживать ими возможно большій кругъ людей и обставлять ихъ возможно разумнѣе и богаче.

Къ сожалѣнію, не во власти Общества осуществить всѣ эти пожеланія. Помимо того, что Общество наше постоянно считается съ недостаткомъ въ матеріальныхъ средствахъ—въ нашемъ отечествѣ частныя, просвѣтительныя учрежденія до сихъ поръ еще не имѣютъ общепризнанныхъ правъ гражданнина, а потому и не пользуются государственной денежной помощью,—помимо того, что въ нашемъ Обществѣ чувствуется хроническій недостатокъ въ активныхъ интеллигентныхъ работникахъ, помимо всего этого Общество не имѣетъ права организовать свои учрежденія такъ, чтобы онѣ вполнѣ соотвѣтствовали своему высокому назначенію.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы наши безплатныя библіотеки. Прежде, чѣмъ открыть такое необходимое учрежденіе, какъ безплатная библіотека для народнаго чтенія—учрежденіе, которое въ С.-Американскихъ Штатахъ, напримѣръ, закономъ признано столь же необходимымъ для общественнаго блага, какъ общественные фонари—намъ приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ узаконеній, регламентирующихъ ея открытіе, узаконеній, иногда столь не соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ даннаго мѣста и времени, что приходится или вовсе отказаться отъ открытія библіотеки или ждать разрѣшенія на открытіе цѣлыми мѣсяцами. Но это не все. Въ лучшемъ случаѣ библіотеку удалось открыть; какимъ же книжнымъ богатствомъ она пополняется? Казалось бы, дѣло тутъ очень просто: внести въ библіотеку все, что есть лучшаго на родномъ языкѣ, пріобрѣсти нашихъ классиковъ, которыми зачитывается и на которыхъ воспитывается въ настоящее время весь цивилизованный міръ, не исключая и враждебной намъ нынѣ Японіи, внести лучшія изъ безчисленныхъ нынѣ дешевыхъ изданій по беллетристикѣ, научнымъ предметамъ,—и вотъ библіотека готова.

Увы, дѣло оказывается далеко не такъ просто. Прежде всего для безплатныхъ народныхъ библіотекъ существуетъ особый разрѣшительный каталогъ, помимо котораго администрація библіотеки не имѣетъ права вносить никакихъ другихъ книгъ подъ опасеніемъ закрытія самого учрежденія. Правда, въ каталогѣ этомъ есть и классики, но почти все, чѣмъ русская литература можетъ по справедливости гордиться передъ своими европейскими сестрами, почти все, что поражаетъ силой и свѣжестью чувства, богатствомъ фантазіи, широкимъ гуманитарнымъ направленіемъ—почти все это въ указанномъ каталогѣ отстутствуетъ. Здѣсь нѣтъ полныхъ собраній сочиненій Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Некрасова, Рѣшетникова, Щедрина-Салтыкова, Шелгунова, Шевченко, Л. Толстого, Короленко, Вересаева, Горькаго, Надсона, Андреева; здѣсь отсутствуютъ десятки второстепенныхъ, но все же очень почтенныхъ именъ, каковы, напримѣръ: Станюковичъ, Златовратскій, Засодимскій, Мачтетъ, Каронинъ, Левитовъ, Слѣпцовъ и т. д. и т. д. Книгъ, свободно и научно трактующихъ вопросы естествознанія, экономики, соціологіи, права, здѣсь нѣтъ и слѣда; нѣтъ даже свода законовъ, хотя, по закону, никто не имѣетъ права отговариваться незнаніемъ закона. Кромѣ того, книгъ, допущенныхъ въ безплатныя библіотеки, поразительно мало.

Кубанскій областный комитетъ попечительства о народной трезвости вы

слушалъ недавно докладъ своего непремѣннаго члена, изъ котораго видно, что если исключить изъ офиціальнаго каталога безплатныхъ библіотекъ повторныя изданія, массу изданій совершенно распроданныхъ и болѣе не издающихся, (а это указываетъ на то, что книги эти никого болѣе не интересуютъ), если исключить тѣ книги, которыя ни по цѣнѣ (10—15 руб.), ни по содержанію (спеціальныя сочиненія по электротехникѣ, „Филологическія разысканія“ Грота, „Гербы городовъ губерній и посадовъ“ и т. п.) не могутъ быть пріобрѣтены въ библіотеки, то окажется, что офиціальный каталогъ разрѣшаетъ русскому народу читать только тысячу книгъ... Это число значительно уступаетъ числу книгъ ежегодно выходящихъ въ настоящее время въ Россіи. Подавляющее большинство книгь составляютъ дѣтскія книги. Вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ столь скуднаго инвентаря народныхъ библіотекъ является то, что болѣе чѣмъ на половину читателями подобныхъ библіотекъ являются дѣти; взрослые читаютъ мало. Случаи, что тѣ и другіе скоро перечитываютъ всѣ наиболѣе интересныя книги, встрѣчаются сплошь и рядомъ, и тогда эти наиболѣе любознательные и наиболѣе цѣнные посѣтители библіотеки перестаютъ ее посѣщать.

Еще безотраднѣе количественный и качественный составъ періодическихъ изданій, допущенныхъ въ безплатныя библіотеки. Въ офиціальномъ каталогѣ допущенныхъ сюда книгъ и періодическихъ изданій послѣднихъ числится только 100. Изъ нихъ 13 изданій не издаются теперь вовсе, а „Вѣстникъ Воспитанія“, „Сѣверъ“, „Русское Слово“ и „Образованіе“ по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія изъяты изъ списка. Изданій общелитературнаго содержанія только 18, а именно: „Воскресеніе“, „Дружескія рѣчи“, „Досугъ и Дѣло“, „Звѣзда“, „Нива“, „Новый міръ“, „Новое время“, „Родина“, „Свѣтъ“, „Сельскій Вѣстникъ“, „Чтеніе для солдатъ“, „Московскія Вѣдомости“, „Московскій Листокъ“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русское Обозрѣніе“, „Бесѣда“, „Варшавскій Дневникъ“ и „Биржевыя Вѣдомости“, 2-е изданіе—газета, допущенная въ безплатныя библіотеки въ самое послѣднее время *). Намъ нѣтъ здѣсь надобности входить въ детальную оцѣнку каждаго изъ этихъ изданій, указывать на то, что могутъ дать эти изданія въ смыслѣ компетентнаго и безпристрастнаго ознакомленія съ текущей дѣйствительностью.

Поэтому замѣтимъ только, что около половины этихъ изданій недоступны для безплатныхъ библіотекъ въ виду крайней ограниченности бюджета послѣднихъ и по цѣнѣ, такъ какъ подписная плата ихъ отъ 10 до 17 рублей въ годъ. Тщетно мы стали бы искать среди сотрудниковъ этихъ изданій, за исключеніемъ развѣ „Нивы“, хотя одно имя, которымъ могла-бы гордиться русская литература...

Короче говоря, русская періодическая печать, болѣе 200 лѣтъ вѣрой и правдой послужившая странѣ, до сихъ поръ не получила правъ гражданства въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя сотнями открываются теперь ради просвѣщенія народныхъ массъ. Между тѣмъ, интересъ къ газетѣ растетъ неудержимо, ибо силою общей неудержимо ростетъ во всѣхъ слояхъ населенія интересъ къ общественнымъ дѣламъ, „достойнымъ, какъ 200 лѣтъ тому назадъ выразился великій основатель первой русской газеты, знанія и памяти“.

Но, если каталогъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ такъ обидно съуженъ, то списокъ книгъ и брошюръ, могущихъ быть прочтенными въ народныхъ

---

*) 2-е изд. „Б. В.“ согласно недавнему распоряженію М. М. П. изъято изъ народныхъ читаленъ. *Примѣч. ред.*

аудиторіяхъ, представляетъ собой не болѣе, какъ жалкія крохи, падающія со стола господъ. То же можно сказать и про репертуаръ, такъ называемыхъ народныхъ театровъ, столь необходимыхъ для развитія художественнаго чувства и вкуса. Что касается лекцій, предназначенныхъ для слушателей изъ болѣе культурной среды, то здѣсь стѣсненія на столько велики, что требуется не малая доля настойчивости, чтобы осуществить подобную лекцію.

Каждое публичное чтеніе—будь то сказка, повѣсть, лекція,—все равно, разрѣшается далеко не всякому. Разрѣшеніе зависитъ отъ „усмотрѣнія"; текстъ лекціи, или ея содержаніе препровождается на утвержденіе попечителя учебнаго округа; на утвержденіе она должна посылаться даже въ томъ случаѣ, еели уже была прочтена ранѣе и не только въ томъ же городѣ, но даже въ одной и той-же аудиторіи. Въ ожиданіи разрѣшенія чтенія какой либо совершенно безобидной рукописи или лекціи проходятъ иногда цѣлые мѣсяцы. Также медленно удовлетворяются вообще всѣ представленія и ходатайства подобнаго рода, какъ то: ходатайства объ открытіи новыхъ библіотекъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій, представленія объ утвержденіи завѣдующихъ, наблюдающихъ и т. п. Наше общество „Помощь", преобразованное изъ библіотечнаго общества, дожидалось утвержденія своего новаго устава пять лѣтъ. Случается, что подобныя представленія и ходатайства и вовсе не удовлетворяются.

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ условія, среди которыхъ приходится работать нашему Обществу. Впрочемъ, условія эти одинаковы рѣшительно для всѣхъ учрежденій, работающихъ на поприщѣ внѣшкольнаго образованія народа, будь то земства, города, даже офиціальныя учрежденія, каковыми являются, напримѣръ, комитеты о народной трезвости. Говорить ли о томъ, что результаты просвѣтительной дѣятельности при настоящихъ условіяхъ болѣе чѣмъ призрачны и что потому самому лицъ, желающихъ отдать сюда свой досугъ и знаніе, находится крайне недостаточно?

Не нужно быть тонкимъ наблюдателемъ, чтобы видѣть, что несмотря на сравнительно широкое развитіе школьнаго дѣла, несмотря на работу нѣсколькихъ тысячъ библіотекъ и аудиторій, возникшихъ преимущественно за послѣднія 10—15 лѣтъ, нашъ рабочій народъ, какъ городской, такъ и сельскій и понынѣ обрѣтается въ состояніи чуть не первобытнаго невѣжества... Народъ нашъ даровитъ по природѣ—это фактъ, признанный всѣми безпристрастными наблюдателями, но что онъ можетъ сдѣлать, не имѣя знанія, этой силы, двигающей горами?.. Только лучшимъ изъ народа, наиболѣе энергичнымъ и одареннымъ, удается воспитать въ себѣ эту силу,—и то часто путемъ борьбы и лишеній, отравляющихъ ихъ личное счастье. Большинство же, масса, безъ борьбы отдается вліянію своей невѣжественной среды.

Невольно возникаетъ вопросъ: что же дѣлаютъ наши многочисленныя школы, библіотеки, аудиторіи, книжные склады? Простой и ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ одинъ изъ славнѣйшихъ русскихъ педагоговъ-практиковъ, Николай Ѳедоровичъ Бунаковъ, недавно умершій. Онъ говоритъ: „Школа внесла въ среду населенія въ самыхъ умѣренныхъ размѣрахъ только механическую грамотность, которая и при болѣе широкомъ распространеніи, даже при всеобщности еще не можетъ быть признакомъ истинно культурной человѣческой жизни. Какая причина этой малой продуктивности школы для жизни, и какія мѣропріятія могли-бы усилить ее, чтобы школа хотя въ нѣкоторой мѣрѣ могла выполнять свою культурную очеловѣчивающую задачу?"—спрашиваетъ Бунаковъ и отвѣчаетъ: „Несомнѣнно, что воспитывающая сила

школы обусловливается достаточною широтой ея программы и прочностью совершаемаго ею учебно-воспитательнаго дѣла, надлежащею подготовленностью и удовлетворительнымъ правовымъ положеніемъ ея учительства, живою связью школы съ жизнью“.

Но школа условій этихъ не имѣетъ, не имѣютъ ихъ и наши внѣшкольно-образовательныя учрежденія, и здѣсь лежитъ причина непродуктивности тѣхъ и другихъ.

Что касается общественныхъ книжныхъ складовъ, призванныхъ быть непосредственными распространителями книжнаго знанія въ народной средѣ, то значеніе ихъ какъ таковыхъ ничтожно: по какому то печальному недоразумѣнію учрежденія эти почти всюду служатъ пока для удовлетворенія потребностей зажиточнаго городскаго населенія.

Такимъ образомъ, народъ лишенъ разсадниковъ истиннаго знанія, и результаты этого на лицо.

„Я жила до сихъ поръ, какъ овца“, говоритъ про себя одна крестьянская дѣвушка, обучившаяся грамотѣ и полюбившая чтеніе. Глѣбъ Успенскій сравниваетъ гдѣ-то русскій народъ съ травой: „тысячами рождается онъ ежегодно, какъ трава, и тысячами же ежегодно, какъ трава умираетъ“... Оба эти мнѣнія и простой крестьянской дѣвушки, и великаго печальника русскаго народа знаменательны и говорятъ одно и то же: нашъ народъ, погруженный въ мракъ невѣжества, живетъ инертной, безразличной для развитія страны жизнью, живетъ какъ біологическая особь, какъ трава, какъ овца...

А на необозримомъ полѣ этого чуть не поголовнаго невѣжества выростаютъ горькія, ядовитыя травы: рутина, отсутствіе предпріимчивости, апатичное отношеніе не только къ общественному, но и личному дѣлу: всюду царятъ грубые, выражаясь языкомъ Островскаго, „жестокіе ндравы“. И это понятно... „Только тамъ нѣтъ мѣста жестокости, говорить В. Блосъ, гдѣ царятъ науки“. Избытокъ жизненной энергіи молодежь губитъ въ пьянствѣ, развратѣ, хулиганствѣ; при отсутствіи тѣхъ же знаній народъ нашъ не можетъ противостоять вреднымъ вліяніямъ климата, почвы, здоровья, жизни вообще; смертность русскаго народа колоссальна; производительность его труда минимальна; его земледѣльческая культура допотопна, его экономическій и общественный бытъ представляетъ собой безотрадную картину всяческихъ настроеній.

Россія, по отзыву извѣстнаго русскаго педагога Страннолюбскаго, представляетъ „собою темное пятно невѣжества между культурнымъ Востокомъ и культурнымъ Западомъ“.

Пора, давно пора русскому народу сбросить съ себя это старое, изветшалое платье вѣкового невѣжества и надѣть новое, свѣтлое и просторное. Повидимому, эта пора настала, и, быть можетъ, недалеко то время, когда темное пятно, представляемое до сихъ поръ русскимъ народомъ, прояснится и заблеститъ яркими цвѣтами знанія и прогресса. Но приближеніе къ этому лучшему будущему зависитъ отъ насъ самихъ, отъ нашей активности и въ частности лично отъ насъ, какъ группы, работающей надъ дѣломъ, которое имѣетъ своей конечной цѣлью обновленіе народной жизни.

Въ настоящій моментъ, когда всѣ живые элементы русскаго общества заняты пересмотромъ коренныхъ нуждъ своей жизни, и мы обязаны принять участіе въ этомъ пересмотрѣ. Для насъ, какъ членовъ общества „Помощь“, пересмотръ этотъ долженъ заключаться въ констатированіи великой цѣн-

ности, лежащей передъ нами просвѣтительной работы и въ указаніи на необходимость освобожденія послѣдней отъ связывающихъ ее путъ.

Посему правленіе предлагаетъ настоящему общему собранію признать, что:

1) Внѣшкольное образованіе народа является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ воспитанія въ немъ знаній и самодѣятельности, безъ которыхъ народъ нашъ страдаетъ экономически и отдаляется отъ сознательной гражданской жизни, и

2) Вслѣдствіе столь важнаго государственнаго значенія внѣшкольнаго образованія частная просвѣтительная дѣятельность должна получить полную свободу для своего проявленія и должна пользоваться матеріальной поддержкой государства.

Исходя изъ этихъ положеній, правленіе предлагаетъ общему собранію возбудить передъ подлежащими правительственными органами ходатайства:

1) Объ установленіи явочнаго порядка при открытіи новыхъ внѣшкольно-просвѣтительныхъ учрежденій и

2) О допущеніи въ народныя библіотеки-читальни, аудиторіи и театры для прочтенія и исполненія всѣхъ выходящихъ съ разрѣшенія общей цензуры книгъ, брошюръ, газетъ, журналовъ, лекцій, драматическихъ сочиненій, а также лекцій, составленныхъ въ предѣлахъ программъ средней школы или университетскаго курса.

Правленіе хорошо понимаетъ, что недостатокъ знанія является вовсе не единственнымъ факторомъ, создающимъ экономическую безпомощность и моральное и гражданское оскудѣніе нашего народа, но полагаетъ, что знаніе представляетъ собой великую созидательную силу, пріобрѣтя которую, можно добыть и остальное.

„Безъ знанія—тьма и неволя.
При знаніи—воля и свѣтъ“!

Докладъ правленія вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Нѣсколько ораторовъ въ рѣзкихъ рѣчахъ указали на связь, существующую между тѣмъ приниженнымъ положеніемъ, въ какомъ находятся у насъ дѣла народнаго образованія, и общими политическими условіями государства. Присяжный повѣренный В. А. Ждановъ въ сильной и изящной рѣчи заявилъ, что онъ смотритъ на возбужденіе ходатайствъ какъ на палліативъ. Время для ходатайствъ миновало. Гдѣ гарантіи въ томъ, что право, сегодня испрошенное путемъ ходатайства, завтра же не будетъ взято обратно? Этихъ гарантій нѣтъ и не можетъ быть въ странѣ, гдѣ все зиждется на произволѣ администраціи.

Предсѣдатель собранія Н. Я. Масленниковъ, извѣстный земецъ, только что вернувшійся съ историческаго нынѣ ноябрьскаго совѣщанія земскихъ дѣятелей, познакомилъ тогда собраніе съ постановленіями земскаго совѣщанія и предложилъ собранію вынести соотвѣтствующую этимъ постановленіямъ резолюцію. Резолюція была принята единогласно, при долго несмолкаемыхъ аплодисментахъ членовъ и публики и гласила слѣдующее: „Вологодское просвѣтительное общество „Помощь“ единогласно постановило довести до свѣдѣнія Министра Внутреннихъ Дѣлъ о глубокомъ убѣжденіи собранія, что распространеніе просвѣщенія въ странѣ невозможно безъ гарантій правъ личности, свободы совѣсти, слова, печати, союзовъ и собраній, каковыя гарантіи возможны лишь при представительномъ образѣ правленія“.

Пора придти къ убѣжденію, что сиднемъ сидѣвшій до сихъ поръ Илья

Муромецъ—все же богатырь и не сегодня-завтра онъ бодро встанетъ на свои могучія ноги.

Жизнь начинаетъ ярко указывать на близость этого великаго пробужденія великаго народа. Неизмѣримо громадная и отвѣтственная задача развертывается передъ дѣятелями просвѣщенія: раскрывать пробуждающемуся великану глаза на окружающій міръ и на очередныя общественныя и политическія задачи государства.

Ан. Тарутинъ.

Къ улучшенію матеріальнаго положенія народныхъ учителей.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія выработанъ рядъ мѣръ къ улучшенію матеріальнаго положенія народныхъ учителей и учительницъ. Реформы касаются пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ. Предположено предоставить право на пенсію дѣтямъ всѣхъ участниковъ и пенсіонеровъ кассы, независимо отъ времени участія въ кассѣ, въ размѣрѣ равномъ $^1/_2$ проц. отъ послѣдняго содержанія участника за каждый годъ службы. При этомъ пенсіи могутъ быть замѣнены единовременными выдачами для сиротъ лицъ, служба коихъ продолжалась менѣе 10 л. Существующее нынѣ различіе въ отношеніи правъ на пенсію въ положеніи дѣтей народныхъ учителей или народныхъ учительницъ въ томъ смыслѣ, что за службу отца дѣти получаютъ пенсію во всякомъ случаѣ, а за службу матери при условіи, что отецъ неспособенъ къ труду и не пользуется никакими выдачами изъ кассы—предположено уничтожить. Возвратъ изъ кассы наличныхъ взносовъ предположено значительно облегчить, предоставивъ участникамъ право получать обратно взносы даже послѣ перваго года ихъ участія въ кассѣ. Кромѣ того, министерствомъ народнаго просвѣщенія предположено образовать особый фондъ, изъ котораго можно было бы увеличивать пенсію въ случаяхъ, когда участники кассы оставятъ службу въ особо болѣзненномъ состояніи или обремененные многочисленной семьей. Право на пенсію не прекращается при поступленіи на другую, кромѣ учительской, службу. Одновременно съ заботами объ улучшеніи положенія народныхъ учителей и учительницъ министерствомъ народнаго просвѣщенія обращено вниманіе и на то обстоятельство, что учителя приходскихъ школъ не состоятъ участниками пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ. Въ виду этого предположено уже состоящимъ на службѣ учителямъ приходскихъ школъ увеличить пенсію на 33 проц., а вновь поступающихъ на службу привлечь уже въ качествѣ участниковъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ. Что касается еврейскихъ народныхъ учителей, то предположено и ихъ привлечь участниками пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, распредѣливъ эту сумму 140.000 р., пропорціонально числу лѣтъ службы и окладу содержанія, на личные счета каждому. Относительно всѣхъ этихъ реформъ министерство народнаго просвѣщенія уже вошло въ сношенія съ подлежащими вѣдомствами.

(„Н. Ж.“)

Совѣщаніе народныхъ учителей во Владимірѣ.

22 мая, вмѣсто запрещеннаго губернаторомъ общаго собранія общества взаимопомощи учителей, состоялось частное совѣщаніе съѣхавшихся отъ всѣхъ уѣздовъ 70 учителей. До половины или нѣсколько меньше всего этого числа составили делегаты, выбранные отъ отдѣльныхъ поволостныхъ учительскихъ кружковъ. Были представители и отъ церковно-приходскихъ школъ. Совѣщаніе посвятило 2 продолжительныхъ засѣданія выясненію различныхъ нуждъ народной школы и учительскаго персонала. Всѣ принятыя собраніемъ резолюціи рѣшено передать правленію общества взаимопомощи учителей съ тѣмъ, чтобы оно провело ихъ чрезъ уѣздныя и губернскія земскія собранія. Совѣщаніе постановило, между прочимъ: 1) необходимо установить минимальный окладъ учителямъ въ 35 р. въ мѣс. съ періодическими прибавками чрезъ каждое трехлѣтіе; 2) необходимо реорганизовать существующій составъ училищнаго совѣта въ смыслѣ удаленія изъ него администраціи учебной и общей и представителей дворянства и введенія земцевъ и представителей отъ учителей; 3) необходимо учредить при обществѣ взаимопомощи спеціальный фондъ для обезпеченія тѣхъ учителей, которые потеряютъ мѣсто „по независящимъ обстоятельствамъ"; 4) настоятельно необходимо уничтоженіе церковно-приходскихъ школъ и замѣна ихъ земскими (принято единогласно, т. е. и учителями церковно-приходскихъ школъ); 5) рѣшено образовать мѣстные кружки для „союза учителей". Собранію упомянутаго совѣщанія предшествовалъ цѣлый рядъ мытарствъ для участниковъ со стороны инспекціи. Всѣ инспектора народныхъ училищъ разослали всѣмъ учителямъ въ губерніи циркуляръ, предостерегая учителей отъ всякаго рода собраній и обсужденія предложенныхъ имъ „незаконно" обществомъ взаимопомощи вопросовъ и совѣтуя отказаться отъ посланныхъ обществомъ циркуляровъ и №№ „Сѣвернаго Края". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Иваново-Вознесенскѣ, инспекторъ Любимовъ отбиралъ отъ учителей подписку, что они не будутъ собираться и не будутъ ни о чемъ толковать. Кромѣ того, во время экзаменовъ инспектора и директоръ лично держали учителямъ рѣчи въ томъ же духѣ. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ ставропольской вол., влад. уѣзда, земскій начальникъ, узнавъ о назначенномъ въ волости предварительномъ собраніи учителей, немедленно ночью вмѣстѣ со становымъ поскакалъ во Владиміръ къ губернатору и, получивъ должныя инструкціи, окружилъ школу, въ которой собралось 3 учителя, двумя урядниками, десятскимъ, сотскимъ, которые вмѣстѣ со становымъ ходили по задворкамъ и по улицѣ около школы весь день, наводя страхъ и трепетъ на все село. Мало того, тѣмъ учителямъ, которые явились во Владиміръ къ 22-му мая и остановились въ гостиницахъ, были предъявлены именные пакеты отъ директора, приглашавшаго прибывшихъ къ себѣ „по дѣламъ службы". (Очевидно, полиція должна была работать немало, чтобы извѣстить директора объ остановившихся въ гостиницахъ учителяхъ). Несмотря на весь этотъ рядъ преградъ и препонъ, совѣщаніе все-таки состоялось и прошло чрезвычайно интересно и дѣловито. („Н. Ж.").

Совѣщаніе въ Гроднѣ.

Въ народномъ домѣ, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Ознобишина, состоялось общее собраніе членовъ мѣстнаго общества взаимопомощи учителей. Никакихъ политическихъ и общегосударственныхъ вопросовъ собраніе не поднимало и не обсуждало; но тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ по характеру тѣхъ симпатичныхъ начинаній, которыя имъ намѣчены. Наибольшее вниманіе удѣлено было вопросу о подъемѣ умственнаго и нравственнаго развитія учителей. Вопросъ этотъ въ жизни народнаго учителя имѣетъ весьма важное значеніе. Учительская семинарія, какъ учрежденіе спеціальное и при томъ ограниченное трехгодичнымъ курсомъ, даетъ будущему сельскому учителю въ отношеніи умственнаго развитія сравнительно немного. Среда, въ которую попадаетъ питомецъ семинаріи прямо со школьной скамьи, даетъ и того меньше. Напротивъ, очень и очень часто эта среда способна скорѣе загубить молодой не окрѣпшій еще физически и духовно организмъ, чѣмъ помочь ему въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія. Единственнымъ, слѣдовательно, средствомъ не одичать и не заглохнуть въ глухой деревнѣ можетъ явиться хорошая книга. Но гдѣ ее взять? Содержаніе учителя слишкомъ ничтожно, чтобы можно было удѣлить изъ него хотя бы малую толику на пищу духовную, а библіотеки... но кому неизвѣстно, каковы наши библіотеки въ селахъ, уѣздныхъ и даже губернскихъ городахъ. Общее собраніе остановилось было на мысли завести свою собственную библіотеку для самообразованія, но оказалось, что средства общества слишкомъ для этого недостаточны. Долго судили рядили, какъ помочь горю, и, наконецъ, пришли къ заключенію, что единственнымъ вѣрнымъ выходомъ изъ этого затруднительнаго положенія можетъ быть установленіе извѣстной связи съ московской коммиссіею по организаціи домашняго чтенія. Оказывается, что услугами этой коммиссіи многіе изъ народныхъ учителей пользуются, несмотря на свои скудныя средства, и отзываются объ этой коммиссіи съ восторгомъ. Московская коммиссія домашняго чтенія располагаетъ такими средствами для самообразованія, какія недоступны для частнаго провинціальнаго предпріятія. Общее собраніе постановило: списаться съ московской коммиссіей и выяснить, какія льготы могутъ быть оказаны учителямъ, которые пожелали бы пользоваться ея услугами въ цѣляхъ самообразованія, выписать 45 экземпляровъ программы коммиссіи и разослать сельскимъ учителямъ для ознакомленія по пяти экземпляровъ на уѣздъ, собрать свѣдѣнія объ учителяхъ, пользующихся услугами коммиссіи, и установить, какую часть расходовъ по этому предмету касса общества могла бы взять на себя, и какимъ способомъ расходы эти могутъ быть покрываемы.

Изъ другихъ вопросовъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ рѣшенный въ принципѣ вопросъ объ открытіи въ мѣстечкѣ Друскеникахъ санаторіи для больныхъ учителей и членовъ ихъ семействъ.

Близость курорта Друскеники и прекрасное климатическое положеніе его могли бы значительно облегчить положеніе тѣхъ слабогрудыхъ учителей, которые нуждаются въ климатическомъ лѣченіи, если бы въ Друскеникахъ былъ хоть маленькій свой собственный „учительскій“ уголокъ. Создать такой уголокъ—вотъ цѣль общества; но, къ сожалѣнію, и тутъ стоитъ на пути непреодолимое препятствіе—это недостатокъ средствъ. Общее

собраніе находитъ возможнымъ обойти это препятствіе такимъ способомъ: просить попечителя виленскаго учебнаго округа открыть въ Друскеникахъ двухклассное училище и разрѣшить обществу пользоваться помѣщеніемъ этого училища въ лѣтнее время въ качествѣ санаторіи. Насколько осуществимъ этотъ проектъ, покажетъ будущее, а пока нельзя не пожалѣть о томъ, что общество не списалось по этому предмету съ учительскими обществами сосѣднихъ губерній: что не по силамъ одному, то какъ разъ оказалось бы, можетъ быть, по силамъ двумъ-тремъ обществамъ. Предпріятіе стоитъ того, чтобы надъ нимъ подумать. Сколько молодыхъ учителей погибаютъ во цвѣтѣ лѣтъ только оттого, что у нихъ нѣтъ средствъ на серьезное своевременное лѣченіе; сколько изъ нихъ дѣлаются инвалидами только оттого, что во-время не было нѣсколькихъ рублей для поѣздки въ курортъ. Будь въ Друскеникахъ устроена собственная учительская санаторія, многіе изъ нихъ могли бы пріостановить развитіе болѣзни въ самомъ началѣ и сохранить свое здоровье и свои силы для дальнѣйшей дѣятельности на нивѣ народной. Насколько тяжело положеніе учителя-инвалида, потерявшаго способность къ труду, видно хотя бы изъ доложеннаго въ томъ же собраніи прошенія бывшаго учителя Собятинскаго народнаго училища Владиміра Гусева. 27 лѣтъ прослужилъ Гусевъ въ должности учителя, потерялъ зрѣніе, потерялъ способность ходить и работать и выброшенъ за бортъ школы, какъ негодная тряпка, выброшенъ на голодную смерть. Холоднымъ ужасомъ вѣетъ отъ слѣдующихъ строкъ Гусева: „Отъ гродненской дирекціи народныхъ училищъ я получилъ въ настоящемъ году только 30 рублей пособія, которое уже прожилъ, вынужденный тратить деньги не только на себя, но и на посторонній за собою уходъ, въ которомъ я постоянно нуждаюсь, такъ какъ не владѣю ни руками, ни ногами и совершенно лишился зрѣнія. Съ прожитіемъ послѣднихъ средствъ передо мною встаетъ призракъ смерти не отъ болѣзни, а отвратительный призракъ голодной смерти, который постоянно преслѣдуетъ меня и лишаетъ душевнаго покоя". Общее собраніе ассигновало Гусеву пожизненную пенсію въ размѣрѣ 150 р. въ годъ.

Такимъ образомъ, маленькое пока общество взаимопомощи съ маленькими средствами нашло возможнымъ сдѣлать для несчастнаго учителя-инвалида то, что обязано было сдѣлать, но чего не сдѣлало для него государство съ его громадными ресурсами, чего не сдѣлала для него пенсіонная учительская касса. А средства кассы общества не велики и даже очень не велики. Какъ видно изъ отчета за 1904 годъ, приходъ кассы былъ 700 р. 19 к., расходъ 434 р. 9 к., а весь капиталъ 3.053 р. 85 к. Но на сторонѣ этой кассы въ настоящее время полное сочувствіе учителей, и это служитъ залогомъ ея дальнѣйшаго развитія. („Н. Вр.").

Совѣщаніе по образованію восточныхъ инородцевъ.

Открывшееся 10-го мая при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія совѣщаніе по образованію восточныхъ инородцевъ, подраздѣлилось на слѣдующія шесть секцій: I секція—для разсмотрѣнія вопросовъ о русско-инородческихъ училищахъ для христіанъ и язычниковъ (въ составѣ секціи 11 человѣкъ). II—объ учительскихъ школахъ для инородцевъ-христіан (6 человѣкъ), III—

объ училищахъ для магометанъ (6 человѣкъ), IV—объ образованіи ламаитовъ, V—о мѣрахъ распространенія въ Россіи знакомства съ инородцами (9 человѣкъ), VI—объ организаціи учебныхъ заведеній по изученію восточныхъ языковъ (7 человѣкъ). Большинство членовъ совѣщанія, въ зависимости отъ ихъ опыта и знаній, будутъ принимать участіе болѣе чѣмъ въ одной секціи. Для разсмотрѣнія совѣщанія поставлены, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: Система Н. И. Ильминскаго; ея основы, прошлое и настоящее и возможное ея развитіе. Русско-инородческія начальныя училища; продолжительность курса въ нихъ, программы, методъ и языкъ преподаванія. Составленіе и изданіе учебныхъ книгъ для этихъ школъ; расширеніе дѣятельности казанской переводческой коммиссіи. Развитіе и усовершенствованіе существующихъ центральныхъ школъ типа казанской центральной крещено-татарской школы (унжинской и карлыганской). Открытіе и постановка новыхъ школъ этого типа съ измѣненіемъ программы преподаванія соотвѣтственно мѣстнымъ бытовымъ условіямъ. Объ усовершенствованіи и развитіи существующихъ учительскихъ семинарій и школъ, въ частности: а) о преобразованіи начальныхъ школъ при казанской учительской семинаріи, б) о введеніи и постановкѣ преподаванія инородческихъ языковъ для русскихъ учениковъ мужскихъ учительскихъ семинарій и для учениць казанской женской учительской школы. Объ открытіи новыхъ семинарій и школъ для русскихъ и инородцевъ въ Европейской Россіи, Сибири и на Кавказѣ. О видоизмѣненіяхъ типовъ семинарій и школъ, въ зависимости отъ того, при какихъ вѣроисповѣдныхъ и бытовыхъ условіяхъ населенія онѣ открываются. Начальная школа для ламаитовъ. Классы русскаго языка для ламаитовъ. Открытіе для ламаитовъ школъ учительскихъ. Начальныя школы для инородцевъ-язычниковъ. Бирская учительская школа. О спеціальной инспекціи для инородческихъ школъ. Объ учрежденіи при попечительскихъ совѣтахъ учебныхъ округовъ ежегодныхъ совѣщаній по вопросамъ инородческаго образованія. О періодическихъ съѣздахъ дѣятелей инородческихъ школъ. Объ объединеніи дѣятельности по инородческому образованію всѣхъ вѣдомствъ. Объ открытіи школъ для практическаго изученія восточныхъ языковъ. Введеніе въ курсъ среднеобразовательной школы на окраинахъ изученія мѣстныхъ языковъ, исторіи и литературы и др. Кромѣ того, министръ предоставилъ членамъ совѣщанія самостоятельно возбуждать вопросы по образованію восточныхъ инородцевъ, подсказываемые имъ ихъ опытомъ и знаніемъ мѣстныхъ условій.

(„Прав. В.")

Общеземская педагогическая выставка.

Московское земство, какъ извѣстно, выступило съ проектомъ устройства общеземской выставки по народному образованію. Обсуждая вопросъ объ участіи въ ней, казанское губернское земское собраніе, между прочимъ, выслушало по этому поводу докладъ гласнаго г. Баратынскаго, который указалъ, что подобная выставка можетъ имѣть значеніе только при правильно организованномъ съѣздѣ учителей и учительницъ. Въ этомъ случаѣ, конечно, будетъ имѣть значеніе не столько выставка, сколько съѣздъ, выставка же будетъ играть роль пособія для съѣзда. Далѣе въ своемъ докладѣ г. Баратынскій говоритъ, что проектируемая московскимъ земствомъ выставка не своевременна, вслѣд-

ствіе переживаемаго военнаго времени. Она преждевременна также и по существу. Въ дѣлѣ народнаго образованія нужно, главнымъ образомъ, объединить самихъ дѣятелей на народной нивѣ—„питать корни разростающагося, но далеко еще не пышно цвѣтущаго дерева". Все вниманіе теперь, по мнѣнію А. Н. Баратынскаго, должно быть направлено на продвиганіе впередъ и на объединеніе въ идеѣ и цѣляхъ самихъ дѣятелей по народному образованію. Земства недостаточно сплочены, недостаточно равно ведутъ дѣло народнаго образованія и даже недостаточно знакомы съ ходомъ дѣла въ той или другой губерніи, а объ учителяхъ и учительницахъ и говорить нечего: они даже не объединены въ своихъ уѣздахъ; немногіе задумываются надъ ролью своей школы въ общемъ дѣлѣ. Въ виду такихъ условій, по мнѣнію докладчика, представлялось бы весьма желательнымъ изданіе общеземскаго періодическаго органа посвященнаго дѣлу народнаго образованія. Коммиссія по народному образованію казанскаго губернскаго земства, присоединяясь къ заявленію А. Н. Баратынскаго и полагая, что проектируемый органъ удобнѣе могъ бы быть издаваемъ при московской губернской управѣ на средства всѣхъ земствъ, предложила губернскому собранію препроводить этотъ докладъ во всѣ губернскія управы для доклада земскимъ собраніямъ для дальнѣйшей разработки и направленія этого дѣла. Можно думать, что проектъ этотъ найдетъ себѣ одобреніе и со стороны другихъ земствъ. („Каз. Тел.").

Вопросы начальной школы.

Курскимъ губернскимъ земствомъ лѣтомъ нынѣшняго года устраиваются съѣзды народныхъ учителей, и одновременно организуются для нихъ курсы. Устройство подобнаго съѣзда въ настоящее время вызывается, по мнѣнію губернской управы, безусловной необходимостью. Въ жизни земской школы назрѣло много неотложныхъ вопросовъ. Съ ростомъ школьнаго дѣла усложняется задача народныхъ учителей; къ нимъ предъявляются новыя, все большія требованія. Изданныя въ 1897 г. программы министерства народнаго просвѣщенія ввели въ курсъ начальной школы—дополнительныя свѣдѣнія по исторіи, географіи и естествознанію, вводятся 4-й годъ обученія, вырабатываются новые пріемы преподаванія, суровая дисциплина старой школы съ карательными мѣрами смѣняется вліяніемъ нравственнаго авторитета учителя, въ завѣдываніе хозяйственной частью училищъ также вносятся новыя начала учрежденіемъ школьно-хозяйственныхъ коммиссій; съ присоединеніемъ къ школѣ библіотеки, съ устройствомъ при ней повторительныхъ занятій и народныхъ чтеній, расширяется вліяніе школы на населеніе. Естественно, что для разрѣшенія усложнившихся вопросовъ начальной школы необходимы коллективный и педагогическій опытъ возможно большаго числа дѣятелей и коллективное ихъ обсужденіе. Эту задачу и долженъ выполнить съѣздъ. Курсы же лишь въ слабой мѣрѣ могутъ пополнить этотъ пробѣлъ. На курсахъ учителя, какъ слушатели, пассивно воспринимаютъ предлагаемыя имъ знанія, съѣздъ же дастъ просторъ ихъ самодѣятельности. При взаимномъ обсужденіи вопросовъ школы каждый учащій можетъ внести свой опытъ, свои наблюденія и искать отвѣты на вопросы, которыхъ онъ не могъ рѣшить своими силами. Устраиваемый съѣздъ предполагается пріурочить къ учительскимъ курсамъ, также имѣющимъ быть въ Курскѣ, расположивъ съѣздъ по времени такъ, чтобы

въ немъ могли участвовать какъ учителя, командированные на курсы, такъ и руководители курсовъ, участіе которыхъ можетъ способствовать успѣху дѣла. („Сл.“).

Начальное образованіе въ Н.-Новгородѣ.

Вышелъ отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Нижнемъ-Новгородѣ за 1904 г., составленный инспекторомъ народныхъ училищъ Н. Н. Іорданскимъ. Отчетъ вмѣстѣ съ таблицами и приложеніями занимаетъ около 200 стр. Всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, не считая воскресныхъ школъ, въ Нижнемъ было 69; съ воскресными и субботней 75. На 1.000 жителей приходится вмѣстѣ съ воскресными и субботней 0,7 шк. На 1 школу 1.337 человѣкъ населенія; вмѣстѣ съ воскр. и субб. 1.230 чел. населенія. Число учащихся въ городскихъ училищахъ Н.-Новгорода въ 1904 г. — 4.876 чел. (2.754 мальч. и 2.122 дѣв.), болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году, на 324 (въ 1903 г. увеличеніе равнялось 145 ч.); при этомъ число мальчиковъ увеличилось на 30, а дѣвочекъ на 294 (въ 1903 г. на 87). Учащихся дѣвочекъ въ школахъ теперь 43,5 проц. всего числа учащихся (въ 1903 г. 42 проц.). Число учащихся дѣвочекъ почти равняется числу мальчиковъ; это слѣдуетъ признать,—замѣчаетъ составитель отчета,—очень знаменательнымъ фактомъ въ дѣлѣ развитія женск. образованія въ Нижнемъ. Всеобщность обученія фактически захватываетъ и женское населеніе города, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ показалось бы несбыточнымъ. Число выбывшихъ до окончанія курса въ истекшемъ году было 810 чел. (418 мальч. и 392 дѣвоч.) По отношенію къ общему числу учащихся выбывшіе составляли: мальчики 15,3 проц. (какъ и въ 1903 г.), дѣвочки — 21,4 проц. (въ 1903 г. — 20 проц.); общій— 17,8 проц. Въ пособіяхъ по приблизительнымъ свѣдѣніямъ нуждалось 655 учащихся—21 проц. Изъ нихъ получили пособіе до 90 проц., но размѣръ пособій въ отчетѣ не указанъ. Учебными пособіями и книгами въ школѣ пользовались безплатно 1.279 чел.—33 проц. (въ 1903 г.—29 проц.) всѣхъ учащихся. 154 учащихся пользовалось безплатными обѣдами въ школьной столовой. Окончило курсъ 529 мальч. и 329 дѣв; окончившіе составляютъ 78 проц. числа учившихся въ старшемъ отдѣленіи. Изъ 737 мальч., поступившихъ въ 1901 г. въ младш. отд., кончило курсъ въ 1904 году 71 проц., изъ 680 дѣв.—48 проц.

О дальнѣйшей судьбѣ окончившихъ курсъ въ отчетѣ имѣются приблизительныя данныя. Продолжаютъ образованіе въ школахъ высшаго типа, по этимъ далеко неполнымъ даннымъ: мальчики—до 47 проц. кончившихъ курсъ (въ 1903 г. до 40 проц.), а дѣвочки до 65 проц. (въ 1903 г. до 53 проц.). Всего больше мальчиковъ поступило въ городскія училища по полож. 1872 г. и въ Кулибинское и ремесленное училища, дѣвочекъ—въ гимназію и Троицкое 2-хклассное училище. На заработки разнаго рода поступило 24 проц. дѣвоч. и 6 проц. мальчик.; впрочемъ, этотъ проц. слѣдуетъ значительно повысить, т. к. нѣкоторые учащіе о стороннихъ заработкахъ не могли собрать точныя свѣдѣнія. Вопросъ о судьбѣ дѣтей, рано вынужденныхъ выступать на самостоятельный личный трудъ,—говорится въ отчетѣ,—на заработки безъ прочной умственной подготовки, долженъ быть выдвинутъ городскимъ управленіемъ на очередь и разработанъ въ связи съ вопросомъ о связи начальной школы

со школами другихъ типовъ и съ вопросомъ о способахъ устраненія преждевременной эксплоатаціи дѣтскаго труда. Отказовъ въ пріемѣ въ городск. нач. учил. не было (съ 1898 г.); но при распредѣленіи вновь принятыхъ пришлось переполнить многія отдѣленія. Въ церковно приходскихъ школахъ Нижняго учащихся было 520, менѣе предшествующаго года на 77 чел., несмотря на открытіе новой школы. Въ частныхъ учебн. завед. было всего 550 уч., въ пріютахъ—114 учащихся; въ професс. училищ. и ремесл. классахъ—609 мальч. (женскихъ профессіональныхъ школъ въ городѣ нѣтъ); подростковъ въ воскресныхъ школахъ было до 220 ч. Отчеты завѣдующихъ воскр. школъ констатируютъ постепенное уменьшеніе числа учащихся подростковъ и увеличеніе числа взрослыхъ; этотъ фактъ отчетъ ставитъ въ связь съ ростомъ нормальной начальной школы.

Всего учащихся въ начальныхъ училищахъ всѣхъ типовъ въ Нижнемъ 6.889 ч. (1903 г.—6.661 ч.)—4.152 мальч. и 2.737 дѣв. Отношеніе числа учащихся къ количеству населенія опредѣляется слѣдующими цыфрами: на 1.000 ч. населенія (считая однѣ нач. шк. общеобразов. характ. — городск. начальныя, церк.-прих., частн., пріюты, воскр.) приходится 68 учащихся (въ 1903 г.—66).—1 учащ. на 14 чел. населенія. По отношенію къ отдѣльнымъ группамъ населенія учащіеся даютъ слѣдующій общій проц.: дѣти изъ городск. сослов.—3,7 проц.; крестьянъ—4,9. Такимъ образомъ послѣдніе въ силу, несомнѣнно, экономическихъ условій даютъ сравнительно небольшой проц. учащихся.

(„Ниж. Г.“)

Начальныя школы въ Петербургѣ.

Вышелъ отчетъ о дѣятельности школьной коммиссіи за учебный 1904—1905 годъ. Городская дума разрѣшила коммиссіи открыть въ текущемъ году, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, до 45 новыхъ классовъ, на первоначальное обзаведеніе и содержаніе которыхъ внесла въ смѣту 1905 года кредитъ въ 96.581 руб. 25 коп. Этимъ самымъ гласные новаго состава думы въ полтора года своей дѣятельности дали возможность получить начальное образованіе 3.250 дѣтямъ, открывая для нихъ двери 65 новыхъ классовъ. Къ концу минувшаго учебнаго года число классовъ въ существующихъ содержимыхъ городомъ начальныхъ училищахъ достигало 574, а къ концу текущаго года, благодаря новому ассигнованію суммы, число классовъ въ этихъ училищахъ можетъ дойти до 619, почти на 31.000 учащихся. Упомянутые 574 класса размѣщались въ 335 училищныхъ помѣщеніяхъ, изъ которыхъ въ 253 находилось по одному классу и въ 82 былъ размѣщенъ 321 классъ; первыя помѣщенія представляли остающіяся непреобразованными училища стараго типа, а вторая—новаго, съ соединенными классами. Въ училищахъ стараго типа существуетъ въ одномъ и томъ же классѣ два и три отдѣленія, съ обучающимися смѣшаннаго возраста дѣтьми, въ то время, какъ въ училищахъ съ соединенными классами отдѣленій вовсе не существуетъ и весь классъ состоитъ изъ одного и того же возраста учащихся. Изъ такихъ 82 многолѣтнихъ училищъ, одно имѣетъ 15 классовъ, одно — 12, девять училищъ—по шести, 52—по три и 3—по два. 21 училище съ 69 классами предназначено для мальчиковъ, 19 съ 57 классами—для дѣвочекъ и 42 съ 195 классами—для совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ. Къ концу

1904 года, т. е. въ первой половинѣ минувшаго учебнаго года, въ 534 классахъ было 28.156 учащихся, изъ нихъ 14.319 мальчиковъ и 13.877 дѣвочекъ; нынѣ окончило курсъ ученія 5.963 дѣтей, въ томъ числѣ 3.106 мальчиковъ и 2.857 дѣвочекъ. Если предположить, что всѣ окончившіе курсъ пробыли въ школѣ 3 года, то процентное отношеніе числа окончившихъ нынѣ курсъ къ числу 10.448 дѣтей, поступившихъ въ 1902 году, окажется весьма благопріятнымъ для начальныхъ городскихъ училищъ, а именно 56%. Въ заботахъ о поддержаніи здоровья и физическихъ силъ бѣднѣйшихъ учащихся, городская дума новаго состава ассигновала въ текущемъ году 1.500 руб. на содержаніе дѣтскихъ садовъ въ С.-Петербургѣ въ лѣтніе мѣсяцы и увеличила на 5.540 руб. кредитъ на устройство дѣтскихъ лѣтнихъ лѣчебныхъ и санитарныхъ колоній. Затѣмъ, въ видахъ предоставленія оканчивающимъ курсъ ученія въ начальной школѣ большихъ способовъ къ полученію дальнѣйшаго образованія, городская дума увеличила кредиты на городскія четырехклассныя училища и дополнительные классы при начальныхъ училищахъ. Въ настоящее время городъ достигъ намѣченнаго плана развитія въ столицѣ дѣла начальнаго образованія настолько, что явилась возможность сдѣлать школьное обученіе въ С.-Петербургѣ общедоступнымъ. Для оканчивающихъ курсъ ученія въ начальной школѣ дѣтей, которыя не желаютъ продолжать дальнѣйшее образованіе и по своимъ способностямъ болѣе склонны къ ремесленному обученію, въ распоряженіи коммиссіи имѣются стипендіи въ разныхъ профессіональныхъ школахъ, рукодѣльныхъ и ремесленныхъ мастерскихъ. Въ текущемъ году число такихъ стипендій увеличено и доведено до 1.034, въ томъ числѣ 310 для мальчиковъ и 724 для дѣвочекъ. Кромѣ того думою ассигнованно 1.000 рублей на содержаніе въ интернатахъ профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ городскихъ стипендіатовъ. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить неослабѣвающее со стороны городской думы внимательное отношеніе къ дѣлу распространенія народнаго образованія среди столичнаго населенія, что видно изъ постояннаго и значительнаго роста городскихъ расходовъ на этотъ предметъ, начавшихъ увеличиваться съ 1877 г. и возросшихъ нынѣ, на 28 году завѣдыванія училищами, съ 14.571 руб. до 1.839.819 руб. 44 коп. Въ этой суммѣ первое мѣсто занимаютъ расходы на начальное образованіе, которые достигли теперь 1.415.314 рублей.

(„Прав. В.“)

Законъ Божій въ начальныхъ школахъ.

Въ ноябрѣ прошлаго года С.-Петербургская губернская земская управа получила отъ министерства народнаго просвѣщенія извѣщеніе, что ходатайство земства о предоставленіи учителямъ права преподавать въ земскихъ школахъ Законъ Божій, согласно заключенію святѣйшаго синода, отклонено. Въ этомъ заключеніи, между прочимъ, высказывается, что, по мнѣнію синода, какъ по закону, такъ и по существу дѣла, законоучителемъ въ народныхъ училищахъ долженъ быть приходскій священникъ, въ случаѣ же его отсутствія или затрудненій въ его приглашеніи, могутъ быть допущены къ преподаванію діаконы и безприходные священники. Если священникъ есть главный руководитель духовной жизни своихъ пасомыхъ, то, естественно, его духовному руководству должны быть ввѣрены и дѣти, обучающіяся въ школѣ, пишетъ синодъ. При преподаваніи дѣтямъ Закона Божія священникъ имѣетъ

возможность вложить въ ихъ воспріимчивую дѣтскую душу тѣ сѣмена вѣры и благочестія, которыя будутъ служить имъ руководствомъ во всю послѣдующую ихъ жизнь и сообщать ихъ душѣ благоговѣйную религіозную настроенность. Порученіе же преподаванія Закона Божія свѣтскимъ учителямъ, хотя бы и подъ руководствомъ и наблюденіемъ священниковъ, низведетъ Законъ Божій въ рядъ прочихъ предметовъ обученія, подлежащихъ лишь внѣшней выучкѣ и лишитъ его той исключительной важности, какую онъ долженъ имѣть и имѣетъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія. Кромѣ того, предоставленіе преподаванія Закона Божія всѣмъ свѣтскимъ учителямъ, изъ которыхъ многіе сами недостаточно тверды въ истинахъ православной вѣры, внесетъ неустойчивость религіозныхъ понятій въ простой народъ, отдалитъ священника отъ народа и умалитъ его духовное вліяніе на ввѣренную ему паству. При этомъ, сверхъ того, епархіальные архіереи будутъ лишены возможности руководить преподаваніемъ и возможности выбирать для этого дѣла священниковъ и другихъ членовъ причта, назначать наиболѣе достойныхъ изъ нихъ и удалять неисправныхъ. Какое вліяніе можетъ оказать епархіальный преосвященный на постановку преподаванія Закона Божія въ начальныхъ училищахъ, спрашиваетъ синодъ, если предметъ этотъ будутъ преподавать лица, ему совершенно неизвѣстныя и неподвѣдомыя? При такихъ условіяхъ Законъ Божій въ рукахъ неопытныхъ и несвѣдующихъ учителей, а иногда и дурно настроенныхъ, потеряетъ всякое воспитательное значеніе въ народной жизни, какимъ онъ служитъ и долженъ служить въ начальной школѣ, и будетъ низведенъ въ рядъ другихъ учебныхъ предметовъ.

Такъ какъ препровождая это заключеніе синода для сообщенія губернскому земству, министерство народнаго просвѣщенія просило о послѣдующемъ сообщить ему „для дальнѣйшаго направленія дѣла“, то земство сочло себя въ правѣ считать этотъ вопросъ подлежащимъ дальнѣйшему выясненію и въ обширномъ докладѣ губернскому земскому собранію подробно разобрало всѣ соображенія и доводы, на которыхъ святѣйшій синодъ основываетъ свое заключеніе по данному вопросу. Не имѣя возможности передавать въ подробностяхъ содержаніе этого обширнаго доклада, мы ограничимся лишь приведеніемъ того резюме, къ которому оно сводится.

Принимая во вниманіе, 1) что не всѣ соображенія, приведенныя въ опредѣленіи святѣйшаго синода, согласуются съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и съ прямымъ смысломъ дѣйствующихъ законоположеній, и что самое опредѣленіе отвѣчаетъ не на ходатайство земства; 2) что 64-е правило VI вселенскаго собора въ настоящее время уже не соблюдается съ безусловною строгостью, и свѣтскія лица допускаются къ преподаванію Закона Божія; 3) что въ школахъ воспитательнаго дома, въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ церковно-приходскихъ школахъ Законъ Божій можетъ быть преподаваемъ лицами, не рукоположенными въ духовный санъ и не получившими богословскаго образованія, и что въ земскихъ школахъ это практикуется по необходимости съ разрѣшенія законоучителей; 4) что священники с.-петербургской епархіи обременены массою работы по отправленію требъ, число ихъ значительно менѣе числа школъ и уменьшается еще вслѣдствіе непригодности нѣкоторыхъ изъ нихъ для законоучительной дѣятельности, и что освобожденіе приходскихъ священниковъ отъ этихъ обязанностей, возвративъ ихъ къ непосредственному ихъ служенію, приблизитъ ихъ къ населенію и усилитъ вліяніе ихъ на него; 5) что учащіеся въ земскихъ школахъ, получающіе спеціально-педагогическое образованіе, достаточно подготовлены къ

преподаванію начальныхъ свѣдѣній по Закону Божію, обладаютъ спеціально преподавательскою опытностью и дидактическими навыками знакомы съ духовнымъ міромъ учащихся, что недостаточная твердость многихъ изъ нихъ въ истинахъ православной вѣры въ настоящее время фактами не устанавливается, что преподаваніе въ земскихъ школахъ поручается вообще лицамъ опытнымъ и знающимъ, и лишеніе ихъ права преподавать умаляетъ ихъ авторитетъ; 6) что въ преподаваніи Закона Божія въ начальной школѣ играетъ главную роль не сумма богословскихъ знаній, а наличность религіозно-нравственнаго наастроенія и умѣнье передать его учащимся, что первыя сѣмена вѣры и благочестія насаждаются не въ школѣ, а въ семьѣ, что преподаваніе Закона Божія, при настоящемъ положеніи его, не имѣетъ того исключительно важнаго значенія въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія, какое онъ долженъ имѣть, но что значеніе его можетъ только увеличиться, когда всѣ уроки его будутъ даны, а не будутъ пропускаться, и что отвѣты по Закону Божію на испытаніяхъ въ настоящее время, какъ и прежде, неудовлетворительны; 7) что оплата особыхъ уроковъ по Закону Божію и поставка населеніемъ подводъ для законоучителей въ нѣкоторыхъ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи являются обременительными; 8) что безпрерывное увеличеніе числа земскихъ школъ въ губерніи, дальность ихъ разстояній другъ отъ друга и отъ церквей и неудобство сообщеній—значительно усиливаютъ общія неудобства настоящаго положенія, а примѣненіе требованій святѣйшаго синода должно повлечь за собою остановку въ приростѣ земскихъ школъ, тогда какъ оставленіе за законоучителями лишь наблюденія за преподаваніемъ Закона Божія не влечетъ за собою всѣхъ указанныхъ неудобствъ,—губернская управа предлагаетъ собранію вновь возбудить предъ правительствомъ ходатайство, въ нѣсколько видоизмѣненной и суженной по содержанію его редакціи, а именно: ходатайствовать о предоставленіи учащимъ въ земскихъ школахъ С.-Петербургской губерніи, православнаго вѣроисповѣданія, получившимъ общее высшее или спеціально-педагогическое образованіе, право преподавать Законъ Божій, подъ непремѣннымъ наблюденіемъ законоучителей.

(„Сл.").

Пречистенскіе курсы въ Москвѣ.

19-го іюня совершена закладка собственнаго зданія пречистенскихъ вечернихъ и воскресныхъ классовъ для рабочихъ московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго Общества.

Трехэтажное каменное зданіе сооружается по проекту архитектора В. Н. Башкирова въ Нижнемъ Лѣсномъ переулкѣ, близъ Пречистенскихъ Воротъ. Въ первомъ этажѣ зданія будутъ помѣщаться библіотека, квартира завѣдующаго курсами и женскіе классы, во второмъ и третьемъ этажахъ—мужскіе классы и часть женскихъ; кромѣ того, въ третьемъ этажѣ будетъ устроена обширная аудиторія, лекторская и физическій и химическій кабинеты. Смѣта на постройку зданія исчислена въ 35 тыс. руб. Въ настоящее время возводится уже второй этажъ зданія, и къ 1-му сентября предполагается закончить постройку и открыть лекціи въ новомъ зданіи въ половинѣ сентября. На торжествѣ закладки присутствовали инспекторъ пречистенскихъ классовъ С. А. Левицкій и помощница инспектора Н. А. Гольцева, члены техническаго Об-

щества, преподавательскій персоналъ курсовъ и учащіеся. По окончаніи закладки, совершенной мѣстнымъ духовенствомъ, при пѣніи мужского и женскаго хора, С. А. Левицкій обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой высказалъ, что настоящій скромный праздникъ совпалъ съ кануномъ великихъ событій. „Мы дѣлаемъ закладку дома, Россія закладываетъ фундаментъ нормальнаго государственнаго строя. Въ русской исторіи XVIII вѣка центральнымъ фактомъ была реформа Петра, а XIX—день освобожденія крестьянъ; передъ реформой такого же значенія въ XX вѣкѣ стоимъ мы, полные великихъ надеждъ и великихъ тревогъ. Быть можетъ, именно въ это время, когда народъ вводится въ сферу законодательной дѣятельности, особенно важны такія учрежденія, какъ наши образовательныя учрежденія для взрослыхъ рабочихъ. Вѣдь надо помнить, что при 140 милліонахъ населенія въ Россіи болѣе 100 милліоновъ неграмотныхъ. Эта душу потрясающая язва безграмотности должна быть залѣчена прежде всего. Въ теченіе восьми лѣтъ наши курсы были безпріютны,—они то помѣщались въ попечительствѣ о бѣдныхъ, то въ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ, то на частной квартирѣ, то въ камерѣ мирового судьи; наконецъ, мы приходимъ къ пристани, къ своему помѣщенію. Мы надѣемся, что во внутренней нашей жизни произойдетъ тоже перемѣна. Всѣ восемь лѣтъ мы дрожали за свое существованіе, каждый мѣсяцъ приносилъ новый списокъ неутвержденныхъ преподавателей. Обновленная Россія дастъ намъ зажить свободною и полною жизнью“. Въ заключеніе С. А. Левицкій принесъ отъ имени учащихъ и учащихся привѣтъ и благодарность всѣмъ жертвователямъ и рабочимъ, которые „такъ энергично возводятъ зданіе будущаго народнаго университета“, и выразилъ пожеланіе, чтобы „день, заря котораго такъ ярко блеститъ со всѣхъ концовъ Россіи, наконецъ бы наступилъ“. Слушатель курсовъ рабочій г. Лебедевъ, заявляя, съ какимъ сочувствіемъ и неподдѣльной радостью ожидаютъ ученики пречистенскихъ классовъ сооруженія собственнаго зданія курсовъ, напомнилъ, какъ въ прежнихъ помѣщеніяхъ группировались въ небольшой комнатѣ до 200 слушателей, какъ утомлялись въ этой душной атмосферѣ преподавательницы и преподаватели, неся свое знаніе, отдавая свои послѣднія силы обездоленной массѣ рабочихъ. „Но зато сознаніе массъ мало-по-малу начинаетъ пробуждаться; многіе, не удовлетворяясь окружающей жизнью и средой, усиленно ищутъ выхода изъ своего положенія, ищутъ дверей, чрезъ которыя можно было-бы пойти прямой дорогой, сознательно, медленно, но твердымъ шагомъ къ намѣченной цѣли, къ свѣтлой идеѣ. Но возникаетъ вопросъ, гдѣ же эти двери, гдѣ эта дорога, можно ли всѣмъ намъ, стремящимся къ умственной жизни, смѣлымъ шагомъ пойти по ней? Нѣтъ, не всѣмъ. Не упоминая о фабричныхъ рабочихъ, которые въ большинствѣ случаевъ все-таки кончаютъ работать въ 7—8 часовъ, нужно сказать, что приказчики въ мелкихъ магазинахъ и колоніальныхъ лавкахъ работаютъ съ 5 час. утра до 11 час. веч., и женщины-ремесленницы, у которыхъ стремленіе къ образованію развилось въ такой степени, какъ и у мужчинъ, работаютъ съ 7-ми ч. утра до 10-ти ч. веч. Много найдется затрудненій для стремящихся къ образованію рабочихъ при бюрократическомъ режимѣ. Много найдется для нихъ преградъ на пути къ устраиваемому теперь учрежденію, выполняющему роль переходной ступени для массъ отъ вѣчнаго мрака и неизвѣстности къ свѣжимъ и высокимъ идеямъ. Но какія бы затрудненія намъ ни приходилось испытывать на жизненномъ пути, мы все-таки, ожидая обновленія государственнаго строя, шлемъ привѣтъ разростающемуся учрежденію и горячо благодаримъ Общество, такъ много потрудившееся на пользу

обездоленной массы, принося свои силы и знанія на алтарь свѣта, правды и свободы“. Въ заключеніе г. Лебедевъ выразилъ благодарность отъ учениковъ пречистенскихъ курсовъ жертвователямъ на устройство курсовъ и настоящаго зданія. Отъ слушательницъ пречистенскихъ курсовъ говорила женщина-работница г-жа *Грибанова*, отмѣтившая, что закладка зданія для образованія взрослыхъ рабочихъ—желанная заря, вслѣдъ за которой начнется разсвѣтъ и наступитъ ясный солнечный день для рабочаго русскаго міра. Изъ этого зданія рабочіе, входящіе въ него съ познаніями малолѣтнихъ дѣтей, будутъ черезъ нѣсколько лѣтъ выходить просвѣщенными, сознательными гражданами своего государства, унесутъ свои познанія въ темныя родныя семьи и не въ одномъ подросткѣ заронятъ искру любви къ просвѣщенію, разсѣютъ свои знанія въ захолустныхъ и дикихъ деревняхъ, гдѣ грамоты боятся, какъ огня или заразы, и считаютъ ее дѣломъ невозможнымъ для ихъ разума. Отъ лица женщинъ-слушательницъ курсовъ г-жа Грибанова простымъ, сердечнымъ русскимъ „спасибо“ принесла благодарность интеллигентнымъ людямъ, которые потрудились на пользу темнаго рабочаго люда. Ученикъ пречистенскихъ курсовъ, г. *Лембергъ*, говорилъ отъ слушателей курсовъ, что мечта ихъ, когда зданіе народнаго университета будетъ красоваться на одной изъ московскихъ улицъ, осуществляется. „Сегодня состоялась закладка, и осенью мы будемъ имѣть возможность заниматься уже въ своемъ помѣщеніи, — въ помѣщеніи, гдѣ бы мы желали чувствовать себя свободно и вольно, гдѣ бы съ каѳедры громко раздавалось ясное и понятное слово свободной науки. Но можетъ ли свободная наука, свободный народный университетъ существовать при такихъ условіяхъ, когда достаточно одного росчерка пера, чтобы министерство просвѣщенія заглушило тотъ свѣтъ, источникомъ котораго явились бы наши курсы, нашъ свободный университетъ? Только въ обновленной Россіи мы будемъ въ состояніи спокойно заниматься науками. Только тогда мы будемъ имѣть гарантію, что, придя вечеромъ заниматься, мы не увидимъ на дверяхъ нашего новаго зданія объявленія, гласящаго, что „курсы закрыты впредь до извѣщенія“. Приватъ-доцентъ московскаго университета *А. Н. Реформатскій*, какъ старшій преподаватель пречистенскихъ рабочихъ курсовъ, пожелалъ подѣлиться тѣмъ, „чѣмъ бьется сердце въ данный моментъ“. „Сегодня—лучшій праздникъ для насъ. Позвольте назвать его народнымъ университетскимъ праздникомъ. Почти десять лѣтъ мы ждали его. Почти десять лѣтъ ютились мы въ разныхъ холодныхъ, тѣсныхъ и угарныхъ каморкахъ. Надежда устроиться съ нашими курсами часто висѣла на волоскѣ. Но честь и слава лицамъ, сохранившимъ ее и осуществляющимъ ее. Но почему же такъ долго мы не могли приступить къ постройкѣ своего храма науки, своего народнаго университета? Можетъ быть, тормозила сама наука? Можетъ быть, претензіи наши слишкомъ далеко зашли? Нѣтъ и нѣтъ. Наука не различаетъ ни господъ, ни рабовъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, не знаетъ она и различія пола. Наука—всегда для всѣхъ: иначе и быть не можетъ, такъ какъ наука отвѣчаетъ самому естественному человѣческому желанію — знать. Тормозили люди и порядки. Но къ великому счастью, не всѣ люди одинаковы. Нашлись люди, которые и надежду осуществили, и люди, которые своими пожертвованіями помогли осуществленію. Чего пожелать въ сегодняшній праздникъ? Пожелаемъ, чтобы нашъ храмъ науки, какъ можно скорѣе, выросъ и переросъ размѣры переулка. Пусть могучій потокъ знанія польется изъ этого народнаго университета навстрѣчу всѣмъ желающимъ напиться изъ него. Пусть трудящіяся массы найдутъ для себя здѣсь отвѣты на ихъ законные запросы;

пусть наука увлечетъ ихъ въ свой дивный, заманчивый міръ. Господа! Наша родина не сегодня-завтра готовится зажить новой жизнью, гдѣ отъ каждаго потребуется *свое* слово, *своя* мысль. Пожелаемъ, чтобы нашъ народный университетъ облегчилъ эту работу. Пожелаемъ, чтобы и всѣ другіе города и деревни выстроили подобные же народные университеты и чтобы лучи научнаго знанія пронизали бы всѣхъ отъ мала до велика. Вѣдь всѣ мы горячо вѣримъ, что высшая сила и лучшее счастье кроется въ знаніи. Да здравствуетъ народный университетъ"! *Н. А. Гольцева* въ своей рѣчи отмѣтила, что пречистенскіе курсы существуютъ съ 1897 г. уже восьмой годъ и превратились въ большое учрежденіе. Несомнѣнно, подобный ростъ учрежденія объясняется тѣмъ, что курсы пошли навстрѣчу сильнымъ запросамъ народа къ просвѣщенію и къ правильнымъ систематическимъ знаніямъ, съ другой стороны—удивительной, самоотверженной работой интеллигенціи, содѣйствовавшей стремленіямъ учредителей курсовъ. Первый явился къ нимъ на помощь московскій университетъ въ лицѣ многихъ своихъ представителей, затѣмъ преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній, учительницы городскихъ школъ и другія лица. „Имена этихъ почетныхъ дѣятелей никогда не могутъ быть забыты, потому что они создали наше дѣло, они помогли его росту. То же участіе встрѣчали мы и далѣе въ нашей дѣятельности. Въ прошломъ году московская Дума отвела намъ земли (до 200 кв. саж.), на которой и строится наше зданіе. Наше обращеніе къ обществу за денежной помощью для постройки зданія встрѣтило также откликъ. Мы надѣемся, что это сочувствіе со стороны лицъ, имѣющихъ возможность придти на помощь къ намъ своими средствами, поможетъ окончить начатое дѣло и положитъ начало народному университету". Въ заключеніе Н. А. Гольцева выразила отъ лица курсовъ глубокую благодарность архитектору В. Н. Баскакову и Н. Г. Мартынову—за сборъ пожертвованій. Всѣхъ пожертвованій собрано 8.464 р. и обѣщано 4.750 р., а всего 13.214 р. „(Р. В."

Бесѣды по гигіенѣ въ деревнѣ.

Надвигающаяся эпидемія холеры поставила на очередь весьма важный вопросъ о распространеніи среди крестьянъ хотя бы самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по медицинѣ и гигіенѣ. Осуществленіе такой мѣры необходимо и для достиженія болѣе разумнаго отношенія населенія къ тѣмъ способамъ борьбы съ эпидеміями, которыя рекомендуются врачебной наукой, и которыя, какъ извѣстно, часто влекутъ за собою весьма острыя столкновенія между врачами и современной деревней. Весьма поучительный опытъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ въ Костромскомъ уѣздѣ мѣстнымъ земскимъ врачомъ, А. С. Дурново, которымъ въ декабрѣ прошлаго года и январѣ текущаго было устроено 9 чтеній, изъ нихъ 4 въ пос. Б. Соли, 3 въ селѣ Левашовѣ и по 1 въ сс. Черная заводь и М. Соли. Матеріаломъ для чтенія служили изданія пироговскаго общества (Аптекманъ: О пьянствѣ, Помбракъ: О заразныхъ болѣзняхъ, Сперанскій: О сифилисѣ, Латышевъ: Здоровье). Но цѣликомъ этими брошюрами д-ръ А. С. Дурново не пользовался. Приходилось одно сокращать, другое дополнять, иллюстрировать фактами мѣстной жизни. Въ послѣднемъ лектору часто помогала аудиторія. Чтенія, очень часто превращавшіяся въ устную бесѣду, иллюстрировались при помощи волшебнаго фонаря тѣневыми картинами,

высылавшимися по просьбѣ лектора книжнымъ складомъ губернскаго земства. На чтенія собиралось отъ 100 до 200 ч.; иногда, несмотря на дурную погоду, на чтенія приходили крестьяне окрестныхъ деревень. Въ аудиторіяхъ обыкновенно бывала духота, тѣсно, большинству слушателей приходилось стоять—и все-таки бесѣды проходили при неослабѣвающемъ вниманіи слушателей. Бесѣды продолжались отъ 45 мин. до $1^1/_2$ часовъ. Случаевъ невниманія или нарушенія тишины со стороны крестьянъ не замѣчалось; только „больше-сольскіе молодые мѣщане и купцы съ дамами своего круга", по словамъ А. С. Дурново, грызутъ подсолнухи, шепчутся и смѣются. Но это рѣдкое исключеніе, встрѣчающее выраженія неудовольствія среди большинства публики. Пониманіе читаемаго выражается рядомъ возгласовъ во время чтенія и вопросами послѣ него. Рядомъ съ устройствомъ чтеній, А. С. Дурново познакомилъ свою аудиторію съ обязательными санитарными постановленіями губ. земства и выяснилъ необходимость самому населенію организоваться для борьбы съ заболѣваніями. Идея санитарнаго попечительства встрѣтила живое сочувствіе. Нѣкоторые просили открыть его скорѣе, высказывая опасеніе, что, если открытіе затянется, то они не будутъ въ состояніи принять участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ нужно ѣхать на заработки.—Д-ру А. С. Дурново пришлось указать, что дѣло разрѣшенія зависитъ не отъ него. Но и въ данной области бюрократическая подозрительность наложила на общественный и частный починъ свою тяжелую руку въ видѣ разныхъ ограниченій и самой узкой регламентаціи. Такъ, г. Дурново, между прочимъ, жалуется, что каталогъ разрѣшенныхъ для публичнаго чтенія книгъ крайне бѣденъ сколько-нибудь сносными руководствами. Далѣе, устныя дополненія къ нимъ вовсе воспрещены. Между тѣмъ устная бесѣда безусловно должна быть предпочтена чтенію по книгамъ. Въ отношеніи послѣднихъ, между прочимъ, заслуживаетъ вниманія наблюденіе г. Дурново о неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое производитъ на крестьянъ поддѣлка подъ народный жаргонъ. Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы, въ виду необходимости возможно улучшить условія борьбы съ эпидеміями въ деревнѣ, нынѣшнія стѣсненія, которыми обставлено устройство народныхъ чтеній, были устранены.

(„Сѣв. Кр.").

Общественныя и частныя школы.

Коммиссія выборныхъ представителей педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Тифлиса разсмотрѣла 1 й пунктъ намѣченной программы: „Предоставить общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ право открытія явочнымъ порядкомъ школъ всевозможныхъ видовъ и типовъ". Выслушавъ докладъ гг. Державина и Такайшвили „Частныя учебныя заведенія по дѣйствующимъ въ Россіи законоположеніямъ", коммиссія, послѣ обмѣна мнѣній, приняла слѣдующую резолюцію:

1) Принимая во вниманіе неотложную нужду въ безпрепятственномъ и широкомъ развитіи въ Россіи школьнаго дѣла, въ виду соображеній, изложенныхъ по вопросу о предоставленіи обществу широкой иниціативы въ дѣлѣ открытія частныхъ учебныхъ заведеній въ протоколахъ педагогическихъ совѣтовъ средне-учебныхъ заведеній г. Тифлиса,—признать неотъемлемыми право и обязанность общества открытія и организаціи, при широкомъ содѣйствіи правительства, всевозможнаго вида и типовъ частныхъ учебныхъ заведеній.

2) Въ виду того, что статьей 3712 XI т. (изд. 1893 г.) дѣйствующихъ въ России законоположеній о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія успѣшное развитіе школьнаго дѣла въ Россіи поставлено въ зависимость отъ случайнаго усмотрѣнія администраціи, а также принимая во вниманіе, что существующія формальности для открытія частнаго учебнаго заведенія, опредѣляемыя ст. 3715, 3725 и 3726, слишкомъ стѣсняютъ возможность проявленія частной иниціативы въ дѣлѣ открытія частныхъ учебныхъ заведеній, а ст. 3716 и 3734 опредѣляется надзоръ за частными учебными заведеніями, не отвѣчающій нуждамъ школы и явно выходящій изъ предѣловъ педагогическаго контроля; ст. 3720 предоставляется частному учебному заведенію право выбора учебныхъ предметовъ, но ею же уничтожается возможность фактическаго использованія этого права; ст. 3738 опредѣляется право учащихся частныхъ учебныхъ заведеній, приближающихся по своему типу къ гимназіямъ, подвергаться въ своемъ учебномъ заведеніи экзаменамъ на свидѣтельство зрѣлости, но рѣшающій голосъ въ вопросѣ о выдачѣ свидѣтельства предоставленъ предсѣдателю экзаменаціонной коммиссіи, депутату отъ мѣстнаго окружнаго начальства и т. д., и т. д.,—признать, что дѣйствующія въ настоящее время въ Россіи законоположенія о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія нуждаются въ коренномъ пересмотрѣ на принципѣ признанія за обществомъ, наравнѣ съ правительствомъ, не только права и обязанности открытія частныхъ школъ всевозможнаго вида и типовъ, но и права на полученіе субсидіи изъ общегосударственныхъ суммъ, ассигнуемыхъ государственнымъ казначействомъ на нужды народнаго просвѣщенія и распредѣляемыхъ правительствомъ пропорціонально просвѣтительнымъ нуждамъ и потребностямъ той или иной мѣстности Имперіи. 3) Въ интересахъ привлеченія къ школьному образованію широкихъ слоевъ общества и распространенія просвѣщенія и удовлетворенія такимъ образомъ назрѣвшей потребности въ образованіи въ измѣненіе нынѣ дѣйствующихъ законоположеній предоставить право открытія явочнымъ порядкомъ всякаго рода учебныхъ заведеній земскимъ и городскимъ самоуправленіямъ, различнымъ обществамъ, сословіямъ, корпораціямъ и частнымъ лицамъ обоего пола, не лишеннымъ гражданскихъ правъ, съ предоставленіемъ иниціаторамъ открытія частныхъ школъ права свободнаго выбора программы предметовъ учебнаго курса и разработки методическихъ пріемовъ преподаванія. 4) Въ интересахъ огражденія частнаго учебно-воспитательнаго дѣла отъ преобладанія въ немъ коммерческихъ интересовъ надъ интересами чисто воспитательными,—признать право завѣдыванія своими школами за земствами, за городскими самоуправленіями, обществами, корпораціями и сословіями черезъ выборныхъ лицъ или черезъ комитеты, но при непремѣнномъ и непосредственномъ участіи въ управленіи педагогическихъ совѣтовъ того или иного учебнаго заведенія, а частнымъ лицамъ, открывшимъ учебное заведеніе, — право завѣдыванія имъ чрезъ посредство педагогическихъ совѣтовъ, при чемъ для права завѣдыванія учебно-воспитательнымъ дѣломъ какъ въ общественныхъ школахъ, такъ и въ школахъ, открываемыхъ по частной иниціативѣ, признать необходимымъ установленіе опредѣленнаго образовательнаго ценза.

(„Нов. Об.“)

Средняя школа въ Царствѣ Польскомъ.

Во всей Россіи едва ли найдется кто-либо довольный результатами реформы средне-учебныхъ заведеній 1872 г. и университетской реформы 1884 года. Четыре года назадъ, во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія генераломъ Ванновскимъ предпринята была коренная передѣлка всей организаціи учебнаго дѣла, снизу до верху. Къ сожалѣнію, дальше безсистемной ломки программъ средне-учебныхъ заведеній дѣло пока не пошло. Оно заглохло въ многочисленныхъ коммиссіяхъ и совѣщаніяхъ. Но жизнь не ждетъ, тридцатилѣтняя болячка съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе даетъ себя знать и безъ того расшатанному государственному организму и обществу, извѣрившемуся въ близкомъ улучшеніи учебнаго дѣла. Въ Царствѣ Польскомъ дѣйствуютъ общіе въ Имперіи уставы учебныхъ заведеній. Естественно, что и результаты примѣненія ихъ одинаковы: тоже, какъ и внутри Россіи, недовольство общества постановкой средняго и высшаго образованія, такіе же безпорядки среди учащихся, съ тою только разницею, что въ Царствѣ Польскомъ имѣются еще и свои мѣстныя, осложняющія дѣло условія: съ одной стороны, крайняя интенсивность дѣйствій широко развившейся въ краѣ еврейской революціонной пропаганды, съ другой — національный вопросъ о польскомъ языкѣ. Въ вопросѣ объ языкѣ національная польская портія примирителей (угодовцы) свои программныя домогательства формулируютъ такъ: „Обезпечивъ надлежащее ознакомленіе польскаго юношества съ русскимъ языкомъ, русскою исторіею, русскою словесностью и русскою географіею, ввести въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго преподаваніе другихъ предметовъ на польскомъ языкѣ“. Высказывая это пожеланіе, угодовцы, съ которыми въ этомъ вопросѣ согласны, конечно, и всѣ остальныя польскія партіи, опираются на авторитетъ покойнаго статсъ-секретаря Н. А. Милютина и его всеподданнѣйшую записку отъ 22 мая 1864 года. Въ этой запискѣ говорится между прочимъ, слѣдующее: „Мы никогда не успѣемъ посредствомъ обученія привязать къ себѣ поляковъ, слить ихъ съ Россіей, перемѣнить направленіе ихъ мыслей и политическихъ стремленій. Опытъ доказалъ это. Тридцать лѣтъ мы въ Польшѣ учили цѣлыя поколѣнія по-русски, знакомили ихъ съ силою и славою нашего отечества, съ историческими недугами Польши, сдѣлавшими невозможнымъ ея независимое существованіе; однако ученіе наше не передѣлало ни одного изъ нихъ, ибо характеръ и образъ мыслей слагаются подъ вліяніемъ религіи, семьи и общества, а не подъ однимъ дѣйствіемъ внѣшняго знанія, пріобрѣтаемаго уроками и являющагося на экзаменахъ,—а мы только располагаемъ уроками и экзаменами. И чѣмъ болѣе будетъ ощутительна посторонняя цѣль въ преподаваніи, нами установленномъ, тѣмъ болѣе оно будетъ внушать недовѣрія, тѣмъ менѣе способно будетъ дѣйствовать на умы“. „Что же касается до спеціальнаго вопроса о русскомъ языкѣ, то безполезно было бы водворить его въ польскихъ училищахъ собственно съ цѣлью развить въ нихъ русскій духъ; достаточно, если поляки будутъ учиться русскому языку, какъ одному изъ необходимыхъ для нихъ предметовъ общаго образованія“.

На основаніи этихъ соображеній были составлены обнародованные 5 января 1866 г. уставы мужскихъ классическихъ и реальныхъ гимназій и прогимназій для польскаго населенія съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ, кромѣ исторіи и географіи Россіи; для русскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ тогда же были учреждены особыя русскія гимназіи. Но какъ ни былъ великъ авторитетъ Милютина въ польскихъ дѣлахъ, прави-

тельство нашло нужнымъ съ 1871 г. въ казенныхъ гимназіяхъ Царства Польскаго ввести преподаваніе всѣхъ предметовъ обученія на русскомъ языкѣ, въ частныхъ же учебныхъ заведеніяхъ только нѣкоторыхъ предметовъ. Вслѣдъ за тѣмъ былъ распространенъ на Царство Польское общій для всей Имперіи гимназическій уставъ. Замѣняя въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго польскій языкъ русскимъ, правительство, конечно, не имѣло въ виду передѣлывать поляковъ въ русскихъ, а руководилось присущей всѣмъ государствамъ необходимостью распространенія на всю государственную территорію общаго для всѣхъ подданныхъ государственнаго языка. Замѣна эта не могла не быть для національнаго чувства поляковъ въ высшей степени тяжелой; въ нашихъ интересахъ необходимо было относиться къ этому чувству съ крайней осторожностью, стараться не осложнять и не усиливать въ польскомъ населеніи весьма понятнаго недовольства и раздраженія. На бѣду лица, въ рукахъ которыхъ въ то время находилось учебное дѣло въ Царствѣ Польскомъ, смотрѣли на это иначе. Дѣятельность долгое время занимавшаго должность попечителя варшавскаго учебнаго округа Апухтина и его сотрудниковъ своимъ озлобленнымъ усердіемъ къ выдворенію польскаго языка и польскаго духа изъ учебныхъ заведеній принесла русскому дѣлу въ краѣ огромный вредъ. Въ ихъ рукахъ введеніе русскаго языка обратилось въ гоненіе польскаго. Въ стѣнахъ гимназій запрещалось, да еще теперь запрещается, подъ страхомъ наказаній говорить по-польски. Не обязательно говорить только по-русски: можно говорить и по-французски, и по-нѣмецки, даже на еврейскомъ жаргонѣ, словомъ, на какомъ угодно языкѣ, только не на польскомъ. Забывая, что любовь къ своему родному языку присуща всякому, кто достоинъ называться человѣкомъ, педагоги апухтинскаго времени не стѣснялись говорить воспитанникамъ-полякамъ: „Вы оскверняете вашимъ языкомъ стѣны гимназіи“ и называть польскій языкъ „бараньимъ“, „собачьимъ“ и т. п. Что же, кромѣ ненависти и къ русскому языку, и къ русской школѣ, могли вселить подобные педагогическіе пріемы? Говоря о педагогахъ, прибѣгавшихъ къ нимъ, авторъ вышедшей въ 1897 г. очень интересной книги „Очерки Привислинья“ принадлежащей перу человѣка, по личнымъ и по судебнымъ отношеніямъ очень близко стоявшему къ покойному фельдмаршалу Гурко, совершенно основательно замѣчаетъ, что „эти господа очевидно забываютъ, что ненависть порождаетъ лишь злобу, а презрѣніе вызываетъ обиду. Выказывая ненависть и презрѣніе ко всему польскому, они тѣмъ самымъ удесятеряютъ въ польскомъ ребенкѣ и юношѣ ихъ ненависть ко всему русскому; мало того, порождаютъ ее въ тѣхъ, у кого ея вовсе не было,—не слѣдуетъ забывать, что далеко не всѣ ученики привислинскихъ гимназій вступаютъ въ нихъ съ рѣзко выраженными анти-русскими чувствами“. „Молодые учителя,—говорится въ той же книгѣ,—только что пріѣхавшіе изъ Россіи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ относятся къ своимъ ученикамъ безпристрастно, не дѣлятъ ихъ на черныхъ и бѣлыхъ, смотря по ихъ національности. Но вскорѣ по пріѣздѣ и изъ нихъ многіе заражаются страстью къ обрусенію, и они превращаются въ политическихъ „дѣятелей“, ставятъ себя на пьедесталъ и весьма быстро вносятъ въ свою учительскую дѣятельность характеръ политическій. Вмѣсто того, чтобы стремиться образовать изъ воспитуемыхъ честныхъ людей, они стараются передѣлать ихъ изъ поляковъ въ русскихъ; вмѣсто того, чтобы посвятить свою дѣятельность исключительно насажденію понятій о долгѣ и чести, они занимаются „искорененімъ“ въ воспитуемомъ его національности“.

Убѣжденнымъ противникомъ такой системы воспитанія польскаго юноше-

ства являлся и самъ фельдмаршалъ Гурко. „Задача педагога,—говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ представленій, — широко распахнуть двери школы и не заставить бѣжать изъ нея ребенка и отворачиваться со страхомъ родителя. Онъ долженъ ежеминутно помнить, что въ его дѣлѣ сила не въ силѣ, а сила въ любви. Нынѣ же, задавшись неисполнимой задачей—силой обрусить цѣлый народъ, мы тѣмъ самымъ оказываемся несостоятельными сдѣлать поляковъ русскими вѣрноподданными, сознающими хотя бы матеріальную выгоду отъ искренняго союза съ Имперіей". Много лѣтъ суровый и неуклонный охранитель русской государственности въ краѣ, здраво смотрѣвшій на пріемы воспитанія польскаго юношества, фельдмаршалъ велъ упорную борьбу съ попечителемъ учебнаго округа, но ему, несмотря на его положеніе, какъ начальника края, и огромный авторитетъ въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ, такъ и не удалось сломить систему Апухтина. Только второму по времени преемнику Гурко, князю Имеретинскому, прямо поставившему условіемъ принятія должности варшавскаго генералъ-губернатора замѣну Апухтина другимъ лицомъ, открылась возможность совокупными усиліями сперва съ попечителемъ округа Лигинымъ, затѣмъ съ замѣнившимъ послѣдняго Зенгеромъ поставить учебно-воспитательное дѣло въ краѣ въ нѣсколько лучшія условія. Но и теперь въ стѣнахъ гимназіи запрещается говорить по-польски, польскій языкъ, какъ предметъ обученія, необязателенъ и въ 4-хъ низшихъ классахъ преподается польскимъ дѣтямъ учителемъ-полякомъ на русскомъ языкѣ. („Н. Вр.").

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Правительственное сообщеніе о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ постоянныхъ заботахъ о развитіи въ Россіи высшаго образованія Правительство уже давно обратило вниманіе на неудовлетворительное состояніе университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Неудовлетворительность эта обнаруживала себя въ весьма различныхъ направленіяхъ, а въ послѣдніе годы и въ неоднократно возникавшихъ среди учащейся молодежи волненіяхъ, прерывавшихъ правильный ходъ занятій.

Признавая несомнѣннымъ, что таковыя волненія развивались въ связи съ общимъ броженіемъ въ русскомъ обществѣ, министерство народнаго просвѣщенія тѣмъ не менѣе не упускало изъ вида, что и самыя законоположенія, опредѣляющія строй высшихъ учебныхъ заведеній, являются въ значительной степени неприспособленными къ назрѣвающимъ потребностямъ жизни. Находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что значительныя несовершенства дѣйствующихъ въ сихъ заведеніяхъ уставовъ не устранимы, какъ показалъ опытъ, частными измѣненіями, министерство уже въ 1901 году предположило приступить къ коренной реформѣ высшаго образованія. Въ виду сего для всесторонняго уясненія существующихъ недостатковъ строя высшей школы совѣтамъ университетовъ и соотвѣтствующимъ коллегіальнымъ органамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія было предложено высказать свои сужденія по сему предмету, а затѣмъ поступившіе въ министерство отзывы были осенью 1902 г. переданы на разсмотрѣніе Высочайше учрежденной при министерствѣ коммиссіи, къ участію въ трудахъ коей были призваны какъ представители отъ высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства народнаго просвѣщенія, по ихъ избранію, такъ равно и отъ прочихъ министерствъ и главныхъ управленій, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія.

На основаніи собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ центральное управленіе министерства народнаго просвѣщенія могло обратиться къ составленію соотвѣтственнаго проекта преобразованія высшей школы въ связи съ преобразованіемъ средней. Безпорядки же истекшаго академическаго года, приведшіе къ пріостановкѣ занятій почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, указали на необходимость осуществленія реформы ихъ, и въ особенности университетовъ, безъ всякаго дальнѣйшаго промедленія.

Въ виду сего министромъ народнаго просвѣщенія было испрошено въ іюнѣ текущаго года Высочайшее соизволеніе на образованіе при министер-

ствѣ подъ его, министра, предсѣдательствомъ особой коммиссіи для составленія основныхъ положеній уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній, дабы сіи уставы могли быть безотлагательно внесены на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ. Работы сей коммиссіи, признавшей необходимымъ основать преобразованіе высшихъ учебныхъ заведеній на началахъ внутренняго самоуправленія, нынѣ закончены.

По докладѣ министра народнаго просвѣщенія о вышеизложенномъ и о соображеніяхъ его по вопросу объ открытіи занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ наступающемъ учебномъ году, Государю Императору 7 сего августа благоугодно было повелѣть образовать особое по сему предмету совѣщаніе изъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ. Совѣщаніе сіе пришло къ заключенію, что надлежитъ повергнуть на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества о необходимости поручить министру народнаго просвѣщенія:

1) принявъ въ соображеніе отзывы самихъ профессорскихъ коллегій, въ самомъ непродолжительномъ времени завершить работы по составленію новаго устава университетовъ на вышеуказанныхъ началахъ, а именно: положивъ въ основу преобразованія предоставленіе коллегіямъ профессоровъ возможной самостоятельности въ дѣлѣ управленія каждымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ руководствѣ учебнымъ въ немъ строемъ и въ охраненіи правильнаго и спокойнаго теченія академической жизни;

2) въ цѣляхъ же обезпеченія возможной при дѣйствіи нынѣшнихъ уставовъ авторитетности и самостоятельности коллегіи профессоровъ, безотлагательно разработать временныя правила управленія высшими учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія и представить эти правила на Высочайшее благовоззрѣніе тѣмъ порядкомъ, который имѣетъ быть для сего Его Императорскимъ Величествомъ указанъ.

(„Правит. Вѣстникъ“).

Съѣздъ профессоровъ въ Москвѣ. Постановленіе делегатскаго съѣзда профессоровъ въ Москвѣ по поводу возобновленія учебныхъ занятій, принятое единогласно 27-го августа, гласитъ:

„Союзъ въ своихъ прежнихъ резолюціяхъ вполнѣ ясно и опредѣленно указалъ тѣ общія условія политической и академической жизни, при которыхъ возможна правильная дѣятельность высшихъ школъ и широкое развитіе научныхъ знаній въ Россіи. Твердо держась выставленныхъ общихъ началъ, мы, члены академическаго союза, должны констатировать, что и въ настоящее время въ странѣ не существуетъ еще тѣхъ условій, которыя могли бы обезпечить эту желательную нормальную дѣятельность школъ. Но взвѣсивъ наличныя обстоятельства даннаго момента и глубоко сознавая неисчислимый вредъ, причиняемый странѣ прекращеніемъ въ ней организованной научной работы и высшаго образованія, съѣздъ пришелъ къ заключенію, что высшія учебныя заведенія, несмотря на все еще длящіяся тяжелыя условія, должны начать свои учебныя занятія, конечно, при отсутствіи какихъ-либо административныхъ принудительныхъ мѣръ, къ этому направленныхъ. Угрозой для спокойнаго теченія занятія остаются кровавыя событія, происходящія въ странѣ, по-прежнему царящій административный произволъ при отсутствіи элементарныхъ благъ политической свободы. Положеніе усиленной охраны, дѣйствующее во-

всѣхъ университетскихъ городахъ, создаетъ постоянно событія, которыя способны разстроить и остановить жизнь учебныхъ заведеній. Условія же военнаго положенія въ Одессѣ и Варшавѣ таковы, что здѣсь, въ частности, по мнѣнію съѣзда, правильная академическая жизнь въ настоящее время невозможна; самое же возобновленіе занятій грозитъ повлечь за собою поистинѣ страшныя послѣдствія какъ для учащихся, такъ и для учащихъ. Кромѣ того, оставшійся безъ измѣненія строй самихъ высшихъ учебныхъ заведеній представляетъ серьезнѣйшее препятствіе къ установленію нормальной жизни высшихъ учебныхъ заведеній.

Мы приступаемъ къ своей работѣ впервые объединенные и сплоченные въ нашемъ академическомъ союзѣ, почерпая силу въ этомъ единеніи, мы будемъ проводить въ жизнь академическую свободу—основное начало союза,—и будемъ на дѣлѣ осуществлять свободу слова, собраній и союзовъ, какъ неотъемлемыя права гражданина. Въ этой нашей дѣятельности, направленной къ достиженію цѣлей, которыя положены въ основаніе академическаго союза, насъ не остановятъ ни угрозы, ни репрессіи. Если же, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ жертву внѣшнему порядку въ учебныхъ заведеніяхъ будетъ приноситься масса учащейся молодежи, и лишь по видимости правильный ходъ занятій будетъ поддерживаться обычными у насъ репрессивными мѣрами, то мы, какъ уже было высказано нами въ академической резолюціи, принятой на первомъ делегатскомъ съѣздѣ, сочтемъ себя вынужденными отказаться отъ участія въ занятіяхъ при такихъ условіяхъ, пагубныхъ для науки и высшей школы и унизительныхъ для насъ, какъ людей и преподавателей". („Сынъ Отеч.")

Въ Петербургскомъ университетѣ. Совѣтъ профессоровъ петербургскаго университета соберется въ первыхъ числахъ сентября для выборовъ изъ своей среды ректора университета, декановъ и секретарей всѣхъ факультетовъ.

Въ виду этого назначенное на 31 августа начало чтенія лекцій откладывается на нѣкоторое время, впредь до производства вышеуказанныхъ выборовъ.

Предположенная на 2-е сентября общестуденческая сходка для обсужденія вопроса о занятіяхъ въ связи съ другими вопросами, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ректоромъ университета не разрѣшена. („Бирж. Вѣд.")

Въ Военно-медицинской академіи. Учебныя занятія въ военно-медицинской академіи начинаются въ первыхъ числахъ сентября. 1-го сентября состоится медицинское освидѣтельствованіе здоровья вновь поступающихъ студентовъ. Оно будетъ произведено особою коммиссіею изъ врачей разныхъ спеціальностей. Пріемъ въ академію производится въ этомъ году только на 1-й курсъ, причемъ, согласно постановленію конференціи, принято всего сто пятьдесятъ человѣкъ изъ числа воспитанниковъ, окончившихъ въ настоящемъ году курсъ гимназій, реальныхъ училищъ, пажескаго корпуса и кадетскихъ корпусовъ. Пажи и кадеты принимались въ счетъ 25-ти процентовъ, опредѣленныхъ для реалистовъ, и по общему конкурсу съ послѣдними. Наплывъ желающихъ поступить въ академію былъ въ этомъ году весьма значителенъ, причемъ много просьбъ поступило отъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ ранѣе 1905 года. Всѣмъ имъ посланы отказы. Пріема на высшіе курсы въ

этомъ году не производилось, вслѣдствіе переполненія ихъ. На первомъ курсѣ академіи въ 1905—1906 учебномъ году будетъ двойное чтеніе лекцій: однѣ лекціи будутъ читаться для вновь принятыхъ студентовъ, а другія—для студентовъ, поступившихъ въ прошедшемъ году. Вторая категорія студентовъ 1-го курса, какъ и студенты 2-го, 3 го и 4-го курса, въ декабрѣ мѣсяцѣ, по прослушаніи второй части учебныхъ программъ, остановившихся въ прошедшемъ году, вслѣдствіе студенческихъ забастовокъ, на половинѣ, перейдутъ на слѣдующій курсъ. Конкурсные баллы для вновь поступающихъ студентовъ оказались въ этомъ году достаточно высоки, хотя и нѣсколько ниже, чѣмъ въ предшествующемъ году.

(„Сынъ Отеч.").

Конкурсныя испытанія въ С.-Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ. Учебнымъ комитетомъ технологическаго института признаны достойными пріема 191 человѣкъ: по химическому отдѣленію—51 чел., получившихъ сумму балловъ не менѣе 24, и по механическому отдѣленію—140 чел., получившихъ сумму балловъ не менѣе 24 чел. Срокъ внесенія платы не позже 1-го сентября. О днѣ начала занятій ничего неизвѣстно. („Сынъ Отеч.")

Конкурсныя испытанія въ Институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ выдержало испытаніе 122 челов., всего же участвовало въ конкурсѣ 466 чел. Свободныхъ вакансій въ институтѣ имѣется только 80, но число это будетъ нѣсколько увеличено. 24-го августа состоялось засѣданіе совѣта института для опредѣленія числа вакантныхъ мѣстъ для русскихъ, евреевъ и поляковъ. Заключеніе совѣта института передано на утвержденіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ Дурново. („Сынъ Отеч.")

Курсы П. Ф. Лесгафта. Наплывъ желающихъ поступить на курсы П. Ф. Лесгафта въ текущемъ году значительно больше, чѣмъ въ прошломъ. Подано около 800 прошеній, но принято только 700 слушательницъ. Занятія на курсахъ начнутся съ 1-го сентября. Условныхъ переводовъ не будетъ. На первомъ курсѣ будетъ образовано 2 семестра, причемъ для слушательницъ 2-го семестра перваго курса, а также для слушательницъ второго и другихъ курсовъ будутъ произведены переводные экзамены 1-го января. Мѣсто преподавателя органической химіи, освободившееся со смертью В. А. Макіевскаго, еще не занято.

Курсы въ настоящее время переводятся во вновь выстроенное и спеціально приспособленное зданіе, внутренняя отдѣлка котораго почти окончена. Новое 4-этажное помѣщеніе курсовъ расположено на углу Торговой ул. и Англійскаго пр. и по внутреннему расположенію своихъ очень свѣтлыхъ комнатъ вполнѣ соотвѣтствуетъ назначенію. Оно значительно больше прежняго помѣщенія. Огромный, сверхъ ожиданія, наплывъ слушательницъ въ текущемъ году уже теперь заставляетъ подумать о дальнѣйшемъ расширеніи помѣщенія.

Тѣснота новаго помѣщенія, главнымъ образомъ, и заставила отказать въ пріемѣ 100 просительницамъ.

(„Сынъ Отеч.“).

Вольный университетъ въ Москвѣ. Лицо, желающее оставаться неизвѣстнымъ,—какъ у насъ сообщено въ „телефонѣ“ изъ Москвы,—жертвуетъ 500 тыс. рублей городу Москвѣ съ тѣмъ, чтобы на эти средства былъ основанъ въ Москвѣ **вольный университетъ**. Предварительно вопросъ о вольномъ университетѣ обсуждался довѣренными лицами жертвователя и нѣкоторыми изъ городскихъ общественныхъ дѣятелей, сообща составившими проектъ устава новаго просвѣтительнаго учрежденія. Сущность проекта сводится къ слѣдующему:

Предполагается, что комитетъ, который будетъ завѣдывать дѣлами вольнаго университета, будетъ состоять изъ лицъ, уполномоченныхъ жертвователемъ, и городскихъ дѣятелей, заявившихъ себя на просвѣтительномъ поприщѣ. Высшее руководство преподаваніемъ предполагается поручить попечительному комитету, который будетъ состоять изъ выдающихся спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Этотъ комитетъ будетъ собираться разъ или даже разъ въ два года, и въ задачу его будетъ входить пересмотръ программъ университета.

Вольный университетъ въ Москвѣ никоимъ образомъ не будетъ конкурировать съ существующими университетами, равно какъ существованіе Сорбонны въ Парижѣ не мѣшаетъ процвѣтанію College de France.

Отъ слушателей не будетъ требоваться ни предѣльнаго возраста, ни обычныхъ дипломовъ; предполагается такой порядокъ: профессоръ познакомится съ общимъ развитіемъ лица, желающаго прослушать его курсъ, и если найдетъ, что лицо это достаточно развито, оно будетъ допущено къ слушанію лекцій.

Въ московскомъ вольномъ университетѣ будетъ читаться пять—шесть основныхъ курсовъ по философіи, общественнымъ наукамъ и политической экономіи и затѣмъ неограниченное число курсовъ по разнымъ частнымъ вопросамъ экономическихъ и общественныхъ наукъ. Основные курсы будутъ поручены постояннымъ профессорамъ, тогда какъ составъ лекторовъ по частнымъ научнымъ вопросамъ будетъ мѣняться. Плата за слушаніе лекцій, будетъ выше принятой въ парижской школѣ (10 франковъ), но ниже университетской (100р.). Вольный университетъ будетъ освобождать отъ платы нуждающихся, но основного своего фонда трогать не будетъ.

На первое время предполагается ограничиться однимъ факультетомъ—общественно-экономическихъ наукъ. Но впослѣдствіи, если притекутъ новыя пожертвованія, будетъ учреждено и отдѣленіе естественныхъ наукъ.

Въ московскомъ вольномъ университетѣ женщины будутъ желанными гостями.

Вопросъ о вольныхъ университетахъ дебатировался въ субботу на совѣщаніи профессоровъ въ Москвѣ, причемъ единогласно признано желательнымъ учрежденіе въ Россіи возможно большаго числа вольныхъ университетовъ и принята резолюція оказывать всяческое содѣйствіе возникающему въ Москвѣ первому русскому вольному университету.

(„Сынъ Отеч.“).

Открытіе въ Петербургѣ женскихъ политехническихъ курсовъ 24-го августа со стороны министерства народнаго просвѣщенія послѣдовало, наконецъ, **разрѣшеніе объ открытіи въ Петербургѣ женскихъ политехническихъ курсовъ**. Исторія открытія этихъ курсовъ такова:

Учрежденное въ текущемъ году въ Петербургѣ общество по изысканію средствъ для открытія въ Петербургѣ женскаго техническаго института возбудило въ маѣ мѣсяцѣ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о разрѣшеніи открыть институтъ. Ходатайство это съ учебнымъ планомъ было передано министерствомъ попечителю петербургскаго учебнаго округа, откуда оно съ одобрительной надписью вновь препровождено было въ министерство. Генералъ-лейтенантъ Глазовъ долго не могъ согласиться на учрежденіе еще одного высшаго женскаго учебнаго заведенія. Въ то же самое время г. министръ не лишалъ учредителей надежды на просимое ими разрѣшеніе, но указывалъ на засѣдающую въ настоящее время коммиссію по разсмотрѣнію принципіальнаго вопроса, подлежитъ ли выдачи разрѣшеній на открытіе высшихъ учебныхъ заведеній министру народнаго просвѣщенія или комитету министровъ. Изъ министерства народнаго просвѣщенія вопросъ объ открытіи женскаго техническаго института перешелъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. Черезъ отдѣлъ промышленныхъ училищъ одна изъ учредительницъ проектируемаго института г-жа П. П. Аріанъ и получила увѣдомленіе, что указанное ходатайство можетъ быть удовлетворено при условіи замѣны слова „институтъ", словомъ „курсы" и при сохраненіи представленнаго учебнаго плана. Вскорѣ, однако, со стороны министерства народнаго просвѣщенія были поставлены новыя условія—наименовать учебное заведеніе женскими политехническими курсами и отказаться отъ права выписывать безцензурныя книги. Учредители приняли эти требованія и вслѣдствіе этого вынуждены были вновь возбудить ходатайство объ открытіи курсовъ. Само собою понятно, что это новое ходатайство должно было пройти всѣ тѣ стадіи, что и первое. Такимъ образомъ, вопросъ объ институтѣ затянулся и только 24-го августа былъ благополучно разрѣшенъ.

Прошеній о пріемѣ на курсы уже поступило около 600. Принято будетъ только 200 человѣкъ. Занятія начнутся не позже 1-го ноября. Капиталъ общества достигаетъ въ настоящее время 32,000 рублей.

(„Сынъ Отеч.").

Въ военно-медиц. академіи. Первый (весенній) въ настоящемъ году выпускъ молодыхъ врачей изъ Императорской военно-медицинской академіи состоялся 21-го мая. Удостоенными степени лѣкаря оказались слѣдующіе студенты академіи: Пучковскій, Александръ, Коломейцевъ, Сергѣй, Ивановскій Александръ, Ясевичъ Константинъ, Норкинъ Алексѣй, Самсоновъ Николай и Линденбергъ Владиміръ, причемъ первые шестеро, какъ получившіе не менѣе половины „весьма удовлетворительныхъ" отмѣтокъ изъ всѣхъ (28) предметовъ выпускного испытанія, удостоены лѣкарскаго диплома съ отличіемъ (medicus cum eximia laude). Экзамены производились особою назначенною для того Военнымъ Министромъ испытательною коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго профессора, академика Н. П. Ивановскаго. Кромѣ упомянутыхъ семи студентовъ, экзаменамъ на званіе врача подвергались въ испытательной коммиссіи еще двое бывшихъ студентовъ академіи, но закончить всѣхъ экзаменовъ къ сроку они не успѣли. Заявившій желаніе экзаменоваться для по-

лученія права врачебной практики въ Россіи иностранный врачъ свое заявленіе впослѣдствіи взялъ обратно. Съ сентября мѣсяца испытательная коммиссія должна будетъ возобновить свою дѣятельность для производства экзаменовъ тѣмъ студентамъ академіи, которые не пожелали подвергаться испытаніямъ въ весеннюю сессію засѣданій коммиссіи. Кромѣ студентовъ академіи, къ испытаніямъ осенью будутъ допущены также студенты Императорскихъ россійскихъ университетовъ, имѣющіе выпускное свидѣтельство о зачетѣ десяти учебныхъ полугодій, и лица, имѣющія иностранные дипломы на степень доктора медицины, послѣднія для пріобрѣтенія права врачебной практики въ Россійской Имперіи. („Пр. В.“)

Народный университетъ въ Томскѣ. Остановившись на мысли учредить такой университетъ, П. И. Макушинъ три года назадъ рѣшилъ лично и духовнымъ завѣщаніемъ поставилъ въ обязанность наслѣдникамъ для осуществленія этой мысли по возможности ежегодно отчислять 3000 р. изъ своихъ средствъ, пока капиталъ, увеличиваясь процентами, не возрастетъ до 100.000 р. Теперь, желая приблизить время открытія университета, г. Макушинъ черезъ мѣстную печать прибѣгаетъ къ общественному содѣйствію, причемъ ни съ себя ни съ наслѣдниковъ не снимаетъ обязательства довести жертвуемый капиталъ до опредѣленной имъ заранѣе цыфры. Начинаетъ онъ съ томской думы, къ которой обращается съ просьбою проектируемое учрежденіе принять въ свое вѣдѣніе, „ибо, говоритъ онъ,—твердо вѣрю, что заботы о народномъ просвѣщеніи могутъ быть вполнѣ плодотворны только тогда, когда онѣ будутъ въ рукахъ общественныхъ учрежденій, и когда просвѣтительныя учрежденія будутъ находиться подъ полнымъ контролемъ общества“. Одновременно съ этимъ г. Макушинымъ представленъ въ думу и проектъ положенія объ университетѣ. На приращеніе капитала пока поступило 48 р., собранныхъ чинами алтайскаго землеустроительнаго отдѣла. („Нов. Вр.“).

О пріемѣ евреевъ въ университеты. Въ министерство народнаго просвѣщенія часто поступаютъ отъ лицъ іудейскаго исповѣданія, имѣющихъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, ходатайства о принятіи ихъ въ число студентовъ университетовъ сверхъ комплекта. Просители указываютъ въ ходатайствахъ, что они не могутъ достигнуть своей цѣли, несмотря на ежегодно повторяемыя съ ихъ стороны попытки къ поступленію въ университеты. Вслѣдствіе этого, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ университетскому начальству, чтобы, при зачисленіи въ студенты университета лицъ іудейскаго исповѣданія, отдавалось предпочтеніе лицамъ, безуспѣшно обращавшимся съ просьбою о пріемѣ въ университетъ въ предшествующіе годы. („Бирж. В.“)

Высшіе женскіе курсы въ Харьковѣ. Попечитель харьковскаго учебнаго округа увѣдомилъ правленіе Общества взаимнаго вспоможенія трудящихся женщинъ, что къ открытію высшихъ женскихъ курсовъ въ Харьковѣ министръ народнаго просвѣщенія, несмотря на принципіальное сочувствіе, встрѣчаетъ значительныя препятствія какъ формальнаго свойства, такъ и по существу. Въ виду особаго Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта,

министерству предстоитъ выработать и испросить въ законодательномъ порядкѣ Высочайшее соизволенiе на утвержденiе общаго для существующихъ уже высшихъ женскихъ курсовъ Положенiя, что, въ свою очередь, могло бы послѣдовать лишь по окончательномъ установленiи руководящихъ началъ для предстоящей реформы всѣхъ высшихъ учебныхъ заведенiй. Что же касается вопроса по существу, то министръ обращаетъ вниманiе на матерiальную необезпеченность проектируемыхъ въ Харьковѣ курсовъ, исключающую всякую возможность надлежащей постановки на нихъ учебнаго дѣла. Въ силу этихъ соображенiй министръ затрудняется согласиться на устройство названныхъ курсовъ примѣнительно къ выработанному на мѣстѣ проекту. Единственный путь, который дозволилъ бы министерству пойти навстрѣчу ходатайству объ открытiи курсовъ, это—попытаться испросить черезъ комитетъ министровъ Высочайшее на это соизволенiе, на первое время хотя бы въ составѣ одного историко-филологическаго отдѣленiя, съ распространенiемъ на курсы временнаго Положенiя о петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Но для осуществленiя и этого предположенiя необходимо точное исчисленiе и указанiе средствъ, которыя обезпечивали бы вполнѣ возникающее учрежденiе. Въ виду изложеннаго попечитель проситъ правленiе Общества трудящихся женщинъ озаботиться всестороннимъ выясненiемъ средствъ, которыя обезпечивали бы открытiе въ г. Харьковѣ высшихъ женскихъ курсовъ. („Рус. В.")

Высшiе женскiе курсы въ Казани. Министръ народнаго просвѣщенiя увѣдомилъ попечителя учебнаго округа, что, несмотря на принципiальное сочувствiе министерства къ открытiю въ Казани женскихъ курсовъ, встрѣчаются препятствiя, ибо министерству предстоитъ выработать и испросить Высочайшее соизволенiе на утвержденiе общаго для существующихъ высшихъ женскихъ курсовъ положенiя, что можетъ послѣдовать только по окончательномъ установленiи руководящихъ началъ для предстоящей реформы всѣхъ высшихъ учебныхъ заведенiй. Министръ указываетъ на полную матерiальную необезпеченность проектируемыхъ въ Казани курсовъ и затрудняется согласиться на устройство ихъ по выработанному на мѣстѣ проекту. Единственный путь, по коему министерство могло бы пойти на встрѣчу ходатайству, министръ усматриваетъ въ попыткѣ испросить чрезъ Комитетъ Министровъ Высочайшее соизволенiе на открытiе курсовъ, первое время въ составѣ одного историко-филологическаго отдѣленiя, и распространенiемъ на курсы временнаго положенiя для петербургскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ; но для осуществленiя этого предположенiя необходимо точное исчисленiе и указанiе средствъ, вполнѣ обезпечивающихъ возникающее учрежденiе. Организацiонный комитетъ постановилъ для обсужденiя поставленныхъ министромъ вопросовъ созвать общее собранiе профессоровъ и приватъ-доцентовъ университета.

(„Р. А".).

Прiятное опроверженiе. Проникшее въ газеты извѣстiе о томъ, что высшимъ женскимъ курсамъ не разрѣшено открыть въ Москвѣ отдѣльнаго медицинскаго факультета, по свѣдѣнiямъ, полученнымъ непосредственно въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя, лишено всякаго основанiя. Ходатайство курсовъ встрѣчено министерствомъ напротивъ вполнѣ сочувственно и въ настоящее время выясняется только вопросъ объ обезпеченiи будущаго высшаго

медицинскаго учебнаго заведенія средствами и учебно-вспомогательными пособіями. Нарождающееся высшее учебное заведеніе предполагается между прочимъ сдѣлать самостоятельнымъ и независимымъ отъ другихъ заведеній.

(„Н. Вр.")

Призывъ варяговъ. Нѣкоторые изъ профессоровъ берлинскаго университета получили приглашеніе отъ русскаго министерства народнаго просвѣщенія занять каѳедры по своимъ спеціальностямъ въ нашихъ университетахъ. По этому поводу происходило частное совѣщаніе заграничныхъ профессоровъ получившихъ приглашенія. На совѣщаніи постановленно отклонить сдѣланныя предложенія и выразить сочувствіе тѣмъ профессорамъ, коихъ имъ предлагаютъ замѣнить. По медицинскому факультету состоялось подобное же постановленіе и высказано мнѣніе, что на приглашеніе могутъ согласиться развѣ только лица, не имѣющія ничего общаго съ университетскими коллегіями.

(„Практ. Врачъ").

Курсы математики. Занятія на открытыхъ въ ноябрѣ прошлаго года въ С.-Петербургѣ одногодичныхъ курсахъ математики М. В. Величко начнутся въ первыхъ числахъ сентября сего года по расширенной программѣ. Курсы имѣютъ цѣлью подготовить окончившихъ женскую среднюю школу къ прохожденію курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Большинство нашихъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній даетъ своимъ воспитанницамъ крайне недостаточное математическое образованіе. Вечерніе курсы математики имѣютъ цѣлью пополнить этотъ недостатокъ, особенно ощутительный при переходѣ изъ средне-учебнаго заведенія на математическій, медицинскій и естественный факультеты. Чтобы облегчить поступленіе въ медицинскій институтъ, кромѣ математики и физики, вводятся преподаваніе русскаго и латинскаго языковъ. Всѣ справки о курсахъ можно получать у О. А. Давыдовой (Загородный, 24, 10). Пріемъ начнется съ 20 го августа. („Бирж. В.").

Педагогическіе курсы военно-учебныхъ заведеній, учрежденные при С.-Петербургскомъ педагогическомъ музеѣ, скромно отпраздновали 25 мая пятилѣтіе своего существованія. Въ истекшемъ году нѣсколько измѣнена программа этихъ курсовъ, готовившихъ ранѣе для кадетскихъ корпусовъ только воспитателей, теперь же и преподавателей, первый выпускъ которыхъ былъ сдѣланъ 25 мая. Собственно говоря чествовали директора Педагогическаго музея генералъ-лейтенанта А. Н. Макарова, являющагося иниціаторомъ этихъ курсовъ и душою всего дѣла. Имя А. Н. Макарова хорошо извѣстно въ педагогическомъ мірѣ, какъ человѣка, поставившаго цѣлью своей жизни раціональное воспитаніе и образованіе русскаго юношества. Болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя его служба въ должностяхъ воспитателя, преподавателя, наконецъ, директора корпуса, участіе во всевозможныхъ коммиссіяхъ, затрогивавшихъ педагогическіе вопросы, дали ему слишкомъ много опыта, которымъ онъ при всестороннемъ образованіи такъ блестяще пользуется. Возникшіе по его иниціативѣ курсы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе совершенствовались; имъ были выбраны извѣстные профессора и руководители, знакомящіе слушателей съ психологіей и исторіей педагогическихъ теорій, физіологіею, гигіеною

и другими науками, подъ ихъ же руководствомъ производятся практическія занятія по физикѣ, ботаникѣ, минералогіи, зоотоміи и зоологіи, читаются рефераты на темы по исторіи педагогики. Послѣ рѣчей, съ которыми обратились къ А. Н. Макарову не только бывшіе слушатели курсовъ—нынѣ воспитатели, но и нынѣшніе, а также болгарскіе офицеры, заявлявшіе, что имя генерала педагога пользуется въ Болгаріи широкою популярностью и глубокимъ уваженіемъ, А. Н. Макарову былъ поднесенъ воспитателями прошлыхъ выпусковъ прочувствованный адресъ и альбомъ съ фотографіями изъ жизни курсовъ. („Н. Вр.")

Женскія учительскія семинаріи. Министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило попечителей учебныхъ округовъ, что въ непродолжительномъ времени предстоитъ постепенное открытіе ряда женскихъ учительскихъ семинарій въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Учрежденіе этихъ заведеній имѣетъ цѣлью привлеченіе къ педагогической дѣятельности въ начальныхъ народныхъ училищахъ женщинъ преимущественно изъ среды сельскаго населенія. Въ виду этого министерство признало желательнымъ, чтобы на воспитанницъ женскихъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ было распространено правило, изданное по отношенію къ воспитанникамъ такихъ-же училищъ, а именно: оставленіе окончившихъ курсъ лучшихъ ученицъ для подготовленія ихъ при мѣстныхъ двухклассныхъ училищахъ для поступленія въ учительскія семинаріи въ теченіе времени до достиженія ими 16 лѣтъ, съ назначеніемъ каждой изъ нихъ стипендіи. При этомъ министерство указываетъ, что занятія въ двухклассныхъ училищахъ имѣютъ цѣлью не только подготовленіе дѣвицъ, окончившихъ курсъ, къ поступленію въ учительскія семинаріи, но и къ испытанію на учительское званіе. Въ виду этого подготовленіе можетъ быть начато теперь-же, не ожидая открытія въ той или другой мѣстности женской учительской семинаріи. („Нов.").

Отъ Московскаго Педагогическаго Общества. Предсѣдатель педагогическаго Общества Н. А. Рожковъ проситъ напечатать слѣдующее: „Въ отвѣтъ на отношеніе попечителя московскаго учебнаго округа предсѣдатель педагогическаго Общества, состоящаго при московскомъ университетѣ, согласно рѣшенію совѣта Общества, сообщилъ г. попечителю, что: 1) съ вѣдома и разрѣшенія совѣта педагогическаго Общества въ засѣданіяхъ Общества не производилось никакихъ денежныхъ сборовъ; полицейскій же надзоръ за дѣйствіями лицъ, присутствующихъ въ собраніяхъ, не входитъ въ компетенцію ни предсѣдателя, ни совѣта Общества; 2) отъ имени коммиссіи общихъ дѣлъ при педагогическомъ Обществѣ въ засѣданіи 26-го марта доложено, что намѣченъ общій планъ работъ по составленію проекта усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія для представленія этого проекта въ совѣтъ министровъ на основаніи именнного Высочайшаго указа правительствующему сенату 18-го февраля 1905 г. и что отдѣльныя части проекта будутъ послѣдовательно доложены Обществу въ слѣдующихъ засѣданіяхъ; 3) совѣтъ педагогическаго Общества не имѣетъ въ виду сопротивленія ревизіи, какъ безъ достаточныхъ основаній утверждается въ отношеніи попечителя, и готовъ предоставить попечителю требуемые имъ протоколы засѣданій Общества, но на основаніи §§ 15 и 21-го устава Об-

щества совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать безъ вѣдома и разрѣшенія Общества внѣ сферы предусмотрѣнныхъ § 15-мъ устава текущихъ дѣлъ, а освѣдомить Общество, какъ юридическое лицо, и получить его разрѣшеніе совѣтъ можетъ въ законной формѣ только чрезъ посредство общаго собранія о разрѣшеніи созыва котораго спеціально для этой цѣли совѣтъ и проситъ попечителя ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія; 4) гарантіей того, что собранія отдѣленій и коммиссій не превратятся въ общія собранія, являются спеціальныя задачи отдѣленій и коммиссій и отвѣтственность ихъ предсѣдателей; кромѣ того коммиссіи, существующія при Обществѣ, имѣютъ, согласно ихъ инструкціямъ, строго опредѣленный составъ и засѣданія ихъ всегда закрытыя; 5) предсѣдатель педагогическаго Общества затрудняется вести „секретную" переписку по дѣламъ Общества, такъ какъ безъ вѣдома совѣта и безъ возможности доложить всѣ бумаги общему собранію членовъ Общества онъ не имѣетъ права предпринимать какія бы то ни было дѣйствія". („Рус. В.").

Русскіе педагоги въ Ревелѣ, особенно прикосновенные къ частнымъ и городскимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, сильно озабочены неопредѣленностью своего будущаго, въ виду ожидаемаго введенія нѣмецкаго преподаванія въ означенныхъ училищахъ. Нѣкоторые уже теперь подумываютъ о переходѣ на службу въ другіе округа. Въ нѣмецкихъ сферахъ расчитываютъ, что нѣкоторыя училища введутъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ уже въ началѣ предстоящаго учебнаго года. („Рев. Изв.").

Ялтинское отдѣленіе общества взаимопомощи учащимъ въ начальныхъ училищахъ въ общемъ собраніи членовъ, по прочтеніи докладовъ о положеніи народнаго образованія и о матеріальномъ и правовомъ положеніи народныхъ учителей приняло резолюцію, въ которой, констатируя поразительную отсталость Россіи въ дѣлѣ народнаго образованія, невыносимую тяжесть правоваго и матеріальнаго положенія учащихъ, полное обнищаніе народа и продолжительность рабочаго дня во всѣхъ отрасляхъ наемнаго труда, крайне тормозящія успѣхи просвѣщенія, признаетъ необходимымъ: передачу народнаго образованія въ руки мѣстнаго самоуправленія; явочный порядокъ открытія школъ, строгую согласованность всѣхъ типовъ школы; введеніе всеобщаго безплатнаго обученія и т. д. („Ю. К.").

Отвѣтъ на петицію одесскихъ педагоговъ. Какъ извѣстно, 2-го апрѣля состоялось засѣданіе педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества, въ которомъ были прочитаны доклады о печальномъ состояніи русской школы и выработана соотвѣтственная петиція, отправленная въ совѣтъ министровъ. Въ настоящее время правленіемъ историко-филологическаго общества получено отъ завѣдующаго дѣлами совѣта министровъ, барона Нольде, слѣдующее сообщеніе: „Симъ объявляется, что заявленіе педагогическаго отдѣла историко филологическаго общества при Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ было представлено Государю Императору. Его Императорскому

Величеству въ 14 й день мая 1905 года благоугодно было Высочайше соизволить на передачу означеннаго заявленія министру народнаго просвѣщенія".

(„Од. Нов.").

Ходатайство народныхъ учителей. Среди учителей народныхъ школъ возникла мысль учредить союзъ учителей народныхъ училищъ и учительницъ и ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о передачѣ церковно-приходскихъ школъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Это послѣднее ходатайство связано съ разрѣшеніемъ свободнаго вѣроисповѣданія и тѣмъ фактомъ, что во многихъ деревняхъ имѣются только церковно-приходскія школы, а въ нихъ принимаются только православные, дѣти же исповѣдующихъ другія религіи остаются безъ образованія. („Нов.")

Резолюція тифлисскихъ народныхъ учительницъ. 29-го апрѣля учащія въ городскихъ начальныхъ училищахъ передали, по словамъ мѣстныхъ газетъ, городскому головѣ резолюцію, подписанную ими въ засѣданіи 29-го марта, слѣдующаго содержанія: „Мы, учащія тифлисскихъ городскихъ начальныхъ школъ, собравшись 29-го марта 1905 года для обсужденія вопросовъ, касающихся современнаго положенія школьнаго дѣла, постановили выразить полное сочувствіе ходатайству города о передачѣ всѣхъ начальныхъ школъ въ завѣдываніе общественнаго городского управленія. Учащія тифлисскихъ городскихъ начальныхъ школъ твердо увѣрены, что улучшеніе школьнаго дѣла можетъ послѣдовать только при осуществленіи на практикѣ: I) всеобщаго обязательнаго начальнаго обученія; II) раздѣленія школъ на групы по національностямъ и преподаванія на родномъ языкѣ (преподаваніе русскаго языка, какъ самостоятельнаго предмета); III) согласованія всѣхъ типовъ школъ такъ, чтобы общеобразовательныя школы высшаго типа составляли непосредственное продолженіе школъ низшаго типа; IV) открытія спеціальныхъ школъ для малоспособныхъ дѣтей; V) остановленія нормальнаго числа недѣльныхъ уроковъ для завѣдующихъ не болѣе—12, а для учительницъ не болѣе 20; VI) улучшенія матеріальнаго положенія учащихъ; VII) учрежденія корпораціи учащихъ въ начальныхъ школахъ г. Тифлиса; VIII) предоставленія корпораціи учащихъ начальныхъ училищъ г. Тифлиса права избирать изъ своей среды депутатовъ въ думскую училищную коммиссію съ правами рѣшающаго голоса по учебно-административнымъ (выборы и удаленіе преподавателей и т. д.) и педагогическимъ вопросамъ; IX) установленія 20-лѣтняго срока службы".

(„Н. Об.")

Поучительныя данныя. Департаментомъ министерства народ. просвѣщенія составленъ списокъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изъ отчета на 1 апрѣля тек. года видно, что нынѣ насчитывается въ Россіи: мужскихъ гимназій—227, прогимназій 6 кл.—12 и 4 кл.—13 и реальныхъ училищъ—149. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ число гимназій увеличись на 20, прогимназій уменьшилось на 10 и реальныхъ училищъ увеличилось на 25. Учебные округа, по числу гимназій и прогимназій въ каждомъ изъ нихъ, располагаются въ слѣд. нисходящемъ порядкѣ: московскій (38), одесскій (28), варшавскій (28), петербургскій (25), харьковскій (25), кіевскій (24) кавказскій (14), виленскій (13), казанскій и рижскій (по 11), оренбургскій (5), Туркестанскій край (5), западно-сибирскій округъ (4), пріамурскій край и восточная Сибирь (по 3). По числу реальныхъ училищъ

учебные округа располагаются въ слѣд. нисходящемъ порядкѣ: московскій (17), харьковскій (16), казанскій (15), кавказскій (13), одесскій и петербургскій (по 12), кіевскій (9), виленскій (7) оренбургскій и рижскій (по 6), варшавскій и западно-сибирскій (по 4), приамурскій край (3), Туркестанскій край и восточная Сибирь (по 1). По количеству народонаселенія жителей приходится на одно мужское среднее учебное заведеніе 315 тыс. Что касается женскаго средняго образованія въ Россіи, то насчитывается учебныхъ заведеній 521, въ томъ числѣ: гимназій—342 и прогимназій 179. По количеству народонаселенія жителей приходится на одно женское учебное заведеніе 242 тыс. Превосходство женскихъ учебныхъ заведеній надъ мужскими объясняется тѣмъ, что въ дѣлѣ открытія женскихъ учебныхъ заведеній особенно проявилась частная иниціатива. По округамъ среднія учебныя заведенія расположены въ слѣд. нисходящемъ порядкѣ: „Московскій (113), Харьковскій (72), Одесскій (62), Петербургскій (51), Казанскій (43), Кіевскій (40), кавказскій (33), оренбургскій (29), варшавскій (21), западно-сибирскій (16), виленскій и восточная Сибирь (по 9), рижскій (10), Приамурскій край (8), и Туркестанскій край (5). Сравнительно съ предыдущимъ годомъ число женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній увеличилось на 66. Что касается въ частности Херсонской губ., то одно мужское среднее учебное заведеніе приходится на 144 тыс. жителей и одно женское—на 105 тыс. Въ Карской области нѣтъ ни единаго мужского средняго учебнаго заведенія.

(„Пр .В“.)

Петиція родителей. Министру народнаго просвѣщенія родителями учащихся Виленской и Ковенской губерній подана петиція. Записка, подписанная 400 лицами, касается неудовлетворительной постановки въ краѣ средней школы, для оздоровленія которой, по мнѣнію авторовъ, необходимо исполненіе слѣдующихъ требованій: 1) искорененіе полицейской системы и шпіонства въ нашихъ среднихъ школахъ; 2) устраненіе изъ нашихъ школъ тѣхъ лицъ учебнаго персонала, которыя позволяютъ себѣ выходки въ отношеніи иновѣрцевъ и иноплеменниковъ, оскорбляющія ихъ религіозныя и національныя чувства; 3) отмѣна воспрещенія родителямъ свободнаго выбора квартиръ для своихъ дѣтей и вмѣшательства учебнаго начальства въ семейную и внѣшкольную жизнь учениковъ и ученицъ, находящихся на попеченіи родителей и лицъ, ихъ замѣняющихъ; 4) уменьшеніе платы за обученіе, съ цѣлью сдѣлать среднеучебныя заведенія доступными для малосостоятельныхъ людей, а также уничтоженіе сословныхъ и имущественныхъ ограниченій при пріемѣ дѣтей въ эти заведенія; 5) распредѣленіе имѣющихся при учебныхъ заведеніяхъ стипендій согласно условіямъ учредителей ихъ, а не по произволу учебнаго начальства, какъ это часто практикуется въ настоящее время; 6) обращеніе большаго вниманія на школьную гигіену; 7) отмѣна воспрещенія учащимся употреблять родной языкъ (польскій и литовскій) какъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ и внѣ ихъ; 8) обязательное преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ польскаго языка, а гдѣ потребуется по числу учениковъ-литовцевъ—и литовскаго, учителями поляками и литовцами на этихъ языкахъ; 9) допущеніе вообще поляковъ и литовцевъ къ занятію должностей преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 10) устраненіе изъ учебниковъ исторіи тенденціознаго искаженія истины; 11) преподаваніе католикамъ, полякамъ и литовцамъ Закона Божія на польскомъ и литовскомъ языкахъ; 12) устраненіе принужденія

учениковъ-католиковъ посѣщенія классовъ въ признанный католической церковью праздничный день св. Казимира; 13) предоставленіе частнымъ лицамъ права свободнаго преподаванія польскаго и литовскаго языковъ и разрѣшенія открывать частныя учебныя заведенія. („Вил. В.“).

Невѣрный слухъ. Министерство народнаго просвѣщенія опровергаетъ появившійся въ газетахъ слухъ о проектируемомъ повышеніи платы за право ученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. („Нов.“)

Школьныя дачи. Вышелъ двѣнадцатый отчетъ общества школьныхъ дачъ с.-петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній за 1904 годъ. Въ распоряженіи общества имѣются пока четыре дачи: двѣ для мальчиковъ (лѣтняя и зимняя, обѣ въ Сестрорѣцкѣ) и двѣ для дѣвочекъ (одна въ Ораніенбаумѣ, другая въ Левашевѣ). Въ маѣ отчетнаго года, по рекомендаціи начальства учебныхъ заведеній и на основаніи врачебнаго осмотра, принято было на лѣтнія дачи 97 мальчиковъ и 92 дѣвочки; на зимней дачѣ было 25 воспитанниковъ. Дѣти проводили время въ играхъ, прогулкахъ, огородныхъ и садовыхъ работахъ и т. п. Кромѣ того, на лѣтнихъ дачахъ шли учебныя занятія для тѣхъ, кому осенью предстояли переэкзаменовки, а на зимней—для всѣхъ вообще. Не было забыто и эстетическое развитіе дѣтей: устраивались домашніе спектакли, концерты, чтенія. О той пользѣ, какую приноситъ общество школьныхъ дачъ ослабѣвшимъ и вообще слабымъ дѣтямъ,—говорить нѣтъ надобности; на слабую же сторону дѣятельности общества указать слѣдуетъ. Отъ воли руководящихъ дѣломъ лицъ эта слабая сторона не зависитъ, и заключается она просто-напросто въ недостаткѣ средствъ. За исключеніемъ 15 почетныхъ членовъ, въ составѣ общества находились: 28 членовъ-благотворителей, 37 учрежденій (преимущественно учебныхъ заведеній, сдѣлавшихъ пожертвованія частью изъ спеціальныхъ средствъ, частью отъ родителей учащихся) и 22 дѣйствительныхъ члена (наименьшій членскій взносъ 10 р.). За справками можно обращаться къ товарищу предсѣдателя совѣта общества К. Л. Гаухфусу (Лиговская, 8) и секретарю К. В. Фохту (Измайловскій полкъ, 8-я рота, д. № 3). („Н. Вр.“).

Нужды народнаго образованія. Нижегородское губернское собраніе разсмотрѣло докладъ коммиссіи по изслѣдованію нуждъ народнаго образованія. Приводимъ нѣкоторыя предложенія коммиссіи: необходимо скорѣйшее введеніе въ Россіи всеобщаго обязательнаго обученія съ минимальнымъ курсомъ въ 4 года; законодательнымъ актомъ должно быть установлено, что на опредѣленное количество населенія, напр., 1.000 человѣкъ, должна быть одна школа, и что всѣ дѣти школьнаго возраста, входящія въ школьный раіонъ (около 3 вер.), должны обучаться въ ней; средства на устройство школьныхъ зданій по примѣру Франціи должны быть добыты путемъ займовъ, разрѣшенныхъ общественнымъ учрежденіямъ подъ гарантіей государственнаго казначейства, съ погашеніемъ долга сполна или отчасти за счетъ казны; для завѣдыванія школами, изысканія средствъ и проч. должны быть организованы коллективныя школьныя попечительства; программа начальнаго образованія должна быть

направлена къ общему развитію дѣтей и приспособлена къ мѣстной жизни и должна давать право свободнаго перехода въ среднія школы; учащій персоналъ долженъ быть независимъ, матеріально обезпеченъ и пользоваться нѣкоторыми льготами въ государствѣ — правомъ безплатнаго обученія дѣтей, пенсіей и проч.; всѣ школы, безъ исключенія, должны находиться въ вѣдѣніи губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ входятъ представители земства, городовъ и школьныхъ попечительствъ; главное завѣдываніе начальнымъ образованіемъ должно лежать на министерствѣ народнаго просвѣщенія. Необходимъ скорѣйшій созывъ всероссійскаго съѣзда представителей земствъ, педагогическаго міра и дѣятелей по народному образованію; ходатайствовать передъ академіей наукъ объ упрощеніи орѳографіи, ходатайствовать о томъ, чтобы пожеланія, высказанныя на московскомъ съѣздѣ 1901 года по вопросамъ внѣшкольнаго образованія, были, возможно скорѣе, осуществлены въ жизни. („Вятск. Г.").

Женщины-врачи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Министерство нар. просвѣщенія выразило желаніе замѣщать женщинами-врачами вакансіи врачей при женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эта мѣра является, по мнѣнію министерства, желательной въ виду того, что въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ интернатами врачъ-женщина можетъ оказать больше пользы, чѣмъ врачъ-мужчина, такъ какъ при заболѣваніяхъ, связанныхъ съ ростомъ и формированіемъ женскаго организма, изъ понятнаго чувства стыдливости, ученицы прибѣгаютъ къ совѣту врача мужчины только въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, когда болѣзнь уже сдѣлала значительные успѣхи и нанесла серьезный вредъ здоровью. Кромѣ того, женщины-врачи, въ силу своего пола, могутъ ближе стать къ ученицамъ и не только лѣчить ихъ, но и распространять среди нихъ здравыя гигіеническія понятія, что представляется чрезвычайно важнымъ какъ въ интересахъ здоровья учащихся, такъ и для оздоровленія черезъ нихъ всего общества. По соображеніямъ этическимъ и въ интересахъ здоровья учащихся, было-бы цѣлесообразно и мѣста училищныхъ врачей во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже и не имѣющихъ интернатовъ, предоставлять предпочтительно женщинамъ-врачамъ и, только въ крайнихъ случаяхъ, назначать мужчинъ. Эта мѣра принята уже въ Одессѣ въ нѣкоторыхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

(„Од. Нов.").

Голосъ крестьянъ. Ярославскимъ губернскимъ земствомъ изданъ сводъ отзывовъ мѣстнаго населенія о желательности сдѣлать начальное образованіе общедоступнымъ. Надо замѣтить, что Ярославская губернія стоитъ въ особо благопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи грамотности населенія. Почти всѣ уѣзды занимаются отхожими промыслами, дающими возможность способствовать народному образованію притокомъ пожертвованій со стороны разбогатѣвшихъ „на сторонѣ" ярославцевъ, понявшихъ всю пользу грамоты на самихъ себѣ. При этомъ выяснилось, что для достиженія доступности начальнаго образованія необходимо открыть еще 200 школъ: для Ярославскаго уѣзда—20, Даниловскаго—30, Любимскаго—23, Мологскаго—24, Мышкинскаго—20, Пошехонскаго—46, Р.-борисоглѣбскаго—37, Ростовскаго—23, Рыбинскаго—28 и Угличскаго—39. Намѣтивъ по проекту сѣти школъ 263 района, школь-

ная коммиссія разослала 2.400 вопросныхъ листовъ. Отвѣтъ получился отъ 1423 человѣкъ, т е. $59^1/_3$ проц. Интересны данныя по предложенному вопросу: есть ли потребность въ устройствѣ школы; изъ 263 районовъ 69 проц. признали необходимость, отрицающіе 31 проц.. большею частью исходили изъ боязни новыхъ расходовъ изъ своего истощеннаго кармана или ссылались на относительную близость школы (4—5 верстъ). Вообще замѣтна во всѣхъ отвѣтахъ доминирующая надъ всѣмъ бѣдность; напр., 200 изъ общаго числа школьныхъ *район*овъ на вопросъ: „причины несогласія на устройство школы своими средствами"—сослались на нищету, 178 не могутъ оказать никакой матеріальной помощи при постройкѣ, 120 не могутъ даже принять на себя содержанія школы. Изъ вышеприведенныхъ цыфръ видна жажда нашего крестьянина къ образованію, но нужда, даже болѣе—нищета, голодъ и вѣчный Дамокловъ мечъ—громадные налоги и связанныя съ ними недоимки служатъ стѣною между тьмою и свѣтомъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что между экономическимъ положеніемъ населенія и распространеніемъ народнаго образованія существуетъ самая тѣсная связь. („Сѣв. Кр.").

Народныя чтенія въ Ковнѣ. Въ теченіе 1904 г. чтенія устраивались въ „Народномъ домѣ" по субботамъ и воскресеньямъ, съ лѣтнимъ перерывомъ отъ апрѣля по октябрь. Проведено было 50 чтеній, изъ которыхъ на каждомъ въ среднемъ было около 450 слушателей; контингентъ послѣднихъ составляли главнымъ образомъ нижніе воинскіе чины, учащіеся въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно низшихъ, рабочіе въ промышленныхъ заведеніяхъ Ковны, причемъ учащіеся допускались безплатно. Послѣ чтеній, кружкомъ любителей, драматическаго искусства при народномъ домѣ, подъ управленіемъ Вишневскаго, исполнялись одноактныя пьесы. Коммиссія снабжала безплатно картинами и чтеніями городскія училища и нѣкоторыя части войскъ. Наибольшее количество чтеній было прочтено въ 20-й ротѣ ковенской крѣпостной артиллеріи. Члены коммиссій народныхъ чтеній вошли въ качествѣ членовъ-соревнователей въ городской комитетъ попечительства о народной трезвости, и коммиссія присоединилась къ комитету на правахъ самостоятельнаго органа, ведущаго дѣло устройства народныхъ чтеній въ Ковнѣ; комитетъ гарантировалъ коммиссіи ежегодную въ 200 р. ассигновку изъ своихъ суммъ на пріобрѣтеніе новыхъ картинъ. („Ков. Тел.").

Народное образованіе въ Волынской губ. Дѣло народнаго образованія въ губерніи все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ сочувствіе не только мѣстныхъ обществъ, но и помѣщиковъ, сознавшихъ необходимость придти на помощь населенію въ открытіи новыхъ и расширеніи существующихъ народныхъ училищъ. Пріятно видѣть, что помѣщики безъ различія вѣроисповѣданія не только приходятъ на помощь школѣ но являются иниціаторами въ открытіи хорошихъ школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ школъ совсѣмъ не было, или существовали школы, не соотвѣтствующія потребностямъ жизни. За послѣдній годъ по Кременецкому уѣзду были сдѣланы пожертвованія со стороны слѣдующихъ лицъ: камергеръ Д. С. Федоровъ пожертвовалъ $1^1/_2$ дес. земли и наглядныхъ учебныхъ пособій на 250 руб. для Вышгородскаго двухкласснаго сельскаго училища и, кромѣ того, предложенъ для вновь открываемаго училища въ с. Жуковцахъ каменный домъ съ усадьбою. Кня-

гиня Л. Н. Имеретинская отпустила за свой счетъ камень и кирпичъ для Вишневецкаго двухкласснаго и Звинячскаго одноклассиаго сельскихъ училищъ и полдесятины усадебной земли подъ постройку зданія послѣдняго училища. Княгиня Е. В. Кудашева пожертвовала большой каменный домъ съ усадьбой Старо-Олексинецкому двухклассному училищу. Владѣлецъ паркетной фабрики Ф. К. Аутерофъ жертвуетъ 1.000 руб на вновь открываемое училище въ с. Лозахъ. По Дубенскому уѣзду участіе помѣщиковъ выражается въ слѣдующихъ данныхъ: ст. сов. А. Л. Цитовичъ пожертвовалъ десятину земли, лѣсной матеріалъ для постройки зданія и всю классную обстановку Божкевичскому одноклассному сельскому училищу. Графъ В. М. Ходкевичъ отвелъ $^1/_2$ дес. земли подъ постройку Ужинецкаго народнаго училища и графъ А. К. Міончинскій отвелъ $^1/_2$ дес. усадебной земли для Сатіевскаго училища. Баронъ К. А. Струве отпустилъ 500 рублей на постройку зданія Судобичскаго народнаго училища. Землевладѣлецъ П. С. Пахолюкъ подарилъ домъ съ усадьбой подъ Перевередовское народное училище. Графъ И. И. Чесновскій пожертвовалъ 200 руб. на нужды Ямпольскаго двухкласснаго сельскаго училища. Помѣщица М. М. Сторчевская отвела десятину земли для вновь открываемаго Короблищскаго училища. Землевладѣлецъ Д. Л. Свѣшниковъ предложилъ одну десятину земли также для вновь открываемаго училища. Мѣстныя крестьянскія общества въ свою очередь предлагаютъ болѣе или менѣе значительныя средства на вновь открываемыя училища и возбуждаютъ настоятельныя ходатайства объ открытіи хорошо поставленныхъ народныхъ училищъ. Потребность въ образованіи народа пробудилась въ сильной степени, и надо полагать, что Министерство Народнаго Просвѣщенія и мѣстное земство воспользуются даннымъ настроеніемъ и примутъ всѣ зависящія мѣры къ планомѣрному развитію сѣти народныхъ училищъ съ цѣлью возможно скорѣе ввести во всей губерніи всеобщее обученіе, въ которомъ такъ нуждается весь Юго-Западный край. („Кіевл.").

Введеніе преподаванія мѣстныхъ языковъ. Директора виленскихъ среднеучебныхъ заведеній (гимназій и проч. училищъ) обратились съ письменными запросами къ родителямъ и воспитателямъ учащихся о сообщеніи на особомъ бланкѣ свѣдѣній какъ о національности послѣднихъ, такъ и о родномъ языкѣ ихъ. Означенныя свѣдѣнія будутъ служить для соображенія при введеніи въ программу преподаванія съ наступающаго учебнаго года польскаго и литовскаго языковъ и въ цѣляхъ приглашенія къ преподаванію спеціальныхъ учителей, знающихъ эти языки. („С.-З. Сл.").

Инородческія школы. По инціативѣ казанскаго губ. земства, въ Казани открывается съѣздъ учителей инородческихъ училищъ Казанской губ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, которымъ придется заняться съѣзду, явится вопросъ объ изданіи книгъ на инородческомъ языкѣ. Насколько этотъ вопросъ является жизненнымъ, можно судить по слѣдующему. Когда уважаемый земскій дѣятель М. А. Мельниковъ сдѣлалъ въ прошломъ году приглашеніе высказаться по этому вопросу на страницахъ „Казанской Газеты" и въ своей статьѣ отнесся отрицательно къ изданію книгъ на чувашскомъ языкѣ, редакція „Казанской Газеты" получила по возбужденному вопросу столько матеріала изъ разныхъ концовъ губерніи, что могла бы имъ заполнить подъ-рядъ всѣ страницы нѣсколькихъ номеровъ. Редакція, конечно, не

могла спеціализироваться на одномъ хотя бы и важномъ для части населенія вопросѣ и помѣстила лишь часть этого матеріала — за и противъ. Другіе вопросы программы имѣютъ также жизненное значеніе, и нѣтъ сомнѣнія, что и по нимъ можно ожидать интересныя сообщенія членовъ съѣзда. Сообщенія просвѣщенныхъ педагоговъ, касающіяся вопросовъ просвѣщенія инородцевъ, несомнѣнно будутъ представлять большой интересъ для всѣхъ лицъ, относящихся не безучастно къ дѣлу народнаго образованія съ практической и теоретической стороны. Въ сообщеніяхъ учителей начальныхъ училищъ будетъ, конечно, обрисована сама жизнь со всѣми ея темными и свѣтлыми сторонами.

(„Каз. Газ").

Начальная школа въ Сестрорѣцкѣ. Въ народной читальнѣ 14 мая здѣсь состоялось собраніе мѣстныхъ жителей, заинтересованныхъ въ постройкѣ школы у ст. Разливъ. Школа эта строится на средства Общества грамотности и отчасти на средства рабочихъ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, которые первые пожертвовали на нее заработокъ трехъ дней въ теченіе трехъ лѣтъ, что составитъ около 4.000 р. Все оборудованіе и содержаніе школы будетъ на средства Общества грамотности. Собраніе открылъ предсѣдатель Общества грамотности В. Н. Мамантовъ. Въ коммиссію по постройкѣ школы выбраны Н. Н. Арсеньевъ, какъ ходатай отъ рабочихъ по устройству школы, и нѣсколько рабочихъ. Новая школа съ осени нынѣшняго года приметъ до 130 дѣтей, и нужда въ школѣ уже не будетъ носить прежній острый характеръ. Каждый годъ отказывали въ пріемѣ до 250 дѣтей. Въ той же читальнѣ состоялось собраніе членовъ учредителей Общества потребителей въ мѣстности Разливъ, преимущественно рабочихъ. („Н. Вр.").

Санитарный осмотръ учебныхъ заведеній. Въ виду возможности занесенія холеры въ Петербургъ, предположено въ непродолжительномъ времени произвести осмотры столичныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Сверхъ того, уже сдѣлано распоряженіе объ осмотрѣ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, для чего приглашенъ гигіенистъ д-ръ Рапчевскій. („Бирж. В.").

Земская фельдшерская школа. Въ виду постановленія губернскаго земскаго собранія о введеніи нормальнаго устава въ харьковской земской фельдшерской школѣ и принимая во вниманіе заявленіе преподавателей и просьбу учениковъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ постановкѣ преподаванія въ школѣ, губернская управа рѣшила распустить учениковъ фельдшерской школы впредь до извѣщенія ихъ о возвращеніи, оставить ихъ въ тѣхъ же классахъ, признавъ неудовлетворительной постановку дѣла въ фельдшерской школѣ, и поручить члену управы, завѣдывающему попечительнымъ отдѣломъ, совмѣстно съ старшимъ врачемъ губернской земской больницы, какъ директоромъ школы, и начальникомъ школы составить проектъ реорганизаціи фельдшерской школы примѣнительно къ нормальному уставу. Вмѣстѣ съ этимъ губернская управа обратилась въ уѣздныя съ просьбою помѣстить для практическихъ занятій при больницахъ въ уѣздахъ учениковъ 2 и 3 классовъ, стипендіатовъ уѣздныхъ земствъ, съ тѣмъ, чтобы пребываніе учениковъ 3 класса въ больницахъ уѣзда сдѣлать обязательнымъ въ теченіе всего времени отпуска до открытія занятій. („Южн. Кр.")

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**
